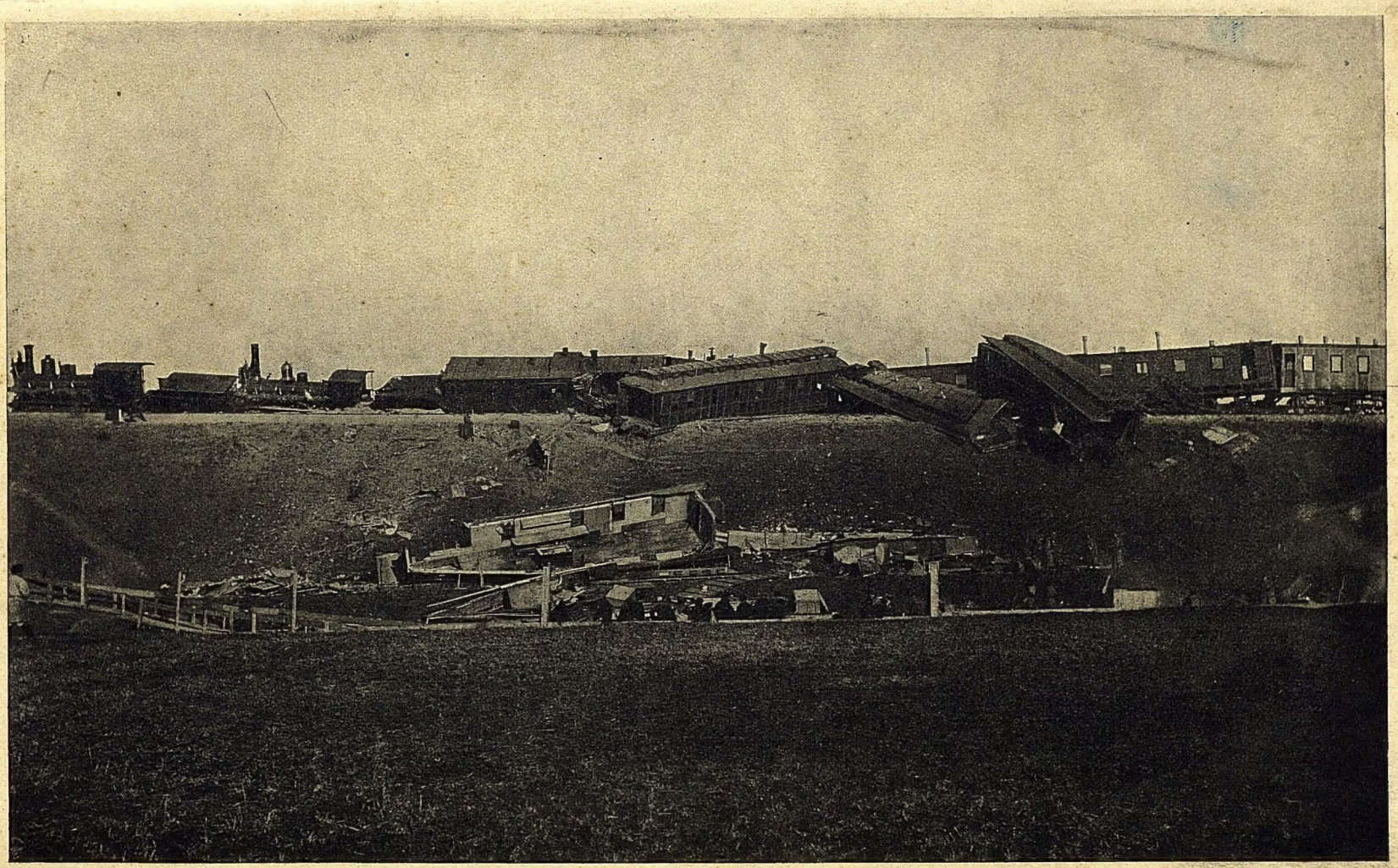
1004 3 992.

инв. № 1004

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки



Общій видъ крушенія Императорскаго поѣзда близъ станціи Борки, 17 октября 1888 г.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ,

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1913.

ІЮЛЬ.—АВГУСТЪ.—СЕНТЯБРЬ.

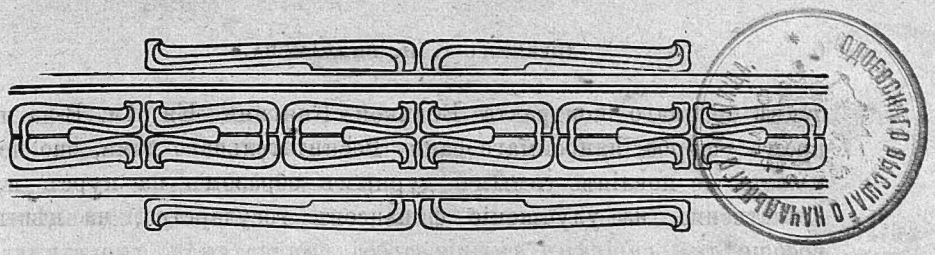
СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЯТЫЙ.

ОДВЕВСКАГО ВЫСШАГО НАЧАЛЬНАГО ЖИЛИЩА.
25394
49 г.
Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. Усова. Лермонтовскій пр., д. № 18.
1913.

1913



Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова.

1810 г. [1]).

25 іюля понедѣльникъ. Всталъ рано и переписалъ записку и, такъ какъ В. К-ня напирала очень на свои убытки, предполагая, что теряетъ милліонъ, я написалъ отдѣльную записку, гдѣ развилъ мысль, что не выиграть не значитъ потерпѣть убытокъ, и говорилъ еще, что, можетъ быть, заемъ не удастся. Вотъ самая записка.

Предположеніе Ея Им. В. Государ. Велик. Кн. Екатерины объ изъятіи приданаго изъ банка Воспитательнаго дома для помѣщенія въ заемъ, открытый конторой погашенія, можетъ, конечно, увлечь въ 1-ю минуту вслѣдствіе значительнаго барыша, который долженъ получиться при этомъ; но по зрѣломъ обсужденіи открываются препятствія и неудобства столь важныя, что исполненіе его должно быть признано невозможнымъ, и какъ сопровождаемое извращеніемъ правилъ нравственности, и оправдано простыми денежными выгодами. Не говоря уже о невыгодномъ впечатлѣніи, которое произведетъ на публику подобная операція, обыкновенно называемая ажіотажемъ, а въ особенности произведенная княгиней Императорской фамиліи, предпочтительно пользовавшейся милостями Императора со стороны высокопоставленной особы, операція, въ общежитіи называемая именемъ, которое воздерживаются произносить; слѣдующія разсужденія укажутъ, что этотъ проектъ противорѣчитъ смыслу и

[1]) См. „Русская Старина“, іюнь 1913 г.

буквѣ брачнаго контракта Великой Княгини Ея Им. В-ва и кромѣ ущерба, наносимаго банку Воспитательнаго дома, оно не можетъ не повліять самымъ дурнымъ образомъ на курсъ и, слѣдственно, на улучшеніе финансовъ государства, на цѣны вообще.

Во II-мъ параграфѣ брачнаго контракта Ея Им. Выс. Государыни Великой Княгини Екатерины по образцу предшествовавшихъ контрактовъ, заключаемыхъ со дня объявленія Указа Его Величества Блаженной памяти покойнаго Императора Павла I-го, который въ постановленіяхъ о членахъ Императорской фамиліи опредѣляетъ приданое Великимъ Княжнамъ въ настоящей суммѣ, опредѣлительно выражено, что приданое въ милліонъ рублей должно быть помѣщено въ Императорскихъ банкахъ, которые и будутъ уплачивать по уставамъ о сихъ банкахъ по пяти процентовъ въ годъ, и Императоръ, соображаясь съ воззрѣніями Императора своего отца, приказалъ предпочтительно помѣстить милліонъ изъ приданаго В. К. Екатерины въ банкъ Воспитательнаго дома.

Этотъ контрактъ есть торжественный актъ, который утвержденъ обѣими заключавшими его сторонами, Е. В. Императоромъ и Е. В. герцогомъ Голштинскимъ, и никакая другая сдѣлка по поводу приданаго не можетъ быть допущена и оно не можетъ быть помѣщено никуда кромѣ банка и ни на другія условія, кромѣ тѣхъ, которыя выражены въ контрактѣ.

Такимъ образомъ заемъ, какъ, напр., заемъ вновь учрежденной конторы погашенія долговъ, не есть банкъ.

Первая есть мѣра временная и съ ограниченной продолжительностью, между тѣмъ, какъ банкъ есть учрежденіе постоянное. Не могло быть рѣчи объ употребленіи приданаго на разныя выгодныя спекуляціи, но опредѣлено ввѣрить его въ учрежденіе прочное и постоянное, котораго правила неизмѣнны. Кромѣ того, если бы Государыня Великая Княгиня поселилась за границею, и если бы половина Ея приданаго была помѣщена въ Государствѣ Ея будущаго мужа, какъ случилось это съ Государынями В. К. сестрами, то и тогда она бы не могла перемѣстить эти помѣщенные гарантированные фонды въ государство, гдѣ бы она поселилась, и назначенные проценты по 5 на сто не могли быть измѣнены, если бы представилась возможность болѣе выгоднаго помѣщенія капитала въ другомъ мѣстѣ. Кажется, что суть всего этого изъясняетъ основное правило, неизмѣнное даже въ отношеніи процентовъ.

Что же касается права свободнаго распоряженія приданымъ,

то не только перемѣщенію за границу всего, но даже половины его проставлено было бы полное препятствіе, какъ сказано выше, но кромѣ того въ параграфѣ II-мъ брачнаго контракта сказано слѣдующее: Великая Княгиня вольна располагать этимъ капиталомъ, какъ своимъ собственнымъ имѣніемъ, въ пользу своихъ наслѣдниковъ.

Значитъ, въ этомъ только одномъ отношеніи въ пользу своихъ наслѣдниковъ, что Государыня Вел. Кн.—можетъ располагать ими, т. е. Она можетъ завѣщать или даровать ихъ послѣ смерти своимъ наслѣдникамъ, но не иначе. Брачный контрактъ не предоставляетъ права Ея Имп. В-ву помѣщать приданое, куда ей вздумается, но даже завѣщать безразлично, кому пожелаетъ, потому что предоставлено право распоряженія единственно въ пользу своихъ наслѣдниковъ [1]).

---

[1]) Le projet de retirer la dot de S. A. I-lle Madame la Grande Duchesse Catherine de la Banque des Enfans trouvés, pour le verser dans l'Emprunt ouvert par le Comptoir amortissement peut sans doute séduire un instant par le profit considerable que l'on paroit devoir en retirer; mais un mûr éxamen fait decouvrir des obstacles et des enconvéniens si graves, que l'execution doit être regardée comme impossible, étant accompagnée d'un boulversement des principes de moralité qu'un simple avantage pécuniaire ne saurait justifier sans parler même de l'impression défavorable que doit produire sur le public une opération pareille communément designée par le nom d'agiotage surtout de la part d'une Princesse de la famille Impériale, préférablement favorisée comme elle a été par l'Empereur, de la part d'une Personne de ce haut rang, opération communément désigné par un nom que l'on obstient de prononcer ici, les reflexions suivantes prouveront que le projet est en opposition avec l'esprit et la lettre même du Contract de mariage de la Grande Duchesse S. A. I-lle qu'outre le prejudice qu'il porte à la Banque des Enfans trouvés, il ne puit manquer d'avoir l'influence la plus facheuse sur l'Agio et par consequent sur les revirements des finance de l'Etat et surtous les prix en général.

Dans l'article II du Contract de Mariage de S. A. I-lle Madame la Grande Duchesse Catherine à l'instar de Contracts qui l'ont procédé depuis l'emanation de l'Edit de feu l'Empereur Paul I de Glorieuse memoire, qui dans le reglement de la famille Impériale détermine la dot des Grandes Duchesses à leur montant actuel—il est nommément stipulé, que la dot d'un million de roubles: sera placée dans les Banques Imperiales et il en sera payé par elle suivant les réglements de ces Banques Cinq pour cent intérêts par an et l'Empereur se confonnant à ce qu'il avait été observé par feu l'Empereur Son Pére a fait préferablement placer le million de la dot de la Grande Duchesse Catherine à la Banque de la maison des Enfant trouvés.

Ce contract étant un acte solennel et signé par les deux hautes parties contractantes S. M. l'Empereur et S. A. le Duc de Holstein, il parait qu'aucun autre arrangement quelconques a l'égard de la dot ne saurait être admis, et que l'on ne peut la placer ni ailleurs que dans la Banque, ni a

25 понедѣльникъ. Императрица начала день прогулкой, въ которой я сопровождалъ ее вмѣстѣ съ Г. Дивовой, Гревеницомъ и Крейтономъ; присоединился въ маленькомъ саду. Императрица зашла предварительно къ к-нѣ Козаровской, это былъ день именинъ. Козаровская вышла въ садъ и туда же принесли ребенка к-ни Голицыной, ея дочери, принесшей его сама; мы всѣ восхищались ребенкомъ и дѣйствительно онъ премиленькій. Въ это время пришли княжны Бирономъ съ Віельгорской. Луиза избѣгала моихъ взоровъ, краснѣла и пряталась. Наконецъ мы возвратились во дворецъ.

Императрица помѣстилась на верху, на балконѣ своей уборной. Во время перерыва работы, сдѣланной Крейтономъ, я услыхалъ шаги на сосѣдней галлереѣ, это были опять Биронъ, я удалился, они прошли, и Луиза опять пряталась отъ меня. Наконецъ работа возобновилась. Императрица прочла мою записку и также другую, составленную мною отдѣльно на счетъ убытковъ и возможности неудачи займа. Она сдѣлала нѣкоторыя измѣненія, помѣченныя мною на поляхъ, и спрятала записку,

---

d'autres conditions que celles exprimées dans le Contract. Or l'emprunt, comme peut être celui du comptoire d'amortissement nouvellement établi, n'est pas une Banque. Le premier et une mésure passagère et d'une durée limitée, tandis qu'une Banque doit être un Etablissement permanent. Il n'a pû être question d'employer la dot à toute espèce de speculations lucratives, mais de la confier à un établissement stable et constant dans les principes sont invariables. D'ailleurs si Madame la Grande Duchesse s'était établi en pays étranger et que la moitié de la dot eut été placée dans les Etats de son futur époux, comme cela est arrivé avec Mesdames les Grandes Duchesses Ses Soeurs, Elle n'aurait pas eu la faculté de déplacer ces fonds hypothéqués et garantis dans le pays ou Elle aurait residé et les intérêts fixés à 5 pour cent n'auraient pû être changé selon les occasions d'employer le fonds plus avantageusement ailleurs. Il parait que cet état de choses montre le principe dont on doit partir et qu'il doit être immaible même par les intérêts.

Quant à la libre desposition de la dot non seulement le placement dans l'étranger s'y serait toujours opposé pour la moitié comme il est déjà été dit, mais autre cela l'Article II du contract de mariage dit nommement:

„il sera libre à la Grande Duchesse de disposer de ce capital comme d'un bien à Elle propre, en faveur de ses heritièrs".

Ce n'est donc que sous ce seul rapport, en faveur de ses heritiers que Madame la Grande Duchesse puisse en disposer c. a. d. Elle peut le leguer par testament ou en faire donation après sa mort à ses heritiers mais pas autrement. Le contract n'exprime ni n'accorde non seulement pas le droit à S. A. I-lle la Grande Duchesse de placer la dot ou bon lui semble et de quelle manière Elle juge à propos moi pas même de le leguer indistinctement à qui Elle le désirera, puisque la seule disposition qui lui en soit reservée et uniquement en faveur de ses heritièrs.

чтобы переписать лично. За минуту до того времени, чтобы идти къ обѣду, она мнѣ поручила написать въ городъ. Мнѣ было досадно, и я не пошелъ къ обѣду, хотя предупредилъ дома, что обѣдать не буду. Возвратившись домой, я засталъ всѣхъ своихъ за обѣдомъ.

Послѣ обѣда я былъ позванъ къ Императрицѣ, она уже начала переписывать записку и поручила мнѣ диктовать Ей. Эта работа не могла быть окончена, и Императрица пригласила участвовать въ прогулкѣ и ужинать, чтобы кончить послѣ ужина. Я вышелъ въ зало и первое, что я увидѣлъ, это М-lle Дивову и Луизу возлѣ нея, съ опущенной головой и прячась; какъ будто угодно было судьбѣ насъ соединить, чтобы затруднять ее, но когда я объявилъ М-lle Дивовой и младшей княжнѣ, сидѣвшей съ лѣвой стороны, что я ѣду въ городъ, она спросила тихо и нетвердымъ голосомъ, не глядя на меня, на долго ли я ѣду? На одинъ день, отвѣчалъ я, дѣлая видъ, какъ будто ничего не замѣчаю, говоря ея сосѣдкѣ, весело выражая надежду прибыть къ моей сестрѣ, завтра на именины.

М-lle Дивова, младшая Бирон, Віельгорская и Кошелева прошли черезъ столовую въ садъ, и я пошелъ за ними. Наконецъ пришла и Луиза. Мнѣ казалось, что она хотѣла ободриться предварительно, чтобы мочь потомъ говорить со мной, что она и сдѣлала потомъ. Наконецъ доложили, что Императрица выходитъ, мы сошли въ маленькій садъ, чтобы садиться въ линейки. Хоть мѣсто въ линейкѣ, гдѣ сидѣла Дивова, было довольно долго незанятымъ, но я не хотѣлъ садиться рядомъ съ Луизой, чтобы не смущать ее еще болѣе, и сѣлъ съ графомъ Литта и Головкинымъ въ послѣднюю линейку. Остановились на фермѣ, чтобы выпить молока, и потомъ возвратились. Мнѣ предложили играть въ бостонъ съ тремя адъютантами герцога Гольштинскаго, и чтобы не разстроилась партія, я сѣлъ и проигралъ 45 руб.. Мы раздѣлили послѣдніе ремизы, такъ какъ одинъ изъ адъютантовъ Варденбургъ былъ потребованъ куда-то. Я подошелъ къ столу, гдѣ играли дамы, и разговаривалъ съ М-lle Нелидовой и Кошелевой. Наконецъ, игра была кончена, и Луиза подошла ко мнѣ, очень благодарила за выраженное къ ней мною участіе, хотя письмо мое очень ее огорчило, она не знала, чего хотятъ отъ нея? И откуда берется все это, о чемъ говорятъ. Я старался ей объяснить, что есть личности, которыя могутъ позволить себѣ все, не возбуждая какихъ-либо заключеній, но только не дѣвушка съ ея личикомъ, и при томъ относительно молодыхъ людей, красавцевъ и такихъ любезныхъ,

какъ Давыдовъ, что, напр., М-lle Бенкендорфъ можетъ дѣлать Богъ знаетъ что, и ее не будутъ упрекать за это... Тогда она сказала мнѣ, что она узнала теперь М-lle Бенкендорфъ, какъ дрянную и съ дурнымъ характеромъ особу. Я выразилъ удовольствіе о прекращеніи этой дружбы, прибавивъ, что мнѣ это и прежде крайне не нравилось, и полагаю, что наибольшая часть въ распространеніи слуховъ на ея счетъ принадлежитъ М-lle Бенкендорфъ. Она просила предупредить ее, если Императрица будетъ говорить объ этомъ, что тогда она приметъ рѣшеніе. Я не знаю, какое это рѣшеніе, но думаю, что неосновательное, предполагаю, что это желаніе покинуть дворъ и ѣхать къ брату, проектъ, о которомъ уже давно былъ возбужденъ вопросъ, тѣмъ болѣе, что она говорила, что милости двора не продолжительны. Она просила меня ничего не говорить Давыдову, потому, что онъ боленъ и это огорчить его. Я увѣрилъ ее, что ничего малѣйшаго не слыхалъ отъ Императрицы, чтобы относилось къ этому какимъ-либо образомъ. Наконецъ, она очень благодарила за мое участіе къ ней и т. д. Между прочимъ, она говорила:

„Да чего же хотятъ отъ меня? Не могу же я быть груба съ нимъ, это мое первое знакомство здѣсь, и онъ дѣлаетъ мнѣ постоянно любезности и т. д...“ Я ей объяснилъ, что вопросъ не о дѣланіи ему невѣжливостей, но быть осторожной, чтобы не давать повода къ разговорамъ, видя ихъ слишкомъ часто вмѣстѣ и т. д. Ея поведеніе въ отношеніи меня порадовало меня. Нашъ разговоръ уже длился довольно долго, и я старался прекратить его, чтобы онъ не былъ замѣченъ обществомъ. Послѣ собранія я былъ у Императрицы, она окончила копію съ записки, написала по этому поводу къ Императору и другую записку для допуска меня къ Государю и отпустила меня. Вернулся домой около двухъ часовъ ночи и легъ спать.

26-е вторникъ. Всталъ въ 6 часовъ, но не могъ уѣхать ранѣе $8^1/_2$, такъ какъ забылъ брачный контрактъ, долженъ былъ послать за нимъ въ канцелярію.

Въ 11 часовъ пріѣхалъ въ городъ. Въ 12 былъ у Гурьева, онъ нашелъ, что записка совершенно дипломатическая нота и отличная по формѣ. Онъ сказалъ, что подавалъ свое мнѣніе только относительно выгоды, которая представлялась Великой Княгинѣ, не входя въ другія соображенія, и что она тоже выражала удовольствіе относительно комиссіи погашенія долговъ, которая получала хорошаго покупателя.—Я поѣхалъ на Каменный островъ, представивъ свою входную записку, былъ

принятъ Государемъ тотчасъ по уходѣ отъ него Козодавлева. Государь былъ нѣсколько пораженъ съ перваго шага.—Онъ согласился съ ажіотажемъ—да это правда;—это ажіотажъ, но онъ теперь дозволенъ правительствомъ, и каждый частный человѣкъ можетъ имъ пользоваться, а потому Великая Княгиня тоже. Онъ не усматриваетъ, почему это можетъ произвести дурное впечатлѣніе; что правительство, находя выгоды въ настоящей сдѣлкѣ, дозволяетъ частнымъ лицамъ пользоваться ею. Другіе аргументы онъ объявилъ неправильными. Онъ сказалъ, что покойный Императоръ, утвердивъ эту форму контрактовъ, имѣлъ въ виду только обезпечить приданое, сохранить его и помѣшать растратѣ и для этого онъ повелѣлъ вкладывать его въ банки, но отнюдь не для того, чтобы помѣшать увеличивать вѣрнымъ способомъ, что конечно Великая Княгиня не имѣетъ права употребить его на всевозможныя спекуляціи, такъ какъ это подвержено риску, но въ этой, которая можетъ быть единственная, которую она можетъ себѣ позволить и единственная, гдѣ выигрышъ вѣрный, что операція эта гарантирована правительствомъ, и такъ какъ гарантія та же, что и для другихъ банковъ, онъ не видитъ, чтобы операція эта была противна духу контракта, что конечно Великая Княгиня не можетъ располагать приданымъ иначе, какъ въ пользу своихъ наслѣдниковъ, но тутъ она не только не вредитъ имъ, а напротивъ работаетъ для ихъ же выгоды; и онъ не видитъ даже препятствія для помѣщенія капитала за границею, и что его можно помѣстить и въ другое мѣсто, если при томъ же обезпеченіи цѣлости найдутъ болѣе выгодныя условія помѣщенія.—Трудность найти денегъ признана имъ единственной положительной причиной, но,—сказалъ онъ,—Великая Княгиня не потребуетъ сразу уплаты; она удовольствуется половиной, четвертью и ей заплатятъ, когда будетъ возможно. Наконецъ, увидавъ въ концѣ, что рѣчь идетъ о капиталахъ въ ассигнаціяхъ, онъ спросилъ, сколько у ней? Я отвѣтилъ: около милліона. Ну, тогда, сказалъ онъ, она можетъ быть удовольствуется и этимъ капиталомъ. Онъ еще сказалъ, что пріѣдетъ обѣдать въ Павловскъ завтра.

Возвращаясь съ Каменнаго Острова и заѣхавъ къ Гурьеву, съ которымъ позабылъ переговорить объ Александр. мануфактурѣ и о 5 процентахъ за конфискованные товары. Онъ сказалъ, что онъ еще не принялъ департамента, но что онъ въ скоромъ времени приметъ, что Кампенгаузену поручено распутать это дѣло, что онъ не знаетъ, до какой суммы дойдетъ цѣнность товаровъ, что согласно рапорта Опочинина изъ Риги,

открыты злоупотребленія, что часть груза была уже выгружена и что наконецъ, когда онъ что-либо узнаетъ, то сообщитъ мнѣ.— Отъ него я пріѣхалъ къ сестрѣ и засталъ у ней г-жу Балашову, двухъ баронессъ Бюлеръ, Павла Сергѣевича [1]). M-lle Балашова сказала мнѣ, чтобы я ее поздравилъ съ новымъ министромъ, я понялъ, что братъ ея назначенъ министромъ полиціи. Но я сказалъ ей: „Если прикажете поздравить, то поздравлю". Она согласилась, что я былъ правъ. Послѣ обѣда Сергѣй Сергѣевичъ разсказалъ мнѣ свиданіе брата его Василія Сергѣевича съ Государемъ на прощальномъ обѣдѣ передъ своимъ отъѣздомъ.—Государь спросилъ, поѣдетъ ли онъ въ Москву, и на его утвердительный отвѣтъ, онъ ему поручилъ сказать брату его Дмитрію, чтобы тотъ ѣхалъ въ Кіевъ. Василій Сергѣевичъ отвѣтилъ, что братъ конечно не можетъ не исполнить своего долга послушанія, но что онъ служить не можетъ, уже двукратно.

Сообщ. **Н. А. Вилламовъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Ланского.

Изъ жизни инженера путей сообщенія [1]).

Едва успѣлъ я вернуться въ Харьковъ и заняться нѣсколько болѣе спокойною работою въ техническомъ отдѣлѣ, какъ стряслось такое обстоятельство, которое потребовало снова полнаго напряженія всѣхъ умственныхъ и физическихъ силъ. Начали готовиться къ проѣзду Государя Императора Александра III изъ Крыма въ Москву. Въ день проѣзда, т. е. въ понедѣльникъ 17 октября 1888 г., жена моя съ знакомыми пошла на вокзалъ въ Харьковѣ посмотрѣть на Августѣйшихъ путешественниковъ, я же сидѣлъ въ конторѣ службы пути и занимался расчетомъ какого-то желѣзнодорожнаго моста. Вдругъ сторожъ вбѣгаетъ къ намъ въ технический отдѣлъ и говоритъ: „барыня пришла, просятъ васъ по экстренному дѣлу“. Иду въ переднюю, вижу: жена стоитъ блѣдная, возволнованная и говоритъ: „сейчасъ на вокзалѣ распространилось извѣстіе, что Императорскій поѣздъ потерпѣлъ крушеніе на 266 верстѣ“ (эта была та верста, гдѣ я строилъ новое направленіе линіи). Можете представить мой ужасъ. Я влетѣлъ въ контору, сообщилъ помощнику начальника пути инженеру А. Л. Чернаю ужасную вѣсть и побѣжалъ на вокзалъ узнать нѣчто болѣе опредѣленное. Тамъ творилось что-то неописуемое. Военныя охраны громко кричали и угрожали „убійцамъ инженерамъ“. Блѣдныя перепуганныя дамы мѣстнаго высшаго общества, явившіяся въ бѣлыхъ платьяхъ съ букетами для поднесенія Государынѣ Императрицѣ, стояли какъ растерянныя, не зная, куда приткнуться. Народъ началъ толпою собираться

[1]) См. „Русская Старина“ май 1913 г.

между желѣзнодорожнымъ сквeромъ и вокзаломъ. Безпрестанно неслись полицейскіе и казаки по всѣмъ направленіямъ и т. д. На вокзалѣ я вскорѣ узналъ, что крушеніе произошло не на 266 верстѣ, а на 267 вер., и у меня точно камень свалился съ плечъ, хотя общее настроеніе было, конечно, самое подавленное. Вскорѣ была получена депеша отъ начальника службы пути Б. Н. Павлова съ мѣста катастрофы нижеслѣдующаго содержанія: „постъ 277 версты 17/х. Харковъ, инженеру Чернай, копія инженеру Любимову. Прошу первымъ поѣздомъ или паровозомъ командировать на 277 версту инженера Любимова". Павловъ.

Телеграмма эта хранится у меня и теперь. Собравшись на скорую руку, я снова побѣжалъ на вокзалъ. Было уже темно. Въ буфетномъ залѣ толпились военные, всѣ въ страшно возбужденномъ состояніи. Въ это время подошелъ къ вокзалу санитарный поѣздъ съ ранеными и убитыми, привезенными съ мѣста катастрофы. Въ буфетный залъ вошелъ пріѣхавшій съ поѣздомъ инспекторъ дороги Н. А. Кронебергъ, весь красный, съ запекшеюся на лбу кровью и безпомощно опустился на стулъ у буфетнаго стола. За нимъ въ буквальномъ смыслѣ слова какъ-то ввалился также красный, съежившійся съ прилипшими ко лбу волосами начальникъ дистанціи А. С. Вѣтринскій. Кронеберга обступили офицеры и открыто бранили цареубійцею. Тутъ подали рабочій поѣздъ, съ которымъ я уѣхалъ на мѣсто крушенія.

Никогда не забуду той картины, которую я увидѣлъ. Приводя техническое описаніе самого происшествія ниже, прибавлю только, что ко времени подхода моего поѣзда на 277 версту шелъ мелкій дождь съ гололедицею. Кромѣшная темень слабо освѣщалась едва теплившимися кострами. Поверхность глиняной насыпи, на которой случилась катастрофа, ползла подъ ногами, засасывая ботикъ, а далѣе обрисовывались силуэты зловѣщихъ обломковъ и выли собаки въ близъ лежащей деревнѣ.

Крушеніе Императорскаго поѣзда произошло на насыпи 277 версты, считая отъ Курска, между станціей Тарановка и станціей Борки. Передній паровозъ, послѣ крушенія поѣзда, оказался стоящимъ не доходя 94 саж. до верстового столба 277-й версты, т. е. пройдя по насыпи отъ южнаго нуля 187 саж., при общей длинѣ насыпи въ 338 саж. Высота насыпи у мѣста остановки передняго паровоза—3,80 саж., а въ концѣ послѣдняго, сошедшаго съ рельсовъ вагона Наслѣдника Цесаревича,

т. е. на разстояніи 44 саж. отъ передняго паровоза высота насыпи достигаетъ 5,17 саж. Путь на мѣстѣ схода лежалъ на предѣльномъ уклонѣ, протяженіемъ 478 саж. Въ концѣ этого уклона, не доходя нѣсколько до площадки, стоялъ первый паровозъ; затѣмъ, по направленію движенія поѣзда, слѣдуетъ площадка, послѣ чего путь идетъ на общій, по всему протяженію 0,008 подъемъ. Полотно дороги, какъ и по всему протяженію ея, сдѣлано было здѣсь на два пути, а верхнее строеніе до 1886 г. было устроено только для одного пути и лежало по срединѣ полотна. Въ 1886 г., вслѣдствіе значительно возросшаго грузового по дорогѣ движенія и за оказавшеюся необходимостью усилить провозоспособность дороги, между станціями Харьковъ и Лозовая, путь этотъ былъ сдвинутъ въ правую сторону, считая отъ Курска, а на лѣвой половинѣ полотна уложенъ новый путь. По этому-то новому пути и слѣдовалъ Императорскій поѣздъ.

Полотно въ этомъ мѣстѣ пересѣкаетъ пологую балку у самаго ея начала, такъ что бассейнъ этой балки, отъ начала ея до пересѣченія насыпью, составляетъ площадь не болѣе $^3/_4$ квадратной версты. Вся скопляющаяся вода съ этого небольшого бассейна помѣщается въ резервѣ, вынутомъ при устройствѣ насыпи, образуя передъ таковою, въ дождливое время, застой воды, горизонтъ которой рѣдко подымается выше уровня подошвы насыпи; съ другой стороны насыпи, балка имѣетъ пологій уклонъ отъ полотна дороги. Въ предѣлахъ отчужденія съ этой стороны вырытъ резервъ такой же, какъ и съ лѣвой стороны. Послѣ крушенія всѣ шпалы, на всемъ протяженіи отъ перваго паровоза и почти до половины вагона Наслѣдника Цесаревича перерѣзаны, а подъ частью вагоновъ разбиты въ щепу. Впереди же паровоза, а равно подъ задней половиной вагона Наслѣдника и другими слѣдовавшими 5-ю вагонами этого поѣзда, остались цѣлы. Сзади вагона Наслѣдника Цесаревича, подъ пятью свитскими вагонами, путь по направленію слѣдованія поѣзда поврежденъ съ отжатіемъ костылей, но настолько незначительно, что свитскіе вагоны, при обратномъ отправленіи въ Лозовую послѣдовали по сему пути безъ исправленія его. Рельсы подъ поѣздомъ были сбиты и выгнуты со многими загибами, но всѣ оказались цѣлыми.

Весь Императорскій поѣздъ состоялъ изъ 15 вагоновъ при 2-хъ паровозахъ въ слѣдующемъ порядкѣ: первый паровозъ товарный Зигля Т. 164, второй пассажирскій Струве П. 41, затѣмъ багажный вагонъ (съ аппаратами электрическаго освѣ-

щенія), вагонъ-мастерская, вагонъ министра путей сообщенія, 2 кухонныхъ вагона, вагонъ для людей, вагонъ-столовая, вагонъ великокняжескій, вагонъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, вагонъ Наслѣдника Цесаревича и 5 вагоновъ для свиты. Длина всего поѣзда съ паровозами составляла 141,86 саж. Вѣсъ поѣзда безъ паровозовъ былъ равенъ около 28.000 пудовъ и вѣсъ 2-хъ паровозовъ съ тендерами, нагруженными углемъ и водой, около 6.000 пудовъ. Скорость движенія на перегонѣ между станціями Тарановка и Борки назначена была, по росписанію, 37 верстъ въ часъ. Послѣ крушенія, положеніе этого поѣзда было слѣдующее: паровозы стояли нѣсколько наклонившись влѣво (къ Курскому пути), при чемъ первый паровозъ лѣвыми, по направленію движенія, колесами стоялъ на перерѣзанныхъ шпалахъ внутри рельсовой колеи, а правыми колесами надъ правымъ рельсомъ пути, при чемъ правое колесо передняго ската ребордой перешло наружу рельсовой колеи. Тендеръ сего паровоза не былъ нажатъ буферами на паровозъ. Второй паровозъ былъ въ такомъ же почти положеніи, какъ и первый, за исключеніемъ того, что рельсы изъ-подъ правыхъ колесъ были вырваны и образовали около паровоза выпуклую въ правую сторону, по направленію движенія, кривую на протяженіи отъ тендера перваго паровоза до багажнаго вагона, при чемъ стрѣла этой кривой выходила за бровку полотна. Задняя часть, кузова багажнаго вагона оторвана, а остальная часть, сдвинутая съ пути, упиралась въ тендеръ второго паровоза. Вагонъ-мастерская сдвинутъ въ лѣвую сторону, считая отъ Курска, при чемъ задняя часть его совершенно разбита. Слѣдующій затѣмъ кузовъ вагона министра путей сообщенія разбитъ совершенно, при чемъ часть крыши его лежала подъ откосомъ насыпи, а телѣжки, на которыхъ былъ этотъ вагонъ, оказались подъ вагономъ Ихъ Величествъ. Вагонъ для прислуги разбитъ совершенно. Въ одномъ изъ кухонныхъ вагоновъ, оставшемся на насыпи, но ставшимъ почти поперекъ ея, разбиты оба конца вагона и сбиты колеса, другой кузовъ вагона-кухни лежалъ внизу насыпи по правую сторону, считая отъ Курска. Кузовъ вагона-столовой разбитъ, при чемъ крыша его съ частью стѣнки зацѣпилась однимъ концомъ за вагонъ кухонный съ буфетомъ, а другой конецъ откинутъ въ лѣвую, по направленію хода поѣзда, сторону, а полъ этого вагона, лежащій нѣсколько въ сторонѣ, надавленъ съ одной стороны вагономъ Ихъ Величествъ, а въ другомъ концѣ великокняжескимъ вагономъ. Этотъ послѣдній, съ разбитыми концевыми частями, остался на насыпи,

Музей-усадьба
Московский об

Крушеніе Императорскаго поѣзда близъ ст. Борки, 17 октября 1888 года.
Слѣва—крышу вагона столовой, подъ которой находилась Августѣйшая семья, справа—Великокняжескій вагонъ.

Крушеніе Императорскаго поѣзда близъ ст. Борки, 17 октября 1888 года.

Слѣва—крыша вагона столовой, подъ которой находилась Августѣйшая семья, справа—Великокняжескій вагонъ.

Крушеніе Императорскаго поѣзда близъ станціи Борки, 17 октября 1888 года.

при чемъ часть его свѣшивалась надъ откосомъ. Вагонъ Ихъ Величествъ со сбитыми тележками стоялъ на кучѣ осей и тележекъ, и кромѣ того, подъ нимъ были два пола другихъ вагоновъ. Вагонъ Наслѣдника Цесаревича, упертый въ вагонъ Ихъ Величествъ, стоялъ однимъ переднимъ концомъ на сбитыхъ тележкахъ вагона Ихъ Величествъ, а задняя тележка этого вагона осталась цѣлая и на рельсахъ. Послѣдніе пять вагоновъ свиты остались неповрежденными и были взяты при обратномъ слѣдованіи Ихъ Величествъ на станцію Лозовую.

На мѣстѣ катастрофы уже находился мой товарищъ по службѣ, инженеръ І. В. Пиларь, и намъ съ нимъ было поручено немедленно приступить къ постройкѣ сходень по откосамъ насыпи и временныхъ платформъ для возможности обхода пассажирамъ очередныхъ поѣздовъ мѣста крушенія. Въ приступѣ къ работамъ протекала вся эта достопамятная ночь.

На слѣдующее утро прибылъ на мѣсто крушенія мѣстный начальникъ жандармскаго отдѣленія, подполковникъ Ивановъ, слѣдовавшій въ Императорскомъ поѣздѣ въ моментъ крушенія и за нѣсколько минутъ до катастрофы получившій Царскій подарокъ въ видѣ перстня съ брилліантами. Онъ намъ разсказалъ, что немедля за первыми секундами послѣ крушенія Государь, справившись „А гдѣ Миша“ (Великій Князь Михаилъ Александровичъ, котораго не было въ вагонѣ-столовой, подъ обломками котораго чудеснымъ образомъ спаслась Царская семья, а вывалился вмѣстѣ съ Великой Княжной Ольгой Александровной изъ вагона-дѣтской, повисшаго поперекъ пути зіяющими наружу отверстіями, при чемъ тормозная часть таковаго отломлена), поднялъ кусокъ расщепленной шпалы и, обратившись къ подполковнику Иванову сказалъ: „подполковникъ, быть можетъ, эти щепки понадобятся при слѣдствіи“. Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна въ однѣхъ туфелькахъ, пробираясь по липкой грязи откоса, ободряла раненыхъ и лично дѣлала имъ перевязку. Въ дальнѣйшемъ подполковникъ Ивановъ сказалъ намъ, что явился на мѣсто крушенія изъ Лозовой, гдѣ былъ наканунѣ отслуженъ въ присутствіи Августѣйшей семьи благодарственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ, съ порученіемъ отъ Государыни Императрицы отыскать связку образковъ, оставленнымъ ею въ спальнѣ ея вагона.

Ивановъ пригласилъ меня и инженера Пиларя въ качествѣ понятыхъ, и мы влѣзли въ окно полуразбитаго вагона, обшарили уборную и спальню Государыни, но ничего не нашли, кромѣ нѣсколькихъ шпилекъ и булавокъ. По дошедшимъ до

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

меня впослѣдствіи слухамъ, въ вагонѣ побывалъ до насъ какой-то предпріимчивый мужичекъ изъ сосѣдней деревни и стащилъ образки. Говорятъ, односельчане пронюхали про это и заставили его вернуть образки по принадлежности. Передаю это какъ слухъ, не ручаясь за достовѣрность.

Картина разрушенія, обрисованная выше, дополнялась различными обломками подвижного состава, бумажками, битой посудою, дичью и другими съѣстными припасами изъ запасовъ Императорской кухни, разбросанными по откосамъ насыпи. Этой снѣдью кормилъ насъ, между прочимъ, нѣсколько дней предпріимчивый буфетчикъ, попросившій разрѣшенія пользовать судебныхъ чиновъ и желѣзнодорожныхъ агентовъ на мѣстѣ катастрофы. Въ тотъ же день къ вечеру прибылъ изъ Лозовой Управляющій дорогою В. А. Кованько и участковый инспекторъ Ѳ. А. Галицинскій. Первый изъ нихъ въ форменной инженерной фуражкѣ и пальто сл. движенія, а второй въ путейскомъ пальто и движенской шапкѣ. У В. А. Кованько была рана на головѣ. Оба были совсѣмъ убиты и В. А. все твердилъ: „Все пропало. Грозитъ одна каторга“. Послѣдующіе дни прошли частью въ достройкѣ мостковъ и платформы для пассажировъ, частью въ оказаніи содѣйствія экспертамъ и судебнымъ чинамъ. Въ числѣ первыхъ были инженеры: В. Н. Спасовскій, А. Р. Стабровскій, П. И. Замятинъ, Ф. И. Шмидтъ, А. А. Верховцевъ, А. Н. Пушечниковъ, В. Ф. Карташевъ, Ф. И. Герцъ, А. П. Бородинъ, Н. П. Петровъ, Н. Л. Щукинъ и Д. П. Кандауровъ. Слѣдствіе же велъ судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ Марки подъ главнымъ руководствомъ оберъ-прокурора Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Сената А. Ѳ. Кони. Долго не давали еще разрѣшенія на уборку подвижного состава и почти каждую ночь къ подошвѣ насыпи подходила изъ той же сосѣдней деревни собака и жалобно выла. Я тогда высказывалъ сослуживцамъ предположеніе, что быть можетъ подъ обломками находится или цѣлый трупъ или какая-либо часть человѣческаго тѣла. Предположеніе мое оправдалось. Когда стали разбирать подвижной составъ, то подъ остатками вагона Министра Путей Сообщенія нашли чью-то обезображенную голову рядомъ съ часами К. Н. Посьета. Претендентовъ на эту голову не оказалось, и ее похоронили на краю резерва, гдѣ долгое время послѣ сего можно было видѣть красную ограду съ небольшимъ краснымъ крестомъ. Наконецъ дано было разрѣшеніе на разборку. Понаѣхали слесаря и ремонтные рабочіе съ чинами и затѣмъ начали растаскивать подвижной составъ. Я взялъ себѣ

на память мѣдный государственный гербъ, бывшій на стѣнкѣ вагона-столовой и храню его еще до сихъ поръ. Засимъ потянулась уже въ Харьковъ безконечная экспертиза съ рельсами, шпалами и частями подвижного состава потерпѣвшаго крушеніе поѣзда. Я помню день перепилки въ вагонномъ сараѣ шпалъ. Я былъ представителемъ отъ дороги, инженеръ Кандауровъ экспертомъ. Начальника же ремонта Павлова строгій судебный слѣдователь Марки не пустилъ въ сарай, и онъ несчастный простоялъ у воротъ сарая до тѣхъ поръ, пока, по окончаніи пилки, я не вышелъ къ нему. Узнавъ, что всѣ шпалы оказались болѣе или менѣе удовлетворительнаго качества, В. П. Павловъ разрыдался. На экспертизѣ разыгрался слѣдующій инцидентъ: Д. П. Кандауровъ, котораго я немного зналъ раньше, вздумалъ обратиться ко мнѣ съ нѣсколькими незначительными вопросами. Тогда Марки, окинувъ насъ негодующимъ взоромъ, громко крикнулъ на Дмитрія Петровича: „Г. экспертъ, не смѣйте разговаривать съ посторонними“.

Въ дополненіе къ только, что разсказаннымъ деталямъ историческаго событія, позволю себѣ прибавить нѣсколько подробностей встрѣчи Царской семьи въ Харьковѣ послѣ крушенія, переданныхъ мнѣ моею женою, бывшею очевидицею въѣзда Августѣйшихъ путешественниковъ въ Харьковъ. Государь Императоръ, по выходѣ изъ вокзала, не пожелалъ сѣсть съ спеціальный экипажъ, а сѣлъ вмѣстѣ съ Императрицею въ простую извозчичью парную пролетку. На подножкахъ встали Наслѣдникъ и Великій Князь Георгій Александровичъ, и такимъ путемъ поѣхали среди ликующей толпы народа въ соборъ.

Когда царская семья хотѣла отблагодарить извозчика, онъ отказался отъ всякаго денежнаго вознагражденія и попросилъ разрѣшенія „поцѣловать ручку у Матушки-Царицы“, что ему и было дозволено.

Данныя слѣдствія такъ и не выяснили вполнѣ достовѣрной причины крушенія. Одно изъ наиболѣе вѣроятныхъ предположеній—это заключеніе эксперта инженера А. Н. Пушечникова, что сходъ произошелъ вслѣдствіе порчи пути, произведенной переднимъ (товарнымъ) паровозомъ, пріобрѣвшимъ весьма большую и при томъ несоотвѣтствующую скорости движенія поѣзда на 277 верстѣ боковую качку, развившуюся до размѣровъ, повлекшихъ разстройство пути, лишь благодаря случайной порчѣ того же паровоза (ослабленіе клина въ задней головкѣ лѣваго задняго шатуна).

Служба запаснаго начальника дистанціи была въ высшей степени тяжелая. По должности единственнаго запаснаго начальника на 700 верстную линію, я почти все время находился внѣ семьи, предоставляя Провидѣнію беречь таковую и не имѣя права оставаться дома даже при самыхъ уважительныхъ и исключительныхъ обстоятельствахъ. Никогда не забуду, напримѣръ, какъ въ 1888 г. мнѣ пришлось бросить на произволъ судьбы 31 декабря, т. е. наканунѣ Новаго Года, лежавшую въ жару жену мою и ѣхать на срочное замѣщеніе какого-то начальника участка подъ угрозою потерять мѣсто. Жена лежала одна въ квартирѣ, а кухня помѣщалась внизу съ проходомъ черезъ холодныя сѣни, такъ что единственная наша прислуга зачастую вынуждена была оставлять жену одну съ нашимъ 5-лѣтнимъ сынкомъ, уходя по хозяйству или въ аптеку. Спасибо нашимъ добрымъ сосѣдямъ, которые сжалились надъ женою и приходили дежурить при ней. Тѣмъ не менѣе послѣдствіемъ столь тяжелыхъ условій явился почти двухмѣсячный параличъ ногъ жены, отъ сильнѣйшаго нервнаго потрясенія.

Дальнѣйшее прохожденіе мною службы было уже въ качествѣ начальника 100 верстной дистанціи съ мѣстожительствомъ на станціи Славянскъ. Стало нѣсколько легче въ семейномъ и матеріальномъ смыслѣ, но что за каторжная была эта служба! Дорога была построена отвратительно, большинство мостовъ разваливалось, всѣ устои были въ трещинахъ, а фермы, какъ оказалось при послѣдующей перекладкѣ устоевъ, держались только на облицовкѣ, при чемъ сама-то облицовка была технически неправильна, такъ какъ состояла изъ однихъ только „ложковъ“, а „тычки“ были фальшивые, т. е. тѣ же ложки, но нѣсколько меньшихъ размѣровъ, благодаря чему никакой связи облицовки съ скрывавшеюся за такою „забуткою“, т. е. бутовою кладкою стѣнъ устоевъ—не было. Да что это была и за забутка! Мелкіе трухлявые известковыхъ породъ камешки, часто простая известковая щебенка, связанная подобіемъ известковаго или цементнаго раствора. Отверстія мостовъ не вездѣ были расчитаны правильно и очень страдали отъ южныхъ ливней. Такъ, напримѣръ, 2-хъ саженный мостъ на овражкѣ между станціями Краматоровка и Дружковка былъ разрушенъ въ теченіе какихъ-нибудь 20 минутъ потокомъ ливня, заполнившимъ все отверстіе моста и несшимся на подобіе гигантской струи изъ пожарнаго рукава по прямому направленію отъ моста черезъ поле, а засимъ и черезъ поверхность протекавшей въ разстояніи свыше 75 саж. отъ моста, параллельно полотну дороги, рѣки Торца.

Впослѣдствіи, по измѣреніи бассейна оврага, мнѣ пришлось увеличить отверстіе названнаго моста до 5 саж., вмѣсто первоначальныхъ 2-хъ.

Дорога была „Поляковская". Всѣ поставщики и большинство подрядчиковъ—евреи съ сильной заручкой. Приходилось лавировать между двухъ огней: чувствомъ долга и шкурнымъ вопросомъ. Не легче было и съ крупными русскими подрядчиками, имѣвшими также солидную поддержку. Помню по сему поводу нижеслѣдующій эпизодъ. На дорогѣ были въ самомъ разгарѣ крупныя новыя работы: постройка второго пути, новыхъ депо, жилыхъ домовъ и линейныхъ казармъ и будокъ. Весьма значительныя работы были и на моей дистанціи. Между прочимъ, постройка большого каменнаго депо на ст. Славянскъ, переданная правленіемъ дороги нѣкіимъ подрядчикамъ Р. и С. Каменная кладка депо производилась отвратительно. Я вынужденъ былъ ломать цѣлые ряды кладки и выдавать чуть ли не ежедневно понудительные наряды. Но каково же было мое удивленіе, когда въ непродолжительномъ времени послѣ выдачи мною того или другого понудительнаго наряда, мнѣ присылали изъ управленія дороги предписанія такого рода „г. начальнику 7-й дистанціи. Съ возвращеніемъ акта (о неправильностяхъ подрядчика), составленнаго Вами, сообщаю Вамъ, что актъ, а слѣдовательно и нарядъ, выданный на основаніи его, не имѣютъ никакого значенія. Предлагаю Вамъ впредь выдавать наряды болѣе осмотрительно". Или „Г. начальнику 7-й дистанціи. Съ нарядомъ Вашимъ согласиться не могу. Прошу его отмѣнить".

Результаты такого непониманія мною практической стороны жизни сказались въ самомъ непродолжительномъ времени: мой сосѣдъ по дистанціи получилъ въ награду за правильное веденіе новыхъ работъ жетонъ съ правомъ безплатнаго пожизненнаго проѣзда по всей дорогѣ и сравнительно весьма значительную денежную сумму, а въ контору моей дистанціи, т. е. во всеобщее свѣдѣніе, прислали наградной списокъ, гдѣ мнѣ сначала была проставлена цифра 194 рубля, но засимъ перечеркнута красными чернилами и исправлена на 83 руб. 70 коп. Когда же я отказался отъ такой щедрой награды, то управляющій дороги, при ближайшемъ своемъ проѣздѣ, замѣтилъ мнѣ: „напрасно вы отказываетесь. Вѣдь 83 рубля все же деньги"... Полагаю, что всякіе дальнѣйшіе комментаріи излишни.

Оставляя въ сторонѣ дальнѣйшія сравнительно малозначащія обстоятельства службы, я позволю себѣ остановиться нѣсколько

болѣе подробно еще на двухъ, такъ сказать „историческихъ“ моментахъ жизни на Курско-Харьково-Азовской ж. д. Это посѣщеніе линіи Министромъ Финансовъ Вышнеградскимъ и знаменитыя хлѣбныя залежи 1890—91 годовъ, изъ коихъ послѣднія совпали съ одной стороны съ командировкой грознаго полковника фонъ-Вендриха, а съ другой съ небывалами по силѣ и продолжительности снѣжными заносами и послѣдующею передачею дороги изъ частнаго владѣнія въ казну.

Въ 1889 году, возвращаясь съ юга, И. А. Вышнеградскій проѣзжалъ по линіи, въ томъ числѣ и по моей дистанціи, съ директоромъ департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ С. Ю. Витте. Первая остановка въ предѣлахъ дистанціи была на ст. Горловка, гдѣ имѣлись обширныя Поляковскія каменноугольныя Горловскія копи и Штейгерское училище. На платформу, гдѣ выстроена была вся администрація копей и ученики училища во главѣ, съ директоромъ-распорядителемъ правленія копей, инженеромъ Мсциховскимъ,—вышелъ безъ шляпы въ сѣромъ длинноломъ сюртукѣ Вышнеградскій и, выслушавъ привѣтственную рѣчь Мсциховскаго, поднялъ бокалъ шампанскаго съ возгласомъ: „за здоровье Государя Императора, ура“.

На слѣдующей станціи, Никитовкѣ, ожидали насъ коляски отъ ртутныхъ копей Ауэрбаха, находящихся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ сказанной станціи. Въ первую коляску сѣлъ Вышнеградскій и Витте, во вторую управляющій дорогою І. И. Дворжецкій-Богдановичъ и управляющій копями горный инженеръ Миненковъ, въ третью участковый инспекторъ Гильшеръ и я. Названныя ртутныя копи (киновари), единственныя во всей Россіи и вторыя въ Европѣ—были открыты упомянутымъ горнымъ инженеромъ Миненковымъ, нашедшимъ киноварь въ обнаженіяхъ мѣстныхъ глубокихъ балокъ (враговъ), при чемъ нѣкоторыя данныя (если не ошибаюсь,- древнія каменныя орудія и посуда, заставляли предполагать, что въ древнія, быть можетъ доисторическія времена, здѣсь уже производилась добыча киновари, какъ краски). Послѣ подробнаго осмотра завода, гдѣ женщины и подростки съ блѣдными, изможденными лицами и трясущимися руками, сортировали проходившіе мимо нихъ по безконечному полотну куски ртутной руды, а засимъ переплавленная въ громадныхъ плавильныхъ вагранкахъ (печахъ) руда стекала въ видѣ мутноватой ртутной струи въ особые сосуды и пропущенная засимъ черезъ замшевые мѣшки—принимала свой блестящій естественный видъ, почетные гости, взявшіе на память по куску руды въ карманъ—были приглашены

„на чай“ къ хозяину завода, откуда возвратились на свой экстренный поѣздъ. Проходя весьма быстро черезъ служебный вагонъ, гдѣ помощникъ главнаго инженера дороги, участковый инспекторъ и я пили чай, С. Ю. Витте зацѣпилъ своимъ пальто за нашъ столъ и опрокинулъ его. На конечной станціи моей дистанціи Славянскѣ, тѣмъ временемъ, собрались, въ ожиданіи рѣдкихъ гостей, владѣльцы мѣстныхъ солеварешныхъ заводовъ во главѣ съ городскимъ головою, съ хлѣбомъ солью и прошеніемъ о скорѣйшемъ соединеніи станціи Славянскъ вѣткою съ городомъ Славянскомъ. Хлѣбъ-соль были весьма страннаго, чтобы не сказать больше вида: простое фаянсовое блюдо, на немъ простой черный хлѣбъ, а поверхъ въ стеклянной синей солонкѣ мѣстная соль. Все это было покрыто неособенно чистой салфеткой. Тѣмъ не менѣе подношеніе было передано по назначенію и внесено въ вагонъ министра. Слѣдовала засимъ рѣчь Вышнеградскаго о будущности соленого дѣла въ Россіи и обѣщаніе содѣйствія постройкѣ просимой вѣтви (каковая черезъ 2 года дѣйствительно была построена).

Въ недалекомъ отъ только-что описаннаго проѣзда по дорогѣ времени, имѣлъ мѣсто еще слѣдующій довольно комичный случай: по дорогѣ слѣдовалъ въ экстренномъ поѣздѣ отъ Ростова на Дону директоръ желѣзнодорожнаго департамента министерства путей сообщенія В. П. Верховскій. За часъ до его прибытія въ Таганрогъ—прибылъ туда главный контролеръ Т. И. Филипповъ съ женою, возвращавшійся изъ Тифлиса въ С.-Петербургъ. Управляющій дорогою стѣснялся назначить два отдѣльныхъ экстренныхъ поѣзда, одинъ для Верховскаго, другой для Филипповыхъ на разстояніи какихъ-нибудь $^1/_2$ часа времени и просилъ Филипповыхъ, не найдутъ ли они возможнымъ ѣхать въ одномъ экстренномъ поѣздѣ съ Верховскимъ, хотя конечно и въ двухъ отдѣльныхъ вагонахъ-салонахъ. Т. И. Филипповъ колебался, а жена его подняла цѣлый скандалъ, говоря, что ни за что не поѣдетъ въ чужомъ поѣздѣ. Тогда, всегда въ высшей степени тактичный, В. П. Верховскій заявилъ, что онъ отказывается отъ отдѣльнаго экстреннаго поѣзда и поѣдетъ въ числѣ пассажировъ служебнаго поѣзда имени Филипповыхъ. Этимъ инциндентъ былъ исчерпанъ, а супруга государственнаго контролера совершенно успокоилась.

Въ 1890 году, начались на югѣ Россіи почти безпримѣрные по своей величинѣ и, главнымъ образомъ, продолжительности въ лѣтописяхъ желѣзнодорожнаго дѣла заносы, длившіеся съ половины декабря 1890 г. почти до половины 1891 года.

Изъ стоверстнаго моего участка было сплошь занесено сорокъ верстъ, при чемъ заносы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, между станціями Никитовка и Пантелеймоновка, достигали 15 аршинъ высоты, такъ что виднѣлись однѣ только верхушки телеграфныхъ столбовъ. Много вреда принесло въ этомъ случаѣ увлеченіе лѣсными посадками: хотя на Курско-Харьково-Азовской дорогѣ таковыми руководилъ знатокъ такихъ насажденій Серединскій и выращенная имъ 7 рядовая живая изгородь по ребру полосы отчужденія отличалась густотою и высотою, но иногда цѣлыми верстами была посажена на „нуляхъ“ и даже вдоль насыпей, что по близости посадокъ къ полотну—образовало зимою искусственныя выемки (впослѣдствіи пришлось на одномъ моемъ только участкѣ вырубить 16 верстъ такихъ посадокъ). Сосѣдніе съ моимъ, до самаго Ростова, участки были уже сплошь занесены, при чемъ въ знаменитой Покровской выемкѣ близъ ст. Покровка достигали высоты 21 аршинъ. Снѣгъ былъ въ нижнихъ своихъ слояхъ настолько уплотненъ, что при неудовлетворительномъ дѣйствіи динамитныхъ, пироксилиновыхъ и пороховыхъ взрывовъ, приходилось выкалывать изъ него при помощи ломовъ „кабаны“ вродѣ тѣхъ ледяныхъ глыбъ, которыми набиваютъ погреба. Господствующій безпрерывно восточный буранъ при 15—20° мороза не давалъ передышки: на каждую лопату очищеннаго снѣга разъяренная стихія сыпала вновь по пяти. Люди отказывались идти на очистку, несмотря на самыя баснословныя цѣны. На очисткѣ вышеупомянутыхъ 40 верстъ находилось у меня свыше 2.000 человѣкъ и денно и нощно при 6 рабочихъ поѣздахъ, а результаты были самые ничтожные. Тутъ какъ-то вечеромъ нагрянулъ съ служебнымъ поѣздомъ вмѣстѣ съ управляющимъ дорогою І. И. Дворжецкимъ-Богдановичемъ—полковникъ фонъ-Вендрихъ. „Когда расчистите путь?“ былъ его первый вопросъ. „Не знаю, полковникъ, это зависитъ отъ конца метели“, отвѣчалъ я. „Необходимо принять болѣе энергичныя мѣры“, возразилъ полковникъ. „Я сдѣлалъ все, что могъ“—мой отвѣтъ. „Сколько у васъ рабочихъ поѣздовъ?“ „Шесть, полковникъ“. „Есть ли продовольствіе и водка для рабочихъ?“ „Чай, сахаръ, колбаса, селедки и хлѣбъ есть, а водку я опасаюсь имъ давать“. „Извольте завтра къ утру снабдить рабочіе поѣзда водкой“. „Слушаюсь“. Распорядившись послать на завтра утромъ рано надежнаго человѣка въ городъ Славянскъ, отстоявшій на 3 версты отъ станціи, и сдѣлавъ необходимыя приготовленія для пропуска на завтра служебнаго поѣзда са-

мого полковника, пожелавшаго лично пробиться до Ростова, я, изнемогая отъ усталости, тѣмъ не менѣе не могъ почти ни на минуту заснуть, такъ какъ жена на послѣднихъ дняхъ беременности сильно мучилась и кромѣ того очень безпокоилась за благополучный исходъ предстоящаго путешествія моего съ полковникомъ. Зная, кромѣ того, что рабочіе на очисткѣ путей близъ Никитовки народъ необузданный (шахтеры изъ рудниковъ), а я человѣкъ горячій, она взяла съ меня слово, что я не возьму съ собою на этотъ разъ револьвера. Въ 6 часовъ утра я былъ уже на платформѣ. Вскорѣ вышелъ изъ вагона и самъ полковникъ. „Ну что же, привезли водку?“ „Нѣтъ еще“. „Отчего же такая задержка?“ Извольте сами безотлагательно поѣхать въ городъ за водкой“. И вотъ я помчался въ Славянскъ и, прибывъ къ ренсковому погребу, засталъ картину выкатки бочки изъ подвала, при чемъ бочка почему-то никакъ не хотѣла вылѣзать изъ послѣдняго. Весьма оригинальна была послѣдующая процессія: впереди на парѣ катитъ инженеръ, а за нимъ вскачь мчится на тройкѣ винная бочка. По прибытіи послѣдней, полковникъ успокоился. Вскорѣ мы тронулись въ путь и, прочищая кое-какъ прихваченными съ собой рабочими небольшіе переносы на насыпяхъ и заносы въ менѣе значительныхъ выемкахъ, благополучно добрались до ст. Никитовка (начала настоящихъ заносовъ). Тутъ мы застали слѣдующую картину. Яркій солнечный день. Рѣзкій восточный вѣтеръ, стремительно несущій по низу массы острыхъ обледенѣлыхъ снѣжинокъ. На станціонной платформѣ толпа шахтеровъ человѣкъ въ 1.200—1.300 съ ломами, кирками и лопатами, бушующая и кричащая. Едва поѣздъ остановился, какъ вся эта толпа хлынула къ вагонамъ и заняла путь передъ паровозомъ. Вышелъ полковникъ и спросилъ ихъ, что имъ нужно. „Берите насъ на работу (а рабочихъ болѣе не требовалось), или мы вашъ поѣздъ дальше не пропустимъ“. Полковникъ съ управляющимъ пробовали урезонить шахтеровъ, но безрезультатно. Тогда управляющій дорогою подошелъ ко мнѣ и вполголоса сказалъ: „полковникъ, во что бы то ни стало, желаетъ ѣхать дальше“. „Какой же толкъ, возразилъ я, вѣдь мы можемъ проѣхать еще только 4 версты до Горловской выемки, гдѣ 15-ти аршинные заносы, а засимъ все равно должны вернуться обратно“. „Но полковникъ *требуетъ* ѣхать дальше, придумайте что-нибудь, чтобы рабочіе насъ выпустили“. Тогда я, оставивъ при себѣ одного только мѣстнаго дорожнаго мастера Дубакина, здоровеннаго высокаго мужчину, и держа въ рукахъ желѣзную палочку-

масштабъ, съ которой никогда не разставался, крикнулъ рабочимъ, что имъ разъ уже сказано, что въ большемъ противъ уже взятаго количества на очистку не требуется и что я прошу ихъ разойтись. Начался громкій ропотъ и угрозы „или всѣхъ возьмите, или не пустимъ поѣзда". Тогда я, уже не помня себя отъ нервнаго напряженія, вызваннаго безсонными ночами, заботой о томъ, что дѣлается въ эту минуту съ женою, присутствіемъ полковника и ревущей дикой орды передо мною, изступленнымъ голосомъ крикнулъ: „назадъ убирайтесь отсюда, мерзавцы", и поднявъ палку, началъ молотить ею по чему попало: лицамъ, головамъ, груди, рукамъ шахтеровъ, согнувъ свою палку въ концѣ концовъ въ дугу. Въ это время поѣздъ съ начальствомъ тихо тронулся дальше, оставивъ меня одного съ дорожнымъ мастеромъ на произволъ разъяренной толпы. Дорожный мастеръ также не отставалъ отъ меня: поднимая, благодаря своей необычайной силѣ, наиболѣе близко стоявшихъ къ нему рабочихъ, онъ швырялъ ими въ толпу, или взявъ за шиворотъ 2-хъ стоявшихъ рядомъ, ударялъ ихъ лбами другъ объ друга. Свершилось чудо. Видъ ли неустрашимости двухъ только человѣкъ противъ цѣлой толпы, или иныя какія-либо побужденія, но рабочіе начали мало-по-малу, хотя и съ глухимъ ропотомъ, очищать платформу и оставили меня въ покоѣ. Предчувствіе жены спасло меня: будь у меня револьверъ, я, конечно, не воздержался бы отъ выстрѣловъ и былъ бы неминуемо растерзанъ толпою. Но вотъ часа черезъ полтора вернулся служебный поѣздъ съ полковникомъ, тщетно пытавшимся пробиться черезъ Горловскую выемку, въ снѣгу которой ранѣе застряли пять паровозовъ, изъ которыхъ 3 были постепенно высылаемы изъ Никитовки для выручки первоначально застрявшихъ двухъ (къ будкамъ машинистовъ въ снѣгу были сверху продѣланы траншейки, въ которыя опускали подвозимый на подводахъ уголь, чтобы не заморозить котловъ). Полковникъ снова обратился ко мнѣ съ вопросами: „когда предполагаете очистить путь?" „Не знаю". „Извольте поѣхать до конца участка на подводѣ и доложить мнѣ точно, въ какомъ положеніи очистка пути дальше и когда можно ожидать окончанія расчистки". И вотъ я и помощникъ мой инженеръ Балинскій (послѣдній въ инженерной фуражкѣ, въ волчьей шубѣ, повязанный зеленымъ кучерскимъ поясомъ и сапогахъ изъ собачьей шерсти, одолженныхъ ему сжалившимся надъ нимъ мѣстнымъ священникомъ, такъ какъ у Балинскаго, когда онъ пріѣхалъ въ Никитовку, было только одно тонкое ватное инженерное пальто),

отправились на парѣ до конца участка, записывая размѣры заносовъ и количество людей, явившихся за расчетомъ. Когда поздно вечеромъ я вернулся въ Никитовку съ докладомъ къ полковнику, то засталъ слѣдующую картинку: полковникъ нервно шагалъ въ помѣщеніи телеграфа и диктовалъ свои распоряженія управляющему. Когда я сообщилъ ему, что, если метель прекратится, то расчитываю черезъ 2—3 сутокъ прочистить хотя бы покуда только траншею для пути, то полковникъ обратился къ управляющему и просилъ его повліять на 2-хъ прочихъ (до Ростова) начальниковъ участковъ, въ смыслѣ полученія отвѣта о ближайшемъ срокѣ очистки пути. „Черезъ недѣлю, если метель прекратится“ отвѣтилъ по аппарату сосѣдній инженеръ Андросовъ. „Не знаю и приблизительно“ былъ отвѣтъ второго инженера І. В. Пиларя, у котораго были 21 аршинные заносы. Тогда полковникъ фонъ-Вендрихъ спросилъ управляющаго: „Что Пиларь самолюбивый человѣкъ. Постарайтесь подѣйствовать на его самолюбіе“. И вотъ управляющій диктуетъ телеграмму: „Я, Богдановичъ, полковникъ фонъ-Вендрихъ, зная вашу энергію и опытъ, проситъ принять васъ самыя энергичныя мѣры къ возстановленію движенія. Сообщите, когда, приблизительно, предполагаете закончить очистку“. „Я, Пиларь, не знаю, и приблизительно сказать даже не могу“, былъ лаконическій отвѣтъ. Полковникъ продолжалъ ходить сумрачно по помѣщенію телеграфа, какъ звѣрь въ клѣткѣ. Потомъ вдругъ пошелъ къ себѣ въ вагонъ. Черезъ часъ мы ѣхали уже обратно по направленію къ Харькову, а когда я, заснувшій въ полушубкѣ какъ убитый тяжелымъ сномъ въ купэ вагона, былъ внезапно разбуженъ расталкивавшимъ меня человѣкомъ, то это былъ уже Славянскъ, а будившій меня оказался моимъ слугою, торопившимъ меня скорѣе домой, такъ какъ съ минуты на минуту слѣдовало ожидать на свѣтъ рожденіе моего второго ребенка.

Не успѣла нѣсколько попритихнуть гроза снѣжныхъ заносовъ, какъ дорога внезапно была выкуплена въ казну и приходилось возиться съ правительственной пріемочной комиссіей во главѣ съ предсѣдателемъ таковой, инженеромъ А. П. Домбровскимъ. Помню, что въ первую свою поѣздку по моему участку послѣдній, осматривая размѣры недавнихъ заносовъ, садился на макушки телеграфныхъ столбовъ и при переходѣ отъ одного изъ таковыхъ къ другому зацѣпилъ ногою за верхній телеграфный проводъ. На смѣну управляющаго дорогою І. И. Дворжецкаго-Богдановича, назначенъ былъ крайне враждебно настроенный по

отношенію къ мѣстному служебному персоналу инженеръ Измайловъ, еще не ознакомившійся совсѣмъ съ личнымъ составомъ, а уже составившій проскрипціонные списки неблагонадежныхъ по его мнѣнію инженеровъ, въ число таковыхъ попалъ и я. И только благодаря заступничеству глубокоуважаемыхъ А. Е. Плакиды и А. Н. Горчакова, Измайловъ оставилъ меня въ покоѣ, и наоборотъ, когда я впослѣдствіи самъ захотѣлъ уйти, то удерживалъ меня даже на дорогѣ. Осенью того же 1891 г. начались знаменитыя хлѣбныя залежи на южныхъ дорогахъ, для урегулированія коихъ былъ снова командированъ снабженный, какъ извѣстно, чрезвычайными полномочіями тотъ же полковникъ фонъ-Вендрихъ. Началась усиленная, чисто лихорадочная дѣятельность агентовъ всѣхъ службъ. Необычайное усиленіе движенія, при отправкѣ на нѣкоторыхъ перегонахъ поѣздовъ другъ за другомъ вслѣдъ на небольшихъ разстояніяхъ времени между собою, неприспособленность станцій для пріема и скрещенія и отправки такой массы поѣздовъ, связанная съ страшнымъ переутомленіемъ всѣхъ служащихъ отъ вышеупомянутой лихорадочной службы—все это въ такой значительной степени усилило число столкновеній, наѣздовъ и сходовъ, что за сутки подъ конецъ случалось не менѣе 2—3 такихъ происшествій и, помню, было дней 10, когда я спалъ не раздѣваясь, чтобы быть готовымъ по нервому увѣдомленію отправиться съ вспомогательнымъ поѣздомъ на мѣсто происшествія.

Вскорѣ какъ-то зимою получена была отъ полковника фонъ-Вендриха телеграмма, устраняющая отъ должности Измайлова, если не ошибаюсь, за неисполненіе требованія полковника о наймѣ во время заносовъ партій рабочихъ на основаніи соотвѣтствующей статьи общаго устава ж. д. (Изъ всѣхъ начальниковъ участковъ выполнили это требованіе только двое, въ томъ числѣ и я).

Весною того же года, послѣ 6 лѣтъ службы на Курско-Харьково-Азовской дорогѣ, въ виду какъ крайне тяжелыхъ климатическихъ условій, плохо переносимыхъ моею семьею, такъ и необходимости помѣстить сына въ гимназію или реальное училище, я, благодаря содѣйствію глубокоуважаемаго А. Н. Горчакова, тогдашняго вице-предсѣдателя временнаго управленія ж. дорогъ, получилъ оффиціальное предложеніе изъ вышеуказаннаго управленія занять мѣсто начальника участка на Либаво-Роменской дорогѣ, безъ указанія гдѣ именно. Въ полной увѣренности, что меня переводятъ на такое мѣсто, о которомъ я просилъ, т. е. въ городъ съ какимъ-либо средне-учебнымъ

мужскимъ заведеніемъ, я съ радостью изъявилъ согласіе. Пріѣхавъ въ Минскъ и явившись представиться къ бывшему въ то время начальникомъ ремонта пути инженеру І. В. Дестюдъ-де-Бланэ, я былъ встрѣченъ словами. „Вы намъ точно съ неба свалились и вообще я не понимаю той манеры, которую усвоило себѣ временное управленіе желѣзныхъ дорогъ назначать своихъ агентовъ, не запросивъ предварительно мѣстное управленіе". На эти слова мною было возражено, что я-то тутъ рѣшительно ни при чемъ и что, быть можетъ, не лучше ли мнѣ проситься обратно на Курско-Харьково-Азовскую дорогу. Инженеръ Дестюдъ возразилъ, что теперь уже поздно и чтобы я ѣхалъ на тотъ участокъ, который онъ можетъ мнѣ предоставить, а именно мѣстечко Можейки (теперешнее Муравьево) Ковенской губерніи. Пріѣхавъ въ Можейки, я къ своему горю убѣдился, что здѣсь нѣтъ рѣшительно ничего похожаго на средне-учебное заведеніе, а что благодаря близости къ прусской границѣ и обилію перелѣсковъ, позволяющихъ легко укрываться, это не что иное, какъ грязное гнѣздо, сплошь населенное евреями-контрабандистами. Оказывалось, что вся мѣстность—сплошное болото, гдѣ вода даже въ самыхъ высокихъ мѣстахъ, всего только на глубинѣ какого-нибудь аршина отъ поверхности, а притокъ грунтовыхъ водъ настолько силенъ, что изъ подвальнаго этажа пассажирскаго зданія приходилось ежедневно выкачивать воду большимъ насосомъ Летестю, а въ жилыхъ домахъ негашеная известь по прошествіи 2—3 часовъ уже гасилась сама собою, разсыпаясь въ порошокъ. То же мѣстечко отличалось и крайнимъ обиліемъ дождей, лившихъ какъ бы изъ мелкаго, но очень частаго сита по нѣсколько дней подрядъ. Казенной квартиры для начальника участка не имѣлось. Чего-либо подходящаго въ частныхъ немногочисленныхъ домахъ мѣстечка—тоже. Тогда узнавъ, что есть гораздо лучшая свободная дистанція въ мѣстечкѣ Залѣсьи подъ самымъ Минскомъ, я умолялъ г. Дестюда предоставить таковую мнѣ, но получилъ ничѣмъ не мотивированный отказъ. Осталось подчиниться судьбѣ: я нанялъ въ Можейкахъ три свѣтелки и чердакъ надъ домомъ мѣстнаго нѣмца участковаго врача Митавской дороги. Свѣтелки были досчатыя. Сквозь плохо сколоченныя стѣны и неплотно пригнанныя оконныя рамы дуло настолько сильно, что мы вынуждены были завѣшивать часть навѣтренныхъ стѣнъ пледами, а окна ватными одѣялами, а дѣтскія кроватки заслонять независимо отъ этого—ширмами. Несмотря на это, при сильныхъ господствовавшихъ здѣсь сѣверо-западныхъ вѣтрахъ, дуло иногда настолько сильно, что свѣча

гасла въ комнатѣ, а бѣдная жена моя, еле оправившаяся послѣ весьма тяжкихъ родовъ и кормившая новорожденную дочку, сама не знала, въ какомъ углу комнаты найти мѣсто, чтобы безнаказанно открыть грудь. При такой обстановкѣ бѣдная женщина не замедлила схватить жесточайшій ревматизмъ въ груди и ногахъ. Сынъ мой отъ сырости заболѣлъ болотной лихорадкой, а у старшей дочери отъ постояннаго раздраженія сыростью слизистой оболочки, образовывались въ носовой полости непрерывно нарывы. При такихъ условіяхъ, чтобы спасти семью, пришлось отослать таковую въ находившуюся въ разстояніи около 100 верстъ отъ Можеекъ Либаву и жить на два дома. Въ служебномъ отношеніи жилось мнѣ также крайне тяжело. Г. Дестюдъ на каждомъ шагу давалъ мнѣ чувствовать, что я попалъ на дорогу помимо него: какія бы представленія по личному составу участка я ни дѣлалъ—таковыя отклонялись. Кредиты на ремонтъ отпускались грошевые. Всякія жалобы на вводимую мною среди служащихъ, крайне распущенныхъ моими предшественниками дисциплину, всегда находили себѣ поддержку у начальника сл. пути. Гдѣ только возможно, мнѣ вставляли палки въ колеса. Помню, между прочимъ, такой случай. Въ іюлѣ 1902 г. ожидался проѣздъ управляющаго въ то время Министерствомъ Путей Сообщенія С. Ю. Витте, между тѣмъ отъ лившихъ постоянно дождей слой самъ уже по себѣ плохого и мелкаго глинянаго балласта на нѣкоторыхъ верстахъ участка настолько уменьшился, что мѣстами шпалы лежали прямо на полотнѣ, а въ ящикахъ между шпалами было совершенно пусто. Тогда я попросилъ начальника службы разрѣшить мнѣ получить съ сосѣдней дистанціи (карьера у меня своего въ то время не было), хотя бы только четыре поѣзда песку, на что получилъ слѣдующую резолюцію: „Считаю совершенно неудобнымъ, чтобы сосѣднія дистанціи пересылали къ Вамъ свои балластные поѣзда и тѣмъ задерживали правильный ходъ работъ на своихъ дистанціяхъ... Въ теченіе 12 лѣтъ на всей линіи только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ принимались такія мѣры". Послѣ этого мнѣ конечно не оставалось ничего другого, какъ ждать съ замираніемъ сердца проѣзда министра. По счастливой случайности Витте не захотѣлъ смотрѣть Либавскаго участка дороги и повернулъ прямо съ Вилейки въ Петербургъ.

Пробывъ съ небольшимъ годъ на Либаво-Роменской дорогѣ, я благодаря принявшему въ моей судьбѣ горячее участіе вновь назначенному въ то время на Либаво-Роменскую дорогу—новому начальнику дороги, нынѣ покойному А. П. Глазенапу, получилъ

мѣсто на Московско-Курской ж. дорогѣ, хотя и не на городской участокъ, но въ весьма хорошія прочія жизненныя условія, а именно въ большое село Сергіево, Тульской губерніи. Въ предѣлахъ моего новаго участка находилась, между прочимъ, станція Ясенки, въ недалекомъ разстояніи отъ которой лежитъ имѣніе графа Л. Н. Толстого „Ясная Поляна". Самого графа я, къ сожалѣнію, никогда не видалъ, но семью его весьма часто. Тѣмъ не менѣе о графѣ приходилось много слышать. Такъ, напримѣръ, на 197 верстѣ участка близъ полустанціи „Козловская-Засѣка", партія землекоповъ работала у меня на съемѣ сплывовъ и устройствѣ дренажей. Графъ по праздничнымъ днямъ сталъ нерѣдко заходить въ землянки землекоповъ, велъ бесѣды на душеспасительныя темы, раздавалъ свои брошюры о вредѣ куренія и пьянства. Къ удивленію землекоповъ однажды эта бесѣда завершилась приглашеніемъ: „не хотятъ ли они по дешевой цѣнѣ разработать графу песчаный карьеръ въ Ясной Полянѣ".

Къ тому же времени относится и посѣщеніе графа одною знакомою моею бѣдною учительницею, которая рѣшилась попросить графа дозволить ей помѣстить въ издаваемой ею хрестоматіи нѣсколько отрывковъ изъ его сочиненій. На это Л. Н. отвѣтилъ, что, къ своему крайнему сожалѣнію, сдѣлать ничего не можетъ, такъ какъ всѣ его изданія принадлежатъ его женѣ графинѣ... Другимъ моимъ сосѣдомъ вблизи станціи Самозвановка былъ другой писатель Сухово-Кобылинъ, авторъ „Свадьбы Кречинскаго" и „Дѣла", подарившій мнѣ оба эти произведенія съ своимъ автографомъ.

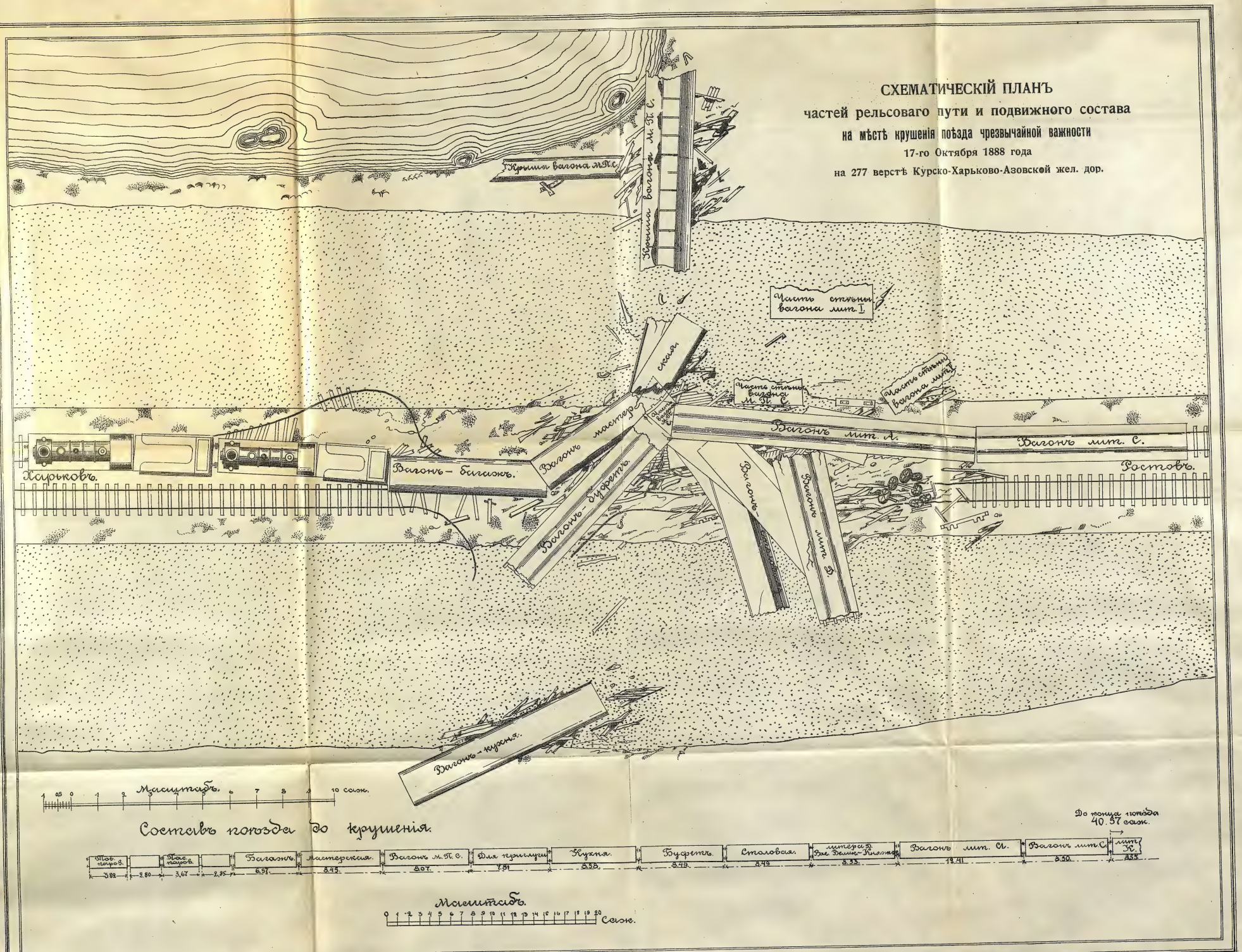
Въ 1893—1895 г.г. былъ у насъ Министромъ Путей Сообщенія извѣстный Кривошеинъ, благодаря знакомству котораго съ мѣстной помѣщицей, жившей близъ полустанціи Сумароково, мнѣ чуть-чуть не пришлось пострадать: коровы г-жи Сокоревой объѣдали живую изгородь вдоль полосы отчужденія. Мѣстный дорожный мастеръ загналъ ихъ на свой дворъ, составилъ жандармскій протоколъ, и земскій начальникъ присудилъ помѣщицу къ уплатѣ 25 руб. штрафа. Тогда старушка озлобилась, написала письмо министру, гдѣ припоминала, какъ во время оно онъ танцовалъ съ нею гдѣ-то на вечерахъ и просила наказать и дорожнаго мастера, и меня за то, что якобы индюшки и куры дорожнаго мастера, поклевали у нея ягоды въ саду (казарма дорожнаго мастера находилась въ 2-хъ верстахъ слишкомъ отъ усадьбы помѣщицы). И чтобы разобрать это столь важное „индюшечье" дѣло, Кривошеинъ командировалъ ко мнѣ старшаго инспектора Апохалова.

Ко времени моей службы на Сергіевскомъ участкѣ относятся и двукратные проводы покойнаго Государя Императора Александра III: первый разъ—на станцію Борки, а второй—въ Крымъ, откуда ему уже не суждено было возвратиться живымъ; особенно памятна мнѣ эта послѣдняя поѣзда. Императорскій поѣздъ только-что прибылъ на ст. Мценскъ, конечный пунктъ моихъ проводовъ, я слѣзъ съ паровоза и подошелъ поближе къ Императорскому вагону. На товарной платформѣ стояла депутація мѣстнаго дворянства и настоятельно хлопотала, не выйдетъ ли къ ней Государь. Послѣдній вскорѣ вышелъ и тяжелыми шагами съ трудомъ поднялся на платформу. Что онъ говорилъ, я не могъ разслышать, но видѣлъ только, какъ, вернувшись въ вагонъ, Государь безсильно опустился на стулъ и подперъ голову обѣими руками.

Съ пребываніемъ на Сергіевскомъ участкѣ связаны мои воспоминанія, какъ о наилучшей и наиболѣе счастливой порѣ моей службы на желѣзныхъ дорогахъ, и этого времени, къ сожалѣнію, не вернешь уже болѣе.

Необходимость дать воспитаніе дѣтямъ заставила меня просить начальника моей дороги (бывшаго министра путей сообщенія) Н. К. Шауфуса перевести меня на городской участокъ, и вскорѣ послѣ перехода въ казну дорогъ главнаго общества, я былъ переведенъ въ Москву на только-что присоединенную къ Курской дорогѣ Московско-Нижегородскую дорогу.

Познакомившись поближе съ новымъ своимъ участкомъ, я пришелъ въ ужасъ и готовъ былъ проситься обратно въ Сергіево: за 33 года управленія Московско-Нижегородскою дорогою главнымъ обществомъ со стороны послѣдняго было сдѣлано все возможное, чтобы привести въ полный упадокъ, первоначально отлично построенную французскими инженерами, дорогу, такъ какъ средства, отпускавшіяся на нее по смѣтѣ для видимости, на самомъ дѣлѣ тратились почти всецѣло на поддержаніе другихъ болѣе видныхъ линій общества: Николаевской и С.-Петербурго-Варшавской, а Нижегородская получала только то, что было еле-еле достаточно для поддержанія кое-какъ движенія, и, если дѣло обходилось почти безъ крушеній, то исключительно благодаря почти идеальному профилю дороги. Путь заросъ травою мѣстами въ аршинъ высотою, сплошь мощеные кюветы—заплыли иломъ и мусоромъ: нагорныя канавы—также. Шпалы въ пути лежали мѣстами укладки 13-ти и еще позднѣйшихъ сроковъ годовъ. Рельсы искривлены почти сплошь, благодаря отсутствію какой-либо періодической рехтовки и не-



СХЕМАТИЧЕСКІЙ ПЛАНЪ

частей рельсоваго пути и подвижного состава на мѣстѣ крушенія поѣзда чрезвычайной важности

17-го Октября 1888 года

на 277 верстѣ Курско-Харьково-Азовской жел. дор.

однообразной подъуклонки рельсовъ. Зданія погнили настолько, что желѣзная палочка моя проходила насквозь черезъ нижнюю часть стѣнъ. Въ каменныхъ пассажирскихъ зданіяхъ—карнизы и пилястры въ трещинахъ, а въ подвальныхъ этажахъ (напримѣръ, въ буфетной кухнѣ станціи 2 класса Павлова) на полу вода, по которой приходилось класть досчатые мостки, и квакали лягушки и т. д. Въ соотвѣтствіи съ только-что описаннымъ положеніемъ участка—находился почти всецѣло и его личный составъ, застывшій въ самой упорной лѣни и полномъ невѣдѣніи, какъ правильно вести ремонтъ желѣзнодорожнаго пути. Между тѣмъ приходилось энергично готовиться къ предстоящему весною 1896 г. усиленному движенію поѣздовъ на открывавшуюся въ маѣ этого года всероссійскую выставку въ Нижнемъ-Новгородѣ. Не прошло и мѣсяца послѣ моего вступленія въ завѣдываніе участковъ, какъ 24 августа поѣхалъ въ Нижній—министръ путей сообщенія князь М. И. Хилковъ въ сопровожденіи супруги, дочери и начальника дороги Н. К. Шауфуса. Утромъ 25 августа мною была получена нижеслѣдующая телеграмма: „Копія конторѣ Москва, Пѣтушки, Владиміръ, Ковровъ, I Нижній начальнику ремонта пути и начальникамъ 1, 2, 3, 4 и 5 участковъ пути. Его сіятельство министръ путей сообщенія, обративъ вниманіе на непокойное слѣдованіе экстреннаго поѣзда, вслѣдствіе недостаточной выправки пути, приказалъ неотлагательно привести оный въ полную исправность, возложивъ на васъ личную отвѣтственность за скорѣйшее исполненіе этого распоряженія. Объявляю объ этомъ для исполненія и неотложнаго принятія энергичныхъ мѣръ по исполненію приказанія г. министра. предлагаю г.г. начальникамъ участковъ совмѣстно со своими помощниками лично руководить работами по ремонту пути, во всемъ согласно вновь изданнаго положенія и еженедѣльно доносить мнѣ черезъ начальника службы о принятыхъ ими мѣрахъ и ходѣ работъ на ввѣренныхъ имъ участкахъ. № 372. Шауфусъ“.

26 августа утромъ войдя въ вагонъ къ возвращающемуся изъ Нижняго Н. К. Шауфусу, я услыхалъ отъ него слѣдующую фразу: „Ну, что дождались, получили мою депешу“. „Да я-то тутъ причемъ, Николай Константиновичъ“, отвѣтилъ я, „вѣдь вы же знаете, что нѣтъ и мѣсяца, что я на участкѣ“. „Ну, я вѣдь только такъ говорю, нужно, чтобы были приняты самыя энергичныя мѣры къ приведенію пути въ должный порядокъ, вѣдь у васъ на 5-й верстѣ дочь князя пролила на себя стаканъ горячаго чаю на колѣни, такъ качало и толкало

на пути“.—„Дайте мнѣ carte-blanche, и я приведу вамъ путь по мѣрѣ силъ въ надлежащее состояніе“, былъ мой отвѣтъ. Николай Константиновичъ далъ это разрѣшеніе и обѣщалъ сообщить начальнику службы пути К. Я. Якубовскому надлежащія указанія по сему поводу.

И вотъ, нагнавъ до 2.000 рабочихъ и солдатъ, уволивъ всѣхъ дорожныхъ мастеровъ и часть старшихъ рабочихъ, и замѣнивъ ихъ вполнѣ благонадежными, лично собранными съ прежнихъ моихъ участковъ, разъѣзжая безъ устали съ ранняго утра до поздней ночи на дрезинѣ, лично остукивая почти каждую вновь подбитую шпалу и провѣривъ весь 62-хъ верстный участокъ лично по уровню и шаблону, при продолжавшейся, по счастливой случайности, отличной погодѣ до самой глубокой осени, я успѣлъ привести путь, какъ съ внѣшней стороны, такъ и съ внутренней стороны къ серединѣ октября въ такое состояніе, что при осеннемъ своемъ осмотрѣ, лицо Н. К. Шауфуса, первоначально довольно мрачное, мало-по-малу все болѣе и болѣе прояснялось, а когда мы проѣхали на конечную станцію участка въ Павлово, онъ отвелъ меня въ сѣняхъ въ сторону и въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ высказалъ свою благодарность. Къ тому же перестали квакать и лягушки въ буфетной кухнѣ названной станціи, такъ какъ мнѣ удалось открыть устроенную еще французами канализаціонную сѣть, расчистить таковую и осушить черезъ ея посредство весь подвальный этажъ пассажирскаго зданія. Зато въ слѣдующемъ году выпало мнѣ перетерпѣть не мало непріятностей изъ-за сильныхъ перерасходовъ по очер. № 197.

Л. Н. Любимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

На Босфорѣ [1]).

Какой бы силы, однако, ни была позиція на Рогозна-Дагѣ, и какъ бы она ни была обезпечена отъ обхода, степень упорства ея обороны должна все-таки измѣряться не столько ея пассивными достоинствами, сколько напряженіемъ и духомъ оттоманской арміи. Быстрое образованіе Коссовской арміи и, поставленная на первый планъ сераскеріатомъ, реорганизація турецкихъ войскъ, входящихъ въ ея составъ, указываетъ на серьезное отношеніе Порты къ положенію дѣлъ на этой окраинѣ имперіи. Нѣтъ причины поэтому предполагать, чтобы энергія, съ какою правительству султана удалось отстоять сдѣсь свои интересы и остановить движеніе австро-венгерцевъ на югъ, ослабла и замѣнилась апатіею, при которой никакая позиція въ мірѣ не можетъ имѣть ни малѣйшаго успѣха. Съ своей стороны мы должны желать сохранія Ново-Базарскаго санджака въ турецкихъ рукахъ, пока онъ не достался австрійцамъ, надежда на включеніе его въ составъ сербскаго государства еще не исчезла.

Потерявъ вмѣстѣ съ Босніею лучшихъ защитниковъ ислама, а въ болгарскихъ провинціяхъ значительную часть своего рекрутскаго контингента, турецкое правительство рѣшилось пополнить пробѣлъ албанскимъ мусульманскимъ населеніемъ, еще не вошедшимъ въ составъ вооруженныхъ силъ государства. Албанская лига есть продуктъ измышленія Порты, объявившей мѣстному населенію дарованіе нѣкоторыхъ правъ самоуправленія, за которыя она должна организоваться въ отряды и идти на уси-

[1]) См. „Русская Старина", іюнь 1913 г.

леніе дѣйствующей арміи, но планъ оказался мало соображеннымъ съ патріархальною жизнью полудикихъ горцевъ, міровоззрѣніе которыхъ ограничивалось узкимъ горизонтомъ семьи и племени. Правительству пришлось выдать 11 полев. орудій, а въ томъ числѣ шесть крупповскихъ, раздать нѣсколько десятковъ тысячъ ружей и много боевого матерьяла, все обошлось ему очень дорого, а имѣть при войскахъ ополченія все-таки не удалось. Закупленные али и беки образовали въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ комитеты, въ большинствѣ случаевъ фиктивные, и только въ Призренѣ [1]), Дьяковѣ и Сейхонъ имѣвшіе нѣкоторую силу. Всего было поднято до 5/т. чел. пѣшихъ и нѣсколько десятковъ конныхъ. Во главѣ ополченій стояли Хаджи-Ахметъ-ага изъ Призрѣна и Ахметъ-Качамахъ изъ Ново-Базара. Въ скоромъ времени орудія и часть вооруженія были отобраны обратно.

Эпиро-Ѳессалійская армія усилена только послѣ заключенія апрѣльской конвенціи. Тѣмъ не менѣе она и теперь уступаетъ Коссовской, въ особенности своею артиллеріею. Имѣя главное командованіе въ Янинѣ, армія состоитъ изъ двухъ корпусовъ, раздѣленныхъ между собою хребтомъ Пинда.

	Бат.	Эск.	Бат.	Людей.
Эпирскій корпусъ . . .	35	8	3	18.800
Ѳессалійскій	47	12	8	27.637

Отсюда видно, что Ѳессалія, находящаяся въ лучшихъ условіяхъ сообщенія моремъ съ Константинополемъ, занята сильнѣе, чѣмъ Эпиръ. Противъ греческой границы въ первой можетъ быть сосредоточено 25 т., тогда какъ въ послѣднемъ только 16 т. Во всякомъ случаѣ въ настоящее время выставлено противъ греческаго королевства такой силы армія, которая вполнѣ обезпечиваетъ страну отъ вторженія съ юга. Впрочемъ, усиленное расположеніе здѣсь войскъ еще имѣетъ другую цѣль, именно вліять на успѣшное веденіе разграниченія делимитаціонною комиссіею. Принимается во вниманіе еще воинственное настроеніе грековъ, требующихъ отъ своего правительства болѣе энергичной политики.

Скутарійская дивизія довольно разбросана. Изъ 19 бат. 2 эск. и 3 бат., 5 бат. съ эск. и батареею, около 3 т. чел., расположены къ сѣверу отъ оз. Скутари въ укрѣпленіяхъ Хума, Туза и Диноша, фронтомъ къ Черногоріи. Къ югу отъ озера 6 бат. занимаютъ Ненцось, Зогай, Горицу, Норача и Дуль-

[1]) Къ сожалѣнію, намѣченное здѣсь наше консульство такъ и осталось неоткрытымъ.

чиньо. Въ самомъ Скутари 3 бат. 1 эск. и 2 бат. въ 2 т. чел. Здѣсь штабъ, въ Тузѣ бригадный генералъ. Всего противъ Черногоріи съ этой стороны 8 т. чел. Внутри страны 2.200 въ 5 бат. Всего 10.000 чел.

Главнымъ препятствіемъ къ плавной работѣ разграниченія служитъ ручательство, данное Портой албанскимъ вождямъ въ неприкосновенности ихъ территоріи. Вотъ почему турки не рѣшаются подписать протоколы отграниченія въ пользу Черногоріи богатаго округа Плавы-Гусинье. Въ то же время ихъ уполномоченные частнымъ образомъ заявляютъ, что округъ уже очищенъ отъ войскъ и администраціи и ничто не препятствуетъ его занятію. О Берлинскомъ конгрессѣ албанцы имѣютъ смутное понятіе и по-прежнему думаютъ, что все зависитъ отъ доброй воли падишаха.

Войска, занимающія болѣе или менѣе мелкими отрядами все внутреннее пространство между сказанными арміями и корпусами, базируются на Солунь и составляютъ такъ называемый Солунскій корпусъ. Части войскъ занимаютъ главнѣйшіе пункты страны и эшелонированы вдоль желѣзнодорожнаго пути. Всего 32 бат. 13 экс., 2 бат. и 17.250 людей. Уже изъ этой малочисленности видно, что назначеніемъ войскъ главнымъ образомъ служитъ лишь охраненіе внутренняго порядка. Къ сторонѣ Восточной Румеліи расположены такіе слабые отряды' которые ни въ какомъ случаѣ не могутъ ей угрожать.

Такой же характеръ имѣетъ расположеніе турецкихъ войскъ и съ другихъ сторонъ Восточной Румеліи. Всего здѣсь находится до 22 т. въ трехъ отрядахъ: у Адріанополя, у Демотики и у Киркъ-Килиссы.

	Бат.	Эск.	Бат.	Людей.
У Адріанополя	18	12	4	10.500
„ Демотики	6	6	2	3.500
„ Киркъ-Килиссы . . .	16	6	4	8.000

Представитель Великобританіи настаиваетъ на осуществленіи Портой права занятія оборонительной линіи по хребту Балканъ и на возведеніи укрѣпленнаго лагеря у Бургаса; но правительство султана не поддается на подстрекательство, находя свои интересы въ другихъ мѣстахъ Балканскаго полуострова для даннаго времени болѣе важными.

Сводимъ все вмѣстѣ въ одну общую вѣдомость дислокаціи турецкой арміи.

	Бат.	Эск.	Бат.	Людей.
I. На Босфорѣ и Чаталжѣ	44	10	31	24.000
II. Галлипольскій отрядъ	14	—	—	6.000
III. Адріаноп. корпусъ .	40	34	12	22.000
IV. Коссовская армія . .	68	18	15	42.550
V. Эпиро-Ѳессалійская .	82	20	11	46.450
VI. Скутарійская дивизія	19	2	3	10.000
VII. Салоникскій корпусъ	32	13	2	17.250
VIII. Въ Арменіи и Анатоліи	70	28	11	30.000
IX. На Критѣ	11	—	3	9.500
X. Въ Сиріи и Арабистанѣ	22	12	6	17.000
Итого	402	137	94	226.750

При первомъ взглядѣ на подведенный итогъ турецкихъ войскъ, рождается понятіе о высокой организаціонной способности Оттоманской имперіи. Имѣя до войны 185 бат. дѣйствующей арміи, и редифовыхъ кадровъ на 207 бат., 138 эск. и 105 бат., правительство султана, по свидѣтельству сераскеріата, развиваетъ свои силы до почти 800 бат. пѣхоты, 246 эскадроновъ кавалеріи и 150 бат. въ 900 орудій артиллеріи. Теперь, черезъ полтора года послѣ окончанія бѣдственной войны, она все еще имѣетъ въ рядахъ своей арміи 400 бат. пѣхоты, а въ кавалеріи и артиллеріи ихъ составъ до войны. Но необходимо принять во вниманіе, во-первыхъ, что баталіоны не болѣе какъ кучки необученныхъ людей разныхъ сроковъ службы съ слабымъ кадромъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, эскадроны въ 40 или 50 человѣкъ заптій, черкесовъ и курдовъ, батареи въ 60—70 чел. необученной прислуги съ неисправною матерьяльною частью. Во-вторыхъ, числительности, указанной сераскеріатомъ, въ дѣйствительности никогда не существовало. Только на бумагѣ было собрано до 800 т. людей, подъ ружьемъ же и въ строю едва-ли было даже 600 т. Изъ процессовъ пашей обнаруживаются слабыя составы отрядовъ и тактическихъ единицъ.

Современное состояніе турецкой арміи не даетъ ей права называться организованною. Здѣсь вовсе не было приведенія боевой арміи послѣ войны въ составъ мирнаго времени. Изъ сдѣланныхъ въ этомъ смыслѣ распоряженій обращаютъ на себя вниманіе. Во-первыхъ, для обработки полей была распущена часть людей этой мѣстности, но безъ уравненія по войскамъ, и прямо изъ отрядовъ подъ рукой. Во-вторыхъ, уволены люди изъ болгарскихъ провинцій безъ различія сроковъ службы съ тою цѣлью, чтобы они, какъ земельные собствен-

ники, могли отстоять свое достояніе. Въ-третьихъ, сдѣлано распоряженіе о производствѣ рекрутскаго набора, давшаго менѣе 10 т. челов. Наконецъ, въ-четвертыхъ, организованы особыя военныя комиссіи для преобразованій.

Что осталось послѣ войны, то и находится теперь на-лицо почти безъ измѣненій во внутреннемъ составѣ. Ушли люди для обработки полей, отправились уроженцы болгарскихъ провинцій, прибыли рекруты, передвигались части къ болѣе угрожаемымъ пунктамъ; но организація арміи остается въ томъ же мозаичномъ состояніи, въ какомъ была до войны. Прослѣдить эту мозаику невозможно, отъ этого бы отказался и самъ сераскеріатъ. О ней можно судить, напримѣръ, по составу Скутарійской дивизіи, гдѣ изъ 19-ти батальоновъ, 3 дѣйствующихъ, 9 редифныхъ и 6 мустахфызовъ изъ мѣстностей: Охриды, Эльбассана, Бераты, Битоля, Смирны, Магниссы, Амассіи, Этлиба, Мараша, даже Лотакіэ, Чорума и пр.

Отъ демобилизаціи можетъ рухнуть все разомъ. Войска не получаютъ уже второй годъ жалованья, но это обыденное явленіе, хотя и возбуждаетъ ропотъ, но не смущаетъ военно-служащихъ въ ожиданіи въ день расчета получить все вдругъ. Поставщики еще продолжаютъ снабжать армію въ силу уже выполненныхъ поставокъ, чтобы не порвать свои квитанціи за прошлое. Люди, хотя часто и ходятъ босыми и въ дырявой одежѣ, все-таки питаются, б. ч. средствами края, а пока выносятъ все, благодаря своимъ качествамъ неприхотливости и религіозной дисциплины.

Зимою этого года была уволена часть людей мустахфыза—которымъ сераскеріатъ не могъ сдѣлать полнаго разсчета. Окрестности Константинополя наполнились партіями уволенныхъ солдатъ, не имѣвшихъ средствъ вернуться на родину и жившихъ грабежемъ на большихъ дорогахъ. Много поставщиковъ предлагаютъ купить свои претензіи къ правительству за ничтожное вознагражденіе. Офицеры здѣшняго горнизона получаютъ только продовольственные раціоны; ихъ же жалованье выдается женамъ бумажными деньгами-кайше...“

Свиты Его Величества ген.-маіоръ Бобриковъ.

16 августа 1879 года.

XXVII.

Завершилась большая эпоха въ исторіи Россійской державы ударомъ русскаго оружія на защиту славянства, эпоха итоговъ въ славянскомъ мірѣ, эпоха высокихъ подвиговъ, боевой доблести, геройства.

Если-бы война была логическимъ звономъ въ цѣпи нашего воздѣйствія въ пользу славянскихъ народностей Балканскаго полуострова, какими-бы великими результатами она заключилась! Но теперь очевидно, что и она была такою-же случайностью изъ множества подобныхъ, изъ которыхъ какъ-бы соткана наша исторія. Жаль, что такое въ концѣ концовъ высокое напряженіе нравственныхъ силъ не привело къ окончательному разрѣшенію Восточнаго вопроса. Какъ быть, чтобы уроки прошлаго освѣтили-бы намъ наконецъ нашъ путь и выяснили-бы средства къ побѣдному на немъ шествію. Уже много признаковъ, и число ихъ растетъ съ каждымъ днемъ, по которымъ можно судить, что и на этотъ разъ мы какъ можно скорѣе спрячемъ въ долгій ящикъ не только доспѣхи войны, но и все къ ней относящееся въ мірѣ боевомъ, политическомъ и административномъ.

Попытаемся бросить взглядъ назадъ, разомъ на всю эпоху, чтобы выяснить себѣ главнѣйшія черты ихъ характера. Какія ставились въ ней задачи нашему дипломатическому вѣдомству, какія цѣли должна была достигать наша армія, что полагалось въ основаніе тому порядку, который долженъ былъ замѣнить старый? Какъ мы понимали смыслъ Восточнаго вопроса? Ставили-ли мы на первый планъ географическую потребность для насъ движенія на югъ, къ воднымъ путямъ, какъ залогъ экономическаго развитія? Или ограничивались созданіемъ себѣ базы въ славянскомъ мірѣ? Или выступали поборниками православія, краеугольнаго камня нашей культуры? Или цѣли смѣшивались и являлась органическая между ними связь? Разобраться трудно, такъ какъ событія возникали не по нашей волѣ, а помимо нея.

На пространствѣ Турецкой имперіи горючаго матерьяла вездѣ много. При слабости власти поджечь его ни для кого не представляется ни малѣйшаго затрудненія; но еще чаще пожаръ начинается по почину самой власти, заинтересованной въ цѣляхъ личнаго обогащенія и только прикрывающейся задачами религіозной и государственной. Такъ было и предъ послѣднею

войной, когда серьезныя волненія, охватили большую часть территоріи Босніи и Герцоговины, сопредѣльную съ двумя сербскими княжествами. Съ давнихъ поръ чувствуется здѣсь ненормальность отношеній между омусульманившимися турецкими провинціями, окатоличенною пріадріатическою береговою зоною и самостоятельными православными Сербіею и Черногоріею. Всѣ одного сильно патріотическаго сербскаго корня. Но части одной семьи силою исторической судьбы подпали подъ различную политическую власть, тяжесть которой ими чувствуется не только отъ иновѣрія, но и отъ неблагопріятныхъ условій географическаго положенія. Нѣтъ возможности боснякамъ развиваться безъ далматинцевъ, но и узкая полоса послѣднихъ глохнетъ безъ связи съ первыми. Положеніе это безспорно, но при чемъ тутъ, между родными братьями, посредничество чуждаго имъ швабскаго элемента, при томъ стремящагося всѣми средствами къ полному подавленію православія и сербской народности.

Волненія возникли не въ первый разъ. Они появляются періодически, возбуждаемыя тою великою державою, которая вытѣсняется изъ Средней Европы, гдѣ растеряла свои государственныя силы, и теперь жаждетъ освѣжить дряхлый организмъ приливомъ новой славянской крови. Чудныя, богатыя страны служатъ предметомъ ея вожделѣнія. Хотя онѣ входятъ въ составъ уже разлагающагося государства, но сложная политическая обстановка все еще мѣшаетъ ихъ проглотить такъ скоро, какъ бы это хотѣлось двуединой монархіи. Отсюда возникаютъ время отъ времени попытки, чтобы удостовѣриться, на сколько еще крѣпки силы противодѣйствія. Періодически онѣ расшатываются, чтобы можно было легче оторвать. Болѣзненныя ощущенія испытываются не однѣми оперируемыми странами, но еще съ большею силою сосѣдними сербскими государствами, ясно понимающими, какой непоправимый вредъ наносится ихъ народности, и что допущенное въ настоящее время отразится роковымъ образомъ на ихъ собственной судьбѣ. Для нихъ это борьба на жизнь и смерть. Быть или не быть. Такъ ли это понималось тѣми, которые заинтересованы въ дѣлѣ, хотя не такъ близко, но жизненно.

Вотъ въ краткихъ словахъ прологъ къ послѣдней войнѣ. Поднявшаяся волна народнаго движенія, не найдя исхода на мѣстѣ, перелилась черезъ сосѣднія границы и увлекла за собою болѣе свободныя общественныя массы. Еще нѣсколько насилій со стороны турецкаго правительства, незамѣтно руководимаго

метерниховскою политикою, и раздались первые удары вновь народившейся войны на Балканскомъ полуостровѣ.

Первою объявила опасный для европейскаго мира пожаръ та самая держава, которая его подожгла. Пробудились матеріальные интересы Европы, поспѣшившей выслать въ Константинополь своихъ дипломатовъ для отстаиванія собственныхъ выгодъ. Въ трудномъ лабиринтѣ противоположныхъ теченій правильная работа дѣлалась невозможною и обращалась въ Сизифову. Отсюда лозунгъ государственнаго statu quo. Если не мнѣ, то никому, и да здравствуетъ султанъ въ Стамбулѣ. Хотя наша оффиціальная политика поспѣшила примкнуть къ европейскому концерту, но русская душа не выдержала. Вереница добровольцевъ всѣми путями потянулись на сербскій театръ войны.

Дальше все извѣстно. Вся черняевская эпопея, не много давшая въ смыслѣ боевомъ, но запечатлѣвшая славянское братство высокимъ именемъ доблестнаго русскаго вождя, прошла предъ глазами, какъ вчера. Силы воюющихъ сторонъ оказались слишкомъ неравными. Чтобы спасти погибающихъ братьевъ, Россіи пришлось защитить ихъ своимъ могущественнымъ заступничествомъ. Мы стояли еще ближе къ войнѣ, хотя съ самаго начала возникшихъ на Балканскомъ полуостровѣ затрудненій не переставали повторять, что проникнуты самыми миролюбивыми чувствами и войны не хотимъ. Зародившаяся на крайней западной окраинѣ славянства, волна докатилась до сердца Россіи и девятымъ валомъ подняла общественное воодушевленіе.

Не желая войны, мы были правы, такъ какъ войною играли въ руки злѣйшему врагу славянства; но отсюда не слѣдовало оставлять его происки безъ противодѣйствія и искать въ европейскихъ конференціяхъ идеальныхъ рѣшеній во имя отвлеченныхъ началъ справедливости. Событія шли своимъ чередомъ, надвигались признаки неминуемой войны, а мы все еще не знали, на что намъ рѣшиться. Нѣтъ ничего хуже состоянія бездѣйствія отъ нерѣшительности. Лучше сдѣлать ошибку и ее исправить, чѣмъ ослаблять свою волю колебаніями и сомнѣніями.

Тутъ была совершена нами двойная ошибка. Несмотря на цѣлую серію гатти-гумаюновъ и гатти-шерифовъ, изданныхъ представителями ислама и государственной власти для утвержденія правъ христіанскаго населенія, всегда остававшихся безъ всякаго примѣненія на дѣлѣ, мы вдругъ повѣрили утвер-

жденіямъ Константинопольской конференціи пословъ о возможности разомъ пересоздать весь внутренній строй разрушающейся державы. Можетъ быть, мы сдѣлали только видъ, что повѣрили, такъ какъ не могли же мы дѣйствительно повѣрить тому, что идетъ противъ природы корана. Какъ бы то ни было, но мы безъ возраженій пошли за другими по ложному пути и стали разрабатывать, безъ всякой надежды на успѣхъ, организаціонные принципы, совершенно позабывъ о своихъ непосредственныхъ интересахъ. Были ли искренни прочіе послы, сказать утвердительно трудно; но то, что они отстаивали, во всякомъ случаѣ было близко къ основному положенію сохраненія прежняго въ Турціи порядка.

Можно было преслѣдовать мирныя цѣли, не упуская изъ вида военныхъ: но въ томъ-то и заключалась наша другая крупная ошибка, что, противъ очевидности усвоивъ себѣ миролюбіе, мы совершенно пренебрегли боевыми приготовленіями. Въ данное время истерлась изъ нашей памяти истина: *„кто хочетъ мира, долженъ быть готовъ къ войнѣ“*. Мы мобилизировались, какъ по трафарету, и надвинулись къ южной границѣ; но въ то же время сдѣлали все, чтобы отнять отъ этой какъ-будто рѣшительной мѣры всякій серьезный характеръ. Черезъ полгода мы также были готовы къ войнѣ, какъ въ первый день мобилизаціи, за то противникъ имѣлъ возможность къ ней подготовиться. Обращаетъ на себя при этомъ то обстоятельство, что та держава, которая была въ дѣйствительности главною подстрекательницею къ войнѣ, теперь спѣшно работала на турецкую армію всѣмъ своимъ боевымъ матеріаломъ, предпочитая открытому бою заслонъ отъ Турціи.

Обхожу молчаніемъ событія войны, предоставляя критическій разборъ ихъ перу спеціальнаго изслѣдователя. Здѣсь же ограничусь тою несомнѣнною истиною, что съ лучшею, болѣе серьезною подготовкою мы окончили бы кампанію и въ болѣе короткій срокъ и съ болѣе положительными результатами. Отсутствіе общей подгототовки, а тѣмъ болѣе спеціально приноровленной къ условіямъ войны на Балканскомъ полуостровѣ, отняло возможность правильнаго развитія боевыхъ операцій и сообщило имъ характеръ крайне случайный. Въ дѣйствительности наши войска вышли на войну, какъ на плацъ-парадъ, и самыя непреложеныя событія не были предвидѣны. Мнѣ приходилось неоднократно слышать, что, если война не окончилась хотя-бы временнымъ занятіемъ Константинополя, то это случилось, только благодаря неимѣнію къ тому средствъ; автори-

тетныя лица доказывали, что Балканы не перешли, а перелетѣли, съ полевою же артиллеріею нельзя было развить успѣхъ до полнаго предѣла. Такое утвержденіе очевидно несостоятельно и только обнаруживаетъ невозможность оправдать крупнаго упущенія. Тѣмъ не менѣе справедливо, что своевременно ничего не было обдумано, и это обстоятельство должно быть отнесено къ недостаткамъ организаціи.

Вообще явно необходима реорганизація всего военнаго дѣла. Самое опасное опочить на лаврахъ, заставивъ себя повѣрить, что, если конецъ вѣнчаетъ дѣло, то все обстоитъ благополучно. Крайне необходимо строго разобраться въ своихъ ошибкахъ и анализировать ихъ, устранивъ всякое самолюбіе. Нельзя не признать доблести и высокихъ заслугъ цѣлой плеяды героевъ, отъ Августѣйшаго Главнокомандующаго и до послѣдняго воинскаго чина. При такихъ условіяхъ не страшно обнажить самыя застарѣлыя язвы. Здоровый организмъ выдержитъ испытаніе. Не нужно только проходить мимо вкравшихся недостатковъ и закрывать глаза на недочеты организаціи.

Нужны ли еще доказательства, болѣе вѣскія, чѣмъ минувшій опытъ, что приготовленныя боевыя средства оказались неприноровленными для даннаго театра войны. Такъ будетъ и впредь, такъ какъ военное дѣло ведется шаблонно и отвлеченно, а пограничные театры войнъ до безконечности разнообразны. Что хорошо въ одномъ мѣстѣ, то безусловно никуда не годится въ другомъ. Открывать же боевыя операціи и одновременно измѣнять и ломать порядокъ и организацію,—развѣ что-нибудь можетъ быть хуже?

Полагаю, что нѣтъ надобности упоминать, что приспособленность къ театру войны не должна ограничиваться матеріальною частью. Еще въ большей степени должны быть приняты во вниманіе и живые элементы войны, свойства и характеръ мѣстнаго населенія, завѣтныя его цѣли и потребности, этнографическія условія, религіозность и такъ далѣе безъ конца. Если все это справедливо, то терпимы ли современнаго характера военно-административные округа и не слѣдуетъ ли ихъ въ корень реорганизовать, приспособивъ къ мѣстнымъ пограничнымъ условіямъ, или, еще лучше, оставивъ за ними только характеръ хозяйства и комплектованія, создать вновь на предѣлахъ государства арміи по театрамъ войнъ. Вопросъ громадной важности, затушевать который невозможно.

О полномочной власти главнокомандующаго говорилось и писалось много, и все-таки она остается невыясненною. Если во

имя полномочія въ обязанности главнаго начальника включать безъ разбора предметы вѣдѣнія побочнаго характера, тыла арміи, гражданскаго устройства страны и т. д.; то не умаляются ли тѣмъ самымъ душевныя свойства вождя, не отвлекается ли его вниманіе отъ боевыхъ вопросовъ первостепенной важности къ предметамъ, можетъ быть и важнымъ, но не составляющимъ сущности дѣла. Очевидно, что основная идея на различныхъ театрахъ войнъ выльется въ различныя формы. Именемъ главнокомандующаго освящаются въ арміи всѣ стороны ея дѣятельности, но изъ этого еще не слѣдуетъ вождю непосредственно заниматься всѣми частями управленія. Въ минувшую войну Главнокомандующій былъ обремененъ свыше человѣческихъ силъ и въ то же время ждалъ точнаго приказанія на занятіе Царьграда, хотя эта операція не выходила изъ рамокъ его полномочія.

Если это справедливо для военнаго времени, то тѣмъ болѣе для мирнаго, когда будущему вождю приходится готовиться самому и подготовлять свои войска и всѣ средства для будущей войны. Едва-ли это исполнимо при сохраненіи настоящей военно-окружной системы [1]). Кто къ чему привыкъ въ мирное время, тѣмъ и будетъ заниматься въ военное. На умѣ у такого вождя будетъ не бой и боевая обстановка, а вопросы хозяйственные и госпитальные, какъ это и доказалъ главнокомандующій въ японскую войну.

Излишекъ централизаціи власти въ военномъ дѣлѣ также вреденъ, какъ ея недостатокъ. Такое положеніе съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе, до такой степени разрослись и усложнились государственныя организаціи на случай войны. Еще мало имѣть вооруженный народъ. Въ минуту боевого столкновенія необходимо еще концентрировать въ силѣ удара всѣ жизненныя средства страны, достичь полнаго ихъ напряженія и воспользоваться ими именно тамъ, гдѣ это необходимо. Такая задача превышаетъ рамки военнаго вѣдомства, какъ бы ни были онѣ широки, и составляетъ принадлежность всего государства въ особомъ органѣ его обороны, раздвинутомъ совѣтѣ министровъ, подъ державнымъ предсѣдательствомъ Самого Верховнаго Вождя, Самодержца, и со включеніемъ въ него лицъ высокой боевой заслуги.

Я прихожу къ такому заключенію подъ вліяніемъ только-что совершившихся событій и подъ гнетомъ мысли, какъ из-

---

[1]) Московскія Вѣдомости 30/V 1909 г.

бѣжать въ будущемъ повторенія прошлыхъ ошибокъ. Стараюсь себя провѣрить, и каждый разъ все прихожу къ одному и тому же выводу. Правъ ли я, или въ порядокъ моего мышленія вкрадывается ошибка, для меня незамѣтная?

Изъ подвиговъ предковъ, на утлыхъ ладьяхъ отважно пересѣкавшихъ Понтъ-Евксинскій, презиравшихъ его опасности и властно требовавшихъ дань съ Византіи, въ моемъ возбужденномъ воображеніи отчетливо возникаетъ картина нашего здѣсь всемогущества. Основнымъ лозунгомъ служитъ смѣлость до дерзости, ясность въ представленіи своихъ задачъ, безпредѣльная вѣра въ себя. Прочь всѣ сомнѣнія, колебанія, опасенія. Намъ нуженъ ключъ отъ Чернаго моря, превращеннаго въ обширную морскую базу, съ вѣрными путями къ Адріатикѣ и Персидскому заливу, и на берегахъ Босфора и Дарданеллъ возникаютъ опорные пункты, вполнѣ обезпечивающіе наше господство.

Тяжелымъ камнемъ ложится на душу воспоминаніе объ усвоенныхъ нами принципахъ сарматской войны. По злому року раззореніе собственной страны, счастливо примѣненное въ исключительную годину испытаній отечественной войны, мы обратили въ основу нашей стратегіи, которою гордились и отъ которой еще не успѣли чистосердечно отказаться. Не на столько ужасно то, что часть страны потерпитъ матеріальный ущербъ; пагубно вносимое ядовитое начало, омерщвляющее живую мысль, духъ иниціативы и творчества, отдающее предпочтеніе пассивности надъ активностью. Нужно ли при этомъ удивляться, что за рѣдкими исключеніями наши военно-начальники заражаются свойствами слишкомъ большой осмотрительности, способностью создавать себѣ ни на чемъ неосновательные страхи, и изъ боязни отвѣтственности предпочитающіе бездѣйствіе благородному риску. Нужно ли приводить тому примѣры изъ нашихъ послѣднихъ войнъ?

Успѣхъ въ военномъ дѣлѣ много зависитъ отъ благоустройства Генеральнаго Штаба, лучшая организація котораго, по моему мнѣнію, принадлежитъ Германіи. Во Франціи и Австріи безспорно есть много представительныхъ, образованныхъ и способныхъ лицъ этой спеціальности, но обдуманнѣе и законченнѣе германской организаціи я не знаю. Великобританія располагаетъ весьма солидными представителями различныхъ сторонъ военнаго дѣла, но генеральнаго штаба не имѣетъ. Въ нашемъ Генеральномъ Штабѣ есть все, чтобы сдѣлать его лучшимъ изъ всѣхъ, къ сожалѣнію, онъ еще не имѣетъ своего Мольтке,

чтобы его сплотить, объединить и одухотворить. Качества для этого встрѣчаются рѣдко и составляютъ принадлежность почти генія.

До послѣдней войны блестящія побѣды Екатерининской эпохи и Императоровъ Александра I и Николая I, Россія одерживала старослужащею арміею. Молодыя войска выдержали испытанія въ только-что окончившейся войнѣ, во все продолженіе которой не заслужили ни одного слова упрека. Много достоинствъ присуще нашей доблестной арміи, но есть и недостатки, отъ которыхъ необходимо избавиться чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Что же ее ожидаетъ впереди: самоуслажденіе одержанными успѣхами, или добросовѣстная работа оздоровленія. Только бы не впасть въ одностороннюю крайность.

Г. И. Бобриковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи.

ГЛАВА V [1]).

Введеніе военнаго положенія.—Временныя правила.—Въ чемъ выразилось военное положеніе.—Обиліе приказовъ.—Распредѣленіе войскъ.—Раіонные начальники.

6 августа Прибалтійскій край объявленъ былъ на военномъ положеніи. За нѣсколько еще дней о томъ намъ сообщилъ одинъ баронъ. На вопросъ, откуда онъ это знаетъ, онъ отвѣтилъ: „Старый графъ“ (стоявшій прежде у самаго кормила правленія) сильно разсердился и поѣхалъ хлопотать, и теперь есть отъ него извѣстіе, что военное положеніе будетъ у насъ введено 6 августа“. Говорили, что многіе изъ имѣвшихъ связи въ Петербургѣ ѣздили туда хлопотать о томъ же.

Мы были въ имѣніи „Стараго графа“, вскорости послѣ бѣгства его оттуда. Батраки бастовали, держали себя угрожающе и дѣлали много непріятностей привыкшему къ слѣпому повиновенію высокому сановнику. Непріятности носили такой острый характеръ, что послѣдній дѣйствительно разсердился и вынужденъ былъ подъ охраною сильнаго эскорта казаковъ покинуть свое чудно устроенное имѣніе и великолѣпный дворецъ. И... „Богъ вѣсть, когда вернется“...

Временный курляндскій генералъ-губернаторъ, какъ въ такихъ случаяхъ принято, началъ свою дѣятельность съ того, что обнародовалъ „временныя правила“ на русскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ. Въ нихъ онъ объявлялъ, что цѣль введенія военнаго положенія—подавленіе безпорядковъ

[1]) См. „Русскую Старину“ іюнь 1913 г.

„самыми строгими мѣрами съ наивозможной скоростью". Поэтому, писалось въ нихъ, и „мирное населеніе должно подвергнуться нѣкоторымъ *стѣсненіямъ*".

Высказывая надежду, что каждый добрый житель подчинится имъ въ интересахъ общаго дѣла, генералъ-губернаторъ категорически заявлялъ, что это „мирное теченіе жизни и порядокъ" онъ возстановитъ въ губерніи „съ безпощадною строгостью".

Временныя правила воспрещали: всякаго рода собранія и сходки, „вторженіе" въ чужіе дома, имѣть оружіе (къ декабрю населеніе уже было почти поголовно вооружено), ѣздить на велосипедахъ, охотиться, портить мосты, дороги, телеграфы и телефоны (въ послѣднемъ латыши особенно грѣшили), торговать послѣ 8 ч. вечера и т. д. Виновные въ нарушеніи „какого-либо изъ сихъ постановленій" подвергались штрафу до 3-хъ тысячъ руб., или же заключенію въ тюрьмѣ до 3-хъ мѣсяцевъ.

Нѣкоторые пункты правилъ съ теченіемъ времени отмѣнялись; такъ, наприм., разрѣшена была охота. Въ приказѣ отъ 1 октября ген.-губернаторъ объявилъ: „убѣдившись изъ поступающихъ ко мнѣ донесеній въ минованіи надобности установленнаго обязательнымъ постановленіемъ моимъ отъ 12 авг. ограниченія о закрытіи всякаго рода торговыхъ заведеній въ 8 часовъ вечера и домовъ въ 9 часовъ, я съ 1 сего октября отмѣняю п. 13 и 14 вышеупомянутаго постановленія моего, о чемъ объявляю во всеобщее свѣдѣніе".

Всѣ „стѣсненія", объявленныя во времен. правилахъ, преслѣдовали, вѣроятно, цѣль умиротворенія края. Когда она начнетъ, молъ, достигаться, можно будетъ эти стѣсненія постепенно имъ смягчить, а то и совсѣмъ отмѣнить. Изъ приведеннаго приказа вытекаетъ, что по всей губерніи начало уже водворяться успокоеніе—„времен. правила" возымѣли свое благотворное дѣйствіе.

Уѣздныя власти своими донесеніями объ этомъ поспѣшили порадовать генералъ-губернатора. А между тѣмъ именно съ октября движеніе среди латышей, какъ-бы поощряемое „стѣсненіями", замѣтно начало шириться и обостряться. Къ 1-му декабря бывшія въ распоряженіи генералъ-губернатора и разбросанныя небольшими командами по мызамъ войска уже были даже вынуждены очистить уѣзды. Правительство потеряло тогда за весьма малымъ исключеніемъ всѣ курляндскіе города, пока прибывшіе издалека карательные отряды буквально не отвоевали ихъ обратно.

Рѣдко обходился день безъ объявленія какого-либо приказа, приказанія. Долженствовавшіе ихъ исполнять въ конецъ запутались въ нихъ. Временныя правила призывали благонамѣренныхъ жителей „для своего же блага“ содѣйствовать властямъ въ водвореніи порядка „всѣми доступными каждому средствами“.

Увы! Мы спросили въ январѣ (1906 г.) одного достойнаго уваженія пастора, знавшаго отлично своихъ прихожанъ, много ли въ волости (приходъ его) этихъ благонамѣренныхъ... Не задумываясь, онъ отвѣтилъ:—„кромѣ глубокихъ стариковъ, человѣка четыре“.

Въ той же волости, по другому источнику—полиціи—благонамѣренныхъ числилось нѣсколько больше—12 человѣкъ. На сосѣднія двѣ волости указывали, какъ на еще болѣе крамольныя. Тогда же циркулировали слухи, исходящіе будто-бы изъ Митавскаго дворца, что эти волости рѣшено было цѣликомъ выселить въ Олонецкую губ., а на мѣсто ихъ водворить русскихъ крестьянъ. Но рѣшенія этого не исполнили—волости пощадили или по причинѣ нахожденія въ нихъ нѣсколькихъ праведниковъ, или поколебалась увѣренность и въ русскихъ мужичкахъ.

Ген.-губернаторъ раздѣлилъ губернію на раіоны и по нимъ распредѣлилъ всѣ войска. Въ „Гольдингенскій раіонъ“ было назначено 5 ротъ и 2 эскадрона; въ раіонъ вошли уѣзды Газенпотскій и Гольдингенскій. Перетасовка частей, начавшаяся одновременно, объяснялась опасеніемъ долго оставлять въ одномъ мѣстѣ нижнихъ чиновъ—они могли „познакомиться съ жителями и подвергнуться пропагандѣ“. Такое перемѣщеніе предполагалось производить каждыя 2 недѣли. Но такъ и осталось предположеніемъ.

Въ пунктахъ своихъ новыхъ стоянокъ оставались уже мѣсяца по три, дѣйствительно подвергались разнымъ соблазнамъ, на это начальству указывалось, но обстоятельства уже не позволили производить перемѣщеній.

Въ чемъ же выразилось это военное положеніе? Собственно говоря, рѣшительно ни въ чемъ полезномъ для дѣла умиротворенія, если не говорить другого.

Въ раіонахъ, взаимно переплетаясь, функціонировали двѣ власти—военная и полицейская, подчиненная первой и своему гражданскому губернатору. Этотъ порядокъ порождалъ только изрядную путаницу. Во главѣ раіона сталъ „начальникъ раіона“, старшій по чину изъ прибывшихъ съ войсками офице-

ровъ—генералъ, чаще полковникъ, а то и подполковникъ. Его снабдилъ громадными полномочіями и властью начальника дивизіи въ военное время. Онъ являлся высшимъ органомъ административно-полицейской власти двухъ уѣздовъ. Начальникъ раіона долженъ былъ доносить ген.-губернатору о всѣхъ происшествіяхъ, слѣдить за настроеніемъ умовъ, принимать мѣры для подавленія революціи, умиротворять край и пр. Для этого всего нужны извѣстныя способности, тактъ, опытность и, казалось бы, знаніе края, мѣстныхъ условій. Необходимость наличности всего этого особенно чувствовалось, когда, вслѣдствіе перерыва въ сообщеніяхъ, начальники раіоновъ надолго остались безъ руководства и изъ Митавы — и сдѣлались вполнѣ самостоятельными. Если кто-либо изъ „раіонныхъ“ и обладали вышеуказанными качествами, то это было дѣло случая, а неподбора подходящихъ лицъ. Впрочемъ, и въ губерніяхъ, объявляемымъ на военномъ положеніи, широкая власть ген.-губернатора ввѣряется у насъ обыкновенно старшему изъ военныхъ начальниковъ—командиру корпуса, дивизіи и пониже. Таковъ уже порядокъ, сплошь да рядомъ приносящій отрицательные результаты. Примѣры у всѣхъ на глазахъ. Офицеры Генеральнаго Штаба по роковой ошибкѣ считаются способными и подготовленными къ занятію должностей, ничего общаго не имѣющихъ съ военнымъ искусствомъ, — которое они только изучаютъ въ академіи. И на какихъ только должностяхъ ихъ не было! — Хотя, конечно, это люди просвѣщенные, профильтрированная квинтъ-эссенція нашего офицерскаго состава. Но вотъ какой-нибудь армейскій штабъ-офицеръ, лѣтъ 35 тянувшій лямку въ строю! Чтобы сдѣлаться офицеромъ, въ его время можно было обладать весьма и весьма скромными познаніями, въ родѣ, напр., четырехъ правилъ ариѳметики и соотвѣтствующими по другимъ двумъ — тремъ предметамъ. Курсъ прежнихъ юнкерскихъ школъ былъ ниже теперешнихъ приходскихъ училищъ. Покончивъ иногда съ великимъ трудомъ и такое образованіе, офицеръ, „проходя службу“, благополучно забывалъ постигнутое. Въ полкахъ были и окончившіе военныя училища — тѣ пользовались преимуществами и далеко обыкновенно уходили впередъ. Изъ окружныхъ школъ только обладавшіе необыкновеннымъ терпѣніемъ достигали чина подполковника, считавшагося апогеемъ ихъ земного величія. Иногда они попадаютъ въ полковники, но случайно, рѣдко. Такимъ счастливцемъ былъ и нашъ раіонный. Пожаловали его, такъ сказать, циркулярно — (по одному на диви-

зію) — по случаю радостнаго событія. Окружныя юнкерскія школы упразднены. Курсъ военныхъ училищъ теперь обширенъ, и офицеры младшихъ чиновъ обладаютъ болѣе солидными познаніями. Поднимается вопросъ о необходимости очистить армію отъ дряхлаго элемента. Къ сожалѣнію, медлятъ! А между тѣмъ крѣпко засѣвшіе въ штабъ-офицерскихъ чинахъ старички тормозятъ и заставляютъ въ томительномъ ожиданіи повышеній стариться въ свою очередь и низшій составъ офицеровъ. Полки—это своего рода богадѣльня для штабъ-офицеровъ безъ перспективъ въ будущемъ; они только заняты мыслью: „если бы дали дослужить еще столько-то годковъ“, до вычисленія предстоящаго по изгнаніи (предѣльный возрастъ) пансіона.

И вотъ такой старичекъ волею случая и латышскихъ революціонеровъ превратился въ раіоннаго, т. е. въ маленькаго генералъ-губернатора. Онъ, всю свою службу слѣпо только повиновавшійся командиру полка, не бывшій никогда самостоятельнымъ, дѣлается вдругъ „начальникомъ войскъ“ — положимъ, 2-хъ эскадроновъ и 5 ротъ, хотя-бы и миніатюрныхъ, но съ правами „начальника дивизіи“ по военному времени; ему подчиняется полиція двухъ уѣздовъ, онъ дѣлается нѣкоторымъ образомъ распорядителемъ судьбы крамольниковъ; за нимъ усиленно ухаживаютъ бароны и пр. и пр. Власть и крѣпкіе умы ослѣпляетъ! И нашъ раіонный преисполнился величія, сдѣлался необыкновенно требовательнымъ. Не будучи, впрочемъ, способнымъ ни на что-либо лучшее, онъ всю свою дѣятельность направилъ къ собранію матеріала для донесеній ген.-губернатору. По отношенію же къ своимъ новымъ обязанностямъ явилъ полную растерянность.

Послѣ 17 октября, когда великій манифестъ даровалъ разныя свободы, въ Курляндіи, какъ и вездѣ въ Россіи, насталъ полный хаосъ. Повсюду пошли манифестаціи разныхъ оттѣнковъ, митинги. Изъ Митавы посыпались приказы, постепенно все это ограничивающіе. Полиція и военные окончательно въ нихъ запутались, что можно позволять, что нужно запрещать, когда „разгонять“, когда „стрѣлять“ и даже „уничтожать“ „безъ предупрежденія“. Слѣдствіемъ этого явилось полное недоумѣніе населенія, а послѣ энергичные протесты. Авторитетъ полиціи изъ бароновъ, и такъ не важный, палъ окончательно. Здѣсь бы, казалось, начальникъ раіона могъ принести извѣстную пользу разумнымъ объясненіемъ. Но ничего этого не было, ни разу не была сдѣлана попытка внести успокоеніе.

И никто не объяснилъ населенію, что военное положеніе давало право это дѣлать на законномъ основаніи. Dura lex, sed lex. Не всѣ же уже латыши такъ охотно присоединялись къ возстанію;—несомнѣнно, многіе изъ нихъ воздержались бы отъ крайностей. Но что они видѣли со стороны законныхъ властей? Ни малѣйшей попытки пойти навстрѣчу ихъ нуждамъ, интересамъ. По укоренившимся понятіямъ усмирять—значитъ разогнать, перепороть и пр. въ этомъ духѣ. Ближайшіе наставники крестьянъ въ Прибалтійскомъ краѣ — „комиссары по крестьянскимъ дѣламъ“ изъ бароновъ и графовъ въ критическую минуту совсѣмъ ихъ покинули. Комиссары не популярны, сами хорошо это знаютъ, да и, будучи нѣмцами, дворянами, они усвоили взглядъ своего сословія на мѣстное населеніе. Все это создавало благопріятныя условія для порожденія озлобленія, протеста, чѣмъ не преминула воспользоваться агитація; и даже по существу несклонныхъ мирныхъ жителей вербовала въ ряды революціи, прибѣгая то къ соблазнительнымъ посуламъ, то къ террору.

Въ одномъ отношеніи всѣ проявляли необыкновенную дѣятельность—въ писаніи. Писали дѣйствительно усердно. Былъ отданъ приказъ „по раіону“ доставлять въ двухъ экземплярахъ подробно обо всемъ, а по субботамъ представлять еще и недѣльный отчетъ (о томъ же!). Одинъ экземпляръ раіонный оставлялъ у себя на память, а другой „при надписи“ препровождалъ начальству. Злополучная полиція особенно много писала: доносила отдѣльно гражданскому губернатору, военному губернатору, начальнику раіона, сознавая къ тому же совершенную безполезность послѣдняго—вѣдь, онъ являлъ изъ себя не болѣе, какъ передаточную инстанцію. Одинъ начальникъ раіона особенно былъ настойчивъ по части требованія всякихъ донесеній, загонялъ драгунскихъ лошадей, замучилъ подчиненныхъ. Онъ трепеталъ передъ своимъ митавскимъ патрономъ и хотѣлъ умилостивить его обиліемъ пространныхъ телеграммъ и рапортовъ. Но такъ какъ лично по части изложенія мыслей на бумагѣ былъ весьма и весьма плохъ, то функціи эти у него исполняли или нижній чинъ-писарь, или кто-либо изъ подчиненныхъ офицеровъ, котораго ему удавалось заполонить. Раіонный старательно собиралъ „чернетки“ въ объемистое „дѣло“ и не безъ гордости иногда говорилъ, что у него „уже“ столько-то исходящихъ номеровъ, наивно вѣря, что количествомъ ихъ измѣряется полезная дѣловитость.

Между прочимъ это не помогло. Ген.-губернаторъ, не стѣсняясь, говорилъ (напр. предводителю дворянства), что „это худшій изъ начальниковъ раіоновъ“. Видѣлъ, значитъ, его неспособность, но долго держалъ на этомъ, могшемъ принести нѣкоторую пользу посту. Въ концѣ же все-таки вынужденъ былъ „устранить“.

Однажды изъ Митаты отъ начальника штаба получилась бумага, что „его превосх. ген.-губернаторъ ждетъ отъ васъ (раіоннаго) всесторонняго и подробнаго донесенія о положеніи дѣлъ во ввѣренныхъ вамъ уѣздахъ“. И это „ожиданіе“ произвело эффектъ разорвавшейся бомбы и повергло бѣдненькаго раіоннаго въ трепетъ. Донесеніе неукоснительно должно было быть послано. Но что же это за „положеніе въ уѣздахъ“.

— „Я, Ей Богу, никакъ не могу понять, что онъ хочетъ! аккуратно, кажется, доношу о всѣхъ происшествіяхъ“. И требуемая бумага была состряпана, по обыкновенію, не раіоннымъ; составителю пришлось наскоро выуживать изъ „дѣла“ разныя свѣдѣнія за довольно продолжительное время и сдѣлать общее заключеніе „о положеніи“. Спѣшность работы и предварительная непосвященность отозвались, конечно, на вѣрности вывода. И отправленный рапортъ могъ ввести въ заблужденіе начальника края. А на такихъ донесеніяхъ зиждилась вся система управленія! Начальникъ раіона приложилъ „чернетку“ и успокоился въ сознаніи исполненнаго долга.

Е. А. Альбовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Люди и нравы за полвѣка [1]).

Хозяинъ дома провелъ меня прямо въ столовую, въ которой большой обѣденный столъ былъ уже накрытъ скатертью, уставленъ приборами, а посреди стола на двухъ большущихъ блюдахъ лежало по кулебякѣ.

Усѣлись. Понемногу стали выползать изъ другихъ комнатъ и его семейныя: впереди плыла „сама“, дама лѣтъ подъ сорокъ, въ старинной шелковой наколкѣ изъ такъ называемой двуличневой матеріи, съ отливомъ всѣхъ цвѣтовъ радуги, или какъ тогда говорили „пансе“, и въ черной бархатной тальмѣ, затѣйливо вышитой стеклярусомъ; за ней шли двѣ дочки, взрослыя уже барышни, и четверо сыновей: старшій окончилъ курсъ въ уѣздномъ училищѣ и теперь съ успѣхомъ замѣнялъ по лавкѣ отца, за нимъ—двое еще учившіеся въ уѣздномъ училищѣ и четвертый—мой ученикъ.

Осовъ представилъ меня „самой“.

— Нашъ новый учитель!

— Очень пріятно! Ишь какой молоденькій! заныла „сама“, протягивая мнѣ руку, всѣ пальцы которой, кромѣ большого, были сплошь покрыты кольцами разныхъ фасоновъ.

Я, какъ штучка столичная, не преминулъ расшаркаться со всѣмъ племенемъ головы, а, главнымъ образомъ, съ дѣвицами, юными, красивыми, сдобными...

— Д... да... а! началъ философствовать „самъ“; что значитъ, братецъ ты мой, столичная наука-то: молоко на губахъ не обсохло, а ужъ учитель; пять сотенныхъ жалованья ему подай,

[1]) См. „Русская Старина“, іюнь 1913 г.

да свѣтлыя пуговицы можетъ носить, да кокарду... Малый значитъ во всемъ апаратѣ...

Я вытаращилъ на него глаза: „Что такое онъ говоритъ?“ Какіе пять сотенныхъ? Радостно сердце забилось мое отъ такого неожиданно свалившагося на меня счастья.

Но увы! Это оказалось недоразумѣніемъ: голова велъ счетъ еще по-старому, на ассигнаціи, а выдавалъ-то мнѣ на серебро ежемѣсячно 11 р. 87 коп.

Пироги были одинъ—со свѣжими грибами, по сезону, а другой съ кашей и съ яйцами. Когда передо мной „сама“ поставила тарелку съ двумя кусками пирога, того и другого сорта и при томъ ужаснѣйшей величины, на меня оторопь нашла.

— Охъ! Если это мнѣ... то ужь очень много положили! съ испугу заговорилъ я.

— А ты ѣшь... Ты смотри какой щуляный: у насъ поправишься...

Дѣлать нечего, началъ ѣсть, и хоть пироги были очень вкусные, но, конечно, у меня не хватило храбрости съѣсть оба куска.

— А ты водку-то пьешь?

— Нѣтъ.

— Вотъ это хорошо. А то у насъ всѣ чиновники пьяницы.. Ты прямо съ Москвы? Да какъ ты сюда попалъ?

Я объяснилъ ему, что былъ казеннымъ стипендіатомъ и за стипендію обязанъ прослужить извѣстное число лѣтъ учителемъ по назначенію начальства.

— Д... да... вотъ оно что... А то нешто тебя заманили бы сюда... опосля Москвы-то...

— А я пришелъ къ вамъ, главнымъ образомъ, по дѣлу... Школа не имѣетъ никакихъ учебныхъ пособій, а безъ нихъ трудно обойтись. Надо было бы кое-что пріобрѣсти... Хоть не сразу, исподволь, а надо...

— Вотъ еще что выдумалъ!.. Какія тебѣ еще тамъ пособія? Мы безъ пособій учились... У моего учителя, покойнаго соборнаго діакона, только и было одно пособіе—линейка... Онъ ею и линевалъ и по башкамъ насъ колотилъ.

— Да вѣдь когда вы-то учились, было время, а теперь другое... совсѣмъ другое... другія потребности... Введено, напримѣръ, наглядное обученіе, а учить не по чему; нужно пріобрѣсти картины, счеты, да наконецъ, и для учителей выписать педагогическій журналъ... хоть одинъ...

— А много нужно денегъ-то?

— Да... рублей на сто... можно...

— Серебромъ?!!

— Разумѣется! Кто жъ нынче считаетъ на ассигнаціи...

— Фю... Фю... фю... ю... ю! засвисталъ онъ. Да на сто-то рублей бѣдному мѣщанину мы сумѣемъ домъ построить, а тебѣ ихъ на картинки подай?! Накось! Сказалъ тоже!

— Да что жъ дѣлать-то? Надо! съ улыбкою отвѣтилъ я.

— Ну, это подождешь... Кабы на пятерку обошелся, такъ это еще „туды, суды", а то на-ко поди, на сто! Шутишь сотнею?! И не думай! Это фанаберія!

Вотъ тебѣ разъ! Сразу изъ области вредныхъ мечтаній онъ сбросилъ меня на землю. И къ чему тутъ фанаберія какая-то?!

Вижу, что съ нимъ сговориться трудно, ибо на насъ, какъ на апостоловъ въ былое время, сниди духъ святъ и мы заговорили на разныхъ языцѣхъ, я постарался прикончить такую утѣшительную бесѣду и поскорѣй удалиться восвояси.

Такъ и сдѣлалъ.

Иду домой и думаю: „Вотъ тебѣ и Жакото, и Дистервегъ, и Песталоцци всѣ, и наглядное обученіе! Слово-то на практикѣ расходится съ дѣломъ! Вотъ она матушка, черноземная-то сила, безъ которой...

Ну, типы! вотъ не ожидалъ-то.

XVII.

Пришелъ я отъ головы и началъ раздумывать о своемъ положеніи. Что же это такое? Собственная моя голова затрещала, точно отъ махорки отца моей хозяйки. Хуже: отъ махорки городского головы дверей не отворишь... И трусъ велій напалъ на мя!

Совсѣмъ другое впечатлѣніе произвели на меня земцы перваго призыва. Они-то именно и были естественными вентиляторами, они-то и поддержали меня.

Въ то время, какъ маленькій, паршивенькій городишка, совершенно заглохшій въ морѣ безпробуднаго сна, такъ дико относился ко всякому, робко заявленному, но несомнѣнно культурному начинанію, уѣздъ его процвѣталъ и богатствомъ помѣщиковъ, и образованностью, и воспитанностью. Если это были изъ военныхъ, то изъ лучшихъ полковъ гвардіи, или артиллеристы; если же штатскіе, то очень многіе имѣли университетскій ди-

пломъ. Это, конечно, приходится цѣнить очень высоко, принявъ во вниманіе, что въ наше время, т. е. полвѣка спустя, дѣло образованія въ помѣщичьей средѣ пошло на пониженіе...

Почва была замѣчательно плодородная; отношенія крестьянъ къ своимъ помѣщикамъ самыя миролюбивыя. Мировымъ посредникамъ перваго призыва удалось такъ ввести уставную грамоту, что рѣшительно всѣ были довольны. Но объ этомъ мнѣ еще придется говорить въ другомъ мѣстѣ.

Предсѣдатель училищнаго совѣта—въ то время еще выборный, такъ какъ обязанности эти послѣ уже слились съ должностью предводителя дворянства уѣздной земской управы. Такъ какъ судьбѣ угодно было поручить именно этой личности сыграть въ моей жизни очень большую роль, то, да извинитъ меня читатель, если я—благодарный, посвящу ему нѣсколько строкъ. Это необходимо потому, что именно чрезъ него мнѣ удалось проникнуть въ среду помѣщиковъ, владѣльцевъ „черноземныхъ полей".

Дмитрій Николаевичъ Сущовъ, отставной капитанъ старой гвардіи, былъ господинъ, обладавшій весьма порядочными средствами. Два имѣнія его давали ему тысячъ до 12—15 въ годъ. Когда я въ первый разъ явился къ нему въ управу съ цѣлью представиться какъ предсѣдателю училищнаго совѣта, онъ своею необыкновенною мягкостью, обходительностью, деликатностью произвелъ на меня отраднѣйшее впечатлѣніе.

Сразу онъ запомнилъ меня; сразу я почувствовалъ и опору моей юности, и силу, да и теплое сердце, къ которому въ минуту житейской невзгоды я могъ довѣрчиво приклонить свою безпріютную голову пролетарія. Твердая почва подъ моими ногами сразу дала себя знать.

Съ головы до ногъ въ немъ былъ виденъ баринъ шестидесятыхъ годовъ: изящество манеръ, уравновѣшенность характера, полная независимость ни отъ кого, ни отъ чего, дѣлали изъ него человѣка, вполнѣ располагающаго собственными поступками такъ, какъ ему было желательно.

Я помню такой случай на земскомъ собраніи: по какой-то статьѣ расхода управа вышла изъ предварительной смѣты, утвержденной земскимъ собраніемъ; дѣйствительный расходъ превысилъ расходъ смѣтный что-то на 600—700 рублей.

По этому поводу часть гласныхъ, такъ называемая оппозиція, только-что тогда зарождавшаяся, высказала мнѣніе, что или слѣдовало болѣе осмотрительно составлять смѣту, или не превышать собственной властью опредѣленной цифры расхода.

Большинство не поддержало такой точки зрѣнія меньшинства и готово было принять перерасходъ, находя его совершенно правильнымъ и дѣйствія управы разумными. Но Сущовъ встаетъ и говоритъ: въ принципѣ точка зрѣнія меньшинства безусловно справедлива, а потому онъ перерасходъ принимаетъ на свой счетъ; это опытъ, за который слѣдуетъ расплатиться.

Въ наше время, когда къ земскому пирогу приставлена масса ощеренныхъ щелкающихъ отъ голода зубовъ, такого предсѣдателя не скоро встрѣтишь; частенько что-то стало попахивать скамьей подсудимыхъ...

Господи! какъ мы далеко ушли отъ земскаго идеала!

Говорить не умѣютъ, а любятъ; работать тоже не умѣютъ, а суются...

Чудаки!

Прежде всего Сущову бросилась въ глаза моя зеленая юность. Онъ принялъ меня крайне любезно, даже ласково, и попросилъ меня зайти къ нему въ слѣдующій его пріѣздъ. (Онъ пріѣзжалъ изъ имѣнія въ управу три раза въ недѣлю: по понедѣльникамъ, четвергамъ и субботамъ).

И вотъ я иду къ нему. Онъ встрѣчаетъ меня, уводитъ въ свой кабинетъ и говоритъ:

— У меня къ вамъ есть просьба.

— Пожалуйста. Готовъ служить.

— Видите ли въ чемъ дѣло... Мнѣ необходимо разъ въ недѣлю провѣрять записи моей конторы. Я былъ бы очень радъ, если бы вы не отказались мнѣ помочь и приняли этотъ трудъ на себя...

— Я съ удовольствіемъ... если только смогу.

— По субботамъ я буду брать васъ съ собой, а въ понедѣльникъ привозить къ урокамъ.

— Я очень... очень буду радъ.

Такъ на томъ и рѣшили.

Что же оказалось впослѣдствіи? Онъ разузналъ, сколько я получаю жалованья, и ахнулъ, когда ему сказали непонятную для него сумму въ 11 р. 87 коп., на которую цѣлый мѣсяцъ долженъ существовать человѣкъ, и деликатнѣйшимъ образомъ предложилъ ему помощь. Я-то сначала по наивности подумалъ, что и въ самомъ былъ ему очень нуженъ. А потомъ... потомъ я скоро убѣдился, что это было только удовлетвореніе его сердечной потребности. Правда, каждую субботу вечеромъ я заходилъ въ контору, приказчикъ раскладывалъ приходо-расходныя книги, я вооружался счетами, прокладывалъ цифры, исправлялъ

замѣченныя ошибки, подписывалъ свою фамилію, и на томъ мои обязанности заканчивались. О замѣченныхъ промахахъ я, конечно, сообщалъ Сущову, но, славу Богу, все это были ошибки малограмотности и только.

По прошествіи мѣсяца онъ вручилъ мнѣ 10 руб. за труды, при чемъ убѣдительнѣйше доказывалъ, что я приношу ему существеннѣйшую помощь.

10 руб. къ 11 р. 87 к.

Это слишкомъ большой приростъ дохода, чтобы не поблагодарить Господа Бога за Его неизреченную ко мнѣ милость.

Это обстоятельство давало мнѣ теперь полную возможность наконецъ-то осуществить мою дерзкую мечту, которую я лелѣялъ долгое, долгое время: сшить себѣ форменный фракъ. И я сшилъ его. О фасонѣ не говорю: шилъ тамошній единственный портной Василій, изъ бывшихъ дворовыхъ людей, такъ какой тамъ захотѣли фасонъ. Дѣло не въ фасонѣ—дѣло въ форменномъ фракѣ.

Потомъ мнѣ какъ-то попалась копія съ картины, кажется, Неврева: „Первый чинъ“. Тамъ молодой чиновникъ примѣриваетъ передъ зеркаломъ первый форменный фракъ, принесенный ему портнымъ. Взглянулъ я на эту картину и ахнулъ:

— Да вѣдь это я! Ей Богу я!

И портной Васька, изъ дворовыхъ людей, также оглаживалъ сзади набѣгавшія морщины моего фрака, и стоящая вокругъ меня публика въ довольно большомъ количествѣ, только, увы! не родственники, а ротозѣи хозяева и набѣжавшая родня ихъ оглядывали меня, какъ молодого слона, и, наконецъ, моя фигура... гордая, съ приподнятой вверхъ головой... Ну... Юлій Цезарь, да и кончено!

Удивительно правдива картина Неврева! Она выхвачена прямо изъ жизни.

Горожанъ я успѣлъ покорить подъ нози мои чтеніемъ въ соборѣ шестопсалмія, законоучителемъ въ моей школѣ былъ соборный священникъ от. Митрофанъ. Какъ-то разговорились мы съ нимъ о храмѣ Божіемъ, о службѣ, о церковномъ пѣніи и чтеніи, при чемъ мнѣ пришлось упомянуть кстати, что я читывалъ и часы и шестопсалміе.

— А апостола не читывали?

— Нѣтъ, батюшка, гласа не хватаетъ.

— Ну, такъ вы бы какъ-нибудь въ соборѣ прочитали шестопсалміе. У насъ любятъ.

— Да съ превеликимъ удовольствіемъ!

Донцы были народъ очень добродушный, но въ общемъ темный, немногимъ чѣмъ отличавшійся отъ папуасовъ, команчей и т. п. исчезающихъ нынѣ племенъ. О какихъ-либо удовольствіяхъ, развлеченіяхъ, они и понятія не имѣли; да и потребности въ этомъ не ощущали. Единственное доступное имъ удовольствіе— это былъ разъ въ годъ во время ярмарки строившійся балаганъ съ самыми незамысловатыми программами.

Такъ, напримѣръ, я помню гастроли одного проходимца-фокусника.

— Позвольте мнѣ какую-нибудь серебряную монету! говоритъ онъ одному изъ публики.

Тотъ даетъ.

— Одолжите и вы мнѣ какую-нибудь монету? обращается онъ къ другому.

Тотъ даетъ мѣдный пятакъ.

— Это ваша монета? обращается онъ къ первому, показывая ему пятакъ.

— Нѣтъ, не моя.

— А это ваша монета? говоритъ онъ второму, показывая ему серебряную.

— Нѣтъ, не моя.

— А! такъ значитъ они мои! и кладетъ ихъ въ карманъ при общемъ хохотѣ и громѣ рукоплесканій удовлетворенной публики.

Понятно, что храмъ Божій являлся для донцовъ мѣстомъ не только молитвы, но и такимъ, гдѣ они хотя частью могли удовлетворить свои общечеловѣческіе запросы: въ соборѣ, большомъ, недавно отдѣланномъ, пѣлъ очень приличный хоръ, обладавшій хорошими голосами, служба была чинная; ризница богатая. Очевидно, находились жертвователи и при томъ не кой-какіе.

Все это вмѣстѣ взятое, оставляя даже въ сторонѣ потребности религіозныя, привлекало въ соборъ массу народу. Ходилъ и я въ соборъ ко всенощной и поздней обѣднѣ. Все хорошо, только вотъ отъ мѣщанъ дышать было тяжко, и особенно отъ коровьяго масла, коимъ они, вмѣсто помады Альфонсъ Ралле, обильно уснащали свои волосы.

Подъ какой-то праздникъ всенощную служили соборнѣ: три священника и два діакона. Я занялъ обычное свое мѣстечко около средней колонны. Проходитъ мимо меня от. Митрофанъ, остановился и шепчетъ: „ну, пойдемъ, пойдемъ, почитаешь“.

Пошелъ, сталъ на клиросѣ. Митрофанъ что-то шепнулъ на ухо дьячку и указалъ на меня глазами. Когда подошло время чтенія шестопсалмія, дьячекъ вручилъ мнѣ и книгу, и зажженый огарокъ. Отецъ протоіерей пошелъ на амвонъ говорить возгласъ, пошелъ за нимъ и я, сталъ противъ солеи и громко отвѣтилъ:

— Аминь!

Но не на распѣвъ, какъ читаютъ дьячки и семинаристы, а обыкновенно, отрывисто:

Аминь!.. и кончено.

— А за тѣмъ и пошелъ, и пошелъ... Какъ крыловскій соловей.

„Защелкалъ, засвисталъ на тысячу ладовъ, тянулъ, переливался, то нѣжно онъ ослабѣвалъ, и томной вдалекѣ свирѣлью отдавался; то мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался. Внимало все тогда любимцу и пѣвцу Авроры; затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры и... прилегли стада“.

Вотъ точно также и я: то медоточивымъ, въ душу проникающимъ голосомъ говоритъ: „озлобленъ быхъ и смирихся до зѣла; рыкахъ отъ воздыханія сердца моего“. А то на всю церковь гремѣлъ: „Зубы грѣшниковъ сокрушилъ еси“!

Эффектъ былъ съ ногъ сшибательный!

Такой эффектъ, что на другой день послѣ обѣдни подходитъ ко мнѣ соборный староста и проситъ къ себѣ на пирогъ; а отецъ протопопъ выслалъ съ дьячкомъ большую просфору, да еще на серебряномъ блюдечкѣ. Просфору-то я взялъ, блюдечко имъ оставилъ.

Ага... а! Побѣда!

Пошелъ къ старостѣ. Пирогъ былъ единственный! Должно быть, дѣло происходило постомъ, такъ какъ начинка состояла, какъ и у головы, изъ рыбы, вязиги и молокъ; свѣжая икра— рѣдкость! А семга-то? Боже, что за семга! Настоящая, не то, что вы теперь какой-то кетой пробавляетесь.

Пишу, а у самого, клянусь, слюни текутъ отъ одного воспоминанія!

Каждый день готовъ имъ читать, только бы такими пирогами кормили. Такъ удовлетворяли мой вкусъ, а слухъ... Боже великій и многомилостивый! Чего я только тутъ со всѣхъ сторонъ не наслушался?

Я блаженствовалъ... Даже отецъ протоіерей изрекъ такую похвалу: что говорить! чтеніе вдохновенное! замѣчательное!

Понимаете? „Вдохновенное“! Каково это слышать?

Съ этого момента я сразу сталъ извѣстностью. Идешь, бывала, по улицѣ и слышишь: „вотъ онъ! вотъ онъ!“

Отъ поклоновъ направо и налѣво проходу мнѣ не было, и при томъ поклоны все съ улыбками, милыми, ласкающими...

Мой помощникъ, дьяконъ Анемподистъ, гордый успѣхомъ своего сослуживца, даже напился, такъ напился, что можно сказать „сверхъ напился!“ и я его собственною персоной проводилъ домой и сдалъ супругѣ съ рукъ на руки.

Такъ легко мнѣ было завоевать симпатіи донцовскихъ обывателей.

XVIII.

Вотъ какъ складывалось мое незатѣйливое существованіе. Въ своихъ письмахъ къ матери мнѣ было чѣмъ утѣшить мою ненаглядную старушку, эту вѣковѣчную пчелу-труженицу. Она отвѣчала мнѣ очень рѣдко, такъ какъ сама писать не умѣла, а постоянно бѣгать за этимъ къ другимъ было не всегда возможно, да и не всегда удобно.

Такъ прошло два мѣсяца моей жизни въ Донцѣ.

Вдругъ получаю отъ сестры письмо, ужасное письмо: мать очень заболѣла. Зная ее слабосильную, всегда болѣзненную натуру, ея безконечные труды, я очень испугался этого извѣстія. Побѣжалъ къ смотрителю, показалъ ему письмо и сталъ просить отпуска... А слезы... слезы... дѣйствительно неудержимо, градомъ катились изъ моихъ глазъ.

Конечно, отпускъ онъ мнѣ далъ законный, на шесть дней, но дни и числа этого мѣсяца расположились тогда такъ удобно, что отпускъ считался съ понедѣльника, а я могъ уѣхать въ субботу; кончался отпускъ тоже подъ праздникъ, и я могъ пріѣхать на другой день. Такимъ образомъ вмѣсто шести дней я могъ его расширить до девяти, да и смотритель посовѣтовалъ въ крайнемъ случаѣ не стѣсняться рамками закона...

Хозяева мои тоже приняли въ моемъ горѣ самое близкое участіе. Наталья Ивановна сбѣгала къ отцу, который собирался въ губернскій городъ за товаромъ къ празднику. Ему оказалось все равно ѣхать, что теперь, что ближе къ Рождеству. Онъ согласился прихватить меня съ собою, запросивъ за это удовольствіе полтора рубля.

Нѣтъ, что за милые, что за добрые люди были около меня... Смотритель далъ взаймы 10 руб.!

Или ужъ это, дѣйствительно, Богъ охраняетъ сиротъ?..

И вотъ я готовъ въ дорогу; къ воротамъ подъѣхали маленькія городскія лубочныя санки; въ нихъ запряжена только одна хозяйская лошадь, крупный, караковый жеребецъ. Но вѣдь ѣхать приходилось 80 верстъ; ночи были хоть и свѣтлыя, тихія, но морозы стояли лютые, а мы въ открытыхъ саночкахъ на одной лошадкѣ собирались проскакать этакую уйму верстъ...

Жутко!..

Но, представьте себѣ мое удивленіе, когда мы промахали это разстояніе въ какіе-нибудь двѣнадцать часовъ времени! какъ выѣхали мы изъ города, такъ лошадь и пошла ровной крупной рысью. Не успѣлъ я оглянуться, какъ половину пути мы уже отмахали.

Остановились на постояломъ дворѣ; задали корму лошадкѣ; дали ей вздохнуть часа четыре; сами закусили и попили чайку, и опять и въ путь.

Наконецъ я въ Москвѣ... я у постели моей больной безцѣнной мамы!.. сколько тутъ было радости, сколько счастья!

Мой пріѣздъ такъ благотворно подѣйствовалъ на нее, что она стала поправляться очень скоро. Провелъ я съ нею и ея именины, и Николинъ день... Разстаться мнѣ было съ нею очень трудно, и вмѣсто шести дней я прожилъ болѣе двухъ недѣль...

За это время я успѣлъ ей подробно разсказать о моемъ житьѣ-бытьѣ: и про людей, съ которыми мнѣ приходилось служить, и про хозяевъ моей квартиры, и про жизнь уѣзднаго города, и про отношеніе ко мнѣ Сущова... Во время моего разсказа мама плакала сладкими слезами и постоянно крестилась, глядя на висѣвшій въ углу образъ Богоматери. Она, бѣдная, молилась за счастье своего первенца, котораго отпускала на чужбину съ такимъ страхомъ и трепетомъ...

И вотъ я опять около своего дѣла.

Теперь перейду къ жизни помѣщика того времени и тѣхъ мѣстъ.

Во едину отъ субботъ я окончилъ уроки, зашелъ къ себѣ домой переодѣться и отправился въ управу къ Сущову. Около крыльца управы стояла тройка сѣрыхъ, не крупныхъ, но сытыхъ лошадокъ, запряженныхъ въ объемистыя ковровыя сани. На козлахъ сидѣлъ Яковъ, старшій кучеръ, въ нагольной шубѣ, опоясанной краснымъ кушакомъ, въ высокой кучерской шапкѣ и въ валенкахъ. Увидя меня, онъ снялъ шапку обѣими руками и привѣтливо раскланялся со мной. Я вошелъ въ управу. Въ передней возился сторожъ съ разными закупками Сущова, ко-

торыя нужно было уложить къ Якову въ сани; это все были городскіе запасы необходимые для жизни въ деревнѣ.

Къ половинѣ второго все уже было готово къ отъѣзду, мы усѣлись и тронулись въ путь. Большая половина дороги шла рѣкою; проѣхавъ эту половину, мы выбрались на берегъ и проскакали мимо старинной барской усадьбы, о которой рѣчь будетъ впереди. Отъ этой усадьбы до помѣстья Сущова было не болѣе трехъ верстъ. Проѣхать разстояніе въ восемь верстъ для сущевской тройки было нужно времени самое большее тридцать, сорокъ минутъ.

Выскочили мы изъ небольшого лѣска, и передъ нами луговина. Направо—старая деревянная сельская церковь, налѣво—рядъ крестьянскихъ избъ; за церковью протекаетъ небольшая рѣчка; на ней мостъ-запруда, за которымъ стоитъ небольшой винокуренный заводъ Сущова; противъ моста—домикъ-контора, въ которомъ живетъ приказчикъ, и другой домъ для жилья нѣмца-винокура и казеннаго надсмотрщика; налѣво, за рѣкой виднѣлась усадьба. По берегу рѣки раскинутъ молодой еще садъ; большой деревянный домъ съ двумя башнями по бокамъ, изъ которыхъ одной было мое лѣтнее помѣщеніе, выходилъ фасадомъ въ этотъ садъ.

На громадную террасу, которая лѣтомъ задрапировывалась густою зеленью дикаго винограда, бріонiи и другими вьющимися растеніями, вела широкая лѣстница.

Въ лѣтнее время мы на этой террасѣ только пили чай и ужинали, а обѣдали въ залѣ, въ которомъ было несравненно прохладнѣе, чѣмъ на террасѣ.

Другая сторона дома выходила на обширнѣйшій дворъ, посрединѣ котораго разстилался газонъ съ великолѣпнѣйшей травой, весело ласкавшей взоры своимъ изумруднымъ цвѣтомъ. Вокругъ газона шла дорога для ѣзды; вдали виднѣлись службы: амбары, погреба, конюшни, сараи и домъ для работниковъ.

Тройка, встрѣченная еще за оградой веселымъ лаемъ собакъ, молодецки влетѣла въ ворота и подкатила къ широкому каменному крыльцу. Насъ выбѣжали встрѣчать лакей Семенъ и данный ему въ помощь мальчикъ-казачекъ. Самъ Семенъ ровно ничего не дѣлалъ, а мальчикъ ему усердно помогалъ. Глядя на этого Семена, молодого, здоровеннаго парня, вѣчно пившаго чай, я думалъ, что, дѣйствительно, что же было дѣлать всей этой оравѣ въ крѣпостное время, кромѣ вязанья чулокъ да перчатокъ? И какъ ей было не облѣниться при такихъ условіяхъ!

Мы вошли въ просторную переднюю, въ которой, кромѣ входной, были еще три двери: одна вела въ корридоръ, гдѣ въ рядъ располагались кабинетъ хозяина, обширная комната для сыновей, двѣ соединенныя комнаты для дочери, а дальше шла дѣвичья; другая—въ залъ, а третья, поменьше,—въ примыкавшій къ гостиной зимній садъ, въ которомъ винтовая лѣстница вела въ мои лѣтніе аппартаменты—башню.

Залъ очень большой, меблированный съ удивительной аристократической простотой, ничего рѣзнаго, ничего бросающагося въ глаза, вульгарнаго: посрединѣ стоялъ большой круглый раздвижной обѣденный столъ; въ углу—прекрасный рояль; по стѣнамъ разставлены черные вѣнскіе стулья и мягкая кушетка; на стѣнахъ висѣли нѣсколько превосходныхъ гравюръ въ темныхъ рамкахъ; два широкія окна, около которыхъ стояли большія горки съ цвѣтами, и стеклянная дверь выходили на большую садовую террасу. Дверь налѣво изъ зала вела въ гостиную, за которой виднѣлся зимній садъ; дверь направо—въ будуаръ покойной жены Сущова, а тамъ, сквозь стеклянную дверь,—была видна оранжерея.

Какъ видите, не только лѣтомъ мы пользовались обильной зеленью, но и зимой.

Въ два часа мы садились за обѣдъ; предварительно на маленькомъ столикѣ ставилась водка и закуска, небольшая по количеству, но отличная по качеству: икра, сыръ, масло, селедка. Потомъ закуски эти подавались только при гостяхъ, такъ какъ ни Сущовъ, ни я водки не пили и потребности въ возбужденіи аппетита не чувствовали.

Обѣдъ былъ всегда прекрасный.

Крайне заинтересовала меня наша бесѣда съ Сущовымъ о волѣ. Получился манифестъ 19 февраля 1861 года. Сущовъ созвалъ всю свою многочисленную дворню и объявилъ ей, что она свободна: молодежь можетъ уходить и пріискивать себѣ мѣста, а двумъ кучерамъ, лакею, казачку, повару, его помощнику, садовнику, старухѣ Аннѣ Филипповнѣ, выняньчившей его дѣтей, онъ предложилъ, если хотятъ, остаться у него. Всѣмъ имъ онъ опредѣлилъ жалованье по 5 руб. въ мѣсяцъ, а помощникамъ по три; и всѣ они остались.

Проводя еженедѣльно почти по двое сутокъ, а если бывали праздники посреди недѣли, то и больше, съ глазу на глазъ, само собою разумѣется, о многомъ можно было съ нимъ поговорить, многое послушать, многому поучиться.

Помню нашу бесѣду о реформѣ 19 февраля.

„Порвалась цѣпь великая,
Порвалась, разскочилася:
Однимъ концомъ по барину,
Другимъ—по мужику".

Такъ писалъ въ 1876 году о реформѣ Некрасовъ. Конечно онъ имѣлъ въ виду свою Ярославскую губернію. Но иначе смотрѣлъ на это помѣщикъ губерніи хлѣбородной.

— Скажите, пожалуйста, Дмитрій Николаевичъ, какъ отразилась на васъ эмансипація 19 февраля?

— Какъ отразилась? Да никакъ. Щелкнула она насъ по самолюбію, а не по карману. Это вѣдь большія сказки о безплатномъ крестьянскомъ трудѣ. Я говорю, конечно, про нашу черноземную полосу, тамъ, гдѣ болота, глина, песокъ, и т. п. почва, тамъ, несомнѣнно, отразилась больно. Только при даровомъ трудѣ, и при томъ трудѣ усиленномъ, такая почва еще могла кое-что дать. А у насъ дѣло иное. Я сейчасъ держу прислугу только необходимую; кормлю ее, плачу жалованье; хороша—держу, не хороша—ступай съ Богомъ; пришло первое число, выдамъ имъ жалованье и кончено, и больше я ничего не знаю. Въ крѣпостное время—другое дѣло. Я обхожусь теперь 6—7 человѣками прислуги, а тогда дворня была въ десять—пятнадцать семей, которыхъ нужно было кормить, одѣвать, обувать. Сочти, что все это стоило, и что стоитъ мнѣ теперь.

А крестьяне? Вѣдь это только одни разговоры, что они были безплатные рабочіе. У него пала лошадь, помѣщикъ ее купи, или дай; безъ лошади онъ ни на себя, ни на тебя не работникъ; пала корова—ты его наказать-то накажи за недосмотръ, а корову-то дай, иначе вся семья голодомъ помретъ, а это тебѣ же убытки. А сохрани Богъ пожаръ? Вѣдь опять все село потянетъ съ помѣщика.

А теперь что? Нанялъ работника на рабочую пору, заплатилъ ему 25—30 р., а осенью—прощай. Не хорошъ, сейчасъ же прогоню, и безъ него обойдемся. Нѣтъ, эмансипація принесла намъ небольшой убытокъ. По самолюбію хлестнула, это правда, а въ матеріальномъ отношеніи—пустяки.

Такъ разсуждалъ помѣщикъ-черноземецъ, и мнѣ казалось, что онъ правъ.

У Сущова была прекрасная библіотека: выписывались многіе современные толстые журналы, Катковскія Московскія вѣдомости,—читай сколько угодно. И этимъ я пользовался очень

широко. Въ училищной библіотекѣ былъ одинъ подборъ журналовъ, здѣсь—другой. Такимъ образомъ, одна библіотека дополнялась другой, и для меня многіе вопросы того времени освѣщались не съ одной только стороны.

Вечеръ уходилъ на чтеніе газетъ, если это былъ день почтовый, и на бесѣду.

Дни праздничные, само-собою разумѣется, освобождали отъ работъ, но ложилась новая обязанность—посѣщеніе сельской церкви. Мнѣ казалась въ то время странною поѣздка въ церковь, находившуюся на разстояніи десятиминутной неспѣшной ходьбы. Но таковъ обычай, установленный временемъ, и тройка отвозила насъ въ церковь и привозила назадъ.

Здѣсь мнѣ приходилось наблюдать за отношеніемъ Сущова къ крестьянамъ и ихъ къ нему. Они были крайне просты: объясненія шли на „ты“ съ обѣихъ сторонъ, и если бесѣда по своему содержанію должна была затянуться, то Сущовъ обыкновенно садился или на паперть, или въ тарантасъ, а крестьяне окружали его, стоя безъ шапокъ, если это было лѣтомъ; зимою же онъ всегда имъ говорилъ: „накройтесь, ребята“.

Много давалъ онъ имъ совѣтовъ, растолковывалъ положеніе 19 февраля, указывалъ, что нужно дѣлать; часто писалъ письма къ мировому посреднику, ходатайствуя за нихъ. За то и крестьяне платили ему большимъ довѣріемъ и расположеніемъ: ужъ ни одинъ изъ нихъ не пойдетъ, бывало, наниматься въ работники къ другому помѣщику, не побывавъ у Сущова, и только когда полный комплектъ рабочихъ былъ составленъ, оставшіеся свободными шли предлагать свой трудъ помѣщикамъ сосѣднимъ. Было замѣтно, что и помѣщикъ, и его бывшіе крѣпостные дорожили такими отношеніями и, конечно, дѣйствовали въ пользу взаимныхъ интересовъ.

При такихъ условіяхъ, понятно, что съ 19 февраля 1861 г. у нихъ не было ни одного недоразумѣнія.

За мѣсяцъ до масленицы мы задумали дать два спектакля, которые должны были идти въ зданіи уѣзднаго училища въ пользу его бѣдныхъ учениковъ.

Главное участіе въ этихъ спектакляхъ принимала семья помѣщиковъ П., ближайшихъ сосѣдей Сущова. Эта многочисленная семья состояла изъ четырехъ братьевъ, изъ коихъ двое, отставные моряки, пріѣхали на зиму домой, и человѣкъ пяти, или шести сестеръ, дѣвицъ очень зрѣлаго возраста. Участвовали дѣти и нѣкоторыхъ другихъ помѣщиковъ, какъ, напримѣръ, Александра Александровна М.; участвовалъ и самъ Су-

щовъ. Спектакли составились все изъ водевилей и мелкихъ одноактныхъ комедій. Помню, шли пьесы „Женитьба“ Гоголя, „Зачѣмъ иные люди женятся“? „Простушка и воспитанная“, „Хоть умри, а найди дочкѣ мужа!“ остальныхъ не помню.

Я имѣлъ такой большой успѣхъ, что Сущовъ въ серьезъ заподозрилъ во мнѣ талантъ и сталъ уговаривать готовиться на сцену.

— Вотъ придетъ лѣто; ты свободенъ; поѣзжай въ Нижній, дебютируй, стучись на сцену—это твое призваніе! Какой ты тамъ учитель! Я тебѣ дамъ денегъ, поѣзжай!

Опять забилась у меня актерская жилка, успокоившаяся было въ мертвомъ воздухѣ Донца! Сталъ готовиться къ дебюту. Вызубрилъ Чацкаго, выучилъ Кречинскаго (это послѣ Емелито и Анучкина! О, молодость!), читалъ ихъ Сущову, и онъ очень хвалилъ.

Какъ въ этихъ занятіяхъ промелькнулъ у меня великій постъ, я и не замѣтилъ.

Пріѣзжаю какъ-то, по обыкновенію, въ субботу къ Сущову; пообѣдали; затѣмъ пошли къ нему въ кабинетъ, куда намъ подали чай.

— Да... вотъ что я хотѣлъ тебѣ сказать... Я получилъ отъ Вѣрочки (его дочь) письмо изъ Одессы... пишетъ, что ѣдетъ сюда... Вамъ придется жить вмѣстѣ, въ одномъ домѣ... Несомнѣнно, пойдутъ объ этомъ вездѣ толки... Ея имя свяжутъ съ твоимъ... Такъ считаю нужнымъ предупредить тебя быть на сколько возможно осторожнымъ... Одинъ твой фальшивый шагъ можетъ совсѣмъ ее погубить, а она и такъ мало видѣла радостей въ жизни... И какъ мнѣ ни горько, но я долженъ буду съ тобой разстаться, если отношенія ваши выйдутъ за предѣлы допустимаго.

Я, конечно, далъ слово. Я и не думалъ объ этомъ.

Я и она! Какое сравненіе?

Я плебсъ, ничтожество!

Она—жена гвардейскаго офицера, царица петербургскихъ баловъ... и вдругъ—сочетаніе! Не ожидалъ!

Она на меня, вѣроятно, и взглянуть-то не захочетъ...

Я поглядѣлъ на стоявшій у него на столѣ ея портретъ въ богатой рамѣ. Бальное платье... очень открытый лифъ... На головѣ цвѣты... Молодая, видная, чисто русская красота!

Львица!

Богиня!...

Разошлись мы по своимъ комнатамъ, а львица большого петербургскаго свѣта не отходитъ отъ меня ни на шагъ...

„Любовь мутитъ мое воображенье!“

(Самозванецъ—Пушкина).

Не предупреди меня Сущовъ, можетъ быть, ничего и не было бы... А тутъ...

Сижу въ классѣ—она передо мной; въ церкви—опять; лягу въ постель,—она пристально смотритъ и, какъ будто, дразнитъ меня; во снѣ вижу ее постоянно...

Да что же это за навожденіе!

На шестой недѣлѣ поста большая дорога высохла. Сущовъ велѣлъ готовить карету, чтобы ѣхать за дочерью въ губернскій городъ, а хозяйство поручилъ мнѣ, ровно ничего въ немъ не понимающему.

Теперь позвольте мнѣ, по пути, разсказать вамъ скоропалительный романъ гвардейскаго офицера съ дочерью степного помѣщика.

XIX.

При благопріятныхъ условіяхъ родилась первая дочка у помѣщика Сущова; назвали ее Вѣрой; крѣпостныя няньки да мамки окружали ея колыбель; подросла Вѣрочка—пригласили гувернантокъ. На широкомъ просторѣ степныхъ полей росла она и укрѣплялась, и къ пятнадцати годамъ была дѣвушка кровь съ молокомъ.

У Сущова, какъ я сказалъ, былъ винокуренный заводъ; часто посѣщалъ его акцизный надзиратель. Самъ я не видалъ этого господина, но мнѣ о немъ разсказывали.

Видный сорокалѣтній холостякъ; одѣтъ всегда франтомъ; немудрено, что свободное сердчишко пышащей здоровьемъ деревенской барышни заиграло раньше времени.

Велитъ, бывало, осѣдлать лошадь и летитъ въ близъ лежащій лѣсокъ на свиданіе съ лихимъ акцизнымъ чиновникомъ.

Въ одинъ прекрасный день является этотъ господинъ къ Сущову и дѣлаетъ предложеніе.

Тотъ благодаритъ за честь, но, подъ предлогомъ молодости дочери, отказываетъ.

И въ самомъ дѣлѣ: Сущова—и акцизникъ изъ мѣщанъ!

Что тутъ общаго?

Mesalliance!

Въ это время на донцовскомъ горизонтѣ засвѣтилась новая яркая звѣзда — девятнадцатилѣтній корнетъ какого-то лейбъ-гвардейскаго полка.

Фамилія не особенно громкая и ровно ничѣмъ себя незаявившая, но молодчина: атлетическаго роста, красавецъ собой, мазуристъ.

Партія подходящая во всѣхъ отношеніяхъ.

И вотъ поженились. Ему 19, ей скоро 16 лѣтъ.

Сущовъ купилъ ей въ приданое имѣніе—полная чаша; все, до послѣдняго гвоздя, было новенькое въ этомъ гнѣздышкѣ; заплатилъ за него 60 т.—въ то время деньги большія.

Въ день свадьбы чуть ли не на подносѣ вручилъ тесть молодому зятю дарственную запись.

Живите. Христосъ съ вами!

И зажили. Зажили безъ удержу, съ мѣста въ карьеръ: квартира въ Петербургѣ, квартира въ мѣстѣ стоянки; пара лошадей для нея, съ выѣзднымъ лакеемъ-арабомъ, тройка—у него. Красавецъ-мужчина ѣздитъ въ замкѣ полка, у всѣхъ на виду, стало быть ѣздокъ не заурядный, и конь долженъ быть такой же. Три тысячи заплатилъ за коня.

Прошло семь мѣсяцевъ счастливой, веселой, безшабашной жизни молодыхъ. Каждый день балы, театры, выѣзды... Постоянные счета отъ портныхъ... Сколько удовольствій!

„Оглянуться не успѣла,
Какъ зима катитъ въ глаза!“

А игра? Боже мой, какая была игра! Выигралъ—прокутилъ; проигралъ—отдалъ собственныя...

И вдругъ получается телеграмма: „дорогой папа! Пріѣзжай поскорѣй и спаси меня“.

Значитъ: „помертвѣло чисто поле“.

Отецъ ѣдетъ. Поѣздъ пришелъ утромъ; онъ прямо къ нимъ; заходитъ съ задняго крыльца; на крыльцѣ масса порожнихъ бутылокъ отъ винъ... Да все дорогихъ... заграничныхъ...

Ужъ не о немъ ли писалъ Некрасовъ:

„Мужъ господинъ красоты замѣчательной,
Въ гвардіи годъ прослужившій отечеству,
Былъ человѣкъ разбитной, обязательный,
Склонный къ разгулу, къ игрѣ, къ молодечеству“.

(Дешевая покупка).

Право, это о немъ!

Или ужъ очень много и безъ него было такихъ артистовъ?

Входитъ отецъ въ залъ: открытые ломберные столы... разбитыя колоды картъ валяются вездѣ и всюду... изломанные мѣлки... разлитое вино... остатки закусокъ... да все деликатесы... все дорогое...

А изъ гостиной выбѣгаетъ растрепанная Вѣра и съ рыданьемъ бросается на грудь отцу.

— Папа! милый милый! Ради Бога спаси! я третьи сутки питаюсь печенкой, которую Дуничка (горничная) покупаетъ на свой счетъ...

Вотъ онъ гдѣ истинный-то mesalliance!

Конечно, живехонько собрались, и въ тотъ же день онъ отправилъ ее въ Одессу къ бабушкѣ.

Вотъ героиня какого романа ѣхала въ нашъ медвѣжій уголъ.

Супругъ въ это время вышелъ изъ полка: все прослужилъ; имѣніе Вѣрочки попало за 25 тысячъ донцовскому купцу, а супругъ проживалъ у младшаго брата на хлѣбахъ изъ милости, шлялся по городу и уѣзду безъ всякаго дѣла.

Бывая въ городѣ, онъ постоянно заходилъ въ магазинъ Птицина—это бакалейная и винная лавка, гдѣ часто собиралось, за неимѣніемъ клуба и приличнаго трактира, чиновничество: выпить, поговорить, почитать газету, обсудить положеніе всѣхъ великихъ державъ и, если возможно, разогнать собравшіяся тучи на политическомъ горизонтѣ...

Когда вышелъ романъ Достоевскаго „Братья Карамазовы“, то герой, Дмитрій Карамазовъ, какъ-то слился у меня съ фигурой юнаго супруга-гвардейца, когда тотъ, послѣ убійства отца, закупалъ въ магазинѣ вина, закуски, лакомство, чтобы ѣхать въ Мокрое къ Грушенькѣ...

Съ тою разницей, что донецкому эксъ-гвардейцу кредитъ уже былъ закрытъ. Ему въ Донцѣ только оставалось одно утѣшеніе: съ силачемъ-кузнецомъ держать пари на бутылку водки—кто кого перетянетъ. Для этого они тутъ же, въ лавкѣ, усаживались на полъ, упирались другъ въ друга ступнями ногъ, брали въ руки желѣзную палку, обыкновенно ломъ, и тянулись; кого подняли, тотъ былъ побѣжденъ и покупалъ бутылку водки.

И баринъ частенько пилъ водочку за счетъ кузнеца!

Силачъ!

И потомъ, какъ хотите, время брало свое: сліяніе сословій! Свобода, равенство и братство!

Узнавши какимъ-то образомъ, что супруга его ѣдетъ къ отцу, онъ задумалъ ее украсть, чтобы потомъ сосать изъ тестя соки; жить ему было больше нечѣмъ.

И вотъ какую штуку продѣлываетъ онъ.

По большой дорогѣ бодро мчится сѣрая четверня, впряженная въ четырехмѣстную карету; на козлахъ сидитъ старшій кучеръ, Яковъ; въ каретѣ Сущовъ, его дочь и горничная Дуняша. Вдругъ вылетаетъ съ проселка отчаянная тройка лошадей; на ней супругъ съ братомъ; Яковъ оборачивается и говоритъ барину:

— Сударь, Павелъ Павловичъ гонится за нами!

— Пошелъ! въ карьеръ! кричитъ Сущовъ.

И началась гонка... бѣшеная гонка!

Вотъ тройка перегоняетъ четверню; супругъ моментально выскакиваетъ изъ тарантаса, хватается за заднее колесо кареты; съ необыкновенной силой дергаетъ его назадъ, и четверня, измученная и долгимъ путемъ, и бѣшеною скачкой, останавливается, какъ вкопанная...

Онъ бросается къ дверцѣ, отворяетъ ее.

Дуняша не потерялась: она съ силою, какая только была у нея, толкаетъ въ грудь наглеца, тотъ летитъ навзничь...

Сущовъ кричитъ: пошелъ!!

Четверня тронулась съ мѣста въ карьеръ, и задняя пара колесъ кареты прокатила по ногамъ распростертаго гвардейца.

Это только ихъ и спасло.

Это фактъ; разсказывали мнѣ объ этомъ всѣ четверо участниковъ.

* * *

Кончилась шестая недѣля поста, и я на страстную и Пасху пріѣхалъ въ имѣніе. Сущова не было, уѣхалъ за дочерью. Ждутъ каждый день. Наконецъ, на горизонтѣ показалась скачущая четверня. Прибѣгаетъ ко мнѣ казачекъ и говоритъ:

— Господа ѣдутъ!

Я вышелъ на крыльцо и ждалъ. Было очень темно; снѣгъ давно растаялъ; вездѣ чернѣла степь, вездѣ шла полевая работа.

Карета въѣзжаетъ въ ворота и подкатываетъ къ крыльцу. Сбѣжавшаяся прислуга по старой привычкѣ подходятъ къ барину и барынѣ, цѣлуютъ у нихъ руки, сердечно привѣтствуютъ. Дошла очередь и до меня; мы съ нимъ расцѣловались.

— Вотъ, представляю тебѣ, Вѣра, будущаго великаго артиста! шутливо говоритъ Сущовъ, обращаясь къ дочери. Она

протягиваетъ мнѣ свою бѣлую крупную руку, которую я цѣлую.

Я на нее не смотрѣлъ... Я боялся... Я боялся, что она прочитаетъ въ моихъ глазахъ все, что я о ней думалъ.

А я этого не хотѣлъ. Честное слово, не хотѣлъ...

Вошли въ домъ.

Помня мой разговоръ съ Сущовымъ, его предупрежденіе, я держалъ себя очень осторожно. Я не хотѣлъ подать ни малѣйшаго повода.

Прошла страстная недѣля. Люди начали поговаривать, что много разъ видѣли Павла Павловича, разъѣзжающимъ на тройкѣ вблизи имѣнія.

— Ну, Вѣра, тебѣ оставаться тутъ опасно: отъ твоего благовѣрнаго можно ждать всякой гадости. Да при томъ не слѣдуетъ ему давать никакого повода для распространенія разныхъ слуховъ въ счетъ твоей репутаціи; а жизнь вотъ съ нимъ (указывая на меня) подъ одной кровлей легко можетъ натолкнуть твоего мужа на эту грязную мысль. Поэтому тебѣ, по-моему, необходимо уѣхать послѣ Пасхи въ Москву и тамъ ждать братьевъ; пріѣдешь вмѣстѣ съ ними и тогда для разныхъ сплетенъ не будетъ никакихъ основаній.

Она вполнѣ согласилась съ отцомъ, и отъѣздъ ея былъ рѣшенъ на Ѳоминой въ понедѣльникъ.

Наши отношенія установились въ формѣ самой корректнѣйшей; даже самъ Шерлокъ Холмсъ ничего не могъ бы замѣтить. Ей, конечно, это ничего не стоило: столичная муштра, жизнь въ высшемъ обществѣ выработали въ ней умѣнье владѣть собой, такъ что ей какой-то N N? Второстепенный актеръ, подающій реплики премьеру—и только!

„Не мало видѣла она у ногъ своихъ
И рыцарей, и графовъ благородныхъ,
Не для того, чтобъ бѣглаго монаха...
(Борисъ Годуновъ).

Ну, а мнѣ... мнѣ это стоило дорого...

Главное дѣло, приходилось играть роль, которая шла въ разрѣзъ со всѣмъ моимъ существомъ; приходилось притворяться.

Это было для меня трудно. Очень трудно.

Но я выдерживалъ: я свободно, съ глазу ли на глазъ, или въ присутствіи отца — все равно — равнодушно поддерживалъ общій разговоръ; ни взглядомъ, ни жестомъ, ни голосомъ я не выдалъ того, что бѣлой пѣною кипѣло въ моей восемнадцати-

лѣтней груди; читая съ ней разныя сцены изъ разныхъ пьесъ, я одинаково хорошо подъигрывалъ и благороднаго отца, и перваго любовника.

Мнѣ казалось, что я рѣшительно ни въ чемъ не подавалъ ей повода думать, что у меня на сердцѣ не совсѣмъ-то ладно...

Но, какъ говоритъ русская пословица, „гдѣ чортъ не сладитъ, туда бабу пошлетъ“...

Подошла суббота Святой недѣли. Завтра Вѣра Дмитріевна должна уѣхать. Распустили слухъ, что она ѣдетъ въ понедѣльникъ (это для мужа), а она ѣдетъ въ воскресенье, послѣ обѣда.

Въ домѣ идетъ колготня, сборы, укладка.

По обыкновенію Сущовъ уѣхалъ къ обѣднѣ, а я остался дома. Вѣра Дмитріевна еще не выходила изъ своей комнаты. На столѣ въ залѣ кипѣлъ самоваръ; чаю мы еще не пили, ждали ее.

Вотъ она вышла; на ней сѣрое дорожное платье, съ высокимъ лифомъ, стоячимъ воротникомъ, изъ-подъ котораго выглядывалъ бѣлый ободокъ полотнянаго воротничка и узкая, безъ всякой отдѣлки, юбка изъ той же матеріи.

Мы поздоровались обычнымъ порядкомъ и сѣли пить чай.

Она о чемъ-то думала, изрѣдка пытливо взглядывая на меня. Долгое время царило молчаніе, какъ будто мы оба не знали, о чемъ говорить.

— А знаете что? нежданно начинаетъ она: давайте на прощанье прочитаемъ „Василису Мелентьеву“?

Говорила она какъ-то нервно... Словно куда-то торопилась...

„Василиса“ была ея любимая роль, и читка у насъ шла очень порядочно.

— Къ вашимъ услугамъ.

Бросили чай и ушли въ гостиную. Усѣлись на диванъ и взяли „Василису“.

Читаемъ.

Я то за Грознаго, то за Малюту, то за Колычева.

Подошла сцена, въ которой Василиса говоритъ:

„Голубчикъ бѣлый, отрави царицу“!

И...

Со двора послышался звонъ бубенцовъ—это пріѣхалъ отецъ.

Она встрѣтила его въ дверяхъ залы, какъ ни въ чемъ не бывало.

Да и я то-же хорошъ: вышелъ на террасу, оттуда въ садъ и черезъ другое крыльцо опять вошелъ въ домъ.

Въ прежнія времена за этакія дѣлишки изъ рая выгоняли нашего брата, а тутъ... Подхожу къ нему и съ улыбкой Іуды привѣтствую:

— Съ праздникомъ!

Онъ цѣлуетъ меня и отдаетъ просфору.

Вѣроятно, за мое здоровье...

Какъ еще онъ не сказалъ: „Богъ милости прислалъ!“

А я-то? Хоть бы тебѣ что!..

Ну, подлецъ!

Вонъ съ какихъ поръ сталъ подавать надежды...

Но я ей Богу ни при чемъ! Это она, царица души моей, отравила меня!..

Послѣ обѣда она уѣхала. Взяла адресъ моей матери, обѣщалась быть у ней, обѣщалась писать...

И дѣйствительно, каждую почту я получалъ отъ нея письма... И какія!

Каждый день она бывала у матери; пріѣдетъ, навезетъ разныхъ цѣнныхъ закусокъ, фруктовъ; сидитъ цѣлый день съ моей безграмотной старухой, вѣчно занятой добычей куска насущнаго хлѣба...

Странно! Да неужели же у ней дѣйствительно проснулось сердечко?

Не понимаю.

Наступилъ май; подошло страдное время экзаменовъ. Наконецъ, и они кончились; я свободенъ и могу ѣхать въ деревню.

Сущовъ со мною очень хорошъ. Неужели же роль сыграна мною артистически, безъ сучка, безъ задоринки?

А можетъ быть... Впрочемъ, не знаю! Ничего не знаю!..

* * *

Благодѣтель мой, Сущовъ, вспомнилъ въ это время свое обѣщаніе открыть мнѣ дорогу артиста и далъ денегъ, чтобы я ѣхалъ дебютировать въ Нижній. Этотъ городъ былъ избранъ потому, что, думали мы, тамъ, во время обычной ярмарки, театръ долженъ быть непремѣнно.

И вотъ, по окончаніи экзаменовъ, поѣхалъ я въ Нижній. Это было въ тотъ годъ, когда театръ тамъ сгорѣлъ. Я пріѣхалъ туда утромъ, побывалъ на знаменитомъ „Откосѣ“; полюбовался величественной картиной сліянія рѣкъ Оки и Волги, затѣмъ въ ресторанъ, спросилъ себѣ у заспаннаго грязнаго лакея стаканъ кофе, сижу и пью.

Вдругъ неземное созданіе ко мнѣ подсаживается...

— Угостите, господинъ, коньячкомъ!

— ?!

— Вы что такъ смотрите? Удивляетесь, что такъ рано и за коньякъ? Мы, хористки, народъ гулящій! А со вчерашняго голова трещитъ, надо поправиться...

— Пожалуйста...

Спросилъ рюмку коньяку, расплатился и убѣжалъ.

Какъ Іосифъ прекрасный.

Испугался этой ярмарочной пентефрихи и бѣжалъ.

Разспросилъ, гдѣ живетъ антрепренеръ Смольковъ, герой многихъ театральныхъ анекдотовъ, комедій и водевилей, и отправился къ нему.

Повезъ меня извозчикъ къ Смолькову на какую-то глухую улицу; помнятся мнѣ все маленькіе домишки и заборы, заборы... заборы безъ конца.

Вошелъ въ калитку. Передо мной громадный дворъ; вдали на веревкахъ развѣшены костюмы и Гамлета, и Грознаго, и Фердинанда, и Скапена.

Просушиваются и освобождаются отъ моли.

На крыльцѣ сидитъ въ халатѣ, изъ-подъ котораго виднѣются туфли, надѣтыя на босыя ноги, „нѣкто“; голова этого „нѣкто“ была обвязана старымъ грязнымъ фуляровымъ платкомъ.

Это и былъ знаменитый антрепренеръ Смольковъ.

Вотъ физіономія, которая совершенно испарилась изъ моей памяти!

Оказалось, что театръ сгорѣлъ, играть негдѣ и разговаривать намъ было не о чемъ.

Это вотъ уже второй неудачный случай стремленія моего на сцену.

Такимъ образомъ я вернулся къ Сущову и тамъ засталъ уже пріѣхавшихъ къ нему дѣтей.

Fatalité, какъ говоритъ Прекрасная Елена.

Видно, отъ нея никуда не убѣжишь.

„Опять завлекъ меня сюда мой жалкій жребій!“

. . . . . .

Дальше для васъ будетъ не интересно, ибо все пошло по трафарету, полнымъ ходомъ. А я и такъ слишкомъ много говорилъ о себѣ. Простите.

XX.

Теперь позвольте познакомить васъ еще съ однимъ помѣкимъ, съ тѣмъ И., мимо котораго мы ѣздили изъ Донца въ имѣніе Сущова.

Жизнь въ Донцѣ была мертвая. Такъ живутъ развѣ подъ египетскими пирамидами. Служба, карты, водка, звукъ унылый фортепіано, пѣсни, скоромный анекдотъ, вотъ и весь запасъ удовольствій, находящихся въ вашемъ распоряженіи.

Нынче у одного, завтра у другого, послѣ завтра у третьяго... А то на огонекъ: придетъ къ тебѣ одинъ и приглашаетъ: пойдемъ къ такому-то; идемъ. Посылаемъ Матрену за четвертымъ, и пулька готова.

Это обычное. Но разъ какъ-то Б. говоритъ мнѣ въ училищѣ:

— Приходи вечеромъ, познакомиться съ одною забытою на этомъ свѣтѣ Господомъ-Богомъ душою...

— Съ кѣмъ это?

— А вотъ приходи, увидишь. Въ ералашъ тебя посажу съ нимъ играть.

— Ладно, приду.

Заинтересовала меня эта „забытая Богомъ“ фигура...

Пришелъ домой, разговорился съ хозяевами, и они мнѣ многое кое-что поразсказали объ И.

— Онъ и васъ къ себѣ непремѣнно пригласитъ, и къ вамъ попросится пріѣхать, и муки пришлетъ, и баню истопитъ.

— Какъ муки? Какую баню? Это что еще такое?

— А вотъ поживете, увидите.

И дѣйствительно: пожилъ и увидалъ!

Насталъ вечеръ; иду въ гости.

Уѣздные дѣльцы уже собрались; раскрыты два ломберныхъ стола: одинъ для игроковъ серьезныхъ, другой для тѣхъ, за которыми была очередь забавлять обратившагося въ дѣтство старичка.

Когда я вошелъ въ залу, то первое, что мнѣ бросилось въ глаза—это новая для меня личность. Въ креслѣ, съ боку предиваннаго круглаго стола, накрытаго вязаною салфеткой, сидѣлъ чистенькій, сѣденькій, розовенькій старичекъ; его жиденькія косички были зачесаны съ затылка вверхъ на голову, чтобы прикрыть совсѣмъ оголенный черепъ; на немъ былъ коричневый сюртукъ, покроя, вѣроятно, двадцатыхъ годовъ девятнадцатаго вѣка, съ широкимъ бархатнымъ воротникомъ, изъ-за котораго виднѣлся бѣлый мягкій откладной воротничекъ его голландской рубашки; свѣтло-сѣрыя брюки и мягкіе, очень мягкіе башмаки. Вотъ его костюмъ. На указательномъ пальцѣ его правой, со сморщенной кожей, руки сверкалъ весьма цѣнный родовой солитеръ.

Передъ старцемъ стояла маленькая французская фарфоровая чашечка, серебряная корзинка съ булочками домашняго печенія и маленькая баночка варенья. Все это онъ привезъ съ собою изъ деревни въ своемъ возкѣ, въ которомъ могъ помѣститься цѣлый домъ.

Онъ не одинъ; съ нимъ кучеръ, форейторъ и дворецкій, безъ котораго онъ не можетъ прожить ни одной минуты.

Только дворецкій до тонкости зналъ всѣ привычки барина, и только онъ могъ угодить ему и его успокоить.

Меня, конечно, усадили за ералашъ, единственная игра, которую признавалъ старичекъ. Игра меня не интересовала ни съ какой стороны, хотя я старался разыгрывать внимательно, такъ какъ при каждой ошибкѣ партнера старичекъ очень волновался и постоянно твердилъ своимъ слабенькимъ голоскомъ:

— Ахъ, какъ такъ можно играть! Да какъ же такъ играть!

Н. Морозовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ переписки оренбургскаго военнаго губернатора гр. В. А. Перовскаго о Владимірѣ Ивановичѣ Далѣ.

70 лѣтъ тому назадъ, покинулъ Оренбургъ одинъ изъ забытыхъ писателей земли русской Владиміръ Ивановичъ Даль...

Въ 1883 г. самъ только-что назначенный на постъ оренбургскаго военнаго губернатора гр. В. А. Перовскій пригласилъ В. И., съ которымъ познакомился у Жуковскаго, къ себѣ на службу чиновникомъ особыхъ порученій. В. И. охотно согласился на это приглашеніе, такъ какъ уже со времени турецкой кампаніи 1829 г. началъ терять вѣру въ свое прямое дѣло, дѣло врачебное, и, постепенно переходя на сторону гомеопатіи, рѣшилъ, наконецъ, отказаться отъ медицинскаго поприща, на которомъ пользовался почетною извѣстностью и имѣлъ значительную практику [1]). Въ лицѣ В. И. гр. П. пріобрѣлъ настоящаго секретаря, написавшаго цѣлые томы черновыхъ докладовъ, записокъ, писемъ и пр. согласно его указаній [2]). Ему принадлежитъ и докладная записка о военномъ предпріятіи противу Хивы. (Чтенія, 1860).

Въ Оренбургскомъ краѣ В. И. пробылъ съ 1833 по 1841 г. За это время изъѣздилъ этотъ край вдоль и поперекъ, сопровождалъ вмѣстѣ съ гр. П. въ 1837 г. Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича при объѣздѣ восточной части Россіи и съ нимъ же дѣлилъ невзгоды зимняго похода на Хиву въ 1839—40 г.г. Походъ этотъ В. И. описалъ въ письмахъ своимъ роднымъ и знакомымъ [3]). Здѣсь же, на далекой окраинѣ, В. И. женился, овдовѣлъ и вновь женился.

---

[1]) См. біограф. очеркъ Даля, сост. П. Полевымъ въ т. I „Сочиненій“, изъ собранія Вольфа „Русскіе Беллетристы“. 1882. Спб.

[2]) „Русск. Арх.“ за 1872 г., кн. X, стр. 2027, „В. И. Даль“.

[3]) „Русск. Арх.“ 1867 г.

Періодъ пребыванія В. И. въ Оренбургскомъ краѣ отличался усиленною литературною дѣятельностью, такъ какъ, къ своему глубокому и разнообразному знанію Россіи, ему удалось прибавить еще и знаніе быта уральскихъ казаковъ и киргизовъ. Большая часть повѣстей и разсказовъ помѣщена была въ „Библіотекѣ для Чтенія", въ „Отечественныхъ Запискахъ" и въ „Москвитянинѣ". Къ этому же времени относятся попытки В. И. писать для народа понятнымъ, доступнымъ ему языкомъ, и масса такихъ разсказовъ появилась въ „Сельскомъ Чтеніи". Сюда также относится рядъ очерковъ и разсказовъ для солдатскаго чтенія, т. н. „Солдатскіе Досуги". „Вообще говоря, періодъ оренбургской жизни можно назвать чрезвычайно важнымъ въ біографіи В. И. Даля".

Здѣсь окончательно сложился нравственный обликъ этого героя-труженика, здѣсь, впервые, онъ рѣшился разобраться хоть немного въ своихъ неистощимыхъ запасахъ и попробовать силы свои, испытать достоинство пріобрѣтенныхъ имъ знаній въ разныхъ смыслахъ и съ разныхъ сторонъ...

И можно сказать положительно, что идея словаря живого русскаго языка, хотя и не въ окончательной формѣ, явилась у В. И. Даля именно во время его пребыванія въ Оренбургѣ".

Вотъ, что читаемъ мы въ біографическомъ очеркѣ Даля П. Полевого. Въ виду этого приводимая ниже переписка о В. И., относящаяся къ упомянутому періоду жизни его, должна пополнить, далеко не подробныя, какъ мы видѣли, свѣдѣнія изъ біографіи почти совсѣмъ забытаго писателя, который въ свое время, однако, высоко ставился такими цѣнителями [1]), какъ Бѣлинскій, Тургеневъ, Жуковскій и Пушкинъ, предъ смертью подарившій пріѣхавшему въ Петербургъ (1836 г.) В. И. со своей руки изумрудный перстень-талисманъ и скончавшійся на его рукахъ.

Настоящая переписка извлечена изъ дѣлъ архива Оренб. ученой архивной комиссіи (бывшаго архива канцеляріи Оренб. генер.-губернатора) по гражданскому отдѣлу [2]) и начинается дѣломъ „о переводѣ на службу для особыхъ порученій къ Оренбургскому военному губернатору доктора военно-сухопутнаго госпиталя Даля съ переименованіемъ его въ коллежскіе ассе-

[1]) Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, т. X, 1893, Спб.

[2]) См. „Указатель дѣламъ, касающимся народнаго просвѣщенія и промышленности Оренбургскаго края", П. Н. Столпянскаго, №№ 250—263 (XX вып. „Трудовъ" Оренб. Уч. Арх. Комиссіи).

соры по вѣдомству Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и о прочемъ".

Оренбургскій военный губернаторъ гр. В. А. Перовскій обращается письмомъ отъ 7 мая 1833 г. къ главному медицинскому инспектору арміи Я. В. Вилліе.

Милостивый государь, Яковъ Васильевичъ! Вслѣдствіе словеснаго моего съ вашимъ превосходительствомъ объясненія касательно переименованія ординатора здѣшней военно-сухопутной госпитали доктора Даля изъ настоящаго званія его въ чиновники Министерства Внутреннихъ Дѣлъ для прикомандированія ко мнѣ и слѣдованія въ Оренбургъ, имѣю честь васъ, м. г., просить, если не изволите встрѣтить въ томъ препятствія и о доставкѣ мнѣ формуляра доктора Даля".

На это письмо 9 мая послѣдовалъ отвѣтъ, „что ординаторъ С.-Петербургскаго военно-сухопутнаго госпиталя докторъ медицины Даль уволенъ изъ военно-медицинскаго вѣдомства для поступленія на службу по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ" и „что отъ медицинскаго департамента Военнаго Министерства вмѣстѣ съ симъ предписано старшему доктору С.-Петербургскаго военно-сухопутнаго госпиталя объявить доктору медицины Далю, дабы онъ явился къ вашему превосходительству со всѣми нужными бумагами". 10-го же мая контора госпиталя вмѣстѣ съ увѣдомленіемъ объ увольненіи Даля отъ должности ординатора выслала при рапортѣ „Оренбургскому военному губернатору генералъ-адъютанту и кавалеру Перовскому"—„формулярный списокъ о службѣ и достоинствѣ выключеннаго изъ С.-Петербургскаго военно-сухопутнаго госпиталя доктора медицины Владиміра Ивановича сына Даля". Привожу этотъ списокъ по его графамъ.

1. Чинъ, имя, отчество и прозваніе; также какіе имѣетъ ордена и прочіе знаки отличія?

Докторъ медицины Владиміръ Ивановъ сынъ Даль. Кавалеръ орденовъ св. Владиміра 4 ст., св. Анны 3 ст. Имѣетъ медаль серебряную за турецкую войну 1829 г. и крестъ за военное достоинство 3 ст.—за польскую войну 1831 г.

2. Сколько отъ роду лѣтъ?—31.

3. Изъ какого званія?—Изъ дворянъ Херсонской губ.

4. Есть ли за нимъ, за родителями его, или, когда женатъ, за женою недвижимое имѣніе?—Не имѣетъ.

5. Когда въ службу вступилъ и въ оной какими чинами происходилъ, и когда, съ показаніемъ прописью времени про-

изводства въ первый офицерскій чинъ, и сколько тогда имѣлъ отъ роду лѣтъ?

Обучался наукамъ въ Императорскомъ Дерптскомъ университетѣ въ числѣ студентовъ—1826 г. генв. 20. Принятъ въ число казенныхъ воспитанниковъ медицинскаго института—1828 г. генв. 20. Экзаменованъ на докторское достоинство и до написанія диссертаціи возведенъ въ званіе лекаря 1-го отдѣленія—1829 г. марта 18. Защищалъ публичную диссертацію и получилъ дипломъ доктора медицины 1829 г. марта 18 (? Ред.).

6. Въ теченіе службы своей, въ которыхъ именно полкахъ и батальонахъ, и съ какого по какое время по переводамъ находился, по какому случаю переводимъ въ оные былъ: по волѣ начальства или по собственному желанію, и когда прибылъ къ новой каждой командѣ или другому мѣсту; когда и къ какимъ должностямъ былъ выбранъ, и когда отъ оныхъ уволенъ?

По назначеніи на службу въ военное вѣдомство опредѣленъ во 2-ю дѣйствующую армію сверхъ комплекта—1829 г. марта 29. По прибытіи въ оную къ крѣпости Силистріи назначенъ ординаторомъ въ подвижной госпиталь главной квартиры—1829 г. мая 21. При учрежденіи въ г. Адріанополѣ военно-временнаго госпиталя назначенъ ординаторомъ—1829 г. августа 9. Командированъ къ ген.-лейт. и кавалеру Ридигеру для сопровожденія его въ г. Бухарестъ и Яссы—1829 г. окт. 22. Назначенъ ординаторомъ въ Ясскую военно-временную госпиталь—1829 г. декабря 28. Прикомандированъ къ конно-артиллерійской № 20 ротѣ—1830 г. марта 30. Истребованъ къ штабу 4-го резервнаго кавалерійскаго корпуса и завѣдывалъ временнымъ 1-го конно-егерскаго дивизіона своднымъ лазаретомъ въ г. Умани—1830 г. дек. 5. Завѣдывалъ въ свирѣпствованіе холеры въ г. Каменцѣ-Подольскомъ 1-ою частью города—1831 г. янв. 24. Опредѣленъ медицинскимъ департаментомъ въ Костромской пѣхотный полкъ младшимъ лекаремъ съ прикомандированіемъ къ Каргопольскому драгунскому полку старшимъ лекаремъ—1831 г. авг. 20. Истребованъ къ штабу 3 пѣх. корпуса для особенныхъ при тогдашнихъ военныхъ обстоятельствахъ порученій по инженерной части для построенія моста на р. Вислѣ—1831 г. іюля 1. Назначенъ медицинскимъ департаментомъ въ Старооскольскій пѣх. полкъ старшимъ лекаремъ, но числился прикомандированнымъ къ штабу 3-го пѣх. корпуса—1831 г. дек. 12. Опредѣленъ по поданному прошенію ординаторомъ въ С.-Петербургскій военно-сухопутный госпиталь—1832 г. марта 21. Прикомандированъ къ морскому Кронштадскому госпиталю ординаторомъ—

1832 г. іюля 23. Поступилъ обратно въ С.-Петербургскій воен.-сухоп. госпиталь—1832 г. авг. 15.

7. Во время службы своей въ походахъ и въ дѣлахъ противъ непріятеля гдѣ и когда находился; не былъ ли раненъ, гдѣ и какъ, въ какое время, и гдѣ находился для пользованія ранъ; не былъ ли взятъ въ плѣнъ, въ какомъ дѣлѣ, и когда изъ онаго возвратился на службу; не имѣлъ ли сверхъ настоящей обязанности особыхъ порученій по Высочайшимъ повелѣніямъ или отъ своего начальства, какія именно, когда, какъ оныя исполнилъ и въ какое время; также когда какія награды получалъ за отличіе въ сраженіяхъ и по другимъ дѣйствіямъ: чинами, орденами и знаками отличія,—Высочайшія благоволенія, всемилостивѣйшіе рескрипты и похвальные листы отъ своего начальства, за какія дѣла и по какому мѣсту служенія?

При годичной раздачѣ наградъ за письменныя рѣшенія задачъ удостоенъ Дерптскимъ университетомъ серебряной медали—1827 г. дек. 12; тоже вторично—1829 г. дек. 12. По назначенію во 2-ую дѣйствующую армію переправился чрезъ р. Прутъ въ Молдавію—1829 г. мая 6, чрезъ Дунай—мая 21. Съ главною квартирою находился при осадѣ крѣпости Силистріи. При разбитіи арміи Верховнаго Визиря въ сраженіи у с. Кулевчи—1829 г. мая 30. При движеніи ген.-отъ-инф. Рота къ с. Морашу и взятіи трехъ редутовъ близъ Шумлы—мая 31. При разбитіи отряда фуражировъ казаками ген.-м. Жирова и отраженія во время сего вылазки изъ кр. Шумлы—іюля 29. При переходѣ войскъ 2-ой арміи чрезъ р. Комчикъ и чрезъ Балканы, при взятіи г. Сливно—31. При взятіи второстоличнаго города Адріанополя—1829 г. авг. 8. Вмѣстѣ съ войсками 4-го резерв. кавалерійскаго корпуса возвратился въ предѣлы Россійской имперіи—1830 г. апрѣля 20.

Награжденъ за усердную службу во время кампаніи знакомъ отличія св. Анны 3 ст.—1829 г. дек. 13 и по окончаніи похода установленною на георгіевской лентѣ серебряною медалью.

По открытіи кампаніи противъ поляковъ находился при разбитіи отряда Дверницкаго подъ Баромелемъ (? Ред.) на Волыни войсками ген. Ридигера—1831 г. апрѣля 6 и 7. При вогнатіи его же, Дверницкаго, въ предѣлы Австріи у Люнинской корчмы—апр. 15. Перешелъ границу Польши у Устлуга чрезъ р. Бугъ—1831 г. мая 18. При разбитіи польскихъ войскъ подъ Серокомлею и Будзисно (? Ред.)—1831 г. іюля 7. По совершенному недостатку при корпусѣ ген.-адъют. Ридигера инженерныхъ офицеровъ имѣлъ отъ него порученіе завѣдывать построе-

ніемъ моста на плотахъ чрезъ р. Вислу, равно и постройкою лодокъ и паромовъ на бочкахъ. 17 іюля лично управлялъ лодками при занятіи непріятельскаго берега Вислы противъ м. Юзефово. Находился при спускѣ и наведеніи моста вновь при г. Казиміровѣ, а при внезапномъ нападеніи отряда Завадскаго на мостовыя укрѣпленія былъ оставленъ съ отборною командою для уничтоженія моста вслѣдъ за отступающими войсками, что и успѣлъ исполнить благополучно, несмотря на то, что былъ окруженъ непріятелемъ, вступавшимъ уже на самый мостъ и симъ самымъ спасъ гарнизонъ мостового укрѣпленія, равно и артиллерію, и вагенбургъ отъ неминуемой гибели отрѣзалъ польскому генералу Ромарино, преслѣдуемому ген. Розеномъ, дорогу и убѣжище въ Краковско-Сендомірское воеводство. На все сіе имѣется отъ командира 3 пѣх. корпуса ген.-адъют. Ридигера особенное свидѣтельство.

Награжденъ за усердную во время войны службу орденомъ св. Владиміра 4 ст.—сент. 5 и вторично тѣмъ же ноября 2 [1]).

Въ дѣлахъ противъ мятежниковъ находился: авг. 29 при Волѣ (Волецкой) и подъ Минскомъ; сент. 9—подъ Лаговымъ; 12—въ с. Михайловомъ; 14—при занятіи вольнаго города Кракова. По окончаніи похода возвратился въ предѣлы Россійской имперіи —1832 г. янв. 8.

7. Отчеты по должности какіе имѣлъ въ теченіе службы, представлялъ ли въ срокъ и если таковыхъ когда-либо не доставилъ, то по какимъ причинамъ и уважены ли оныя начальствомъ?

Въ теченіе службы ординаторомъ при С.-Петербургскомъ военно-сухопутномъ госпиталѣ отчеты представлялъ въ срокъ.

8. Не подвергался ли жалобамъ, которыя начальствомъ найдены основательными, хотя по существу оныхъ виновный суду не подлежалъ; если въ виду начальства таковыя жалобы были, то отъ кого, когда именно, въ чемъ оныя состояли и какое получили окончаніе?

Во время службы при С.-Петербургскомъ военно-сухопутномъ госпиталѣ жалобамъ не подвергался.

9. Не былъ ли замѣченъ слабымъ въ отправленіи обязанностей службы и по званію начальника или вопреки должной взыскательности по службѣ не допустилъ ли между подчиненными какихъ-либо безпорядковъ или неисправностей; и, если

---

[1]) Взамѣнъ второго того же ордена впослѣдствіи Далю было объявлено Высочайшее благоволеніе.

въ какомъ-либо изъ тѣхъ случаевъ находился, то въ чемъ именно оный состоялъ, какія произошли отъ того послѣдствія не были ли они причиною какого-либо ущерба для интереса казеннаго, общественнаго или частнаго; вознагражденъ ли оный, кѣмъ и какимъ образомъ, или нѣтъ, и почему?

Слабымъ въ отправленіи ординаторской службы при сухопутномъ госпиталѣ не замѣченъ.

10. Не былъ ли оглашаемъ или изобличаемъ въ неприличномъ поведеніи, руководствуясь въ отмѣткѣ противъ сего пункта 21-ою статьею Статута о знакѣ отличія безпорочной службы?

Въ неприличномъ поведеніи оглашаемъ и изобличенъ не былъ.

Я привелъ почти дословно этотъ документъ не только ради его біографической цѣнности, но отчасти и ради нѣкоторой особенности формы веденія послужного списка на военно-служащаго того времени, куда, напр., заносились въ срокъ представляемые имъ отчеты, жалобы на него начальству и слабость его въ отправленіи своихъ обязанностей или въ отношеніи къ подчиненнымъ. Такой формуляръ при письмѣ отъ 13 мая того же, 1833 года, Перовскій препроводилъ Министру Внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретарю Дмитрію Николаевичу Блудову и просилъ о переименованіи В. И. въ чиновники по Министерству съ назначеніемъ при немъ по званію исправляющаго должность оренбургскаго военнаго губернатора и съ утвержденіемъ въ чинѣ коллежскаго ассесора со старшинствомъ съ 27 марта 1829 г.

Для переѣзда отъ Петербурга до Оренбурга „чиновнику 8 класса Далю“ была дана изъ канцеляріи С.-Петербургскаго военнаго ген.-губернатора по казенной надобности подорожная „съ будущими при немъ на три лошади“.

26 мая отъ Блудова послѣдовалъ отвѣтъ, что по Высочайше утвержденнымъ 13 февраля 1826 г. штатамъ для канцелярій Гг. Главноначальствующихъ въ губерніяхъ положено при Оренбургскомъ военномъ губернаторѣ имѣть одного чиновника особыхъ порученій съ жалованьемъ на 1500 рублей въ годъ и, что отъ распоряженія Перовскаго будетъ зависѣть опредѣлить В. И. на эту должность и представить Правительствующему Сенату объ утвержденіи его въ чинѣ коллежскаго ассесора. Послѣ чего съ 8 мая Даль былъ зачисленъ на службу къ гр. Перовскому.

Около того же времени, а именно 16 іюня послѣдній получилъ изъ медицинскаго департамента отношеніе за № 3824, по

которому вмѣсто вдвойнѣ полученнаго Далемъ 2 ноября 1831 г. ордена св. Владиміра 4 ст.—объявляется ему Высочайшее благоволеніе, а орденъ подлежалъ возвращенію въ департаментъ и, затѣмъ, въ капитулъ.

На предписаніе по этому поводу отъ 29 іюня Даль доноситъ Перовскому рапортомъ:

„На предписаніе вашего превосходительства за № 1240 о доставленіи къ вамъ по требованію медицинскаго департамента Военнаго Министерства знакъ отличія св. Владиміра 4 ст., будто бы вдвойнѣ мною полученный, имѣю честь отозваться, что грамота на знакъ сей дѣйствительно получена мною вдвойнѣ, а именно: отъ 5 сент. и 2 ноября того же 1831 года, изъ нихъ послѣдняя по требованію начальства возвращена мною при рапортѣ конторѣ С.-Петербургскаго военно-сухопутнаго госпиталя отъ 25 марта текущаго года за № 4, но самаго знака вдвойнѣ я не получалъ. О чемъ имѣю честь вашему превосходительству донести.

Отставной флота лейтенантъ,
докторъ медицины Даль.

№ 16. Августа 3-го дня 1833 г. Оренбургъ".

Содержаніе этого рапорта было сообщено медицинскому департаменту.

9 августа послѣдовало и представленіе въ Правительствующій Сенатъ о переименованіи Даля въ коллежскіе ассесоры „со дня поступленія его на дѣйствительную службу [1]) на основаніи указомъ 1804 г. ноября 5 § 16 и 17, 1809 г. августа 6 § 1 и 4, 1811 г. ноября 14, 1819 г. января 20 § 43, 44, 45 и 46". Того же числа въ М. В. Д. послана просьба о возвращеніи послужного списка, который и полученъ былъ въ Оренбургѣ 7 октября. 20-го же декабря Даль былъ утвержденъ въ просимомъ чинѣ и чрезъ мѣсяцъ ровно былъ приведенъ къ присягѣ въ Оренбургской Евангелической церкви 28 пѣх. дивизіи пасторомъ Оливіеромъ Гольмомъ при свидѣтелѣ, экзекуторѣ канцеляріи, 10 класса, Андрюковѣ. За „сей чинъ, такъ и за патентъ" предписано было вычетъ учинить. Обо всемъ этомъ Перовскій 24 янв. 1834 г. уже далъ отвѣтъ, а въ апрѣлѣ того же года представилъ В. И. за выслугу лѣтъ къ чину надворнаго совѣтника.

На этомъ оканчивается переписка по данному вопросу, но въ 1833 г. было еще три дѣла о Далѣ. Одно (съ 17 авг. по 4 ноября)

[1]) 29 марта 1829 г.

касается командированія В. И. въ землю Уральскаго войска „гдѣ—какъ предписываетъ ему Перовскій—имѣете по соображенію личнаго моего съ вами объясненія обратить вниманіе на все относящееся собственно до земли сей, а особенно въ отношеніи тѣхъ обстоятельствъ, на кои я уже имѣлъ случай обратить вниманіе ваше". Поясненій какихъ-либо по этому поводу нѣтъ. Изъ рапорта Даля отъ 21 сент. видно только, что отчетъ о поѣздкѣ отданъ былъ опять лично Перовскому. Маршрутъ поѣздки былъ такой: отъ Оренбурга чрезъ Уральскъ до Гурьева, обратно до кр. Калмыковой, отъ нея на Орду Букеевскую, обратно по Узенямъ, на Александровъ Гай, въ Уральскъ и, наконецъ, степною дорогою чрезъ Илецкій городокъ въ Оренбургъ, всего 2050 верстъ. За проѣздъ такого разстоянія Даль получилъ, считая по разсчету на три лошади, 307 р. 50 коп. прогонныхъ денегъ.

Другое дѣло о взысканіи съ Даля денегъ въ количествѣ 76 червонцевъ и 1 рубля 70¾ коп. ассигнаціями, выданныхъ ему въ счетъ жалованья въ Турецкую кампанію, продолжалось болѣе 3-хъ лѣтъ (30 сент. 1833 г.—14 февр. 1837 г.).

Привожу рапортъ Даля на имя гр. Перовскаго по данному поводу.

„На предписаніе вашего превосходительства за № 1940, имѣю честь объясниться слѣдующимъ образомъ:

Получивъ въ теченіе Турецкой войны 1829 г. отъ командира подвижного госпиталя г.-майора Федорова въ счетъ слѣдовавшаго мнѣ жалованья съ 8 марта по 11 мая по внутреннему положенію, а съ 11 мая по 1 сентября—по заграничному, всего по расчету г-на Федорова: семьдесятъ шесть червонныхъ, съ тѣмъ, чтобы требованное имъ, но въ то время еще не отпущенное жалованье мое, по полученіи онаго было имъ обращено вмѣсто сей у него взятой суммы, считалъ я симъ самымъ уже себя удовлетвореннымъ, и въ послѣдствіи жалованья за означенное время не требовалъ и не получалъ тѣмъ болѣе, что въ данной мною г-ну Федорову, и имъ самимъ продиктованной роспискѣ, не упомянуто о томъ, изъ какой суммы выдача сія воспослѣдовала, а сказано просто: слѣдующее мнѣ за такое-то время жалованье получилъ сполна; и еще сверхъ сего, въ концѣ оной оговорено, что я *не смѣлъ*—слово употребленное въ роспискѣ,—чтобы я не смѣлъ требовать и получать отколѣ бы ни было выданнаго мнѣ нынѣ жалованья; по симъ причинамъ, несмотря на то, что вполнѣ признаю росписку мою, платить по оной отнюдь себя обязаннымъ не считаю. Если слѣдовавшее

г. Федорову въ уплату за полученное мною отъ него жалованье дѣйствительно имъ принято не было, то ему, какъ командиру госпиталя, въ коемъ я состоялъ ординаторомъ, надлежало о томъ меня своевременно увѣдомить, объяснить причины, для чего онъ поступилъ иначе, какъ въ росписке условлено было, и, наконецъ, снабдить меня аттестатомъ, по коему бы я могъ отколѣ слѣдуетъ истребовать жалованье свое; справедливость этого подтверждается отзывомъ счетной комиссіи, которая не отказала Федорову въ выдачѣ моего жалованья, но требовала только предварительно нѣкоторыхъ документовъ—вмѣсто исходатайствованія коихъ, г. Федоровъ заблагоразсудилъ требовать выданное мнѣ обратно; и когда же? по истеченіи четырехъ лѣтъ, и не снабдивъ меня никакимъ видомъ въ томъ, что жалованье, которое истребовать было обязанностью его, имъ не вытребовано, а мною не получено, ибо иначе нѣтъ для меня средства получить собственность мою.

Запутанность дѣла сего происходила частью отъ того, что я, получивъ въ теченіе 29-го года нѣкоторую сумму изъ интендантскаго казначейства, по давности времени, не помнилъ, которая изъ двухъ суммъ была съ меня взыскана? По предъявленію же мнѣ нынѣ подписки моей и упомянутаго отношенія счетной комиссіи, ясно усматриваю, что, взятые мною изъ интендантства 20 червон. и 50 руб. серебромъ въ счетъ полугодового серебромъ жалованья, удержаны при выдачѣ мнѣ онаго въ Яссахъ главнымъ полевымъ комиссаріатомъ; а полученные отъ г. Федорова 76 червонныхъ, въ счетъ жалованья третного, надлежало ему удержать по принятіи оныхъ конторою подвижного госпиталя, коего онъ былъ начальникомъ.

Въ истинѣ сего легко удостовѣриться ваше превосходительство изволите изъ упомянутаго отношенія счетной комиссіи и росписки моей, кои, какъ и прочія ко мнѣ доставленныя приложенія, всего *четыре*, при семъ обратно представить честь имѣю.

Несмотря на справедливость дѣла сего и на многократъ мною о семъ поданныя донесенія конторѣ С.-Петербургскаго военно-сухопутнаго госпиталя и, наконецъ, самому господину генералу кригсъ-комиссару, въ коихъ просилъ остановить по крайней мѣрѣ до объясненія дѣла производимый уже съ меня вычетъ, безъ всякаго предварительнаго со мною сношенія, и не показавъ мнѣ, какъ нынѣ, росписку мою и переписку г-на Федорова, взыскала съ меня, при выдачѣ жалованья за январскую и майскую треть 1832 года, 150 рублей 72 коп.—за сентябр-

скую 75 руб. 89¼ коп.—за январскую 1833 г.—73 руб. 83½ коп., всего 300 руб. 38¾ коп.—Хотя о таковомъ, воспослѣдовавшемъ уже, незаконномъ съ меня взысканіи, для удовлетворенія г-на Федорова, и не упомянуто вовсе въ рапортѣ директора госпиталей, требующаго нынѣ взысканія съ меня такой суммы, согласно росписки моей, но квитанція, взятая мною отъ конторы С.-Петербургскаго военно-сухопутнаго госпиталя, оградитъ меня на сей разъ отъ уплаты, въ третій разъ, одной и той же суммы.

На основаніи такого объясненія, осмѣливаюсь просить всепокорнѣйше заступничества вашего превосходительства, дабы, во-первыхъ, начатый съ меня незаконный вычетъ былъ пріостановленъ; во-вторыхъ, взысканные съ меня уже С.-Петербургскимъ комиссаріатскимъ депо 300 руб. были мнѣ снова возвращены, а наконецъ, буде подполковникъ Федоровъ дѣйствительно не получилъ слѣдовавшаго мнѣ жалованья, которое вытребовать своевременно было обязанностью его, то снабдилъ бы меня аттестатомъ, что оное, во время командованья его госпиталью, мною не получено, а имъ не было принято.

№ 31. Октября 11-го 1833 г.

Состоящій при исправляющемъ должность оренбургскаго военнаго губернатора по особымъ порученіямъ докторъ Даль.

Такой отвѣтъ далъ В. И. Перовскомуна требованіе объясненій по предъявленному дежурнымъ генераломъ дѣйствующей арміи требованію, а 8 марта слѣдующаго года такое же требованіе поступило къ Перовскому изъ инспекторскаго департамента Военнаго Министерства. На это съ приложеніемъ приведеннаго рапорта Даля отвѣтъ далъ гр. П. на имя П. А. Клейнмихеля, прося объ исполненіи по этому рапорту.

Дѣло поступило на разсмотрѣніе комиссаріатскаго департамента Военнаго Министерства. Онъ, ссылаясь на отзывъ временной счетной комиссіи, которая не имѣла ни аттестата объ удовлетвореніи Даля за майскую треть жалованьемъ, ни удостовѣренія о неполученіи такового,—счелъ невозможнымъ возвратить удержанные изъ жалованья 300 руб. 38¾ коп., но для разрѣшенія вопроса предложилъ гр. П. войти въ переписку съ ген.-м. Викинскимъ, бывшимъ дежурнымъ генераломъ дѣйствующей арміи. Послѣ продолжительнаго промежутка времени, а именно 16 сент. 1836 г. комиссаріатскій департаментъ въ дополненіе къ предыдущему, упоминая о неполученіи отъ гр. П. по дѣлу увѣдомленія, счелъ должнымъ препроводить деньги, удер-

жанныя съ Даля съ тѣмъ, чтобы по выясненіи дѣла передать ихъ или подполковнику Федорову, или Далю. Вскорѣ затѣмъ гр. П. сдѣлалъ ген. Викинскому слѣдующій запросъ:

„Отъ 16 октября 1833 г. за № 2105 я имѣлъ честь сообщить вашему превосходительству объ отзывѣ состоящаго при мнѣ чиновника особыхъ порученій надворнаго совѣтника Даля по домогательству подполковника Федорова о взысканіи съ Даля выданныхъ ему въ 1829 году 76 червонцевъ и 1 рубля $70^3/_4$ коп. ассигнаціями.

Такъ какъ отзыва на это отъ вашего превосходительства не послѣдовало, а департаментъ комиссаріатскій нынѣ увѣдомилъ меня о сдѣланномъ имъ распоряженіи, дабы удержанныя конторой С.-Петербургскаго военно-сухопутнаго госпиталя по претензіи подполковника Федорова изъ жалованья г. Даля 300 рублей были препровождены ко мнѣ для выдачи кому будетъ слѣдовать, по поводу переписки моей объ этихъ деньгахъ съ вашимъ превосходительствомъ, то я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, почтить меня увѣдомленіемъ: считать ли оконченнымъ дѣло по предъявленной подполковникомъ Федоровымъ претензіи на надворнаго совѣтника Даля, и могутъ ли быть выданы сему послѣднему сказанные 300 рублей, удержанные изъ его жалованья?“

На это ген. Викинскій отвѣтилъ, что объясненія Даля объявлены уволенному со службы подполковнику Федорову съ предоставленіемъ ему вѣдаться съ г-номъ Далемъ самому. Послѣ этого деньги были возвращены Далю, и переписка, весьма назидательная и для настоящаго времени, прекратилась...

Послѣдняя переписка о Далѣ за этотъ годъ состоитъ только изъ предписанія Перовскаго отъ 21 декабря казначею канцеляріи Андрюкову о выдачѣ В. И. изъ экстраординарной суммы 1000 руб., за употребленные имъ „на разные предметы по дѣламъ службы“. Что это за „предметы“, изъ документа не видно.

Изъ дѣлъ 1834 г. сохранилось три небольшихъ, касающихся Даля: 1) о взысканіи гербовыхъ пошлинъ въ количествѣ 11 р. по дѣлу объ удовлетвореніи довѣрителей В. И., наслѣдниковъ Петербургскаго купца Изенбека въ денежной претензіи на ген.-м. Демидова (19—22 марта), 2) о выдачѣ В. И. 700 рублей, издержанныхъ имъ на разные предметы по распоряженію Перовскаго (7 мая) и 3) „по просьбѣ коллежскаго ассесора Даля о принятіи въ военную службу, числящагося за нимъ по послѣдней ревизіи крѣпостного человѣка Алексѣя Баштавенкова“

(7 мая—30 дек.). За человѣка этого сданнаго въ рекруты въ зачетъ будущихъ наборовъ Даль получилъ изъ Оренбургскаго казначейства 1000 руб.

Въ слѣдующемъ году была переписка о пожалованіи Далю бриліантоваго перстня [1]) (2 февр.), но къ сожалѣнію въ архивѣ её не удалось найти. Осталось только нѣсколько мелкихъ документовъ, касающихся выдачи ему 2000 руб. за составленіе отчета [2]). Изъ нихъ наиболѣе интересный—предписаніе Перовскаго на имя Даля отъ 10 іюля—гласитъ:

„За отсутствіемъ Военнаго Министра генералъ-адъютантъ Адлербергъ увѣдомилъ меня, что Государь Императоръ, прочитавъ отчетъ, представленный мною за 1834 годъ, Высочайше повелѣть соизволилъ объявить мнѣ благоволеніе Его Величества, какъ за дѣйствіе по управленію въ 1834 году ввѣреннымъ мнѣ корпусомъ, такъ и за само составленіе отчета.

Отдавая справедливость отличному исполненію возложеннаго мною на васъ порученія по составленію сего отчета, мнѣ весьма пріятно сообщить вамъ о Монаршемъ вниманіи, коего удостоенъ трудъ вашъ и въ доказательство особенной моей за оный признательности препроводить вмѣстѣ съ симъ къ вашему высокоблагородію двѣ тысячи рублей изъ суммъ, въ распоряженіи моемъ состоящихъ". А сравнительно вскорѣ Даль опять получилъ въ награду, какъ видно изъ „списка съ Высочайшаго повелѣнія, сообщеннаго Министру Финансовъ статсъ-секретаремъ Танѣевымъ отъ 7 мая 1834 г. за № 843-мъ" за ревностную службу и труды также 2000 руб. [3]).

10 іюня 1838 г. гр. П. предписываетъ казначею канцеляріи выдать Далю 750 руб., „употребленные по дѣламъ службы", а въ слѣдующемъ году В. И. въ числѣ другихъ за отлично-усердную службу былъ вновь награжденъ Государемъ Императоромъ по ходатайству гр. П. 1000 десятинами земли [4]), при чемъ по-

---

[1]) См. у Столпянскаго, № 257.

[2]) Тамъ же, подъ № 258, значится дѣло о выдачѣ Далю 1000 р. за составленіе отчета.

[3]) Дѣло по отношенію статсъ-секретаря Танѣева о всемилостивѣйшемъ награжденіи чиновниковъ канцеляріи Оренб. военн. губ-ра Даля, Шевчуса, Агрова и совѣтниковъ Оренб. губ. правленія Реболинскаго и Ломоносова (у Столпянскаго подъ № 259, редакція не точная).

[4]) Дѣло объ отводѣ Высочайше пожалованныхъ земель: генераламъ Шуцкому, Гольду и Ціонковскому, полковникамъ—Мансурову, Середѣ и Геке и коллежскому совѣтнику Далю (у Столпянскаго, подъ № 261, редакція не точная).

слѣдній писалъ 4 марта министру государственныхъ имуществъ ген.-адъют. Киселеву:

„Такъ какъ лица эти при недостаточномъ состояніи крайне затруднились бы въ отысканіи и полученіи земель вдали отъ настоящаго мѣста служенія ихъ, для чего нужно бы имъ или ѣхать самимъ, или посылать повѣренныхъ, что сопряжено съ расходами, дѣлающими для нѣкоторыхъ изъ нихъ почти невозможнымъ воспользоваться оказанною имъ Монаршею милостію, а первое отвлекая ихъ на нѣкоторое, а, можетъ быть, и на продолжительное время отъ занимаемыхъ должностей, было бы неудобно и по обстоятельствамъ службы, то я счелъ долгомъ, представивъ это на уваженіе вашего высокопревосходительства, равно и то, что всѣ упомянутыя лица пріобрѣли право на это награжденіе службою въ Оренбургскомъ краѣ, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ и постоянное жительство, покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, не оставить оказать имъ съ вашей стороны покровительство зависящимъ распоряженіемъ, чтобы при первой возможности было разрѣшено отвести имъ указаннымъ порядкомъ въ Оренбургской губерніи по ихъ избранію Всемилостивѣйше пожалованныя земли“.

Гдѣ и когда получилъ Даль эту землю—неизвѣстно, такъ какъ переписка кончается сообщеніемъ Оренбургской палаты государственныхъ имуществъ отъ 18 іюня 1840 г. гр. Перовскому, что „отъ г-на Даля еще не послѣдовало избранія участковъ“. Впрочемъ, къ этому времени и другимъ лицамъ земли еще не были отведены, такъ какъ предположенныя къ отводу въ Бузулуцкомъ уѣздѣ были уже обращены для водворенія переселяющихся изъ Курской и Тамбовской губерній крестьянъ.

Переписки о командировкахъ Даля, относящейся къ тому же 1839 г., найти въ архивѣ не удалось, и остается послѣднее дѣло 1840 г. „о дозволеніи коллежскому совѣтнику Далю вступить въ бракъ съ дѣвицею Екатериною Соколовою“, дочерью умершаго отставного майора Льва Васильевича Соколова, родившеюся 2 марта 1819 г. Даль въ это время уже былъ вдовъ и имѣлъ 36 лѣтъ отъ роду. Вѣнчанье состоялось въ церкви села Никольскаго Оренбургскаго уѣзда 12 іюля, какъ видно изъ имѣющихся писемъ Перовскаго и епископа Оренбургскаго Іоанникія по поводу выдачи свидѣтельства о бракосочетаніи.

Этимъ и исчерпываются всѣ свѣдѣнія о Владимірѣ Ивановичѣ Далѣ, которыя можно было найти въ бывшемъ архивѣ

канцеляріи Оренбургскаго генералъ-губернатора. Добавлю только, что богатый архивъ по упраздненіи генералъ-губернаторства, попавъ въ руки архивной комиссіи, необезпеченной матеріальными средствами, ни надлежащимъ помѣщеніемъ, испыталъ много мытарствъ, и не мудрено, если иные документы не только временно, гдѣ-либо заложены, но и совсѣмъ изчезли.

П. И. Цыпляевъ.

г. Оренбургъ.

Матеріалы для біографіи высокопреосвященнаго Гавріила, митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго.

Высочайшіе рескрипты на имя Гавріила, митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго [1]).

Преосвященный владыко.

По всегдашнему нашему къ вамъ благоволенію желаемъ мы васъ видѣть въ Санктпетербургѣ. Того ради по полученіи сего извольте къ намъ пріѣхать, ежели здоровіе ваше вамъ не воспрепятствуетъ, а на проѣздъ вашъ мы повелѣли Конторѣ Экономической отправить къ вамъ тысячу рублей.

Екатерина.

Декабря 22 дня 1765 года.
Санктпетербургъ.
Гавріилу епископу Тверскому.

Преосвященный владыко.

Мы вамъ чрезъ сіе рекомендуемъ потрудиться обще съ Преосвященнымъ Псковскимъ и вселюбезнѣйшаго нашего сына учителемъ Платономъ объ учрежденіи полезнѣйшихъ духовныхъ училищъ въ епархіяхъ, о чемъ мы нынѣ пространнѣе

---

[1]) Гавріилъ, митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій (въ мірѣ Петръ Петровичъ Петровъ) родился въ 1730 году, умеръ въ 1807 г. Ученѣйшій мужъ своего времени, о немъ см. Ист. Рос. Акад. Сухомлинова, архим. Макарія „Сказаніе о жизни и трудахъ преосвящ. Гавріила, митр. Новг. и Спб.“. Копіи съ рескриптовъ взяты изъ дѣла № 243 „Высочайшіе рескрипты къ митрополиту Гавріилу и другія бумаги къ его жизнеописанію относящіяся“ и хранящагося въ Ростовскомъ Спасо-Яковлевскомъ монастырѣ.

изобразили наше намѣреніе къ Преосвященному Псковскому для общаго вашего свѣдѣнія. И сего ожидая, пребываемъ къ вамъ благослонны. *Екатерина.*

Февраля 10 дня 1766 года.
Гавріилу епископу Тверскому.

Преосвященный владыко Гавріилъ, я намѣрена завтрашній день то есть понедѣльникъ принести благодарственныя Всевышнему молитвы за дарованный намъ благословеніемъ Его дражайшій и полезный для имперіи миръ въ церквѣ Казанскія Богородицы. *Екатерина.*

2 августа 1774 года.
С.-Петербургъ.

Преосвященнѣйшій архіепископъ Санктпетербургскій Гавріилъ. Какъ строеніе Невскаго монастыря вамъ извѣстно по вашему пребыванію и начальству въ томъ монастырѣ, и требуетъ оно надзиранія ближайшаго: то мы вѣдая вашу къ тому способность и усердіе къ трудамъ для славы храмовъ божіихъ, поручаемъ вамъ отъ нынѣ навсегда главную дирекцію строенія сего монастыря и съ находящеюся для производства онаго конторою, въ которой опредѣлили быть по-прежнему у отправленія дѣлъ конторскихъ и строительныхъ, коллежскому ассесору Ивану Бровцыну. Мы охотно желаемъ, чтобы ваше преосвященство трудъ сей, къ благолѣпію церкви Божіей служащій, на себя приняли, и пребываемъ къ вамъ благосклонны.

Ноября 18 дня
1774 года. *Екатерина.*

Преосвященный Гавріилъ архіепископъ Новгородскій, Константиновскій патріархъ Серафимъ духовнымъ христіанскимъ прѣстоломъ въ томъ градѣ обладая съ усердіемъ о вѣрѣ сопрягалъ и истинную преданность къ интересамъ нашимъ; и симъ рвеніемъ сугубымъ подвинулъ онъ на себя гоненіе отъ невѣрныхъ такъ, что на послѣдокъ, когда флотъ россійскій явился въ Средиземномъ морѣ, онъ предался покровительству службѣ нашей. А недавно пришедшею нашею эскадрою прибылъ онъ въ Санктпетербургъ, и мы уже дали ему дозволеніе пріѣхать и въ Москву. Въ семъ случаѣ весьма желаемъ мы, чтобы онъ въ пріѣздъ свой чрезъ епархію вашу отъ всего духовнаго чина вездѣ былъ принятъ съ подобающимъ уваженіемъ къ его высшему духовному сану. Симъ образомъ изъяснивъ вамъ нашу волю, обнадеживаемъ мы наилутше себя,

что сами ваше преосвященство сего поборника по благочестію, и яко пришельца въ землѣ единовѣрныхъ возлюбите искренно и взыщите быть общникомъ вашей бесѣды, почитая въ немъ и добраго пастыря церкви и благоугодившаго намѣренію и дѣламъ нашимъ въ протчемъ я остаюсь вамъ доброжелательная.

въ Москвѣ. *Екатерина.*
Сентября 4 дня 1775 года.

Преосвященный Гавріилъ архіепископъ Новгородскій. По желанію вашему увольняю я васъ на три мѣсяца для осмотра епархіи вашей, пребывая какъ и всегда вамъ доброжелательна.

6 мая 1776 года. *Екатерина.*

Царское Село, августа 31 дня 1777 г.

Вамъ конечно извѣстно, что замѣнена и уже построена у меня на острову церковь, но не имѣю я священника для служенія впредь. Прошу Ваше Преосвященство выбрать мнѣ человѣка, котораго бы не столько знаніе какъ поведеніе было хорошо и притомъ не навлѣкало бы стыда мѣсту равномѣрно и двухъ причетниковъ, которыхъ и прошу по выборѣ прислать ко мнѣ прямо при вашей запискѣ. Я весьма одолженъ буду вамъ за сіе и пребуду всегда вашимъ благосклоннымъ.

Павелъ.

Преосвященный госпоинъ архіепископъ Новгородскій и Сенктпетербургскій Гавріилъ. Генералъ-губернаторъ графъ Броунъ имѣетъ мое повелѣніе открыть правленіе въ Ревельской губерніи [1]) по образу отъ меня предписанному, о времени имъ къ тому за способное избираемомъ увѣдомитъ онъ васъ. Я не сомнѣваюся, что Ваше Преосвященство не оставитъ ему въ семъ на пользу отечества устрояемомъ дѣлѣ пособствовать, паче же общимъ ко Всевышнему молитвамъ предводительствовать вашими пастырскими, да судитъ правда и благо нами насаждаемыя возростятъ плодъ желаемый. Пребываю впрочемъ вамъ доброжелательная.

Екатерина.

въ Царскомъ Селѣ.
Іюля 3 1783 г.

Преосвященный господинъ архіепископъ Новгородскій и Санктпетербургскій Гавріилъ. Генералъ-порутчикъ правящій должность Генералъ-губернатора Финляндскаго принцъ Виртем-

[1]) При Великой Екатеринѣ Эстляндская губернія называлась Ревельской. *(Ред.).*

бергъ-Штутгардскій, или же въ отсутствіи его тамошній губернаторъ генералъ-порутчикъ Энгельгардъ по повелѣнію моему имѣетъ открывать правленія въ выборгской губерніи по образу отъ меня предписанному; а о времени къ тому назначаемомъ они не преминутъ васъ увѣдомить, я удостовѣрена, что Ваше Преосвященство не оставите въ семъ благомъ дѣлѣ пособствовать и съ общими моленіями соединить ваши пастырскія объ увѣнчаніи наилучшимъ успѣхомъ намѣреній моихъ о добрѣ и спокойствіи вѣрныхъ подданныхъ. Пребываю впрочемъ вамъ доброжелательная. *Екатерина.*

въ Царскомъ Селѣ.
25 іюля 1783 г.

Гатчина 7 сентября 1784 г.

Церковь въ Павловскомъ будучи готова къ освященію Я прошу Ваше Преосвященство взять на себя трудъ пожаловать въ Павловское въ понедѣльникъ поутру съ надлежащимъ числомъ нужныхъ къ тому особъ, гдѣ я сама уповая имѣть удовольствіе васъ видѣть и принять благословеніе ваше я симъ ваша благосклонная. *Марія.*

Гатчина 12 ноября 1792 г.

Будучи весьма доволенъ Преосвященный Гавріилъ рачительнымъ званія исполненіемъ и поведеніемъ благонравнымъ здѣшней моей церкви священника Исидора, прошу васъ о посвященіи его въ санъ протопросвитерскій и желаю притомъ, чтобы онъ по-прежнему остался здѣсь. Впрочемъ вѣрьте мнѣ, что я съ совершеннымъ моимъ благорасположеніемъ пребуду навсегда вамъ благосклонный. *Павелъ.*

Преосвященному митрополиту
Новгородскому и Санктпетербугскому.

Преосвященный митрополитъ Новгородскій и Санктпетербургскій Гавріилъ. Изъ приложенной при семъ копіи указа моего даннаго Сенату въ 24 день марта прошлаго 1792 года вы увидите причины убѣждающія меня опорочить бракъ княжны Елизаветы Шаховской, которая въ пятнадцатилѣтнемъ ея возрастѣ во время бытности ея вмѣстѣ съ матерью своею въ Парижѣ, выдана сею послѣднею замужъ за князя Аремберга, безъ моего вѣдома, безъ позволенія родителя ея и увѣрительно противу воли и желанія самой ея. Усмотрите также и тѣ важныя преступленія помянутаго князя, по коимъ я запретила ему на всегда въѣздъ въ предѣлы здѣшней имперіи не упоми-

ная о множествѣ неистовствъ, какими онъ послѣ того уже имя свое и содѣлалъ его по внѣшности омерзительнымъ. Нынѣ когда означенная княжна Шаховская возвратилась яко подданная въ нѣдра своего отечества, желая въ немъ вѣчно остаться, когда по таковому основательному препятствію бракъ ея съ княземъ Аремберомъ существовать не можетъ и когда сама она по зрѣломъ уваженіи состоянія своего, прибѣгаетъ ко мнѣ съ просьбою о расторженія узъ ея, только ея отягощающихъ, соизволяю я, чтобъ вошли въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ вышеуказанныхъ обстоятельствъ и сообразивъ оныя съ церковными и гражданскими законами, не оставили предписать консисторіи здѣшней объ уничтоженіи того брака и о позволеніи означенной княжнѣ Шаховской, буде она пожелаетъ, вступить въ новый, роду и состоянію ея приличный. Что же касается до рожденной ею отъ бывшаго супружества дочери, которая по сю пору остается въ чужихъ краяхъ и до наслѣдства въ имѣніи, объ этомъ да будетъ исполнено предписаніе мое въ вышеупомянутомъ указѣ изображенное. Пребываю всегда вамъ благосклонная. *Екатерина.*

въ С.-Петербургѣ.
Декабря 23 дня 1794 года.

Преосвященный митрополитъ Новгородскій Гавріилъ.

По письму вашего Преосвященства отъ 3-го числа настоящаго мѣсяца, позволяя вамъ препроводить въ Новгородѣ наступающую осень, желаю искренно, чтобы сіе послужило къ возстановленію здоровья вашего и доставило бы мнѣ удовольствіе увидѣть васъ здѣсь въ скоромъ времени. Пребываю впрочемъ всегда вамъ благосклонная. *Екатерина.*

въ С.-Петербургѣ.
Августа 11 дня 1796 года.

Божію милостію, мы Павелъ Первый, Императоръ и Самодержецъ всероссійскій и прочая, и пр. и пр. Преосвященному митрополиту Новгородскому и Санктпетербургскому Гавріилу въ сходствіе статьи отъ насъ изданнаго статута россійскаго ордена всемилостивѣйше жалуемъ вамъ командирство, состоящее въ санктпетербургской губерніи въ лужскомъ уѣздѣ, изъ селеній долговки, пенковой, чановой, лугъ, владычкиной, новопоселеннаго пеханца, ольховца, селенца, озерешной, новинки, чащи, сорочкиной, вязки и села городца, присвоенное кавалеру россійскаго ордена именованія святого апостола Ан-

дрея, подъ № 1, позволяя вамъ пользоваться онымъ на основаніи помянутаго статута и указа нашего отъ 30 апрѣля 1797 года. Дана въ Петербургѣ іюля 7 дня 1797 года.

Павелъ.

Преосвященный митрополитъ Новгородскій и Санктпетербургскій Гавріилъ. Получивъ прилагаемое при семъ въ оригиналѣ прошеніе епископа Могилевскаго и Полоцкаго Афонасія, я соглашаюсь на увольненіе его отъ управленія епархіею, но что касается до опредѣленія ему пенсіона и до назначенія въ его управленіе лубенскаго-мчарскаго монастыря, о томъ буду ожидать вашего мнѣнія, такъ какъ и представленія на его мѣсто кандидатовъ. Пребываю вамъ впрочемъ вамъ благосклонный.

Павелъ.

въ Гатчинѣ.
Августа 21 1797 г.

Преосвященный митрополитъ Новгородскій и Санктпетербургскій Гавріилъ. Не видя изъ письма вашего кого вы назначаете къ управленію Могилевской епархіею на мѣсто уволеннаго отъ оной епископа Афонасія, и не зная о какомъ говорите перемѣщеніи въ Могилевъ той епархіи архіерея, я вторично требую отъ васъ представленія кандидатовъ, дабы мѣсто сіе не оставалось празднымъ. Пребываю вамъ благосклоннымъ.

Павелъ.

въ Гатчинѣ.
Августа 27 1797 года.

Преосвященный митрополитъ Новгородскій и Санктпетербургскій Гавріилъ. Убѣждаясь представленіемъ отъ Ея Величества Императрицы любезнѣйшей супруги нашей по ввѣренному ей главному начальству надъ воспитательными домами, пекущейся о благосостояніи и сохраненіи жизни нещастнорожденныхъ младенцевъ раздаваемыхъ изъ тѣхъ домовъ для прокормленія по деревнямъ, гдѣ происходятъ разныя злоупотребленія, такъ что многіе изъ нихъ утаеваются, показывая въ число умершихъ, а другіе весьма худо содержатся, долгомъ поставляемъ соотвѣтствуя только похвальнымъ Ея Императорскаго Величества попеченію и заботъ предписать вамъ, чтобы священники селеній въ окружности сея столицы лежащихъ снабдѣны были пастырскими вашими наставленіями и увѣщаніями, дабы тѣ изъ поселянъ, кои получаютъ изъ воспитательнаго дома дѣтей на прокормленіе исполняли обязанность свою рачительно и не единою токмо корыстью прельщались, но соблюдали долгъ человѣколюбія и милосердія, яко жертву Богу

пріятную, намъ угодную и государству полезную, а для вящшаго пресѣченія всякихъ злоупотребленій и подлоговъ, надзирая надъ образомъ содержанія находящихся въ ихъ приходахъ младенцовъ воспитательному дому принадлежащихъ доставляли бы объ нихъ воспитательному дому третныя или полугодовыя вѣдомости съ показаніемъ и умирающихъ изъ нихъ, дабы по усмотрѣнію въ томъ надобности воспитательный домъ для сохраненія ввѣренныхъ ему дѣтей могъ брать лучшія и надежнѣйшія мѣры. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

Павелъ.

въ Гатчинѣ
октября 9 1797 года.

Преосвященному митрополиту Новгородскому и Санктпетербургскому. Желая ознаменовать день рожденія дарованнаго мнѣ отъ всевышняго сына великаго князя Михаила Павловича дѣломъ Богоугоднымъ препровождаю къ вашему Преосвященству при семъ 10000 рублей на раздѣлъ неимущимъ, предъоставляя раздачу сихъ денегъ собственному вашему благоразсужденію, въ прочемъ поручая себя молитвамъ вашимъ, пребуду всегда Вашему Преосвященству благосклонною.

Марія.

въ С.-Петербургѣ
февраля 7 1798 года.

Преосвященный митрополитъ Новгородскій и Санктпетербургскій Гавріилъ. Будучи всегда отмѣнно доволенъ службою вашею и личнымъ вашимъ здѣсь пребываніемъ, я неиначе какъ съ сожалѣніемъ получилъ прошеніе ваше объ увольненіи васъ отъ управленія С.-Петербургскою епархіею и объ отпускѣ для поправленія здоровія вашего въ Новгородъ, желая искренно что бъ вы пользовались надолго совершеннымъ здоровьемъ, желаю въ то же время, чтобъ вы продолжали пребываніе ваше съ нами и управленіе обоихъ епархій по прежнему, и въ надеждѣ, что вы не откажете мнѣ сего удовольствія, пребываю навсегда вамъ благосклонный.

Павелъ.

въ С.-Петербургѣ
февраля 10 1798 года.

Преосвященный Гавріилъ митрополитъ Новгородскій и Олонецкій. Письмо я ваше получилъ и соизволяя на отъѣздъ вашъ въ Новгородъ желаю, дабы силы ваши пришли въ лучшее состояніе, и увѣряя васъ о всегдашнемъ моемъ къ вамъ благоволѣніи, пребываю вамъ благосклонный.

Павелъ.

г. Гатчина.
октября 26 1799 года.

Преосвященный митрополитъ Гавріилъ. Съ удовольствіемъ видя изъ полученнаго мною письма вашего просимый вами пенсіонъ и дозволеніе имѣть вамъ пребываніе ваше въ Московскомъ-Семеновѣ монастырѣ, и находя, что вы милостями моими награждены уже весма довольно устроеніемъ васъ притомъ мѣстѣ гдѣ вы находитесь, повелѣваю вамъ не мысля о протчемъ остаться въ Новгородѣ. О увольненіи же вашемъ дамъ я свое повелѣніе. *Павелъ.*

Санктпетербургъ
декабря 20 1800 года.

Сообщ. **Н. А. Лашковъ.**

Къ исторіи кулачныхъ боевъ на Руси.

(Изъ архивныхъ и другихъ источниковъ).

Кулачные бои на Руси представляютъ такое характерное и своеобразное явлекіе и такой интересъ въ развитіи нашей культуры, что все, что относится до исторіи этого народнаго развлеченія, разросшагося до грандіозныхъ размѣровъ и распространеннаго повсемѣстно въ Россіи, невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе.

Мнѣ лично, въ юношескіе годы, конца сороковыхъ и въ пятидесятыхъ годахъ, приходилось быть зрителемъ кулачныхъ боевъ въ Москвѣ, когда на Москвѣ рѣкѣ многотысячныя толпы разнаго рода фабричныхъ, мастеровыхъ, торговцевъ, особенно изъ Охотнаго Ряда, мясниковъ и даже гостинодворцевъ, сходились „стѣнка на стѣнку“ и съ гиками и крикомъ бросались именно „стѣной“ — одна сторона на другую.

Это совсѣмъ не была драка, ссора, вражда или что-либо подобное, а нѣчто вродѣ игрища [1]). Между тѣмъ удары наносились серьезно, причиняли ушибы и даже смерть. Кулачные бои существуютъ во многихъ странахъ, но всюду они носятъ характеръ или состязательный—единоличный, какъ напримѣръ боксъ въ Англіи, или поединка, что было и у насъ въ до-пет-

[1]) Любопытно, что въ общемъ собраніи Императорскаго Общества Любителей Древней Письменности, 13 марта 1908 г. П. Г. Васенко сообщилъ о найденной имъ припискѣ въ Никоновскомъ спискѣ Степенной книги о сожженіи въ 1652 г. Никономъ дубинокъ, которыми бились буйные новгородцы на кулачныхъ бояхъ (Н. Вр.). Извѣстно, что обѣ зарѣчныя стороны новгородцевъ бились обыкновенно на мосту черезъ Волховъ при разныхъ недоразумѣніяхъ; вѣроятно, въ такихъ случаяхъ пускались въ ходъ и дубинки, но никакъ не на бояхъ кулачныхъ. Палочный бой существовалъ до начала XVII вѣка и потомъ прекратился.

ровской Руси; но въ томъ видѣ, какой они имѣютъ въ Россіи—въ видѣ состязанія огромныхъ сборищъ толпы, одна съ другою, этого нигдѣ и никогда не было. Удаль, избытокъ силъ просились наружу и находили выходъ въ такомъ своеобразномъ игрищѣ.

О кулачныхъ бояхъ очень мало свѣдѣній и напрасно станемъ искать ихъ въ исторіи или пособіяхъ и монографіяхъ; извѣстія о нихъ можно найти только въ поученіяхъ церковныхъ и въ мемуарахъ. А между тѣмъ о „кулачныхъ бояхъ“ было немало правительственныхъ распоряженій, и приходилось даже бороться съ этого рода „спортомъ“. Но, странное дѣло, этотъ пережитокъ старины въ настоящее время—принялъ другую форму и привлекаетъ толпы зрителей на атлетическую борьбу, которую устраиваютъ уже антрепренеры изъ личныхъ цѣлей наживы. Теперь на аренахъ цирковъ и на сценахъ театровъ выступаютъ профессіональные борцы, приглашаемые со всѣхъ странъ свѣта; здѣсь можно встрѣтить англичанина, нѣмца и француза,—турка, японца и китайца, даже африканца.

Впрочемъ, несмотря на воспрещенія правительства, кулачные бои продолжаютъ еще существовать во многихъ мѣстахъ обширнаго отечества нашего. Мнѣ напримѣръ извѣстно, что они происходятъ въ Самарской, Подольской и кое-гдѣ Полтавской губ., а вѣроятно и во многихъ другихъ мѣстахъ. Зимой преимущественно на святкахъ, одна деревня выходитъ на другую, если онѣ смежны, или же въ своей деревнѣ одинъ конецъ становится противъ другого, и бой начинается.

Въ воспоминаніяхъ М. Л. Назимова 1812—1826 года [1]) довольно подробно описаны кулачные бои въ Арзамасѣ, Нижегородской губерніи.

„Для кулачнаго боя, говоритъ онъ, „подъ вечеръ, въ праздники по составленнымъ заранѣе условіямъ“, собирались около широкаго моста, раздѣлявшаго городъ отъ села Выѣзднаго,

---

[1]) См. Журн. „Рус. Вѣстн.“ 1876 г. № 7 стр. 81.

Михаилъ Леонтьевичъ Назимовъ, сынъ соляного пристава въ г. Арзамасѣ, Нижегородской губ., родился въ 1807 году, получилъ первоначальное образованіе въ Нижегородской гимназіи; четырнадцати лѣтъ поступилъ канцелярскимъ чиновникомъ въ Нижегородскій уѣздный судъ, но черезъ четыре года оставилъ службу и уѣхалъ въ Московскій университетъ. По окончаніи курса на юридическомъ факультетѣ, остался при университетѣ и состоялъ членомъ Правленія. Скончался 5-го января 1878 г. Записки его (1807—1827) представляютъ много интереснаго въ бытовомъ отношеніи.

стоявшаго на противуположномъ городу берегу рѣки Теши (оно принадлежало Салтыкову и было не меньше города, заключая болѣе трехъ тысячъ душъ преимущественно ремесленниковъ—столяровъ, плотниковъ, каменщиковъ) съ одной стороны арзамасцы, а съ другой выѣздновцы.

„Общій уговоръ—не бить по головѣ, особливо въ лицо и лежачаго, руки имѣть въ рукавицахъ и ни подъ какимъ видомъ не класть въ нихъ какой-нибудь тяжелой вещи. Сначала пускали впередъ какъ-бы застрѣльщиковъ, мальчишекъ. За ними мало-по-малу группировались болѣе взрослые, но главная партія противниковъ оставалась въ резервѣ, особенно извѣстные по своей силѣ и искусству бойцы... Проигравшіе битву для будущаго боя дѣлаютъ новыя совѣщанія и выборъ болѣе сильныхъ и надежныхъ бойцовъ.

„Мѣстныя власти, кажется, смотрѣли на этотъ дикій обычай сквозь пальцы, не имѣя вѣроятно предписаній начальства... Многія значительныя въ городѣ лица, поборники старины, считали эти забавы весьма полезными. Кулачные бои держались и въ Москвѣ (прибавляетъ М. Л. Назимовъ) около фабрикъ, даже въ двадцатыхъ годахъ“.

Какъ я замѣтилъ выше, въ Москвѣ, зимою на рѣкѣ дѣло происходило такъ: обыкновенно въ праздникъ на льду рѣки постепенно, какъ бы случайно, собиралась и росла толпа простого „сѣраго“ люда сперва смѣшанно, а потомъ расходившагося на двѣ стороны—одна противъ другой, вдоль рѣки; раздѣлялъ обѣ стороны промежутокъ сажень въ десять. Толпа росла и гудѣла. Впереди, на свободномъ промежномъ пространствѣ, подпрыгивая и затрогивая одинъ другого, скоплялось большое количество ребятъ и подростковъ,—они-то и начинали наступленіе и открывали бой.

По берегамъ рѣки тѣснились огромныя толпы зрителей, особенно изъ купечества и даже именитаго. Пріѣзжали въ экипажахъ, многіе, чтобы лучше видѣть, становились на нихъ или на скамьи, притаскиваемыя изъ ближайшихъ домовъ. Среди народа ходили сбитенщики, торговцы „патоки съ инбиремъ, гречневиковъ, пшенника, пряниковъ“.

Вся эта картина представляла грандіозное народное гулянье съ турниромъ, имѣвшимъ сейчасъ разыграться передъ зрителями. Здѣсь шли споры, заклады, имѣлись свои излюбленные бойцы и силачи, за которыхъ держали пари. Богатые гостинодворцы-любители привозили съ собою спеціальныхъ кулачныхъ бойцовъ, пользовавшихся славой, ихъ даже нарочито

выписывали изъ провинціи. Въ кулачныхъ бояхъ принимали участіе и татары, жившіе на Москвѣ въ большомъ количествѣ. Татарская слобода существуетъ и доселѣ.

И такъ толпы на рѣкѣ росли и представляли уже собою двѣ арміи, готовящіяся къ наступленію другъ на друга. Шли толки, споры, похвальбы... Конечно, у нѣкоторыхъ были спрятаны „закладки“ свинчатки,—это куски свинца, желѣза, даже камни, увеличивавшіе силу кулачнаго удара. Но эти „закладки“ жестоко преслѣдовали на кулачномъ бою, и горе тому, у кого ихъ обнаруживали. Толпа въ такихъ случаяхъ была безпощадна; тутъ не только противная сторона, но и свои набрасывались на виновника и били нещадно „смертнымъ боемъ“, иногда и забивая до смерти.

Въ бояхъ существовали свои правила и условія, очевидно, установившіяся съ глубокой древности и традиціонно исполнявшіяся на всѣхъ кулачныхъ бояхъ—повсемѣстно, напр. „лежачаго не бьютъ [1]), по виску или подъ микитки тоже“ и друг.

И такъ дѣло начиналось застрѣльщиками-мальчишками, которые, галдя и дразня противную сторону, выскакивали одиночками, наносили одинъ другому удары, сшибали съ ногъ и опять убѣгали „къ своимъ“. Отдѣльныя столкновенія учащались, уже группами, съ гикомъ и ораньемъ нападали одни на другихъ. „Стѣнки“ сходились, и вотъ... съ страшнымъ гуломъ, свистомъ, криками, какъ прорвавшій плотину потокъ, стремительно бросалась „стѣнка на стѣнку“—начинался настоящій бой.

Собственно ничего ужаснаго или отвратительнаго кулачный бой не представлялъ. Видно было, какъ два потока сшибались другъ съ другомъ, какъ они точно волны—колыхались и то отступали, то набѣгали другъ на друга. Среди этихъ стѣнокъ рѣзко видны были „бойцы и силачи“, излюбленные и славившіеся иногда не только въ своей окрестности, но и далеко на Руси. Такъ въ половинѣ тысяча семисотыхъ годовъ и долго потомъ

[1]) Въ 1780 году, въ февралѣ, въ Совѣтѣ Императрицы, возникло дѣло о разводѣ брака князя Григ. Григор. Орлова съ фрейлиной Ульяной Николаевной Зиновьевой (имѣвшей другое имя Екатерина, подъ которымъ и была извѣстна), какъ двоюродной его сестрой. Такъ какъ положеніе приближеннѣйшаго къ Императрицѣ человѣка въ это время измѣнилось, и онъ удалился отъ дѣлъ, то члены Совѣта рѣшили: бракъ расторгнуть, а обоихъ виновныхъ заключить въ монастырь. Графъ К. Г. Разумовскій, возмущенный этимъ, напомнилъ своимъ товарищамъ, „что по правиламъ, соблюдаемымъ на кулачныхъ бояхъ, лежачаго не бьютъ“. Государыня не только не утвердила приговора, а даже назначила молодую княжну Орлову своей статсъ-дамой. („Рус. Архивъ“ за 1910 г. стр. 428).

славились въ „стѣнкахъ“ казанскіе суконщики; а изъ отдѣльныхъ бойцовъ—тульскіе: Алеша Родимый, Никита Долговязый. Пыляевъ говоритъ, что въ 1796 году побѣдителемъ долго славился цѣловальникъ Гордѣй (Стар. Петерб. 1893 г. стр. 423, Энцикл. Слов. Березина). Грозно поднимались ихъ руки, грузно опускались на противниковъ, и тѣ валились какъ пѣшки въ кегляхъ подъ ударомъ шаровъ,—многіе просто отбѣгали, и кругомъ бойца образовывалось свободное пространство.

— Ну, выходи, выходи!!!—вызывали бойцы противниковъ болѣе или менѣе себѣ равныхъ, и если находился такой—образовался бой въ одиночку—поединокъ. Побѣда одного изъ единоборцевъ иногда рѣшала бой, и побитая сторона обращалась въ бѣгство, а иной разъ бой и продолжался. Общая свалка принимала гомерическіе размѣры; страсти разгорались, и наконецъ одна изъ стѣнокъ стремительнымъ натискомъ сламывала противную сторону и обращала ее въ бѣгство. Ряды бѣглецовъ разстраивались, они уже не защищались, и вся масса неслась теперь въ одномъ направленіи—вдоль рѣки. Преслѣдуемые и преслѣдующіе смѣшивались, и только въ отдѣльныхъ случаяхъ видно было, какъ поднимались кулаки и наносились удары; въ спину—въ убѣгающаго бить воспрещалось, можно было драться только лицомъ къ лицу. Однако съ опрокинутой стѣнкой и бѣгствомъ одной стороны дѣло и не всегда кончалось; „опрокинутые“ поворачивали, сплотнялись и въ свою очередь превращались въ нападающихъ, а иногда и въ окончательныхъ побѣдителей.

Послѣ каждаго, въ особенности очень многолюднаго боя, непремѣнно были тяжко побитые, увѣченные и даже убитые. На утоптанномъ снѣгу, по льду рѣки, оставались лежавшіе безъ движенія тѣла, товарищи убирали ихъ и уносили съ собою, или вмѣшивалась полицейская власть. Жертвы невольнаго, случайнаго изувѣченія не могли бы даже указать виновнаго, если это не было дѣломъ мести, вражды... Да и какъ уберечься, когда въ разгарѣ страсти, въ толпѣ, наносимый ударъ приходился неумышленно по такой части тѣла, что причинялъ вредъ, или даже смерть.

Одинъ изъ такихъ случаевъ произошелъ въ 1823 году, во время путешествія Государя Императора Александра I-го на Югъ. Въ Пирятинѣ, 20-го іюля былъ кулачный бой и на бою этомъ, прибывшій изъ Кременчуга мѣщанинъ Иванъ Герасимовъ убилъ до смерти пирятинскаго мѣщанина же Трофима Сыроватникова. Командиръ расположеннаго въ Пирятинѣ Егерскаго

полка, Морозовъ, донесъ объ этомъ случаѣ Его Величеству. Очевидно Государь Императоръ былъ недоволенъ и огорченъ происшествіемъ—приказалъ изслѣдовать его и Высочайше повелѣлъ, указомъ отъ 20 октября, черезъ военнаго министра,—кулачные бои воспретить. (Полн. Собр. Зак. № 29627).

Кулачные бои происходили почти исключительно зимою и преимущественно на масляной, великимъ постомъ и по воскресеньямъ; въ Москвѣ собирались на рѣкѣ подъ Симоновымъ монастыремъ, подъ Дѣвичьимъ, у горъ Воробьевыхъ и въ окрестностяхъ фабрикъ. Въ Петербургѣ на Невѣ, на Фонтанкѣ, гдѣ бились охтяне съ фабричными и гдѣ злобные чухонцы обращали забаву чисто русскую и незлобивую въ бойню—они пускали въ ходъ ножи и наносили кровавыя раны... [1]) Потомъ бились у Стекляннаго и Фарфороваго заводовъ, на Адмиралтейской сторонѣ—на лугу („на Зеленомъ Полѣ"), позади двора графа Апраксина и въ другихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ праздничные дни, скоплялись толпы простонародья, на Аптекарскомъ острову, въ Екатерингофѣ и даже у Зимняго Дворца [2]). Кстати сказать, что въ Москвѣ, въ старину бились и на перекресткахъ, а изъ указа 1640 года видно, что излюбленныя мѣста были въ Каменномъ, Бѣломъ и Земляномъ городѣ [3]).

---

[1]) Смотри въ прилож. Указъ 1726 года.

[2]) Пыляевъ.—Стар. Петерб. Изд. 1889 г., стр. 423.

[3]) Забѣлинъ. Истор. гор. Москвы 1902 г., стр. 137—140, тоже стр. 154—158 и 163. *„Каменный городъ"* или собственно *„Кремль"* почти въ томъ же пространствѣ, какъ существуетъ и теперь, начатъ постройкой въ 1485 году Иваномъ III и оконченъ спустя десять лѣтъ, въ 1495 году. Каменныя стѣны строили итальянскіе архитектора Антонъ и Маркъ „Фрязины". Впослѣдствіи стѣны эти починялись и передѣлывались постоянно.

Въ 1586 году Борисъ Годуновъ „началъ сооружать" *градъ каменный около* (вокругъ) *„Большаго Посада"* по существовавшему еще и построенному Еленой Глинской Земляному валу. Это и былъ *„Бѣлый Городъ"* бѣлокаменный, получившій названіе *„Царевъ Градъ"*. Сооружалъ его въ теченіе семи лѣтъ русскій мастеръ Ѳедоръ Конь. (Въ чертѣ Бѣлгорода заключался и Китай-городъ).

Затѣмъ въ 1591 году, чтобы отвлечь народъ отъ смуты, по убіеніи Царевича Дмитрія, Борисъ въ одинъ годъ построилъ вокругъ всѣхъ посадовъ московскихъ, на протяженіи 14-ти верстъ деревянныя стѣны съ высокими башнями, воротами, бойницами и пр. (все это въ 1611 году сожжено поляками). Въ 1633 г. Михаилъ Ѳедоровичъ, вмѣсто сгорѣвшаго города, повелѣлъ насыпать *„Земляной валъ"* съ глубокимъ рвомъ, а по валу поставить *„Острогъ"* (т. е. тынъ). Это сооруженіе продолжалось восемь лѣтъ (1633—1640), и съ этого времени мѣстность внутри вала стала называтся *„Земляным городомъ"* или *„Земляным валомъ"* (См. Костомаровъ, Очеркъ домаш. жизни и нрав. великорус. народа въ XVI и XVII в., стр. 20).

Какъ было замѣчено, кулачные бои существуютъ у насъ съ незапамятныхъ временъ. Въ лѣтописи Нестора (по Никонову списку, изд. Академіи Наукъ 1767 г. т. I стр. 157-я). подъ 1068 годомъ говорится: „Себо не погански ли живемъ... нравы всяческими льстими, превабляеми отъ Бога, трубами и скоморохи, и гусльми, и русальи; видимъ бо игрища утолчена, и людей много множество, *яко упихати другъ друга* позоры дѣюще отбѣса замышленаго дѣла".

Въ этихъ частяхъ города рѣчки изобиловали запрудами и обширными водяными пространствами, а потому пустыри и перекрестки представляли чрезвычайное удобство для кулачныхъ боевъ, сбиравшихъ огромныя толпы и участниковъ, и зрителей. На Троицкой площади, у воротъ Ильинскихъ, было отведено особое мѣсто для судебныхъ поединковъ „*Поле*". Въ Китай-городѣ не было этихъ условій, да и все пространство его посвящено было исключительно торговлѣ и наполнено лавками. Кстати сказать, что Ив. Егор. Забѣлинъ выясняетъ время и поводъ построенія и происхожденія названія „*Китай-города*". (Смотри опыты изуч. рус. древн. т. 2, стр. 155). Между тѣмъ Н. М. Карамзинъ указываетъ (Ист. т. VIII, стр. 26), что еще Великій Князь Василій хотѣлъ оградить столицу новою, обширнѣйшею стѣною, но исполнить этого не успѣлъ, и только жена его, правительница Елена Глинская, въ 1534 году, приступила къ этому дѣлу; и въ 1534 г. здѣсь мая 20-го начали копать глубокій ровъ отъ рѣчки Неглинной вокругъ всего Торговаго Посада къ Москвѣ рѣкѣ. Такъ назывался раньше Китай-городъ. Ровъ шелъ черезъ площадь Троицкую (гдѣ и было „*Поле*"—мѣсто судебныхъ поединковъ) и черезъ Васильевскій лугъ... Работало все населеніе города, отъ мала до велика, кромѣ бояръ и сановниковъ и въ іюнѣ ровъ уже былъ готовъ.

На слѣдующій годъ мая 16-го, новокрещеный итальянецъ Петрокъ Малый заложилъ около рва каменную стѣну и четыре башни съ воротами: Срѣтенскими (Никольскими), Троицкими (Ильинскими). Всесвятскими, (Варварскими) и Козьмодемьянскими. Сей городъ былъ названъ по-татарски „*Китаемъ или среднимъ*".

Итакъ „*Китай-городъ*", по обнесеніи его стѣной, сталъ среднимъ между Кремлемъ и Земляным городомъ и заключалъ въ себѣ поле для поединковъ.

Китаями у татаръ назывались нѣкоторые чиновники (т. VIII, примѣч. 65-е) и даже, если вѣрить *Синопсису* князь Андрей Боголюбскій до крещенія носилъ имя *Китая* (т. III, примѣч. 26). Но объясненіе И. Е. Забѣлина д. б. признано болѣе вѣрнымъ.

Кстати прибавимъ, что Великій Петръ, въ 1701 году, повелѣлъ подсчитать количество строеній и опредѣлить размѣръ площади, занимаемой частями города. Оказалось, что въ Кремлѣ при 1.055 саженяхъ окружности, было 43 обывательскихъ двора; въ Китай-городѣ, при 1.205 саж. (площ. 66.490 квадр. саж.) было 272 двора; въ Бѣломъ-городѣ, при 4.464 саж. (695.704 квадр. саж.) всего 2.532 двора и въ Земляномъ-городѣ при 7.026 саж. (квадр. 1.375.124) было 7.394 двора. Кромѣ того, за Земляным валомъ, на площади (въ 570.726 кв. саж.) было 6.117 дворовъ. Такимъ образомъ, Мо-

Въ 1274 году митрополитъ Кириллъ (первый кіевскій митрополитъ послѣ татарскаго нашествія), при развившемся неустройствѣ въ духовенствѣ и народѣ, собралъ во Владимірѣ соборъ, на которомъ между иными правилами постановлено: „отлучать отъ церкви участвующихъ въ кулачныхъ бояхъ и бояхъ „кольями“, а убитыхъ не отпѣвать; правила эти вошли въ Кормчую книгу и служили руководствомъ для духовенства, подъ строгой отвѣтственностью за неисполненіе [1]). Далѣе о кулачныхъ бояхъ говорится въ посланіи Святит. Іоны митрополита Московскаго [2]) (сконч. 31 марта 1461 г.). О нихъ упоминаетъ и Герберщейнъ въ Запискахъ о Московіи [3]).

сква въ то время насчитывала 16.358 дворовъ. (См. Забѣл. стр. 168. Костомар. стр. 20, 45).

Въ 1534 г. сдѣланъ былъ городъ на Москвѣ земляной, гдѣ мыслилъ ставить В. Кн. Василій Ивановичъ, въ тотъ годъ умершій. Сдѣланъ градъ на большое пространство Москвы, хитрецы устроили его весьма мудро. Наченъ отъ каменной большой стѣны (отъ Кремля, отъ угла стѣны Никольскихъ воротъ) и сплетаху тонкій лѣсъ около большаго древа и внутрь насыпаху землю и весьма крѣпко утверждаху и ведоша по Москвѣ рѣцѣ и приведша къ той же стѣнѣ (т. е. пройдя проломанныя ворота) повернула направо и пересѣкла Васильево поле (гдѣ теперь выст. домъ, за Варварскими воротами къ рѣкѣ) и на верстѣ устроили градъ древянъ по обычаю (т. е. помостъ съ кровлей для защиты) *и нарекша граду имя Китай.* (Прозваніе ***Китай*** по всему вѣроятію значитъ *плетеничный*, ибо китъ есть веревка, свитая изъ травы, хвороста, соломы; кита, *китъ* вообще есть плетеница—веревка изъ соломы,—хворосту. Описанное устройство Китай-городскихъ первыхъ стѣнъ вполнѣ подтверждаетъ это прозваніе (Забѣлинъ Оп. изучен. рус. древностей, т. 2-й стр. 154—155).

[1]) Митрополитъ Кириллъ, какъ видно изъ лѣтописи Волынской (223) въ 1241 году былъ печатникомъ у кн. Даніила Галицкаго, а въ 1242 г. по упраздненіи епископіи въ Угровескѣ и открытіи въ Холмѣ, назначенъ туда епископомъ. Въ 1243 году онъ избранъ южными князьями митрополитомъ кіевскимъ и всея Руси. Побывавъ въ Ордѣ—отправился въ Никею и принялъ въ 1250 году посвященіе отъ никейскаго патріарха, а въ 1274 году собралъ соборъ во Владимірѣ, для исправленія церковнаго и общественнаго нестроенія. Умеръ въ глубокой старости, въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, 9-го декабря 1280 г.

См. Лѣтопись Волынс.—Истор. Рус. Церкви Филар. Чернигов. Мос. 1888 г. ч. 2 стр. 99, 112 и 136, прим. 221.—Твор. Св. Отц., 1843 г. ч. 4-я, прилож. „Кириллъ Еп. Холмс.“.—Гр. Толстого—Ист. Рус. Цер. Мос. 1887 г. стр. 88, 99 и 110-я. Гр. Толстой ошибочно именуетъ епископа Холмскаго Кирилла игуменомъ одного изъ южныхъ монастырей.

[2]) Смот. Акты Историч. т. I № 44, стр. 87—89.—Святитель Іона митрополитъ московскій, родомъ изъ Солигалича, съ 12 лѣтъ онъ уже былъ въ монастырѣ Симоновомъ.—За духовные подвиги и строгость жизни посвященъ въ епископы рязанскіе и нѣкоторое время управлялъ и митрополіей московской, когда въ 1448 году, декабря 5, окончательно возведенъ въ санъ митрополита московскаго и всея Руси. Скончался 31 марта 1461 года, оставивъ по себѣ въ церкви русской высоко священную память, какъ великій святитель и чудотворецъ. Онъ написалъ много посланій, большая часть которыхъ напечатана въ актахъ историческихъ и Археографической экспедиціи. (Толст. графъ, Ист. Рус. Цер. 1887 г. стр. 223—227).

[3]) Герберштейнъ. Записки о Московіи, перев. Анонимова, стр. 80—81.

Въ обширномъ изслѣдованіи В. Жмакина: „Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія“ (1515—1539), между прочимъ, говорится: „Однимъ изъ народныхъ увеселеній русскаго общества XVI в. служили кулачные бои“, противъ чего и вообще противъ всякихъ „позорищъ“ горячо протестовалъ знаменитый ораторъ того времени митрополитъ Даніилъ [1]). Николай Ивановичъ Костомаровъ, въ своемъ сочиненіи: „Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII вѣкѣ“. Спб. 1860 г.,—съ негодованіемъ относится къ этому народному развлеченію, хотя и находитъ, что оно способствовало къ развитію силы и ловкости и воспитывало воинскія доблести. „Зимою въ праздничные дни“, разсказываетъ онъ,—чаще всего на льду,

---

Смотри также: Афанасьевъ—Поэтическія воззрѣнія на природу, т. I стр. 270—276.

[1]) Чтен. въ Императ. Общ. Ист. и Древн. Русс. 1881 г. кн. 1 и 2-й В. Жмакинъ „Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія“. Стр.—110, 120, 129, 247 и др.

Митрополитъ Даніилъ родился приблизительно ранѣе 1492 года (110) Онъ былъ инокомъ Волоколамскаго монастыря и въ 1515 году избранъ братіей игуменомъ (120). „И полюбиша старца... Даніила по реклу рязанца, любяй-бо нищету и пребывая въ трудѣхъ и постѣ“... Великій Князь Василій Іоанновичъ, часто посѣщая Волоколамскій монастырь, зналъ и былъ расположенъ къ игумену его Даніилу (человѣку тонкому по уму, гибкому по нравственнымъ убѣжденіямъ и честолюбивому) (129). Февраля 27-го 1522 г. единолично своей властію поставилъ его на Русскую митрополію. Даніилъ велъ упорную борьбу съ Максимомъ Грекомъ и особенно съ инокомъ Вассіаномъ, въ мірѣ княземъ Василіемъ Ивановичемъ Патрикѣевымъ-Косымъ, родственникомъ Великаго Князя. Онъ отличался умомъ и дарованіями, особенно способностями дипломатическими (62). Человѣкъ гордый, властолюбивый, а теперь еще желчный и раздражительный, Вассіанъ не терпѣлъ противорѣчій; онъ сдѣлался свободомыслящимъ и усвоилъ нѣкоторыя еретическія воззрѣнія. Какъ большой скептикъ,—по случаю обрѣтенія въ 1472 г. мощей святит. Іоны, усумнился въ ихъ святости и цѣлебности, а равно и въ святости мощей Макарія Калязинскаго (213). Великій Князь Василій Іоанновичъ умеръ 3-го декабря 1533 г., а въ 1538 году, апрѣля 3, скончалась и супруга его—правительница Елена. Когда же на престолѣ очутился Иванъ Шуйскій, не любившій Даніила, онъ, 2 февраля 1539 года, былъ лишенъ сана и сосланъ въ бывшій свой Волоколамскій монастырь, гдѣ и скончался 22 мая 1547 года (247).—Жмакинъ говоритъ:

„Какъ проповѣдникъ, церковный писатель и публицистъ, въ своихъ сочиненіяхъ захватывавшій животрепещущіе вопросы своего времени и бытъ и нравы современнаго ему общества, митропомитъ Даніилъ, по полнотѣ, богатству и разнообразію сообщаемыхъ имъ историческихъ свѣдѣній является единственнымъ въ своемъ родѣ писателемъ и проповѣдникомъ древней Руси“ (стр. 606—647).

народъ собирался на кулачные и палочные бои. Охотники собирались партіями по данному знаку свисткомъ, обѣ бросались одна на другую съ криками;... тутъ же били въ накры [1]) и бубны;... бились неистово, жестоко, и очень часто многіе выходили оттуда калѣками, а другихъ выносили мертвыми. Палочные бои имѣли подобіе турниpовъ и сопровождались убійствами еще чаще кулачныхъ боевъ...

Составляя любимую и обычную забаву, кулачные бои вовсе не были такъ мрачны, дики и жестоки, какъ представляются они Н. И. Костомарову и многимъ инымъ, находящимъ въ нихъ нѣчто грубое, звѣрское... Противники, недавно бившіеся и безпощадно старавшіеся „сломить стѣнку", по окончаніи битвы, мирно и добродушно шли вмѣстѣ въ „кружала", шинки, кабаки и харчевни, гдѣ и велись жаркіе споры и оцѣнка событій боя и ловкости того или другого бойца. Что касается печальныхъ и несчастныхъ случаевъ, то—при томъ уровнѣ развитія моральнаго и общественнаго, на которомъ стоялъ тогда, да стоитъ и до сихъ поръ простой народъ (и не одинъ онъ), всѣ эти случаи вызывали только соболѣзнованіе, но не осужденіе.

Это подтверждается и тѣмъ, что кулачные бои привлекали не однихъ простолюдиновъ, а всѣ классы общества интересовались ими и не только косвенно—организуя, такъ сказать, бои, поощряя бойцовъ, выписывая и вывозя ихъ иногда издалека; но даже лично принимали участіе, особенно въ единоборствѣ и пріобрѣтали извѣстность [2]).

Въ Москвѣ, а отчасти и въ Петербургѣ, кулачные бои особенно процвѣтали въ XVIII и до половины XIX вѣка. Это былъ періодъ полнаго ихъ развитія. Въ это время между иными страстными любителями кулачнаго боя (какъ напр. гр. Растопчинъ) [3]) выдѣляется особенно знаменитый Чесменскій герой графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій, хотя и братъ его, князь Григорій Григорьевичъ, также былъ знатокъ и любитель этого спорта, но болѣе случайно, болѣе такъ сказать, мимоходомъ, между прочимъ [4]).

---

[1]) Накры это родъ литавръ.

[2]) См. „Рус. Вѣстн." 1876 г. стр. 81. Записки Назимова.—Пыл. Стар. Пет. стр. 424.

[3]) Ровинскій, Рус. народ. карт. Спб. 1900 г. ч. 2, стр. 359.

[4]) „Рус. Арх." 1904 г. Стат. Голомбіевскаго: Кн. Гр. Григ. Орловъ. Стр. 373, 383, 386.

Орловыхъ было пять братьевъ, было пять молодцовъ, изъ которыхъ двое: Григорій и Алексѣй выдавались по своей необычной силѣ, по удали и молодечеству, напоминая старинныхъ богатырей русскихъ. Отецъ ихъ, Григорій Ивановичъ Орловъ, былъ въ 1742 году новгородскимъ губернаторомъ (род. 1677 г. умеръ 1 апр. 1746 г.) и воспиталъ дѣтей въ строгомъ патріархальномъ порядкѣ, который и держался въ семьѣ Орловыхъ до смерти старшаго въ родѣ—брата Ивана, имѣвшаго всѣхъ ихъ въ повиновеніи [1]). Князь Григорій былъ высокаго роста

[1]) Голомбіевскій въ біографіи князя Григорія Орлова,—стр. 372, говоритъ: Къ Ивану (по смерти отца) перешли и обязанности старшаго въ родѣ, на него было перенесено уваженіе младшихъ, которые, въ присутствіи „старинушки",—„папеньки-сударушки" не садились безъ позволенія. Онъ и завѣдывалъ всѣмъ общимъ имуществомъ и дѣлами братьевъ.

Когда послѣ рѣшенія Государыни оставить Орлова, хотѣли заставить его договориться объ этомъ, то послѣ долгихъ затрудненій, единственно черезъ посредство Ивана Григорьевича удалось уладить дѣло. Стр. 407.

Читающіе простятъ намъ нѣкоторыя подробности объ Орловыхъ, хотя бы по одному тому, что они близко стояли къ борьбѣ и боямъ на кулачки, да и невольно останавливаешься на этой семьѣ и особенно на дѣятельности двухъ изъ нея, братьевъ Григорія и Алексѣя.—Такія исключительныя личности рѣдко встрѣчаются въ исторіи и составляютъ гордость націи; они еще ждутъ и біографа, и историка. Оба одаренные выдающейся красотой, страшные силачи, оба достигшіе, въ короткое время, высшаго положенія въ государствѣ—они блещутъ необыкновенными способностями. Какъ въ дѣлахъ внѣшней и внутренней политики, такъ равно какъ полководцы, какъ администраторы и, наконецъ, какъ общественные дѣятели, они не встрѣчаютъ равныхъ себѣ. При рыцарской прямотѣ, благородствѣ, идеальной честности они являютъ—скромность, гуманность, демократизмъ.. Лишь только замѣтили измѣнившееся направленіе двора и своего при немъ положенія, какъ всѣ поспѣшили скромно удалиться и посвятили себя домашней жизни, не соблазнившись даже заманчивыми приглашеніями на высокія должности. Это были искренніе сторонники уничтоженія крѣпостной зависимости съ надѣломъ землею (кн. Григ. Орловъ, при помощи пастора Эйзена, хотѣлъ даже раздать крестьянамъ, въ имѣніи своемъ—Ропшѣ, землю въ наслѣдственную аренду). Покровители наукъ, искусствъ, литературы (ввели Фонвизина, Кулибина и пр.); открывали школы, старались о просвѣщеніи народа... Ломоносовъ и Державинъ пишутъ о нихъ стихи (но не панегирики). Въ честь одного, при жизни, ставятъ памятникъ, выбиваютъ медаль; другого встрѣчаютъ тріумфальной аркой... Про Григорія Орлова Великая Екатерина писала, уже по его смерти:... „это мой Блекстонъ, который разматывалъ мои нитки" „sa tête est naturelle et va son train et la mienne la suit". Паленъ и Орловъ были моими ближайшими совѣтниками, и ваша покорная слуга шла между ними курцъ-галопомъ... Способности Орлова были велики... („Рус. Арх." 1904 г., т. 2, стр. 380). Въ разгаръ чумы въ Москвѣ—1770 г. тотъ же Григорій отважно ѣдетъ въ очагъ заразы, лично посѣщаетъ больницы,

съ правильными и нѣжными чертами лица „гигантъ съ головой херувима". Неустрашимый и отважный, онъ отличался и беззавѣтной храбростію. Въ 1758 году, въ сраженіи при Цорндорфѣ, состоя въ чинѣ капитана пѣх., три раза былъ онъ раненъ и не оставилъ поля битвы. Сдѣлавшись любимцемъ Императрицы Екатерины II, посвятилъ себя ей всецѣло, и когда пришло время, благородно удалился [1]),—не завидуя и не интригуя противу соперника своего князя Григорія Ал. Потемкина [2]). И вотъ этотъ-то представитель высшей аристократіи того времени, приближеннѣйшій къ Великой Государынѣ вельможа, блистательный князь Римской Имперіи [3]) славился,

---

подъ которыя отдаетъ свой родовой домъ, и въ полгода тихо и умѣло умиротворяетъ Москву и прекращаетъ заразу... А сколько благотвореній явныхъ и тайныхъ они дѣлали!.. Затѣмъ въ частной жизни, какіе это образцовые дѣятели и хозяева; изъ-за границы они выписываютъ плуги, разводятъ знаменитыя породы скота (Хрѣновскія); Россія обязана имъ всемірно извѣстными Орловскими породами лошадей (рысаки, скакуны, битюги). –Кто не знаетъ Орловскихъ гусей, даже канареекъ съ особымъ напѣвомъ...—Всѣ виды спорта—отъ охоты на медвѣдя самъ на самъ, до кулачныхъ боевъ имѣли въ нихъ первыхъ цѣнителей и участниковъ. Замѣтимъ, что даже цыгане-хористы выписаны были въ Москву изъ Молдавіи гр. Алексѣемъ, а дочь его, красавица Анна Алексѣевна, слыла первѣйшей наѣздницей и спортсменкой въ Россіи. См. „Рус. Ар." 1904 г. двѣ статьи Голомбіевскаго обр. Орловыхъ. „Рус. Стар." т. II.—Дневн. Жихарева, Храповиц., Зап. Дашковой. Барсукова: Разсказы изъ Рус. Ист. и друг...

[1]) Императрица говорила о немъ, что—это изумительное существо, у котораго все хорошо, наружность, умъ, сердце и душа... онъ красивѣйшій человѣкъ своего времени, добрый, довѣрчивый, искренній, высоко честный и прямой. (Смот. Біограф. кн. Орлова; стат. Голомбіевскаго; „Рус. Арх." 1904 г., т. 2, стр. 373).

[2]) Уменъ, какъ чортъ! говорилъ кн. Орловъ о Потемкинѣ, отдавая справедливость кн. Таврическому (стр. 382). Любопытенъ разсказъ Самойлова о томъ, какъ братья Орловы способствовали возвращенію ко двору окрившаго Потемкина („Р. Арх." 1867 г., стр. 602). Кн. Таврич. ген.-фельдмарш. Род. 29, сент. 1736, ум. 1791 г.

[3]) Вотъ краткія свѣдѣнія о фамиліи Орловыхъ.—Въ книгѣ графа Бобринскаго: Дворянскіе роды, внесенные въ гербовникъ, ч. II, стр. 142, писано, что Орловы (потомъ графы) произошли отъ древней и благородной Германской фамиліи изъ Польской Пруссіи. Въ Родословной книгѣ П. Долгорукова, Мос. 1854 г. т. II, стр. 234, и т. IV, стр. 437 и 439, сказано, что въ 1627 г. при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ были дворяне Московскіе—Иванъ Ивановичъ Орловъ (дѣдъ ихъ) и съ 1636—1658 г. стряпчіе Тарасъ Ивановичъ и Герасимъ Ивановичъ родоначальники фамиліи Орловыхъ. Наконецъ, въ Родословномъ Сборникѣ Румеля, т. I, стр. 393, говорится объ Орловыхъ, какъ потомкахъ „мужа честна" Льва Ивановича Орлова, выѣхавшаго изъ Пруссіи въ 1393 г. По смерти Григорія

какъ особенный покровитель и любитель кулачнаго боя. Конечно, онъ не участвовалъ въ общихъ свалкахъ, но, присутствуя на нихъ, живо интересовался самымъ ходомъ этихъ какъ-бы сраженій, а особенно тѣми силачами, одно появленіе которыхъ наводило панику на всю огромную массу—„стѣнку“ противниковъ и иногда рѣшало бой. Онъ даже вступалъ съ ними въ единоборство,—выходилъ „самъ на самъ“—„пробовалъ силу“—какъ говорилось. Такіе турниры кончались непремѣнно пирушками и попойкой съ бойцами и борцами, даже изъ простонародья. „Неистовыя вакханаліи съ кулачными бойцами (говоритъ княгиня Дашкова въ своихъ запискахъ, стр. 88) были

Ивановича Орлова, въ 1746 г. быв. новгородскимъ губернаторомъ, человѣка богатаго (имѣвшаго, между прочимъ, въ Москвѣ у Григорія на Вспольѣ, на быв. Вознесенской, а теперь Малой Никитской, родовой домъ), женатаго на Лукерьѣ Ивановнѣ Зиновьевой („Рус. Стар.“ т. LI, стр. 6), остался старшимъ въ родѣ тринадцати-лѣтній сынъ Иванъ Григорьевичъ. Въ 1749 г. онъ поступилъ солдатомъ въ Преображенскій полкъ и, вышедши въ отставку въ 1762 г. капитаномъ и графомъ, занялся общими дѣлами всей семьи и воспитаніемъ младшаго брата Владиміра... Родился 3 сентяб. 1733 г., скончался бездѣтнымъ—16 ноября 1791 г. (Дневн. Храповицкаго, стр. 256). Въ статьѣ Голомбіевскаго, „Рус. Арх.“... 1904 г. кн. 2, стр. 524, дата смерти означена 18 ноября.

За нимъ слѣдуетъ Григорій-князь Орловъ.—Онъ также и въ томъ же 1749 году солдатомъ поступилъ въ Семеновскій полкъ. Съ 1765 г. шефъ Кавалергардскаго корпуса, генералъ-фельдцейхмейстеръ и генералъ-директоръ надъ фортификаціями, а съ 21 іюля 1763 г. пожалованъ германскимъ императоромъ Іосифомъ II въ княжеское Римской Имперіи достоинство, съ титуломъ Свѣтлости (хотя не пользовался имъ до 1772 г.); женатъ былъ на двоюродной сестрѣ Екатеринѣ (Ульянѣ) Николаевнѣ Зиновьевой, умершей въ Лозаннѣ 16 іюня 1781 года. Родился 6 окт. 1734, а умеръ 49 лѣтъ, бездѣтнымъ 13 апрѣля 1783 г. Третій братъ, графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ—потомъ Орловъ-Чесменскій, родился 25 сентября 1735 г., а скончался 24 декабря 1807 г., оставивъ дочь Анну (род. 2 мая 1785 г., умерла дѣвицей 5 окт. 1848 г). Въ 1749 году онъ поступилъ солдатомъ въ Преображенскій полкъ. Въ 1767 г. подполковникъ Преображенск. полка и на слѣдующій годъ орденъ Андрея Первозваннаго. Въ 1769 г. адмиралъ, генералъ-аншефъ. Въ ночь съ 25 на 26 іюня 1770 г. уничтожилъ турецкій флотъ въ Чесменской бухтѣ, за что, кромѣ многихъ наградъ, получилъ прозваніе Чесменскаго. Въ томъ же году удалился отъ дѣлъ и поселился въ Москвѣ. Въ 1782 году 6 мая женился на Авдотьѣ Николаевнѣ Лопухиной, дочери Николая Александровича Лопухина и Анны Алексѣевны Жеребцовой. Умерла она 20 августа 1786 года, вторыми родами сына Ивана (прожившаго четыре года, умеръ 1790 г). Родилась же 17 декабря 1761 г. („Рус. Стар.“ т. XVI стр. 210).

Ѳедоръ Григорьевичъ былъ четвертымъ.—Есть извѣстіе, что въ 1749 году, одновременно съ поступленіемъ другихъ братьевъ на службу въ

любимымъ развлеченіемъ Орловыхъ [1]). И другіе Орловы также увлекались кулачными боями, „но“ (говоритъ Голомбіевскій, стр. 373) Григорій далеко превосходилъ своихъ братьевъ въ страстной любви ко всякаго рода спорту, во всѣхъ его проявленіяхъ, начиная отъ кулачныхъ боевъ и всевозможныхъ „крѣпышей“... и кончая „бѣгунами“. Молва о немъ, какъ силачѣ и кулачномъ бойцѣ, шла далеко въ народѣ: напримѣръ—придворный оружейникъ Лебедевъ, разсказывая въ своей компаніи о графѣ А. Г. Разумовскомъ и его богатствѣ, съ ироніей замѣчаетъ, „что-де у графа даже кафтанъ былъ съ брилліантовыми пуговицами, побогаче звѣзды“ *„что бойцу кулачному“* приказано сдѣлать [2]).

разные полки, опредѣленъ былъ въ кадетскій корпусъ. (Голомбіевскій, стр. 372). Службу онъ началъ въ Семеновскомъ полку, участвовалъ въ Турецкой кампаніи, получилъ генералъ-аншефа и былъ оберъ-прокуроромъ Сената. Род. 8 февраля 1741 г., умеръ 17 мая 1796 года, оставилъ семерыхъ незакон.-рожд. дѣтей, которымъ Государыня, 27 апрѣля 1796 г., присвоила дворянское достоинство, права и гербъ фамиліи Орловыхъ.

Наконецъ, младшимъ изъ братьевъ, Владиміромъ, заканчивается циклъ семьи Орловыхъ. Онъ былъ генералъ-поручикомъ и съ 1793 года Директоромъ Императорской Академіи Наукъ. Родился 8 іюля 1743 г. и умеръ 8 февраля 1831 г. Женатъ былъ на Елизаветѣ Ивановнѣ Штакельбергъ. Имѣлъ нѣсколько человѣкъ дѣтей.

Всѣ пять братьевъ въ день коронаціи Государыни Императрицы Екатерины II, сентября 22-го 1762 года, получили графское достоинство.

Изъ послѣдующихъ потомковъ, особенно извѣстенъ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ (сынъ Ѳедора Григорьевича), возведенный 25 декабря 1825 г. въ графское достоинство, а 22 августа 1856 г. въ княжеское Россіи Имперіи... Генералъ-отъ-кавалеріи, Членъ Государственнаго Совѣта, шефъ корпуса жандармовъ, кавалеръ всѣхъ орденовъ, посланникъ въ Парижѣ. Женатъ былъ на княгинѣ Ольгѣ Александровнѣ, дочери тайнаго совѣтника Александра Александровича Жеребцова. Родился въ 1788 году. Скончался въ 1861 г.

[1]) Крики и пѣсни пьяной толпы, высыпавшей на улицу послѣ пирушки Орловыхъ, до полусмерти испугали лежавшую послѣ родовъ княгиню Дашкову... „Рус. Архивъ“ 1904 г., ч. 2, стр. 383. Статья Голомбіевскаго.

Въ 1759 году, возвратившись изъ-за границы, послѣ войны съ Пруссіею въ конвоированіи взятаго въ плѣнъ флигель-адъютанта прусскаго короля, графа Шверина, Орловъ поселился рядомъ съ Зимнимъ дворцомъ, у Полицейскаго моста и проводилъ время въ кутежахъ и похожденіяхъ въ многочисленномъ, но далеко не изысканномъ обществѣ. См. „Рус. Стар.“ LI, стр. 7.

Гильбигъ, секретарь Саксон. Посол., пишетъ, что Орловы славились красотой, силой... и съ успѣхомъ вступали въ состязанія и превосходили даже и въ такъ называемыхъ русскихъ кулачныхъ бояхъ. См. „Рус. Стар.“ 886 г. № 10, стр. 4.

[2]) „Рус. Арх.“ Голомбіевскій, Біогр. Ал. Орлова, стр. 386.

Такимъ же, если не большимъ любителемъ боевъ на кулачки, какъ князь Григорій Орловъ въ Петербургѣ, сдѣлался впослѣдствіи извѣстнымъ въ Москвѣ знаменитый графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій. Личность во всякомъ случаѣ замѣчательнѣйшая.

Обладая всѣми достоинствами брата — красотой, благородствомъ, прямодушіемъ, а физической силой даже значительно превосходя его (ударомъ сабли отсѣкалъ онъ голову быку, одной рукой останавливалъ шестерку лошадей и т. п.) [1]), былъ скрытнѣе и сдержаннѣе, что, при большомъ политическомъ тактѣ и благоразуміи, дѣлало его практичнѣе и дальновиднѣе Григорія. Совѣтовъ его слушались даже остальные братья [2]). Минуя всѣ громадныя заслуги и таланты его, необходимо, вопреки нѣкоторымъ мнѣніямъ, утвердительно сказать, что не только Государынѣ Екатеринѣ II, но и всей Россіи—онъ оказалъ громадную услугу, избавивъ отъ неисчислимыхъ, быть можетъ, бѣдствій...

Арестъ имъ—извѣстной авантюристки княжны Таракановой или—принцессы Владимірской, представляется подвигомъ высокой дальновидности и мудрости. Этому не только не придаютъ должнаго значенія; но умаляютъ—не цѣнятъ по его важности и омрачаютъ дѣйствія Орлова обвиненіями въ вѣроломствѣ, въ завлеченіи беззащитной,—увлекшейся имъ женщины, въ ловушку и въ преданіи ея русскимъ властямъ [3]). Но при этомъ упускаютъ изъ виду, что умнѣйшій и дальновиднѣйшій человѣкъ своего времени гр. А. Орловъ сумѣлъ бы отстранить отъ себя это дѣло, если бъ не видѣлъ, какими послѣдствіями оно угрожаетъ и Государынѣ, и всей Россіи. Именуя себя дочерью Елизаветы Петровны, сестрой Пугачева, поднявшаго страшное волненіе подъ именемъ Петра III, эта необыкновенно энергичная женщина, сумѣвшая вскружить голову дворамъ Европы, увлекавшая всѣхъ, въ комъ видѣла нужду, достигшая титула графини и проч., проникнувъ въ Россію, взволнованную бунтами, возстаніями, чумой и пугачевщиной, могла найти своихъ Мировичей и натворить такихъ дѣлъ, о которыхъ и подумать страшно. Жертвуя своей репутаціей и своими личными чувствами, гр. Алексѣй Орловъ остается рыцарски

---

[1]) Тоже, стр. 500.

[2]) Тамъ же, стр. 499.

[3]) „Рус. Вѣстн.“ 1859, № 24. Стат. Лонгинова, Кн. Тараканова.—Мельниковъ, соч. Изд. 2-е, стр. 60, 61, 62, 90, 107 и 140. Голомб., стр. 515 и 518.

вѣренъ всѣмъ ему обязанной Государынѣ Екатеринѣ II. Онъ арестуетъ въ Ливорно и привозитъ невѣдомую авантюристку въ Россію и самъ уходитъ въ частную жизнь. Очень жаль, что этотъ поступокъ его не оцѣненъ безпристрастно. Самозванка, именовавшая себя то султаншей Селимой, то графиней Пиннен-бергъ и пр. и пр., увлекшая польскаго посла въ Парижѣ Огин-скаго, потомъ владѣтельнаго графа Филиппа-Фердинанда Оберн-штейнъ-Лимбургскаго, подарившаго ей этотъ Оберштейнъ; увлекшая даже кардинала Альбани и много иныхъ, могла быть страшнѣе Пугачева, для спокойствія имперіи Россійской. 25 мая 1775 г. больная и беременная, водворена она была въ Петро-павловскую крѣпость, гдѣ и скончалась 4 декабря, послѣ родовъ [1]).

Іюля 10-го, графъ Алексѣй Григорьевичъ, по арестѣ Тара-кановой [2]), сухопутьемъ прибывъ въ Москву къ празднованію Кучукъ-Кайнарджисскаго мира и здѣсь, несмотря на то, что въ день торжества осыпанъ былъ милостями,—получилъ по-хвальную грамоту, серебряный сервизъ и 60.000 руб., прозва-ніе Чесменскаго, что въ честь его повелѣно поставить въ Цар-скомъ Селѣ монументъ, а на седьмой верстѣ отъ Петербурга построить храмъ, дворецъ же тамошній переименовать въ Чес-менскій,—все это и было исполнено (дворецъ теперь обращенъ въ богадѣльню того же наименованія), несмотря на всѣ эти почести и подарки, обласканный и награжденный, графъ остался въ Москвѣ и не вернулся въ Петербургъ.

---

[1]) Соч. Мельникова, т. 6, стр. 52—89 и др. Изд. 1909 г.

[2]) Несомнѣнно, что у Елизаветы Петровны отъ тайнаго брака съ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ были дѣти; изъ нихъ одна дѣвочка извѣстна подъ именемъ княжны Таракановой (см. Чтен. въ Общ. Ист. и Древ. 1863 г. № 3), имѣвшей имя Августы. Судьба ея до 40 лѣтняго возраста неизвѣстна. Въ 1785 году она повелѣніемъ Им-ператрицы Екатерины II пострижена (съ ея согласія) въ Москвѣ, въ быв-шемъ Ивановскомъ монастырѣ, что на Солянкѣ (въ 1812 г. этотъ мона-стырь упраздненъ, оставлена лишь церковь во имя Іоанна Предтечи), подъ именемъ Досиѳеи (см. Русскія достопр., Мартынова, кн. 5. Иван. монастырь). Здѣсь она прожила двадцать пять лѣтъ. Скончалась 4 фе-враля 1810 года 64 лѣтъ. При жизни въ монастырѣ ее посѣщали высо-копоставленныя лица и въ числѣ ихъ митрополитъ Платонъ.

На похоронахъ же были—главнокомандующій гор. Москвы, гр. Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, женатый на Прасковьѣ Кирилловнѣ Разумовской, двоюродной сестрѣ усопшей. Много было сенаторовъ и вельможъ въ парадныхъ мундирахъ... масса народу. Похоронена въ Новоспасскомъ монастырѣ, въ усыпальницѣ рода Романовыхъ (подробности смотр. въ полн. собр. сочин. П. И. Мельникова. Изд. 2-е, 1909 г. стр. 13—17). „Рус. Вѣстн.“, 1859 г. № 24.—„Рус. Бес.“, 1859 г. № 6.

Онъ отказался отъ службы, отъ двора, отъ славы и отъ государственной дѣятельности и поселился въ Москвѣ, сохранивъ только званіе подполковника Преображенскаго полка и дарованную ему пенсію 29.682 руб. [1]), съ чиномъ генералъ-маіора.

Кто въ Москвѣ не зналъ, съ 1775—1807 года, дома въ Нескучномъ подъ Донскимъ монастыремъ. Онъ былъ гостепріимно открытъ для всѣхъ и званыхъ, и незваныхъ, и знакомыхъ, и чужихъ. И не однѣ забавы да увеселенія, банкеты да пиры влекли туда посѣтителей—нѣтъ, графъ отличался обширной благотворительностью явной и особенно тайной. Здѣсь жилъ истый вельможа и бояринъ великорусскій, который умѣлъ соединить пріятное съ полезнымъ и не въ праздности и пирахъ проводившій время [2]) и жизнь свою, но служившій истымъ украшеніемъ царствованія Великой Государыни. Заслуги графа Алексѣя Григорьевича и на этомъ скромномъ поприщѣ частной жизни, извѣстны всѣмъ и каждому, даже „до днѣ сего". Въ 1796 году Державинъ писалъ:

„Изъ одного благодаренья
„По чувству сердца моего
„Я пѣснь ему пою простую...

Популярность графа не между одной Московской знатью или среднимъ сословіемъ, но и въ простомъ народѣ была безгранична... На его рысаковъ, на его скачки и бѣга или посмотрѣть на „кулачные бои", которые онъ устраивалъ для народа, стекались массы къ Нескучному подъ Донской монастырь.

Вотъ что разсказываетъ очевидецъ Жихаревъ въ своихъ запискахъ [3]): „Гулянье 1 мая въ Сокольникахъ было бы не гулянье для москвичей,—если бы не появился на немъ поѣздъ графа Алексѣя Орлова... Обыкновенно на статномъ любимомъ конѣ своемъ „Свирѣпомъ" ѣхалъ самъ Орловъ, въ парадномъ мундирѣ, обвѣшанный орденами. Азіатская сбруя, сѣдло, мундштукъ и чепракъ были буквально залиты золотомъ и драгоцѣнными камнями. Немного поодаль, на прекраснѣйшихъ сѣ-

[1]) Общ. Арх. Мин. Императ. Дв. Оп.—15/1365, дѣло 217.

[2]) П. Бартеневъ въ примѣч. къ статьѣ Голомбіевскаго—А. Г. Орловъ-Чесменскій, „Рус. Арх." 1904 г., стр. 530, говоритъ: въ Нескучномъ въ Москвѣ, разъ въ недѣлю собиралось къ графу А. Г. Орлову многолюдное общество. Пѣли, плясали, но въ одиннадцать часовъ трубилъ рогъ, графъ подымался съ своего мѣста и произносилъ: heraus (т. е. вонъ), и разъѣздъ начинался... И никто не обижался на этотъ выкрикъ. П. Б.

[3]) Жихаревъ,—Записки, стр. 45, 46, 92.

рыхъ лошадяхъ ѣхали дочь его и нѣсколько дамъ, которыхъ сопровождали А. А. Чесменскій и множество другихъ особъ; за ними слѣдовали берейторы и конюхи графа, не менѣе 40 человѣкъ, нѣкоторые изъ нихъ имѣли въ поводу по заводской лошади въ нарядныхъ попонахъ и богатой сбруѣ.—Наконецъ, потянулись графскіе экипажи, запряжки цугомъ и четверкой одномастныхъ лошадей и т. д.

Зимой на бѣгахъ, самъ графъ, въ малиновой бархатной шубѣ, ѣздилъ на любимыхъ рысакахъ „Любезномъ“ и „Каткѣ“... Передъ бесѣдкой при домѣ Орлова пѣли и плясали цыгане, потомъ завязывался *„кулачный бой“*...

Графъ Орловъ любилъ народъ и его любили крѣпостные его крестьяне, а особенно многолюдный штатъ дворовыхъ [1]). Державинъ писалъ:

Я подъ качелями гуляю,
Въ шинки пить меду заѣзжаю,
Или, какъ то наскучитъ мнѣ,
По склонности моей къ премѣнѣ,
Имѣя шапку на бекренѣ,
Лечу на рѣзвомъ скакунѣ...
Или музыкой и пѣвцами,
Органомъ и волынкой вдругъ,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой духъ.

Соч. т. VI, стр. 127.

Дм. А. Ровинскій въ соч. своемъ: Рус. народ. картинки (Спб. 1900 г., т. 2, стр. 355) тоже указываетъ на графа Алексѣя Орлова, какъ большого любителя кулачныхъ боевъ... „Особенною извѣстностію пользовались кулачные бои, говоритъ онъ, происходившіе въ присутствіи страстнаго охотника до нихъ графа, Алексѣя Григорьевича Орлова, передъ зимнимъ его домомъ, что въ Нескучномъ; въ этомъ домѣ устроенъ былъ особый фонарикъ, изъ котораго графъ Орловъ смотрѣлъ на бой.

Передъ боемъ привозились цѣлыми возами кожаныя рукавицы; сбирались партіями фабричные съ разныхъ фабрикъ, цѣловальники и мясники; случались охотники изъ купцовъ, въ мѣховыхъ шубахъ и даже изъ господъ. Вся орава раздѣ-

[1]) Голомбіевскій,—Біогр. гр. Алексѣя Орлова-Чесменскаго. „Рус. Арх.“ 1904 г., т. 2, стр. 499.

лялась надвое и выстраивалась другъ передъ другомъ въ двѣ стѣны; драку начинали, въ небольшихъ бояхъ,—„заводные“ одинъ на одинъ, потомъ шли всѣ остальные стѣна на стѣну; запасные бойцы стояли въ сторонѣ и принимали участіе въ дракѣ только тогда, когда ихъ стѣну начинала тѣснить противная стѣна“.

Еще, какъ о страстномъ любителѣ кулачнаго боя, чуть ли не больше своего родителя, Ровинскій разсказываетъ о „сынѣ“ графа Алексѣя Григорьевича, не называя его по имени. При чемъ онъ обладалъ громадной силой и лично выходилъ биться съ бойцами—самъ на самъ, покровительствовалъ силачамъ и бойцамъ и имѣлъ среди нихъ нѣсколько особенно излюбленныхъ и т. д. [1]).

Какъ извѣстно, у графа Алексѣя Григорьевича было только двое дѣтей отъ супруги его Авдотьи Николаевны Лопухиной—дочь Анна Алексѣевна и сынъ Иванъ, умершій въ 1790 г. 4 лѣтъ и похороненный въ Донскомъ монастырѣ [2]). Поэтому извѣстіе о сынѣ графа, при немъ жившемъ, можетъ вызвать недоумѣніе. Тѣмъ болѣе, что существуетъ мнѣніе о сынѣ его отъ самозванной княжны Таракановой по имени Александръ, мать котораго пока еще не извѣстна. И хотя впослѣдствіи онъ неотлучно жилъ съ отцомъ въ Москвѣ и потомъ съ нимъ же уѣхалъ, при воцареніи Императора Павла I, за границу, но о жизни и службѣ его подробныхъ извѣстій не имѣется.

Предположенія эти совершенно теряютъ значеніе, если сопоставить съ одной стороны, что годомъ своего рожденія самъ Александръ Алексѣевичъ Чесменскій называетъ 1762 г., а съ другой, — что въ дневникѣ Храповицкаго [3]) подъ 30 іюня 1787 г. записано: „графъ Орловъ-Чесменскій кланялся въ ноги за пожалованіе сына въ капитаны Преображенскіе; такимъ образомъ если Лже-Елизавета, умершая 4 декабря 1775 г., родила сына 25 ноября, ему въ 1787 г. могло быть только 12 лѣтъ и, слѣдовательно, „капитаномъ гвардіи“ [4]) онъ быть не могъ.

---

[1]) Ровин., Рус. народ. картинки. Спб. 1900 г., стр. 355.

[2]) „Рус. Арх.“ 1904 г., 520—521.

[3]) А. В. Храповицкій,—Дневникъ. Спб. 1874 г., стр. 142.

[4]) Въ Преображенскомъ полку постепенность начальствующихъ лицъ располагалась такъ: шефъ полка, полковой командиръ, полковники (иногда до десяти), капитаны (тоже), штабсъ-капитаны, поручики, подпоручики и прапорщики.

Гельбигъ въ своемъ сочиненіи говоритъ [1]): у „Орлова былъ еще незаконнорожденный сынъ, котораго онъ усыновилъ. Мы не знаемъ имя его матери, сыну же отецъ далъ свое прозваніе—Чесменскій. Это былъ чрезвычайно красивый мужчина". Къ этому еще добавимъ, что онъ былъ женатъ на Аннѣ Николаевнѣ Піотровской.

Въ 1796 г. графъ Алексѣй Григорьевичъ просилъ гр. Н. И. Салтыкова [2]) исходатайствовать отставку бригадиру Чесменскому, по болѣзни ногъ, а 31 января 1797 года бригадиръ Чесменскій писалъ изъ Новогрудка въ Москву: „вчерашній день на дорогѣ получили мы курьера отъ Архарова [3]) съ пріятнымъ извѣстіемъ, что графъ, графиня и я отпущены въ чужіе края, по паспорту съ будущимъ при графѣ [4]).

Дѣло въ томъ, что по вступленіи на престолъ Павла I, въ 1796 году, графъ Орловъ-Чесменскій со всей семьей и даже съ невѣсткой и сыномъ уѣхалъ за границу, гдѣ и прожилъ до воцаренія въ 1801 году Императора Александра I. Хотя Мельниковъ и говоритъ, что Александръ Чесменскій умеръ въ молодости [5]), но извѣстно, что онъ въ 1801 году возвратился изъ „чужихъ краевъ" съ семействомъ отца и по извѣстію Орлова-Давыдова [6]) дослужился до чина генералъ-маіора. О времени смерти его свѣдѣній нѣтъ, но надо полагать, что онъ скончался уже по смерти отца своего графа Алексѣя и потомства не оставилъ [7]).

Какъ упомянуто было, молодой Чесменскій отличался необыкновенной силой и страстно любилъ кулачные бои. Подъ Дѣвичьимъ монастыремъ, на громадномъ полѣ или на Москвѣ-рѣкѣ выставлялась на бояхъ этихъ особая палатка, гдѣ, окруженный знакомыми и любимцами-силачами, онъ слѣдилъ за ходомъ боя и иногда выходилъ драться самъ, но только одинъ на одинъ. Особенными фаворитами его были небольшого роста,

[1]) „Русск. Стар." 1886 г., № 10, стр. 10. Гр. А. Г. Орловъ-Чесменскій.

[2]) Салтыковъ Николай Ивановичъ, свѣтлѣйшій князь, генералъ-фельдмаршалъ, предсѣдатель Государственнаго Совѣта, воспитатель Императора Александра I. Род. 31 октября 1736 г. Умеръ въ 1810 г.

[3]) Архаровъ Николай Петровичъ. Съ 1796 г. генералъ-губернаторъ с.-петербург., новгородскій и тверской. Род. 7 мая 1742 г. Умеръ въ 1815 году.

[4]) „Рус. Арх." 1873 г., т. 1, стр. 468 и 1904 г., т. 2, стр. 525. Ст. Голомбіевскаго.

[5]) Сочин., т. VI, стр. 104.

[6]) Орловъ-Дав.—Біогр. оч. гр. Владим. Григ. Орлова, т. 1, стр. 306 и друг.

[7]) Умеръ 73 лѣтъ 23 декабря 1807 года.

худощавый и невзрачный съ виду—приказный чиновникъ „Ботинъ“; такой же невзрачный фабричный „Соколикъ“, оба они обладали выдающейся силой и притомъ ловкостью и изворотливостію въ бояхъ. Но особенно Семенъ Трещала—громаднаго роста и силы непомѣрной, тоже фабричный, одинъ валившій (т. е. опрокидывавшій) „цѣлыя стѣнки“ и кулакомъ выбивавшій кирпичи изъ печки, о чемъ А. Ровинскій самъ слышалъ отъ очевидца [1]). Слава этого бойца—Трещалы была такъ распространена, что извѣстный поэтъ и баснописецъ Александръ Ефимовичъ Измайловъ [2]) дѣлаетъ его предметомъ своей сказки: „*Кулачные бойцы*“, въ которой разсказываетъ случай изъ похожденій этого Семена Трещалы:

„Въ Москвѣ фабричный былъ Семенъ, силачъ-боецъ
(извѣстный подъ кличкой Трещалы. *Пр. авт.*)
„Заразъ изъ печи изразецъ
„Своею вышибалъ желѣзной пятернею,
„Когда же, на бою являлся предъ стѣною (т. е. стѣной, или
„стѣнкой“—толпы дерущихся... *Прим. автора*)
„Все опрокидывалъ и гналъ передъ собою.
„Страхъ, ужасъ передъ нимъ,
„А клики радости и похвала за нимъ.
„По окончаніи сраженья,
„Героя нашего ведутъ всѣ съ торжествомъ
„Въ питейный домъ
„Для угощенья.

В. Лебедевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Ровинскій, Рус. народн. картинки. Спб. 1900 г., стр. 356, т. 2-й.

[2]) Баснописецъ, критикъ и журналистъ Александръ Ефимовичъ Измайловъ родился въ 1779 году, воспитаніе получилъ въ Горномъ институтѣ, умеръ въ 1831 г. Литературную карьеру началъ романомъ: Евгеній или пагубныя слѣдствія дурного воспитанія и сообщества. 2 части, Спб. 1799—1801 года... Романъ имѣлъ успѣхъ, но впослѣдствіи не понравился цензурѣ, изданій его больше не было, и даже онъ не вошелъ, въ издававшемся А. Смирдинымъ полномъ собраніи соч. русск. авторовъ, въ собраніе соч. Измайлова, 2 тома, Спб. 1849 года.

Смирдинъ въ примѣчаніи, въ концѣ 2 тома, отмѣтилъ по этому поводу:... повѣсть его Евгеній... и т. д. не помѣщена по причинѣ, отъ издателя не зависящей. Теперь книжка эта считается рѣдкой и продается дорого.

Ал. Еф. въ 1809—1810 г. издавалъ жур. „*Цвѣтникъ*“, а съ 1818—1827 г. „*Благонамѣренный*“. Съ 1817 г. принималъ дѣятельное участіе и редактировалъ, издававшійся Н. И. Гречемъ „*Сынъ Отечества*“. Басни его выдержали 8 изданій, съ 1814—1891 г.

Лѣтопись и мысли стараго педагога [1]).

Отчеты были своевременно представлены и сданы командированному изъ Главнаго Управленія чиновнику Авилову. Въ назначенный день воспитатели собрались и поочередно, какъ на исповѣдь, входили къ Авилову, который съ важнымъ видомъ, но любезно, принималъ входившаго, усаживалъ противъ себя и начиналъ бесѣду по поводу представленнаго отчета. Главное недоразумѣніе встрѣчалъ третій вопросъ „продолжается ли подготовительная работа, въ чемъ она заключается и проч.“.

Большинство понимало, что работа эта заключается въ установленіи внѣшнихъ порядковъ, по твердомъ установленіи коихъ возможно будетъ приступить къ планомѣрному развитію всѣхъ способностей дѣтей. Другіе полагали, что подъ подготовительной работой слѣдуетъ разумѣть установленіе желательныхъ отношеній между воспитателями и воспитанниками, безъ чего дальнѣйшая работа невозможна. Авиловъ, повидимому, и самъ неясно представлялъ себѣ, что это такое.

На практикѣ впослѣдствіи мы уразумѣли, что такого раздѣленія сдѣлать нельзя, что дѣятельность воспитателя, во всей совокупности, постоянно будетъ подготовительная, что внѣшніе порядки и взаимныя отношенія идутъ нераздѣльно съ другими задачами педагога.

Первое время дѣйствительно усиленно налегали на внѣшніе порядки, главнымъ образомъ на порядокъ и тишину въ строю. Каждое передвиженіе массы воспитанниковъ въ классы, въ столовую, въ спальню, на прогулки должно было совершаться строевымъ порядкомъ, въ точномъ значеніи этого слова,

[1]) См. „Русская Старина“, т. CLV 1913 г. Іюнь.

т.-е. въ ногу, безъ разговоровъ, съ поворачиваніемъ головы, куда слѣдуетъ, и съ установленнымъ размахиваніемъ рукъ. Многіе были убѣждены, что такая маршировка способствуетъ дисциплинированію дѣтей и въ свободное время.

Нѣкоторые изъ старыхъ воспитателей достигали въ этомъ по истинѣ замѣчательныхъ результатовъ.

Когда раздавался гососъ воспитателя Б. „стройся“, то всѣ воспитанники бѣжали отовсюду, какъ на пожаръ, быстро строились въ двѣ шеренги и по командѣ „смирно“ каменѣли. Воспитатель Б. никуда не сопровождалъ ихъ и, несмотря на его отсутствіе, кадеты ходили образцово. Разъ я видѣлъ, какъ его отдѣленіе возвращалось изъ бани, подъ командой старшаго ученика. Я просто диву дался. Выправка и равненіе были какъ на церемоніальномъ маршѣ.

Дурного въ этомъ конечно не было, и самимъ воспитанникамъ, повидимому, нравилось. Они съ величайшей похвалой говорили о томъ, какой порядокъ у Б. Но достиженіе такого порядка обходилось дорогой цѣной: оно требовало большого напряженія силъ со стороны воспитателя и отнимало много времени и силъ отъ другой, болѣе производительной работы. Сдержанность воспитанниковъ въ свободное время, внѣ строя, немногимъ была выше въ тѣхъ отдѣленіяхъ, гдѣ царилъ образцовый строевой порядокъ, хотя долженъ сказать, что привычка подчиняться командамъ словамъ и къ порядку въ строю оставалась не безъ вліянія на манеру дѣтей держать себя и разговаривать съ старшими. Препятствовала ли военная выправка и требовательность въ этомъ отношеніи сближенію воспитателя съ воспитанниками? Сколько помнится—не препятствовала; и отношенія были разнообразны—хорошія и дурныя, въ силу другихъ причинъ.

Я получилъ въ завѣдываніе одно отдѣленіе второго класса, весьма пестрое по способностямъ и нравственнымъ качествамъ. Первой моей задачей, равно какъ и другихъ молодыхъ воспитателей, было искорененіе лжи, той традиціонной лжи, которая считалась добродѣтельною по отношенію къ начальствующимъ лицамъ. Это была задача не легкая, и успѣхъ былъ крайне шатокъ и переходчивъ. Откровенность со стороны дѣтей достигалась долгимъ временемъ, а мы хотѣли чуть ли не сразу сдѣлать ихъ откровенными, довѣрчивыми, и не мудрено, поэтому, дѣлали много ошибокъ. Довѣріе надо заслужить и нельзя его требовать.

Произошелъ какой-либо безпорядокъ въ классѣ, виновные неизвѣстны. Воспитатель суровымъ или мягкимъ голосомъ спрашиваетъ, кто сдѣлалъ безпорядокъ, обыкновенно отвѣтомъ служило общее молчаніе. Виновный молчитъ, а товарищи не выдадутъ. Вотъ и начинается страданіе воспитателя добиться признанія. Нерѣдко при этомъ имъ руководило оскорбленное самолюбіе: „я, молъ, такъ о нихъ забочусь, а они платятъ мнѣ за мои труды недовѣріемъ, не признаютъ моего авторитета". Начинаются внушенія, распеканія, требованія, угрозы. Сознаніе или искусственно вытянуто или, при безуспѣшности, наказывается все отдѣленіе, или даже весь возрастъ. Виновные торжествуютъ, а невиновные считаютъ себя героями. То же самое относительно учебныхъ занятій: списать задачу, воспользоваться чужой работой, подсказать—словомъ, обмануть преподавателя какимъ бы то ни было способомъ не считалось дурнымъ, и часто мальчикъ съ хорошими задатками, изъ семьи, гдѣ ложь преслѣдовалась, очень скоро подчинялся общему школьному, духу. Больше всего въ этомъ были виноваты мы сами,—воспитатели и преподаватели. Воспитанники очень скоро убѣждались, особенно на урокахъ, какъ невыгодно быть откровеннымъ и какъ легко за это получить единицу.

Молодые воспитатели принялись за это дѣло энергически безпрестанно бесѣдовали на эту тему, прибѣгали къ печатному слову, подбирали подходящіе разсказы. Значительно ослабляли наказаніе или совсѣмъ отмѣняли его, если получали прямое сознаніе въ проступкѣ. Такой пріемъ привелъ однако къ тому, что воспитанники выражали удивленіе и даже неудовольствіе, когда, несмотря на сознаніе, виновный подвергался хотя бы незначительному наказанію. Воспитанники видѣли въ своемъ сознаніи заслугу, а не обязанность честнаго человѣка, а намъ все еще казалось необходимымъ, чтобы за проступкомъ слѣдовало какое-нибудь наказаніе.

Пробовали при нѣкоторыхъ проступкахъ поручать самимъ воспитанникамъ разобрать дѣло и назначить виновному наказаніе. Это очень нравилось имъ. Они обыкновенно выбирали два—три человѣка изъ своей среды „судей", какъ они ихъ называли. Наказаніе ими назначалось почти всегда строже, чѣмъ какое могло послѣдовать съ нашей стороны. Частыя примѣненія такихъ обращеній къ воспитанникамъ послужили однажды поводомъ, что они были недовольны и ворчали, когда воспитатель самъ налагалъ наказаніе, хотя, по ихъ мнѣнію, справедливое. Предлагали мы иногда самому виновному на-

значить себѣ наказаніе, но обыкновенно виновный отказывался отъ этого: „нѣтъ, вы уже лучше сами накажите меня, какъ знаете“.

Стараніе воспитателей разъяснить смыслъ и необходимость разныхъ требованій и порядковъ, принятыхъ въ заведеніи, переходило иногда въ крайности. Въ возрастныхъ комитетахъ по поводу разныхъ нарушеній читались цѣлые трактаты. Изъ нихъ помню трактаты: о грубомъ отношеніи къ дядькамъ, о порядкѣ на гимнастикѣ, о важности ея значенія для кадетъ, какъ будущихъ военныхъ людей, о повиновеніи столь необходимомъ въ военномъ быту, о необходимой опрятности и содержаніи рукъ въ чистотѣ и проч. Трактаты эти, написанные прекраснымъ, доступнымъ для дѣтей языкомъ, производили нѣкоторое впечатлѣніе, но привели къ тому, что каждое мелочное измѣненіе въ порядкахъ вызывало безконечные разговоры и споры воспитателей съ воспитанниками. Старые воспитатели рѣшительно возстали противъ многоглаголанія. Директоръ былъ на ихъ сторонѣ, и мы мало-по-малу умолкли.

Къ религіозной сторонѣ нашихъ питомцевъ воспитатели относились неодинаково. Одни совершенно довольствовались хорошимъ стояніемъ въ церкви и на молитвѣ, хорошими отмѣтками изъ катехизиса и знаками уваженія къ законоучителю. Другіе находили, что хотя дѣти и проникнуты большимъ уваженіемъ къ религіи, но въ религіозности ихъ мало сердечнаго элемента, они дѣйствительно смотрѣли на религію, какъ на нѣчто недостижимо-высокое, но любви, на которой она зиждется и отъ которой бываетъ такъ тепло въ этомъ возрастѣ, въ нихъ нѣтъ, или по крайней мѣрѣ чрезвычайно трудно пробудить ее. Ученіе Христа не проникало въ обиходъ ихъ жизни. Быть можетъ, общественное воспитаніе черствило эти чувства и питало свойственный дѣтямъ эгоизмъ.

Возбудить въ нихъ доброе чувство къ людямъ можно было только при разговорѣ о семьяхъ ихъ. По отношенію къ постороннимъ это чувство при разговорахъ было тупо. Должно однако жъ сказать, что иногда состраданіе ярко проявлялось на дѣлѣ. Они охотно отдавали свои порціи хлѣба дядькамъ, у которыхъ было много дѣтей, охотно давали изъ своихъ денегъ на помощь извѣстнымъ имъ бѣднякамъ. Помню, разъ я гулялъ съ ними и расположился за городомъ на откосѣ желѣзнодорожной насыпи. Какой-то старикъ хотѣлъ перейти полотно желѣзной дороги, но въ это время пробѣгавшій вагонъ задѣлъ его, и онъ безъ чувствъ упалъ на полотно. Дѣти заботливо подняли

его, укрыли своими шинелями и отнесли въ расположенный по близости госпиталь. Долго они, помню, толковали объ этомъ.

Быть можетъ, наши желанія въ этомъ отношеніи были неумѣренны и мы плохо понимали дѣтскую натуру, а, можетъ быть, дѣти въ этомъ отношеніи не очень отличались отъ взрослыхъ людей.

Удалось намъ однако же вызвать въ нихъ желаніе и обычай, кромѣ обязательной общей вечерней молитвы, молиться добровольно, въ одиночку, у своихъ постелей, и почти всѣ воспитанники завели образки, которые вѣшали на штыри своихъ кроватей. Вѣроятно, прежде этотъ обычай существовалъ, но въ наше время былъ забытъ и вызывалъ чуть ли не насмѣшки. Научили ли мы дѣтей молиться? Едва-ли—мы сами не умѣли.

Въ учебныхъ занятіяхъ въ младшемъ возрастѣ воспитатели принимали большое участіе на вечернихъ приготовительныхъ урокахъ, почти каждый мальчикъ провѣрялся, и ученики сами безпрестанно подходили съ просьбой спросить ихъ. Въ классахъ воспитатель присутствовалъ на большей части уроковъ, въ особенности у тѣхъ преподавателей, у которыхъ порядокъ былъ слабъ. Были воспитатели, которые сами плохо знали иностранные языки, нѣкоторые изъ нихъ стали учиться въ классѣ, наравнѣ съ учениками. Также исполняли одновременно съ ними заданный урокъ, случалось даже—обращались за помощью къ лучшимъ ученикамъ. Преподаватели имъ задавали вопросы въ классѣ. Результатъ выходилъ поразительный, въ воспитанникахъ явилось такое соревнованіе, что преподаватель не могъ нахвалиться ихъ успѣхами.

Въ 1865 году воспитанники мои перешли въ третій классъ.

Въ это время послѣдовало распоряженіе Главнаго Управленія уменьшить численный составъ военныхъ гимназій до 300 человѣкъ, а потому предстояло часть воспитанниковъ изъ нашей гимназіи распредѣлить по другимъ заведеніямъ. Опасаясь, чтобы выборъ не палъ на мое отдѣленіе, такъ какъ приказано было не разбивать при переходѣ классное отдѣленіе, я обратился къ директору съ просьбой, чтобы онъ не трогалъ моего отдѣленія, къ которому я привыкъ и видѣлъ уже нѣкоторые результаты своей работы. Директоръ охотно согласился на мою просьбу. Было выбрано другое отдѣленіе, кажется, четвертаго класса. Ихъ перевели въ гимназію графа Аракчеева, гдѣ, какъ послѣ стало извѣстно, они имѣли плохую репутацію и немногіе изъ нихъ окончили курсъ.

Второй годъ мнѣ хорошо жилось съ моимъ отдѣленіемъ. Я оказывалъ имъ довѣріе, и они дорожили имъ и ни разу,—сколько мнѣ извѣстно,—не злоупотребляли имъ. Случаевъ лжи по отношенію ко мнѣ почти не было: они стали откровенно разсказывать про свои промахи и неудачи. Такой же характеръ приняли отношенія и у нѣкоторыхъ другихъ воспитателей. Насъ нѣкоторое время стѣсняла склонность нашихъ воспитанниковъ пускаться въ разсужденія и оцѣнку преподавателей и начальства. Потомъ мы допускали эти разговоры и требовали только, чтобы воспитанники прежде говорили о насъ, присутствующихъ, и незамѣтно сводили на разборъ качествъ ихъ товарищей воспитанниковъ.

Обыкновенно дѣти добродушно относились къ строгимъ воспитателямъ, но возмущались на тѣхъ, которые, по ихъ понятію, дѣлали несправедливости. Приходилось доказывать имъ, что безошибочной справедливости среди людей не существуетъ, несмотря иногда на все желаніе быть справедливымъ, что они могутъ видѣть и изъ взаимныхъ товарищескихъ отношеній.

Съ начала курса 1867/68 г. я долженъ былъ разстаться съ своимъ отдѣленіемъ. Начальство нашло нужнымъ дать мнѣ отдѣленіе 5 класса въ старшемъ возрастѣ. Приходилось вновь устанавливать отношенія къ незнакомымъ мнѣ юношамъ семнадцати и даже девятнадцатилѣтняго возраста, сидѣвшимъ, по два и по три года въ одномъ классѣ. Это было гораздо труднѣе, чѣмъ съ дѣтьми во второмъ классѣ. Борьба съ традиціонной ложью была почти невозможна. Попытки мои разъяснить что-либо цѣлому отдѣленію не приводили ни къ какому благому результату. Очевидно, юноши хорошо знали всю эту азбуку, цѣны ей не придавали, а спорили и не соглашались только изъ желанія раздражить меня.

Половые инстинкты были очень развиты и неудовлетвореніе ихъ приводило нѣкоторыхъ въ такое возбужденное состояніе, что никакіе резоны не дѣйствовали и приходилось иногда сквозь пальцы смотрѣть на ихъ похожденія внѣ стѣнъ заведенія.

Массовыхъ безпорядковъ въ заведеніи тогда не было. По крайней мѣрѣ, я не помню за всѣ пять лѣтъ моей въ немъ службы, но отдѣльныя грубыя и даже дерзкія выходки случались довольно часто. Иногда онѣ носили упорный характеръ и не заключали въ себѣ обыкновеннаго дѣтскаго легкомыслія.

Отношенія мои къ воспитанникамъ моего отдѣленія да и ко всей массѣ возраста стали иныя. Того благодушнаго настрое-

нія, какое было въ младшемъ возрастѣ, гдѣ мое появленіе встрѣчалось привѣтливо и даже радостно, здѣсь быть не могло.

Мнѣ пришлось принять суровый видъ, я мало разговаривалъ, былъ кратокъ въ отдачѣ приказаній и не допускалъ ни малѣйшей фамильярности. Къ проступкамъ относился строго, самъ наказаній не налагалъ, а передавалъ ихъ на обсужденіе возрастнаго комитета.

Я пришелъ къ убѣжденію, что воспитатель больше всего воспитываетъ, когда меньше всего объ этомъ думаетъ. Самыя блестящія краснорѣчивыя слова и доказательства, а равно и суровыя взысканія имѣютъ меньше значенія, чѣмъ поступки, слова, движенія и мнѣнія, высказанные не прямо по отношенію къ воспитанникамъ, но тогда, когда воспитатель думаетъ, что его воспитанники не видятъ. Словомъ, все, что обнаруживаетъ воспитатель, когда онъ не въ роли воспитателя, производитъ гораздо больше впечатлѣнія и вызываетъ подражаніе. Зная, что питомцы мои настолько уже искушены жизнью, что легко подмѣтятъ мой малѣйшій промахъ, я сталъ зорко слѣдить за собой и, такъ сказать, перевоспитывать себя.

Моя невозмутимость, спокойствіе и видимое къ нимъ равнодушіе и сдержанность начали ихъ интересовать, и они какъ будто стали искать сближенія. Были такіе субъекты, что при всякомъ вниманіи и заботѣ о нихъ становились хуже настроенными, прекращали учебныя занятія и настойчиво нарушали всякіе порядки. Мнѣ казалось лучшимъ оставить такого въ покоѣ и намѣренно, якобы, не обращать на него вниманія. Субъектъ понемногу успокаивался и у него являлось даже чувство обиды, что онъ пересталъ играть роль передъ классомъ, тогда онъ перемѣнялъ тактику, начиналъ держаться примѣрно въ продолженіе нѣкотораго времени, а потомъ неожиданно выкидывалъ что-либо невозможное. Нѣсколько разъ я попадался въ такой просакъ.

Но вотъ произошелъ инцидентъ: воспитанникъ И. сдѣлалъ крупную дерзость учителю, былъ посаженъ въ карцеръ, и комитетъ приговорилъ его къ увольненію на попеченіе родителей. И. былъ въ сущности симпатиченъ, но онъ имѣлъ невыносимый характеръ, ссорился часто съ товарищами и обладалъ несчастнымъ лицомъ, съ котораго не сходила не то простодушная, не то саркастическая улыбка. Это выраженіе лица нѣкоторыхъ приводило въ негодованіе. Его бранятъ, или объясняютъ ему что-либо, а онъ все неопредѣленно улыбается, какъ будто насмѣхается.

На другой день я получаю отъ него письмо, трогательное и полное раскаянія, гдѣ онъ пишетъ, что главная его вина, какъ онъ самъ чувствуетъ, заключается въ томъ, что онъ не можетъ заставить себя не улыбаться, приходитъ въ отчаяніе, что убьетъ своего отца, если его исключатъ, проситъ, чтобы я заступился за него, даетъ слово, что ничего подобнаго впередъ не будетъ, и онъ исправится, въ заключеніе умоляетъ меня придти къ нему въ карцеръ и хотя немного своимъ разговоромъ успокоить его отчаяніе. Я былъ у него въ карцерѣ, мы долго говорили, и этотъ неукротимый юноша плакалъ, какъ ребенокъ. Отъ него я прямо пошелъ къ директору, разсказалъ ему всѣ подробности, и И. былъ спасенъ. Онъ совершенно измѣнился. Обладая малыми способностями и запустивъ прежніе уроки, онъ употребилъ неимовѣрныя усилія, чтобы догнать классъ, и успѣлъ въ этомъ. Инцидентъ этотъ сразу измѣнилъ отношенія ко мнѣ моихъ питомцевъ, и коноводы совсѣмъ стушевались.

Во второй половинѣ курса директоръ предложилъ мнѣ взять на себя преподаваніе какого-либо учебнаго предмета, что входило въ тогдашія соображенія начальства привлекать воспитателей къ преподаванію. Я избралъ физику и охотно, даже съ увлеченіемъ, принялся за это дѣло, вносившее нѣкоторое разнообразіе и новый интересъ въ мою воспитательную дѣятельность. Долженъ сознаться, что на первыхъ порахъ результаты были не важные. Мнѣ пришлось преподавать въ шестомъ классѣ (выпускномъ). Взрослые уже юноши, въ которыхъ однако же было много дѣтства, начали по обыкновенію испытывать меня и вышучивать. Не могу воздержаться, чтобы не упомянуть о нѣсколькихъ выходкахъ смѣшныхъ, но не безынтересныхъ. Разъ прихожу въ классъ, сажусь за каѳедру и вызываю воспитанника М. Онъ поднимается со скамейки, въ уморительной маскѣ, изображающей обезьяну. Отъ неожиданности я оторопѣлъ. Ученики пристально смотрятъ на меня. Оправившись, я спокойно говорю: „идите къ доскѣ“, М. снимаетъ маску и направляется къ доскѣ. „Нѣтъ, говорю ему, идите въ маскѣ“, и настоялъ, чтобы онъ вышелъ въ ней. Когда онъ сталъ у доски, то видъ его былъ до такой степени смѣшонъ, что и я, и весь классъ покатились со смѣху, который продолжался, пока я не позволилъ снять маску.

Въ другой разъ я въ физическомъ кабинетѣ объяснялъ урокъ, чертя на доскѣ рисунки приборовъ. Раздается звукъ игрушечной духовой гармоники и разъ, и два, и три. Не обо-

рачиваясь къ классу и продолжая чертить, я говорю: „прошу положить гармонику ко мнѣ на столъ, я не буду видѣть, кто положилъ“. Прошло нѣсколько секундъ, я обернулся, гармоника лежала на столѣ и оставалась тамъ во все время урока. По окончаніи его, я взялъ гармонику, поигралъ на ней и предложилъ владѣльцу получить ее обратно. Вышелъ юноша чуть не съ бородой съ простодушнымъ, глуповатымъ лицомъ и просилъ меня убѣдительно оставить гармонику у себя.

Черезъ нѣсколько дней вхожу въ классъ. На доскѣ нарисована моя физіономія въ карикатурномъ видѣ. Я хладнокровно подхожу къ доскѣ и начинаю поправлять рисунокъ, подозвалъ одного ученика, хорошаго рисовальщика, чтобы помогъ мнѣ, за нимъ подошли другіе и сообща начали поправлять. Явился и самъ авторъ, котораго я попросилъ нарисовать мнѣ на память мой портретъ, но только не карикатурный. Черезъ нѣсколько дней онъ доставилъ мнѣ очень недурной рисунокъ, который я долго берегъ.

Къ концу года стали серьезнѣе заниматься, и экзаменъ прошелъ совсѣмъ удовлетворительно.

Въ началѣ 1868/69 г. я получилъ опять новое отдѣленіе, пятаго класса—тожѣ сборное, въ которое вошли частью и мои бывшіе воспитанники второго класса.

Отдѣленіе это произвело на меня вначалѣ хорошее впечатлѣніе и всѣ данныя были, что оно пойдетъ хорошо. Маленькій составъ (18 человѣкъ), довольно ровный, хотя и не высокій по развитію и способностямъ. Часть изъ нихъ была мнѣ раньше знакома. Все это породило во мнѣ самыя радужныя надежды, но результатъ вышелъ самый неожиданный и самый неудовлетворительный. Сначала дѣло пошло какъ будто недурно: всѣ усиленно принялись за работу, къ порядкамъ заведенія отнеслись внимательно, грубыхъ выходокъ и крупныхъ шалостей не было. Безнравственныхъ проступковъ не замѣчалось, мальчики были вѣжливые, опрятные, исполнительные. Вообще отдѣленіе не имѣло крупныхъ недостатковъ, но и не отличалось добродѣтелями. Оно вышло, если можно такъ выразиться—безцвѣтное, съ качествами тепличнаго свойства.

Извѣстно, что совокупность мелкихъ, повидимому, ничтожныхъ обстоятельствъ счастливо сгруппировавшихся въ извѣстномъ направленіи, приводитъ къ значительнымъ результатамъ, и я сталъ искать этихъ ничтожныхъ обстоятельствъ, выпадавшихъ на мое отдѣленіе. Пристально всматриваясь въ ежедневный обиходъ его жизни, я увидѣлъ, что пассивность и отсут-

ствіе всякой энергіи выражались главнымъ образомъ въ учебныхъ занятіяхъ, и хотя неудовлетворительныхъ отмѣтокъ въ классномъ журналѣ было немного, но тѣмъ не менѣе у значительнаго большинства воспитанниковъ не было ни малѣйшаго интереса къ дѣлу, ни тѣни любознательности. Ученіе, видимо, было для нихъ тяжелымъ и непріятнымъ трудомъ. Казалось, что всѣ свои способности они изощряли на то, чтобы какъ нибудь отдѣлаться отъ труда, выѣхать на авось. Переписать работу у товарища, отвѣчать на подсказахъ, считалось дѣломъ самымъ обыкновеннымъ и непредосудительнымъ. Нерѣдко приходилось замѣчать въ классѣ совсѣмъ заснувшаго ученика. Не говоря объ учебныхъ занятіяхъ, всякая сколько-нибудь серьезная книга возбуждала въ нихъ отвращеніе. Не разъ воспитатели предлагали имъ прочесть что-либо изъ путешествія или исторіи, и каждый разъ предложенія встрѣчались недружелюбно. Когда приходилось толковать объ этомъ съ воспитанниками и выражать свое крайнее удивленіе по поводу ихъ нелюбознательности, то отвѣты были приблизительно одинаковы, что мы напрасно упрекаемъ ихъ въ этомъ, что во всѣхъ классахъ существуетъ то же самое и нигдѣ нѣтъ такой любознательности, какую мы желаемъ въ нихъ видѣть. Они какъ будто не допускали возможности интересоваться наукой или любить трудъ больше, чѣмъ они. На замѣчаніе, что плохо готовятъ уроки, отвѣтъ былъ всегда одинъ и тотъ же—недостатокъ времени и несоразмѣрность съ нимъ задаваемыхъ уроковъ. Когда имъ указывали, что въ классической гимназіи, какъ и имъ извѣстно, есть не мало учениковъ, которые не только успѣваютъ приготовить свои уроки, но и давать ихъ другимъ и такимъ образомъ зарабатывать деньги, чтобы поддерживать себя, а иногда и родителей, то они относились скептически и указывали, что тамъ нѣтъ другихъ внѣклассныхъ занятій и что не живущіе въ интернатѣ могутъ ложиться спать, когда сами того захотятъ.

Непониманіе дѣйствительной нужды жизни было, разумѣется, непзбѣжнымъ недостаткомъ закрытаго заведенія. Практическое и наглядное доказательство пользы ученія, въ видахъ матеріальныхъ выгодъ, не имѣло для нихъ той силы, какую имѣютъ ученики открытыхъ заведеній. Поучительные же разговоры или исторіи изъ книжекъ на эту тему, конечно, не имѣли и десятой доли того значенія, какъ опытъ личный или товарища. Между тѣмъ воспитанники, сколько я могъ замѣтить, инстинктивно ищутъ именно такого рода доказательствъ въ пользу ученія.

Одна изъ обыкновенныхъ темъ разговора, на которую охотно идутъ воспитанники, это—польза отъ занятія того или другого предмета. Изъ этихъ разговоровъ всякому легко было убѣдиться, что мѣриломъ для цѣнности и важности учебныхъ предметовъ ученики ставятъ практическую пользу, какую можно извлечь изъ нихъ въ дѣйствительной жизни. Не разъ приходилось слышать вопросъ: „что важнѣе—математика или нѣмецкій языкъ?“ „Зачѣмъ насъ учатъ рисованію, танцамъ, пѣнію, къ чему знать то-то и то-то“. Попреки такой утилитарности были, конечно, продуктами вѣка (Спенсеръ), но для учащейся молодежи были желательны и рекомендовались нами другіе стимулы: любовь къ труду ради труда, любовь къ знанію ради знанія, удовольствіе и доброе расположеніе духа отъ хорошаго и добросовѣстнаго исполненія дѣла, пріятное сознаніе собственной силы отъ преодолѣнія трудностей. Но къ несчастію многіе ли изъ насъ, взрослыхъ, такъ относятся къ труду? Для полученія хорошихъ результатовъ въ этомъ смыслѣ нужно очень многое. Главное нужно собственно принести [1]) терпѣніе и медленность хода. Между тѣмъ всѣ наши мѣры носили характеръ и спѣшности, и желанія быстрыхъ результатовъ. Очень винить насъ, воспитателей, въ этомъ, я думаю, нельзя было. Получая мальчиковъ часто на годъ, на два, каждый воспитатель, сколько я могъ замѣтить, ограничивался заботами о томъ, чтобы было поменьше шалостей, записей, дурныхъ отмѣтокъ и запросовъ контролирующей власти. Многіе думали, что чѣмъ скорѣе одисциплинируется отдѣленіе, тѣмъ спокойнѣе для всѣхъ, но при этомъ не принимали часто въ расчетъ, какою цѣною куплена дисциплина и что кратчайшій путь не всегда самый лучшій. Не обладая терпѣніемъ, мы не могли похвалиться вообще практическимъ умѣньемъ вести дѣло, опираясь исключительно на любовь, или привычку къ труду. Мы не довѣряли себѣ и боялись остаться безпомощными, отказались отъ существовавшихъ способовъ развитія трудоспособности, воли и вообще душевныхъ качествъ и явиться какъ бы несостоятельными какъ въ собственныхъ, такъ и въ чужихъ глазахъ.

Такимъ образомъ, властныя велѣнія практической жизни приводили насъ къ нераціональнымъ, но освященнымъ давностью пріемамъ, дающимъ хотя какіе-либо результаты.

Таковы были мои размышленія по поводу своей неудачи. Но кромѣ общихъ неблагопріятныхъ условій, были и частныя,

[1]) Никто не можетъ дать того, чего самъ не имѣетъ.

касавшіяся моего отдѣленія. Въ немъ находились два воспитанника Б. и Т., которые съ самаго начала курса уже поставили себѣ задачами выйти въ юнкера. Будучи очень уже взрослыми, они тяготились режимомъ закрытаго заведенія, рѣшительно не желая оставаться въ немъ и, помимо желанія своихъ родителей, хотѣли скорѣе достигнуть этого. Бросивъ совершенно заниматься уроками, они имѣли много свободнаго времени и своими шалостями, смѣхомъ, разсказами о прелестяхъ свободной юнкерской жизни, мѣшали другимъ и оказывали крайне дурное вліяніе если не на все отдѣленіе, то на болѣе лѣнивыхъ, мало развитыхъ и слабохарактерныхъ. Весьма скоро этому вліяніе подчинились еще трое, С., А. и Е. и примирились съ мыслью быть выпущенными въ юнкера.

Вмѣстѣ съ такими мыслями обыкновенно являлось убѣжденіе, что нѣтъ надобности заниматься всѣми предметами, что, напримѣръ, иностранные языки совсѣмъ уже безполезны, а по другимъ предметамъ объемъ ихъ знанія достаточенъ для юнкерства. Нужно сказать, что улучшившійся въ то время бытъ юнкеровъ и учрежденіе окружныхъ юнкерскихъ училищъ не устрашалъ ихъ со стороны физическаго труда и лишеній. Разсказы юнкеровъ изъ бывшихъ товарищей располагали ихъ воображеніе къ жизни свободной, съ легкимъ доступомъ къ чувственнымъ наслажденіямъ. Иногда намъ удавалось въ разговорахъ представить имъ темную сторону манившей ихъ жизни и заставить задуматься, но впечатлѣніе оставалось недолго, и порывы ихъ заняться дѣломъ исчезали при первомъ же столкновеніи съ трудомъ.

Они требовали почти безотлучнаго моего пребыванія въ отдѣленіи; при мнѣ они сдерживались, но потомъ вознаграждали себя за нѣсколько часовъ вынужденной сдержанности. Они же занесли въ отдѣленіе и сѣмена безнравственности.

Всѣ мои убѣжденія и доказательства предъ директоромъ, что для спасенія остальныхъ надо скорѣе удовлетворить ихъ желанія и выпустить въ юнкера, оставались безплодными, и только послѣ Рождества мнѣ удалось убѣдить родныхъ этихъ юношей взять ихъ изъ заведенія и тѣмъ устранить ихъ зловредное вліяніе на товарищей.

Хотя составъ отдѣленія былъ довольно ровенъ по способностямъ, но надо прибавить, что онъ былъ не высокъ. Лучшіе ученики, не исключая и перваго М., имѣли нерѣдко неудовлетворительныя отмѣтки. Хорошаго отвѣта и основательныхъ знаній ученики не слышали въ классѣ и не имѣли, такъ сказать,

образца, къ которому могли бы стремиться. Слабые отвѣты первыхъ учениковъ поселяли въ остальныхъ какое-то спокойствіе относительно себя. „Если первые ученики знаютъ плохо,—говорили они,—то что же удивительнаго, что мы не знаемъ и не понимаемъ того же?“ Подъ конецъ явилось у нихъ убѣжденіе, что въ ихъ отдѣленіи собраны всѣ малоспособные и гдѣ ужъ тутъ гнаться за такими знаніями, какъ въ параллельномъ отдѣленіи.

Вслѣдствіе дѣйствительно существовавшей несоразмѣрности времени съ количествомъ задаваемыхъ уроковъ, неизбѣжно явилась недобросовѣстность въ занятіяхъ. И на замѣчанія, что безполезно и не честно пользоваться чужимъ трудомъ, выдавая его за свой, обыкновенно получали отвѣты: „вы видѣли, что я работалъ полтора часа надъ такимъ-то предметомъ, мнѣ осталось еще два или три. Я не успѣю справиться и получу дурной баллъ, за который вы же сдѣлаете мнѣ выговоръ или накажете“.

Вслѣдъ за вынужденной недобросовѣстностью является уже соблазнъ сдѣлать то же самое и тогда, когда не было въ этомъ надобности, тѣмъ болѣе, что недобросовѣстность часто проходила незамѣченной, а собственный несовсѣмъ удачный трудъ подвергался слишкомъ строгой оцѣнкѣ. Это дѣйствовало разслабляющимъ образомъ и поселяло недоброжелательность къ труду. Надо прибавить, что ученикъ получалъ иногда дурной баллъ не за то, что не зналъ заданнаго урока, а за забвеніе давно прошедшаго (такъ требовала теорія). Полученіе хорошей отмѣтки стали приписывать случайности и счастью, и зарождалось какое-то нехорошее развращающее чувство и уже, конечно, не являлись безкорыстная любовь къ труду и жажда знаній.

Устранить или парализовать вліяніе этихъ неблагопріятныхъ условій, неизбѣжныхъ при воспитаніи массы и при существованіи балльной системы, очень трудно и даже совсѣмъ невозможно.

Я предложилъ, между прочимъ, одному преподавателю нѣмецкаго языка, особенно щедрому на дурныя отмѣтки, не задавать число строкъ для перевода, а позволить ученикамъ представить ему сколько кто успѣетъ сдѣлать, но подъ условіемъ—работать самому, въ продолженіе опредѣленнаго времени. Ученики должны были одновременно приняться за переводъ подъ наблюденіемъ воспитателя и кончить его также одновременно. Результатъ былъ, по моему мнѣнію, весьма недуренъ, но пре-

подаватель не выдержалъ его до конца, опасаясь не выполнить программу.

Ко всѣмъ этимъ причинамъ неуспѣшности учебныхъ занятій въ моемъ отдѣленіи я долженъ присоединить еще, что, обманутый первымъ впечатлѣніемъ на меня моего новаго отдѣленія, я недостаточно принималъ участія въ ихъ учебныхъ занятіяхъ, исходя изъ той мысли, что усиленная помощь въ учебныхъ и другихъ обыденныхъ дѣлахъ для юношей этого возраста не должна быть въ такомъ размѣрѣ, какъ въ маленькихъ классахъ и можетъ повредить въ развитіи ихъ самостоятельности въ трудѣ и породить нежелательную привычку разсчитывать на чужую помощь. Думаю, что я вдался въ крайность.

Въ 1869 году воспитанники съ грѣхомъ пополамъ перешли въ 6 классъ, гдѣ и слились съ другимъ отдѣленіемъ этого класса. Я остался съ ними. Въ это время въ старшемъ возрастѣ сгруппировались воспитатели новой формаціи, изъ старыхъ были одинъ или два; послѣдніе все еще будировали, но новое теченіе было уже настолько сильно, что они не могли плыть противъ него.

Всѣ мы признали, что первой нашей заботой долженъ быть подъемъ любознательности въ юношахъ. Они мало читали и общее чтеніе совсѣмъ не удавалось, и мы попробовали привлечь вниманіе нашихъ питомцевъ живою рѣчью, устными сообщеніями и разсказами. Каждый избралъ какую-либо спеціальность, съ которою былъ болѣе знакомъ. На мою долю, помню, пришлось разсказывать: „о добываніи и значеніи драгоцѣнныхъ металловъ, о месмеризмѣ, послѣдовательномъ ходѣ научныхъ открытій въ природѣ, начиная съ древнѣйшихъ временъ“. Разсказывалъ имъ о своихъ впечатлѣніяхъ при путешествіи на Уралъ и за границу. Въ праздники производились физическіе опыты учениками старшаго класса: дѣлали опредѣленіе удѣльнаго вѣса тѣлъ, измѣреніе объемовъ, разложеніе воды, добывали нѣкоторые газы, производили опыты на электрическихъ, гальваническихъ приборахъ и на Атвудовой машинѣ.

Во время продолжительныхъ праздниковъ занимались фотографіей и гальванопластикой.

Другіе воспитатели взяли на себя историческіе и этнографическіе разсказы, чему способствовала бывшая тогда этнографическая выставка въ Москвѣ. Предприняты были нѣкоторыя экскурсіи на заводы съ предварительнымъ, очень интереснымъ разсказомъ одного преподавателя, какую службу несутъ для человѣчества разныя силы природы. Въ это же время посту-

пилъ въ заведеніе въ качествѣ учителя пѣнія Пасхаловъ, большой пьяница, но безспорно талантливый авторъ многихъ романсовъ. Онъ возбуждалъ большой интересъ къ своему искусству и устраивалъ въ свободное время хоръ. Когда мы увидѣли, что въ воспитанникахъ получался уже нѣкоторый интересъ къ знанію, мы подняли серьезный вопросъ объ организаціи чтенія.

Вопросу этому посвящено было нѣсколько педагогическихъ засѣданій, и выработаны были программы какъ для одиночнаго чтенія, такъ и для общаго. Каждый воспитатель имѣлъ литографированный списокъ книгъ и статей для прочтенія въ извѣстный періодъ, составленный по соглашенію съ преподавателями, которые обѣщали принять участіе въ чтеніи и въ провѣркѣ прочитаннаго. Было бы долго разсказывать всѣ фазисы этого дѣла, могу только сказать, что нѣкоторые воспитанники такъ пристрастились къ чтенію, что предавались ему въ ущербъ класснымъ занятіямъ и даже своему физическому развитію, уклоняясь отъ внѣклассныхъ занятій.

Тѣлесныя упражденія не были въ то время въ большомъ почетѣ. Гимнастика, съ ея строгимъ строевымъ порядкомъ, возбуждала враждебныя чувства у воспитанниковъ, она утомляла не менѣе, чѣмъ классные уроки, и проступки противъ порядка и препирательства случались чаще всего во время гимнастическихъ занятій. Свободнымъ играмъ предавались охотно въ среднемъ и младшемъ возрастѣ. Въ старшемъ возрастѣ воспитанники въ свободное время, большею частью, вяло и солидно ходили по аллеямъ. Танцовальные уроки были довольно оживленные, благодаря свойствамъ учителя и танцовальнымъ вечерамъ, которые устраивались иногда на праздникахъ. Строевыя занятія производились въ каждомъ возрастѣ по расписанію, но, несмотря на строгія требованія тишины и выправки, заключали въ себѣ мало военнаго. Помню, какъ пріѣхалъ однажды военный министръ Д. А. Милютинъ. Онъ обходилъ классы, во многихъ задавалъ вопросы. Въ моемъ отдѣленіи не было преподавателя, и я замѣнялъ его; „чѣмъ же вы съ ними занимаетесь?“ спросилъ Д. А. и сѣлъ на скамейку и долго слушалъ, какъ заполняютъ свободные уроки воспитатели. Потомъ онъ вышелъ въ рекреаціонный залъ, гдѣ производилось ученье съ ружьями.

Воспитанники при входѣ военнаго министра взяли по командѣ на караулъ, и когда Д. А. съ ними поздоровался, то отвѣтили: „здравія желаемъ“ и въ то же время любезно поклонились ему по правиламъ танцовальнаго учителя.

Д. А. едва сдерживалъ улыбку и былъ нѣсколько смущенъ, равно какъ и дежурный воспитатель.

Надо замѣтить, что гражданскихъ воспитателей въ старшемъ возрастѣ не было, да и въ другихъ возрастахъ они почти перевелись. Окончившіе курсъ въ духовной академіи почти всѣ перешли на преподавательскія мѣста.

Въ то время, какъ мы вели мелочную и кропотливую работу, не всегда благодарную по своимъ результатамъ, въ С.-Петербургѣ, при Главномъ Управленіи в.-у. з. шла дѣятельная работа по установленію общихъ принциповъ воспитанія и обученія. Отчеты воспитателей, журналы педагогическихъ комитетовъ, доставляемые въ Главное Управленіе, давали обильный матеріалъ для установленія разныхъ общихъ порядковъ. Они часто печатались въ „Педагогическомъ Сборникѣ“, тогда основанномъ, и читались съ интересомъ.

Циркуляры Главнаго Управленія по педагогическимъ вопросамъ касались самыхъ мелочныхъ вопросовъ режима и разнообразныхъ случаевъ практической жизни заведенія; такимъ образомъ они имѣли реальную основу и хотя временами были теоретичны и не всегда примѣнимы, но давали общій тонъ и направленіе, что̀ при новизнѣ дѣла было не безполезно.

Н. А. Якубовичъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ воспоминаній стараго врача А. А. Синицына [1]).

Мѣры, принимаемыя нами противъ эпидемій, были не болѣе какъ палліативы, да и то крайне недостаточные. Но что же дѣлать? Для чего-нибудь большаго у насъ не было средствъ. Велико было уже то, что населеніе видѣло, что оно не брошено совершенно на произволъ судьбы, и что земство старается что-нибудь сдѣлать для облегченія его горя.

Въ виду все болѣе возрастающаго недостатка въ фельдшерахъ, управа разрѣшила мнѣ взять въ больницу нѣсколько крестьянскихъ мальчиковъ, изъ числа грамотныхъ, и приготовить ихъ для занятія фельдшерскихъ вакансій. Изъ представленныхъ мнѣ юношей я выбралъ пять человѣкъ, оказавшихся наиболѣе способными. Они были помѣщены при больницѣ на содержаніе отъ земства; утромъ они участвовали вмѣстѣ съ врачами въ обходѣ больныхъ, гдѣ и пріучились къ распознаванію болѣзней и къ перевязкамъ, послѣ обѣда занимались приготовленіемъ лѣкарствъ подъ руководствомъ стараго фельдшера Моргунова, человѣка знающаго и очень добросовѣстнаго, а вечеромъ три раза въ недѣлю я читалъ имъ краткія лекціи по

[1]). См. „Русская Старина“, іюнь 1913 г.

анатоміи съ объясненіемъ физіологическаго отправленія органовъ, по терапіи и хирургіи, насколько это было необходимо для нихъ, и знакомилъ ихъ съ сифилисомъ.

Черезъ два года четверо изъ нихъ оказались достаточно подготовленными къ исполненію фельдшерскихъ обязанностей, и двое назначены были на фельдшерскіе пункты, а двое оставлены при городской больницѣ. Эти послѣдніе по временамъ командировывались въ пораженныя эпидеміями деревни для наблюденія за исполненіемъ врачебныхъ предписаній. Такой порядокъ приготовленія фельдшеровъ для земской службы существовалъ довольно долго и впослѣдствіи.

На этомъ пока и закончилась на первыхъ порахъ организація земско-медицинской помощи, организація, конечно, крайне недостаточная, даже бѣдная, но важно было положить начало этому необходимому дѣлу.

Самымъ существеннымъ недостаткомъ такого порядка вещей было то, что большая часть больныхъ находилась почти исключительно въ рукахъ фельдшеровъ. Врачъ пріѣзжалъ на пунктъ только три раза въ мѣсяцъ. Хотя въ день его пріѣзда собиралось отъ семидесяти до ста человѣкъ больныхъ, но все-таки это составляло не болѣе трети всѣхъ, посѣщавшихъ лѣчебницы. Такимъ образомъ мы, врачи, не имѣли никакой возможности ни провѣрить правильности діагноза, поставленнаго фельдшеромъ, ни правильности его лѣченія.

Это нерѣдко вело къ ухудшенію состоянія больного, особенно при хроническихъ внутреннихъ болѣзняхъ. Больной побывавши нѣсколько разъ въ лѣчебницѣ и не видя никакого облегченія своего страданія, терялъ вѣру въ медицину и снова прибѣгалъ къ какимъ-нибудь знахарямъ и знахаркамъ. Всего хуже отражалось это на больныхъ сифилисомъ. Фельдшера рѣдко умѣли отличить сифилитическую сыпь отъ простой экземы или psoriasis, мазали больныхъ индифферентными мазями, и болѣзнь затягивалась и ухудшалась. Вначалѣ моей земско-медицинской практики мнѣ приходилось лѣчить такія застарѣлыя формы сифилитическихъ сыпей и язвъ, напримѣръ rupia, какихъ впослѣдствіи, когда лѣченіе сифилиса пошло болѣе правильно, я уже не видывалъ. Иногда больные дѣлали повторныя посѣщенія и попадали, наконецъ, въ руки врачей, но часто это бывало уже тогда, когда зло было непоправимо.

Для самихъ врачей этотъ порядокъ имѣлъ большія неудобства. Обязанный принять въ теченіе утра отъ семидесяти до ста человѣкъ больныхъ, врачъ не всегда имѣлъ возможность,

особенно при болѣзняхъ сердца и почекъ, поставить строго-научный діагнозъ и, въ случаѣ нужды, провѣрить его совѣтомъ съ другимъ товарищемъ. Волей - неволей онъ привыкалъ по неимѣнію времени къ шаблонному опредѣленію болѣзней, не могъ слѣдить за ея ходомъ и испытывать вновь рекомендуемыя средства, не будучи въ состояніи слѣдить за ихъ дѣйствіемъ. Все это вело нерѣдко къ ослабленію научнаго интереса, а затѣмъ и къ застою въ дальнѣйшемъ научномъ развитіи. Я и теперь всегда съ грустью смотрю на тѣхъ молодыхъ врачей, которые прямо со школьной скамьи попадаютъ въ сельскія лѣчебницы, въ глухія мѣста вдали отъ городовъ. По моему мнѣнію, прежде поступленія въ такія мѣста каждый врачъ долженъ бы пробыть года два при хорошо устроенныхъ городскихъ больницахъ, гдѣ они могли бы усовершенствоваться въ клиническомъ отношеніи. Земству слѣдовало бы подумать объ этомъ, если оно не хочетъ, чтобы его врачи сдѣлались впослѣдствіи рутинерами, неспособными къ дальнѣйшему развитію.

Въ такомъ видѣ земская медицина держалась довольно долго, около десяти лѣтъ, пока тысячи больныхъ, являвшихся на пункты амбулаторно, и цѣлые десятки нуждавшихся въ больничномъ лѣченіи и просившихъ о помѣщеніи ихъ на койки вполнѣ доказали необходимость поставить дѣло это на болѣе широкихъ и научныхъ основаніяхъ, и земство приступило къ устройству настоящихъ больницъ въ уѣздѣ съ постоянными врачами, акушерками и вообще со всѣмъ необходимымъ для оказанія правильной медицинской помощи.

Заканчивая обзоръ перваго, можно сказать, эмбріональнаго періода земской медицины, я нахожу нужнымъ сказать еще объ одной сторонѣ врачебно-медицинской дѣятельности, на которую мы особенно налегали, и которую смѣло можно назвать просвѣтительной.

Бесѣдуя въ амбулаторіяхъ съ больными, мы старались сообщить имъ здоровыя гигіеническія понятія какъ относительно повседневной жизни, такъ и по уходу за больными, разбивать ту массу нелѣпыхъ предразсудковъ, которые на каждомъ шагу опутывали ихъ жизнь, и особенно налегали на гигіену дѣтскаго возраста. Наставленія эти, какъ мы убѣдились личнымъ опытомъ, не оставались безплодными.

Въ настоящее время, спустя тридцать пять лѣтъ послѣ своего возникновенія, земская медицина представляетъ во многихъ мѣстностяхъ прекрасно организованное учрежденіе, заслужившее вполнѣ довѣріе народа. Создавъ его, земство ока-

зало великую услугу странѣ, которую, конечно, не забудетъ исторія, каковы бы ни были дальнѣйшія судьбы самого земства.

Въ 1867-мъ году приступлено было къ устройству новыхъ судовъ уставомъ Императора Александра II.

Года за два до введенія новаго суда, чтобы нѣсколько ознакомить публику съ гласностью судопроизводства, въ уѣздныхъ судахъ и въ уголовной палатѣ были введены гласные доклады по уголовнымъ дѣламъ и гласное объявленіе рѣшеній. Доклады эти сначала чрезвычайно заинтересовали публику, которая являлась на нихъ въ значительномъ числѣ, но вскорѣ она охладѣла къ нимъ, такъ какъ она все-таки видѣла въ нихъ одно формальное письменное производство безъ живыхъ людей и живого слова и не могла по сухимъ, непровѣреннымъ на судѣ даннымъ, составить заключеніе о правильности рѣшенія.

Весной 1867-го года было созвано экстренное земское собраніе для выбора мировыхъ судей. Участковыми судьями были выбраны Александръ Александровичъ Бакунинъ, П. Д. Кишенскій, В. П. Тыртовъ, П. А. Максимовъ и К. Н. Мячковъ. Бакунинъ окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ и былъ сначала адъюнктомъ въ Новороссійскомъ лицеѣ по каѳедрѣ энциклопедіи права. Такъ какъ юриспруденція не вполнѣ удовлетворяла его, онъ оставилъ профессуру и поступилъ на медицинскій факультетъ, но вслѣдствіе разстроеннаго здоровья онъ вышелъ съ третьяго курса и вскорѣ при наступленіи Крымской войны поступилъ вольноопредѣляющимся въ Тобольскій пѣхотный полкъ, съ которымъ пробылъ въ Севастополѣ все время осады. По окончаніи войны онъ уѣхалъ за-границу для изученія живописи. Здѣсь онъ сблизился со многими изъ тогдашнихъ передовыхъ людей Франціи и Италіи. Это былъ человѣкъ сороковыхъ годовъ, вполнѣ и глубоко преданный всѣмъ идеямъ той великой эпохи, которая въ началѣ царствованія Александра II дала Россіи столько дѣятелей для осуществленія великихъ реформъ того времени. Мировымъ судьей онъ оставался до закрытія этого института.

О Кишенскомъ мы уже говорили раньше. Тыртовъ, отставной гвардейскій артиллерійскій офицеръ, принадлежалъ къ числу образованныхъ людей того времени, развившихся подъ вліяніемъ Бѣлинскаго и лучшихъ умовъ его времени.

Максимовъ былъ человѣкъ средняго образованія, очень умный и крайне добродушный. Онъ довольно долго служилъ

уѣзднымъ судьей и вслѣдствіе этого хорошо зналъ законы. Живя почти постоянно въ деревнѣ, онъ былъ хорошій знатокъ народной жизни и смотрѣлъ на крестьянъ вполнѣ объективно, хотя не идеализировалъ ихъ. Дѣла онъ разбиралъ чрезвычайно оригинально: онъ умѣлъ склонять тяжущихся къ примиренію, не велъ обширныхъ протоколовъ, а только кратко записывалъ суть дѣла и рѣшенія, которыя при глубокомъ знакомствѣ его съ народомъ всегда отзывались глубокой жизненной правдой.

Слабѣе другихъ оказался мировой судья Мячковъ. Онъ воспитывался въ дворянскомъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ и былъ человѣкомъ очень начитаннымъ, но, къ сожалѣнію, по слабости характера легко подчинялся чужому вліянію, не обладая при этомъ критическимъ умомъ. Онъ выбралъ себѣ письмоводителемъ какого-то разстриженнаго діакона, прикидывавшагося народолюбцемъ, а въ сущности порядочнаго взяточника, который сумѣлъ овладѣть Мячковымъ и подчинить его своему вліянію.

Предсѣдателемъ съѣзда былъ выбранъ почетный мировой судьи Тимоѳей Николаевичъ Швейковскій. Хотя онъ и не получилъ высшаго образованія, но при своемъ свѣтломъ и широкомъ умѣ онъ такъ всесторонне развилъ себя, что его смѣло можно было поставить на одномъ уровнѣ съ самыми образованными людьми своего времени.

Судьи всѣ были проникнуты духомъ справедливости и уваженіемъ къ человѣческому достоинству. На ихъ судѣ безправный и безличный до сихъ поръ крестьянинъ впервые почувствовалъ полное признаніе его личнаго достоинства и полную равноправность; онъ шелъ къ мировому судьѣ смѣло, зная, что никакія постороннія вліянія и соображенія не поколеблютъ рѣшенія послѣдняго ни въ ту, ни въ другую сторону, что оно всегда будемъ правильно и будетъ соотвѣтствовать обстоятельствамъ дѣла. При гуманномъ и вполнѣ равноправномъ отношеніи судей ко всѣмъ тяжущимся мировой судъ сослужилъ русскому обществу великую службу въ дѣлѣ его нравственнаго воспитанія. Недаромъ до сихъ поръ, спустя много лѣтъ по уничтоженіи этого суда, слово „мировой судья“ произносится крестьяниномъ съ особымъ уваженіемъ, какъ воплощеніе идеала справедливости и законности, и понятно, что судъ этотъ возбудилъ противъ себя страстные порывы негодованія въ ретроградной части публики, стоявшей на почвѣ крѣпостного права и сословныхъ предразсудковъ, и на него же были направлены

первые удары усилившейся впослѣдствіи реакціи нашихъ лже-консерваторовъ.

Мировые судьи перваго избранія служили довольно долго, за исключеніемъ Мячкова, участокъ котораго на второе трехлѣтіе былъ закрытъ, въ виду малочисленности дѣлъ, и былъ раздѣленъ между другими участками.

Такую же великую службу сослужилъ русскому обществу, въ особенности судъ присяжныхъ. Когда еще обсуждался проектъ судебныхъ уставовъ, В. Д. Спасовичъ въ одной статьѣ высказалъ свои сомнѣнія въ возможности введенія у насъ суда присяжныхъ. Ему казалось, что крестьяне, едва вышедшіе изъ зависимости, безличные и безправные до того времени, едва-ли будутъ въ состояніи проникнуться полнымъ сознаніемъ высокаго общественнаго значенія этого суда. Но дѣйствительность превзошла самыя широкія ожиданія; судъ присяжныхъ сразу сталъ на соотвѣтствующую ему высоту, всѣ рѣшенія его отличались такой глубокой жизненной правдой, передъ которой безсильны были всѣ возраженія резонеровъ. Если иногда и бывали ошибки въ рѣшеніяхъ присяжныхъ, то онѣ обусловливались не какими-либо посторонними нечистыми соображеніями, а происходили или отъ неполноты разъясненія дѣла на судѣ или отъ невполнѣ яснаго пониманія присяжными нашего судебнаго казуистическаго языка. Это былъ живой, вполнѣ народный судъ, гдѣ простой человѣкъ, не увлекаясь ни краснорѣчіемъ сторонъ, ни какимн-нибудь посторонними соображеніями, рѣшалъ дѣла изъ глубины своей совѣсти, которая всегда подсказывала ему правильное христіанское милосердное рѣшеніе. Онъ не казнилъ преступника, какъ дикаго звѣря, но проникалъ вглубь его несчастной души, часто извращенной роковымъ стеченіемъ подавляющихъ обстоятельствъ жизни.

Мнѣ самому приходилось нѣсколько разъ быть присяжнымъ, и я всегда поражался тѣмъ глубоко внимательнымъ отношеніемъ къ дѣлу и тѣмъ глубоко человѣчнымъ взглядомъ, какой высказывали при этомъ присяжные. Слушая разсужденія этихъ едва грамотныхъ людей, можно было подумать, что они знакомы съ современными научными воззрѣніями на преступленіе и преступника; а между тѣмъ эти люди, безъ сомнѣнія, не слыхали даже о существованіе юридической науки.

Къ сожалѣнію, судъ этотъ недолго существовалъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ рукъ законодателя. Сначала изъяли изъ его вѣдѣнія почти всѣ дѣла о печати, за исключеніемъ дѣлъ о личныхъ оскорбленіяхъ, а потомъ урѣзы-

вали предѣлы его компетенціи и по многимъ другимъ дѣламъ, передавъ ихъ вѣдѣнію суда съ сословными представителями. Но и въ этомъ видѣ онъ выдержалъ всѣ испытанія и вышелъ побѣдителемъ въ Муравьевской комиссіи о пересмотрѣ судебныхъ уставовъ.

Въ 1870-мъ году было обнародовано городовое положеніе, но я не могу прибавить ничего своего по этому вопросу, такъ какъ лично не принималъ въ немъ участія.

Въ 1873-мъ году я оставилъ службу въ земствѣ по случаю переселенія въ Петербургъ.

Хорошее было это время для земства, о немъ я вспоминаю, какъ о лучшемъ времени своей жизни. Земство развивалось правильно органически, само изъ себя, единственно подъ контролемъ общественной гласности, безъ постороннихъ вліяній. Въ немъ начали складываться и развиваться тѣ лучшія формы гражданской общественности, которыя составляютъ силу западно-европейскихъ государствъ, и въ которыхъ свободное развитіе личности идетъ объ руку съ общественнымъ прогрессомъ.

Мы думали, что и у насъ дѣло пойдетъ тѣмъ же путемъ, и что недалеко то время, когда суровый приговоръ, произнесенный П. Я. Чаадаевымъ въ его извѣстномъ философскомъ письмѣ, отойдетъ въ область преданій. Но, увы, скоро сказка сказывается, да нескоро дѣло дѣлается.

Темныя силы, подавленныя реформами Александра II, мало-по-малу начали выползать наружу и подъ маской патріотизма и консерватизма вызвали реакцію, стремящуюся сломать все хорошее, что было въ этихъ реформахъ, и на мѣсто его поставить снова безжизненный формализмъ бюрократіи.

Будемъ надѣяться, что эти сѣрыя тучи только временно закрыли горизонтъ, и что если не мы, то наши дѣти увидятъ снова ясный день, который начался 19-го февраля 1861-го года.

Н. А. Романовъ.

„Варшавскій Дневникъ“ при князѣ Н. Н. Голицынѣ.

(Воспоминанія 1880—1883 г.г.).

I.

Вскорѣ послѣ благополучно завершившагося въ 1880 году проѣзда черезъ Вильну въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра Николаевича, послѣ блестящихъ пріемовъ, смотра войскамъ Виленскаго военнаго округа и придворныхъ торжествъ, виленскій, ковенскій и гродненскій генералъ-губернаторъ П. П. Альбединскій былъ перемѣщенъ на постъ варшавскаго генералъ-губернатора, освободившійся послѣ графа Коцебу. Генералъ-адъютантъ Альбединскій, занимавшій до перехода въ Вильну должность прибалтійскаго генералъ-губернатора, былъ, какъ извѣстно, баловнемъ судьбы. Его обворожительная наружность, изящныя манеры гвардейца, блестящее воспитаніе, царственная походка и чрезвычайно деликатное, нѣжное сложеніе аристократическаго лица сразу располагали къ нему симпатіи окружающихъ, особенно дамъ, коихъ онъ былъ угодникомъ. П. П. перешелъ на выдающійся постъ варшавскаго генералъ-губернатора, благодаря именно этимъ своимъ личнымъ качествамъ, коими природа щедро его надѣлила.

Вмѣстѣ съ генералъ-адъютантомъ Альбединскимъ перешелъ на службу въ Варшаву и управляющій его канцеляріею Рубцовъ, высокій, худой съ бритымъ лицомъ, типичный представитель стараго, нынѣ уже отжившаго канцелярскаго строя, чиновникъ опытный и трудолюбивый, пользовавшійся полнымъ и

неограниченнымъ довѣріемъ своего принципала. Въ канцеляріи варшавскаго генералъ-губернатора началась обычная въ такихъ случаяхъ чистка личнаго состава, начиная съ начальниковъ отдѣленій и кончая канцелярскими чиновниками IX класса, такъ что въ теченіе года съ небольшимъ чуть ли не половина чиновъ канцеляріи генералъ-губернатора перешла на службу изъ Вильны въ Варшаву, гдѣ кстати и штатные оклады были выше. Въ числѣ ихъ былъ также И. Г. Подгородниковъ, назначенный начальникомъ I отдѣленія канцеляріи варшавскаго генералъ-губернатора,—впослѣдствіи помощникъ послѣдняго по гражданской части, дѣйствительный тайный совѣтникъ и сенаторъ, скончавшійся недавно, въ 1910 году.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что новая метла коснулась и редакціи „Варшавскаго Дневника“, во главѣ коего находился извѣстный переводчикъ съ польскаго языка на русскій „Пана Тадеушла“ Адама Мицкевича писатель Бергъ, при которомъ, однако, кстати сказать, единственный русскій оффиціальный органъ при управленіи варшавскаго генералъ-губернатора влачилъ жалкое существованіе, занимаясь преимущественно оглашеніемъ Высочайшихъ указовъ и правительственныхъ распоряженій на двухъ языкахъ—русскомъ и польскомъ и совершенно игнорируя явленія русской и польской жизни въ обширномъ краѣ съ почти 8-ми-милліоннымъ населеніемъ, среди котораго уже въ то время начали проявляться первые робкіе и нерѣшительные проблески такъ называемаго угодоваго движенія. Генералъ-адъютантъ Альбединскій, сознававшій всю важность установленія хотя какого-нибудь modus vivendi съ поляками и свою отвѣтственность передъ придворными сферами въ Петербургѣ, находившимися подъ вліяніемъ польскихъ магнатовъ, естественно не могъ мириться съ мертвящею атмосферою русскаго печатнаго органа на западной окраинѣ и остановилъ свой выборъ на князѣ Н. Н. Голицынѣ, бывшемъ подольскомъ вице-губернаторѣ, прославившемся въ публицистикѣ своимъ бойкимъ перомъ, авторѣ однотомнаго, вышедшаго въ 70-хъ годахъ сочиненія: „Употребляютъ ли евреи христіанскую кровь?“, въ которомъ тотъ, не рѣшая окончательно этого запутаннаго вопроса, все же обнаружилъ недюжинныя познанія въ талмудѣ, древне-еврейской рѣки и памятникахъ исторической старины, коими испещрено все названное сочиненіе въ видѣ подстрочныхъ примѣчаній. Генералъ-адъютантъ Альбединскій, проводившій большую часть своей службы среди знатной польской шляхты, сразу сталъ сторонникомъ и покровителемъ угодоваго

движенія и своимъ орудіемъ избралъ князя Н. Н. Голицына, по убѣжденію рьянаго монархиста, блестящаго публициста, западника, склонявшагося, какъ и онъ, на сторону превосходства польской культуры надъ русской. Какъ это ни странно, но новый редакторъ не былъ поклонникомъ школы славянофиловъ, хотя считалъ поляковъ братьями славянами, а о славянофильскомъ движеніи въ Россіи и за предѣлами ея, въ южнославянскихъ земляхъ, отзывался не иначе, какъ съ ироническою улыбкою сожалѣнія на устахъ и съ оттѣнкомъ пренебреженія.

II.

Первые шаги князя Голицына на публицистическомъ поприщѣ въ Варшавѣ ознаменовались крайностями, слѣдовавшими одна за другою. Своимъ бойкимъ перомъ князь прежде всего началъ громить своихъ политическихъ противниковъ, громилъ существующій порядокъ вещей, не вдаваясь ни въ оцѣнку, ни въ анализъ текущихъ событій и не указывая, какъ помочь общественному горю. Его передовыя статьи и отдѣльныя брошюры, озаглавленныя шумными названіями въ родѣ: „Горѣ имѣемъ сердца!“ „Sursum corda!“ „Якорь брошенъ!“ „Alea jacta est!“ къ удивленію производили среди многочисленной русской колоніи въ Варшавѣ какъ разъ обратное впечатлѣніе. Князь убѣждалъ не умомъ, а игралъ на струнѣ страстей, игралъ на человѣческихъ нервахъ... „Варшавскій Дневникъ“ пестрѣлъ передовыми статьями, составленными княземъ и напечатанными крупнымъ шрифтомъ съ кричащими заглавіями и тезисами. Польская печать и польское общество, какъ и до него, оставалось чуждо и глухо къ новому призыву. Польскіе газетчики и репортеры рылись въ хроникѣ „Дневника“ и, не найдя въ ней подходящаго для себя матеріала, не интересовались передовыми статьями и даже ихъ не читали. Это былъ искусственно пущенный и внезапно таявшій въ воздухѣ фейерверкъ, не причинявшій никому вреда, но и не сдѣлавшій никакого добра. Въ сущности при князѣ Голицынѣ „Варшавскій Дневникъ“, въ смыслѣ мѣстнаго русскаго періодическаго органа печати, не оживился, оставаясь такою же неинтересною и никому не нужною макулатурою, каковою онъ былъ и при писателѣ Бергѣ.

Число подписчиковъ „Дневника“ колебалось отъ 1.200 до 1.500 въ годъ и, если бы не правительственная субсидія, отпу-

скаемая изъ экстраординарныхъ суммъ канцеляріи генералъ-губернатора въ суммѣ 5.000 руб. въ годъ, да обязательное печатаніе казенныхъ объявленій, дававшее редакціи около 40.000 р. годового дохода, то газета своими собственными силами существовать бы не могла, и ее пришлось бы закрыть. Необходимо имѣть въ виду, что въ приведенномъ выше общемъ числѣ подписчиковъ были обязательные, такъ, наприм., уѣздныя управленія, гминныя управленія, магистраты, гминные суды и другія правительственныя установленія. Частныхъ объявленій въ газетѣ было очень мало, на сумму не свыше 1.000 рублей въ годъ. На объявленія существовала особая довольно высокая такса, отъ которой не допускалось никакихъ отступленій. Поэтому никто не желалъ давать въ газету объявленія, хотя частныя польскія изданія въ Варшавѣ, благодаря промышленно-торговому характеру города, пополняли свои конторскіе дефициты исключительно одними объявленіями. Когда управляющій конторою предлагалъ князю сдѣлать уступку противъ таксы объявленій, доказывая, что печатаніе ихъ обходится даромъ и что этимъ путемъ можно изыскать постоянный и крупный доходъ, князь волновался и наотрѣзъ отказывалъ.

Наружнымъ видомъ князь Голицынъ напоминалъ собою барина добрыхъ старыхъ временъ. Крупныя, чрезвычайно выразительныя черты лица съ умнымъ лбомъ и ласковымъ выраженіемъ голубыхъ глазъ; большая назадъ откинутая голова, горделивая осанка, сознаніе своего достоиства и превосходства предъ другими,—все это покоилось на большомъ туловищѣ. Князь былъ хромой и ходилъ на двухъ костыляхъ; онъ съ трудомъ могъ грузно передвигаться изъ одной комнаты въ другую, но выѣзжать на свѣтъ Божій могъ не иначе, какъ только въ экипажѣ и при посторонней помощи. Онъ былъ человѣкомъ добродушнымъ, никому не оттазывалъ въ помощи, матеріальной и нравственной, и снисходилъ къ ближнему даже въ такихъ случаяхъ, когда это совсѣмъ не совпадало съ его политическою платформою. Въ рѣчахъ онъ сильно увлекался почти до самозабвенія, какъ будто любуясь нахлынувшимъ на него потокомъ фразъ и краснорѣчія. Это былъ идеалистъ въ полномъ значеніи этого слова, но идеалистъ, далекій отъ практической жизни.

Князь Голицымъ былъ женатъ и имѣлъ одного сына, котораго воспитывалъ въ Училищѣ правовѣдѣнія. Женился за границей и вѣнчался въ одной изъ посольскихъ церквей, кажется, въ Дрезденѣ, при чемъ во время совершенія обряда вѣнчанія сидѣлъ въ креслахъ.

III.

Простой случай свелъ пишущаго эти строки съ княземъ Голицынымъ, съ которымъ пришлось служить вмѣстѣ и не разставаться съ нимъ до окончанія его редакторской карьеры, столь неудачной, т. е. до 1883 года. Это было въ половинѣ марта 1881 г., когда еще свѣжо было въ памяти злодѣйское убійство въ Бозѣ почивающаго Царственнаго Страдальца. По поводу сего событія, всколыхнувшаго всю Россію, князь написалъ въ „Варшавскомъ Дневникѣ“ двѣ или три передовыя статьи, которыя онъ диктовалъ одному изъ своихъ приближенныхъ, и засимъ онъ уже почти что охладѣлъ къ своему изданію, предоставивъ его всецѣло на произволъ своихъ сотрудниковъ, и за исключеніемъ нѣкоторыхъ моментовъ, когда у князя по случаю какихъ-нибудь выдающихся событій или происшествій въ Царствѣ, появлялись вспышки публицистическаго таланта, или ему невольно приходилось писать по указаніямъ свыше, онъ, можно сказать, почти не интересовался своею газетою, даже не читалъ ея.

Причины такого отношенія къ изданію заключались въ условіяхъ тогдашней цензуры. Первоначально газета цензировалась въ Варшавскомъ комитетѣ и съ этимъ еще можно было мириться, но затѣмъ по какимъ-то высшимъ соображеніямъ цензированіе ея было передано въ канцелярію варшавскаго генералъ-губернатора, въ руки одного изъ ея чиновниковъ, обычно помощника дѣлопроизводителя, получавшаго за это добавочную плату 300 руб. въ годъ. Такимъ образомъ, судьба печатнаго органа находилась всецѣло въ зависимости отъ усмотрѣнія такого цензора-чиновника, нерѣдко руководившагося личными соображеніями, и отъ управляющаго канцеляріею генералъ-губернатора, которому болѣе важныя статьи и замѣтки посылались для доклада и на разрѣшеніе. Князь неоднократно въ кругу своихъ близкихъ знакомыхъ жаловался на придирки одного такого цензора, слишкомъ произвольно пользовавшагося цвѣтнымъ карандашемъ, особенно когда цензоромъ было назначено лицо желчное и раздражительное. Значительная доля охлажденія князя Голицына къ своей газетѣ можетъ быть приписана именно цензурнымъ строгостямъ.

Князь былъ эстетикомъ и художникомъ въ душѣ. Редакція „Варшавскаго Дневника“ помѣщается на Медовой улицѣ, въ помонастырскомъ зданіи ордена піаровъ, гдѣ нѣкогда существо-

вала римско-католическая коллегія, въ которой польское юношество воспитывалось въ религіозно-фанатическомъ духѣ. Принявъ помѣщеніе редакціи, при которомъ находится и квартира редактора, въ запущенномъ видѣ, князь прежде всего занялся приведеніемъ его въ приличный видъ. Въ казенномъ зданіи онъ сдѣлалъ новыя окна, двери, обилъ полы клеенкой на войлокѣ, заказалъ громадные шкафы, въ коихъ собралъ весь архивъ редакціи, расположивъ въ хронологическомъ порядкѣ годовые экземпляры „Дневника“ въ переплетахъ со времени его возникновенія—1864 г., когда онъ назывался „Оффиціальнымъ Дневникомъ“ (Dziennik urzedowy), а всѣ помѣщенія служащихъ редакціи и конторы отдѣлилъ легкими изящными проволочными перегородками съ дверьми и окошечками, какъ это принято въ банковыхъ учрежденіяхъ и банкирскихъ конторахъ.

Помѣщеніе редакціи и конторы „Дневника“ состояло изъ двухъ большихъ залъ и, благодаря эстетическому вкусу князя, приняло весьма презентабельный видъ. Вездѣ царила чистота и уютность, а красивыя золоченыя надписи на металлическихъ дощечкахъ позволяли легко оріентироваться случайнымъ посѣтителямъ. Все это, конечно, было сопряжено съ матеріальными затратами, произведенными въ долгъ, въ ущербъ доходамъ редакціи и конторы, кои поступали въ полное и безотчетное распоряженіе редактора, сократившаго ихъ во вредъ себѣ еще благодаря большому персоналу конторы.

IV.

Составъ редакціи и конторы былъ довольно значительный и по тому времени хорошо оплачиваемый, но не по утвержденному штату, а изъ средствъ редактора, вѣрнѣе изъ доходовъ изданія. Кромѣ секретаря редакціи (1.200 руб. въ годъ), были два репортера по отдѣлу мѣстной хроники, два фельетониста (изъ военныхъ), сотрудникъ судебнаго отдѣла, онъ же переводчикъ съ русскаго языка на польскій, коимъ состоялъ коренной русскій житель Подольской губерніи, Дроздовскій, вполнѣ владѣвшій языкомъ древнихъ польскихъ актовъ, на которомъ въ то время печатались въ „Варшавскомъ Дневникѣ“ всѣ касающіеся края Высочайшіе указы и правительственныя распоряженія, откуда они потомъ обязательно перепечатывались цѣликомъ всѣми польскими газетами,—и сотрудница иностраннаго отдѣла, заимствованнаго непосредственно изъ заграничныхъ

газетъ. Всѣ они получали гонораръ по 3 коп. съ печатной строки, а сотрудница послѣдняго отдѣла, кромѣ того, и постоянное жалованье въ суммѣ 600 руб. въ годъ. Отдѣломъ этимъ завѣдывала съ начала семидесятыхъ годовъ В. И. Писарева, родная сестра знаменитаго писателя, замѣчательно развитая и трудолюбивая женщина, въ совершенствѣ владѣвшая нѣсколькими иностранными языками и легко разбиравшаяся во всѣхъ дипломатическихъ тонкостяхъ и политическихъ событіяхъ всѣхъ странъ міра, бойкая писательница, строчившая и политическую хронику на всякія злободневныя темы, и передовыя статьи по этимъ вопросамъ. Она скончалась два года тому назадъ въ Варшавѣ, уже въ преклонномъ возрастѣ, оставивъ послѣ себя дочь такой же, какъ и она, школы.

Но князю Голицыну для осуществленія своихъ идей было необходимо единеніе съ польскою прессою, которую онъ желалъ привлечь на свою сторону путемъ постройки такъ называемаго „золотого моста“. Онъ мечталъ войти съ представителями польской печати въ столь желанные главнымъ начальникомъ края переговоры для выясненія обоюдныхъ интересовъ, а затѣмъ на почвѣ добровольнаго соглашенія выработать основныя начала примиренія русскихъ съ поляками, каковое сулило, какъ тогда казалось, весьма соблазнительныя перспективы въ недалекомъ будущемъ и разсѣкало гордіевъ узелъ многовѣковой русско-польской распри и розни двухъ родственныхъ славянскихъ народовъ.

Не знаемъ, какъ это случилось,—нарочно или случайно,—но князь въ такой трудной и отвѣтственной миссіи остановилъ свой выборъ на обыкновенномъ репортерѣ самой распространенной въ Варшавѣ польской газеты „Kurjer Warszawski“, нѣкоемъ Розражевскомъ, который совсѣмъ плохо владѣлъ даже русскою разговорною рѣчью. Этотъ Розражевскій сначала былъ назначенъ сотрудникомъ редакціи по всѣмъ мѣстнымъ отдѣламъ съ жалованьемъ по 1.200 руб. въ годъ, кромѣ построчной платы, и затѣмъ уже посредникомъ князя между нимъ и редакторами выдающихся польскихъ изданій по угодовымъ вопросамъ.

Розражевскій, не владѣвшій русскимъ языкомъ, разумѣется, всѣ свои статьи и замѣтки доставлялъ на польскомъ языкѣ, которыя переводились затѣмъ безплатно секретаремъ редакціи, или однимъ изъ дежурныхъ сотрудниковъ на русскій языкъ, что возбудило противъ Розражевскаго, лучше другихъ обезпеченнаго въ матеріальномъ отношеніи, цѣлую бурю интригъ и негодованія, при чемъ сотрудники нерѣдко подтрунивали надъ

нимъ, утверждая, что князь потому только почувствовалъ къ нему симпатіи, что онъ, Розражевскій, такой же идеалистъ, какъ и самъ князь, притомъ ходитъ, какъ и его сіятельство, на костыляхъ, что вполнѣ отвѣчало дѣйствительности, такъ какъ Розражевскій былъ инвалидомъ, лишеннымъ одной ноги. Тѣмъ не менѣе положеніе Розражевскаго было замѣчательно прочнымъ, и онъ оставался въ составѣ редакціи до конца карьеры князя. Но когда его разъ изобличили въ томъ, что онъ вмѣсто оригинальныхъ статей и хроникерскихъ замѣтокъ доставлялъ въ редакцію „Дневника“ копированныя изъ польскихъ газетъ, списывая ихъ почти дословно, то ему было сокращено жалованье и уменьшена построчная плата.

Не повезло князю и въ переговорахъ съ представителями польской прессы, на которыхъ онъ возлагалъ такъ много надеждъ. Миссія Розражевскаго оказалась неудачной и потерпѣла полное фіаско. Редакторы польскихъ газетъ, не входя ни въ какія разсужденія, считали угодовую политику для своей національной справы прямо убійственною и наотрѣзъ отказались отъ всякихъ переговоровъ. Князю лишній разъ пришлось убѣдиться, что его идея—неосуществимая мечта. Таковъ общій удѣлъ идеалистовъ.

V.

Контора редакціи „Варшавскаго Дневника“ была обставлена тоже по-барски. Управляющій конторою получалъ 1.500 рублей жалованья въ годъ, конторщикъ 600 руб., кассиръ 1.200 руб., два экспедитора по 900 и 600 руб. Въ то время въ Варшавѣ господствовала необычайная дешевизна квартиръ и всѣхъ предметовъ первой необходимости, такая, какая въ настоящее время сохранилась только въ глухихъ, медвѣжьихъ углахъ уѣзднаго захолустья, лишенныхъ усовершенствованныхъ путей сообщенія. Вся конторская процедура была установлена на банковскій манеръ, что чрезвычайно стѣсняло заинтересованныхъ лицъ. Подавая, напримѣръ, деньги на подписку или объявленіе, приходилось идти съ ярлычкомъ къ управляющему конторою, а отъ него къ кассиру, сидѣвшему за особымъ окошечкомъ, а если ихъ не было, то приходилось ждать нерѣдко долго ихъ возвращенія, чтобы получить квитанцію или внести деньги. Разумѣется, что на такихъ распорядкахъ тратила контора и редакція, потому что изъ-за утомительной процедуры многіе избѣ-

гали сношеній съ конторою, предпочитая устраивать свои дѣла инымъ путемъ.

Князь Голицынъ весьма внимательно слѣдилъ за періодическою печатью и за отношеніемъ ея къ „Варшавскому Дневнику“. Въ помѣщеніи секретаря редакціи находилось два картонныхъ ящика съ надписями: „какъ насъ хвалятъ“ и „какъ насъ бранятъ“. Въ этихъ картонкахъ тщательно сохранялись вырѣзки изъ всѣхъ газетъ и журналовъ, въ коихъ печатались статьи и замѣтки о „Варшавскомъ Дневникѣ“. И, къ великому огорченію князя, ежемѣсячно контролировавшаго картонки, въ первой изъ нихъ вырѣзокъ было очень мало, не болѣе десятка, за то послѣдняя была переполнена почти на половину.

VI.

1883-й годъ былъ самымъ тяжелымъ годомъ въ жизни князя Н. Н. Голицына. Генералъ-адъютантъ Альбединскій, послѣ неудачной операціи извлеченія камня изъ мочевого пузыря, скончался послѣ продолжительной мучительной болѣзни весною того года въ Варшавѣ. Похороны были торжественныя, но польское общество, именитое польское дворянство, къ которому покойный такъ искренне благоволилъ, никакого участія въ нихъ не принимало, даже не пожалѣло человѣка, идейно преданнаго польскому дѣлу. На мѣсто его былъ назначенъ одесскій генералъ-губернаторъ І. В. Гурко, программа котораго, по управленію краемъ, выработанная во время случайнаго нахожденія его въ Москвѣ и діаметрально расходившаяся съ программою его предшественника, была Высочайше одобрена Государемъ Императоромъ Александромъ III.

Князь Голицынъ, не найдя ни матеріаловъ, ни техниковъ, для постройки своего „золотого моста“, совершенно опустился и не занимался дѣлами „Варшавскаго Дневника“. Погасъ свѣтильникъ Пальмиры! Отъ времени до времени въ польской прессѣ раздавались ѣдкіе и колкіе уколы по адресу „Варшавскаго Дневника“ со свойственнымъ однимъ полякамъ сарказмомъ и резонерствомъ, разумѣется, въ предѣлахъ, дозволенныхъ тогдашними цензурными условіями. Этотъ грозный Дамокловъ мечъ еще долго послѣ этого висѣлъ надъ злополучнымъ дѣтищемъ неисправимаго идеалиста-мечтателя... Разубѣдился ли князь Голицынъ въ несбыточности своихъ мечтаній— мы не знаемъ, но поворота въ сторону славянофиловъ онъ не сдѣлалъ и отъ своего идеализма, отъ своего поклоненія западничеству не отказался.

Розражевскій—spiritus movens князя—перешелъ на службу въ жандармскую тайную полицію, былъ изобличенъ въ шантажѣ, преданъ суду, коимъ осужденъ, и сосланъ на поселеніе въ мѣста не столь отдаленныя.

Въ одинъ изъ осеннихъ сумрачныхъ вечеровъ 1883 года князь получилъ отъ генералъ-адъютанта І. В. Гурко бумагу слѣдующаго содержанія: „Признавая необходимымъ передать редакцію „Варшавскаго Дневника“ отставному дѣйствительному статскому совѣтнику П. К. Щебальскому, предлагаю вашему сіятельству сдѣлать соотвѣтственное сему распоряженіе и объ исполненіи мнѣ донести“.

Князь неоднократно прочитывалъ бумагу и былъ крайне пораженъ заключавшимися въ ней немногими словами. Щебальскій до отставки занималъ должность начальника варшавской учебной дирекціи. Онъ считался кандидатомъ на постъ помощника попечителя Варшавскаго учебнаго округа, но вслѣдствіе тяжкой, продолжительной и неизлѣчимой болѣзни былъ вынужденъ уйти со службы. Больной, страдавшій астмой и удушіемъ, Щебальскій выставилъ на своемъ знамени девизъ, совершенно противоположный девизу „золотого моста“. Это былъ талантливый историкъ, извѣстный авторъ учебника для среднихъ учебныхъ заведеній по русской исторіи, рьяный славянофилъ, открывшій въ „Дневникѣ“ особый отдѣлъ изъ славянскихъ земель и обзаведшійся соотвѣтственными сотрудниками. Изданіе „Варшавскаго Дневника“ было направлено на совершенно новый путь и, хотя Щебальскій чрезъ три года умеръ, но программа его продолжалась его преемниками. Нынѣ „Варшавскій Дневникъ“ уже прочно занимаетъ подобающее ему мѣсто среди русской прессы, и изданіе это вполнѣ обезпечено въ матеріальномъ отношеніи, давая весьма солидный доходъ.

Князь Н. Н. Голицынъ, спустя недѣлю или двѣ, переѣхалъ на службу въ Петербургъ, гдѣ ему было предложено покойное мѣсто члена въ главномъ управленіи по дѣламъ печати. На эту поѣздку онъ получилъ тысячерублевое пособіе отъ генералъ-губернатора Гурко. Умеръ князь на службѣ въ девяностыхъ годахъ минувшаго столѣтія.

И. И. Соневицкій.

Годы службы моей въ Варшавскомъ учебномъ округѣ и эпизоды учебнаго быта [1]).

(Воспоминанія педагога).

ГЛАВА IV.

Служба въ Петроковѣ.

Петроковъ принадлежитъ къ числу десяти губернскихъ городовъ Привислинскаго края и хотя онъ, по времени возникновенія, мало уступаетъ Калишу, но, какъ административный пунктъ, возникъ только съ раздѣленіемъ Царства Польскаго на десять губерній вмѣсто существовавшихъ прежде пяти. Онъ преобразованъ въ губернскій городъ изъ незначительнаго уѣзднаго городка и такою честью обязанъ только своему центральному положенію среди вновь образованной губерніи. При образованіи Петроковской губерніи, честь быть губернскимъ городомъ оспаривали одновременно съ Петроковомъ, Ченстоховъ и Лодзь, но первый былъ забракованъ въ виду близости положенія его къ австрійской границѣ, а второй городъ — изъ опасенія, чтобы губернія не приняла рѣзко нѣмецкаго характера вслѣдствіе того, что этотъ городъ населенъ преимущественно лицами нѣмецкаго происхожденія и при томъ, въ большинствѣ, германскими подданными.

Хотя Петроковъ по учебникамъ географіи значится расположеннымъ на рѣкѣ Стравѣ, но въ мое время не было въ Пе-

[1]) См. „Русская Старина“ іюнь 1913 г.

троковѣ даже и признаковъ этой рѣки и остались развѣ только вещественныя доказательства существованія Стравы въ видѣ небольшого углубленія, напоминавшаго скорѣе канаву, нежели ложбину рѣки. Кромѣ отсутствія рѣки, Петроковъ отличался еще отсутствіемъ растительности.

Въ городѣ существовалъ единственный небольшой садъ, принадлежавшій побернардинскому монастырю, обращенный въ общественный садъ. Побернардинскій садъ, состоявшій исключительно изъ фруктовыхъ деревьевъ, давалъ мало тѣни, былъ расположенъ на покатой мѣстности и по своимъ свойствамъ не представлялъ ничего привлекательнаго для посѣтителей. Этотъ садъ, если и посѣщался, то только русскими и евреями; польское общество игнорировало его въ видѣ протеста противъ закрытія бернардинскаго монастыря и обращенія монастырской собственности въ городскую. Существовалъ еще небольшой скверикъ у станціи желѣзной дороги. Позднѣе при распланировкѣ города была насажена Александровская аллея, не очень бойко разроставшаяся, частныхъ же садовъ было мало.

По внѣшнему виду Петроковъ не отличался представительностію, но былъ городокъ чистенькій и довольно пріятный. Мостовыя были исправныя, тротуары асфальтовые. Улицы и тротуары, особенно тѣ, по которымъ губернаторъ совершалъ, за исключеніемъ городского сада, свою прогулку, отличались необыкновенною чистотою; ежедневно они сперва подметались, потомъ осматривались полицейскими, и въ двѣнадцать часовъ, передъ прогулкою по городу губернатора и его свиты, бургомистръ обходилъ улицы, по которымъ предполагалось шествіе губернатора, поднималъ замѣченные имъ на тротуарахъ окурки папиросъ и бумажки, и пряталъ ихъ въ карманы, ворчливо браня неопрятныхъ гражданъ опекаемаго имъ города.

Петроковъ не отличался красотою зданій: возникши изъ небольшого уѣзднаго города, онъ началъ обстраиваться по типу небольшихъ провинціальныхъ городовъ; зданія были, большею частію, двухъэтажныя, ординарныя. Всѣ правительственныя учрежденія помѣщались или въ помонастырскихъ зданіяхъ или въ частныхъ домахъ, мало приспособленныхъ для нуждъ администраціи. Мужская гимназія помѣщалась въ попіарскомъ монастырѣ. Это монастырское зданіе во всѣхъ трехъ этажахъ имѣло по одну сторону широкіе и свѣтлые коридоры, а по другую сторону были расположены примыкавшія къ этимъ коридорамъ монастырскія келіи. Въ коридорахъ и келіяхъ потолки были сводчатые, не очень высокіе; вслѣдствіе того, что стѣны были

чрезвычайно толстыя, окна были глубокія и давали мало свѣта.

Въ этихъ келіяхъ помѣщались классы. Если прибавить къ этому, что скамейки въ классахъ были старыя, не только сбитыя гвоздями и планками, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ связанныя даже веревками и притомъ доисторической конструкціи, то легко представить обстановку Петроковской гимназіи и ея педагогическія удобства. Когда намѣстникъ Царства Польскаго графъ Бергъ, при обозрѣніи Петрокова, посѣтилъ гимназію и инспекторъ Солнцевъ, обходя его по классамъ, выразилъ сожалѣніе, что гимназія не имѣетъ средствъ, чтобы пріобрѣсть новыя, болѣе удобныя скамейки, то добрый графъ скромно отвѣтилъ: „Я сидѣлъ въ классахъ на такихъ же скамейкахъ.“ Къ неудобствамъ классовъ Петроковской мужской гимназіи слѣдуетъ отнести и то, что они были необыкновенно холодны. Старыя допотопныя печи, если бы даже и топили ихъ, мало давали тепла, а при инспекторѣ Дембицкомъ классы, какъ по недостатку средствъ, такъ и по безполезности, будто бы, топки ихъ, не отапливались; вслѣдствіе этого въ классахъ было такъ холодно, что и учитель и ученики сидѣли не только въ пальто и шубахъ, но даже и въ галошахъ. Ученики жаловались на холодъ въ классахъ, а инспекторъ увѣрялъ ихъ, что печи настолько стары, что совершенно не грѣютъ. Чтобы доказать инспектору противное, ученики однажды сговорились, принесли въ классъ каждый по полѣну, изрядно растопили печь и достигли удовлетворительной температуры въ классѣ. Послѣ этого инспекторъ началъ протапливать классы, но не настолько чтобы въ классахъ было тепло, а для того только, чтобы было вещественное доказательство, что въ печахъ разводился огонь. Даже, когда гимназію посѣщалъ ревизоръ, начальникъ дирекціи или попечитель округа, ихъ превосходительствамъ рекомендовалось въ коридорахъ и классахъ не снимать пальто.

Въ общемъ, помѣщеніе гимназіи было очень тѣсное: когда предъ введеніемъ устава 1871 года, по которому полагается приготовительный классъ, инспекторъ Солнцевъ задумалъ устроить приготовительный классъ, то для него не нашли другого помѣщенія, какъ въ подвальномъ этажѣ, гдѣ находились квартиры сторожей, одна изъ которыхъ и была приспособлена подъ классъ.

При этомъ невольно вспоминается одинъ фактъ, связанный съ устройствомъ въ Петроковской гимназіи приготовительнаго класса. Для приспособленія квартиры одного изъ сторожей подъ

приготовительный классъ, потребовалось по смѣтѣ архитектора сумма 102 рубля съ копѣйками. Инспекторъ вошелъ съ соотвѣтствующимъ ходатайствомъ къ попечителю округа. И каково же было изумленіе гимназіи, когда, чрезъ значительный промежутокъ времени, въ отвѣтъ на это представленіе, послѣдовало сообщеніе попечителя учебнаго округа, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ такой-то день, Высочайше повелѣть соизволилъ на отпускъ Петроковской гимназіи 102 рублей съ копейками на приспособленіе помѣщенія для приготовительнаго класса. Достойно удивленія, что Государя Императора утруждали такимъ мелочнымъ дѣломъ, какъ ассигнованіе 102 рублей къ копейками на нужды гимназіи.

Итакъ, изъ предыдущаго видно, что Петроковъ не блисталъ въ архитектурномъ и строительномъ отношеніи; красивѣе другихъ былъ костелъ побернардинскаго монастыря; изящнымъ внутреннимъ видомъ отличался костелъ попіарскаго монастыря; другіе два католическихъ храма, приходскій костелъ и костелъ бывшаго женскаго монастыря, были очень заурядны; послѣдній былъ закрытъ и зданія его были утилизированы для нуждъ администраціи—въ фронтовой части зданія помѣщалась женская прогимназія. Если помѣщеніе мужской гимназіи было очень незавидно, то помѣщеніе женской прогимназіи, въ развалинахъ бывшаго женскаго монастыря, было прямо бѣдственное: коридоры зданія были извилистые и разбросаны въ разныя стороны, классы небольшіе, съ низкими потолками и недостаткомъ воздуха и свѣта.

Среди всѣхъ строеній Петрокова выдѣлялась православная церковь, расположенная на главной улицѣ, съ обширнымъ погостомъ, огороженнымъ желѣзною рѣшеткою. Петроковская Всѣхсвятская церковь построена была въ сороковыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія. Православная церковь существовала въ Петроковѣ уже въ концѣ восемнадцатаго вѣка. Первыми піонерами православія въ Петроковѣ были греки. Во многихъ городахъ Польши торговля находилась въ значительной степени въ рукахъ грековъ; вслѣдствіе этого во многихъ городахъ Польши и, позднѣе Царства Польскаго, находились греческія колоніи; греки имѣли свои церкви, отправляли богослуженіе, но безъ внѣшняго оказательства, и греческія церкви помѣщались въ частныхъ домахъ. Въ Петроковѣ греческая церковь, до построенія Всѣхсвятской церкви, помѣщалась на второмъ

этажѣ зданія выходящаго на Рыночную площадь, въ которомъ впослѣдствіи помѣщалась кондитерская Романа.

Церковь Всѣхъ-Святыхъ въ архитектурномъ отношеніи рѣзко выдѣлялась среди всѣхъ храмовъ Петрокова: она была о пяти главахъ; впослѣдствіи, съ цѣлью расширенія церкви, была пристроена соединяющаяся съ нею высокая колокольня съ остроконечнымъ крытымъ по гранямъ листовымъ серебромъ шпицемъ, оканчивающимся золотымъ крестомъ. По стѣнамъ средняго яруса колокольня была украшена писаными масляною краскою живописными изображеніями во весь ростъ святыхъ: Николая Чудотворца, Александра Невскаго и др. святыхъ; колокола были небольшихъ размѣровъ, но отличались своимъ пріятнымъ тономъ. Такъ же красивъ былъ иконостасъ и внутреннее убранство церкви.

По тогдашнему времени Петроковъ рѣзко выдѣлялся церковію среди другихъ губернскихъ городовъ Царства Польскаго; даже въ Канинѣ церковь помѣщалась въ зданіи, видимо приспособленномъ подъ храмъ, находилась внутри двора и не имѣла внѣшняго представительнаго вида. Но, къ сожалѣнію, благолѣпію храма не соотвѣтствовало, особенно въ первые годы пребыванія моего въ Петроковѣ, отправленіе богослуженія: церковнаго хора не было, и пѣли въ церкви два безграмотныхъ причетника, обыкновенно не попадавшіе въ тонъ. Настоятелемъ церкви былъ отецъ Матвѣй В—скій, безкорыстный и кроткій пастырь. Хотя онъ не происходилъ изъ уніатовъ, но долгое пребываніе его въ польской средѣ, въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, еще до начала реформъ, наложило на него мѣстную окраску: онъ не имѣлъ представительности православнаго священника и въ семьѣ употреблялъ въ разговорѣ польскую рѣчь.

Это послѣднее обстоятельство имѣло для него хотя и случайное, но роковое послѣдствіе; бригаднымъ командиромъ мѣстныхъ войскъ, расположенныхъ въ Петроковѣ, въ то время былъ полковникъ Бремзенъ; хотя Бремзенъ былъ лютеранинъ, но въ его время всѣ служащіе въ Царствѣ Польскомъ заботились о насажденіи православія въ краѣ и русскихъ началъ. Случилось однажды Бремзену присутствовать въ церкви не при торжественной службѣ, какъ это бываетъ въ царскіе и праздничные дни, а при отправленіи частной требы: служилась заказная панихида, и Бремзенъ пришелъ въ церковь до начала службы, когда церковь еще даже не была освѣщена. Старикъ священникъ, видя, что заказчики панихиды уже начали собираться,

обращается къ причетнику и простодушно, какъ, надобно полагать, дѣлалось имъ это и всегда, негромко говоритъ: „zapal swicie“. Употребленіе православнымъ священникомъ въ церкви польской рѣчи сильно возмутило Бремзена, и онъ, при первомъ свиданіи въ Варшавѣ съ архіепископомъ варшавскимъ и новогеоргіескимъ Іоанникіемъ, доложилъ или передалъ при разговорѣ объ этомъ обстоятельствѣ. Возмутился этимъ фактомъ и преосвященный Іоанникій, аскетъ и суровый архипастырь, и вызвалъ въ Варшаву отца Матвѣя. Дѣло было зимою.

Взволнованный отецъ Матвѣй поѣхалъ въ Варшаву. Безъ сомнѣнія, отъ архипастыря отцу Матвѣю пришлось выслушать надлежащія наставленія и угрозы. Дорогою отецъ Матвѣй простудился; волненіе и простуда такъ подѣйствовали на него, что, по возвращеніи изъ Варшавы, онъ слегъ въ постель и уже болѣе не вставалъ съ нея. Съ разрѣшенія духовной власти отецъ Матвѣй похороненъ въ оградѣ церкви, у алтарной стѣны. Кстати скажу нѣсколько словъ объ архіепископѣ Іоанникіи. Архіепископъ Іоанникій, будучи въ душѣ добрымъ человѣкомъ, умѣлъ держать подчиненное ему духовенство въ должной дисциплинѣ. Когда онъ прибылъ въ Петроковъ, и на вокзалѣ устроена была ему торжественная встрѣча, то при выходѣ его изъ вагона присутствовавшіе на перронѣ члены церковнаго клира сотворили земной поклонъ, и онъ принялъ это какъ должное ему, благословилъ каждаго изъ членовъ причта по старшинству, спокойно, методично.

Послѣ краткаго описанія внѣшняго вида Петрокова, мнѣ слѣдовало бы приступить къ разсказу о моей службѣ въ Петроковской гимназіи, но въ видахъ послѣдовательности и полноты изложенія, я считаю необходимымъ очертить сперва ту общественную среду, въ которой мнѣ суждено было прожить въ теченіе семилѣтняго пребыванія моего въ Петроковѣ.

Тонъ и движеніе петроковскому обществу давалъ губернаторъ Иванъ Семеновичъ Кохановъ, бывшій впослѣдствіи виленскимъ генералъ-губернаторомъ. Кажется, что изъ числа всѣхъ начальниковъ губерній Царства Польскаго, Кохановъ болѣе другихъ задавался цѣлью обрусѣнія губерніи и приданія городу, по крайней мѣрѣ, внѣшняго облика русскаго города. Онъ строго добивался сохраненія русскимъ обществомъ и среди польскаго населенія русскихъ обычаевъ и національныхъ особенностей. Но при этомъ онъ увлекался, придавалъ слишкомъ большое значеніе наружному виду, внѣшнему оказательству.

Къ польскому населенію Кохановъ относился вообще подозрительно, но онъ очень довѣрчиво относился къ нѣмецкому населенію, видя въ нѣмцахъ образецъ лояльности и доброжелательнаго отношенія этого населенія къ видамъ и намѣреніямъ правительства. Вслѣдствіе этого и въ виду такого же доброжелательнаго отношенія къ нѣмцамъ и намѣстника Царства Польскаго графа Берга, онъ вмѣсто того, чтобы обрусить губернію, онѣмечилъ ее до такой степени, что Лодзь, Зегржъ, Сосновицы, Пабіяницы и другія мѣстности и города Петроковской губерніи по составу населенія и внѣшнему виду ничѣмъ не отличались отъ любой прусской пограничной провинціи, и въ позднѣйшее время, когда выяснилась платоничность надеждъ на вѣрность нѣмецкаго населенія русскимъ началамъ и даже явилось опасеніе, чтобы это нѣмецкое засилье, въ случаѣ осложненія нашихъ добрососѣдскихъ отношеній съ Германіей, не явилось бы авангардомъ Германіи, были приняты мѣры къ ослабленію прилива нѣмцевъ въ губерніи Царства Польскаго и къ различнымъ ограниченіямъ ихъ фабрично-промышленной дѣятельности.

Покровительство Коханова нѣмцамъ выразилось сначала въ томъ, что, въ видахъ развитія въ губерніи промышленности и вклиненія среди поляковъ нѣмецкаго населенія, онъ сочувствовалъ переселенію нѣмцевъ въ мѣстности Петроковской губерніи преимущественно пограничныя, и въ центръ фабричной промышленности,—въ г. Лодзь. Когда я былъ первый разъ въ Лодзи въ 1866 году, этотъ городъ простирался, правда, въ длину болѣе пяти верстъ, но состоялъ изъ одной улицы.

Всѣ дома были невзрачные, одноэтажные, съ мезониномъ. Почти въ каждомъ домѣ былъ ручной ткацкій станокъ, вслѣдствіе этого въ лѣтнее время изъ оконъ каждаго дома неслось монотонное жужжаніе веретенъ. Каменныхъ и двухъэтажныхъ домовъ въ городѣ было нѣсколько десятковъ, фабрикъ было не много; изъ нихъ большая только одна—Шейблера, имѣвшая около десяти тысячъ рабочихъ. Когда началось покровительство нѣмецкому населенію, нѣмцы поняли, что въ Петроковской губерніи для ихъ дѣятельности открывается золотое дно, и въ губернію нахлынули толпы нѣмецкихъ фабрикантовъ и рабочихъ, и потекли капиталы.

Фабрики, основанныя въ Петроковской губерніи, даже безъ всякаго покровительства, могли работать успѣшнѣе и продавать издѣлія дешевле, нежели фабрики московскаго и владимірскаго раіоновъ, ибо доставка машинъ изъ-за границы, пріобрѣтеніе находящагося почти подъ бокомъ домбровскаго каменнаго угля,

доставка хлопка и переселеніе рабочихъ стоили во много разъ дешевле, чѣмъ доставка всего этого въ московскій и владимірскій фабричный центръ.

Съ цѣлью облегченія нѣмцамъ-фабрикантамъ пріобрѣтенія машинъ по удешевленному тарифу разрѣшалась доставка ихъ въ разобранномъ видѣ. Все это содѣйствовало пышному расцвѣту промышленности въ губерніяхъ Царства Польскаго, преимущественно въ Петроковской, вслѣдствіе этого фабрики росли, какъ грибы, города возникали на американскій ладъ, фабричная промышленность развивалась съ такою интенсивностью, что вскорѣ издѣлія лодзинскихъ и другихъ фабрикъ не только заполонили всѣ русскіе рынки Европейской Россіи, но и вытѣснили, благодаря сравнительной дешевизнѣ ихъ, издѣлія московскихъ и владимірскихъ фабрикъ и овладѣли рынками Сибири, а позднѣе Манчжуріи и Средней Азіи. Такимъ образомъ, благодаря недальновидной политикѣ администраціи Царства Польскаго, подорвано было развитіе фабричной производительности и богатства центральной Россіи: центръ Россіи началъ захудать, въ то время, какъ фабричная дѣятельность городовъ Царства Польскаго процвѣтала и развивалась съ неимовѣрною быстротою; особенно начали развиваться и рости города Петроковской губерніи и преимущественно центръ фабричной производительности, новый Манчестеръ—Лодзь.

Мною было упомянуто о состояніи Лодзи въ 1866 году. Къ концу XIX столѣтія по числу населенія, фабричной производительности и богатству Лодзь заняла видное мѣсто среди городовъ Россіи: въ ней было болѣе 900 фабрикъ, съ производствомъ до 40 милліоновъ въ годъ; населеніе Лодзи съ пришлымъ рабочимъ элементомъ простиралось до полумилліона.

Городъ пышно расцвѣлъ: не говоря уже о грандіозныхъ фабрикахъ, появились цѣлыя сотни великолѣпныхъ домовъ, изъ коихъ многіе не могутъ быть названы иначе, какъ дворцами, по архитектурѣ и богатству устройства и убранству; въ домѣ одного изъ мѣстныхъ богачей одна только мраморная лѣстница и мраморное убранство дома стоило 30.000 рублей; въ городѣ устроено электрическое освѣщеніе, электрическій трамвай. Городъ, имѣя огромные доходы, завелъ прекрасныя мостовыя, увеличилъ число начальныхъ училищъ, устроилъ для войскъ прекрасныя казармы, общественныя больницы и другія благотворительныя заведенія.

Въ первыя времена развитія фабричной дѣятельности фабриканты, получая огромные доходы, не скупились на пожер-

твованія съ благотворительною цѣлью, преимущественно на русское дѣло. Въ угоду губернатору и русскимъ властямъ фабриканты охотно жертвовали деньги на устройство православныхъ церквей, казармъ для войскъ, пріютовъ и другихъ учрежденій. Въ Лодзи, почти исключительно на пожертвованія фабрикантовъ, не только нѣмцевъ, но и евреевъ, построена величественная православная церковь, стоившая свыше 130.000 рублей; на такія же пожертвованія основанъ и Ольгинскій пріютъ съ церковью при немъ. Всякое желаніе русскихъ властей, даже намекъ на желательность пожертвованія на извѣстныя цѣли исполнялись фабрикантами охотно и, казалось, сочувственно. Вотъ нѣсколько примѣровъ того, какъ охотно дѣлались фабрикантами пожертвованія. Уже послѣ освященія православной церкви въ Лодзи, президентъ города Пеньковскій былъ какъ-то съ новогоднимъ визитомъ у одного изъ богатѣйшихъ фабрикантовъ.

Въ разговорѣ фабрикантъ Г. спросилъ Пеньковскаго, не нуждается ли въ чемъ церковь. Пеньковскій отвѣтилъ, что все необходимое есть, но ризница не вполнѣ соотвѣтствуетъ великолѣпію церкви. Фабрикантъ Г. спросилъ, сколько необходимо денегъ на пріобрѣтеніе ризницы. Пеньковскій отвѣтилъ, что необходимо было бы тысячи двѣ. Фабрикантъ, ни слова не говоря, открылъ ящикъ въ письменномъ столѣ, написалъ чекъ на двѣ тысячи и вручилъ его Пеньковскому. Другой случай. Заботами попечителя Варшавскаго учебнаго округа Александра Львовича Апухтина устроена при первой мужской гимназіи въ Варшавѣ чудная церковь, стоившая свыше 100.000 рублей, съ богатой ризницей, но при оборудованіи церкви не былъ пріобрѣтенъ, по недостатку средствъ, для парадной лѣстницы, ведущей въ церковь, соотвѣтствующій богатству зданія коверъ. Начальникъ лодзинской учебной дирекціи К. какъ-то въ бесѣдѣ съ лодзинскимъ фабрикантомъ ковровъ высказалъ ему свое сожалѣніе о недостачѣ для парадной лѣстницы гимназической церкви ковра. Фабрикантъ просилъ доставить ему размѣры ковра и чрезъ нѣкоторое время приготовилъ на своей фабрикѣ великолѣпный коверъ, стоившій свыше тысячи рублей, и прислалъ его въ даръ церкви первой Варшавской гимназіи.

Еще съ большею охотою фабриканты дѣлали пожертвованія для увѣковѣченія знаменательныхъ и особыхъ событій въ жизни русскаго народа, какъ, напримѣръ, чудеснаго событія въ Боркахъ и проч. Такое настроеніе фабрикантовъ невольно подкупало мѣстныя власти и побуждало ихъ видѣть въ такихъ

актахъ дѣятельности фабрикантовъ сочувствіе ихъ видамъ русскаго правительства и его цѣлямъ. Неудивительно, если и Кохановъ въ свое время видѣлъ въ такихъ актахъ проявленіе чувствъ лояльности нѣмецкаго населенія и сочувствія его русскому правительству. Но, какъ обнаружилось впослѣдствіи, акты эти были, большею частью, проявленіемъ своекорыстныхъ видовъ нѣмецкихъ фабрикантовъ, старавшихся угодливостью русскому правительству расположить его въ свою пользу, въ видахъ удержанія достигнутыхъ уже привилегій и пріобрѣтенія новыхъ.

Фабриканты не только охотно шли навстрѣчу стремленіямъ русскаго правительства, но еще болѣе старались угодить тѣмъ изъ представителей русской администраціи, которые не забывали собственныхъ интересовъ и не брезгали пріемомъ подарковъ, подносимыхъ имъ, какъ дань уваженія къ ихъ высокимъ качествамъ, и на память, какъ рѣдкіе экземпляры издѣлій фабрикъ. Впрочемъ, такія приношенія дѣлались фабрикантами административнымъ лицамъ и въ формахъ общепринятыхъ, какъ замаскированная взятка. При полицеймейстерѣ М., а можетъ быть еще и раньше, вошло въ Лодзи въ обычай присылать въ день новаго года полицеймейстеру, бургомистру и другимъ нужнымъ людямъ денежные знаки признательности, въ запечатанныхъ конвертахъ вмѣстѣ съ визитною карточкою, или подарки въ видѣ штукъ различныхъ матерій и фабричныхъ производствъ. У нѣмцевъ, какъ извѣстно, существуетъ традиціонный обычай дѣлать другъ другу подарки на елку. Примѣняясь къ русскимъ нравамъ, такіе подарки были перенесены на новый годъ, и по формѣ они носили невинный характеръ и имъ было присвоено названіе новогоднихъ подарковъ, а не взятокъ.

Эти приношенія вошли настолько въ обычай, что не только не тяготили приносителей, но видимо льстили ихъ самолюбію, что начальникъ не брезгаетъ ихъ подаркомъ и слѣдовательно не будетъ отказывать имъ въ своемъ благорасположеніи.

Фабриканты не любили даже тѣхъ чиновниковъ, которые отказывались отъ новогоднихъ и другихъ подарковъ. Назначенный въ г. Лодзь вмѣсто прежняго президента, небрезгавшаго подарками, Пеньковскій разсказывалъ мнѣ, что въ день новаго года фабриканты прислали ему, по бывшимъ примѣрамъ, новогодніе подарки, и что, когда онъ ни отъ кого такихъ подарковъ не принялъ, то возбудилъ противъ себя всеобщее неудовольствіе и укоръ въ гордости и въ томъ, что онъ не хочетъ

или не умѣетъ оцѣнить ихъ добраго расположенія къ нему и личнаго уваженія; особенно негодовалъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ фабрикантовъ, которому Пеньковскій при вѣжливомъ, но ясномъ письмѣ возвратилъ преподнесенный ему довольно крупный кушъ. Разъ допущенныя добровольныя приношенія легко обращаются въ поборы и способствуютъ нарушенію законовъ. Въ Ченстоховѣ уѣзднымъ начальникомъ былъ нѣкто N. Человѣкъ онъ былъ холостой, но жилъ открыто, дѣлалъ пріемы. Всѣ объясняли его открытый образъ жизни, не по средствамъ уѣзднаго начальника, тѣмъ, что ему удалось открыть въ Ченстоховѣ заграничную лотерею, воспрещенную къ обращенію въ Россіи, и конфисковать павшій на билетъ одного изъ обывателей Ченстохова крупный выигрышъ, половина котораго по закону досталась открывателю. Но какъ ни крупенъ былъ доставшійся N кушъ изъ конфискованной лотереи, онъ не на долго давалъ ему возможность вести расточительный образъ жизни, но на долго служилъ ширмою для оправданія этой расточительности.

Прикрываясь лотерейною ширмою, N не только не брезгалъ приношеніями фабрикантовъ, но въ корыстныхъ видахъ допускалъ нарушеніе закона объ устройствѣ фабрикъ въ Царствѣ Польскомъ. Не довольствуясь превращеніемъ Лодзи въ нѣмецкій Манчестеръ, прусскіе нѣмцы намѣтили и другіе весьма удобные пункты для устройства фабрикъ, въ мѣстности, расположенной на самой границѣ, въ узлѣ соединенія двухъ желѣзнодорожныхъ линій, ведущихъ въ Краковъ и Бреславль. По закону иностранцы не могли пріобрѣтать у крестьянъ земли для устройства на нихъ фабрикъ. Законъ обходили тѣмъ, что крестьяне отдавали нѣмцамъ свои земли во временную аренду для устройства на нихъ фабрикъ.

Уѣздный начальникъ N оказывалъ нѣмцамъ въ этомъ отношеніи необходимое покровительство и содѣйствіе, а нѣмцы не забывали своего покровителя и давали ему возможность прикрывать неизсякаемыми свойствами конфискованной лотереи образъ жизни не по средствамъ, пока Коханову не открыли глаза на дѣйствія любимаго имъ и, правду сказать, дѣльнаго уѣднаго начальника.

Благодаря положенному при N заселенію Ченстоховскаго уѣзда нѣмецкими фабрикантами, въ Ченстоховѣ въ настоящее время 46 фабрикъ, съ производствомъ въ 7 милліоновъ рублей, а въ уѣздѣ свыше ста фабрикъ, конечно, преимущественно нѣмецкихъ и еврейскихъ.

Перехожу къ изложенію условій жизни русскаго общества г. Петрокова. Тонъ и направленіе общественной жизни давалъ русскому обществу, какъ я уже сказалъ, петроковскій губернаторъ Иванъ Семеновичъ Кохановъ. Губернаторъ генералъ-маіоръ Кохановъ представлялъ собою типъ придворнаго генерала; необыкновенно вѣжливый, обходительный и любезный въ обращеніи, онъ отличался изяществомъ манеръ, стройностью фигуры и военною выправкою. Особенно онъ былъ представителенъ, когда въ высокоторжественные дни принималъ парадъ войскъ мѣстнаго гарнизона, у православнаго собора. Генеральская форма стараго образца, красныя панталоныя и каска съ страусовыми перьями придавали ему эффектный видъ. Онъ держалъ себя съ апломбомъ, подобающимъ представителю высшей власти въ городѣ: былъ установленъ порядокъ, что во всѣ царскіе праздники чиновники всѣхъ вѣдомствъ, до извѣстнаго класса, являлись къ губернатору въ парадной формѣ, для принесенія поздравленій съ высокоторжественнымъ днемъ. Кохановъ величественно входилъ въ залъ къ собравшимся чиновникамъ и принималъ поздравленія, но никогда не произносилъ никакихъ рѣчей; и эти пріемы отличались монотонностью и безцвѣтностью: старшихъ чиновъ и начальствующихъ лицъ Кохановъ удостаивалъ нѣсколькими словами на тему о погодѣ или близкой къ этому и раскланивался со всѣми.

По окончаніи пріема чиновниковъ, Кохановъ, со свитою, вмѣстѣ съ вице-губернаторомъ, губернскимъ жандармскимъ начальникомъ, правителемъ канцеляріи губернатора, полицеймейстеромъ и др. лицами отправлялся въ мѣстные храмы для присутствованія при торжественныхъ богослуженіяхъ, совершаемыхъ въ нихъ по случаю царскаго дня. Прежде всего онъ отправлялся въ синагогу, гдѣ выслушивалъ краткое молитвословіе и народный гимнъ, исполняемый хоромъ синагоги; отсюда онъ отправлялся въ каѳедральный костелъ, потомъ въ мѣстную кирку, гдѣ присутствовалъ на благодарственныхъ молебствіяхъ, оканчивавшихся исполненіемъ хоромъ или органомъ гимна: „Боже, Царя Храни!“ и только, обошедши синагогу и инославные храмы, Кохановъ прибывалъ къ концу литургіи въ православный соборъ. Царскіе дни праздновались въ Петроковѣ съ возможною торжественностью; большею частью въ эти дни устраивались балы или парадные обѣды въ русскомъ собраніи, а также лѣтомъ гулянья въ убогомъ городскомъ саду, гдѣ игралъ военный оркестръ. Являться на эти торжества мѣстнымъ чиновникамъ было почти обязательно; при представленіи

чиновниковъ, Кохановъ любезно напоминалъ, что онъ надѣется еще увидѣться съ ними, а при встрѣчахъ съ семейными чиновниками предупредительно добавлялось и „съ вашей супругой“, при чемъ уклоненіе чиновниковъ и ихъ семействъ отъ участія въ представительствѣ въ праздничные и высокоторжественные дни не только не одобрялось Кохановымъ, но и вызывало его неудовольствіе, выражаемое въ тонкихъ и вѣжливыхъ замѣчаніяхъ, особенно чиновникамъ польскаго происхожденія и ихъ семействамъ, вообще во многихъ случаяхъ не находившимъ удовольствія быть въ средѣ русскаго общества и часто не сочувствовавшимъ и самой идеѣ оттѣнять особеннымъ настроеніемъ торжественность царскаго дня или русскаго праздника. Такое уклоненіе чиновниковъ-поляковъ отъ участія въ мѣстныхъ торжествахъ, особенно если оно носило не случайный характеръ, а выражало систематическое нежеланіе сходиться съ русскимъ обществомъ, часто было равносильно несоотвѣтствію нахожденія чиновника въ данномъ вѣдомствѣ, и, въ лучшемъ случаѣ, это оканчивалось переводомъ его въ болѣе удаленныя мѣстности уѣзднаго захолустья.

Кохановъ задался мыслію побѣдить предубѣжденность польскаго общества противъ русскихъ, уничтожить средостѣніе между польскимъ и русскимъ обществомъ и сблизить ихъ, для чего самъ онъ подавалъ примѣръ такого сближенія, приглашая на свои воскресные журфиксы чиновниковъ русскаго и польскаго происхожденія, и, конечно, не могъ равнодушно относиться къ тѣмъ изъ нихъ, которые вносили диссонансъ въ это дѣло, особенно, если такой диссонансъ имѣлъ характеръ преднамѣренности и предубѣжденности.

Кромѣ участія мѣстныхъ чиновниковъ въ торжествахъ по случаю царскихъ праздниковъ, были еще виды оказательства въ высокоторжественные дни—обязательные для всѣхъ обывателей; изъ нихъ наиболѣе строго соблюдалось распоряженіе объ обязательной иллюминаціи обывательскихъ квартиръ. Иллюминація состояла въ томъ, что въ каждомъ окнѣ ставились двѣ зажженныя свѣчки. Отсутствіе свѣчекъ въ какой-либо квартирѣ служило признакомъ демонстративнаго отношенія владѣльца квартиры къ празднованію высокоторжественнаго дня, было актомъ неисполненія распоряженія полиціи, которая каждый разъ увѣдомляла обывателей города объ устройствѣ иллюминаціи, и такое нарушеніе обязательнаго распоряженія вызывало соотвѣтственныя репрессіи полиціи, а въ первые годы вскорѣ послѣ возстанія каралось значительными денежными штра-

фами,—по крайней мѣрѣ отсутствіе иллюминаціи на главныхъ улицахъ и въ квартирахъ достаточныхъ обывателей. При отсутствіи иллюминаціи въ какой-либо квартирѣ, къ дворнику дома являлся полицейскій, который и напоминалъ объ этомъ дефектѣ. Хотя этотъ способъ иллюминаціи былъ очень эффектенъ, такъ какъ всѣ многоэтажные дома цѣлыхъ улицъ и площадей сплошь горѣли огнями, но онъ былъ достаточно обременителенъ для жителей, ибо постановка въ каждомъ окнѣ по двѣ свѣчи, въ квартирѣ при 5—6 окнахъ вызывала расходъ около рубля, поэтому такой способъ иллюминаціи, съ благосклоннаго согласія полиціи, началъ замѣняться иллюминаціей посредствомъ сальныхъ шкаликовъ, дававшихъ много чаду, но мало свѣта. Впрочемъ, въ Петроковѣ первый способъ иллюминаціи держался дольше, нежели въ другихъ городахъ: Кохановъ часто любилъ прогуливаться со свитою по иллюминованнымъ улицамъ, поэтому, вѣроятно, полиціей не одобрялись чадящіе шкалики. Изъ всѣхъ видовъ оказательства въ высокоторжественные дни наимепѣе пользовались симпатіями польскаго общества гулянья съ музыкой въ побернардинскомъ саду и балы въ русскомъ собраніи; гулянья—потому, что они происходили въ саду, отнятомъ администраціей отъ бернардинскаго монастыря, что будило въ полякахъ непріятныя для нихъ воспоминанія, а балы потому, что они соединены были съ извѣстными расходами для людей семейныхъ, а для женъ и дочерей чиновниковъ польскаго происхожденія не было особаго удовольствія танцовать преимущественно съ русскими чиновниками и говорить по-русски. Вообще, въ лучшемъ смыслѣ, безъ предубѣжденій и нерасположенія ко всему русскому, поляки чувствовали себя въ мало знакомомъ русскомъ обществѣ по пословицѣ, какъ „не въ своей тарелкѣ“.

Но, заботясь о сближеніи польскаго общества съ русскимъ, Кохановъ еще болѣе заботился о судьбѣ русскаго общества, состоящаго преимущественно изъ чиновничьяго міра, малосостоятельнаго и разношерстнаго, и потому мало склоннаго къ сближенію и общительности. Чтобы дать возможность русскому обществу ознакомиться другъ съ другомъ, сблизиться и провести хотя разъ въ недѣлю вечеръ въ своей родной средѣ, Кохановъ ввелъ у себя по воскресеньямъ журфиксы, на которые приглашались не только всѣ чиновники русскаго происхожденія,—но всѣ вообще проживающіе въ городѣ русскіе люди, какъ напр. купцы, духовенство. Пріемы отличались простотой и ограничивались чаемъ, послѣ котораго общество разбивалось

на группы — значительная часть садилась за зелевые столы; молодежь, во главѣ съ милой дочерью Коханова, Маріей Ивановной, устраивала игры и нешумныя развлеченія, а незначительная часть общества вмѣстѣ съ хозяйкой дома, Софіей Ивановной, женщиной этикетной и вялой, обрекалась на томительное время препровожденіе, состоящее въ избитыхъ разговорахъ на пустячныя темы. Въ 11 часовъ вечера гости расходились, при чемъ многіе, безъ сомнѣнія, оставляли гостепріимный домъ начальника губерніи не безъ радости, такъ какъ, несмотря на стремленіе Коханова соединять въ своемъ домѣ русское общество, цѣль эта не вполнѣ достигалась имъ, причиною чего, можетъ быть, былъ онъ самъ; онъ не имѣлъ обыкновенія представлять своихъ гостей другъ другу. Это дѣлалось имъ, вѣроятно, не безъ основанія: такъ какъ Кохановъ собиралъ въ своемъ домѣ все русское общество, приглашалъ къ себѣ и начальниковъ и подчиненныхъ имъ чиновъ, занимавшихъ, хотя и не высокія, но штатныя должности, а также приглашалъ духовенство, мѣстное русское купечество и чиновниковъ, хотя и не многихъ, польскаго происхожденія, то онъ не желалъ навязывать своимъ гостямъ обязательное знакомство другъ съ другомъ, предоставляя имъ возможность знакомиться по своимъ вкусамъ и симпатіямъ.

Необходимо, хотя кратко, очертить русское общество въ Петроковѣ и составъ его. Русское чиновничье общество даннаго времени было очень незначительно, оно состояло не болѣе, какъ изъ 50 душъ, считая лицъ обоего пола; русскія лица занимали только должности начальниковъ отдѣльныхъ частей, преподавателей русскаго языка, исторіи и географіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, на остальныхъ же мѣстахъ находились поляки; даже многія начальническія мѣста занимали поляки. Такъ инспекторъ мужской гимназіи и начальница женской прогимназіи были лица польскаго происхожденія; окружныхъ судовъ еще не было, и въ Петроковѣ находился трибуналъ, весь безъ исключенія состоявшій изъ лицъ польскаго происхожденія. Кромѣ чиновниковъ русскаго происхожденія, въ Петроковѣ квартировалъ 37 пѣхотный полкъ и казачій полкъ, офицеры которыхъ состояли изъ лицъ русскаго происхожденія. Военное общество жило отдѣльною полковою жизнью. Остальные представители русскаго общества не отличались ни гостепріимствомъ, ни особенною общительностью. Многіе изъ нихъ были или одинокіе, вдовцы и холостые, или не имѣли ни средствъ, ни охоты принимать у себя гостей.

Вслѣдствіе этого, несмотря на все желаніе Коханова сплотить и расшевелить русское общество, стремленія его туго увѣнчивались успѣхомъ, и мѣстные чиновники, особенно холостые, томились порядочною скукою и однообразіемъ жизни. Это томленіе тѣмъ болѣе давало себя чувствовать, что среди прекрасной половины русскаго общества не было женщинъ, способныхъ внести оживленіе въ общество, очаровать и сплотить вокругъ себя молодежь, среди которой, особенно изъ служащихъ въ канцеляріи губернатора, были люди интеллигентные и представительные. Несмотря на то, что русскія петроковскія дамы не отличались красотой, многія изъ нихъ имѣли поклонниковъ, и флиртъ процвѣталъ въ Петроковѣ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Процвѣтанію флирта, кромѣ склонности къ нему прекраснаго пола, способствовало еще то обстоятельство, что огромное большинство чиновниковъ русскаго происхожденія были люди молодые, холостые; что эти чиновники, за рѣдкими исключеніями, не сходились съ польскимъ обществомъ, не вращались среди него и не пользовались симпатіями прекрасной половины этого общества, поэтому вся атака ихъ была устремлена на дамъ русскаго происхожденія, вслѣдствіе чего между кавалерами и особенно между дамами происходило соперничество, приводившее иногда къ курьезнымъ столкновеніямъ, дѣлавшимся достояніемъ общества.

Въ порядкѣ послѣдовательности теперь необходимо мнѣ приступить къ изложенію моей службы и дѣятельности въ Петроковской гимназіи, для какой цѣли слѣдуетъ сдѣлать характеристику служебнаго персонала гимназіи, нравственное состояніе учащихся, ихъ познанія и развитіе и первые шаги дѣятельности моей въ этомъ учебномъ заведеніи.

Учебный персоналъ Петроковской гимназіи въ данное время былъ не выше средняго уровня и между преподавателями было очень незначительное число лицъ, вполнѣ удовлетворявшихъ своему назначенію. Во главѣ учебнаго заведенія стоялъ инспекторъ гимназіи Ф. И. Дембицкій и его помощникъ по воспитательной части С. Н. Павелекъ, преподаватель греческаго языка. Дембицкій былъ человѣкъ добрый, но очень мягкаго характера, старый, болѣзненный и съ патріархальными привычками. Онъ не часто заглядывалъ въ гимназію, а если обстоятельства требовали присутствія его въ заведеніи, онъ не стѣснялся появляться на коридорахъ гимназіи въ халатѣ и колпакѣ, съ длиннымъ чубукомъ въ зубахъ. Походивъ по коридорамъ, поворчавъ и побранивъ учениковъ за шумъ и без-

порядки, онъ отправлялся въ свою квартиру, гдѣ и оставался до новаго чрезвычайнаго выхода—на засѣданіе педагогическаго совѣта или въ канцелярію. На уроки преподавателей онъ никогда не ходилъ, никакихъ указаній преподавателямъ не дѣлалъ и никакого руководства учебнымъ дѣломъ заведенія не обнаруживалъ. Помощникъ его Павелекъ былъ старше его лѣтами, но значительно бодрѣе его.

Помощникъ инспектора Петроковской гимназіи или, какъ прежде, при реформѣ Велепольскаго, онъ носилъ титулъ—префектъ Павелекъ представлялъ типъ истаго нѣмецкаго педагога. Высокаго роста, нѣсколько сутуловатый, съ морщинистымъ лицомъ, орлинымъ взоромъ, ровный, спокойный въ обращеніи, доброжелательный къ учащимся, во все вникающій и всѣмъ интересующійся, онъ одинъ поддерживалъ порядокъ въ заведеніи и неуклонно наблюдалъ за успѣхами учащихся и ихъ поведеніемъ. Отношеніе его къ учащимся было патріархальное отечески-кроткое. Если его замѣчанія и наставленія не дѣйствовали, онъ грозилъ провинившемуся розгою и въ надлежащемъ случаѣ угрозу приводилъ въ исполненіе. Даже къ провинившемуся ученику онъ обращался не иначе, какъ отечески-кротко, со словомъ „душко“. Если „душко“ не поддавался нравственному воздѣйствію, онъ приглашалъ его въ особую спеціальную комнату; слѣдомъ за ними шелъ сторожъ, который ставилъ посреди комнаты скамейку; Павелекъ обращался къ провинившемуся со словами: „кладысь, душко“; душко дѣлалъ извѣстныя приготовленія въ костюмѣ и ложился на скамейку или добровольно, или при содѣйствіи сторожа. Павелекъ произносилъ сурово: „пьять“, что означало провинившемуся дать пять розогъ, число поторыхъ Павелекъ аккуратно считалъ самъ. Если удары были для провинившагося очень чувствительны или наказываемый очень жалобно просилъ прощенія и заслуживалъ снисхожденія, Павелекъ уменьшалъ число назначенныхъ ему ударовъ. По окончаніи экзекуціи „душко“ вставалъ со скамейки, приводилъ въ порядокъ свой костюмъ, подходилъ къ Павелеку, цѣловалъ его въ руку, Павелекъ, въ свою очередь, цѣловалъ наказаннаго въ лобъ, дѣлалъ ему соотвѣтственныя наставленія и предостереженія и послѣ этого и „душко“, и Павелекъ мирно разставались. Павелекъ преподавалъ древніе языки. Это былъ рѣдкій, уже и въ то время выходившій изъ обихода типъ истаго классика. Павелекъ былъ родомъ изъ Познани и изъ Пруссіи вынесъ черты нѣмецкаго педагога-классика. Въ высшихъ классахъ гимназіи древнихъ классиковъ онъ читалъ не только

съ энтузіазмомъ, но съ глубокимъ умиленіемъ: голосъ, интонація, чувство, жесты—все было употреблено имъ для воодушевленія учащихся и возбужденія въ нихъ любви къ классикамъ. Чтеніе и объясненіе въ классѣ Иліады Гомера было для Павелека какъ бы нѣкоторымъ священнодѣйствіемъ. Любовь его къ Гомеру была такъ велика, что, какъ онъ самъ говорилъ, онъ никогда не засыпалъ, не прочитавши предъ сномъ страницу изъ Иліады. Павелекъ былъ единственной экземпляръ истиннаго педагога-классика и педагога-систематика среди преподавателей Петроковской гимназіи. Изъ остальныхъ лицъ учебнаго персонала Петроковской гимназіи болѣе выдѣлялись дѣятельностью и способностями преподаватель математики Васильковскій, преподаватель физики Канскій, преподаватель исторіи Ржечніовскій и преподаватель польскаго языка Пленкевичъ. Всѣ вышепоименованные преподаватели, кромѣ Пленкевича, окончившаго главную варшавскую школу, воспитывались въ русскихъ университетахъ, поэтому порядочно владѣли русскимъ языкомъ.

Преподаватель математики Л. И. Васильковскій воспитывался въ Московскомъ университетѣ; математику преподавалъ просто, доступно пониманію учащихся, не предъявляя слишкомъ обширныхъ требованій, но добивался твердаго и основательнаго знанія главнѣйшихъ положеній науки. Вторымъ преподавателемъ математики и физики былъ Целестинъ Іордановичъ Канскій, человѣкъ молодой, полный силъ и энергіи, и талантливый преподаватель. Онъ отличался скрытностью, сарказмомъ, но человѣкъ онъ былъ вообще очень хорошій и общительный. Преподаватель Р—скій былъ человѣкъ старый и болѣзненный, много испытавшій на своемъ вѣку и разочаровавшійся въ своихъ идеалахъ; по политическимъ обстоятельствамъ онъ былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе; по окончаніи срока ссылки онъ былъ возвращенъ на родину и состоялъ преподавателемъ всеобщей исторіи. Предметъ свой онъ зналъ; но преподавалъ его слишкомъ нервно. Учитель польскаго языка Р. С. Пленкевичъ, человѣкъ развитой и начитанный въ польской литературѣ, слабо владѣлъ русскою рѣчью и неохотно говорилъ по-русски. Серьезнымъ преподавателемъ былъ еще пасторъ Миллеръ, человѣкъ очень общительный и хорошаго характера. Кромѣ перечисленныхъ выше лицъ, преподавателями Петроковской гимназіи состояли: учитель русскаго языка П. М. Сладкопѣвцевъ, латинскаго языка Ф. О. Творковскій, французскаго языка Ивонэ, нѣмецкаго И. А. Ровецкій;

къ составу гимвазіи принадлежали еще преподаватель пѣнія Яблонскій, замѣчательный тѣмъ, что преподавалъ пѣніе, будучи глухимъ на одно ухо, и гимназическій врачъ Ѳ. А. Ронтанеръ—прекрасный человѣкъ и хорошій докторъ, заботливо относившійся къ ученикамъ.

Въ похвалу учителямъ Петроковской гимназіи польскаго происхожденія необходимо сказать, что они были прекрасные товарищи, жили дружно и согласно не только между собою, но относились безъ предубѣжденій и свойственной многимъ полякамъ нерасположенности къ русскимъ людямъ. Одинъ изъ болѣе развитыхъ преподавателей польскаго происхожденія однажды вполнѣ правильно выразилъ взглядъ на тѣ отношенія, которыя должны существовать между товарищами и сослуживцами извѣстнаго учрежденія. Обращаясь ко мнѣ, онъ однажды, при товарищахъ-полякахъ, сказалъ мнѣ слѣдующія золотыя слова: „Судьба опредѣлила намъ жить въ одномъ городѣ и служить въ одномъ и томъ же учебномъ заведеніи. Человѣкъ не можетъ жить одними служебными интересами; каждый изъ насъ жаждетъ сообщества, взаимности. Разъ намъ судьба назначила жить и служить совмѣстно, то для собственнаго нашего блага и для пользы учебнаго дѣла необходимо, чтобы мы жили дружно, согласно, по-товарищески; во взаимныхъ товарищескихъ отношеніяхъ между нами не должно быть политики, какъ и національной розни; мы только товарищи и сослуживцы". Мнѣ не приходилось болѣе встрѣчать такихъ отношеній, какія существовали въ Петроковѣ между польскими и русскими преподавателями. Образованію благопріятныхъ отношеній между польскими и русскими педагогами содѣйствовали—не только личный составъ гимназіи, состоявшій изъ умѣренныхъ и благоразумныхъ элементовъ, но и то обстоятельство, что польское населеніе Петроковской губерніи, отчасти вслѣдствіе установившатося въ этой губерніи рѣжима, проводимаго Кохановымъ, отчасти вслѣдствіе того, что населеніе этой губерніи не было сплошное польское и между нимъ сильно было вкраплено болѣе умѣренное и болѣе корректное въ то время нѣмецкое населеніе,—не отличалось такимъ польскимъ шовинизмомъ и даже фанатизмомъ, какимъ отличалось польское населеніе Радомской или Кѣлецкой губерній.

Составъ преподавателей Петроковской гимназіи не отличался рѣзкимъ различіемъ характеровъ и взглядовъ: польскіе преподаватели, между которыми многіе окончили русскіе университеты, были люди болѣе пожилые, прослужившіе въ гимназіи значи-

тельное число лѣтъ, нѣсколько приспособившіеся другъ къ другу и другъ съ другомъ свыкшіеся; вновь же назначенные русскіе преподаватели оказались ягодами одного поля: вмѣсто ушедшаго изъ Петрокова учителя Сладкопѣвцева преподавателемъ русскаго языка, исторіи и географіи Россіи назначенъ былъ Владиміръ Тарасьевичъ Мазюкевичъ, мой товарищъ по гимназіи и университету, бывшій впослѣдствіи директоромъ Холмской гимназіи, преподавателями же русскаго языка Петроковской женской прогимназіи назначены были студенты Кіевской духовной академіи Николай Михаиловичъ Лучицкій и Никола Биничъ; послѣдній былъ обрусѣвшій сербъ. Такимъ образомъ всѣ, русскіе преподаватели мужской гимназіи и женской прогимназіи оказались земляками, а нѣкоторые и однокашниками. При назначеніи русскихъ преподавателей въ гимназіи Варшавскаго учебнаго округа попечитель округа Витте опредѣлялъ на должности, охотно, студентовъ университета св. Владиміра и Кіевской духовной академіи. Такое предпочтеніе его кіевлянамъ можетъ быть мотивировано не только тѣмъ, что многіе изъ назначаемыхъ имъ лицъ извѣстны были ему, какъ бывшему попечителю Кіевскаго учебнаго округа, такъ и тѣмъ соображеніемъ, что назначенные на должности кіевляне болѣе или менѣе сталкивались на мѣстѣ съ польскимъ населеніемъ и потому были болѣе приспособлены къ дѣятельности среди поляковъ, нежели лица, неслужившія среди нихъ и незнакомыя съ ихъ характеромъ и темпераментомъ и настроеніемъ. Колонія русскихъ педагоговъ Петроковской гимназіи вскорѣ увеличилась еще болѣе, когда вмѣсто инспектора гимназіи Дембицкаго назначенъ былъ инспекторомъ Солнцевъ, прибылъ вновь назначенный настоятель Всѣхсвятской церкви священникъ Константинъ Евсеевичъ Рышковъ, человѣкъ молодой, общительный, а также назначенъ былъ начальникомъ лодзинской учебной дирекціи Прокофій Тимоѳеевичъ Терновскій, хотя и имѣвшій мѣстопребываніемъ г. Лодзь, но наѣзжавшій довольно часто въ Петроковъ и весьма охотно, дружелюбно и хлѣбосольно принимавшій насъ въ Лодзи, куда мы иногда наѣзжали къ нему во время праздниковъ. Такимъ образомъ, пребываніе мое въ Петроковѣ, въ смыслѣ общительности и товарищескихъ отношеній, сложилось не тольк о самымъ благопріятнымъ, но, можно сказать счастливымъ образомъ.

Изложу нѣкоторые факты, касающіеся службы моей въ Петроковской гимназіи. Въ теченіе перваго же года моей службы въ Петроковъ прибылъ для ревизіи гимназіи попечитель

учебнаго округа Ѳедоръ Ѳедоровичъ Витте; Этотъ пріѣздъ попечителя былъ очень грозный. Петроковская гимназія, благодаря слабости ея начальника инспектора гимназіи, не пользовалась у начальства доброю репутаціей, и попечитель прибылъ въ гимназію не безъ предубѣжденія противъ нея. Произведенная имъ ревизія вполнѣ оправдала установившуюся за гимназіей репутацію. Попечитель остался очень недоволенъ познаніями учениковъ и порядками гимназіи. По поводу ревизіи попечитель собралъ засѣданіе педагогическаго совѣта. Я полагалъ, что на этомъ засѣданіи попечитель укажетъ замѣченные имъ недостатки въ учебномъ заведеніи, дастъ преподавателямъ надлежащія наставленія и объясненія, но оказалось, что это засѣданіе было разносомъ гимназіи и преимущественно начальника ея, инспектора Дембицкаго.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ Витте былъ не только человѣкъ корректный и выдержанный, но даже въ полномъ смыслѣ этого слова джентльменъ. Рѣчь его отличалась плавностью, изысканностію выраженій; осанкѣ своей онъ старался придать важность, изящество обращенія, соединеннаго съ любезностью, хотя фигура его—высокая и худая, и косой одинъ глазъ не благопріятствовали такимъ его намѣреніямъ. Витте значительную часть своей жизни вращался въ придворныхъ сферахъ, будучи воспитателемъ дѣтей принца Ольденбургскаго. Когда онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа и находился въ интимной педагогической средѣ или въ избранномъ обществѣ, онъ очаровывалъ всѣхъ своимъ умомъ, своею бесѣдою, при чемъ эта бесѣда касалась преимущественно высшихъ и придворныхъ сферъ; но когда онъ былъ не въ духѣ и находился среди людей, къ которымъ былъ нерасположенъ или которыхъ не уважалъ, онъ былъ неузнаваемъ. Будучи, кромѣ того, человѣкомъ вспыльчивымъ, онъ иногда терялъ самообладаніе и позволялъ себѣ несоотвѣтственность своему сану и положенію возвышать голосъ на подчиненныхъ. Въ такомъ настроеніи Витте находился на знаменитомъ засѣданіи педагогическаго совѣта, о которомъ упомянуто было выше. Онъ кричалъ на нѣкоторыхъ учителей-поляковъ, особенно на инспектора Дембицкаго, говорилъ инспектору, что онъ его прогонитъ со службы. Впрочемъ, въ то время не одинъ Витте позволялъ себѣ рѣзко обращаться съ подчиненными. Нѣкоторые начальники учебныхъ дирекцій держали себя въ отношеніи подчиненныхъ еще болѣе сурово, а иногда и не вполнѣ корректно. Когда начальникъ варшавской учебной дирекціи Василій Ивановичъ Вилуевъ, пріѣхалъ въ Влоцлавскъ,

для ревизіи Влоцлавскаго реальнаго училища и былъ встрѣченъ на вокзалѣ, въ парадной формѣ, не только учебнымъ персоналомъ, но и уѣздными властями во главѣ съ уѣзднымъ начальникомъ, учитель русскаго языка Барановскій имѣлъ неосторожность поднести Вилуеву небольшую книжку своихъ стихотвореній подъ заглавіемъ: „Голосъ русскаго изъ Польши“, написанныхъ имъ на событія крымской кампаніи, то Вилуевъ въ присутствіи всѣхъ разнесъ его. Барановскій былъ старый преподаватель, прослужившій всю свою жизнь въ Царствѣ Польскомъ и при томъ въ ту пору, когда при преподаваніи русскаго языка учителя не только пользовались польскимъ языкомъ, но и говорили по-польски, поэтому нельзя удивляться тому, что такіе старые преподаватели, какъ Барановскій, не сохранили чистоты русскаго произношенія и даже могли употреблять въ рѣчи полонизмы. Когда во время представленія Вилуеву Барановскій поднесъ плоды своей музы и сказалъ при этомъ нѣсколько соотвѣтствующихъ случаю словъ, Вилуевъ, подмѣтивъ въ рѣчи Барановскаго какой-то полонизмъ, рѣзко оборвалъ его, при всѣхъ, словами: „Вмѣсто писанія стиховъ, вы лучше учитесь правильно выражаться по-русски“ и началъ читать ему неумѣстную мораль, а въ училищѣ при преподавателяхъ сказалъ Барановскому: „у васъ на плечахъ вмѣсто головы горшокъ“, впрочемъ, Вилуевымъ не было пояснено, къ какой категоріи посуды относился горшокъ, которымъ онъ снабдилъ Барановскаго вмѣсто головы. Витте, положимъ, не употребилъ такихъ выразительныхъ словъ и больше старался наводить страхъ громкимъ голосомъ и внушительностью рѣчи; произведенная попечителемъ Витте ревизія Петроковской гимназіи, помимо грозныхъ словъ, окончилась для инспектора гимназіи довольно печально: онъ былъ переведенъ инспекторомъ въ Пинчевскую прогимназію, слѣдовательно, съ пониженіемъ, а на его мѣсто инспекторомъ Петроковской гимназіи назначенъ былъ инспекторъ Пинчевской прогимназіи Семенъ Ѳедоровичъ Солнцевъ.

Съ назначеніемъ Солнцева увеличилась наша русская педагогическая семья, и измѣнились порядки въ гимназіи. Солнцевъ былъ человѣкъ еще сравнительно молодой, энергичный; онъ интересовался дѣлами ввѣреннаго ему учебнаго заведенія, во все вникалъ и давалъ преподавателямъ необходимыя указанія и разъясненія. Съ прибытіемъ Солнцева сильно увеличилась наша педагогическая общительность. Солнцевъ былъ человѣкъ семейный и, хотя собственная семья его состояла изъ одной

малолѣтней дочери, но за то у жены его было около полудюжины сестеръ, которыя частью жили въ семьѣ Солнцева, а частью наѣзжали къ нему, что было весьма благопріятнымъ фактомъ въ жизни мѣстной русской среды.

Надобно замѣтить, что въ Петроковѣ въ семидесятыхъ годахъ былъ полный неурожай на барышенъ. Обстоятельства какъ-то такъ складывались, что мѣстные чиновники были или бездѣтные, или не имѣли, какъ говорятъ поляки, дочерей „na widaniu, поэтому главнымъ поставщикомъ невѣстъ была Петроковская женская прогимназія: стоило барышню назначить классною дамою женской прогимназіи, какъ уже черезъ полгода она выходила замужъ и разстраивала всѣ педагогическіе планы мѣстнаго учебнаго начальства, такъ какъ въ то время существовала еще тенденція, что класснымъ дамамъ не слѣдуетъ быть замужними,—изъ опасенія, что могущее быть приращеніе въ семьѣ классной дамы воочію можетъ поколебать вѣру ученицъ въ то, что дѣтей приносятъ аисты.

Гостепріимство Солнцевыхъ было не только слѣдствіемъ ихъ радушія и желанія привлечь въ свой домъ, обильный женскимъ поломъ, педагогическую молодежь, но также въ значительной степени расположеніемъ обоихъ ихъ къ висту и ералашу. Неудивительно, что карточная игра въ то время была главнымъ средствомъ развлеченія; гдѣ бы ни собралось русское общество изъ служилаго сословія въ Польшѣ, оно всегда было разношерстное: кромѣ мѣстныхъ служебныхъ интересовъ, у него не было другихъ стимуловъ для обмѣна мыслей, для общественной жизни. Разобщенность мѣстнаго русскаго общества съ Россіей была большая: въ городахъ края не было ни магазиновъ съ русскими книгами, ни библіотекъ; довольствовались, въ области общественной и политической, скудными свѣдѣніями, сообщаемыми выходившею въ то время, параллельно на двухъ языкахъ, русскомъ и польскомъ, газетою „Варшавскій Дневникъ“, да „Правительственнымъ Вѣстникомъ“; изъ педагогическихъ изданій считались незапретными „Русскій Вѣстникъ“ и „Московскія Вѣдомости“, и эти изданія выписывались нѣкоторыми средними учебными заведеніями, выписывать же газеты и журналы на собственный счетъ не всякій могъ. Вслѣдствіе этого во время частныхъ общественныхъ собраній большинство развлекалось карточной игрой, а молодежь устраивала разныя игры, не брезгая даже жмурками. Въ играхъ иногда принимали участіе и довольно солидные люди, а въ танцахъ очень часто показывали свое искусство и люди болѣе чѣмъ солиднаго

возраста; начальникъ Лодзинской дирекціи, забывъ свою солидность, съ воодушевленіемъ отплясывалъ довольно модный въ то время нѣмецкій танецъ „гроссъ-фатеръ“.

Поступленіе мое на службу въ Варшавскій учебный округъ совпало съ временемъ начала реформъ въ учебныхъ заведеніяхъ Царства Польскаго и преобразованія ихъ въ духѣ общеимперскихъ учебныхъ заведеній; предшествовавшіе же этому времени годы, благодаря разразившемуся возстанію и реформамъ графа Велепольскаго, были временемъ полнаго упадка правительственной системы образованія и преподаванія русскаго языка въ школахъ Царства Польскаго.

Велепольскій стремился придать образованію въ Царствѣ Польскомъ чисто польскій характеръ. Выработанный имъ уставъ объ общественномъ воспитаніи въ Царствѣ Польскомъ былъ Высочайше утвержденъ 8 мая 1862 года. Варшавскій учебный округъ въ 1862 году былъ упраздненъ, и снова возстановлена коммиссія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. По уставу 1862 года директора гимназій переименованы были въ ректоровъ, должность инспектора гимназій упразднена и вмѣсто нея введена должность префекта, которую исправлялъ одинъ изъ преподавателей; въ гимназіяхъ вмѣсто двухъ учителей русскаго языка назначенъ одинъ, число уроковъ этого предмета сокращено съ 33 на 14; всѣ уроки русскаго языка отнесены на послѣобѣденные часы; преподаваніе славянскаго языка отмѣнено; русская исторія, какъ отдѣльный предметъ, уничтожена и соединена съ исторіей всеобщей; въ 1 и 2 классѣ преподаваніе русскаго языка узаконено на польскомъ языкѣ.

Послѣ 1862—1863 года въ правящихъ сферахъ зарождается убѣжденіе, что въ русскомъ государствѣ образованіе должно носить общегосударственный характеръ и органомъ науки въ школѣ долженъ быть языкъ государственный, русскій. Но правительство не сразу и не безъ колебаній приступило къ осуществленію задачи реорганизаціи учебнаго дѣла въ Царствѣ Польскомъ на началахъ общегосударственныхъ. Предвѣстникомъ новаго взгляда на учебное дѣло является Высочайшій указъ 30 августа 1864 года, которымъ установлены коренныя начала для улучшенія и устройства учебной части въ Царствѣ Польскомъ. Согласно этому указу Царство Польское было раздѣлено на десять дирекцій. Для управленія учебными дирекціями были назначены начальники учебныхъ дирекцій, которымъ были подчинены всѣ казенныя и частныя учебныя заведенія, находящіяся въ предѣлахъ дирекціи, ректоры гимназій переиме-

нованы были въ инспекторовъ, префекты же переименованы въ помощниковъ инспекторовъ.

5 января 1866 года послѣдовало Высочайшее утвержденіе устава среднихъ учебныхъ заведеній, приспособленныхъ къ потребностямъ различныхъ въ Царствѣ Польскомъ населеній, а именно утверждены уставы: мужскихъ гимназій и прогимназій для польскаго населенія; русскихъ мужскихъ гимназій и прогимназій для греко-уніатскаго населенія въ Царствѣ Польскомъ; главнаго нѣмецкаго евангелическаго училища въ Варшавѣ; Лодзинской нѣмецкой реальной гимназіи; женскихъ гимназій и прогимназій; педагогическихъ курсовъ для польскаго населенія, такихъ же курсовъ для грекоуніатскаго и литовскаго населенія въ Царствѣ Польскомъ. Высочайшимъ рескриптомъ на имя Намѣстника въ Царствѣ Польскомъ поручено было ему принять мѣры къ скорѣйшему, по возможности, введенію этихъ узаконеній въ дѣйствіе. Хотя уставы и штаты мужскихъ польскихъ гимназій и прогимназій также Высочайше утверждены въ 5 день января 1866 года, но такъ какъ введеніе ихъ въ дѣйствіе среди учебнаго года, когда оставалось только нѣсколько мѣсяцевъ до окончанія его, могло бы нарушить прежній порядокъ ученія въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ Царства Польскаго, то заведенія эти оставлены до конца 1865/6 учебнаго года непреобразованными, съ примѣненіемъ, однако же, съ начала этого года и къ нимъ, по мѣрѣ возможности, учебнаго курса, опредѣленнаго новыми уставами, чтобы такимъ образомъ приготовить эти учебныя заведенія къ имѣющему послѣдовать въ началѣ 1867/8 учебнаго года, полному преобразованію ихъ; для усиленія же во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Царства Польскаго изученія русскаго языка и словесности и введенія для этой цѣли преподаванія на русскомъ языкѣ исторіи и географіи, признано необходимымъ, не отлагая до слѣдующаго учебнаго года, опредѣлить тотчасъ же учителей, вызываемыхъ изъ Имперіи для преподаванія и не въ преобразованныхъ еще учебныхъ заведеніяхъ русскаго языка и словесности, а также исторіи Россіи и Польши и географіи Россійской Имперіи и Царства Польскаго.

Согласно уставу 5 января 1866 года и примѣнительно къ потребностямъ мѣстныхъ населеній учебныя заведенія на первыхъ порахъ были преобразованы слѣдующимъ образомъ: кромѣ русскихъ мужской и женской гимназій въ Варшавѣ, существовавшихъ на основаніи особаго устава (эти гимназіи, на основіи Высочайшаго повелѣнія отъ 30 ноября 1868 года, подчи-

нены попечителю Варшавскаго учебнаго округа фактически 7 января 1869 г.), Сѣдлецкая гимназія преобразована въ русскую классическую гимназію для греко-уніатскаго населенія, а Грубешовское уѣздное училище въ такую же прогимназію для того же населенія; Бѣльская 5-классная греко-уніатская прогимназія преобразована въ 7-классную гимназію и открыты въ Бѣлѣ русскіе педагогическіе курсы для греко-уніатскаго населенія. Маріампольское уѣздное училище преобразовано въ классическую гимназію для литовскаго населенія и какъ въ этой гимназіи, такъ и въ Сувалкскихъ мужской и женской гимназіяхъ введено преподаваніе всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ, а также устроено преподаваніе литовскаго языка для желающихъ обучаться ему. Въ смѣшанныя гимназіи и прогимназіи преобразованы слѣдующія гимназіи и уѣздныя училища: Люблинскія гимназіи, мужскаяи женская, Ломжинская мужская гимназія, Варшавское и Прагское уѣздныя училища и Варшавская женская 4-классная прогимназія. Во всѣхъ этихъ учебныхъ заведеніяхъ введено преподаваніе на русскомъ языкѣ. Прочія, существовавшія въ краѣ учебныя заведенія оставлены для польскаго населенія, за исключеніемъ предназначенныхъ для нѣмецкаго населенія: главнаго нѣмецкаго евангелическаго училища въ Варшавѣ и Лодзинской нѣмецкой реальной гимназіи. Всего было преобразовано 32 мужскія и женскія гимназіи, 12 такихъ же прогимназій и 7 педагогическихъ курсовъ, впослѣдствіи число учебныхъ заведеній значительно было увеличено; еще въ 1866—7 уч. г. открыты педагогическіе курсы: въ поселеніи Вейверахъ (Сувалкской губерніи) для литовскаго населенія, въ м. Сѣнницѣ (Варшавской губ.), въ п. Сольцахъ (Радомской губ.) и въ с. Вымислинѣ (Плоцкой губ.) для польскаго населенія.

Что касается женскихъ учебныхъ заведеній, то Варшавское высшее женское казенное училище преобразовано въ шестиклассную гимназію и открыты такія же гимназіи въ городахъ: Люблинѣ, Радомѣ, Плоцкѣ, Сувалкахъ и Калишѣ, согласно Высочайшему указу 30 августа 1864 года о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ въ Царствѣ Польскомъ. Сверхъ того, изъ принятыхъ въ вѣдомство народнаго просвѣщенія, на основаніи Высочайшаго указа о римско-католическихъ монастыряхъ въ Царствѣ Польскомъ отъ 27 октября 1864 года, находившихся при этихъ монастыряхъ женскихъ пансіоновъ преобразованы въ четырехклассныя женскія прогимназіи: въ Варшавѣ—пансіонъ, находившійся при монастырѣ доминиканокъ, и въ Пет-

роковѣ—пансіонъ, находившійся при монастырѣ сакраментокъ, а также устроены трехклассныя женскія прогимназіи на мѣсто пансіоновъ, бывшихъ при монастыряхъ: бенедиктиковъ въ Сандомирѣ и бернардиновъ въ Ловичѣ. Впослѣдствіи число женскихъ учебныхъ заведеній значительно увеличено: открыты гимназіи во всѣхъ губернскихъ городахъ и многихъ уѣздныхъ; многія прогимназіи преобразованы въ полныя гимназіи.

Въ учебныхъ заведеніяхъ, предназначенныхъ для польскаго населенія, преподаваніе всѣхъ предметовъ, за исключеніемъ русскаго языка, русской исторіи и географіи Россіи и Польши, шло на польскомъ кзыкѣ; но это продолжается недолгое время, и правительство вскорѣ задается планомъ преобразованія учебныхъ заведеній Царства Польскаго по общеимперскому типу съ государственнымъ языкомъ,—русскимъ, и съ этою цѣлью предпринимается цѣлый рядъ соотвѣтственныхъ мѣръ: такъ по Высочайшему повелѣнію 10 февраля 1868 года во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ мужскихъ и женскихъ введено преподаваніе физико-математическихъ и историческихъ предметовъ на русскомъ языкѣ, а затѣмъ, на основаніи такого же Высочайшаго повелѣнія 1 мая 1869 года, съ началомъ 1869—70 уч. г. введено преподаваніе на русскомъ языкѣ и прочихъ предметовъ, входящихъ въ курсъ этихъ учебныхъ заведеній, кромѣ закона Божія, преподаваніе котораго повелѣно оставить на тѣхъ же языкахъ, на которыхъ оно производилось до воспослѣдовавшаго Высочайшаго повелѣнія. Затѣмъ, согласно положенію Комитета по дѣламъ Царства Польскаго, въ 5 день февраля 1869 г. Высочайше было повелѣно отмѣнить существовавшія наименованія мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній Варшавскаго учебнаго округа русскими, польскими, нѣмецкими, смѣшанными и наименовать всѣ эти заведенія безъ исключенія, наравнѣ съ учебными заведеніями прочихъ учебныхъ округовъ: педагогическими курсами, мужскими и женскими гимназіями и прогимназіями, классическими или реальными, соотвѣственно полу обучающихся и курсу заведенія.

Еще раньше, 15 мая 1867 г., была упразднена Комиссія народнаго просвѣщенія и всѣ учебныя заведенія въ Царствѣ Польскомъ подчинены, на общемъ основаніи, Министерству Народнаго Просвѣщенія. Исполнителемъ Высочайшихъ предначертаній и первымъ организаторомъ русскаго просвѣщенія въ Царствѣ польскомъ является Ѳедоръ Ѳедоровичъ Витте, дѣйствовавшій сперва въ должности главнаго директора, предсѣдательствующаго въ комиссіи народнаго просвѣщенія, а по-

томъ, съ образованіемъ въ 1867 году Варшавскаго учебнаго округа, въ должности попечителя. Изданнымъ 9 мая 1872 года распоряженіемъ министра народнаго просвѣщенія объ употребленіи въ стѣнахъ учебныхъ заведеній всѣми учащими и учащимися русской рѣчи и примѣненіемъ къ классическимъ гимназіямъ Варшавскаго учебнаго округа въ 1873—4 уч. г. Высочайше утвержденнаго 30 мая 1871 года устава гимназій и прогимназій вѣдомствъ Министерства Народнаго Просвѣщенія заканчивается рядъ мѣропріятій о сліяніи учебныхъ заведеній Царства Польскаго съ однородными общеимперскими учебными заведеніями, на началахъ общегосударственныхъ.

Итакъ, всѣ реформы учебныхъ заведеній въ Царствѣ Польскомъ проистекали въ періодъ пребыванія моего на службѣ въ Петроковской гимназіи. Заслуживаетъ вниманія та постепенность и тѣ пріемы, которые практиковались правительствомъ при производствѣ реформъ. Правительство не сразу приступило къ реформамъ, а постепенно, по мѣрѣ того, какъ учебныя заведенія болѣе или менѣе были подготовлены къ воспріятію реформъ и при томъ самыя эти реформы проводимы были, какъ частичныя мѣры, необходимыя въ цѣляхъ общегосударственныхъ, и совершались безъ предварительныхъ обсужденій и шума, подымаемаго прессою: польстивъ мѣстнымъ населеніямъ Царства Польскаго учрежденіемъ учебныхъ заведеній, приспособленныхъ къ потребностямъ населенія русскаго, русско-уніатскаго, польскаго, литовскаго и нѣмецкаго, съ введеніемъ преподаванія всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ въ учебныхъ заведеніяхъ—русско-уніатскихъ, литовскихъ и смѣшанныхъ, правительство, даже если бы оно и не имѣло въ виду придать учебнымъ заведеніямъ общегосударственнаго облика, впадало въ ошибку, попадало въ тупикъ, изъ котораго не было другого выхода, какъ обращеніе къ мысли о приведеніи всѣхъ учебныхъ заведеній Царства Польскаго къ одной нормѣ, общегосударственной. Почти ни въ одной мѣстности Царства Польскаго не было населенія сплошного однороднаго: какъ въ мѣстностяхъ съ населеніемъ греко-уніатскимъ встрѣчалась значительная часть поляковъ, евреевъ и отчасти нѣмцевъ, такъ и въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ польскимъ населеніемъ встрѣчались въ значительной степени другія національности, учрежденіе же въ данной мѣстности учебнаго заведенія извѣстнаго типа отзывалось неблагопріятно на интересахъ другихъ національностей и обрекало дѣтей русскаго, греко-уніатскаго и нѣмецкаго населенія на неизбѣжность обучаться на польскомъ

языкѣ въ гимназіяхъ, напримѣръ, Петроковской, Радомской, Кѣлецкой и др., въ то время, когда дѣти обитателей этихъ населеній въ соотвѣтственныхъ мѣстностяхъ, пользуются роднымъ преподавательскимъ языкомъ. Кромѣ того, учрежденіе учебныхъ заведеній съ особымъ преподавательскимъ языкомъ въ извѣстныхъ раіонахъ дѣлало невозможнымъ переходъ учащихся изъ одного учебнаго заведенія въ другое того же рода учебное заведеніе, но съ инымъ преподавательскимъ языкомъ. Это весьма наглядно указывало правительству ошибку, въ которую оно впало, желая угодить народностямъ, населявшимъ Царство Польское, и не могло не привести его къ заключенію, что каждой отдѣльной народности было менѣе чувствительнымъ обучаться на русскомъ языкѣ, языкѣ общегосударственномъ, нежели поляку обучаться на нѣмецкомъ или нѣмцу на польскомъ языкѣ. Сознаніемъ этой ошибки и проникновеніемъ русскихъ правительственныхъ сферъ мыслію, что въ русскомъ государствѣ образованіе должно носить общегосударственный характеръ и органомъ науки въ школѣ долженъ быть языкъ государственный (русскій) и можетъ быть объясненъ тотъ поворотъ, который былъ обнаруженъ правительствомъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ въ дѣлѣ постановки образованія въ Царствѣ Польскомъ. Но самыя реформы, какъ уже было упомянуто выше, производились исподволь, постепенно, при чемъ предварительно введенія реформъ производились ревизіи учебныхъ заведеній попечителемъ и министромъ народнаго просвѣщенія, для выясненія, на сколько учебныя заведенія подготовлены къ воспріятію реформъ.

Осмотръ учебныхъ заведеній Варшавскаго учебнаго округа былъ произведенъ министромъ народнаго просвѣщенія въ 1868 году. Вслѣдствіе сдѣланнаго министромъ замѣчанія, что въ большей части осмотрѣнныхъ имъ учебныхъ заведеній учащіеся, при удовлетворительномъ знаніи русской грамматики, въ чтеніи не соблюдаютъ правильности удареній и дѣлаютъ большія ошибки въ русской диктовкѣ, предписано было усилить преподаваніе русскаго языка. Принимая во вниманіе, что для учениковъ Варшавскаго учебнаго округа требуется гораздо болѣе времени на изученіе русскаго языка, чѣмъ на языкъ польскій, и находя поэтому несоразмѣрнымъ положенное по уставу одинаковое число уроковъ русскаго и польскаго языковъ, попечитель предписалъ увеличить число уроковъ русскаго языка въ каждомъ классѣ такъ, чтобы число всѣхъ недѣль-

ныхъ уроковъ русскаго языка по словесности было 31, а польскаго языка и словесности 17.

Кстати упомяну о посѣщеніи министромъ народнаго просвѣщенія Петроковской мужской гимназіи въ 1868 году. Графъ Толстой имѣлъ усталый и болѣзненный видъ и былъ суровъ, пасмуренъ, какъ и пасмурная осенняя погода, въ которую онъ прибылъ въ Петроковъ. Эта суровость не могла дѣйствовать успокоительно на начальство учебныхъ заведеній: въ Кѣльцахъ инспекторъ гимназіи, озадаченный такой встрѣчей съ министромъ, до того растерялся, что, когда министръ сказалъ: „Гдѣ третій классъ? Ведите меня въ третій классъ“, отвѣтилъ: „пожалуйте, ваше сіятельство, направо; повелъ его въ глубь корридора и довелъ чуть не до самыхъ мѣстъ уединенія, и тогда только, спохватившись, извинился, что третій классъ находится налѣво. Толстой пошелъ по коридору налѣво, и все время повторялъ фразу: „то налѣво, то направо“, пока не дошелъ до злополучнаго третьяго класса. Прибывъ въ Петроковъ и остановившись у губернатора, министръ не принялъ никакихъ обѣдовъ и пріемовъ, не удостоилъ даже инспектора зайти къ нему на завтракъ и во время большой перемѣны гулялъ за гимназіей, по предмѣстью города, несмотря на моросившій дождикъ; министръ ни съ кѣмъ не вступалъ ни въ какіе разговоры и объясненія. Ко мнѣ министръ вошелъ въ 5 классъ. Я только двѣ недѣли тому назадъ принялъ этотъ классъ отъ Сладкопѣвцева, и познанія учениковъ этого класса въ русскомъ языкѣ были крайне не блестящи. Мнѣ не хотѣлось принимать на себя отвѣтственность и, при входѣ министра въ классъ, я доложилъ его сіятельству, что я въ пятомъ классѣ преподаю всего двѣ недѣли и не могу принять на себя отвѣтственность за познанія учениковъ этого класса; министръ ничего не сказалъ на мое заявленіе, потребовалъ книгу для чтенія, заставилъ учениковъ читать, самъ исправлялъ ошибки въ удареніяхъ и затѣмъ самъ же продиктовалъ ученикамъ нѣсколько строкъ, забралъ съ собою диктовки и удалился изъ класса, ни слова не сказавши при выходѣ. Какое впечатлѣніе онъ вынесъ изъ ревизіи Петроковской гимназіи, осталось неизвѣстнымъ.

В. А. Смородиновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Рескриптъ Николаю Ивановичу Салтыкову 24 августа 1788 г. о сформированіи егерскаго корпуса въ Рижской, Ревельской и Бѣлорусскихъ губерніяхъ.

1788 г. егерскій корпусъ.

Для умноженія войскъ въ здѣшнемъ краѣ повелѣваемъ составить егерскій корпусъ въ четырехъ баталіонахъ, подъ названіемъ Эстляндскаго, во всемъ противъ прочихъ таковыхъ же возложа наборъ онаго на генералъ-майора и ревельскаго губернатора Врангеля, съ тѣмъ, чтобы онъ его произвелъ изъ вольныхъ людей въ губерніяхъ: Рижской, Ревельской [1]) и Бѣлорусскихъ, равнымъ образомъ принимать можно изъ мѣщанъ и поселянъ казеннаго вѣдомства обѣихъ Бѣлорусскихъ губерній съ тѣмъ, чтобы всѣ сіи набираемые по окончаніи настоящей войны съ Королемъ Шведскимъ отпущены будутъ по ихъ желаніямъ, а чего недостанетъ, оное изъ рекрутъ дополнено быть можетъ....

(Собственноручная копія съ помѣткой:
„Арх. Канцел. Воен. Минист. Высоч. пов. книга № 87).

Сообщ. **В. П. Федоровъ.**

[1]) Во времена Екатерины Великой Эстляндская губернія называлась Ревельской, а Лифляндская—Рижской. *Ред.*

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 10 по 17-е января 1912 г.

Алешинцевъ, И. Исторія гимназическаго образованія въ Россіи (XVIII и XIX вѣкъ). Спб. 1912. Изд. О. Богдановой. Тип. Акц. о-ва Тип. Дѣла (Изм. п. 7 рота, 26). 8° (17 × 25). IX + 346 + VI стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 17 л. 1.400 экз.

Антикварная Книжная Торговля П. Шабанова. Каталогъ № 164. М. 1911. Тип. А. И. Снегиревой. 16° (12 × 17). 33 стр. Вѣсъ 2 л. 1.225 экз.

Арсеньева С. Д. Разсказы изъ исторіи Западныхъ окраинъ Россіи Выпускъ IV. Страданія Западной Руси. Спб. 1911. Изд. 2-е, Учил. Сов. при Св. Синодѣ (Кабинетская, 13). Тип. Синодальная. 8° (16 × 25). 221 + 1 нен. стр. Съ рис. Ц. 60 к. Вѣсъ 25 л. 5.000 экз.

Арсеньева, С. Д. Разсказы изъ Русской Исторіи. Царствующій Домъ Романовыхъ. Выпускъ III. Преемники Петра Великаго. Съ портретомъ Государыни Императрицы. Спб. 1911. Изд. Училищнаго при Св. Синодѣ Совѣта, 3-е (Кабинетская, 13). Тип. Синодальная. 8° (16×25) 196+1 нен. стр. Съ портр. и рис. Ц. 60 к. Вѣсъ 23 л. 5.000 экз.

Ассоновъ, В. Письма кн. Кутузова-Смоленскаго, гр. Милорадовича и кн. Волконскаго къ Калужскому городскому головѣ Ивану Викуличу Меньшому Горубаеву и къ Калужскимъ купеческому и мѣщанскому обществамъ въ 1811—13 годахъ. Калуга. 1912. Тип. Е. Г. Архангельской. 8° (17 ×25). 31 стр.+1 портр. Ц. 20 к. Вѣсъ 5 л. 1.200 экз.

Атласъ сраженій XIX вѣка. Періодъ времени съ 1820 г. по настоящее время. Перев. съ нѣм. подъ ред. В. Чекмарева. Вып. XIX. Спб. 1912. Изд. Березовскаго. Тип. Рус. Скоропеч. (Екат. кан., 94). 4° (27 × 35). 92 стр. и 9 плановъ. Вѣсъ 24 л. 1.100.

Барацъ, Г. М. О библейскомъ элементѣ въ Словѣ о полку Игоревѣ. Кіевъ. 1912. Тип. 1-й Кіев. Артели Печ. Дѣла (Трехсвятител., 5). 8° (17× 25). 40 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 6 л. 450 экз.

Бернашевскій, А. Г. Судъ въ старину и въ наше время. „Всеобщее обученіе“. М. 1912. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (15 × 23) 73 + 1 нен. стр. съ рис. Ц. 25 к. Вѣсъ 6 л. 2.000 экз.

Бриллiантовъ, А. Профессоръ Иванъ Васильевичъ Чельцовъ. Біографическій очеркъ. Спб. 1911. Тип. М. Меркушева (Невскій пр., 8). 8° (16 × 25) 52 стр. Вѣсъ 8 л. 50 экз.

Веселовскій Алексѣй. Этюды и характеристики. Т. I. Джордано Бруно. Легенда о Донъ-Жуанѣ. Донъ-Кихотъ. Мольеръ. Вольтеръ. Дидро. Бомарше. Къ исторіи реальнаго романа. Беранже. Байронъ. Этюды о байронизмѣ (Гюго, Мюссе, Эспронседа, Пушкинъ, Мицкевичъ, Словацкій,

Лермонтовъ). М. 1912. Изд. 4-е доп. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, с. д.). 8° (17×25). 562 стр. Складъ: (Чистопруд. бульв., 11). Ц. 4 р. (за два тома). Вѣсъ 1 ф. 28 л. 1,500 экз.

Веселовскій Алексѣй. Этюды и характеристики. Т. II. В. Гюго. А. Додэ. Ибсенъ. Легенда о Прометеѣ. Титаны и пигмеи. Очерки и наброски изъ старой и новой литературы. Грибоѣдовъ. Пушкинъ. Гоголь. Чаадаевъ. Бѣлинскій. Кольцовъ. А. Жемчужниковъ. Изъ воспоминаній. С. А. Юрьевъ, Н. Стороженко, Тихонравовъ. М. 1912. Изд. 4-е, доп. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, с. д.) 8° (17 × 25) 348 стр. Складъ: (Чистопрудный бульв., 11). Ц. 4 р. (за два тома). Вѣсъ 1 ф. 4 л. 1.500 экз.

Владимирскій календарь и памятная книжка на 1912 годъ. Владиміръ. 1911. Тип. Губ. Правл. 8° (16 × 24). 208 + 88 стр. Вѣсъ 22 л. 4.500 экз.

Выставка иконописи и художественной старины. Каталогъ Спб. 1911—12, Тип. Синодальная. 16° (13 × 18). 16 стр. Вѣсъ 1 л. 1.000 экз.

Годъ ужаса и славы. 1812 годъ. М. 1912. Изд. Т-ва парфюм. фабр. А. М. Остроумова. Тип. Т-ва А. И. Мамонтова (Леонтьевск. пер., 5). 8° (26 × 17). 103 стр. Съ рис. и портр. + 1 планъ. Ц. 1 р. Вѣсъ 17 л. 30.000 экземпл.

25-лѣтіе Саратовской ученой Архивной Коммиссіи 1886 12/XII 1911 г. Историческій очеркъ. Составилъ В. П. Соколовъ. Краткія біографіи. Сост. Н. Ф. Хованскій. Саратовъ. 1911. Тип. Союза печ. Дѣла 8° (18× 26) 262+46+II стр. Вѣсъ 1 ф. 7 л. 800 экз.

Дмитріевъ-Мамоновъ, А. И. и Дмитріевъ-Мамоновъ, В. А. Дмитріевы-Мамоновы. Спб. 1912. Изд. авторовъ. Тип. Штаба отдѣльн. корпуса погранич. стр. (В. О. Тучк. наб., у Бирж. м.). 4° (24 × 32). 7 нен. + 67 + 19 нен. + 4 + 18 стр. съ табл. Вѣсъ 1 ф. 30 л. 700 экз.

Днѣпровъ. Графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ, наказный атаманъ войска донского. Разсказъ, заимствованный изъ достовѣрныхъ источниковъ. М. 1912. Изд. Е. Коноваловой и К°. Тип. П. В. Бѣльцова. (Чистопрудн. проѣздъ, 14). 8° (12×17). 108 стр. Вѣсъ 3 л. 12.000.

Добролюбовъ, Н. А. Когда же придетъ настоящій день. („Наканунѣ“, повѣсть И. С. Тургенева). Библіотека избранныхъ сочиненій Н. А. Добролюбова. Спб. 1911. Изд. А. С. Панафидиной. Тип. М. Стасюлевича (В. О., 5 л. 28). 8° (14×20). 72 стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 5 л. 5.200 экз.

Добролюбовъ, Н. А. Что такое обломовщина? („Обломовъ“, романъ И. А. Гончарова). Спб. 1912. Изд. А. С. Панафидиной. Тип. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28), 8° (14×20). 60 стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 5 л. 5.200 экз.

Иконниковъ, В. С. Августъ Людвигъ Шлецеръ. Историко-біографическій очеркъ. Кіевъ. 1911. Тип. Т. Г. Мейнандера (Пушкинская, 20) 8 (18 × 27). 72 стр. Вѣсъ 9 л. 200 экз.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Вып. 26. М. 1911. Изд. Т-ва Міръ (Знаменка, 9). Тип. Т-ва И. Н. Кушнерева и К° (Пименовск., с. д.). 8° (19 × 28). 273 + 352 стр. + 7 портр. Вѣсъ 21 л. 13.050 экз.

Ключевскій, В., проф. Курсъ Русской Исторіи. Часть II. М. 1912. Изд. автора (Житная, соб. д.), 3-е. Тип. П. П. Рябушинскаго (текстъ) и Моск. городск. Арнольдо-Третьяковск. училища глухонѣмыхъ (обложка). 8° (14 × 22). 516 + IV стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 13 л. 10.000 экз.

Книга для чтенія по исторіи новаго времени. Т. III. (Историческая

Коммиссія Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. З.). М. 1912. Изд. т-ва И. Д. Сытина и А. К. Залѣсской (Воздвиженка, д. Армандъ). Тип. И. Д. Сытина (Пятницк., с. д.). 8° (17×24). 796 стр. Ц. 3 р. 25 к. Вѣсъ 2 ф. 11 л. 5.000 экз.

Кораблевъ, В. Н. Константинъ Аксаковъ. Спб. 1911. Тип. В. Д. Смирнова (Екатерининскій кан., 45). 8° (14×21). 17 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Котляревскій, Н. А. Отчетъ о дѣятельности отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ за 1911 годъ. Спб. 1911. Тип. Академіи Наукъ (В. О., 9-я лин., 12). 8° (16×24). 34+75 стр. Вѣсъ 13 л. 838 экз.

Къ вопросу объ изданіи историко-статистическаго описанія церквей и приходовъ епархіи. Казань, 1911. Изд. Казанск. дух. акад. Тип. Центральная (Домбровскаго). 8° (17×25). XVIII стр. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Мачтетъ, Г. А. Полное собраніе сочиненій. Подъ редакціей и съ критико-біографическимъ очеркомъ Д. П. Сильчевскаго. Томъ. VI. Спб. 1912. Изд. т-ва Просвѣщеніе (Забалканск. пр., 75). Тип. акц. т-ва Самообразованіе 16° (13×19). 350 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 26 л. 3.000 экз.

Миртовъ, П., прот. О завѣтахъ М. В. Ломоносова русскому народу Спб. 1911. Тип. Ал.-Невск. об-ва трезвости (Обводный кан., 116). 8° (14×21) 16 стр. Ц. 5 к. Вѣсъ 1 л. 3.000 экз.

Михайловскій архивъ Шереметевыхъ. Томъ второй. Вып. II. М. 1912. Изд. графа Шереметева. Тип. Синодальная. 8° (19×28). 104 стр. съ портр. Вѣсъ. 21 л. 300 экз.

Ольденбургъ, С. Ѳ. Отчетъ о дѣятельности Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ за 1911 годъ. Спб. 1911. Изд. и тип. Академіи Наукъ (Вас Остр. 9 лин., 12). 8° (16×25). 266+1 нен.+4 стр. 838 экз.

Отечественная война и русское общество. 1812—1912 г. Т. III. Историческая коммиссія учебнаго отдѣла О. Р. Т. З. Ред. А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова и В. И. Пичета. М. 1912. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (22×30). 3 нен.+227 стр. съ рис.+36 лист. рис., портр., план. и табл. Вѣсъ 3 ф. 12 л. 3.000 экз.

Поповъ, Г. Г. Домъ Романовыхъ. Къ 300-лѣтнему юбилею Царствованія (1613—1913 г.). Спб. 1912. Тип. Деп. Отд. корп. погр. стражи (В. О., у Бирж. моста). 8° (17×24). 92 стр. Съ 4 отд. портр. и рис. Ц. 30 к. Вѣсъ 9 л. 10.100 экз.

Поповъ, И. И. Великая могила прошлаго. Путевыя замѣтки по исторіи. М. 1912. Изд. и тип. В. М. Саблина (Покровка, д. Обидиной) 8° (16×21). 248+1 нен.+20 стр. Съ рис.+7 лист. рис. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 31 л. 3.000 экз.

Прилуко-Прилуцкій, Н. Г. Корифеи русскаго слова. Сборникъ критическихъ и біографическихъ статей для средней школы и самообразованія. Выпускъ XI. Гончаровъ. Жизнь и творчество. Спб. 1911. Изд. Т-ва Оросъ (Невскій пр., 66). Тип. Акц. Общ. Тип. Дѣла Герольдъ (Изм. п., 7 рота, 26). 8° (16×23). 233 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 19 л. 5.000 экз.

Рыловъ, К. В. М. В. Ломоносовъ 1711 8/XI 1911, значеніе его въ исторіи русскаго просвѣщенія. Рѣчь, произнесенная на юбилейномъ актѣ въ память 200-лѣтія со дня рожденія М. В. Ломоносова въ Аткарскомъ ре-

альномъ училищѣ. Аткарскъ. 1911. Тип. В. И. Миловидова. 8о (16×24) 21 стр. Вѣсъ 3 л. 700 экз.

Рѣчь Императрицы Екатерины Великой на общей конференціи Сунода и Сената 15 сентября 1763 года. М. 1912. Тип. П. П. Рябушинскаго (Страстной бульв., Путинковск. пер., соб. д.) 16° (13×18). 40 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 3 л. 1.200 экз.

Соколовъ, Н. І. прот. Древній крестъ изъ ризницы Московской Покровской Общины сестеръ милосердія. М. 1912. Тип. Русская Печатня (Садовая-Тріумфальная, 170). 16° (13×17). 8 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 л. 300 экз.

Соловьевъ, Н. Валеріянъ Лангеръ. (Отд. от. изъ Журн. „Старые Годы“ Январь 1912). Спб. 1912. Тип. Сиріусъ (Рыночная, 10). 8° (19×27). 18 стр. Съ рис. + 5 рис. Вѣсъ 12 л. 300 экз.

Стратоновъ, И. А. Замѣтки по исторіи земскихъ соборовъ Московской Руси. Казань. 1912. Тип. Университета. 8° (17×25). 161 + 1 нен. + V + III стр. Вѣсъ 14 л. 200 экз.

Юбилей двадцатипятилѣтія Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи (1884—1909 г., 15-го іюня). Рязань. 1911. Тип. Губернская. 8° (17×25). 10 + 14 + 13 + 25 + 33 + II стр. Вѣсъ 12 л. 500 экз.

Авчинниковъ, А. Г. Народный герой Романъ Исидоровичъ Кондратенко. Иллюстрированный очеркъ всей жизни генералъ-лейтенанта Р. И. Кондратенко, основанный на его собственныхъ письмахъ, дневникѣ и воспоминаніяхъ близкихъ родныхъ и сослуживцевъ. Екатеринославъ. 1912 Изд. 2-ое. Тип. М. С. Копылова (Просп., соб. д.). 8о (14×22). 68 стр. Съ рис. + 1 порт. Ц. 50 к. Вѣсъ 6 л. 1.000 экз.

Алексѣевъ, Н. Н. Науки общественныя и естественныя въ историческомъ взаимоотношеніи ихъ методовъ. Очерки по исторіи и методологіи общественныхъ наукъ. Часть первая. Механическая теорія общества. Историческій матеріализмъ. М. 1912. Тип. Университета. 8° (17×25). XV + 270 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 3 л. 600 экз.

Антикварная книжная торговля В. И. Клочкова. Каталогъ № 518. Спб. 1912. Тип. Э. Арнгольда (Литейный пр., 59). 8° (17×24). 16 стр. Вѣсъ 2 л. 1.200 экз.

Бобринскій, А. А., гр. Народныя русскія деревянныя издѣлія. Предметы домашняго, хозяйственнаго и отчасти церковнаго обихода. Вып. VII. М. 1912. Тип. т-ва А. А. Левенсона (Трехпрудный пер., св. д.). f° (32×42). 5 стр. + 86 + 100 табл. рис. Вѣсъ 1 ф. 11 л. 500 экз.

Булгакова, Е. Герои и подвижники смутнаго времени. Популярный очеркъ. Историческая коммиссія при учебномъ отдѣлѣ о. р. т. з. Редакція В. Н. Бочкарева и В. И. Пичета. М. 1912. Изд. книгоизд. Задруга. Тип. П. П. Рябушинскаго (Страстн. бульв., соб. д.). 8° (15×21). 126 + 2 нен. стр. Съ рис. Ц. 30 к. Вѣсъ 13 л. 5.100 экз.

„Великая Россія“ Географическіе, этнографическіе и культурно-бытовые очерки Современной Россіи. Подъ общимъ руководствомъ проф. Д. Н. Анучина. Т. I. Сибирь. П. М. Головачева. М. 1911. Изд. Книгоизд. т-ва Дѣло (Казицкій пер., 2). Тип. Шнакенбурга (Юрьевъ). 8° (17×26). 2 нен. + 236 стр. съ рис. Вѣсъ 1 ф. 26 л. 3.000 экз.

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

31-го Октября 1909 года въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Русскомъ Военно-Историческомъ Обществѣ сдѣланъ былъ дѣйствительнымъ членомъ Г. С. Габаевымъ докладъ о необходимости періодическаго изданія по эпохѣ 1812 года, какъ способъ увѣковѣченія „священной памяти“ этого года. Такое изданіе было предпринято въ Москвѣ.

Журналъ **„Тысяча Восемьсотъ Двѣнадцатый Годъ“** съ иллюстраціями заслужилъ общее вниманіе, и по списку подписчиковъ его видно, что найти его можно и во дворцахъ высокопоставленныхъ лицъ, и въ народной библіотекѣ-читальнѣ. Положенная въ основу журнала идея,—питать сердца чистымъ патріотизмомъ, останется всегда живою и полезною въ общегосударственномъ смыслѣ, а потому превращеніе этого журнала въ журналъ-альбомъ должно быть всѣми привѣтствуемо, какъ всегда своевременное и цѣнное для каждой библіотеки, какъ „достойный памятникъ прошлаго“. Тѣмъ болѣе цѣненъ онъ, что изданіе это въ высшей степени дешевое, сообразно съ тѣмъ изяществомъ выполненія и богатствомъ содержанія, какъ онъ проведенъ. Поэтому крупная московская фирма Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ рѣшила выпустить 2-ое изданіе, цѣною 7 рублей съ пересылкой въ Россіи, 10 рублей за границу; для любителей будетъ напечатано 500 роскошныхъ экземпляровъ по 10 рублей. По заказу подписчиковъ будутъ приготовлены роскошные переплеты по 2 рубля 50 коп. Подписываться можно, высылая деньги полностью по адресу: Москва, Трехпрудный переулокъ, соб. домъ, Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ, отдѣлъ подписныхъ изданій; допускается разсрочка: 3 рубля при подпискѣ и по 2 рубля въ мѣсяцъ по полученіи журнала; наложеннымъ платежомъ съ задаткомъ по 25 коп. съ подписного рубля (2 рубля, 2 рубля 50 коп. и 3 рубля).

Лицамъ, доставившимъ подписку на 10 экз.—1 экз. высылается безплатно.

Журнальный зал
Московской обл. библиотеки

ЛЕВЪ НИКОЛАЕВИЧЪ
ЛЮБИМОВЪ.

На Босфорѣ [1]).

XXVIII.

Еще изъ Константинополя, 15 ноября 1878 г., я писалъ Н. Н. Обручеву „о необходимости ликвидаціи нашихъ дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ на основаніи Берлинскаго трактата. Но прежде, чѣмъ обратиться къ условіямъ этой ликвидаціи, необходимо сказать нѣсколько словъ о силахъ и теченіяхъ, противодѣйствующихъ реализаціи мира.

Большую надежду возлагаютъ на полюбовное соглашеніе съ Австріею. Но тутъ является основной вопросъ, чѣмъ она можетъ удовлетвориться? Съ глубокимъ уваженіемъ свидѣтельствую, что она захочетъ имѣть не только весь Коссовскій вилаэтъ, но и имѣть въ своемъ полномъ распоряженіи всю желѣзно-дорожную зону до Егейскаго моря съ Солуньей включительно. Если бы даже она ограничилась однимъ Ново-Базарскимъ санджакомъ, возможно ли намъ было на это согласиться, зная, что этимъ отдаются въ ея подчиненіе оба сербскія княжества.

Нѣтъ, полюбовнаго соглашенія съ Австріею мы никогда не достигнемъ, тѣмъ болѣе, что въ ея претензіяхъ она всегда будетъ поддерживаться Германіею, стремящейся ее вытѣснить окончательно съ германской территоріи, которая по мнѣнію Бисмарка оканчивается адріатическимъ побережьемъ. При такихъ условіяхъ болгарамъ, сербамъ и грекамъ остается сдѣлать самимъ дѣло и быть нами поддержанными въ совершившемся фактѣ.

[1]) См. „Русская Старина“ іюль 1913 г.

Въ настоящее время болгары надѣются пассивнымъ сопротивленіемъ въ Македоніи и Ѳракіи добиться ихъ присоединенія къ княжеству. Поддерживать такую гипотезу было бы съ нашей стороны и наивно, и неразумно. Какъ государственный организмъ, Турція ничтожество, но она еще несомнѣнно владѣетъ грубою силою, способною залить кровью возставшую раію. Настоящая игра болгаръ въ кошки-мышки съ турецкими войсками въ Македоніи вызоветъ такую бѣду, отъ которой придется спасать „братушекъ“ нашимъ войскамъ. А въ какомъ положеніи мы очутимся при арміи, располагавшейся отъ Бургаса до Салоникъ, когда 3-го мая намъ будетъ сдѣлано заявленіе объ удаленіи съ Балканскаго полуострова! При такихъ условіяхъ рѣшимся ли мы принять вызовъ Австріи, поддержанный Англіею и Германіею. При этомъ сомнительно, чтобы Италія осталась постороннею зрительницею.

Особую энергію развиваютъ англичане въ возбужденіи противъ насъ турокъ и болгары въ подстрекательствѣ нашей администраціи въ ихъ странѣ. Какъ ни страннымъ можетъ показаться, но обѣ силы дѣйствуютъ въ одномъ направленіи, стремясь насъ втянуть въ хаосъ событій. Чтобы умалить страхъ за Константинополь, англичане не щадятъ средствъ на укрѣпленіе Чаталджинской позиціи, но положительные результаты въ этомъ направленіи могутъ быть достигнуты, въ виду поздняго времени года, не ранѣе полугодового срока.

Мнѣ кажется, что настоящимъ положеніемъ нужно воспользоваться, чтобы окончить счеты съ Блистательною Портою до очищенія нашими войсками Адріанопольскаго вилаэта. Здѣсь кстати слѣдуетъ замѣтить, что общественное мнѣніе мусульманскаго общества сильно измѣнилось въ нашу пользу, благодаря восторженнымъ отзывамъ тѣхъ до 30 т. военно-плѣнныхъ, которые побывали въ Россіи и на дѣлѣ убѣдились въ русскомъ добродушіи, а теперь возвратились домой. По ихъ словамъ они были не въ неволѣ, а дорогими гостями у москалевъ-побѣдителей“.

Различныя положенія разграничительныхъ работъ международныхъ комиссій мною изложены въ цѣломъ рядѣ донесеній и писемъ. Особенное вниманіе обращаетъ на себя комиссія разграниченія Болгаріи отъ Румыніи. Члены этой комиссіи были встрѣчены румынскими министрами на Дунаѣ съ предупредительнымъ гостепріимствомъ. На правительственномъ пароходѣ всѣ удобства были приготовлены съ удивительною заботливостью на государственный счетъ. Хотя по Берлинскому трак-

тату комиссія должна была провести сухопутную границу въ условіяхъ страны, румынскіе министры съ первыхъ же словъ стали говорить о желѣзно-дорожномъ мостѣ черезъ Дунай, доказывая, что единственнымъ мѣстомъ его устройства можетъ служить одна Силистрія. Хотя всѣ выдвигаемыя ими данныя шли въ разрѣзъ съ дѣйствительностью, во всѣхъ нашихъ войнахъ на этомъ пространствѣ мосты строились неизмѣнно у Гирсова, заявленія нашего делегата были оставлены безъ вниманія. Напрасно предлагалось, въ доказательство замаскированной цѣли, только выиграть берегъ по Дунаю и уничтожить крѣпость, ввести въ постановленіе условное выраженіе, что граница утверждается лишь тогда, когда румынское правительство въ дѣйствительности выстроитъ здѣсь желѣзно-дорожный мостъ. Въ редакціи французскаго делегата постановленіе состоялось въ такомъ изложеніи: „Pour se conformer aux stipulations du Traité de Berlin et donner au gouvernement Roumain la possibilité d'etablir une communication entre les deux rives du fleuve, sur l'emplacement reconnu le plus propice en amont de la Borcia et à travers les îles, le point d'attache de la nouvelle frontière à l'Est de Silistrie sera fixé sur la rive droite du Danube en face du Deirmen Tabiassi, a huit cents mêtres du bastion Nord-Est de la ville (Itch Tchenguel Tabiassi)".

Такое ни на чемъ не основанное постановленіе, явно противорѣчившее даже берлинскому трактату, грозило въ будущемъ большими усложненіями. Посолъ сдѣлалъ попытку къ его исправленію путемъ соглашенія съ послами великихъ державъ, но большинство изъ нихъ уклонилось по случайнымъ причинамъ, а представитель Франціи, Фурнье, заявилъ, что не имѣетъ для этого соотвѣтственныхъ полномочій. Оставалось обратиться къ международнымъ сношеніямъ, но предлогъ къ нимъ нашимъ правительствомъ не былъ признанъ достаточно солиднымъ.

Вообще характеръ работъ въ международныхъ комиссіяхъ разграниченія былъ скорѣе миролюбивый и даже безпристрастный. Нѣкоторое исключеніе составляли делегаты Турціи и Англіи, первые въ черногорской комиссіи, а послѣдніе въ азіатской. Въ болгарской, сербской и черногорской предсѣдателями были избраны французы. Въ восточно-румелійской комиссіи былъ принятъ порядокъ очередного предсѣдательствованія. Въ азіатской, при незначительномъ числѣ делегатовъ, дѣло обходилось вовсе безъ предсѣдателя. Рѣшеніе вопросовъ принципіальныхъ во всѣхъ комиссіяхъ было принято по единогласію, въ подробностяхъ—простое большинство голосовъ.

Въ болгарской комиссіи только окрестности с. Петричева давали нѣкоторый просторъ рѣшенію, но и въ этомъ случаѣ, какъ и въ остальныхъ, большинство пожелало держаться какъ можно ближе къ буквѣ трактата. На Великихъ Балканахъ граница установлена отъ с. Косицы до Шипки по гребню, и только тутъ граница выдвинута къ сѣверу уступкою позицій, но кладбище осталось въ предѣлахъ княжества. Работу замедляли англійскіе офицеры съ топографами, все искавшіе позиціи для турокъ. Хотя оффиціально работа мотивировалась необходимостью дополнять карту страны, но топографы относились къ ней весьма небрежно, сосредоточивая свое вниманіе на военныхъ интересахъ турокъ. При этомъ нужно замѣтить, что русскія карты отличались крайнею точностью, въ чемъ иностранные делегаты не могли отказывать нашимъ топографамъ въ справедливой оцѣнкѣ. Делегаты удивлялись, какъ много было сдѣлано въ короткій срокъ оккупаціи.

Въ черногорской комиссіи турецкіе уполномоченные, а за ними и оттоманское правительство, опротестовали оффиціальное значеніе карты австрійскаго генеральнаго штаба и рядъ постановленій, на ней основанныхъ, по мнѣнію Турціи:

1) Параграфъ 28-й берлинскаго трактата направляетъ границу, на участкѣ между Скутарійскимъ озеромъ и Адріатическимъ моремъ, между Мегуредомъ и Калимедомъ. Карта австрійскаго генеральнаго штаба показываетъ Калимедъ селеніемъ—между тѣмъ, селенія такого названія не существуетъ, Калимедомъ же называется холмъ возлѣ селенія Миколика.

2) Ошибочно названный на австрійской картѣ, островъ Горица-Топалъ есть не что иное, какъ Горица-Планикъ. Настоящій же островъ Горица-Топалъ находится болѣе къ с.-з., близъ Горица-Плакъ, напротивъ Систана.

3) По трактату новая граница направляется изъ Подгорицкой равнины на Плавницу. Но Плавница австрійской карты есть селеніе Зетица, настоящая же Плавница находится болѣе къ западу, къ сторонѣ Жабляка.

4) По трактату новая граница совпадаетъ съ предѣлами племени Кучи-Дрекаловичи съ одной стороны, и Кучи-Крайны, Клементи и Груди—съ другой, до равнины Подгорицы, откуда направляется на Плавницу, оставляя Турціи племена Клементи, Груди и Хоти. Австрійская карта изображаетъ неправильно предѣлы Груди-Клементи, Кучи-Крайны. Она отводитъ территорію племени Клементи на мѣсто, принадлежащее племени Груди, тогда какъ первое расположено значительно сѣвернѣе

указанія карты. Такимъ образомъ, если провести новую границу по австрійской картѣ, она пройдетъ поперекъ Клементи, Груди и Кучка-Крайны и оставитъ за Черногоріею большой участокъ, который долженъ оставаться за Турціею.

Но ни за однимъ изъ утвержденій и объясненій турецкихъ делегатовъ нельзя признать основательности. Они отвергаютъ значеніе австрійской карты, какъ дополнительнаго документа къ трактату, и предлагаютъ держаться исключительно одного текста. Но какъ поступить, напр., въ слѣдующемъ мѣстѣ того же § 28-го „граница достигаетъ точки 2166 карты австрійскаго генеральнаго штаба". Гдѣ надѣются они найти эту точку, отбросивъ австрійскую карту? А такихъ опредѣленій въ трактатѣ не мало.

Въ текстѣ трактата приведено названіе Калимедъ безъ опредѣленія, что это: гора ли, селеніе или урочище, очевидно съ тою цѣлью, чтобы устранить недоразумѣніе въ этомъ сомнительномъ для писавшихъ текстъ случаѣ, и точно указать, что граница должна идти посрединѣ между двумя надписями карты. Порта обличаетъ невѣрность австрійской карты, на которой у Калимеда стоитъ кругъ—условный знакъ селенія, не обращая вниманія на то, что конгрессъ долженъ же былъ руководствоваться какими-либо данными и что этими данными служили указанія австрійской карты.

Случай съ островомъ Горица-Топалъ еще рельефнѣе рисуетъ значеніе карты австрійскаго генеральнаго штаба. Граница пересѣкла островъ, на картѣ названный Горица-Топаломъ. Оказывается, что это ошибка, что островъ, отвѣчающій по своему положенію острову Горица-Топалъ на картѣ, имѣетъ другое названіе, но что существуетъ и о. Горица-Топалъ, только значительно въ сторонѣ. Общій голосъ делегатовъ рѣшаетъ признать пограничнымъ тотъ островъ, который отвѣчаетъ по своему положенію на мѣстности по указанію карты, не обращая вниманія на названіе. Одни турки требуютъ границы черезъ островъ, носящій въ дѣйствительности названіе Горица-Топала. Если допустить это требованіе, то какъ связать это направленіе съ дальнѣйшею пограничною линіею, установленною трактатомъ между Скутарійскимъ озеромъ и Адріатическимъ моремъ. По тексту „отъ острова Горица-Топала пограничная линія достигаетъ въ прямомъ направленіи вершины гребня, откуда слѣдуетъ по водораздѣлу между Мегуредъ и Калимедъ". Турецкій делегатъ чертитъ этотъ участокъ границы на хребетъ Румія, а не на безъимянный гребень, находящійся по картѣ между Ме-

гуредъ и Калимедъ, и не въ прямомъ направленіи, а сильно наклонною. Эта серія уклоненій отъ текста трактата яснѣе всего обнаруживаетъ неправильность сужденія турокъ.

То же самое въ отношеніи сел. Плавницы. Рѣшительно все равно, гдѣ бы ни находилось это селеніе въ дѣйствительности, для разграниченія важно его положеніе на картѣ, какъ пункта, который могъ бы вѣрно опредѣлить положеніе границы на мѣстности. Иначе можно дойти до самыхъ невозможныхъ выводовъ. Если бы въ данномъ случаѣ сел. Плавница находилось на мѣстности не вблизи отъ данной линіи, а въ разстояніи, наприм., 50 километровъ, неужели Порта потребовала бы все-таки направить границу на Плавницу?

Что же касается до опредѣленія границъ территорій племенъ Кучи-Дрекаловичи, Клементи, Кучи-Крайна, Груди-Хоти, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что начертанныя Портой границы точно также ошибочны, какъ и данныя австрійской карты. Точно опредѣлить границы племенъ невозможно. На конгрессѣ была проведена на картѣ граничная черта, и только ею и можно руководствоваться. Вообще при начертаніи въ Берлинѣ новыхъ границъ пограничная линія прежде проводилась на картѣ австрійскаго генеральнаго штаба, а уже потомъ описывалась въ текстѣ. Такъ именно понимался этотъ порядокъ во всѣхъ комиссіяхъ, и только въ черногорской вызвалъ противорѣчіе. Ясно, что текстъ не можетъ расходиться съ картой, такъ какъ съ нея списанъ.

Кстати замѣтить, что всѣ оффиціальныя изданія австрійскихъ картъ столько же отличаются изяществомъ изданій, сколько невѣрностью данныхъ. Карты земель Балканскаго полуострова составлены большею частью изъ свѣдѣній частныхъ путешественниковъ, собранныхъ и обработанныхъ картоиздательствомъ Арторіа. У насъ съемочное дѣло обставлено очень хорошо и исполняется съ большею тщательностью. Въ результатѣ получается высокій картографическій матеріалъ, но работа топографовъ подвигается медленно, почему на большомъ пространствѣ государственной территоріи мы остаемся вовсе безъ картъ.

На повторенныя Портой приказанія немедленно передать Черногоріи мѣстности ей прирѣзанныя по трактату, вали Скодрскаго вилаэта, Гуссейнъ-паша, отвѣчаетъ, что въ выполненіи онъ встрѣчаетъ важныя затрудненія. Порта стала его опасаться, подозрѣвая въ сепаратистическомъ стремленіи. Боясь въ то же время политическихъ затрудненій отъ невыполненія трактата,

турецкое правительство обратилось къ содѣйствію Рифаита-паши, того самаго, который умѣлъ быстро и мирно передать въ наше владѣніе мѣстности въ Малой Азіи и ловко успокоить волненія между лазами. Порта вручила Рифаиту полномочіе смѣнить Гуссейна и подчинила ему всѣ войска Скодрскаго вилаэта. Этой мѣрѣ она не придала, однако, гласности изъ опасенія вооруженнаго сопротивленія Гуссейна, а поручила ему частнымъ путешественникомъ прибыть въ Скутари и тамъ уже объявить волю султана, низложить Гуссейна и принять главное начальство надъ войсками.

Для установленія нашей азіатской границы, въ Берлинѣ она была раздѣлена на двѣ части. Отъ берега Чернаго моря до окрестностей Караурчана, около 243 версты, должна была быть проведена делегатами только нашими и турецкими. Въ проведеніи же дальнѣйшей части, отъ окрестностей Караурчана черезъ Кессадагъ къ нашей прежней границѣ, долженъ былъ принять участіе еще англійскій делегатъ. Хотя первая часть была обезпечена на мѣстѣ съ общаго согласія, пересмотрѣна и окончательно утверждена въ Константинополѣ, тѣмъ не менѣе вновь появившійся англійскій подполковникъ не постѣснялся потребовать пересмотра окончанія первой части границы и прекратилъ работу, когда въ этомъ ему было отказано.

12. декабря 1878 г. я писалъ Н. Н. Обручеву: „обращаетъ на себя вниманіе воззрѣніе на свою будущую судьбу тѣхъ изъ турокъ, въ которыхъ нравственныя чувства еще не заглохли, а алчность личнаго обогащенія не уничтожила состраданія къ своимъ единовѣрцамъ. Надежда на возрожденіе силы османовъ въ нихъ пропала, вѣры въ оздоровленіе мусульманскаго государственнаго организма болѣе нѣтъ. Единственное спасеніе для себя они видятъ въ христіанскихъ правительствахъ, которымъ готовы подчиниться изъ-за улучшенія быта мусульманской массы. Корень зла, по ихъ мнѣнію, кроется въ полномъ отсутствіи образованія. Куда бы ни поступили турецкіе юноши, въ рушдіе ли, или медресе, ихъ способности забиваются изученіемъ чуть не наизусть отъ доски до доски необъятнаго корана, положенія котораго хотя и не считаются божественнымъ откровеніемъ, тѣмъ не менѣе святы, неприкосновенны и не допускаютъ комментаріевъ. Какого же развитія могутъ достигнуть даже способнѣйшіе изъ турецкой молодежи. Инстинктивно чувствуя неудовлетворительность своего образованія, большинство изъ нихъ противопоставляютъ непреложнымъ указаніямъ корана его отрицаніе и считаютъ себя просвѣщенными, облачившись

въ европейскій костюмъ и подражая западному разврату. Отсюда такъ называемая, молодая Турція. Рѣдкія исключенія составляютъ тѣ, у которыхъ сохраняется серьезное и честное направленіе, и которыхъ судьба бросаетъ въ здоровую среду европейскаго общества. Немногими видами турецкая молодежь достигаетъ до самостоятельнаго развитія. Но мусульманскій народъ не имѣетъ никакой пользы отъ такихъ счастливыхъ исключеній, ибо самая почва общественной дѣятельности неблагопріятна къ примѣненію честныхъ и трезвыхъ понятій. Не говоря объ улемѣ, два пути общественной дѣятельности открывается предъ зрѣлымъ османомъ: гражданская и военная, но ни тамъ, ни здѣсь его благія намѣренія не оказываются примѣнимыми.

На гражданской онъ разомъ окутывается сѣтью личныхъ связей между администраторами всѣхъ степеней іерархіи, другъ друга поддерживающихъ въ цѣляхъ общаго обогащенія, равно невѣжественныхъ и развратныхъ, не разбирающихъ средствъ для удовлетворенія своей алчности. Въ такой средѣ нѣтъ мѣста для какого бы ни было дѣла. На каждомъ шагу встрѣчаются неимовѣрныя трудности для разумной администраціи, повсюду легкіе способы наживы.

Въ дѣлѣ гражданскаго управленія администраторъ сталкивается съ кораномъ и шаріатомъ, представители которыхъ, чины улема, останавливаютъ его распоряженія безусловнымъ „veto“ во имя священнаго запрета. Владѣя богатствами вакуфа, мусульманское духовенство представляетъ собою тѣмъ большую силу, что, кромѣ могущества денегъ, во многихъ мѣстахъ оно сохраняетъ еще въ своихъ рукахъ и силу религіознаго фанатизма“.

На берегахъ Невы.

XXIX.

Осенью, еще въ Буюкъ-Дере передъ выѣздомъ въ Петербургъ, я получилъ письмо такого содержанія.

За военнаго министра
25 сентября 1879 г.
№ 699.

С.-Петербургъ. Милостивый Государь,
Георгій Ивановичъ!

Г. военный министръ поручилъ мнѣ выразить вашему превосходительству особенную благодарность его сіятельства за доставленный вами замѣчательный трудъ „Очеркъ европейскихъ провинцій Турціи“.

Вмѣстѣ съ симъ имѣю честь сообщить, что вамъ разрѣшено прибыть на зиму въ Петербургъ.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Графъ Гейденъ.

Его превосходительству
Г. И. Бобрикову.

Особенная благодарность такого лица, какъ графа Д. А. Милютина, признавшаго мой трудъ замѣчательнымъ, мнѣ доставила большое удовольствіе. Прежде всего я былъ оцѣненъ, и потому меня, вѣроятно, будутъ слушать. Мнѣ разрѣшалось пребываніе въ столицѣ на всю зиму, чѣмъ давалась возможность имѣть время поработать, чтобы подвести итоги моей многоразличной работѣ и достойно ее увѣнчать. Письмомъ давались шансы на успѣхъ, но не увѣренность. Не въ первый разъ приходилось мнѣ возвращаться изъ заграничной командировки съ богатымъ запасомъ знаній и твердою вѣрою успѣшнаго ихъ примѣненія къ роднымъ нуждамъ и потребностямъ. И каждый разъ какъ-то такъ случалось, что самое существенное, по моему мнѣнію, оставалось въ сторонѣ, а приходилось ограничиваться вокругъ и около. Но то были отдѣльныя, кратковременныя поѣздки, крупицы опыта, шлифовавшія знаніе; тогда какъ теперь я явлюсь, какъ мнѣ казалось, истолкователемъ такихъ явленій и событій, отъ правильнаго пониманія которыхъ зависитъ наша будущность.

Въ оффиціальномъ отношеніи я былъ награжденъ свыше мѣры. Въ теченіе одного года я получилъ орденъ св. Георгія Побѣдоносца, золотое оружіе, генеральскій чинъ, Станислава I степени, зачисленъ въ свиту Его Императорскаго Величества. Объ иностранныхъ орденахъ и болѣе мелкихъ наградахъ не говорю, ихъ также не мало. Но, что преисполнило мою душу живѣйшею и безпредѣльною благодарностью, это личная ко мнѣ Царская ласка. Не могу вспомнить безъ особаго волненія, какъ Великій Государь благодарилъ меня за службу, интересовался не только ея подробностями, но и всѣмъ, меня касавшимся во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Въ моихъ ушахъ еще раздаются мелодичные звуки его ласковаго голоса. На что только я ни рѣшился бы, что только ни былъ бы готовъ сдѣлать, чтобы испытать вновь пережитое счастье.

Въ то время былъ балъ для гвардіи въ Дворянскомъ собраніи. Я былъ со своею невѣстою, Екатериною Адольфовною Эйхлеръ, мать которой Марія Сергѣевна, принадлежа къ роду

Татищевыхъ, была хорошо извѣстна всей царской фамиліи. Государь съ великими князьями, обходя залъ, остановился противъ меня и милостиво соизволилъ обратиться ко мнѣ:

— „А твоя невѣста здѣсь?“, и увидавъ ее, сдѣлалъ къ ней два шага и произнесъ:

„J'espère, mon enfant, que vous vous rejouissez bien, car c'est la meilleure époque de votre eie.

„Je vous souhait bonheur“.

Когда я былъ зачисленъ въ Государеву свиту и на слѣдующій же день, въ чужомъ мундирѣ, былъ во дворцѣ и благодарилъ за высокую честь, Его Величество съ благожелательною улыбкою изволилъ протянуть мнѣ свою державную руку и произнесъ:

„Не тебѣ *меня*, а *мнѣ* тебя слѣдуетъ благодарить. Спасибо тебѣ за твою умѣлую и славную службу. Вѣрю тебѣ и не сомнѣваюсь въ твоей преданности“.

Такіе знаки монаршаго вниманія, выраженные хотя-бы и одному изъ рода, должны служить для всѣхъ его членовъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе. священною реликвіею возвышеннаго духа и безпредѣльной преданности своимъ Государямъ, должны ограждать отъ всего нечистаго и низкаго и укрѣплять вѣру въ родовой девизъ, требующій жизни за правду.

Прежде всего я желалъ передать мои мысли о военно-государственномъ механизмѣ, выковавшіяся во мнѣ событіями въ глубокомъ убѣжденіи, съ помощью котораго проявленіе силы производилось бы безъ малѣйшаго напряженія, по потребности, сообразно мѣстнымъ условіямъ. Основными началами должны были служить совѣтъ государственной обороны и мѣстные театры военныхъ дѣйствій. Первый необходимъ, какъ объединенный органъ полезнѣйшаго примѣненія всѣхъ средствъ государства для достиженія военно-политическихъ задачъ; вторые логически вытекали изъ разнообразнѣйшихъ условій обороны государственныхъ предѣловъ. Сильно смущало меня сомнѣніе, какъ бы это не было принято за критику существующей военно-окружной системы. Но я старался себя разувѣрить, что прежде всего должна ставиться въ массѣ польза дѣла, и мелкое самолюбіе не должно имѣть мѣсто, въ особенности, въ такомъ жизненномъ вопросѣ. Къ величайшему своему смущенію, изъ многократныхъ попытокъ объясниться ничего не выходило. Очевидно, меня принимали за одного изъ той массы легкомысленныхъ прожектеровъ, которые изъ на-лету схваченныхъ обра-

щавшихся въ обществѣ идей старались модным проектомъ составить себѣ карьеру.

Издавна извѣстно, что кто хочетъ прочнаго мира, долженъ быть готовъ къ войнѣ. Теперь этого мало. Прежняя замкнутость государственной жизни замѣнилась крайне сложными международными отношеніями, при которыхъ частные и общественные интересы переплелись, далеко переступивъ государственныя границы. Все сильнѣе и сильнѣе выступаютъ на первый планъ условія всесвѣтнаго рынка, овладѣніе которыми составляетъ благополучіе народовъ. Заключеніе международнаго договора въ настоящее время требуетъ большого напряженія мысли, научной подготовки по всѣмъ отраслямъ знанія, высокаго ума и твердой выдержки характера. Но и этого мало. Чтобы вліять на податливость правительствъ, необходимо располагать самымъ вразумительнымъ средствомъ—подавляющимъ превосходствомъ физической силы. Мобилизовать вооруженныя силы нужно не только тогда, когда противникъ грозитъ войною, а чаще, и въ значительно большей степени, когда осуществляется планъ государственной политики.

Когда война была рѣшена, искали соглашеніемъ съ Вѣной обезпечить правый флангъ дѣйствующей арміи. Обезпеченность эта обошлась страшно дорого отторженіемъ подъ скипетръ Габсбурговъ двухъ чудныхъ славянскихъ провинцій. Въ эту цѣну, однако, не вошло согласіе на добытый войной результатъ. Пришлось опять платить берлинскимъ договоромъ, поступаться жизненными интересами, смиряться до положенія второстепенной державы. Ничего бы этого не было, если бы въ это время у насъ подъ ружьемъ стояло полтора или два милліона солдатъ. Издержки на формированіе этой силы, кочечно, были бъ ничтожными сравнительно съ тѣмъ успѣхомъ, который имѣли бы въ переговорахъ съ великими державами, опираясь на собственное могущество. Нужно сознать, что только одна Россія изъ всѣхъ государствъ Стараго Свѣта способна по произволу и безъ серьезнаго ущерба своимъ матеріальнымъ средствамъ развертывать страшную силу. Вотъ когда военно-окружная система должна была показать свою эластичность; но при многихъ хозяйственныхъ и административныхъ достоинствахъ она обнаружила и крупные дефекты. Когда же, какъ не непосредственно послѣ войны, слѣдовало энергично приняться за работу переоцѣнки и исправленія государственнаго механизма съ практической и боевой точки зрѣнія. Къ сожалѣнію, едва успѣла смолкнуть побѣдная канонада битвъ, какъ всѣмъ положеніемъ

успѣла овладѣть, столь опасная для дѣла, мирно-военная практика.

Выступая на славянскій театръ войны Балканскаго полуострова, намъ слѣдовало создавать союзниковъ изъ тѣхъ самыхъ народностей, на освобожденіе которыхъ поднялись и начатки государственной жизни уже успѣли положить, а не искать для этого великаго дѣла союзниковъ на Западѣ. Въ военномъ отношеніи мы сдѣлали слабый починъ организаціи болгарскаго отряда и пренебрегли своевременно озаботиться болѣе широкимъ развитіемъ образованія вооруженныхъ силъ мѣстностей, по мѣрѣ занятія ихъ нашими войсками. Но одновременно съ созданіемъ мѣстной боевой силы мы сдѣлали бы лучше, образовавъ прямо болгарское правительство подъ нашимъ наблюденіемъ, не взваливая на свои плечи эту обузу, и сейчасъ же приступило бы къ сложенію обще-славянскаго балканскаго союза. Въ такомъ случаѣ, нанеся послѣдній ударъ Турціи, мы были бы совершенно свободны повернуть нашъ фронтъ въ любую сторону. Если въ нашихъ сношеніяхъ съ молодыми славянскими государствами мы должны играть роль старшаго брата, то сразу встали бы къ нимъ въ правильное положеніе, предоставляя имъ самимъ развиваться и оберегая ихъ своимъ мечемъ отъ внѣшнихъ посягательствъ. Было бы несравненно выгоднѣе образовать громадную силу, чѣмъ надѣяться на справедливое отношеніе державъ къ нашимъ интересамъ.

Какъ держава по преимуществу земледѣльческая, Россія въ состояніи выдержать гораздо больше напряженія силъ, чѣмъ любая изъ державъ Западной Европы. Она въ значительно меньшей степени зависитъ отъ странъ мануфактуры и заводовъ, чѣмъ тѣ отъ привоза сырья и условій сбыта своихъ произведеній. Одно сознаніе этого превосходства уже даетъ другой тонъ нашимъ заявленіямъ и отниметъ престижъ авторитета у Германіи, малоспособной по многимъ причинамъ къ веденію продолжительныхъ и упорныхъ войнъ.

Съ перемѣною взгляда на свое положеніе мы сразу себѣ уяснимъ государственныя задачи, въ особенности, въ области военно-международной политики. Прежде всего мы сбросимъ неосновательныя опасенія, заставляющія насъ весьма часто отдавать предпочтеніе пассивно-оборонительному началу предъ активнымъ. Формальная сторона какъ военнаго дѣла, такъ и дипломатическаго, отойдетъ на задній планъ, а на первый выдвинутся тѣ начала, которыя вліяютъ на развитіе нравственной силы, національный подъемъ духа, жизненность всякаго

дѣла. Тогда едва-ли станутъ возможными такія явленія, какъ наша болѣе широкая колея, тяжелымъ гнетомъ отражающаяся на условіяхъ общественной жизни и обусловившая узкую колею завислинскихъ желѣзныхъ дорогъ; заграничные заказы предметовъ боевой подготовки; храненіе многомилліоннаго запаса золота въ иностранныхъ банкахъ и т. д. Мы найдемъ внутри себя духовныя силы и матеріальныя средства къ упроченію государственной силы и благоустройства.

Здѣсь я касаюсь лишь итоговъ моихъ впечатлѣній, часто случайныхъ и безъ строгаго сочетанія ихъ въ какой-либо системѣ. Я тороплюсь высказаться, чтобы подробностями не затемнить сущности дѣла. Дальнѣйшая разработка должна быть произведена общественными силами.

Одно изъ первыхъ мѣстъ въ государственномъ и общественномъ благоустройствѣ принадлежитъ средствамъ передвиженія шоссейными и желѣзными дорогами. Имъ обыкновенно предпочитаютъ школы, и въ этомъ заключается большое недоразумѣніе, такъ какъ и въ тѣсномъ смыслѣ просвѣщеніе массъ подвигается тѣмъ скорѣе, чѣмъ сильнѣе развиваются пути сообщенія. Государственную территорію должна покрывать сѣть желѣзныхъ дорогъ, равно способныхъ во всѣхъ направленіяхъ, а мы все еще говоримъ о линіяхъ и магистраляхъ. Тяжелымъ гнетомъ виситъ на дорожномъ развитіи стратегическое veto, въ конечномъ результатѣ не приносящее ничего, кромѣ вреда.

Нравственная сплоченность войсковой части всѣми войсковыми начальниками признается за одно изъ главнѣйшихъ условій для одержанія побѣдъ. Все военное воспитаніе направлено въ эту сторону. А между тѣмъ административные регламенты обусловливаютъ призывъ запасныхъ, изъ-за мелкихъ денежныхъ расчетовъ и ничтожныхъ удобствъ, не въ свои части, а ближайшія; и еще недавно люди направлялись въ бой особыми резервными частями, не имѣвшими ни малѣйшей нравственной спайки.

Никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ мнѣ не приходилось такъ много думать о военныхъ предметахъ и военно-политическихъ государственныхъ задачахъ, какъ въ теченіе эпохи войны 1877—78 г.г. Жизненность и разнообразіе обстановки отражались непосредственно-яркими впечатлѣніями, устраняя искусственное напряженіе мысли, обычное явленіе мирно-военнаго труда. При томъ малѣйшее уклоненіе и неправильность пониманія немедленно исправлялись правдою жизни.

Потребность высказаться была весною, но время шло, а я все еще не имѣлъ случая говорить такъ, какъ мнѣ хотѣлось. При случайныхъ представленіяхъ военному министру объясненія носили общій характеръ, а на попытки затронуть болѣе серьезные вопросы я чувствовалъ ихъ неумѣстность, нежеланіе ихъ обсуждать. Два раза я докладывалъ, что при существующихъ условіяхъ мое пребываніе въ Константинополѣ безполезно, но мои заявленія оставались безъ отвѣта. Когда же я повторилъ мой докладъ въ третій разъ, графъ Дмитрій Алексѣевичъ съ обычною мягкостью спросилъ:

— „Что же собственно васъ стѣсняетъ? Ваше положеніе въ Константинополѣ, кажется, обставлено во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ удовлетворительно?“

— „Въ матеріальномъ отношеніи, ваше сіятельство, мое положеніе не оставляетъ желать ничего лучшаго, но въ нравственномъ я чувствую себя органомъ инертнаго тѣла. Видѣть необходимость работы и не имѣть возможности ея исполнить большое испытаніе“.

Графъ перемѣнилъ разговоръ, а черезъ нѣсколько дней я былъ причисленъ къ главному штабу съ содержаніемъ въ 2400 руб. въ годъ.

Съ Н. Н. Обручевымъ у меня были частые разговоры, менѣе оффиціальнаго характера; но и онъ отъ словъ не переходилъ къ дѣлу, отвѣчая на мои настоянія стереотипною фразою: лучше сами переговорите съ Дмитріемъ Алексѣевичемъ. Еще изъ Константинополя я ему писалъ: „Вообще наши военные счеты всѣми посольствами считаются совершенно для нихъ посторонними и ничего общаго съ ними не имѣющими. Такой взглядъ большое зло. Хотя дѣятельность военнаго агента, какъ спеціалиста, не можетъ быть подчинена полному руководству посла или посланника, тѣмъ не менѣе должна сливаться съ общимъ ходомъ дѣлъ. Въ посольствѣ военный агентъ долженъ пользоваться значеніемъ совѣтника. Онъ докладываетъ послу и пользуется канцеляріею посольства, гдѣ имѣетъ свои дѣла и архивъ, а въ библіотекѣ свой отдѣлъ. Болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь страдаетъ отъ отсутствія связи военный агентъ въ Константинополѣ. Мѣстный языкъ недоступенъ даже для знающаго его поверхностно. Періодическихъ изданій мало, изъ журналовъ почерпнуть можно тоже очень мало и крайне сомнительной достовѣрности. Остается побираться крупицами, попадающими то тамъ, то здѣсь, и прибѣгать къ частной агентурѣ, почти всегда неудовлетворительной и весьма дорого стоющей“...

„Личный составъ военной миссіи долженъ состоять изъ четырехъ лицъ: военнаго агента, какъ ея начальника, его помощника изъ офицеровъ военнаго флота, топографа и писаря-чиновника. Военный агентъ остается на мѣстѣ 3 года. При меньшемъ срокѣ онъ не будетъ имѣть времени достаточно познакомиться съ военнымъ положеніемъ Турціи, большій же срокъ не желателенъ, потому что выгоднѣе имѣть въ арміи больше офицеровъ генеральнаго штаба, хорошо знающихъ средства Турціи, чѣмъ двухъ или трехъ, знающихъ, быть можетъ, ее лучше, но слишкомъ втянувшихся въ мѣстную обстановку и потому сдѣлавшихся односторонними. Помощникъ военнаго агента смѣняется каждые два года. Для черноморскаго флота важно имѣть возможно большее число офицеровъ, сроднившихся съ окрестностями Босфора и знающихъ каждый изгибъ его устья и прилегающей полосы Чернаго моря. Напротивъ, топографъ долженъ назначаться на длинный срокъ, чтобы доводить съемку до совершенства. Въ матеріальномъ отношеніи военная миссія должна быть совершенно обезпечена. Содержаніе чиновъ должно быть опредѣлено: военному агенту не менѣе 10 тыс. рублей, его помощнику 6 тыс., топографу 3 тыс., чиновнику 2 тыс. въ годъ металлическими. Для миссіи необходимо казенное помѣщеніе, рабочій кабинетъ и 3 верховыя лошади (въ зданіи консульства). При миссіи состоитъ кавасъ. Драгоманы посольства при чтеніи турецкихъ газетъ, журналовъ и книгъ, должны отмѣчать имѣющія въ военномъ отношеніи значеніе мѣста и переводить для сообщенія въ миссію; равно какъ ей сообщаются такого же характера мѣста изъ текущей переписки посольства и консульскихъ донесеній“...

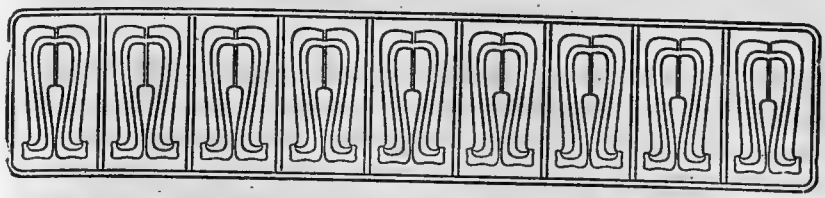
„При организаціи пограничныхъ театровъ военныхъ дѣйствій, каждому долженъ соотвѣтствовать особый кабинетъ центральнаго управленія генеральнаго штаба, группирующій у себя соотвѣтственныя государства. Вѣдѣнію кабинена юго-западнаго раіона подлежатъ: Австро-Венгрія, Турція съ Египтомъ, Румынія, Болгарія, Сербія, Греція и Черногорія. Личный составъ кабинета постоянный и перемѣнный. Къ постоянному принадлежитъ 3 офицера генеральнаго штаба въ кабинетѣ и военные агенты въ Вѣнѣ, Константинополѣ, Бѣлградѣ, Софіи, Бухарестѣ и Аѳинахъ. Перемѣнный составляютъ шесть прикомандированныхъ, только-что выпущенныхъ изъ академіи. Молодые офицеры знакомятся со всѣми работами, но затѣмъ посылаются по два въ командировку примѣрно на 6-ть мѣсяцевъ: одни въ Австро-Венгрію и въ особенности на Адріатиче-

ское побережье; другіе—въ Румынію, Болгарію, Сербію и Грецію; третій въ Турцію, Египетъ, Сирію и т. д. Осенью всѣ наблюденія сводятся, зимою печатаются сборники вновь или дополняются прежніе такъ, чтобы къ веснѣ имѣть точныя свѣдѣнія о сопредѣльныхъ странахъ"...

Правильны или нѣтъ были мои мысли, онѣ нарождались потребностями самой жизни. Ими интересовались, ихъ даже одобряли, но оставляли безъ серьезнаго обсужденія. Можно было предполагать, что другіе болѣе важные вопросы, какъ итоги минувшей эпохи, сосредоточивали на себѣ вниманіе спеціалистовъ. Ничего подобнаго не было. Какъ въ самую глубокую пору мирнаго времени, издавались книги и изданія не столько для оживленія знанія и разработки руководящихъ сборниковъ, сколько для отчетности и заполненія свободныхъ мѣстъ на библіотечныхъ полкахъ. Направляющимъ директивомъ служило тщеславное самодовольствіе одержанныхъ на войнѣ конечныхъ успѣховъ. При такомъ положеніи всякій серьезный анализъ принимался за критику и осужденіе, почему дѣлался невозможнымъ.

Мое служебное участіе за это время выражалось въ редактированіи обозрѣнія азіатскихъ владѣній султана В. Н. Филиппова и обзора Румыніи М. С. Андреева. Свою же личную потребность я осуществлялъ совмѣстною работою съ С. О. Макаровымъ, разрабатывая способъ овладѣнія дорогами Босфора съ моря.

Г. И. Бобриковъ.



Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова.

1810 г. [1]).

Въ 11 часовъ получилъ записку отъ гр. Головкина съ приказаніемъ отъ Императрицы отмѣнить пріемы нашихъ членовъ совѣта и г-жи Балашовой. Въ городъ былъ посланъ нарочный.

31 воскресенье. Пріѣхалъ во дворецъ въ $10^1/_2$ час. и дожидался до половины второго. Императрица не вставала съ постели до 12 часовъ вслѣдствіе флюса. Наконецъ, я вошелъ, окончили дѣла; изъ Гатчины пріѣхалъ Тутолминъ, онъ тоже былъ позванъ Императрицей. Обѣдалъ во дворцѣ. Императрица къ обѣду не выходила, но были Великіе Князья и Великія Княгини Анна, Екатерина Павловна съ супругомъ обѣдали у Императрицы. Во время моего ожиданія, во время обѣдни, пришли Бирономъ со своими вещами. Онѣ получили позволеніе ѣхать въ городъ на недѣлю, я ихъ поздравилъ, и онѣ были очень рады.

Послѣ обѣда я возвратился домой съ сыномъ Александромъ, пріѣхавшимъ за мною, и застали Чихачева и Сивербрина. Чихачевъ просилъ дать ему нѣсколько минутъ, и мы пошли въ кабинетъ.—Онъ мнѣ сказалъ, что онъ знаетъ мое стѣсненное денежное положеніе вслѣдствіе перестройки дома въ городѣ и проситъ взять у него взаймы 2.000 руб., которые у него сво-

[1]) См. „Русская Старина“, іюль 1913 г.

бодны. Я былъ глубоко тронутъ этимъ выраженіемъ дружбы, благодарилъ его искренне и не сообразилъ, откуда ему пришла мысль въ голову о моемъ стѣсненіи, пустился съ нимъ въ откровенность, но отказался отъ такого дружескаго предложенія, сказавъ, что я почту за удовольствіе впослѣдствіи, если понадобится, обратиться къ нему. Онъ уѣхалъ. Обдумавъ хорошенько предложеніе Чихачева, я убѣдился, что я просто дуракъ, поддавшись умомъ движенію сердца, что это была попытка завладѣть мной посредствомъ денегъ. Въ прошлую пятницу онъ пріѣхалъ сюда говорить о дѣлѣ съ Императрицей, которая его не приняла и спросила о немъ послѣ обѣда, когда уже онъ уѣхалъ. Я былъ дежурнымъ въ тотъ день, я писалъ ему нѣсколько отвѣтовъ на его письма, которые не могли ему нравиться болѣе, нежели пріемъ Императрицы въ пятницу, и этотъ господинъ вообразилъ себѣ, конечно, или ему посовѣтовала его жена, сдѣлать меня пріятнымъ посредствомъ денегъ. Онъ видѣлъ, что я не понялъ его маневра, и убѣжалъ довольнымъ; по крайней мѣрѣ ему не удалось, но я глубоко сожалѣю, что я могъ быть увлеченнымъ видомъ откровенности, принявъ ее за настоящую, просто былъ дуракомъ. Я переписалъ часть своей Гатчинской газеты, послѣ этого журналъ и легъ въ $11^1/_2$ часовъ. Я рѣшился написать г-жѣ Адлербергъ по поводу Луизы Бирон и Давыдова, поручая ей проучить немного этого добраго ребенка, который заслуживаетъ полнаго участія.

Августъ.

1 понедѣльникъ. Всталъ поздно, послѣ 9 час. написалъ письмо г-жѣ Адлербергъ относительно Луизы Бирон. Пріѣхалъ маіоръ баронъ Вольцогенъ. Онъ желалъ благодарить Императрицу за полученный имъ подарокъ и за годовое жалованье. Онъ сказалъ, что онъ уже продалъ 500 дукатовъ и получитъ завтра отъ Віолье 5.000 руб. Онъ пошелъ къ графинѣ Ливенъ, чтобы узнать, можно ли видѣть Императрицу. Я приготовилъ письмо къ принцу Евгенію Вюртенбергскому, къ которому могъ Вольцогенъ приложить 5.000 руб. Меня потребовали къ Императрицѣ, я пошелъ, но долженъ былъ дожидаться до половины второго, пока былъ принятъ. Императрицѣ приставляли сегодня піявки. Пользуясь свободнымъ временемъ, я окончилъ письмо къ г-жѣ Адлербергъ и къ графу Каменскому 2-му, рекомендуя ему принца Евгенія, отъѣзжавшаго въ армію въ Турцію. Наконецъ, я былъ принятъ. Императрица подписала оба письма, спросила бумаги и покончила со мной. Я уѣхалъ, взявъ съ собой Воль-

цогена. Я такъ торопился, что забылъ отослать письмо г-жѣ Адлербергъ, равно какъ и письмо Дивовой къ моей сестрѣ. Вольцогенъ обѣдалъ у меня и уѣхалъ въ 6½ часовъ въ городъ. Только послѣ отъѣзда вспомнилъ я о забытыхъ письмахъ, которыя могъ бы теперь отправить съ нимъ. Погода ужасная: дождь и сильный вѣтеръ. Голова болитъ, я ничего не дѣлаю и думаю потому заняться списываніемъ моей Гатчинской газеты.

2 вторникъ. Пріѣхалъ во дворецъ въ 10½ часовъ. Приготовилъ письма къ кн. Алексѣю Куракину, г-ну Плещееву, г-ну Женлисъ (de Genlis), который прислалъ Императрицѣ La Maison rustique, усѣлся въ ожиданіи въ верхней пріемной съ стихотвореніями Пріора (Prior). Ждалъ до 2 часовъ. Наконецъ, работа началась, Императрицѣ сегодня значительно лучше. Она подписала письмо Куракину и приказала измѣнить другія и продержала до 4 часовъ, такъ что я не поспѣлъ къ обѣду, за который уже сѣли и обѣдали дома. Уходя изъ дворца, къ счастью встрѣтилъ Васильева, и онъ далъ мнѣ карту. Дождь сильнѣйшій. У воротъ видалъ Шевича, дожидающагося Императора, который пріѣдетъ къ обѣду.—Онъ, значитъ, тоже безъ обѣда. Своихъ я засталъ за столомъ. Отправилъ письма къ Адлербергъ и отъ Дивовой къ сестрѣ. Императрица приказала мнѣ пріѣхать къ 7 часамъ, я поѣхалъ ранѣе 6-ти часовъ, чтобы забрать въ канцеляріи необходимыя справки, и потомъ помѣстился съ сочиненіемъ Пріора на диванѣ, стоящемъ въ выступѣ въ родѣ фонаря въ началѣ рѣшетчатой галлереи, ведущей къ Великой Княгинѣ Екатеринѣ. Государь, проходя отъ Императрицы, поклонился мнѣ и что-то сказалъ, но я не понялъ. Потомъ прошла Великая Княгиня Екатерина съ принцемъ, и я былъ позванъ. Она мнѣ показала письмо канцлера съ препровожденіемъ письма, писаннаго ему Коленкуромъ (Caulaincourt) по поводу посѣщенія имъ Гатчины, въ которомъ пишетъ громкія фразы на счетъ заведеній и заботъ благодѣтельницы несчастныхъ, говоря тоже о вниманіи, которое ему оказывали, и выражая благодарности и пр., между тѣмъ какъ вовсе не были предупреждены объ этомъ посѣщеніи и потому не могли ему сдѣлать пріема. Но, повидимому, Императрица была очень польщена. Она мнѣ еще до обѣда приказала послать нарочнаго въ Гатчину, чтобы спросить о подробностяхъ этого визита у Чихачева. Но онъ предупредилъ этого посланнаго и прислалъ донесеніе, которое я показалъ Императрицѣ. Не видя въ донесеніи ничего о богадѣльнѣ, она нашла, что глупо было со стороны

Чихачева, что онъ не свезъ туда. Я замѣтилъ, что нельзя же было везти туда противъ воли, что можетъ быть они устали и не хотѣли ѣхать туда. Это подтвердилось отвѣтомъ, полученнымъ послѣ отъ Чихачева. Императрица также разспрашивала садовника Асмуса обо всемъ, что они видѣли. Не желали ли видѣть маленькій садъ, не спрашивали ли, гдѣ Императрица преимущественно гуляетъ, и пр., однимъ словомъ, всякія мелочи, и придавала, повидимому, большое значеніе одобренію и восхищенію г.г. Коленкуровъ. Она поручила мнѣ снять копію съ письма канцлера, которое, кажется, ей особенно понравилось. Она отпустила меня около $8^1/_2$ часовъ.

3 среда. Я окончилъ 5 № моей Гатчинской газеты, написалъ записку Луизѣ Бирон съ препровожденіемъ газеты и также г-жѣ Адлербергъ, на имя которой адресовалъ пакетъ. Потомъ пошелъ къ Дивовой, но по дорогѣ попался посланный отъ Императрицы; я пришелъ къ ней какъ былъ, не въ мундирѣ. Она просмотрѣла со мною всѣ бумаги, хотя Вольфъ былъ дежурный и ждалъ въ пріемной. Выходя, я передалъ бумаги Вольфу, хотя онъ не хотѣлъ ихъ брать, и былъ таковъ. Передъ приходомъ, въ канцеляріи я прочелъ проектъ управленія Краснымъ Селомъ. Мнѣ показался, насколько я понимаю, хорошимъ. Вольфъ, кажется, обидѣлся манерой, какъ съ нимъ обошлись, и было чѣмъ.

4 четвергъ. Всталъ въ 7 часовъ, приготовилъ письма и отправился на дежурство. Тамъ нашелъ письмо Вольфа, который проситъ у Императрицы разрѣшенія ѣхать въ городъ. Императрица гуляла пѣшкомъ съ гр. Головкинымъ, и потомъ началась работа. Она приказала сказать Вольфу, чтобы онъ пришелъ послѣ обѣда для назначенія мѣста. Сегодня пріѣхалъ посланный изъ Гатчины отъ Чихачева. Такъ какъ я забылъ спросить Чихачева, онъ ли предложилъ посланнику или тотъ самъ просилъ показать воспитательный домъ (въ 1-мъ случаѣ Чихачевъ поступилъ нехорошо), то я воспользовался посланнымъ, чтобы спросить еще подробности о посѣщеніи посла. Императрица приказала мнѣ измѣнить проектъ циркуляра, присланнаго Вильсономъ, увѣдомляющаго корреспондентовъ управленія объ упраздненіи коммерческой части; не имѣвъ времени послать до обѣда Вильсону, я просилъ Вольфа исполнить это, для чего отправился во дворецъ, останусь на случай, если потребуютъ.

Передъ обѣдомъ Великій Князь Константинъ далъ мнѣ билетъ сохранной казны въ 150 тыс. руб. для полученія процен-

товъ за годъ, съ процентами на проценты. Я замѣтилъ, что врядъ ли проценты приносятъ проценты ранѣе года. Онъ отвѣтилъ, что въ банкѣ такъ платятъ, но не менѣе какъ за 3 мѣсяца. Я просилъ разрѣшенія справиться и доложить ему. Я написалъ Саблукову. Вечеромъ я работалъ у себя въ саду, пришелъ Вольфъ. Онъ мнѣ сказалъ, что Императрица дуется на него въ теченіе нѣсколькихъ дней, но онъ не знаетъ причины. Дѣйствительно, она посылала за мной, когда онъ былъ дежурный, и оканчивала со мной дѣла, не спрашивая о немъ. Испугалась ли она сегодня, когда онъ просился въ городъ, чтобы онъ ей не пустилъ тоже письма, такъ какъ она послала за нимъ, была, какъ говорилъ онъ, очень милостива, спросила, какой домъ ему больше нравится, тотъ ли, въ которомъ онъ живетъ, или гдѣ я жилъ прежде. Онъ не высказался, однако, и сказалъ, что домъ, гдѣ живетъ, обширнѣе, а за то другой ближе ко дворцу. Она сказала, что можно прибавить еще огородъ, находящійся напротивъ. Это было послѣ порученія, которое она дала ему, чтобы приторговать домъ, въ которомъ живетъ Крыловъ, чтобы подарить ему же. Не хочетъ ли она подарить Вольфу тотъ, въ которомъ я жилъ. Это было бы хорошо, сказалъ я ему, теперь должны давать ему помѣщеніе и чинить домъ, гдѣ онъ живетъ, а тогда онъ долженъ будетъ чинить самъ. Разговаривали, между прочимъ, о посѣщеніи Коленкуромъ Гатчины и о воображаемомъ его восторгѣ, о которомъ говорила Императрица и Вольфу. Я ему показалъ письмо Коленкура, въ которомъ онъ благодаритъ за знаки вниманія и милости, которыми Императрица приказала его почтить въ Гатчинѣ (le marquis d'attention et de bonté dont L'Imperatrice l'a fait combler à Gatchino), между тѣмъ Императрица вовсе не знала, что онъ поѣдетъ туда. Онъ полагаетъ и я тоже, что вся эта церемонія заигрыванія не спроста, но что тутъ имѣется цѣль. Онъ полагаетъ, что Коленкуръ недоволенъ одной стороной, или Императоромъ или министромъ, такъ онъ хочетъ приблизиться здѣсь. Я полагаю, что вопросъ идетъ о какой-либо просьбѣ, со временемъ здѣсь, со стороны Бонапарта, и потому приготовляютъ пути. Наконецъ, такъ или иначе, но не безъ намѣренія. Говорятъ, что Коленкуръ уѣзжаетъ и его замѣнитъ Ла-Рошфуко (La Rochifoucauld). Можетъ быть, это имѣетъ какое-либо вліяніе или не по случаю ли новой Императрицы, которая желаетъ войти въ сношеніе съ нашей. Въ концѣ концовъ это откроется.

5 *пятница*. Я пошелъ во дворецъ въ $10^1/_2$ часовъ и встрѣ-

тилъ уже посланнаго за мной. Я вошелъ къ Императрицѣ, она поручила мнѣ написать Сергѣю Сергѣевичу, что она очень сожалѣетъ, узнавъ о его новой болѣзни, ей не сказали, что онъ приглашалъ къ себѣ Крейтона, такъ какъ она была сама больна, но если бы она знала, то, несмотря на свою болѣзнь, послала бы его немедленно и что онъ пріѣдетъ къ нему завтра. Это весьма странная, любезная и деликатная манера поступать. Четыре дня тому назадъ, когда были больны сами, послали бы тотчасъ же, а теперь когда имъ гораздо лучше и безопасны, между тѣмъ какъ другому не хорошо и, вѣроятно, теперь хуже, то онъ можетъ ждать до завтра, т.-е. на 24 часа позже. Послѣ свиданія съ Императоромъ и пріема, Императрица меня посадила за работу, потомъ она ушла на прогулку, а я писалъ. Обѣдать ушелъ домой.

6 суббота. Праздникъ Преображенія. Одѣлся въ мундиръ и отправился во дворецъ, видѣлъ Императрицу на прогулкѣ въ саду. Она потомъ была у обѣдни, но не въ церкви, а въ сосѣдней комнатѣ. Послѣ обѣдни началась работа, во время которой принесли письмо отъ Государя. Когда камеръ-фрау вышла, Императрица сказала мнѣ, что она испугалась, дѣла въ Турціи идутъ не хорошо. Она прочла выдержку изъ письма, гдѣ говорится, что великій визирь сдѣлалъ вылазку въ большихъ силахъ и атаковалъ графа Каменскаго 1-го, онъ его разбилъ на голову и взялъ 40 знаменъ и что Государь недоволенъ также ходомъ дѣла въ Рущукѣ [1]). Прочтя еще разъ, она усумнилась и показала.

Сообщ. **Н. А. Вилламовъ.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

[1]) Je ne suis pas content s ce qui ce fait a Roustchouk.

Изъ жизни инженера путей сообщенія [1]).

Зимою 1895—96 года пришлось мнѣ спѣшно строить новую станцію, т. н. „постъ № 2-й версты“, т.-е. узловой пунктъ между Нижегородской и Московско-Курской ж. д., такъ какъ выставочное пассажирское движеніе было предположено производить уже съ новаго пассажирскаго вокзала, общаго для Курской и Нижегородской ж. д. Въ составъ вышеуказанной работы входило, между прочимъ, устройство путепровода подъ 8 путей близъ Рогожскаго старообрядческаго кладбища. Путепроводъ этотъ былъ выстроенъ мною безъ перерывовъ движенія при помощи шахтъ, штоленъ для фундаментовъ и впервые, насколько знаю, примѣненнаго въ Россіи способа „сквозного прорѣза“ полотна сверху до фундаментовъ, для возможности выведенія обоихъ устоевъ. Съ 25 мая 1896 г. открылось выставочное движеніе (52 пары поѣздовъ въ сутки). Въ іюлѣ пришлось сопровождать Государя Императора Николая II, ѣхавшаго на выставку. На сосѣднемъ съ моимъ участкѣ Императорскій поѣздъ слѣдовалъ уже ночью. Ночь была дивная, лунная, и Государь Императоръ пожелалъ прогуляться. Поѣздъ былъ остановленъ, и Императорская Чета и Великій Князь Алексѣй Александровичъ пошли по тропинкѣ рядомъ съ полотномъ, а поѣздъ тихо пошелъ сзади. Поровнявшись съ постомъ охранной стражи, караульный офицеръ выскочилъ впередъ, чтобы задержать неизвѣстныхъ, гуляющихъ передъ проходомъ Царскаго поѣзда, и былъ крайне смущенъ, узнавъ Государя.

[1]) См. „Русская Старина“, іюль 1913 г

Послѣдній милостиво предложилъ ему подать руку Государынѣ, чтобы перешагнуть черезъ канаву. Между тѣмъ, на сосѣднихъ станціяхъ всѣ были въ страшной тревогѣ, зная, что Царскій поѣздъ вышелъ съ предшествующей станціи, но почему-то не прибылъ на послѣдующую. Послѣ обратнаго прибытія Государя въ Москву мнѣ былъ врученъ Н. К. Шауфусомъ 20 іюля Царскій подарокъ—золотые часы. Сравнительно высокое для начальника участка содержаніе въ связи съ частными заработками (управленіемъ частной вѣткой) и добавочнымъ вознагражденіемъ за большія новыя работы на столичномъ участкѣ, прекрасный казенный домъ въ Москвѣ и казенная дача лѣтомъ на участкѣ—дѣлали занимаемое мною мѣсто предметомъ вожделѣнія для многихъ, и посему мои доброжелатели всячески старались отравлять мнѣ существованіе.

Независимо сего послѣдовало множество непріятностей изъ за допущенныхъ въ свое время невольныхъ перерасходовъ по приведенію въ должный видъ пути на участкѣ передъ открытіемъ Нижегородской выставки. Засимъ придирки мелкихъ чиновъ контроля на чисто личной почвѣ, переносимыя вслѣдъ въ высшія сферы администраціи—все это страшно отравляло существованіе и понуждало искать какого-нибудь исхода. До какихъ Геркулесовыхъ столбовъ доходила травля, можно видѣть изъ нижеслѣдующаго примѣра. Съ разрѣшенія своего начальства я имѣлъ, какъ упомянуто выше, „дачу“, т.-е. правильно выражаясь, пользовался въ лѣтнее время тремя комнатками въ упраздненной путевой казармѣ, такъ какъ жить лѣтомъ въ старомъ Нижегородскомъ вокзалѣ, гдѣ была квартира начальника московскаго участка пути—было совершенно невозможно: съ одной стороны копоть болѣе чѣмъ ста паровозовъ, дымившихъ углемъ перемѣшаннымъ съ сѣрнымъ колчеданомъ, а съ другой близость городскихъ свалокъ нечистотъ съ нестерпимымъ зловоніемъ—дѣлали сколько-нибудь гигіеническое пребываніе въ городской квартирѣ—нестерпимымъ. Въ саду же при моей казенной городской квартирѣ стояли 2 столба съ перекладиной и крюками для гимнастическихъ приборовъ и качелей. Дѣти мои не могли пользоваться этими приспособленіями, такъ какъ жили лѣтомъ въ упомянутой выше казармѣ. Тогда я выкопалъ столбы изъ городского сада и поставилъ ихъ въ садикѣ при казармѣ. Боже мой, что изъ этого вышло. Полетѣлъ рапортъ и доносъ на меня мѣстныхъ чиновъ государственнаго контроля главному контролеру какъ о страшномъ злоупотребленіи.

Главный контролеръ написалъ на чудной палевой плотной

бумагѣ большого формата „конфиденціальное“ письмо начальнику дороги, съ обвиненіемъ меня чуть ли не въ государственномъ преступленіи... и это все изъ-за того, что дѣти мои хотѣли немного покачаться и покувыркаться. Но за то въ то же время секретарь желѣзнодорожнаго контроля обдѣлывалъ подъ сурдинку свои дѣлишки и бѣжалъ послѣ совершенія крупной растраты казенныхъ денегъ.

Такъ или иначе я рѣшилъ уйти съ дороги и, повидимому, къ большому удовольствію моего непосредственнаго начальства, уставшаго защищать меня противъ нападковъ, и воспользовался тѣмъ, что мнѣ было предложено поступить начальникомъ партіи южнаго полукольца Московской окружной дороги, гдѣ построенное въ настоящее время южное полукольцо дороги (за исключеніемъ самаго начала у Московско-Казанской дороги, немного отклоненнаго отъ первоначальной трасировки), всецѣло проведено по намѣченному мною направленію. Здѣсь мнѣ также не повезло. Крайне рѣзкое отношеніе со стороны начальника работъ инженера П. И. Рашевскаго создало совершенно нетерпимыя условія службы. Онъ былъ крайне невоздержанъ въ своихъ выраженіяхъ и совершенно не стѣснялся дѣлать выговоры въ самой рѣзкой формѣ начальствующимъ лицамъ въ присутствіи ихъ же подчиненныхъ. На меня, напримѣръ, въ присутствіи двухъ чертежниковъ, онъ накричалъ, что „въ первый разъ въ жизни видитъ такого начальника партіи, какъ я, ничего незнающаго и ничему ненаучившагося за пятилѣтнее пребываніе въ институтѣ“, а засимъ повернулся спиною и хлопнулъ дверью. Послѣ чего я, конечно, тотчасъ же ушелъ изъ конторы изысканій, чтобы болѣе туда не возвращаться.

Замѣчу, что я ушелъ съ окружной дороги въ концѣ 1898 г., а только 20-го іюля 1908 г., т.-е. почти черезъ 10-ть лѣтъ, была закончена постройка 51 верстной дороги (Сибирская желѣзная дорога длиною 3.138 верстъ была построена въ 6-ть лѣтъ). За первую половину десятилѣтія постройки Московской окружной дороги пикитажные колышки переставлялись то въ одну, то въ другую сторону, а за вторую строились „европейскаго“ вида дома и искусственныя сооруженія. На наружное украшеніе домовъ и мостовъ (лѣпныя наружныя украшенія, оконные и дверные приборы по спеціальному заказу въ „декадентскомъ стилѣ“, „бюсты совъ“ на фронтонахъ домовъ, бронзовыя скрижали и бюсты на мостахъ и т. п.), тратились сотни тысячъ рублей, такъ какъ инженеръ Рашевскій увѣрялъ, что „любой бѣднякъ удѣляетъ отъ своихъ крохъ на украшеніе того, что

дорого и близко его сердцу, и ни одинъ русскій человѣкъ, которому дорога Москва, какъ первопрестольная столица и сердце Россіи, не пожалѣетъ, что на украшеніе ея двумя такими монументальными и можно сказать вѣчными сооруженіями, какими являются арочные мосты окружной дороги—затрачено лишнихъ двѣ или три сотни тысячъ рублей, которые возможно было бы съэкономить, обезобразивъ Москву“ [1]). (Это-то внѣ черты города). Неудивительно посему, что дорога обошлась около 39.000.000 рублей.

По злой иронiи судьбы, мнѣ пришлось участвовать впослѣдствiи въ качествѣ члена пріемочной комиссіи названной дороги.

ГЛАВА III.

Неудачная поѣздка въ 1899 году на постройку Маньчжурской дороги.—Отплытіе на Дальній Востокъ на пароходѣ добровольнаго флота „Херсонъ“.—Путевыя впечатлѣнія: Портъ-Саидъ.—Суэзскій каналъ.—Красное море.—Индійскій океанъ.—Цейлонъ.—Малаккскій проливъ.—Суматра.—Сингапуръ.—Китайское море.—Портъ-Артуръ.—Частичка Японіи.—Шестинедѣльное сидѣніе въ Владивостокѣ.

Крайне рѣзкое, какъ сказано было уже выше, отношеніе со стороны начальника работъ Московской окружной дороги заставило меня разстаться съ этомъ мѣстомъ и принять приглашеніе правленія общества Восточно-Китайской дороги на должность начальника строительнаго участка. Къ сожалѣнію, и тутъ меня постигла обычная неудача, на долгое время отразившаяся, какъ лично на мнѣ самомъ, такъ и на моей семьѣ: по прибытіи моемъ въ апрѣлѣ 1899 г. сначала въ Портъ-Артуръ, а затѣмъ въ Владивостокъ—первоначально установленныя между мною и правленіемъ общества въ С.-Петербургѣ условія были въ корнѣ измѣнены въ Владивостокѣ помощникомъ главнаго инженера по постройкѣ (моимъ *товарищемъ* по выпуску) инженеромъ Игнаціусомъ, и весь разбитый душой и тѣломъ я вынужденъ былъ бросить мѣсто и съ остатками служащихъ своего участка вернуться черезъ Сибирь въ Москву. Путь въ Маньчжурію, маньчжурскія мытарства мои и возвращеніе на родину могутъ, полагаю, представить нѣкоторыя довольно интересныя обстоятельства, что̀ побуждаетъ меня изложить эту страницу моей жизни нѣсколько подробнѣе.

---

[1]) См. стр. 41 протоколовъ засѣданiи и трудовъ XXV совѣщательнаго съѣзда инженеровъ службы пути.

Покончивши всѣ дѣла съ правленіемъ общества Китайской дороги, 1-го марта 1899 г. выѣхалъ я со всѣмъ своимъ строительнымъ штатомъ (въ 20 человѣкъ) изъ Москвы въ Одессу. По прибытіи сюда средніе служащіе мои отправились осматривать пароходъ „Херсонъ“, на которомъ намъ предстояло совершить плаваніе, и прибѣжали ко мнѣ всѣ взволнованные, говоря, что ихъ сажаютъ въ невозможное по тѣснотѣ помѣщеніе и что, кромѣ того, ихъ будутъ все время плаванія кормить матросской пищей. Отправившись вслѣдствіе сего самъ на „Херсонъ“, я убѣдился, что улучшенное палубное помѣщеніе, на которомъ по договору съ правленіемъ общества предстояло имъ ѣхать, представляетъ собою хотя и каюту, но: 1) она расположена у самаго машиннаго отдѣленія, что̀ при адской жарѣ въ таковомъ и температурѣ тропиковъ, начиная съ Краснаго моря и почти до Японіи—создавало каторжныя условія. 2) Размѣръ такой общей каюты не давалъ больше $^1/_8$ куб. саж. воздуха на человѣка. 3) Въ такой каютѣ люди должны были не только спать, но и ѣсть. 4) На верхнюю палубу (спардекъ) пассажировъ палубнаго помѣщенія не допускаютъ, нижняя же палуба занята войсками (1.200 человѣкъ). 5) Пищу даютъ дѣйствительно только матросскую. Наведя по послѣднему вопросу справку у старшаго помощника капитана, завѣдывающаго пароходнымъ хозяйствомъ, я узналъ отъ него, что иной пищи, кромѣ матросской, они пассажирамъ улучшеннаго палубнаго помѣщенія давать не могутъ, ибо пароходному начальству комитетъ добровольнаго флота отпускаетъ на каждаго такого пассажира только по 30 копѣекъ въ сутки до Портъ-Саида и по 50 копѣекъ отъ Портъ-Саида до Владивостока, что̀ при дороговизнѣ продуктовъ по пути и трудности храненія запасовъ въ свѣжемъ видѣ подъ тропиками далеко недостаточно. Условія перевозки пассажировъ въ палубномъ улучшенномъ помѣщеніи хорошо де извѣстны правленію Китайской дороги, и его дѣло позаботиться, чтобы агенты, уже привыкшіе по своему образованію къ извѣстнымъ удобствамъ, не провозились бы въ такихъ помѣщеніяхъ. Въ виду подобныхъ обстоятельствъ, одинъ изъ приглашенныхъ мною въ качествѣ десятника-техника Страшкевичъ тутъ же на пароходѣ при прочихъ моихъ служащихъ заявилъ мнѣ, что я, съ цѣлью привлечь служащихъ, представилъ имъ условія плаванія въ иномъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, свѣтѣ и что онъ предпочитаетъ, покуда есть еще время, оставаться въ Россіи, чѣмъ рисковать подвергнуться по пріѣздѣ на мѣсто работъ новому еще, быть можетъ, болѣе существенному обману.

Мнѣ стоило большого труда сгладить, хоть сколько-нибудь, впечатлѣніе, произведенное словами Страшкевича на служащихъ, тѣмъ болѣе, что тутъ же ихъ постигло новое разочарованіе: при предъявленіи ими въ кассу выданныхъ имъ удостовѣреній съ нихъ за провозъ багажа сверхъ трехъ пудовъ потребовали плату. Само собою разумѣется, что люди, отправлявшіеся на нѣсколько лѣтъ въ далекую полудикую страну, не могли ограничиться тремя пудами вещей, а везли кто 6 и до 10 пудовъ. Вопросъ о багажѣ я уладилъ тѣмъ, что обѣщалъ служащимъ по прибытіи во Владивостокъ уплатить имъ на свой страхъ расходъ по перевозкѣ вещей изъ аванса, что впослѣдствіи мною и было исполнено.

6-го марта за $1^1/_2$ часа до отхода парохода была мнѣ доставлена, черезъ клерка одесскаго нотаріуса Гофа, копія съ заявленія, сдѣланнаго ему Страшкевичемъ, гдѣ, между прочимъ, указывалось, что, такъ какъ я не былъ передъ нимъ искреннимъ, то примириться съ положеніемъ дѣлъ и проѣздомъ въ палубномъ помѣщеніи онъ не согласенъ — посему и остается въ Россіи, не считая себя въ отношеніи меня чѣмъ-либо связаннымъ.

Чтобы успокоить хоть нѣсколько служащихъ, на которыхъ бѣгство Страшкевича сильно повліяло, я объявилъ имъ, чтобы въ случаѣ, если пища ихъ окажется уже слишкомъ плохою, то они немедленно заявили бы мнѣ объ этомъ, я лично приду къ нимъ во время ихъ стола попробую кушанья и буду стараться объ улучшеніи таковыхъ. Первые два дня плаванья жалобъ никакихъ не поступало, хотя подтвердилось, что пищу на дѣлѣ даютъ дѣйствительно только матросскую. Оказалось также, что даже мелкіе офицерскіе чины и чиновники морского вѣдомства на „Херсонѣ“ всѣ ѣхали въ I классѣ, а не на палубномъ улучшенномъ помѣщеніи.

Самъ по себѣ „Херсонъ“ прекрасное судно съ весьма красивыми линіями очертанія корпуса, длиною 70 саженъ, съ 24 котлами, 2 винтами и машинами, могущими развить скорость свыше 22 узловъ въ часъ [1]).

Сравнительная быстрота судна заставила его причислить къ той категоріи пароходовъ добровольнаго флота, которые въ военное время могутъ служить крейсерами (въ злополучную Японскую войну „Херсонъ“, перекрещенный въ „Лену“, работалъ дѣйствительно какъ крейсеръ). На „Херсонѣ“ плыло въ

[1]) 1 узелъ $= 1^3/_4$ версты.

нашъ рейсъ всего 2.000 пассажировъ, въ томъ числѣ 1.200 солдатъ и 190 ссыльныхъ женщинъ, отправляемыхъ на Сахалинъ.

Итакъ, 6-го марта, послѣ краткаго молебствія на палубѣ „Херсона", мы перекрестясь тронулись въ далекій путь. На душѣ было страшно тяжело, мысль объ оставленной семьѣ и неизвѣстность будущаго щемили сердце, и съ отдачею послѣдняго каната, которымъ пароходъ былъ причаленъ къ набережной, казалось, оборвалась и какая-то сердечная струна. Море было спокойно и, несмотря на раннюю весну—было настолько тепло, что дышалось полною грудью и не хотѣлось уходить до поздняго вечера съ палубы. Утромъ на слѣдующій день проснулись мы въ гавани „Ковака" при входѣ въ Босфоръ. Пришлось простоять здѣсь нѣсколько часовъ въ ожиданіи султанскаго фирмана о пропускѣ „Херсона" черезъ проливъ (не пропускали свободно, какъ другія коммерческія суда, изъ-за того, что у насъ былъ „военный грузъ"—1.200 солдатъ). Но вотъ фирманъ наконецъ полученъ, и мы медленно плывемъ вдоль роскошныхъ, уже покрытыхъ яркою зеленью береговъ Босфора. Минуемъ Константинополь (гдѣ намъ также запретили останавливаться изъ-за „военнаго груза"), Санъ-Стефано, Принцевы Острова и къ вечеру добираемся до Архипелага. Здѣсь поднимается сильнѣйшая толчея. Судно наше то зарывается носомъ въ волны, то переваливается съ бока на бокъ, то подбрасывается нѣсколькими вертикальными ударами волны такъ, что уловить какую-либо „нейтральную" точку на палубѣ нѣтъ никакой возможности, и я впервые испытываю всѣ ужасы морской болѣзни, отъ которой не могъ больше избавиться въ теченіе всего пути. Какой-то сердобольный пассажиръ уложилъ меня на скамейку, а голову мою положилъ къ себѣ на колѣни. Въ этомъ положеніи я почувствовалъ нѣкоторое облегченіе и позднею ночью, шатаясь и спотыкаясь, кое-какъ добрался до своей койки въ каютѣ, гдѣ заснулъ свинцовымъ сномъ и проснулся уже утромъ отъ какихъ-то неистовыхъ криковъ. Оказалось, что мы уже въ Портъ-Саидѣ, и кричатъ феллахи, грузящіе уголь на наше судно. Едва держась на ногахъ, я тѣмъ не менѣе сошелъ вмѣстѣ съ двумя сотоварищами по путешествію на пристань, чтобы познакомиться съ невѣдомою страною.

Взявъ проводника-араба, немного говорившаго по-русски, зашли сначала въ магазинъ, гдѣ за 2 рубля штука купили по бѣлому, изнутри подбитому пробкой, англійскому шлему, безъ котораго рискованно проходить тропики безъ опасенія получить

солнечный ударъ. Осмотрѣвъ затѣмъ арабскій кварталъ, на одной изъ улицъ котораго были протянуты веревки съ флагами и фонарями и устроенъ на перекресткѣ какъ бы шатеръ изъ ковровъ, какъ оказалось для предстоящей въ тотъ же вечеръ свадьбы одного изъ мѣстныхъ арабскихъ обывателей,—мы, напившись въ арабской кофейнѣ отвратительнаго кофе въ видѣ какой-то гущи, наняли коляску и поѣхали смотрѣть находящійся въ разстояніи около часа ѣзды отъ города каналъ, ведущій Нильскую воду (Нилъ въ разстояніи около 60 верстъ отъ Портъ-Саида) до городской водопроводной башни. Съ трудомъ пробираясь по сыпучему, иногда по самую ступицу, песку, коляска наша наконецъ дотащилась до какого-то тощаго не то бульвара, не то садика, вдоль котораго извивалось узкою лентою полотно желѣзной дороги изъ Портъ-Саида въ Суэцъ. Оставивъ коляску и перейдя черезъ путь, мы вошли внутрь садика и по тропинкѣ, проходившей вдоль какого-то забора, сплошь увитаго красивымъ вьющимся растеніемъ съ громадными лиловыми цвѣтами,—черезъ нѣсколько минутъ добрались до канала съ Нильской водой. Мои сотоварищи рискнули выпить нѣсколько глотковъ мутныхъ струй „священной“ рѣки, я же ограничился тѣмъ, что умылъ себѣ въ таковыхъ руки. Конецъ канала, гдѣ мы стояли, запертъ небольшимъ шлюзомъ; отсюда вода поступаетъ въ фильтровый бассейнъ, а затѣмъ, уже въ чистомъ видѣ, поднимается на стоящую тутъ же по близости высокую водонапорную башню, откуда слѣдуетъ дальше до самаго города. Возвратившись въ городъ и осмотрѣвъ небольшой скверъ съ жидкою растительностью, въ которомъ расположенъ памятникъ-бюстъ знаменитаго творца Суэцкаго канала, Лессепса, мы купили себѣ лонгъ-шэзы и, выругавъ на прощанье нашего проводника, который содралъ съ насъ неимовѣрно высокую цѣну (три рубля за $3^1/_4$ часа), возвратились наконецъ на „Херсонъ“. Здѣсь кончилась грузка угля, и вся палуба была покрыта мелкою угольною пылью. Пришлось сидѣть въ закрытой наглухо каютъ-кампаніи, въ тропической духотѣ, покуда не вымыли палубы. Выйдя на таковую, я увидалъ красавца-араба въ шитой золотомъ черной курткѣ, на воротникѣ которой было золотыми же русскими буквами вышито „Мустафа малодецъ“. Оказалось, что этотъ-то Мустафа и есть самый благонадежный проводникъ во всемъ Портъ-Саидѣ. На рейдѣ лѣниво ныряли два огромныхъ дельфина, тутъ же молодой арабъ, стоя въ костюмѣ Адама на носу своей лодочки, неистовымъ голосомъ кричалъ „кидай деньгу, кидай деньгу“. И когда кто-либо изъ

пассажировъ дѣйствительно бросалъ въ воду мелкую монету—съ удивительною ловкостью нырялъ и появлялся на поверхности съ найденною имъ монетою въ зубахъ. Вскорѣ стала съѣзжаться мало-по-малу и вся прочая часть пассажировъ, еще остававшихся на берегу. Носильщики втаскивали на палубу купленныя лонгъ-шэзы и кресла. Молодежь восторженно отзывалась: кто о катаньѣ на ослахъ, кто о черноокой красавицѣ-египтянкѣ, показывавшей имъ арабскую мечеть. Не обошлось и безъ курьезовъ: одинъ изъ нашихъ молодыхъ техниковъ, немного навеселѣ, никакъ не могъ попасть съ лодки („Херсонъ“ остановился на рейдѣ въ 1/2 верстѣ отъ городской пристани)—на спущенный для всхода на судно трапъ, и, оступившись, ухнулъ въ воду, откуда, впрочемъ, былъ тотчасъ же вытащенъ, при чемъ и весь хмель какъ рукою сняло отъ этой невольной ванны.

Согласно предписанія правленія, обоснованнаго, какъ мнѣ было сказано въ бытность мою въ Петербургѣ, въ томъ, что касается мѣста нашего назначенія, на распоряженіи главнаго инженера по постройкѣ Китайской дороги г. Юговича, я долженъ былъ со всѣмъ своимъ штатомъ слѣдовать во Владивостокъ. Такъ какъ по недостатку мѣста на „Херсонѣ“ часть моихъ служащихъ (6 человѣкъ) не могла ѣхать на немъ, то ихъ пришлось помѣстить на пароходѣ слѣдующей очереди „Орлѣ“, долженствовавшемъ отправиться изъ Одессы 10 марта (на самомъ же дѣлѣ пароходъ этотъ отошелъ только 3 апрѣля и всѣ 6 служащихъ, прибывшіе въ Одессу 8 марта), вынуждены были прожить здѣсь зря почти цѣлый мѣсяцъ.

Имѣя въ виду вышеозначенное предписаніе, какъ я лично, такъ и всѣ служащіе мои просили всю корреспонденцію, газеты, депеши и журналы направить во Владивостокъ въ контору Китайской Восточной дороги. Между тѣмъ по прибытіи нашемъ въ Портъ-Саидѣ была нами получена депеша правленія съ предписаніемъ мнѣ и другому начальнику участка высадиться, согласно распоряженія главнаго инженера, въ Портъ-Артурѣ, при томъ въ распоряженіе не главнаго инженера, а начальника отдѣленія по постройкѣ. Между тѣмъ при соглашеніи моемъ съ правленіемъ мнѣ ни единымъ словомъ не было заявлено о возможности того, что на мѣстѣ работъ я буду подчиненъ какимъ-либо инымъ условіямъ, чѣмъ это предвидѣно выданными мнѣ для руководства инструкціями, въ которыхъ нигдѣ не говорилось о посредникѣ между начальникомъ участка и главнымъ инженеромъ или его замѣстителемъ, каковымъ по-

средникомъ на дѣлѣ является начальникъ отдѣленія. Въ виду сего, если бы я могъ предвидѣть только возможность измѣненія условій приглашенія по пути или на мѣстѣ работъ, то, какъ опытный старый инженеръ, никогда не согласился бы ѣхать изъ Россіи для того, чтобы попасть въ служебное положеніе худшее, чѣмъ это было у меня въ Россіи, какимъ является положеніе начальника участка, подчиненнаго не главному инженеру или его замѣстителю, а новому третьему лицу—начальнику отдѣленія, къ которому фактически переходятъ, какъ оказывается на дѣлѣ, всѣ права, предоставленныя вышеупомянутыми инструкціями,—начальнику участка, а послѣдній является лишь въ качествѣ простого техника, отвѣчающаго за всякій промахъ въ работахъ всѣхъ прочихъ агентовъ участка, но въ то же время не имѣющаго права даже распредѣлять служащихъ участка по своему усмотрѣнію, тогда какъ начальникъ отдѣленія не только полный хозяинъ, но и пожинаетъ всю благодарность за работу. Но оказалось, что начальникомъ отдѣленія въ Портъ-Артурѣ состоитъ инженеръ Гиршманъ, а такъ какъ въ свое время на Курско-Харьково-Азовской жел. дорогѣ я и инженеръ Гиршманъ были сосѣдями по дистанціямъ, то я, основываясь на прошломъ, могъ предположить, что буду въ состояніи ужиться въ подчиненномъ ему положеніи и по сему волею-неволею рѣшилъ примириться съ неопредѣленными обстоятельствами.

Принявъ лоцмана, „Херсонъ“ тихимъ ходомъ двинулся въ Суэцкій каналъ. Вотъ миновали мы чудное зданіе „Суэцкой компаніи“, выстроенное въ египетско-мавританскомъ стилѣ, и, лавируя между многочисленными судами, загромождающими рейдъ, плавно вступили въ самый каналъ. Каналъ нѣкоторое время идетъ по озеру Мензалэ, среди 2-хъ дамбъ, затѣмъ материкомъ; потомъ близъ Измаиліи снова озерами и т. д. до самаго Суэца. Скорость движенія весьма ограничена, дабы не размывать откосовъ канала, хотя и укрѣпленныхъ каменною мостовою, а мѣстами и каменными подпорными стѣнками, но очевидно плохо выдерживающими сколько-нибудь сильную волну, такъ какъ во многихъ мѣстахъ замѣтны обвалы какъ стѣнокъ и мостовой, такъ и самыхъ откосовъ канала. Скорость движенія не должна превосходить 14 час. для прохода всего канала (кажется, длина такового 102 версты).

Если лоцманъ превзойдетъ таковую, то подвергается или сильному штрафу, или даже временному отстраненію отъ должности. Лоцманы большею частью итальянцы и греки. Есть французы и даже болгары. За проходъ по каналу каждое судно

уплачиваетъ компаніи весьма изрядную сумму, смотря по своему водоизмѣщенію. Такъ проходъ нашего „Херсона“ обошелся въ 12.000 рублей, не считая платы лоцману и платы за электрическій фонарь особаго устройства, который каждое судно, входящее въ каналъ, беретъ у агента компаніи и сдаетъ другому агенту при выходѣ изъ канала. Черезъ извѣстные промежутки устроены въ каналѣ „разъѣзды“, т.-е. уширенія для того, чтобы два встрѣчающіяся судна, идущія по различнымъ направленіямъ, могли бы разойтись, такъ какъ покуда каналъ еще недостаточно широкъ для одновременнаго слѣдованія двухъ судовъ рядомъ. Мало того, во избѣжаніе зацѣпленія, даже при разъѣздахъ, передъ входомъ въ каналъ—реи на мачтахъ изъ поперечнаго, по отношенію къ оси судна положенія, приводятся въ параллельное таковой, а шлюпки, висящія обыкновенно за бортомъ, поворачиваются въ сторону оси судна надъ палубой. Разъѣзды снабжены сигнальными мачтами. Въ мѣстахъ, требующихъ углубленія канала для поддержанія нормальной его глубины, (кажется, 25 футовъ и 6 дюймовъ), расположены гигантскія землечерпательныя машины съ длинными отводными рукавами, посредствомъ которыхъ вынутый песокъ удаляется за предѣлы откосовъ канала. Намъ пришлось проходить каналъ ночью. Никогда я не забуду этой чудной картины: звѣздное небо, теплая ласкающая ночь и множество идущихъ намъ навстрѣчу громадныхъ электрическихъ солнцъ-фонарей встрѣчныхъ судовъ,—освѣщающихъ на далекое пространство передъ собою воды канала, пріобрѣтающія отъ этого свѣта какой-то зеленовато-молочный фантастическій цвѣтъ. При скрещеніи, смотря по обстоятельствамъ,—то судно, идущее въ Суэцъ, то судно, идущее въ Портъ-Саиду, останавливаются, давая другъ другу дорогу. Суда проходятъ такъ близко другъ отъ друга, что чуть-чуть не касаются бортами. Вотъ прошелъ мимо насъ гигантскій пассажирскій пароходъ неизвѣстной національности. Насъ съ него окликнули. Мы отвѣтили—„Херсонъ“. Въ отвѣтъ намъ по-русски—„добраго пути“. Кто-то подзадорилъ солдатиковъ крикнуть ура. А нѣсколько голосовъ пассажировъ закричали „vive la France“, вообразивъ, что встрѣченный пароходъ французскій. На самомъ дѣлѣ оказался „Нѣмецъ“. (На морскомъ нарѣчіи суда именуются судя по флагу „Нѣмцемъ“, „Французомъ“, „Англичаниномъ“ и т. д.).

На слѣдующій день утромъ мы приближались къ Суэцу. День былъ чудный. Равнина, по которой идетъ здѣсь каналъ, на далекомъ горизонтѣ окаймлена высокими хребтами горъ, по-

дернутыхъ голубоватою дымкою; ближе къ каналу мелькаютъ то тамъ, то сямъ небольшіе оазисы пальмовыхъ рощъ, изъ-за которыхъ выглядываютъ бѣленькія хатки поселенцевъ. Кое-гдѣ видны полосатые шатры кочевниковъ, съ пасущимися тощими верблюдами. Стада бѣлыхъ пеликановъ сидятъ по берегамъ многочисленныхъ мелкихъ озеръ, раскинутыхъ по долинѣ. Справа вьется линія желѣзной дороги изъ Портъ-Саида въ Суэцъ. По откосу канала бѣгутъ за нами совершенно голые арабчата. Особенно назойливо преслѣдуетъ насъ одинъ юноша, арабъ лѣтъ 15—16, крича: „давай, давай“. Когда ему бросили мелкую монету, онъ съ неудовольствіемъ закричалъ: „робу давай, робу“. Какой-то сердобольный солдатъ швырнулъ въ каналъ старую рубашку, за которой арабъ тотчасъ же поплылъ и, выжавъ рубаху, остался, повидимому, очень доволенъ. Скоро показался самъ Суэцъ, съ оригинальными и плоскими крышами домовъ, башенками и бѣлоснѣжнымъ, въ видѣ высокаго минарета, станціоннымъ зданіемъ желѣзной дороги. При самомъ выходѣ изъ канала въ Суэцкій заливъ устроена справа прекрасная набережная, гдѣ, вдоль бульвара изъ тамариндовыхъ деревьевъ, расположено нѣсколько зданій европейскаго характера и контора Суэцкой компаніи. Не останавливаясь передъ таковой, мы слѣдовали дальше и стали на рейдѣ. Ярко-зеленыя воды залива, темно-синее небо, лиловатыя очертанія далекихъ горъ, желтый цвѣтъ песчанаго берега, пестрые, яркихъ цвѣтовъ костюмы арабовъ, бѣлый громадный англійскій военный транспортъ „№ 4“, унизанный красными мундирами англійскихъ солдатъ—все это представляло такую веселую картину, которая надолго врѣзалась мнѣ въ память. Пріѣхалъ вскорѣ на маленькомъ пароходикѣ агентъ компаніи для взысканія суммы, слѣдуемой за проходъ „Херсона“. Мы поспѣшили воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы отправить во всѣ концы Россіи роднымъ и знакомымъ письма. Отправивъ корреспонденцію и купивъ нѣсколько видовъ канала и Суэца у арабовъ, осаждавшихъ нашу палубу, мы тронулись дальше—въ Красное море.

Начиная съ третьяго дня нашего отплытія пища въ палубномъ помѣщеніи начала изо дня въ день ухудшаться: давали чуть ли не каждый день водянистыя щи, прогорклую кашу, а вмѣсто мяса кусокъ сухожилья въ 2 квадратныхъ дюйма величиною, лучшіе же куски матросы, само собою разумѣется, оставляли для себя. Тогда не только агенты моего участка, но и служащіе двухъ другихъ строительныхъ участковъ, ѣхавшіе съ нами также на Дальній Востокъ—подняли настоящій бунтъ,

говоря, что никогда бы не поѣхали, если бы могли предвидѣть такія условія плаванія. Что они шли на то, чтобы въ Маньчжуріи терпѣть всякія лишенія,—но не истощать свои силы зря до прибытія на мѣсто работъ. Мы трое начальниковъ участковъ старались всячески ихъ успокоить: брали тарелки съ ихъ пищей, показывали ихъ пароходному начальству съ заявленіемъ, что такую пищу можно давать чернорабочимъ, а не лицамъ, привыкшимъ, по своему образованію, къ лучшимъ условіямъ, но всегда слышали одинъ и тотъ же отвѣтъ: „Господа, вы совершенно правы, но мы не можемъ лучше кормить вашихъ служащихъ, такъ какъ за всякое улучшеніе пищи должны платить изъ собственнаго кармана поровну капитанъ и старшій помощникъ, что́ случалось уже не разъ. Всѣ условія хорошо извѣстны вашему правленію. Оно устанавливаетъ съ комитетомъ добровольнаго флота соглашеніе, и мы, повторяемъ, ничего сдѣлать не можемъ. Постараемся лишь о томъ, чтобы матросъ-поваръ не мошенничалъ". Такъ какъ жары, начиная съ Краснаго моря, дѣлались съ каждымъ днемъ невыносимѣе, а несчастные служащіе, поджариваемые въ своей конурѣ машинною топкою и истощенные плохою пищею, буквально изнемогали, то, посовѣтовавшись между собою, мы, начальники участковъ, на свой страхъ рѣшили выдавать служащимъ по 50 копѣекъ въ день добавочнаго харчевого довольствія для покупки какихъ-либо консервовъ для улучшенія пищи, тѣмъ болѣе, что по дошедшимъ до меня, напримѣръ, свѣдѣніямъ нѣкоторые служащіе какъ моего, такъ и другихъ участковъ, собирались бѣжать изъ ближайшаго попутнаго порта (Коломбо) въ Россію. Вслѣдствіе сего, во избѣжаніе такого побѣга, по необходимости, пришлось отобрать у всѣхъ служащихъ паспорта и квитанціи.

Красное море пользуется, вообще говоря, самою дурною славою. Мало изслѣдованное, съ множествомъ коралловыхъ рифовъ, оно служитъ мѣстомъ частыхъ кораблекрушеній, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленные острова и обломки погибшихъ судовъ, коими усѣяны берега. Злые языки говорятъ, однако же, что большинство погибшихъ судовъ—старые уже никуда негодные пароходы, предварительно хорошо застрахованные, а потомъ умышленно посаженные на мель. Какъ бы то ни было, ни одно изъ существующихъ на всемъ земномъ шарѣ страховыхъ обществъ не беретъ больше на страхъ судовъ, плавающихъ въ Красномъ морѣ. Для простого путешественника плаваніе по нему также весьма тяжело: качка при крайне вы-

сокой температурѣ сильно изнуряетъ пассажировъ. Говорятъ, что здѣсь самое жаркое мѣсто земного шара и что 40° Р. въ тѣни здѣсь не рѣдкость. Голая же почва береговъ нагрѣта до 64° Р., и яйца могутъ свободно быть сварены въ накаленномъ пескѣ. Берега (сначала отъ Суэца и далѣе въ концѣ ближе къ Бабъ-эль-Мандебскому проливу) мертвенны. Одна бурая рамка горъ какъ со стороны Африки, такъ и со стороны Аравіи. Нѣсколько небольшихъ островковъ (между прочимъ т. н. „Два брата“, съ маякомъ на одномъ изъ нихъ) иные коралловаго, иные вулканическаго образованія; далѣе въ неясныхъ очертаніяхъ, благодаря дымкѣ, библейскія горы „Хоривъ“ и „Синай“ на Аравійскомъ берегу—вотъ все, что представляется зрѣнію изможденнаго жарой путника.

Бывшее первые дни нашего пути совершенно спокойнымъ море не захотѣло, повидимому, потерять свою славу: въ ночь съ 15 на 16 марта вѣтеръ посвѣжѣлъ, волненіе, начавшееся въ 4 часа пополудни слабою зыбью, перешло въ довольно сильную толчею, дававшую одновременно съ боковою гораздо менѣе сносную килевую качку. Пребываніе при такихъ условіяхъ въ каютѣ, гдѣ благодя закрытому (по морскимъ правиламъ во время волненія) иллюминатору (каютному окну)—температура возрасла до 35° Р., оказалось совершенно невозможнымъ и пришлось, пробираясь невѣрными шагами по палубѣ, добраться до своей лонгъ-шэзы и ночевать на открытомъ воздухѣ. Къ утру 16-го волненіе, по счастью, улеглось, и все вошло въ обычную норму. Море все болѣе и болѣе суживалось: на берегахъ Аравіи можно было уже различать кое-какія строенія, мѣстами стада верблюдовъ, а на двухъ попавшихся на пути островкахъ паслись страусы. Проѣхавъ мимо города Мокко, славящагося, какъ извѣстно, своимъ кофе, мы около 6-ти часовъ вечера вступили въ Бабъ-эль-Мандебскій проливъ, которымъ Красное море соединяется съ Аденскимъ заливомъ Индійскаго океана. Проливъ островомъ Перимомъ раздѣляется на малый (лѣвый) рукавъ и большой (правый) рукавъ. Малый проливъ, по которому держалъ свой курсъ „Херсонъ“, окаймленъ со стороны Аравіи громадными утесами и изрѣзанъ нѣсколькими небольшими заливами, по характеру своему напоминающими норвежскіе фіорды. За прибрежными утесами виднѣются высокія горы, на одной изъ которыхъ замѣтно какое-то большое бѣлое восточнаго типа зданіе. Африканскій берегъ одноименнаго рукава, насколько можно судить съ парохода, нѣсколько болѣе пологъ, хотя все-таки усѣянъ рыжевато-бу-

рыми холмами. Самъ Перимъ представляетъ изъ себя собственно двѣ совершенно отличныя другъ отъ друга части: одну утесистую, обращенную въ сторону Аравіи, а другую болѣе, пологую—въ сторону Африки. Первая, очевидно, во время оно составляла часть Аравійскаго материка, это подтверждаютъ ея утесы, одноименной формаціи съ вышеописаннымъ берегомъ Аравіи; вторая не что иное, какъ коралловая аттола, которая, выросши изъ нѣдръ морскихъ, сначала была когда-то отдѣлена отъ утесистой части острова небольшою лагуною, которую впослѣдствіи затянуло пескомъ, оставивъ только небольшую бухту.

Пустыненъ, мраченъ и непривѣтливъ Перимъ, и только англичане, вездѣ старающіеся забрать въ свои руки ключи ко всѣмъ морямъ, устроили и на Перимѣ свою морскую станцію съ обширными угольными складами. Послѣдними пользуются суда всѣхъ націй, запасаясь передъ продолжительнымъ переходомъ черезъ Индійскій океанъ углемъ, если не намѣрены взять таковой нѣсколько далѣе, а именно въ Аденѣ. Англійскія казармы, батарея, сигнальная мачта и небольшая деревушка негровъ - сомали, первоначальныхъ владѣльцевъ острова,—вотъ все, что видно отъ Перима съ борта нашего парохода. Воды прѣсной, какъ оказывается, на островѣ нѣтъ совсѣмъ, ее получаютъ изъ большого опрѣснительнаго аппарата, устроеннаго англичанами. Въ томъ же помѣщеніи опрѣснителя находится также и машина для изготовленія искусственнаго льда, какъ для мѣстнаго употребленія, такъ и для снабженія проходящихъ судовъ.

Нашъ „Херсонъ“, располагая пополнить свой запасъ угля въ Аденѣ, прошелъ мимо Перима, ограничившись выкидкою четырехъ сигнальныхъ флаговъ; смыслъ сигнала: просить перимскую почтово-телеграфную контору передать въ Россію, что „Херсонъ“ благополучно прошелъ Красное море. Эту депешу приняли отъ насъ, вывѣсивъ на сигнальной береговой мачтѣ, о которой я говорилъ выше, соотвѣтствующій сигналъ.

Къ 10-ти часамъ вечера мы подошли къ Адену, небольшой англійской колоніи на Аравійскомъ материкѣ, и стали на якорѣ при самомъ входѣ на рейдъ, такъ какъ всѣ мѣста въ этомъ довольно узкомъ, искусственнымъ путемъ углубленномъ, заливѣ были уже заняты судами другихъ національностей, между прочимъ, и 2-мя англійскими броненосцами. Городокъ Аденъ расположенъ у подножія довольно высокой горы, выдающейся мысомъ въ море, и состоитъ всего изъ одной улицы съ одно и двухъ-этажными домиками, крытыми черепицей. Улица пре-

красно вымощена. Передъ нѣкоторыми изъ домиковъ видны слѣды попытки развести садикъ, но, повидиму, безуспѣшно, такъ какъ Аденъ одна изъ тѣхъ мѣстностей земного шара, гдѣ иногда два, три года подрядъ не бываетъ совсѣмъ дождя. Для сбора драгоцѣнной дождевой воды (прѣсной воды нѣтъ въ городѣ, за исключеніемъ получаемой искусственнымъ путемъ изъ опрѣснителя) еще, какъ гласитъ преданіе, Александръ Македонскій устроилъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ теперешняго городка громадныя цистерны, высѣченныя въ скалѣ и существующія и понынѣ. Къ сожалѣнію, за кратковременностью стоянки „Херсона“, намъ не пришлось съѣздить ихъ осмотрѣть. Въ Аденѣ на палубу къ намъ влѣзли тотчасъ же черномазые лоснящіеся, почти совершенно голые, негры, племенъ „сомали“ и „берберовъ“, продававшіе всякія рѣдкости—страусовыя перья, какой-то цѣлебный корень для чистки зубовъ, рога антилопъ, носъ рыбы „пилы“. У сомали волоса расчесаны вѣеромъ и окрашены въ ярко-красный цвѣтъ при помощи какой-то особой мѣстной глины. Въ общемъ они похожи на „театральныхъ чертей“. Четыре такихъ здоровенныхъ чорта скакали по палубѣ и причалившей къ намъ угольной баржѣ и распѣвали дикими голосами „Тарарабумбію“, а мальчишки клянчили подачку, имъ кидали въ воду мелкія монеты, за которыми они ныряли съ удивительной ловкостью.

20-го марта мы вступили въ Индійскій океанъ. Синій, цвѣта синьки, океанъ, безпредѣльный и глубокій (до шести верстъ глубиною). Ночью небо съ незнакомыми созвѣздіями, между прочимъ съ „Южнымъ Крестомъ“ (напрасно такъ воспѣваемымъ, онъ гораздо хуже, напримѣръ, нашей „Большой Медвѣдицы“, которая видна здѣсь уже вверхъ ногами). Фосфорическій блескъ сотенъ блестящихъ моллюсковъ, отбрасываемыхъ, какъ золотистыя звѣздочки, пѣною разсѣкаемыхъ носомъ парохода волнъ. Томительная жара въ каютѣ. Полное отупѣніе пассажировъ. Вотъ прелести морского путешествія подъ тропиками, которыя приходится испытывать въ теченіе 8-ми суточнаго перехода черезъ Индійскій океанъ. Пассажиры большею частью ошалѣли или занимаются сплетнями или дуются въ карты, или уже ругаются. Взрослые бородачи занимаются тѣмъ, что тихо подкрадываются къ растянувшимся въ полудремотѣ на лонгъ-шэзахъ дамамъ и, крича надъ ихъ ухомъ „ухъ“—пугаютъ ихъ. Мой сотоварищъ по каютѣ, весьма, къ слову сказать, тучный господинъ въ костюмѣ Адама обливается потомъ. Вся его обычная веселость исчезла, и онъ жаждетъ поскорѣе по-

пасть на работу. Часть пассажировъ дуется въ карты, другіе задумчиво смотрятъ на морскую пучину. Десятники нашихъ участковъ ворчатъ на пищу, играютъ въ азартныя игры. Впервые вижу летающихъ рыбъ. Рыбки эти серебряныя съ черными спинками и крылышками, совершенно какъ ласточки порхаютъ надъ поверхностью волнъ. Дѣти также всѣ сильно утомлены отъ жары и начинаютъ капризничать. Одинъ бѣдный мальчикъ даже кубаремъ скатился по лѣстницѣ съ палубы въ нижнія каюты, но по счастью остался цѣлъ и невредимъ. Чтобы они не упали въ воду, вокругъ всей палубы устроена рѣшетка высотою около $1^1/_2$ аршина, но нѣкоторые шалуны и шалуньи стараются во что бы то ни стало влѣзть на рѣшетку и свѣситься съ нея. Чѣмъ дальше ѣдемъ по океану, тѣмъ духота усиливается. Голова точно въ тискахъ, а тѣло въ сильнѣйшей испаринѣ. Малѣйшее движеніе страшно тяжело. Если къ этому прибавить, что пароходъ почти цѣлую недѣлю мѣрно раскачивается изъ стороны въ сторону, при чемъ при каждомъ обнаженіи изъ воды пароходнаго винта все судно вздрагиваетъ, то получается полная картина состоянія пассажировъ, плывущихъ по необозримой ширѣ Южнаго океана. И это называется „плавать при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ“. Акулъ мы во все время плаванія не видали ни одной, хотя находились на самой ихъ родинѣ. Проходимъ мимо Лакедивскихъ и Маледивскихъ острововъ. Стали чаще попадаться навстрѣчу пароходы. Обогнали мы также пароходъ добровольнаго флота „Ярославль“, вышедшій на два дня раньше насъ изъ Одессы. Капитанъ предложилъ намъ увѣковѣчить свое путешествіе по океану вписку нашихъ фамилій въ большую книгу „Херсона“, и мы расписались. Отмѣчу попутно слѣдующій комичный инциндентъ: вечеромъ 23 марта сигнальный матросъ съ мачты затрубилъ, что въ виду фонарь судна, идущаго намъ навстрѣчу. Дѣйствительно, показался фонарь, дававшій длинную свѣтовую полосу по водѣ, затѣмъ быстро сталъ подниматься кверху; оказалось, что это надъ нами подшутила планета „Юпитеръ“—до такой степени ярокъ здѣсь ея свѣтъ. Утромъ повторилась та же штука: былъ туманъ, и въ 4 часа утра пошутила надъ нами такимъ же путемъ планета „Венера“. Пароходъ сталъ даже давать тревожные свистки, а затѣмъ и свернулъ въ сторону, чтобы... не столкнуться съ Венерой. Миновали маякъ на Маледіоскомъ островѣ „Минкой“, возвышающемся всего на 1 сажень надъ уровнемъ моря и заросшемъ пальмовою рощею. Говорятъ, скоро Цейлонъ.

„Цейлонъ. Жемчужина Индійскаго океана“. Сердце невольно трепещетъ отъ напряженнаго ожиданія того богатства впечатлѣній, которое сулитъ, по свидѣтельству всѣхъ безъ исключенія путешественниковъ, этотъ островъ, гдѣ, по преданіямъ, былъ второй рай. При легкомъ вѣткѣ „Херсонъ“, принявъ лоцмана и постепенно замедляя движеніе, входитъ въ гавань главнаго порта Цейлона-Коломбо, и, наконецъ, бросаетъ якорь невдалекѣ отъ прекраснаго мола, коимъ гавань защищена справа отъ бѣшеныхъ волнъ океана. На концѣ мола маякъ. Съ лѣвой стороны гавани производится постройка другой дамбы, долженствующей защитить ее отъ напора моря и со стороны Индійскаго прибрежья. Въ глубинѣ гавани, виднѣется справа самъ городъ, съ громаднымъ корпусомъ „Оріенталь Отель“ на первомъ планѣ, а слѣва на болѣе плоскомъ берегу—густыя рощи пальмъ, изъ-за которыхъ выглядываютъ избушки туземцевъ. Гавань переполнена судами всѣхъ національностей. Ближе другихъ стоятъ къ намъ: англійскій пассажирскій пароходъ и германская канонерка „Iltis“. По величинѣ же „Херсонъ“ занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ безъ исключенія. Не успѣло звякнуть послѣднее звено якорной цѣпи, какъ къ намъ подплываютъ на двухъ бревнахъ, связанныхъ веревками, четыре сингалезскихъ подростка съ криками „A la mer, à la mer“... Имъ кидаютъ въ море нѣсколько мелкихъ монетъ, которыя они, ловко ныряя, не боясь безчисленныхъ акулъ, тутъ же поднимаютъ со дна. Между тѣмъ разсказываютъ, что подъ часъ акулы откусываютъ у этихъ водолазовъ то руку, то ногу. Наловивъ достаточное количество монетъ, сингалезы встали на своемъ бревнѣ и начали, потряхивая какимъ-то особеннымъ образомъ головою и руками, пѣть неизмѣнную „Тарарамбумбію“. Повидимому, это модный мотивъ на всемъ тропическомъ побережьи. Мы стремимся поскорѣе съѣхать на берегъ и, размѣнявъ нѣсколько рублей у явившагося на нашу палубу услужливаго мѣнялы на мѣдныя рупіи (рупія=65 коп.), садимся на первую попавшуюся сингалезскую лодку. Минутъ черезъ 15 мы причалили къ крытой деревянной пристани для гребныхъ судовъ, окруженной безчисленнымъ количествомъ лодокъ, шлюпокъ и крайне своеобразныхъ длинныхъ, выдолбленныхъ изъ одного дерева, сигналезскихъ челноковъ, снабженныхъ другимъ бревномъ сбоку, плавающимъ въ видѣ противовѣса, для придачи большей стойкости всему утлому суденушку. Наши гребцы хотѣли содрать съ насъ ровно въ четверо больше, чѣмъ слѣдовало по таксѣ, но мы позвали полисмена-англичанина,

который съ невозмутимымъ хладнокровіемъ сразу осадилъ ихъ. Товарищи мои отправились взять нумеръ въ гостиницѣ, я же отправился немного освоиться съ городомъ. На самомъ почти берегу: прекрасное зданіе „Оріенталь Отель“, которое мы еще видѣли съ палубы парохода. Тутъ же множество дженерикшъ, т.-е. небольшихъ легкихъ двухколесныхъ колясочекъ, везомыхъ полуголыми малайцами и сингалезами. За 30 копѣекъ такой человѣкъ-лошадь готовъ возить васъ подъ палящими лучами тропическаго солнца цѣлый часъ. Сознаюсь, что крайне какъ-то тяжело и неловко впервые пользоваться услугами такихъ извозчиковъ. Но человѣкъ ко многому привыкаетъ, и впослѣдствіи я уже освоился съ такимъ способомъ передвиженія, ограничиваясь тѣмъ, что только отъ времени до времени покрикивалъ слишкомъ усердному джинерикшѣ „тише, тише“. Другой способъ передвиженія по Коломбо это въ такъ называемыхъ „тончи“, т.-е. небольшихъ кареткахъ, везомыхъ или пони или небольшимъ бычкомъ-зебу. Каретка открыта со всѣхъ сторонъ и снабжена лишь крышей, поддерживаемой нѣсколькими колонками. Промежутки между сими послѣдними могутъ быть завѣшены шторами. На козлахъ сидитъ малаецъ или сингалезъ кучеръ, въ большинствѣ случаевъ, кромѣ передника, ни во что не одѣтый. Осмотрѣвъ прекрасное мѣстное „Post-office“, т.-е. почтовую контору, затѣмъ главную улицу, сплошь занятую магазинами (драгоцѣнные камни, издѣлія изъ чернаго дерева, ковры, консервы и т. п.), я позавтракалъ въ ресторанѣ „Бристоль“, замѣчательномъ тѣмъ, что онъ представляетъ собою типъ тропическаго помѣщенія этого рода: само зало не имѣетъ оконъ на улицу, а всѣ послѣднія выходятъ на крытыя галлереи, изъ коихъ одна на улицу, а другая въ садъ. Благодаря этому, въ помѣщеніи пріятный полумракъ и прохлада. Для большаго освѣженія воздуха почти у каждаго изъ многочисленныхъ столовъ къ потолку прикрѣплены т. н. „punkah“, т.-е. родъ горизонтальныхъ крыльевъ-лопастей, приводимыхъ въ движеніе электричествомъ. Крылья эти навѣваютъ все время прохладу. Послѣ завтрака я взялъ дженрикшу и отправился осмотрѣть мѣстный музей и ботаническій садъ. Солнце жгло немилосердно и, несмотря на тропическій шлемъ, я сильно опасался солнечнаго удара. Легонькая колясочка, въ которой я сидѣлъ, покатилась по чудному шоссе сначала вдоль морского берега, засимъ, миновавъ расположенное почти у самаго моря красивое красное зданіе „Отель Галь“,—поѣхала мимо тонущихъ въ пальмовыхъ садахъ виллъ, большею частью англійскихъ владѣль-

цевъ, а затѣмъ и мимо хижинокъ мѣстныхъ обывателей. По дорогѣ за мною бѣжали разные мальчишки, предлагавшіе купить у нихъ: кто блестящаго жука, кто палку изъ гвоздичнаго дерева. Наконецъ, подъѣхали къ самому музею. Небольшое довольно изящное зданіе музея въ два этажа находится посреди обширнаго луга, обнесеннаго рѣшеткою. Передъ самымъ входомъ въ музей на томъ же лугу возвышается бронзовый памятникъ: статуя наиболѣе потрудившагося надъ благоустройствомъ острова бывшаго губернатора такового, сэра Грегори; желѣзныя дороги, прекрасныя шоссе, водопроводы, самъ музей, устройство чайныхъ плантацій, упорядоченіе культуры кофе и пряностей—все это обязано своимъ образцовымъ порядкомъ вышеупомянутому талантливому администратору. Музей самъ по себѣ ничего выдающагося не представляетъ кромѣ манекеновъ аборигеновъ острова, вымирающаго гдѣ-то въ дремучихъ лѣсахъ центральнаго Цейлона—племени веддахъ, коллекцій бабочекъ, драгоцѣнныхъ камней, чучелъ нѣкоторыхъ птицъ и животныхъ, населяющихъ островъ—я ничего не нашелъ замѣчательнаго. Покинувъ музей, я пошелъ осматривать находящійся за нимъ паркъ: пальмы, исполинскіе фикусы, громадныя банановыя и коричныя деревья, густые кусты бамбука, состоящіе каждый изъ 50—80 отдѣльныхъ стволовъ, толщиною въ кулакъ и вышиною до 8—10 саженъ съ чудными пушистыми вѣерообразными макушками и множество всевозможныхъ другихъ тропическихъ растеній—собрано здѣсь въ самомъ богатѣйшемъ выборѣ. Сѣвъ снова на дженирикшу, я добрался до города и помѣстился тамъ въ вагонъ электрической конки, идущей за городъ къ берегамъ одной изъ главныхъ рѣкъ Цейлона—Келани. Быстро промчавшись 5—6 верстъ, частью по самому городу, частью по городскимъ предмѣстьямъ, мы выѣхали, наконецъ, въ небольшую сингалезскую деревушку, расположенную на самомъ прибрежьи вышеупомянутой рѣки, катящей свои мутныя желтоватыя воды среди береговъ, покрытыхъ чудною тропическою растительностью во всей ея первобытной красотѣ. Черезъ рѣку перекинутъ большой желѣзный мостъ, а берегъ весь заставленъ громадными плоскодонными баржами съ крышами изъ бамбуковыхъ цыновокъ. На краю деревушки типичная мѣстная мельница, гдѣ буйволъ, запряженный въ дышло, медленно ходитъ по кругу и заставляетъ тѣмъ самымъ большой жерновъ перемалывать какое-то желтое зерно. Меня обступила цѣлая толпа нагихъ ребятишекъ, къ которымъ присоединились вскорѣ и взрослые. Ребятишки при-

кладывали руки ко лбу въ знакъ привѣтствія, а потомъ протягивали ту же руку за подачкой, а взрослые безцеремонно тыкали по направленію ко мнѣ пальцами и скалили зубы. Между взрослыми ни у мужчинъ, ни у женщинъ ни единаго привѣтливаго лица, такъ что я былъ весьма радъ, когда подъѣхалъ очередной вагонъ конки и увезъ меня изъ этихъ мѣстъ, снова въ городъ. Товарищи мои тѣмъ временемъ поѣхали: кто въ Муантъ-Лавинія—мѣстечко съ гостиницей въ разстояніи 10 верстъ приблизительно отъ Коломбо, славящееся своимъ чудеснымъ расположеніемъ на берегу моря. Упомяну между прочимъ, что все шоссе въ Муантъ-Лавиніи освѣщается черезъ извѣстные промежутки электрическими фонарями, что при чудной тропической растительности, сквозь которую проложена дорога, и массѣ свѣтящихся мухъ, летающихъ вечеромъ—представляло, по словамъ ѣздившихъ въ Муантъ-Лавинію, феерическую картину, омрачившуюся въ концѣ концовъ чисто тропическимъ ливнемъ, разразившимся надъ путешественниками при ихъ возвращеніи. Усталые и мокрые, они стали ложиться спать въ занятомъ ими нумерѣ „Оріенталь Отеля“, какъ вдругъ какой-то пискъ, раздавшійся черезъ открытое окно, заставилъ ихъ позвать слугу и спросить его, что это значило. Сингалезъ плохо понималъ отрывочныя англійскія слова, которыми сыпалъ, коверкая ихъ немилосердно на русское произношеніе, одинъ изъ нашихъ сотоварищей, мнившій, что „изучилъ“ англійскій языкъ. Такъ какъ утромъ та же группа товарищей присутствовала при представленіи заклинателя змѣй, усмирявшаго ядовитую хобру, и змѣя эта издавала приблизительно такой же пискъ, то нашъ злополучный знатокъ англійскаго языка рискнулъ задать слугѣ вопросъ: не кобра ли это. Сингалезъ обрадовался, закивалъ головой и сказалъ „o yes, o yes, sir“ (о да, да, господинъ). Наши инженеры струхнули не на шутку и переспросили, не заползаетъ ли это животное иногда въ номеръ. Слуга, къ ихъ великому отчаянію, отвѣчалъ утвердительно и, наконецъ, ушелъ. Только-что наши храбрецы закрыли окно и потушили электричество, какъ пискъ раздался съ удвоенною силою и, повидимому, совершенно близко. Всѣ лежали, притаивъ дыханіе, и никто не рѣшался ни приблизиться къ электрической кнопкѣ лампы, ни тѣмъ болѣе подойти къ окну. Такъ пролежали они почти безъ сна до самаго утра. Утромъ все недоразумѣніе выяснилось: слуга понялъ не кобра, а коска (кошка), а кошки дѣйствительно заходили иногда въ номеръ черезъ окно. Пискъ же, причинившій столько тревол-

неній нашимъ товарищамъ, принадлежалъ какой-то ночной пташкѣ.

Впрочемъ, замѣчу кстати, что, по словамъ мѣстныхъ старожиловъ, кобра попадается сплошь и рядомъ здѣсь даже въ городскихъ палисадничкахъ, выползая оттуда ночью, когда уляжется городской шумъ.

Другой инциндентъ, ознаменовавшій наше пребываніе въ Коломбо, крайне характеренъ для обрисовки характера мѣстныхъ хозяевъ, англійскихъ культуртрегеровъ.

Гувернантка-француженка одной изъ пассажирокъ нашего „Херсона“ садилась на подъѣздѣ „Оріенталь Отеля“ вмѣстѣ съ двумя своими воспитанниками и воспитанницею въ коляску. На подножку экипажа изъ той же гостиницы выскочили два молодыхъ англичанина и со словами: „Мадмуазель, вы намъ очень, очень нравитесь, мы хотимъ съ вами кататься“—во что бы то ни стало лѣзли въ коляску, несмотря на мольбы чрезвычайно перепуганной дѣвушки, которая настолько вообще скромна и тиха, что никоимъ образомъ не могла подать сама повода къ подобнаго рода навязчивости. Потребовалась угроза палкой явившагося на крикъ нашего техника, чтобы нахальные англичане наконецъ отстали. Мы всѣ собирались поѣхать по желѣзной дорогѣ въ центръ острова—городъ Кенди, чтобы осмотрѣть близъ лежащій знаменитѣйшій въ мірѣ ботаническій садъ—„Пераденію“, но кратковременность стоянки „Херсона“, къ сожалѣнію, не позволила намъ предпринять этой любопытной поѣздки. Кто желаетъ получить понятіе о чудесахъ „Пераденіи“, того отсылаю къ интересной книгѣ профессора Краснова—его путешествію по Цейлону, дающей полную картину чудесъ растительнаго міра этого столь богато одареннаго природою острова.

Купивъ нѣсколько фотографическихъ видовъ Цейлона, а на пристани за 5 коп. пару прекрасныхъ ананасовъ, я возвратился на „Херсонъ“, палуба котораго вся была еще покрыта угольною пылью отъ неоконченной грузки угля. Снова пришлось проваляться, почти не смыкая глазъ, всю ночь отъ чудовищной жары въ каютѣ при закрытомъ иллюминаторѣ. Утромъ начали съѣзжаться ночевавшіе по гостиницамъ наши пассажиры. Пріѣхали съ визитомъ офицеры съ подоспѣвшаго „Ярославля“. Явились снова сингалезскіе мальчики-водолазы. Одинъ изъ нихъ залѣзъ въ одну изъ лодокъ, висящихъ надъ бортомъ „Херсона“, и прыгнулъ оттуда въ воду при высотѣ паденія по меньшей мѣрѣ въ 10 саженъ. Мы немного замѣшкались:

сингалезскія прачки, которымъ отдали наканунѣ стирать какъ наше, такъ и буфетное бѣлье, долго не везли его. Понадобилось нѣсколько рѣзкихъ свистковъ нашей сирены (парового особаго устройства свистка съ весьма непріятнымъ, сильнымъ звукомъ), чтобы наконецъ бѣлье было доставлено, и „Херсонъ“ двинулся дальше.

Путь нашъ на текущія сутки лежалъ весь вдоль береговъ острова, который мы должны были обогнуть съ юга для того, чтобы попасть въ Малайскій проливъ. Какъ только мы вышли въ открытое море—вѣтеръ немного посвѣжѣлъ, и началась одновременно и боковая, и килевая качка. Вотъ идетъ намъ навстрѣчу какое-то судно подъ русскимъ флагомъ. Поровнявшись, узнаемъ „Воронежъ“ добровольнаго флота, и дружное, многократное „ура“ раздается какъ отъ насъ, такъ и съ него. На „Воронежѣ“ возвращаются въ Одессу нижніе чины, отслужившіе свой срокъ, радостно махая кто шапками, кто платками. Есть что-то особенно торжественное встрѣтиться на далекой чужбинѣ среди водъ необъятнаго океана съ роднымъ по флагу судномъ, и сердце невольно усиленно бьется; порою же и болѣзненно сжимается отъ тоскливо-завистливаго чувства, что возвращаешься на родину на встрѣчномъ суднѣ не ты. Ближайшіе къ морю берега Цейлона довольно низменны и всѣ поросли густою чащею пальмъ. Мѣстами только прибрежье нѣсколько выше и обрывистѣе. Обрывы эти со стороны воды кажутся совершенно мѣдно-краснаго цвѣта. Прибой волны весьма силенъ и даже съ палубы „Херсона“ (мы идемъ въ разстояніи 12—15 верстъ отъ острова) видно, какъ бѣлая морская пѣна бѣшено вздымается вдоль береговъ. Внутренность острова весьма гориста, при чемъ чѣмъ южнѣе, тѣмъ горы выше. Вотъ виденъ весь окутанный облаками гигантскій „Адамовъ Пикъ“—высочайшая вершина Цейлонскихъ горъ. По преданію мѣстныхъ жителей, здѣсь сошлись, послѣ изгнанія изъ рая, Адамъ и Ева, при чемъ первый шелъ дорогою, которая носитъ здѣсь названіе „тропы Папы“, а вторая по „тропѣ Мамы“. Здѣсь же самъ Будда, особенно любившій Цейлонъ, въ послѣдній разъ окинувъ взоромъ землю, прикоснулся къ ней стопою и вознесся на небеса. Слѣдъ этотъ показывается и понынѣ (по измѣренію, произведенному извѣстнымъ натуралистомъ Геккелемъ—отпечатокъ имѣетъ въ длину съ лишнимъ 5, а въ ширину $2^1/_2$ фута). Качка усиливается. Приходится лежать на лонгъ-шэзѣ. Вотъ мелькнулъ на берегу какой-то бѣлый маякъ. Нѣсколько далѣе виднѣется ярко освѣщенная солнечными лучами группа постро-

екъ,· это городокъ „Point de Galle“, бывшая столица острова, убитая въ настоящее время новымъ восходящимъ свѣтиломъ „Коломбо“. Подъ вечеръ мы наконецъ теряемъ изъ виду берега Цейлона.

26-го, часовъ въ 5 утра, просыпаюсь отъ восторженныхъ криковъ „ура“: это мы повстрѣчались съ „Петербургомъ“, возвращающимся въ Россію. На третій день плаванія послѣ выхода изъ Коломбо, вѣстовой матросъ докладываетъ капитану, что на волнахъ замѣтенъ какой-то предметъ, весьма похожій на лодку. Сворачиваемъ нѣсколько съ пути, чтобы приблизиться къ загадочному предмету и, въ случаѣ если окажется дѣйствительно лодка съ потерпѣвшими крушеніе, то взять ихъ на бортъ. Оказывается въ самомъ дѣлѣ малайская лодка, но совершенно пустая.

29-го марта вошли, наконецъ, въ Малайскій Архипелагъ. Слѣва Никобарскіе острова, справа сначала двѣ какихъ-то темныхъ, словно оторванныхъ, черныхъ скалы, а за симъ и красавица Суматра—сплошь покрытая отъ самаго уровня воды до вершины безчисленныхъ своихъ горныхъ кряжей богатѣйшею растительностью. Великолѣпны также и „Никобары“, высящіеся въ видѣ то конусообразныхъ, то шарообразныхъ гигантскихъ зеленыхъ шапокъ надъ ставшею совершенно зеркальною, гладкою поверхностью водъ. У самаго начала Суматры на крутомъ берегу большой маякъ съ привѣтливымъ бѣлымъ хуторкомъ у своего подножія. Маякъ весьма почтенной высоты, но деревья примыкающей къ нему опушки лѣса еще выше: вотъ какая здѣсь сила растительности! Деревья, растущія на сторонѣ острова (сѣверной), видной съ палубы „Херсона“, почти всѣ лиственныя и только тамъ, гдѣ берегъ переходитъ изъ гористаго въ болѣе плоскій—у самаго моря замѣтны группы пальмъ. Цвѣтъ моря здѣсь сѣро-стальной съ какимъ-то металлическимъ отливомъ. Роскошная теплая ночь съ ласкающимъ небольшимъ вѣтеркомъ. Запахъ свѣжей ржи, почему-то несшійся съ береговъ и напоминавшій поля далекой родины, миріады блестящихъ звѣздъ и чудная луна при совершенно спокойномъ, какъ на рѣкѣ, ходѣ нашего судна задержали насъ дольше обыкновеннаго на палубѣ.

30-го марта въ синей дымкѣ показались уже берега Малакскаго полуострова и первыя малайскія джонки съ красноватыми парусами, сдѣланными, какъ говорятъ, изъ пальмовыхъ цыновокъ. Море приняло ярко-бутылочно-зеленый цвѣтъ ближе къ берегамъ, а дальше оставалось все тѣмъ же сѣро-сталь-

нымъ. Зеленый цвѣтъ у береговъ объясняется присутствіемъ обильной примѣси прѣсной воды, доставляемой впадающими здѣсь въ море рѣками. Вотъ показался слѣва выстроенный на низкомъ рифѣ, среди самаго моря, весьма оригинальнаго вида маякъ: на трехъ (по фасаду) аркахъ, позволяющихъ морскому волненію проходить подъ ними, выстроено двухъэтажное четыреугольное зданіе, увѣнчанное на своей крышѣ небольшою башенкою съ маячнымъ фонаремъ. Рядомъ съ зданіемъ устроенъ на винтовыхъ сваяхъ помостъ, гдѣ хранятся двѣ шлюпки. Навстрѣчу намъ летитъ небольшой пароходикъ, на носу котораго разбираемъ его имя: это „Glen-Rosie“ съ которой, ловко взобравшись по сброшенной ему вдоль борта „Херсона“ веревочной лѣстницѣ, вскакиваетъ къ намъ на палубу англичанинъ-лоцманъ: мы близко уже отъ Сингапура. Дальнѣйшій фарватеръ въ виду многочисленныхъ, замѣтныхъ даже на глазъ, мелей, весь тщательно обставленъ бакенами. Пассажиры начинаютъ принаряжаться и готовиться къ сходу на берегъ. Пароходное же начальство усиливаетъ надзоръ за ссыльно-каторжными женщинами, такъ какъ утромъ у нихъ были найдены бутылки съ водкой, принесенныя, какъ оказалось впослѣдствіи, кое-кѣмъ изъ судовой команды, и найдена записка одной изъ ссыльныхъ женщинъ къ матросу, въ которой, между прочимъ, значились и слѣдующія характерныя слова: „будь мнѣ вѣренъ до Владивостока. Отвѣтъ черезъ ватерклозетную трубу“.

Вотъ показались и покрытые роскошною растительностью берега Сингапурскаго острова: низъ береговъ весь въ пальмовыхъ рощахъ въ перемежку съ лиственными породами, за ними выше холмы, сплошь испещренные зелеными коврами самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ: отъ желто-зеленоватаго до темно-сине-зеленаго. Это плантаціи. Вершины же холмовъ снова увѣнчаны густыми рощами.

Черезъ сравнительно весьма узкій проливъ между собственно Сингапурскимъ островомъ и какимъ-то небольшимъ, но съ весьма крутыми берегами, островкомъ—мы входимъ, наконецъ, на рейдъ. На входныхъ мысахъ обоихъ острововъ у самаго обрыва видны жерла сильныхъ англійскихъ батарей. Сингапуръ имѣетъ двѣ гавани и два рейда. Мы должны были бы причалить къ пристани новой гавани, гдѣ расположены обширные угольные склады, изъ которыхъ предполагалось пополнить нашъ угольный запасъ. Старая же гавань, значительно большихъ размѣровъ, расположена прямо въ виду самаго города и лежитъ съ восточной стороны острова. Къ сожалѣнію, случилась совер-

шенно неожиданная остановка: подъѣхавшій на катерѣ какой-то агентъ крикнулъ капитану, что въ данную минуту всѣ мѣста у пристани заняты раньше пришедшими судами, и „Херсону“ можно будетъ ошвартоваться у пристани не раньше 5 часовъ вечера, когда уйдутъ два парохода: одинъ шведъ и одинъ англичанинъ. Можете себѣ представить наше разочарованіе: „Херсонъ“ снова далъ ходъ впередъ, и, пройдя сначала всю новую гавань, а затѣмъ и часть старой, сдѣлалъ на таковой крутой поворотъ и, возвратившись по прежнему пути, остановился на рейдѣ въ 3—3½ верстахъ отъ новой гавани. Нашъ любезный капитанъ вникъ однако въ горе пассажировъ и, спустивъ 48 мѣстную шлюпку, упросилъ лоцмана взять таковую на буксиръ его „Glen-Rosie“. Пассажиры и пассажирки размѣстились какъ попало на обоихъ этихъ суденышкахъ, мы быстро полетѣли къ Сингапуру и черезъ какихъ-нибудь полчаса уже взбирались по деревянной лѣстницѣ деревянной же набережной пристани въ новой гавани. Сваи набережной въ подводной части своей всѣ изъѣдены морскими червями, и нужно только удивляться, какъ набережная еще не провалилась.

Мы—трое инженеровъ и просившій насъ взять его съ собою нашъ пароходный батюшка условились дойти отъ пристани до города (около 3-хъ съ чѣмъ-то верстъ)—пѣшкомъ Не успѣли мы выйти за ворота конторы угольныхъ складовъ, находящихся рядомъ съ пристанью, какъ на насъ въ буквальномъ смыслѣ слова набросилась цѣлая толпа почти совершенно нагихъ китайскихъ дженерикшъ, желавшихъ во что бы то ни стало усадить насъ въ свои кареты. На дженерикшахъ, кромѣ коротенькихъ панталонъ-стыдливости, вродѣ нашихъ купальныхъ, и плетеной камышевой, вродѣ воронки, шапочки—ничего не было. Жаль было смотрѣть, какъ эти тщедушные, тощіе, полуголодные человѣчки наперерывъ брались везти даже по двое сѣдоковъ, лишь бы заработать за три версты подъ палящимъ солнцемъ 20 копѣекъ за свой каторжный, нечеловѣческій трудъ. Ужъ велика же здѣсь должно быть и нужда. „Пойдемъ, пойдемъ“, кричали они по-русски, хватая насъ за рукава.

Пройдя небольшое предмѣстье, мы пошли по прекрасному шоссе, окаймленному съ боковъ каменными кюветами (водоотводными канавками), по направленію къ Сингапуру. Пять или шесть дженерикшъ кинулись за нами, слѣдуя по пятамъ. Гончаровъ, посѣтившій Сингапуръ въ 1853 году, засталъ въ этой мѣстности, по которой мы теперь шли, болотистыя джунгли, въ которыхъ „гнѣздились рыси, лѣнивцы, но всего болѣе тигры“...

Ничего этого теперь нѣтъ: справа и слѣва вышеупомянутаго шоссе—зеленые луга, на которыхъ мѣстная китайская и малайская молодежь играла при нашемъ проходѣ въ футболъ, заимствованный ею у хозяевъ-англичанъ. Слѣва, далѣе, виднѣлась большая гора съ ломками красноватаго камня, засимъ справа опять луга до самаго моря и, наконецъ, самъ городъ. По мѣрѣ нашего приближенія къ сему послѣднему, дженерикши дѣлались все назойливѣе и болѣе всего приставали къ бѣдному совершенно растерявшемуся батюшкѣ, предлагая его свезти „къ мадамамъ“... Они отстали только тогда, когда мы кулаками и палками дали имъ понять, что шутить съ ними не намѣрены.

Войдя въ городъ, мы пріятно были поражены совершенно европейскою архитектурою зданій, прекрасными мостовыми, тротуарами и вообще отпечаткомъ какой-то цивилизованной солидности, лежавшей на всемъ этомъ (европейскомъ кварталѣ города). Пройдя по великолѣпному висячему мосту черезъ рѣку (кажется, Сингапуръ), мы направились въ считающуюся здѣсь лучшею „Европейскую гостиницу“, въ которой, по совѣту опытныхъ людей, надѣялись найти наименѣе обманывающаго мѣнялу для размѣна русскихъ денегъ на ходячіе здѣсь сингапурскіе доллары (=60—65 коп.). Мѣнялу мы дѣйствительно нашли въ видѣ еще молодыхъ лѣтъ малайца, сидѣвшаго недалеко отъ ресторанаго билліарда, но онъ, повертѣвъ нѣсколько разъ протянутую ему сторублевую бумажку новаго образца, рѣшилъ, что она „No good“ и показалъ намъ считавшуюся имъ „хорошею“ сторублевую стараго радужнаго типа. Потерпѣвъ здѣсь неудачу, я вынужденъ былъ прихватить съ собою батюшку, сѣсть въ миніатюрную малайскую каретку, везомую пони, и отправиться обратно на „Херсонъ“—въ надеждѣ, что нашъ пароходный „ревизоръ“ (2-й помощникъ капитана, на которомъ лежитъ хозяйственная часть пароходнаго механизма) поможетъ моему горю. Тѣмъ временемъ стемнѣло, и дальнѣйшій осмотръ городскихъ достопримѣчательностей пришлось отложить до слѣдующаго дня.

Послѣ знаменитаго Пераденійскаго ботаническаго сада (въ Кенди на Цейлонѣ), Сингапурскій считается наиболѣе богатымъ на всемъ юго-востокѣ. Посему я рѣшилъ осмотрѣть прежде всего эту Сингапурскую достопримѣчательность. Нанявъ за 60 копѣекъ въ часъ малайскую каретку, запряженную малюсенькими пони, я отправился въ названный садъ. Для сего пришлось прежде всего проѣхать по всему китайскому кварталу Сингапура. Сильнѣйшая вонь, кучи валяющихся отбро-

совъ составляютъ полнѣйшую противоположность образцовой чистотѣ европейской части города, и только высокія, стройныя фигуры красавцевъ полисмэновъ изъ индійскихъ сипаевъ, въ ихъ высокихъ чалмахъ напоминаютъ о томъ, что здѣсь все-таки англійскія владѣнія. Ѣду дальше по прекрасному шоссе (Nelson Road), вдоль котораго тянутся сначала чудныя европейскія виллы, тонущія въ зелени (между прочимъ живописно расположенное зданіе здѣшняго нѣмецкаго клуба „Teutonic Klub"), индійская пагода старинной замѣчательной архитектуры, нѣсколько каретныхъ заведеній съ производствомъ роскошныхъ кэбовъ, ландо и колясокъ-двуколесокъ. Засимъ въѣзжаю въ аллею, окаймленную гигантскими бананами и пальмами. Стволы исполиновъ мѣстами обвиты громадными жгутами, намъ столь хорошо знакомаго, филодендрона, мѣстами же поросли по корѣ своей кустами орхидей. Вотъ нѣсколько совершенно голыхъ чернокрасныхъ малайскихъ рабочихъ, ремонтирующихъ щебенку на шоссе. Шесть муловъ съ трудомъ тащатъ тяжелый шоссейный катокъ. Вдали виднѣется какая-то кавалькада: оказывается—нашъ сотоварищъ С. съ дочерью инженера В., на прекрасныхъ лошадяхъ австралійской породы, взятыхъ на прокатъ у какого-то мѣстнаго обывателя. Инженеръ С., тотъ знаменитый знатокъ англійскаго языка, виновникъ недоразумѣнія съ „коброй" въ Коломбо, и здѣсь попался съ своими лингвистическими познаніями: желая нанять лошадей, онъ старался вразумить отельнаго „боя" (названіе лакея для всѣхъ ресторановъ на Дальнемъ Востокѣ)—свести его къ содержателю конюшни, но такъ хорошо, что тотъ привелъ его въ шорный магазинъ. Тогда С. попробовалъ замѣнить лингвистику эквилибристикой: сѣлъ на свою палочку верхомъ и началъ скакать. Оказалось лучше:—бой привелъ его куда слѣдуетъ. Австралійскія лошади стройностью ногъ напоминаютъ англійскихъ скаковыхъ лошадей, но по головѣ и корпусу гораздо красивѣе таковыхъ. Оставивъ влѣво китайское кладбище, представляющее издали цѣлое море высокихъ зеленыхъ холмовъ съ каменными стѣнками (китайцы здѣсь не закапываютъ своихъ покойниковъ въ землю, а кладутъ на землю и сверху засыпаютъ земляною насыпью въ видѣ полуцилиндра, лицевая и задняя части котораго или задѣланы каменною кладкою или завалены просто большими камнями)—я наконецъ подкатилъ къ воротамъ ботаническаго сада. Первое, что бросилось мнѣ въ глаза при входѣ въ садъ, это черная доска съ надписью довольно крупными бѣлыми буквами по-русски: „Просятъ господъ гуляющихъ цвѣтовъ не рвать"

и т. д. На другихъ языкахъ объявленія не было, значитъ, отличаемся здѣсь только мы одни. Иду по главной дорожкѣ. Слѣва на небольшой лужайкѣ цѣлая группа какихъ-то роскошныхъ, плотно прижавшихся другъ къ другу, пальмъ, въ видѣ гигантскихъ зеленыхъ пучковъ. Надпись указываетъ, что это саговыя пальмы; сердцевина ихъ стволовъ и есть саго. Справа отъ той же дорожки обращаетъ на себя вниманіе высокій сѣрый стройный стволъ другой пальмы: Caryota propinqua (съ острова Явы). По стволу, какъ у нашей березы, темныя пятна, чередующіяся со свѣтлыми промежутками. Крона съ нѣсколькими перистыми, слегка отвислыми вѣтвями. Далѣе можно отмѣтить: 1) громадную Sparhodes—южно-африканское дерево съ большими красными цвѣтами. 2) Вѣтвистое хвойное дерево: Podocarpus Cupressima—малайскій кипарисъ съ вѣтвями двухъ цвѣтовъ: нижняя часть совершенно темно-зеленая, верхняя, наоборотъ, свѣтло-желтовато-зеленая. 3) Чудную вѣерообразную Ravenala съ острова Мадагаскара—пальму, представляющую какъ бы настоящій вѣеръ или распущенный павлиный хвостъ. 4) Cyrtostahys—пальму, напоминающую наши оранжерейные фениксы, но съ пурпуро-красными вѣтвями и ярко-зелеными перистыми листьями. Особнякомъ стоитъ громадныхъ размѣровъ бананъ. Рядомъ съ нормальными сучьями своими онъ спустилъ съ верхнихъ своихъ вѣтвей громадные отростки-корни, которые, войдя въ землю, превратились въ новые стволы и сообща съ своимъ отцомъ-гигантомъ подпираютъ его громадную зеленую шапку, на подобіе естественныхъ какихъ-то подпорокъ. На нѣсколькихъ прудахъ растутъ блѣдно-лиловые лотосы и кувшинки „Викторія Регія“ съ своими большими плотными листьями. Далѣе цѣлая аллея высокихъ стройныхъ одинаковаго роста пальмъ съ свѣтло-сѣрыми стволами. На горкѣ раскинутъ цвѣтникъ: узнаю наши бальзамины, канны, колеусы, циннія и гвоздику, но все за исключеніемъ каннъ, въ какомъ-то чахломъ состояніи, а гвоздика такъ почти совсѣмъ безъ запаха, очевидно, не по климату. Далѣе нахожу нѣчто вродѣ оранжереи, или вѣрнѣе просто одного стекляннаго навѣса, гдѣ собраны орхидеи, амариллисы, лиліи и множество разныхъ другихъ растеній, извѣстныхъ и въ нашихъ оранжереяхъ. Оказывается, стекляннымъ навѣсомъ прикрываютъ ихъ отъ бывающихъ здѣсь черезчуръ сильныхъ ливней. При входѣ въ оранжерею дощечки съ надписями на этотъ разъ не только по-русски, но и по-нѣмецки: съ просьбою не похищать цвѣтовъ. Описывать разновидности растеній, населяющихъ Сингапурскій ботаниче-

скій садъ—здѣсь, конечно, не у мѣста, добавлю только, что весь онъ распланированъ съ большимъ умѣніемъ и вкусомъ и, по искусному сочетанію зеленыхъ лужаекъ съ пригорками, прудами одной стороны, съ другой же, умѣлому размѣщенію самой разнообразной древесной, кустарной и луговой растительности—онъ можетъ служить прекраснымъ и въ высокой степени поучительнымъ мѣстомъ прогулки всякому европейцу, который желалъ бы отдохнуть отъ чрезмѣрно буйнаго и этимъ, если хотите, слишкомъ однообразнаго характера тропической растительности въ томъ видѣ, какъ таковая населяетъ свои дѣвственные лѣса. Осмотрѣвъ небольшой звѣринецъ, находящійся тутъ же въ саду съ нѣсколькими породами мѣстныхъ обезьянъ, попугаевъ, дикихъ кошекъ, прекрасныхъ черно-синихъ бѣлокъ и молодымъ, но весьма свирѣпымъ тигромъ, я возвратился въ городъ по нѣсколько другой дорогѣ, чѣмъ на пути въ садъ и, полюбовавшись мѣстнымъ соборомъ чудной готической архитектуры, зашелъ въ „универсальные магазины“ (въ родѣ нашего московскаго Мюръ и Мерелиза)—Джона Литтля и еще Робинсона купить кое-какія вещи. Все здѣсь страшно дорого и нельзя даже сказать, чтобы хорошаго качества. Полагая, что по близкому сосѣдству съ Явой—родиной какао—въ Сингапурѣ можно будетъ запастись этимъ продуктомъ, я рискнулъ купить баночку въ $^1/_2$ кило. Но за нее (какао Ванъ-Гутена) съ меня взяли 90 копѣекъ, т.-е. ровно ту же цѣну, что я платилъ въ Москвѣ. Дешевы только ананасные консервы (20 коп. банка въ одинъ большой ананасъ) и самые ананасы, 5 коп. за хорошій экземпляръ. Слѣдовало подумать о возвращеніи на „Херсонъ“, который долженъ былъ сняться съ якоря въ 5 часовъ пополудни и, посему, купивъ еще нѣсколько фотографій съ сингапурскими видами, я осмотрѣлъ попутно мѣстный крытый рынокъ, поразившій меня обиліемъ зелени, ананасовъ, банановъ, сахарнаго тростника, какихъ-то мелкихъ грибовъ, вродѣ нашихъ опенокъ, и особенно рыбы (между прочимъ какая-то рыба съ чешуей ярко-изумруднаго цвѣта), я вернулся на пароходъ, гдѣ засталъ на пристани передъ нимъ цѣлый базаръ: здѣсь продавали всякіе мелочные товары, плетеныя фуфайки, носки, платки, обезьянъ, попугаевъ, какаду, кораллы, раковины, ананасы, бананы, огурцы и т. п. Обезьяны шли по 2—3 рубля за штуку, попугаи (зеленые, красные, красно-синіе и бѣлые) отъ 1 до 3 руб. Какаду съ бѣлыми желтыми хохлами отъ 2—5 р. за штуку. Сравнительно дороже всего были большія перламутровыя раковины: я купилъ послѣ

упорнаго торга у одного малайца, увѣрявшаго меня по-русски, что онъ не „мазурикъ"—двѣ такихъ раковины по 30 коп. за штуку, тогда какъ цѣлую корзину, наполненную всевозможными другими и большими и малыми раковинами, можно было получить за 30—50 коп. Наконецъ, раздался свистокъ сирены, торгаши мало-по-малу стали расходиться. Осталась только толпа совершенно голыхъ малайскихъ мальчишекъ, разъѣзжавшихъ вокругъ „Херсона" на своихъ утлыхъ выдолбленныхъ челночкахъ съ криками „à la mer, à la mer"—пристававшихъ къ пассажирамъ, дабы имъ кинули монету въ воду. За то палуба нашего судна представляла, къ величайшему неудовольствію старшаго офицера, настоящую частицу только-что описаннаго мною базара: на бортъ было взято разными пассажирами 14 обезьянъ и 9 попугаевъ. Къ вантамъ пароходныхъ трубъ подвѣшаны грозди банановъ, пучки ананасовъ и мѣшки съ кокосовыми орѣхами, а въ разныхъ уголкахъ разставлены корзиночки съ кораллами и раковинами. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ на спардекѣ громоздились кучи плетеной бамбуковой мебели, купленной у славящихся таковою сингапурскихъ кустарей и т. д.

Раздался наконецъ послѣдній свистокъ, и „Херсонъ" двинулся въ свой наиболѣе продолжительный десятидневный переходъ до Портъ-Артура. Оказалось, что три десятника съ нашихъ участковъ не успѣли возвратиться на „Херсонъ" и остались въ Сингапурѣ безъ денегъ и письменныхъ видовъ. Какова-то будетъ ихъ дальнѣйшая судьба? Но тутъ мы всѣ успокоились, сообразивъ, что въ Сингапурѣ имѣется весьма любезный нашъ консулъ, а кромѣ того, черезъ день или два придетъ сюда „Ярославль". Пребываніе въ Сингапурѣ отразилось и еще однимъ чуть-ли не трагическимъ происшествіемъ: одинъ изъ нашихъ молодыхъ пассажировъ офицеровъ повздорилъ изъ-за пустяковъ со своимъ сосѣдомъ по столу, побѣжалъ въ свою каюту и явился съ заряженнымъ револьверомъ. Насилу удалось его успокоить и подъ благовиднымъ предлогомъ осмотра, хорошъ ли его револьверъ — обезоружить. Дальнѣйшіе три дня нашего плаванія по Китайскому уже морю проходятъ безъ особыхъ инцидентовъ, за исключеніемъ того, что 5 обезьянъ, купленныхъ все тѣмъ же нашимъ сотоварищемъ С. „для поднесенія подарковъ китайскимъ мандаринамъ", развязали преспокойно крышку корзины, гдѣ сидѣли, и разбрелись по всѣмъ снастямъ парохода. Четырехъ съ большимъ трудомъ удалось поймать, а пятая взобралась на самый край сред-

ней пароходной трубы и, прокоптившись цѣлыя сутки въ дыму, спустилась наконецъ, въ полуобморочномъ состояніи на тентъ верхней палубы. Когда же ее хотѣли поймать, то несчастное животное, собравъ послѣднія силы, бросилось въ море.

4 апрѣля, воскресенье, при проходѣ близъ Парацельсовыхъ острововъ, началась довольно сильная килевая качка: волны достигали высоты до 3 саженъ, и мнѣ грѣшному пришлось волею-неволею снова лежать.

5-го апрѣля волненіе по счастью успокоилось. Стало замѣтно холоднѣе (20° Р.). Показались маяки, расположенные цѣлымъ рядомъ на мелкихъ островахъ близъ извѣстнаго острова Формозы (уступленнаго Китаемъ Японіи, послѣ послѣдней войны). Ночью поднялся сильный туманъ, черезъ каждыя $1^1/_2$ минуты раздавался ревъ сирены. Стало еще холоднѣе и пришлось впервые (послѣ Портъ-Саида) прикрыться одѣяломъ.

6-го апрѣля подошли довольно близко уже къ берегамъ Китая, если судить по множеству китайскихъ рыбацкихъ джонокъ, занимающихся своимъ главнымъ промысломъ въ здѣшнихъ водахъ, ловлею трепанговъ, отвратительныхъ толстыхъ черныхъ морскихъ червей, составляющихъ одно изъ самыхъ лакомыхъ блюдъ не только у китайцевъ, но даже и у японцевъ. Ночью опять туманъ и ревъ сирены. Температура сразу упала на 14° Р.

7-го апрѣля: всего 11° Р. Слѣва вырисовывается въ туманныхъ очертаніяхъ побережье Кіа-Чуанскаго залива, занятаго Германіею. На выдающемся мысу бѣлый маякъ. Морское начальство говоритъ, что здѣсь мы уже покидаемъ Желтое море и входимъ въ Печелійскій заливъ.

8-ое апрѣля: всего 9° Р. Пасмурно, а къ вечеру заморосилъ мелкій дождь. Каково организму, избаловавшемуся и ослабленному тропической жарой въ теченіе почти цѣлаго мѣсяца (съ Портъ-Саида, гдѣ мы были 11 марта), за какихъ-нибудь три-четыре дня скачкомъ привыкать снова къ холоду.

Проснувшись утромъ рано 9 апрѣля и выглянувъ въ иллюминаторъ, я увидалъ, что мы уже стоимъ на рейдѣ передъ входомъ въ Портъ-Артурскую гавань. Утро было чудное, солнечное, безъ малѣйшаго вѣтерка. Термометръ показывалъ 9° Р. Поднявшись на палубу, я долго любовался картиною, представившеюся взорамъ: передъ „Херсономъ“ на первомъ планѣ стояли на поверхности зеркальныхъ водъ два нашихъ броненосца „Сысой Великій“ (стяжавшій себѣ печальную извѣстность взрывомъ пушечной башни во время стоянки передъ Критомъ), „Наваринъ“ и крейсеръ „Дмитрій Донской“. Молодцеватый, ве-

селый (благодаря окраскѣ въ бѣлый цвѣтъ) видъ судовъ и русскій флагъ, развѣвавшійся на нихъ, заставлялъ невольно биться сердца: чувствовалось, что вотъ и на этой далекой окраинѣ снова попадаемъ подъ охрану родного знамени. На второмъ планѣ за судами высились двѣ могучихъ горы, какъ бы въ видѣ гигантскихъ щупалецъ, клещей, запиравшихъ еле замѣтный узкій проходъ съ рейда въ портъ. Буровато-сѣрый цвѣтъ горъ и полное отсутствіе растительности нисколько не умаляли прелести общей картины. На горахъ батареи—маякъ и сигнальная мачта. У подножія утесовъ, окаймляющихъ лѣвую гору, валяется остовъ китайской канонерки, выброшенной во время сильнаго тайфуна (въ маѣ 1898 г.) на скалы. (Весь экипажъ судна въ количествѣ около 160 человѣкъ, за исключеніемъ старшаго офицера, погибъ: спасательная ракета, пущенная нашими съ берега съ бичевою, на которой можно бы было потомъ передать спасательный канатъ—достигла уже тонущаго судна, когда громадная волна смыла остатки экипажа, взгромоздившагося на крышу капитанской рубки). Запросивъ сигналомъ позволенія войти въ портъ, мы черезъ посредство береговой сигнальной мачты получили распоряженіе немного повременить входомъ.

Въ это время батюшка началъ благодарственный молебенъ, и мы всѣ, безъ различія вѣроисповѣданій, поспѣшили принести горячую благодарность Всевышнему за благополучный исходъ плаванья. Особенно трогательно было смотрѣть на г-жу С.—жену моряка, которая, послѣ долгой разлуки съ мужемъ, служащимъ въ Портъ-Артурѣ, ожидала желанной минуты свиданія. Симпатичная женщина, стоя почти весь молебенъ на колѣняхъ, пламенно молилась со слезами на глазахъ. Такія же слезы были и у многихъ изъ насъ, оставившихъ дорогихъ сердцу вдали на далекой, далекой родинѣ. Кончается молебенъ. Вдали показался паровой катерокъ, быстро мчавшійся къ нашему „Херсону“. Скоро мы могли разобрать и его имя: это была какая-то „Джульетта“. Изъ катера выпрыгнулъ морской офицеръ съ нѣсколько радостно вопросительнымъ видомъ и, быстро поднявшись на палубу, кинулся въ каюты. Оказалось, что это былъ г. С.—мужъ вышеупомянутой дамы. Мой товарищъ по службѣ присутствовалъ при свиданіи и говоритъ, что никогда не забудетъ этой картины. Впослѣдствіи оказалось, что г. С. двое сутокъ съ небольшими перерывами сидѣлъ близъ сигнальной мачты на самой верхушкѣ одной изъ вышеупомянутыхъ горъ и высматривалъ приближеніе „Херсона“.

Но вотъ получено разрѣшеніе входа въ Портъ-Артуръ, и „Херсонъ“ плавно проходитъ сначала между „Навариномъ“ и „Сысоемъ Великимъ“, а затѣмъ и черезъ узкую горловину—проливъ между горами (проливъ такъ узокъ, что двое судовъ такихъ размѣровъ, какъ „Херсонъ“, одновременно не могли бы пройти черезъ него) и направляется въ самый портъ. Минуя слѣва небольшой островокъ съ батареею, обстрѣливающею самый входъ и осторожно лавируя между безчисленнымъ количествомъ китайскихъ джонокъ и нѣсколькими иностранными пароходами, ошвартовывается, наконецъ, у пристани рядомъ съ крейсеромъ „Память Азова“. Портъ-Артурская гавань окаймлена со всѣхъ сторонъ высокими горами, у подножія которыхъ ютится самый городъ. При первомъ впечатлѣніи городъ этотъ кажется очень маленькимъ и, какъ бы, состоящимъ изъ одной улицы. На самомъ же дѣлѣ онъ довольно большой. Характеръ горъ, оживленность пристани и гавани, если хотите, и расположеніе большинства домовъ и другихъ построекъ напоминаютъ Севастополь.

На прекрасно устроенной (облицованной тесаннымъ камнемъ и вымощенной) набережной встрѣтила насъ толпа солдатиковъ и матросовъ, пришедшихъ поглазѣть на „Херсонъ“, нѣсколько моряковъ-офицеровъ и мѣстный полицеймейстеръ. Сойдя на берегъ и разыскавъ мѣстное управленіе Маньчжурской дороги, мы узнали, что мѣсто нашего назначенія снова измѣнено и намъ слѣдуетъ ѣхать дальше во Владивостокъ.

Я высадился въ Портъ-Артурѣ со всѣмъ штатомъ. На набережной насъ никто не встрѣтилъ. Пришлось отыскивать контору инженера Гиршмана, гдѣ мнѣ передали, что онъ поѣхалъ провожать бывшаго незадолго до нашего пріѣзда въ Портъ-Артурѣ замѣстителя главнаго инженера, инженера Игнаціуса, и находится въ настоящее время въ Инкоу (около 300 верстъ отъ Артура). Тогда я обратился къ мѣстному начальнику участка инженеру Кипарисову съ запросомъ, нѣтъ ли о мнѣ какого-либо распоряженія, на что получилъ отвѣтъ, что ему рѣшительно ничего неизвѣстно, но что онъ дастъ немедля депешу Гиршману. Вечеромъ того же дня г. Кипарисовъ объявилъ мнѣ, что получилъ депешу отъ Гиршмана, изъ которой слѣдовало, что распоряженіе правленія о томъ, чтобы я высадился въ Портъ-Артурѣ—недоразумѣніе, а что въ Артурѣ долженъ остаться одинъ лишь другой начальникъ строительнаго участка, я же долженъ ѣхать во Владивостокъ. Несмотря на полную категоричность такой депеши, я рѣшилъ уже лично отъ себя

послать срочную телеграмму г. Гиршману съ просьбою оставить меня въ Портъ-Артурѣ. Но въ отвѣтъ телеграммою г. Гиршмана былъ поставленъ въ извѣстность, что онъ не можетъ измѣнить рѣшеннаго главнымъ инженеромъ распредѣленія. Положеніе мое по отношенію къ служащимъ снова сдѣлалось весьма двусмысленнымъ. На основаніи показанной имъ депеши правленія, они сообщили свой новый адресъ: „Портъ-Артуръ“ своимъ семьямъ, перевели туда газеты и журналы и ожидали обѣщаннаго имъ по прибытіи въ Артуръ жалованья за мартъ мѣсяцъ. Между тѣмъ, за отказомъ г. Гиршмана принять насъ къ себѣ, инженеръ Кипарисовъ не рѣшался, несмотря на мои убѣдительныя просьбы, выдать мнѣ небольшой хотя бы авансъ для успокоенія служащихъ. Мнѣ же лично пришлось сдѣлать вторичную отмѣну распоряженія о мѣстѣ высадки агентамъ моего участка, слѣдовавшимъ на „Орлѣ“. Въ виду сего и все болѣе и болѣе возраставшаго недовольства служащихъ, жаловавшихся какъ на задержку жалованья, такъ и на непредвидѣнные расходы по дачѣ отмѣненныхъ депешъ семьямъ (по крайне высокому тарифу 1 р. 13 к. за слово), я во избѣжаніе недоразумѣній вынужденъ былъ заявить инженеру Гиршману, что такъ какъ, по его словамъ, депеша правленія—недоразумѣніе, то въ виду сопряженныхъ съ подобнаго рода обстоятельствомъ непроизводительныхъ расходовъ и путаницы, я считаю долгомъ предупредить, что всѣ такіе расходы, а также могущія произойти отъ сего въ дальнѣйшемъ недоразумѣнія со штатомъ принять на свою отвѣтственность не могу.

Замѣчу, что въ бытность въ Портъ-Артурѣ мѣстные военные инженеры предупреждали насъ, что здѣсь нечего расчитывать на единство штата, такъ какъ мѣстная желѣзнодорожная администрація стремится раскассировывать штаты по разнымъ участкамъ, дабы не было единства между начальникомъ участка и его подчиненными.

Распростившись съ Артуромъ, мы двинулись во Владивостокъ. При выходѣ изъ гавани въ узкомъ проходѣ, про который я говорилъ выше, мы столкнулись съ норвежскимъ пароходомъ, который входилъ въ это время въ портъ. Провозившись часа $1^1/_2$, мы, наконецъ, расцѣпились и пошли дальше, а норвежецъ такъ запуталъ свой винтъ въ канатахъ, что пришлось ему посылать за водолазами. При проходѣ нашемъ на рейдѣ броненосецъ „Наваринъ“ проводилъ насъ музыкой. Пройдя мимо Вейхавея, Кіао-Чау и острова Квельпарта (принадлежащаго Кореѣ), черезъ два дня плаванія добрались мы до Нага-

сакъ. Сутки, проведенныя нами тамъ—лучшій день за все шестинедѣльное плаваніе. Чудный рейдъ, роскошные зеленые холмы, окаймляющіе гавань, симпатичный городокъ Нагасаки, раскинувшійся у подножія холмовъ, множество русскихъ военныхъ судовъ: громадный крейсеръ „Россія", „Владиміръ Мономахъ", пароходъ добровольнаго флота „Саратовъ", „Нѣмецъ", броненосецъ „Рюрикъ". Множество парусныхъ судовъ и японскихъ лодокъ, все это ласкало взоръ. Мягкая теплая погода, 16° Р., также не мало способствовала оживленію организма, истомленнаго тропиками. Съѣхавъ на берегъ (пароходъ останавливается въ $1^1/_2$ верстѣ отъ такового), мы заняли номеръ въ здѣшней лучшей гостиницѣ „Отель Нагасаки", позавтракали, а затѣмъ, взявъ проводника и сѣвъ на дженерикшъ, я и двое сотоварищей отправились осматривать городъ, прочіе же инженеры сейчасъ же поскакали отыскивать японскихъ гейшъ. Прежде всего мы поѣхали на гору, гдѣ высится старинный японскій храмъ Синту (храмъ посвященъ Буддѣ). На дворѣ передъ нимъ стоитъ громадная бронзовая фигура лошади, даръ жителей г. Нагасаки въ память какого-то событія. Здѣсь же на каменномъ пьедесталѣ поставлено громадное ядро, отбитое отъ китайцевъ во время послѣдней войны. На томъ же дворѣ стоитъ громадный каменный водоемъ подъ навѣсомъ. Тутъ висятъ разноцвѣтныя полотенца. Оказывается, что всякій желающій войти въ храмъ долженъ умыть себѣ предварительно руки. Осмотрѣвъ храмъ, мы поднялись еще выше на гору. Гора покрыта вѣковыми камфарными дубами въ 5—7 обхватовъ толщиною и камеліями (деревья въ одинъ обхватъ). На вершинѣ горы, съ которой открывается чудный видъ на весь рейдъ и городъ, стоитъ бесѣдка, а рядомъ съ ней нѣсколько деревьевъ, испещренныхъ надписями путешественниковъ, между прочимъ и русскихъ, по крайней мѣрѣ какой-то „Пташниковъ" вырѣзалъ на корѣ чуть ли не аршинными буквами свою фамилію. Послѣ сего мы двинулись въ чайный японскій домъ. При входѣ пришлось снять сапоги и въ однихъ чулкахъ пойти въ столовую, устланную великолѣпными цыновками. Чистота повсюду поразительная. Явившаяся хозяйка японка, спросила насъ, желаемъ ли мы только чаю или также и посмотрѣть танцы „гейшъ". Мы спросили себѣ чаю и усѣлись кто на корточкахъ, кто на колѣняхъ, такъ какъ ни стульевъ, ни столовъ нѣтъ. Явившіяся двѣ японскія кельнерши (весьма некрасивыя) О-Мунэ (18 лѣтъ) и О-Този (24 лѣтъ) розлили въ маленькія чашечки желтаго чая и предложили намъ весьма вкуснаго торта. Выпивъ

неисчислимое количесто малюсенькихъ чашекъ и съѣвъ кусковъ по 5—6 торта, мы за все заплатили 60 коп., дали О-Мунэ и О-Този по 10 коп. на чай и сопутствуемые низкими весьма комичными реверансами пошли надѣвать свои сапоги. Купивъ кое - что у придворнаго поставщика черепаховыхъ издѣлій Іезаки, я полюбопытствовалъ посмотрѣть у него портретъ нашего Государя, который онъ подарилъ Іезаки въ бытность Наслѣдникомъ при посѣщеніи Японіи. Іезаки засіялъ и, бережно вынувъ изъ шкатулки, показалъ намъ портретъ, окаймленный чудной работы черепаховой его, Іезаки, издѣлія рамкой съ весьма тонко вырѣзаннымъ изъ черепахи же государственнымъ гербомъ. На портретѣ вверху надпись „доброму Іезаки“, а внизу другая „Цесаревичъ Николай 1891 г.“. Увидавъ у меня царскій подарокъ мои часы, Іезаки очень обрадовался, говоря, что Государь также и ему подарилъ часы съ гербомъ, но только попроще. Купивъ затѣмъ фотографіи и починивъ разбитые (еще въ Коломбо) очки мои, мы, пообѣдавъ, отправились снова втроемъ въ горы, въ деревню. Трудно себѣ представить, что это за прелесть. Это Крымъ, но только въ двадцать разъ симпатичнѣе. Поздно вечеромъ вернулись въ гостиницу, затѣмъ я одинъ поѣхалъ кататься, нанявъ за 30 коп. лодку, при лунномъ освѣщеніи по рейду, прочая же компанія—въ объятія гейшъ. Въ какомъ-то саду я стащилъ чудную чайную розу, вернулся въ гостиницу, а на слѣдующее утро „Херсонъ“ снова двинулся въ путь, и послѣ довольно сильнаго шторма въ Японскомъ морѣ, мы, наконецъ, прибыли 16 апрѣля во Владивостокъ.

Л. Н. Любимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Люди и нравы за полвѣка [1]).

Но когда все шло хорошо, пріятнѣйшая улыбка не сходила съ его устъ.

Ему моя спокойная игра такъ понравилась, что когда все кончилось, онъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ:

— Позвольте надѣяться, что вы не откажете сдѣлать мнѣ честь пріѣхать ко мнѣ?

— Съ наслажденіемъ! Когда вамъ будетъ угодно?

— Земскій! (дворецкій) Запиши адресъ!

— Я знаю-съ,—отвѣчаетъ тотъ.

Два раза въ недѣлю, по средамъ и субботамъ, онъ аккуратно присылалъ утромъ земскаго въ городъ. Его обязанность была объѣхать всѣхъ знакомыхъ и со всѣми вести такой разговоръ:

— Александръ Аѳанасьевичъ приказали вамъ кланяться и просятъ васъ сегодня къ себѣ.

Одни обѣщались, другіе отказывались. И вотъ часамъ къ пяти по городу шныряютъ двѣ, три, а иногда и четыре тройки и собираютъ гостей.

Позвольте здѣсь сдѣлать маленькое, необходимое отступленіе.

Въ богоспасаемомъ градѣ этомъ не было общественныхъ бань; купечество покрупнѣе имѣло свои баньки, исключительно для себя, гдѣ-то на задворкахъ; мѣщанство мылось на кухнѣ,

---

[1]) См. „Русская Стар.“ іюль 1913 г.

въ корытахъ, а парилось въ русской печи; разные же интеллигенты, въ родѣ малюсенькихъ чиновниковъ, отставныхъ солдатъ, пропившихся торговцевъ, чиновничьихъ кухарокъ, и разныхъ живущихъ такъ „самъ при себѣ“— все это пользовалось капельною общественною банькою, построенною какимъ-то предпріимчивымъ кошкодавомъ въ ямѣ, называвшейся „Яндовой“.

Вотъ я разъ и затесался въ эту баню.

Представьте мой ужасъ: и раздѣваться, и мыться приходилось въ одной и той же комнатѣ; горячую воду черпали изъ котла громаднымъ желѣзнымъ ковшикомъ, а холодную изъ кадокъ; налѣво отъ тебя брызжется, моясь, инвалидный солдатъ, направо—сидитъ дама... Единственная входная дверь отворена настежь, такъ какъ въ банѣ нѣтъ ни одного окна, и свѣтъ можетъ проникнуть въ нее только чрезъ отворенную дверь; дуло ужасно... Дѣло было глубокою осенью, и какъ только хранилъ Господь донецкихъ обывателей отъ разныхъ повальныхъ простудныхъ болѣзней—ей Богу, не понимаю.

Само собою разумѣется, что я побывалъ тамъ разъ, набрался животныхъ, которыя такъ выразительно хрустѣли подъ корявыми ногтями сосѣда-инвалида, занимавшагося передъ мытьемъ своимъ туалетомъ, и закаялся туда ходить...

Богъ съ ними! Это какіе-то овцеводы изъ Запорожской сѣчи—съ одной стороны.

Это рай до грѣхопаденія прародителей—съ другой!

Это все, что хотите, но только не баня!

Ну, гдѣ же можетъ встрѣтиться еще подобное явленіе?

Развѣ въ (открытой Островскимъ) „Бѣлой Арапіи и странахъ къ ней прилежащихъ“!

Такъ вотъ въ какомъ „нѣкоторомъ царствѣ, нѣкоторомъ государствѣ“ мнѣ пришлось начать мою службу царю и отечеству.

Конечно, баня помѣщика-старичка И. была для меня главнѣйшею приманкою, и я поѣхалъ къ нему на званый вечеръ.

Чтобы не возвращаться въ будущемъ къ описанію житья-бытья этого рѣдкаго даже въ то время экземпляра, я возьму именно банный день. Разница этого дня отъ обыкновеннаго заключалась только въ томъ, что въ банный день тройки пріѣзжали за гостями часу во 2-мъ дня, а въ обыкновенный часу въ шестомъ вечера, и въ банный день, конечно, народу бывало гораздо больше: играли на четырехъ-пяти столахъ, тогда какъ въ обыкновенный самое большее на двухъ-трехъ.

Итакъ банный день.

Часа въ два дня усѣлись мы въ четверомъ въ санипошевни, съ теплой полостью; въ рукахъ у насъ: у кого узелокъ, у кого самодѣльный сакъ-вояжъ изъ остатковъ стараго половика, у кого лыковая плетенка съ бѣльемъ. Облѣнившіяся лошади, несмотря на свою старость, живо проскакали по отличной дорогѣ четыре-пять верстъ и подвезли къ небольшой, прекрасной банькѣ, стоявшей около парка, окружавшаго домъ съ трехъ сторонъ, построенной, какъ говорятъ, изъ липоваго лѣса; я въ лѣсѣ не имѣю никакого понятія и потому говорю это со словъ другихъ. И можно было этому вѣрить: въ этой черноземной полосѣ трудно было найти лѣсъ сосновый, тогда какъ липы росли повсюду.

Банька, кромѣ обыкновенной прихожей для верхняго платья, имѣла: большую комнату для раздѣванья, съ широкими лавками, покрытыми матрацами и тонкими полотняными простынями; холодную баню и, затѣмъ, горячую съ обычнымъ полкомъ. Мѣдныхъ тазовъ и шаекъ, простынь и полотенецъ, расчесанныхъ мочалокъ, всевозможнаго мыла—сколько угодно.

Выходите вы изъ бани, и къ вашимъ услугамъ въ стеклянныхъ кувшинахъ квасы разныхъ сортовъ: и яблочный, и малиновый, и клюквенный, и хлѣбный.

Хоть купайся!

Моешься, бывало, съ наслажденіемъ. И московскія бани того времени никогда не могли доставить столько удовольствія.

Изъ бани первая партія отправляется садомъ въ домъ.

Этотъ старый барскій домъ стоитъ того, чтобы посвятить ему нѣсколько строкъ.

Очень большая передняя; очевидно, въ былое время она много пріючивала верхняго платья наѣзжихъ гостей. По стѣнамъ опять таки лари, на которыхъ, вѣроятно, разные Митьки, Ваньки, Степки сидѣли, дремали да вязали чулки и перчатки.

Изъ передней вы входите въ большой залъ, въ которомъ помнится мнѣ только фортепіано краснаго дерева съ инкрустаціями. Должно быть, это было одно изъ первыхъ фортепіанъ, смѣнившихъ клавесины.

Изъ зала налѣво идетъ рядъ комнатъ: двѣ гостиныя, боскетная, а назначенія другихъ не помню; направо — маленькая гостиная, а за нею выдавшаяся наружу комната-фонарь, гдѣ стояла большая подзорная труба, въ которую старичекъ постоянно посматривалъ на виднѣвшійся вдали городокъ, съ нетерпѣніемъ ожидая дорогихъ гостей.

Въ первой гостиной, уставленной мебелью двадцатыхъ годовъ, висѣлъ громадный въ золоченой рамѣ портретъ Императрицы Екатерины II.

— Вы помните, Александръ Аѳанасьевичъ, государыню?

Онъ бросаетъ на васъ удивленный взглядъ...

— Что вы такое говорите? Какъ же не помнить матушку-царицу? Я былъ ея пажомъ... заканчиваетъ онъ съ пріятной горделивой улыбкой.

Вотъ, казалось, домъ, что называется, полная чаша! Одного только не было: кошекъ.

Не терпѣлъ ихъ старичекъ; ни одна не смѣла, не только попасть въ домъ, но и появляться даже въ саду.

Грѣшный человѣкъ: узнавши это, я задумалъ пошкольничать. Забѣжишь въ комнату подальше отъ хозяина и начнешь:

— Мя-у... мя-у... мя-у...

Онъ такой шутки не допускаетъ; онъ думаетъ, что это кошка, сейчасъ же затормошится и мелкими шажками бѣжитъ искать дворецкаго.

— Земскій... кошка... Земскій... кошка!..

Бѣжитъ туда, откуда слышится мяуканье, а я ужъ въ другой комнатѣ и тамъ кошатничаю... Онъ туда...

Прости, Господи, грѣхъ юности моей!

— Оставьте, сударь! Баринъ безпокоится!—подойдетъ и проситъ земскій.

Мяуканье прекращается, а земскій подходитъ къ барину и серьезно докладываетъ: „прогналъ-съ“! и тотъ успокаивается.

Въ залѣ посрединѣ накрытъ большой обѣденный столъ, во главѣ котораго ставится приборъ хозяина, а около него кресло съ мягкою и пышною волосяной подушкой; а у стѣны, въ сторонкѣ, маленькій, на которомъ стоитъ водка разныхъ сортовъ и закуски, преимущественно соленыя: икра, сардины, селедка, великолѣпное сливочное масло и т. п.

Всѣ подходятъ къ этому столу, выпиваютъ по двѣ, по три рюмки, съѣдаютъ всю закуску и садятся за обѣдъ, при чемъ безцеремонно собственноручно перетаскиваютъ съ маленькаго стола всѣ графины и бутылки и ставятъ около себя на обѣденномъ столѣ.

Какъ часто я примѣчалъ презрительно брезгливые взгляды хозяина на всѣ эти откровенныя продѣлки уѣздныхъ башибузуковъ! Какъ, вѣроятно, коробила екатерининскаго пажа подобная безцеремонность!

Обѣдъ нынче хорошъ. Это понятно почему: земскому на приглашеніе приходилось выслушивать такіе отвѣты:

— Пріѣхать пріѣду, только, смотри, чтобъ жеваныхъ котлетъ не было; а то ишь чѣмъ заладили кормить... Этакъ онъ всѣхъ гостей отучитъ къ нему ѣздить... Да чтобъ икра была на закуску... Мы и дома ее ѣдимъ, а у помѣщика чортъ знаетъ чѣмъ пробавляемся...

— Слушаю-съ. Я доложу.

И за обѣдомъ, дѣйствительно, подавались и индѣйки, и утки, и куры, и цыплята, смотря по сезону, а въ числѣ закусокъ являлась и икра.

Подумаешь, какіе гастрономы!

Удивительные были нравы!

Ну, чѣмъ не „Бѣлая Арапія“?

Послѣ обѣда, не теряя времени, садились за карты и такъ до часу, когда подавался ужинъ.

Во время игры подавался чай, въ первомъ часу—ужинъ, и затѣмъ на тройки и домой.

„Вотъ какъ жили при Аскольдѣ наши дѣды и отцы!“

— Является земскій къ какому-либо уѣздному архаровцу и говоритъ:

— Александръ Аѳанасьевичъ приказали вамъ кланяться и спросить, не можете ли вы ихъ сегодня принять къ себѣ?

— Что-жъ, можно; только чтобы возъ муки прислалъ.

— Слушаюсь-съ. Я доложу.

И передъ вечеромъ тянется возъ муки, а къ семи часамъ является и дорогой гость въ каретѣ.

Жизнь, или кошелекъ!

Какъ есть Бѣлая Арапія!

„Взманило это вороненка“: и я разъ удралъ такую же штуку.

Ну, ради Бога, скажите, на что мнѣ, бобылю, нуженъ былъ возъ муки?

А привезли.

Это все анаѳема (не тѣмъ будь помянута) хозяйка погубила.

— Побогаче васъ и то пользуются!—урезонивала она меня.

Муку привезли, и она ею воспользовалась, а мнѣ что-то скинула въ этомъ мѣсяцѣ за квартиру.

Это за возъ-то!

Но ей Богу за всѣ три года только одинъ возъ и взялъ.

И вотъ въ такомъ-то раю я прожилъ почти три года. Прижился, акклиматизировался и началъ даже мохомъ обрастать...

Мой романъ—какъ онъ начался, тянулся и кончился—не можетъ имѣть общаго значенія; ни одного штриха онъ не прибавилъ къ тѣмъ житейскимъ эскизамъ, которые я здѣсь набрасываю; онъ имѣлъ интересъ исключительно для меня, а потому я его пропускаю.

XXI.

Я имѣлъ намѣреніе въ своихъ воспоминаніяхъ касаться только такихъ лицъ, которыхъ могъ наблюдать болѣе или менѣе близко.

Но недавно, на-дняхъ, въ одномъ женскомъ учебномъ заведеніи на ученическомъ вечерѣ я встрѣтилъ старушку-надзирательницу.

Во время перерыва танцевъ пробираюсь вдоль стѣнъ по залу.

— Сергѣй Григорьевичъ!—слышу чей-то голосъ, звавшій меня.

Обертываюсь и вижу начальницу, наклонами головы приглашавшую меня къ себѣ.

Направляясь между толкавшеюся молодежью къ ней, я успѣлъ разглядѣть сидѣвшую около нея какую-то старушку: небольшого роста, въ скромномъ темно-сѣромъ платьѣ; лицо старушки мнѣ было совершенно незнакомо, но, поздоровавшись съ начальницей, я счелъ нужнымъ поклониться и ея сосѣдкѣ.

— Не узнаете? спрашиваетъ меня начальница, головой указывая на старушку.

— Н-н-нѣ-ѣ-тъ...

Я вытаращилъ глаза и усиленно рылся въ своей памяти.

— Да гдѣ же узнать... Вѣдь больше сорока лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ...

— Варвара Петровна П..., напомнила мнѣ начальница.

Это имя мнѣ ровно ничего не сказало, и вся фигура моя изображала сплошное недоумѣніе.

— Вспомните Донецъ... Сущевыхъ... Сосѣдей... наши спектакли.

— Боже! Варвара Петровна! Да неужели это вы?!—воскликнулъ я и обѣ руки протянулъ къ старушкѣ.

— Да... я... Трудно узнать?—съ милой, скромной, доброй улыбкой отвѣтила Варвара Петровна.

. . . . . .

— Ну, сегодня первая считка нашихъ спектаклей, говоритъ мнѣ Сущовъ какъ-то въ субботу послѣ обѣда. Поѣдемъ къ П., туда всѣ соберутся, такъ какъ почти вся семья ихъ прини-

маетъ участіе въ этихъ спектакляхъ, а остальныхъ участвующихъ всего только трое: ты, я да А. А. М—а.

Въ пятомъ часу уже стемнѣло; у подъѣзда слышался звонъ бубенцовъ поданной тройки; хотя было и морозно, но мы одѣлись по-городски, такъ какъ домъ П. былъ очень недалеко: его освѣщенныя окна были видны изъ оконъ дома Сущова.

Это начало моего знакомства съ семьей сосѣдей, но потомъ мнѣ частенько приходилось заглядывать къ нимъ, такъ что была нѣкоторая возможность вывести что-то въ родѣ заключенія.

Шелъ 1869 годъ. Восемь лѣтъ только минуло съ той поры, какъ отошли отъ нихъ крестьяне, а ужъ попахивало могилой. Правда, семья большая: два женатыхъ брата, изъ нихъ у одного тоже большая семья; двое холостяковъ и четыре сестры-дѣвицы.

Какъ велико было ихъ имѣніе, я не интересовался разузнавать въ то время. Жившій въ имѣніи братъ служилъ мировымъ посредникомъ; другой проживалъ тутъ же, будучи, какъ говорится, министромъ безъ портфеля; два другіе брата, бывшіе моряки, служили лѣтомъ въ коммерческомъ флотѣ, а на зиму пріѣзжали въ родное гнѣздо.

Пріѣхавши къ нимъ съ Сущовымъ въ первый разъ вечеромъ, я, конечно, не могъ хорошенько разглядѣть обстановку ихъ жизни. Какъ извѣстно, ночью всѣ овцы кажутся сѣрыми. А вотъ какъ-то я забрался къ нимъ днемъ, то Божій свѣтъ натолкнулъ меня на многія мысли.

Передняя. Длинная, и даже очень, комната въ два окна. Очевидно, здѣсь когда-то бывали пріѣзды не малые. Подъ окнами неизбѣжный ларь, или рундукъ, или Господь вѣдаетъ, какое имя и отчество этого господина, въ утробѣ котораго прятались и вакса съ сапожными щетками, и ламповыя стекла, и грязныя тряпки, и старая обувь, и половыя щетки, и прочая дрянь.

На ларѣ неизбѣжный Иванъ въ сѣромъ нанковомъ сюртукѣ. Такіе костюмы теперь можно встрѣтить развѣ только на сценѣ Московскаго Художественнаго театра. Обои на стѣнахъ частью грязные, частью подопрѣлые, частью рваные; мѣстами виднѣлись трещины во всю стѣну, а изъ нихъ, подъ покровомъ тьмы ночной, выползаютъ небольшія, красныя, злыя животныя, которыя казнятся тутъ же, на мѣстѣ, рукою много, много претерпѣвшаго отъ нихъ Ивана.

Изъ передней вы, конечно, входите въ громадный залъ съ паркетнымъ поломъ... хорами... съ грязноватыми, мѣстами треснувшими обоями; съ темнымъ, давно не бѣлившимся потолкомъ.

Семья музыкальная,—и потому имѣется прекрасный старинный рояль, съ пожетѣвшими клавишами, повидимому, довольно цѣнный (остатки прошлаго) и хорошо настроенный; на это денегъ не жалѣютъ, такъ какъ это единственное утѣшеніе въ сѣренькой жизни семьи. Затѣмъ шла большая гостиная, оклеенная синими обоями, съ старинною мягкою мебелью краснаго дерева. Дерево—хорошо, обивка и слиняла и пообтерлась.

Въ комнатахъ свѣжевато: и домъ устарѣлъ, требуетъ основательнаго ремонта, и печи плохо работаютъ, да и топить приходится стариновкой, а не дровами; мѣстность степная, дрова дороги.

Во время репетиціи подавали чай и молоко—кто что хочетъ, а если угодно, то можете и того, и другого вмѣстѣ.

Молоко хорошее, цѣльное. Много дѣтишекъ—безъ молока не обойдешься. Повидимому, современныя химическія соединенія имъ были въ то время неизвѣстны.

Вмѣсто ужина легкая закуска: творогъ съ молокомъ, пельмени съ великолѣпною сметаной, яйца въ смятку и... и... и... еще что-то—ничего не приходитъ на память.

Но мы собрались посвятить вечеръ искусствамъ, а не стомаха ради, и потому, оставя въ сторонѣ все грубое, животное, будемъ питаться пищею духовною...

Въ водевилѣ „Зачѣмъ иные люди женятся“ много куплетовъ, и при нихъ были указанія, на какіе мотивы ихъ слѣдуетъ пѣть. Часть мотивовъ была изъ разныхъ оперъ, а другая—изъ русскихъ пѣсенъ. Это, конечно, не могло служить препятствіемъ: всѣ оперы имѣлись подъ руками, и мы живо ихъ разучили въ первый же вечеръ.

Затѣмъ пошло пѣніе. Пѣли и соло, и дуэты, и хоромъ. Французскій языкъ царилъ во всю. Помню даже самый романсъ, пѣтый по-французски: „Si vous n'avez rein à me dire“...

Время провели мы превосходно, когда же вернулись домой, Сущовъ мнѣ сказалъ:

— Если хочешь, вели подать себѣ ужинать.

— О, нѣтъ, благодарю васъ. Всѣ спятъ, будить не стоитъ. Авось, не умру.

Въ разныхъ только формахъ, а оба мы пришли къ одному заключенію: жить весело, да ѣсть нечего.

Сущовъ рѣдко бывалъ у П., а П. у Сущова я что-то и не помню. Думаю, что разница въ средствахъ была этому причиной.

* * *

Какъ-то лѣтомъ, гуляя по полю, гдѣ шли работы (а я тоже иногда наблюдалъ за ними, хотя ржи отъ овса отличить не могъ), я встрѣтилъ старшаго брата П., котораго я выше назвалъ министромъ безъ портфеля. Чудакъ онъ былъ какой-то.

— Здравствуйте, Дмитрій Петровичъ!—привѣтствовалъ я его.—Откуда Богъ несетъ?

— Да я все рыбу ловилъ,—какимъ-то лѣнивымъ басомъ отвѣтилъ онъ.

Разговаривая, я довелъ его до ихняго сада. Въ саду виднѣлись бесѣдки когда-то затѣйливаго фасона, а теперь понемногу рушившіяся. Перекинутый черезъ оврагъ мостъ внушалъ мысль, не о немъ ли писалъ незабвенный И. А. Крыловъ: „Чѣмъ на мостъ намъ идти, поищемъ лучше броду".

Перила покачнулись; въ самомъ мосту зіяли дырья; сѣрая краска давнымъ-давно потрескалась и облупилась; газоны заросли, и на нихъ безпрепятственно гуляли коровы; цвѣтовъ и въ поминѣ не было.

И это въ какія-нибудь восемь-десять лѣтъ.

Да, „раззоренье" выглядывало изъ всѣхъ угловъ...

Что же тутъ мудренаго, что одинъ сучекъ этого геральдическаго древа подъ старость лѣтъ очутился въ тяжелой роли классной дамы...

А какіе все хорошіе люди!

Имѣніе старца П. досталось племянникамъ; что теперь стало изъ этого имѣнія, я не знаю. Не разыгрываетъ ли на цѣнномъ клавесинѣ былыхъ временъ внучка потомственнаго почетнаго гражданина Колупаева, да и то небось только „чижика" и при томъ однимъ пальцемъ.

Имѣніе Сущова наслѣдники-гусары спустили въ руки купца.

Имѣніе его дочери—тоже.

Раззоренное дворянское гнѣздо П. смердило уже въ 1870 году.

Что же это значитъ?

Гдѣ тутъ зарыта собака?

* * *

Вдругъ получаю письмо отъ товарища; приглашаетъ перейти къ нему, въ большой уѣздный городъ, поближе къ Москвѣ. Жалованья болѣе чѣмъ вдвое, готовая квартира, прислуга... Очень хорошо.

Я, конечно, согласился съ слѣдующаго учебнаго года на вѣки разстался съ донцами, гдѣ впервые забилось любовью мое сердце...

Разстался съ донцовскими обывателями, съ первобытною баней, съ пріютившими меня и обласкавшими помѣщиками...

„Оставилъ край, гдѣ все обильемъ дышетъ“, и передвинулся ближе къ центру, гдѣ все другое: и люди, и нравы, и почва, и задачи, и цѣли; гдѣ совершенно другія условія жизни, на которую успѣли наложить кажущійся лоскъ, но... гдѣ впервые запахло и земскимъ пирогомъ, и скамьею подсудимыхъ...

XXII.

Городъ, въ который закинула меня судьба съ августа 1871 года, былъ очень большой, торговый и когда-то богатый. Много было тамъ купеческихъ фамилій, обладавшихъ весьма большими средствами; удобство и дешевизна водяныхъ сообщеній, которыми пользовались безпрепятственно, ведя торговлю и съ сѣверомъ, и съ югомъ, съ востокомъ и западомъ, сыграли въ этомъ случаѣ большую роль; періодическій взносъ дани хазарамъ—начальникамъ разныхъ ранговъ по водяной коммуникаціи, — не имѣлъ никакого значенія: всѣмъ было тепло и сытно—и овцамъ, которыхъ стригли, да и стригущимъ.

Но съ проведеніемъ желѣзной дороги городъ сталъ замѣтно падать и въ концѣ-концовъ сведенъ почти на нѣтъ.

Это, кажется, общая участь большинства такихъ русскихъ городовъ. Подошла желѣзная дорога—городъ расцвѣтаетъ; повели дорогу дальше—городъ падаетъ, „въ проходномъ ряду начинаетъ пылью торговать“.

Чѣмъ все это объяснить, право, не знаю. Никогда не задавался этимъ вопросомъ и не рѣшалъ его.

Мнѣ думается, что во многомъ виноватъ нашъ русскій характеръ, наше неумѣнье располагать и пользоваться новыми условіями жизни; застаютъ-то насъ эти условія все какъ-то врасплохъ...

Стукнетъ что-то по башкѣ... проснулись...

Что такое?!

Новыя условія...

Ну, и ходимъ долгое время, разиня ротъ.

Про одного хлѣбнаго торговца разсказывали такой анекдотъ, или фактъ—не знаю.

На веденіе крымской войны нужны были деньги. Просили у Троицкой лавры, да, будто бы, митрополитъ Филаретъ уперся и не далъ. Николаю I не далъ.

Пріѣхалъ Государь въ Москву и обратился къ купечеству.

Какъ на особенно богатаго торговца ему указали именно на то лицо, про которое идетъ рѣчь.

На пріемѣ во дворцѣ и онъ стоялъ среди представлявшихся: въ длиннополомъ сюртукѣ, въ сапогахъ бутылками; длинные волосы съ прямымъ проборомъ для такого исключительнаго случая смазалъ деревяннымъ масломъ прямо изъ лампадки.

На него указали Государю: вотъ-де жирная индюшка, изъ которой можно вытопить много сала.

Государь отзываетъ его въ сторону и говоритъ, что отъ него, какъ человѣка очень богатаго, онъ ждетъ крупной жертвы.

— Да какое же мое особенное богатство, Ваше Величество?— началъ тотъ плаксивымъ голосомъ.—Много есть народу, куда богаче меня... Шесть-семь милліоновъ не Богъ вѣсть что такое.. Знамо, жертву принесемъ по силѣ возможности и мы, отъ другихъ не отстанемъ... Хуже быть не желаемъ... но...

Государь только пожалъ плечами: въ самомъ дѣлѣ, какое же это особенное богатство—шесть-семь милліоновъ?..

Оказалось, что шесть-семь милліоновъ-то было у него мѣшковъ хлѣба по лабазамъ, да на пристаняхъ, а деньги самособою...

Патріотъ своего отечества!..

Не щадя живота своего до послѣдней капли крови...

А про источникъ богатства другой купеческой фирмы разсказывали вотъ что:

Въ двадцатыхъ—тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ домъ одного купца древляго благочестія былъ взятъ работникъ, молодой крестьянинъ Семенъ.

Онъ былъ все: и кучеръ, и дворникъ, и сторожъ, и приказчикъ, и ключникъ; малый смотрѣлъ придурковатымъ парнемъ, ходилъ разиня ротъ; одѣтъ въ нестрядинные рубаху и порты, въ домадѣльные лапти, опоясанъ пояскомъ, на которомъ постоянно висѣлъ небольшой ключъ отъ собственнаго сундука.

Спалъ Семенъ не раздѣваясь, въ баню ходилъ два раза въ годъ.

Живетъ малый годъ, другой, третій...

Дураковатъ, но честенъ до послѣдней степени.

Разсыпь деньги по двору—ни копейки не возьметъ.

Вина не пьетъ, табаку не куритъ, вѣчно въ работѣ и ни слова ропота.

Выжига-хозяинъ присмотрѣлся къ нему внимательно, оцѣнилъ и сталъ относиться съ полнымъ довѣріемъ.

И Семену жилось хорошо: пища сѣрая, но сытная и вдоволь; по праздникамъ солонины сколько хочешь; жалованьѣ хоть и небольшое, но выплачивалось аккуратно, да и дѣвать-то его было и некуда, и некогда, да и не на что; такимъ образомъ получались сбереженія.

Одно только не нравилось Семену: раза два въ мѣсяцъ по ночамъ въ окно его дворницкой хибарки раздавался осторожный стукъ:

— Кто тамъ?

— Отопри!

— Чаво надоть?

— Да, говорятъ же, отопри!

Семенъ, почесываясь, накидываетъ на себя рваный домодѣльный армякъ и идетъ къ калиткѣ, отпираетъ ее, выходитъ на улицу. На улицѣ стоятъ сани, или телѣжка, смотря по сезону; въ нихъ запряжена отличная лошадь: на ней отъ кого хошь можно ускакать; изъ-подъ сидѣнья экипажа пріѣзжій вынимаетъ кулекъ и говоритъ:

— Во... передай хозяину въ руки...

И больше ни слова... Садился и уѣзжалъ.

Кто это, что это—ничего Семенъ не зналъ; онъ аккуратно передавалъ хозяину кулекъ, ничуть не интересуясь, что въ немъ.

Такъ прошло десять... двѣнадцать лѣтъ. Все шло въ этомъ порядкѣ...

Надоѣлъ Семену ночной посѣтитель: и такъ день-деньской въ работѣ, а тутъ и ночью покоя нѣтъ... Что такое значитъ? допытывался Семенъ...

Разъ онъ и вздумалъ полюбопытствовать, что за таинственные кульки проходятъ черезъ его руки. Осторожно распоролъ кулечекъ, заглянулъ въ него... ба! ассигнаціи...

Дуракъ, дуракъ, а догадался въ чемъ дѣло: произведеніе гуслицкихъ мастеровъ...

Работа грубая, это правда, да и народъ-то вѣдь все темный..

Припряталъ одинъ... другой... третій кулечекъ...

Ну, и будетъ... на нашъ вѣкъ хватитъ...

Приходитъ къ хозяину и проситъ разсчетъ. Проситъ смирно, слезно, скромно... Въ деревню-де надо... Свое хозяйство требуетъ его домой...

Хозяинъ очень хорошо понимаетъ въ чемъ суть... Жаль ему разстаться съ Семеномъ:—другого такого не скоро найдешь, но и задерживать его не можетъ. Хозяйство требуетъ домой—причина законная и вполнѣ уважительная.

Полностью безмолвно отдаетъ онъ разсчетъ и прибавляетъ въ награду настоящій четвертной билетъ.

Это тебѣ на разживу... за вѣрную твою службу!..

— Покорнѣйше благодаримъ!—поклонъ въ ноги да и вонъ.

Какъ все хорошо обошлось: тихо... благородно... всѣ довольны...

Благодареніе Создателю за всѣ Его милости!

Первый актъ погони за богатствомъ окончился благополучно.

Пріѣхалъ Семенъ въ деревню; скрытно отъ семьи сосчиталъ ниспосланныя справедливымъ небомъ благопріобрѣтенныя денежки (оказалось тысячъ шестьдесятъ) и составилъ планъ сбыта.

На полученное отъ хозяина почти цѣликомъ за много лѣтъ службы жалованье, да подаренный имъ четвертной, дали возможность Семену завести свою коммерцію.

Въ большомъ уѣздномъ городѣ, на большой проѣзжей дорогѣ, около заставы, онъ устраиваетъ палатку; заводитъ свою маленькую пекарню; печетъ сайки, калачи, ситникъ, баранки и торгуетъ въ разновѣсъ. Проѣзжіе мужички охотно берутъ у него запасы: ужъ очень услужливый парень-то! Привезешь ему мѣшочекъ съ трудомъ накопленныхъ мѣдяковъ, онъ тебѣ ихъ съ удовольствіемъ обмѣняетъ на ассигнацію; да еще новенькую, чистенькую; долго она пролежитъ въ тряпочкѣ, а глядь это Настькѣ, или Матрешкѣ въ приданое пойдетъ.

Обстоятельный мужикъ, что и говорить!

Пословицу: „отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ“ должно быть онъ выдумалъ.

Такимъ-то побытомъ всѣ бумажечки гуслицкой фабрикаціи онъ въ 10—15 лѣтъ преблагополучно спустилъ по деревнямъ, а взамѣнъ ихъ набиралъ мѣшки мѣдяковъ, которые смѣло мѣнялъ на ассигнаціи въ государственномъ казначействѣ.

Это былъ конецъ второго акта.

Въ третьемъ—Семенъ ужъ развертывается во всю: у него амбары и здѣсь, и въ Москвѣ; по Окѣ и Волгѣ ходятъ собственныя барки и расшивы.

— Чьи такія?

— Семена Андреевича Кучерова...

Да, теперь ужъ онъ Семенъ Андреевичъ; у него есть и большой каменный домъ, и отличныя лошади, и шуба на красномъ лисьемъ мѣху, и бобровая шапка.

Жена раздобрѣла страсть какъ: пава да и только.

Дочки всѣ пристроены замужъ, да не за кой-кого, а за купцовъ первогильдейныхъ; живутъ, какъ сыръ въ маслѣ катаются.

Вотъ и слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ!

Хорошимъ-то людямъ Онъ, батюшка, невидимо посылаетъ.

И много было здѣсь купеческихъ фамилій съ такимъ прошлымъ. Но это все преданія; я же засталъ потомковъ, изъ которыхъ многіе стремились на фабрики и заводы, гдѣ бы могли заработать себѣ лишь дневное пропитаніе.

Такъ на свѣтѣ все превратно!

Да, въ мое время начиналось уже паденіе города, и паденіе сильное. Пойдешь, бывало, по улицамъ, то и дѣло натыкаешься то на большой каменный домъ, потемнѣвшій отъ времени, съ разбитыми стеклами, съ сотнями голубиныхъ гнѣздъ внутри его; то на забитые амбары безъ хлѣба; то на громадные, но пустые фабричные корпуса...

И какъ, отчего все это рухнуло—Богъ вѣсть!

* * *

Мое училище помѣщалось въ окраинной части города. Вся эта часть въ большинствѣ была заселена когда-то, въ періодъ расцвѣта города, ямщиками и потому называлась „Ямской".

Ямской промыселъ въ прежнія времена былъ въ этомъ городѣ промысломъ очень доходнымъ; городъ большой и торговый имѣлъ постоянное общеніе съ Москвой, и потому гоньба была большая. Съ проведеніемъ желѣзной дороги, естественно, ямской промыселъ долженъ былъ пасть, и населеніе цѣлой слободы очутилось въ положеніи крайне незавидномъ. Ямщики обратились въ городскихъ извозчиковъ, и при томъ въ такомъ количествѣ, которое значительно превышало спросъ на этотъ трудъ.

Каменный одноэтажный домъ, нанятый городскою управой подъ училище, кирпичный, не оштукатуренный, но окрашенный красной краской, былъ обыкновенный жилой домъ, а не спеціально построенный для потребностей школы. Вѣроятно, прежде въ немъ помѣщались двѣ квартиры, теперь разгороженныя въ своей передней части, отчего получалась громадная, свѣтлая классная комната; задняя же часть дома состояла: изъ очень большой темной передней, въ которой раздѣвались ученики; въ четырехъ стѣнкахъ этой передней были четыре двери: двѣ боковыя вели въ двѣ комнаты, отведенныя подъ квартиру учителя; третья—въ классъ, и четвертая—входная со двора.

Какъ видите, удобства были незавидныя, но мнѣ, какъ человѣку одинокому, эти неудобства были нечувствительны, напротивъ, я былъ очень радъ: другую комнату я безплатно отдалъ двумъ холостымъ учителямъ, людямъ съ крайне ограниченными средствами. Въ этомъ случаѣ я соблюдалъ и свои интересы: мы вели свое хозяйство, а вести его втроемъ, конечно, выгоднѣе, чѣмъ одному.

При училищѣ былъ сторожъ Николай, женатый, имѣлъ дѣтей и жилъ съ семьей на кухнѣ, занимаясь починкою обуви. Жена его вела наше хозяйство, за что получала съ насъ по 50 коп. въ мѣсяцъ съ каждаго. Они были довольны, и мы были довольны.

Николай былъ уже старикъ, но крѣпкій, бодрый николаевскій солдатъ. Моя молодость, да и характеръ, склонный къ выходкамъ подъ часъ и неудобнымъ, натолкнули меня продѣлать съ его „отставкой“ такую штуку, за которую, конечно, по головкѣ меня не поглалили бы.

Въ моей комнатѣ стояла собственная, обитая зеленой клеенкой, кушетка, которая на ночь преобразовывалась въ постель; четыре казенныхъ стула и большой письменный, казенный же, столъ съ пятью ящиками. Разбираясь въ нихъ, я и встрѣтилъ увольнительный билетъ (отставку) Николая.

Въ немъ было, между прочимъ, сказано „за первый“ изъ службы побѣгъ былъ наказанъ пятьюстами ударовъ шпицрутеновъ, но такъ какъ наказаніе было подведено подъ какой-то манифестъ, то его приказано было не считать препятствіемъ къ разнаго рода наградамъ. Я возьми въ свободную минуту да и поставь точку съ запятой послѣ слова „не считать“.

Выходило въ казенной редакціи такъ, что всыпали пятьсотъ горячихъ, да еще приказали не считать.

Молодость—каюсь.

А между тѣмъ онъ меня очень любилъ и привязанъ былъ ко мнѣ всею душой.

Одинъ разъ мнѣ что-то понездоровилось; думаю отъ того, что переутомилъ себя; но переутомилъ не работой, а черезъ-чуръ широкой свободной жизнью.

Лежу въ постели. Входитъ Николай съ самоваромъ.

— Самоваръ-то на столъ, что ли, ставить, али около тебя?

— Поставь, пожалуйста, на стулъ, около меня; да дай чайникъ, стаканъ, хлѣбъ, молоко...—говорю я угасающимъ голосомъ.

— Добѣгалси!..—началъ онъ ворчать, ставя самоваръ на стулъ около меня.

— Драть-то тебя, смотрю, некому...

(Принесъ стаканъ и чайникъ).

— Да какъ не захворать? Отъ такой жизни околѣть можно...

(Принесъ хлѣбъ на тарелкѣ).

— Шутка ли: одна заря вгонитъ, другая выгонитъ.

(Ставитъ молоко).

— Лошадь, и ту хворь одолѣетъ отъ экой жизни... Каторга, не жизнь! Я вотъ маменькѣ отпишу... Дастъ она тебѣ таску хорошую и будешь знать!.. А то ишь?!

— Ты вотъ, Николай, лучше разскажи, какъ тебѣ безъ счету пятьсотъ палокъ-то всыпали,—говорю я, улыбаясь.

— Тьфу! Озорникъ!

* * *

Законоучителемъ былъ у меня діаконъ одной изъ приходскихъ церквей. Педагогъ онъ былъ плоховатый. Лежишь, бывало, у себя на кушеткѣ и слушаешь его объясненіе урока. Тутъ можно было умереть со смѣху. Онъ имѣлъ несчастную привычку, передавая разсказъ изъ священной исторіи самымъ что ни на есть народнѣйшимъ языкомъ и при этомъ уснащать свою рѣчь разными вводными словечками: „значитъ“, „какъ бы сказать“, „стало быть“, „говоритъ“, и т. п., предполагая, вѣроятно, такимъ способомъ поближе подойти къ пониманію учениковъ; а изъ этого частенько получалась такая уморительная ерунда, что не было возможности удержаться отъ хохота.

Напримѣръ, разсказъ о десяти египетскихъ казняхъ онъ передавалъ приблизительно такъ:

„Приходитъ, значитъ, Моисей къ фараону. Отпусти, гритъ, (говоритъ) ты мой народъ еврейскій домой; больно ужъ трудно тутъ ему стало у тебя: и работой морятъ, и палками колотятъ, да и на счетъ пищи слабовато. А фараонъ и говоритъ:

. Да, гритъ, какъ же! больно ты ловокъ! отпусти ему 600 т. рабовъ, которые работать работаютъ, а жалованья не получаютъ. Пойди-ка, гритъ, найди, попробуй, нонѣ такихъ простаковъ. Ну, какъ хошь, говоритъ Моисей. Только, смотри! какъ бы, братъ, тебѣ не раскаяться! Богъ тебѣ этого не проститъ, да и мои ребята не промахъ: такую механику подведутъ, что долго будешь помнить. Ну, вотъ ладно. Повернулся Моисей и ушелъ отъ фараона. Помолился онъ, значитъ, Богу, и Богъ наслалъ на египтянъ десять казней, одна другой хуже... Дѣло дошло до того, что ангелъ Господень сталъ ходить по домамъ

египтянъ и убивать ихъ первенцевъ. Дошла очередь, значитъ, до самого фараона. Позвать, гритъ, сюда Моисея! Тотъ явился. Что, молъ, тебѣ надо? Вотъ что, Моисей, говоритъ фараонъ: вижу я теперь, что силенъ вашъ Богъ іудейскій; ничего, гритъ, тутъ съ вами не подѣлаешь; собирай ты всю свою шушеру и убирайся вонъ!

Ну, а у тѣхъ все было наготовѣ: и провизія, и палки въ рукахъ, и котомки за плечами, долго ли тутъ удрать!

— Такъ вотъ, до сихъ поръ къ слѣдующему разу. А тамъ,— желая заинтересовать ребятъ слѣдующимъ урокомъ, продолжаетъ діаконъ,—я вамъ разскажу, какъ евреи стали въ пустынѣ Аравійской безобразничать! Все имъ было готовое: и манна сыпалась съ неба, и перепела сами въ горшокъ лѣзли... Такъ нѣтъ, все имъ мало...

Ну, давай звоно! заканчиваетъ, обращаясь къ сторожу, діаконъ, смотря на свои часы".

Вспоминая моего діакона, я невольно подумалъ про наше время: хорошо было бы позвать какого-нибудь гомельскаго гражданина и сказать: вотъ что, Елисѣй, собирай ты всю свою шушеру и убирайся куда хочешь! Не хорошо вамъ здѣсь— такъ скатертью дорога!

Никто не удерживаетъ! А то ишь, помилуй Богъ, какіе граждане появились!

Да нѣтъ, не уйдутъ.

Довѣрчивость моего діакона была безгранична.

Приходитъ онъ какъ-то на урокъ и прямо, по обыкновенію, идетъ въ мою комнату мои же папиросы курить. Кончился урокъ, вхожу туда и я. Ребята ли плохо отвѣчали, или какая другая непріятность была, только на лицѣ моемъ былъ сумракъ велій.

— Ты что такой скучный? спрашиваетъ діаконъ.

— Будешь тутъ скучный...

— А ты плюнь, вотъ и все...

— Не очень-то плюнешь... Тебѣ хорошо говорить-то, а тутъ вотъ...

— Да что такое? уже испуганно говоритъ онъ.

— Да такъ... ничего.

— Да ты скажи... можетъ, и помогу...

— Да что, братъ... жениться задумалъ, вдругъ бряknулъ я.

— Ну?!!

— Право.

— Такъ я тебѣ помогу. Переговорю и съ пѣвчими, и съ музыкантами, и съ кондитеромъ, хлопочетъ новый Кочкаревъ.

— Ну, что жъ, переговори,—отвѣчаю я совершенно машинально.

Въ этотъ же день діаконъ всѣхъ обѣгалъ, со всѣми сторговался и все устроилъ.

Приходитъ на утро въ училище и говоритъ:

— Ну, братъ, все готово!

А я ужъ и забылъ про то.

— Что такое готово?

— И пѣвчіе, и музыканты, и кондитеръ беретъ по два съ полтиной съ персоны.

— На что это тебѣ пѣвчіе и музыканты, и кондитеръ понадобились?

— Да вѣдь ты же просилъ...

— Ну, вотъ... Я пошутилъ съ тобой, а ты и пошелъ бѣгать по городу, да всѣмъ звонить.

— Ахъ, песъ ты этакой! ударяя обѣими руками по поламъ своей рясы и вытаращивъ удивленно глаза, отвѣчаетъ довѣрчивый діаконъ.

XXIII.

Въ 1872 году была въ Москвѣ политехническая выставка. Открытый при этой выставкѣ первый „Народный театръ“ опять разбудилъ во мнѣ моего чертенка.

Окончивъ экзамены, я полетѣлъ къ матери, лелѣя надежду попасть въ „Народный театръ“, выстроенный на Солянской площади.

Какія мечты, какія сладкія грезы посѣтили меня, когда я въ вагонѣ третьяго класса ѣхалъ туда, на сцену, на настоящую, большую столичную сцену—я передать не въ состояніи...

Пріѣхалъ къ матери и на другой же день отправился въ храмъ Таліи и Мельпомены.

Первый народный храмъ!

Подошелъ къ нему... и... сердце мое замерло!...

Осмотрѣлъ его кругомъ и опять: и страхъ, и невольное сомнѣнье захватило меня.

Тамъ, въ уѣздномъ городѣ, думалъ я, среди знакомыхъ мнѣ людей, людей нетребовательныхъ, я считался лучшимъ актеромъ-любителемъ... Но вѣдь это—тамъ. А здѣсь?..

Около театра, со стороны бульвара, я видѣлъ буфетъ; ви-

дѣлъ бритыя физіономіи: и старыя и молодыя, и красивыя, и уродливыя.

Но мнѣ не то... не то нужно... Мнѣ нуженъ директоръ, артистъ императорскихъ театровъ Александръ Филипповичъ Ѳедотовъ.

Спросилъ у какого-то полупочтеннаго господина въ поддѣвкѣ (такая форма была у капельдинеровъ).

— Какъ бы мнѣ увидать г. Ѳедотова?

— Пожалуйте на ту сторону, къ подъѣзду артистовъ; они теперь на сценѣ.

Иду назадъ; подошелъ къ двери, а войти боюсь.

— Да вѣдь не съѣстъ же онъ меня? думаю я. Ну, приметъ—хорошо; не приметъ—такъ тому и быть; значитъ, не суждено, и только.

Поднимаюсь по лѣсенкѣ въ три-четыре ступеньки.

— Вамъ кого угодно?

Смотрю, опять передо мной поддѣвка.

— Мнѣ бы нужно видѣть А. Ф. Ѳедотова.

— Пожалуйте сюда, я сейчасъ доложу.

Каково обращеніе-то: хоть бы и не на Солянкѣ въ пору!

Я пошелъ за нимъ съ большою опаской разбить себѣ лобъ. Не сдѣлалъ я и пяти шаговъ по сценѣ, какъ капельдинеръ уже вернулся назадъ за мной.

— Пожалуйте въ кабинетъ; приказали просить.

Вхожу въ директорскую, и передо мною стоитъ господинъ, на видъ лѣтъ 35, кудрявый блондинъ средняго роста..

Однимъ словомъ, лицо знакомое по сценѣ Малаго театра.

— Вы желали меня видѣть? Что вамъ угодно? Прошу садиться, быстро заговорилъ онъ.

— Я желалъ бы поступить въ труппу Народнаго театра.

— Ничего не могу для васъ сдѣлать: у насъ набрано артистовъ больше, чѣмъ мы предполагали; гораздо больше составленнаго штата.

— Я бы желалъ принимать участіе какъ любитель, безъ жалованья.

— А!.. Это другое дѣло. Милости просимъ. Я сейчасъ васъ познакомлю съ моимъ помощникомъ, онъ запишетъ вашъ адресъ, и вопросъ конченъ.

Боже! наконецъ-то я актеръ! Какъ я былъ счастливъ въ этотъ моментъ—и разсказать не могу. Какъ труденъ и дологъ казался мнѣ путь, и какъ скоро достигъ я своей цѣли!

Бросаюсь къ афишѣ и какія же имена нахожу на ней: „самъ Николай Хрисанѳычъ Рыбаковъ—во-первыхъ! Писаревъ, Бергъ, Яковлевъ, Макшеевъ, Стрѣлкова, Линовская...

И среди такихъ-то тузовъ—я двойка! Есть отъ чего съ ума сойти.

Вечеромъ я пришелъ въ театръ. Вездѣ мнѣ открыты двери, ибо я свой человѣкъ.

Смотрѣлъ какую-то пьесу, заглянулъ въ уборную, обошелъ сцену...

Лѣтній вечеръ, превосходный самъ по себѣ, на Варварской площади давалъ себя знать. Близость такихъ прелестей того времени, какъ Лубянская площадь съ домомъ Шипова, представлявшаго изъ себя петербургскую Вяземскую лавру; Солянка съ ея массою рыбныхъ лавокъ, испускавшихъ изъ себя отвратительный запахъ уже подгулявшей рыбы; Хитровка, переполненная ночлежными домами съ ихъ временными и постоянными обитателями изъ числа „бывшихъ людей“,—все это были большіе минусы перваго народнаго театра.

Не одно просвѣщеніе принесъ съ собою театръ населенію старой столицы: вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ появилось и приличное освѣщеніе. Въ тѣхъ страшныхъ мѣстахъ,—гдѣ постоянно шелъ грабежъ, пьянство, работа фальшивыхъ паспортовъ; гдѣ легко, какъ на биржѣ извозчика, можно было найти наемнаго бандита; гдѣ такъ часто слышался одинъ и тотъ же припѣвъ „караулъ! грабятъ!“—освѣщеніе разогнало тьму и очистило Варварскую площадь отъ ночныхъ героевъ московскихъ трущобъ.

Какъ счастливъ былъ я, когда въ буфетѣ встрѣтилъ моихъ старыхъ знакомыхъ по артистическому кружку: В. А. Макшеева и Вѣру Александровну Дюбюкъ.

Макшеевъ уже не офицеръ; онъ скинулъ мундиръ артиллериста и окончательно посвятилъ себя сценѣ; служилъ въ провинціи, на лѣто пріѣхалъ въ Москву и попалъ въ труппу народнаго театра.

В. А. Дюбюкъ то же провинціальная актриса.

Какъ я былъ радъ встрѣтиться съ ними! Да и они обошлись со мною мило, просто, сердечно, съ самою радушною улыбкой на устахъ...

Макшеевъ занималъ амплуа комика и пользовался хорошимъ успѣхомъ, хотя рядомъ съ нимъ были такіе тузы, какъ Рыбаковъ, Бергъ, Писаревъ; не легко было ему завоевывать извѣстную позицію.

Когда впослѣдствіи мнѣ пришлось съ большимъ успѣхомъ сыграть одну хорошую роль, то самое теплое поздравленіе я получилъ отъ нихъ, участвовавшихъ со мною въ „Тяжелыхъ дняхъ“.

Видно было, что театральное болото еще не затянуло ихъ, что актерская зависть еще не привилась къ нимъ.

Да, нѣтъ: не свойственно все это было имъ... Много, много лѣтъ спустя мнѣ пришлось съ ними встрѣтиться—и они были все тѣ же милые, простые люди...

* * *

Попадаюсь на глаза помощнику режиссера.

— Очень радъ, говоритъ, что васъ встрѣтилъ; вотъ вамъ три роли, завтра въ 11 час. репетиція.

Совсѣмъ актеръ! Да еще три... и... роли!

Пришелъ домой, развернулъ и... вижу... дѣйствительно три роли изъ извѣстной исторической драмы „Смерть Ляпунова“.

Одна роль—казацкаго атамана Заварзина, другая — слуги Марины Мнишекъ и третья—какого-то выборнаго.

Не столько было игры у меня, сколько переодѣваній и грима. Въ одной картинѣ я казацкій атаманъ; окончилась она, бѣги переодѣваться въ слугу; окончилась эта картина, я преображаюсь въ выборнаго...

Каторга! Теперь бы я ничего не взялъ бы за то, чтобы такъ добровольно мытариться, а тогда это называлось у меня счастьемъ...

Утромъ, часовъ въ 10, я вышелъ на крыльцо, собираясь потихоньку направиться въ театръ и вдругъ вижу, по нашему огромному двору ѣздитъ карета.

Оказывается это за мной.

— Пожалуйте на репетицію!

Мать смотритъ въ окно... И опять глупая старуха креститъ... Точно въ Донецъ меня отправляетъ...

Сѣлъ въ карету и думаю: „А! чортъ возьми! Да я заправскій актеръ! Только кареты и не доставало!“

Да вѣдь въ настоящую карету, а не въ тогдашнюю колымагу, въ которыхъ срамили на всю Москву артистовъ императорскихъ театровъ того времени.

Ляпунова игралъ Яковлевъ, Заруцкаго — Рыбаковъ, Марину—Стрѣлкова.

Вечеромъ, во врема спектакля, въ общей уборной молчаливо одѣваясь и гримируясь, я былъ удивленъ однообразной декламаціей тоже одѣвавшихся со мной другихъ маленькихъ

актеровъ. Они нараспѣвъ, другъ за дружкой, очевидно, кого-то копируя, орали:

„Ваша честь, казаки,—защищать храмы Божіи; ваша честь, казаки,—быть слугами отечества! Вотъ ваша честь! Честь велика, но вы не умѣли заслужить ее!“

И все это сопровождалось дружнымъ хохотомъ.

Я сначала никакъ не могъ понять, въ чемъ соль этого о́рева: ужъ не съ ума ли они сошли?

Спектакль мнѣ объянилъ все.

Это было всеобщее выступленіе реализма на борьбу съ остатками умиравшей ходульности.

Такъ игралъ Ляпунова Яковлевъ, провинціальный трагикъ, своего рода знаменитость!..

Но, увы! ихъ время прошло! Реализмъ забралъ силу, и А. Н. Островскій съ полнымъ основаніемъ могъ вложить въ уста своего Аркашки Счастливцева фразу: „Я въ провинціи-то получше его считаюсь; нынче оралы-то не въ модѣ!“

Но „Солянкѣ“ Яковлевъ нравился и пользовался своеобразнымъ успѣхомъ.

Должно быть въ началѣ іюля мѣсяца дирекція задумала побаловать народъ и оперой: были поставлены, кажется, два акта оперы „Жизнь за Царя“ и къ ней приставлены сцены изъ московской жизни А. Н. Островскаго „Тяжелые дни“.

Само-собою разумѣется, что меня постановка этой пьесы крайне заинтересовала и, главнымъ образомъ, роль Андрея Титыча.

Понять по репетиціи, кто и какъ будетъ играть, не было возможности: репетиціи шли по-актерски, вполголоса, безъ тоновъ.

Въ труппу на амплуа простаковъ былъ приглашенъ провинціальный актеръ Орловъ. Я видѣлъ его въ роли Аркашки Счастливцева, но... онъ былъ очень неваженъ. Фигура его, дѣйствительно, подходила къ этой роли... и только.

Играть Аркашку въ Москвѣ, которая на императорской сценѣ видѣла удивительнѣйшаго Аркашку—С. В. Шумскаго, было очень рискованно. Попробуйте удержаться отъ сравненій!

Конечно, разсчитывалось на другую публику, на низы, на Солянку, Щипокъ, Дорогомилово, да на провинцію, которая лѣзла въ первопрестольную, благодаря выставкѣ.

Но, все-таки...

Терялъ Орловъ еще болѣе въ сценахъ съ Геннадіемъ Несчастливцевымъ.

Вѣдь Геннадія игралъ „самъ Николай Хрисанычъ Рыбаковъ“!

И вотъ этому-то Орлову и была поручена роль Андрея Брускова.

Пошелъ я въ партеръ и усѣлся на свободное мѣсто. Поднялся занавѣсъ. Прошли сцены Досужева съ чиновникомъ и съ Перцевымъ; подошелъ выходъ Андрея...

— „А! Милый другъ Андрюшенька!“ говоритъ Досужевъ.

— „Василь Митричу-съ!“ отвѣчаетъ Брусковъ.

И не то!.. Совсѣмъ не то! Я чувствовалъ, что роль Андрея погибла...

Какой-то сонный, вялый былъ Андрюша!

Не могъ онъ быть такимъ.

Сорвался я съ мѣста и ушелъ за кулисы: интересно было послушать отзывы „своихъ“.

Но отзывовъ этихъ не было; всякій былъ занятъ своимъ дѣломъ, и никто не интересовался, какъ идетъ спектакль.

Брожу по сценѣ и натыкаюсь въ одной изъ боковыхъ кулисъ на Ѳедотова, который, весь красный, ругался и топалъ ногами.

На сценѣ малаго театра Ѳедотовъ самъ игралъ эту роль.

И слышу: „Скотина! Мерзавецъ! Анаѳема!“

Ну, думаю, это вѣдь по адресу Орлова...

Ругань продолжалась; ругань разнообразная и при томъ такая, какой ни въ одномъ лексиконѣ для благородныхъ дѣвицъ не найдешь...

Спустилась, занавѣсь и въ театрѣ ни „шлепка!“

Это послѣ боевого-то ухода Андрея Брускова!

Значитъ, провалъ форменный!

Не взялъ первымъ актомъ, другими не возьмешь.

Я подошелъ къ Ѳедотову и говорю:

— Александръ Филипповичъ! позвольте мнѣ играть Андрея; я его недавно игралъ.

— Играйте! отрывисто, не глядя на меня, отвѣчаетъ онъ.

На какихъ крыльяхъ радости я бѣжалъ домой, и разсказать не умѣю, хотя въ груди и шевелился червь сомнѣнія: сказалъ сгоряча... несмотря на меня... Да еще знаетъ ли, кому онъ сказалъ?

Пришелъ домой и сталъ припоминать роль. Зналъ я ее на зубокъ и пока не заснулъ, прочелъ ее разъ пять.

А на утро опять сомнѣніе: не забылъ ли про меня Ѳедотовъ?

Дожидаюсь 10 часовъ. Ахъ...

„Какъ медленно катился скучный день!
Какъ медленно заря вечерня гасла...
Какъ долго ждалъ я въ сумракѣ ночномъ!“
(Самозванецъ—Пушкина).

Нѣтъ! Не забылъ! вотъ карета...

Входитъ капельдинеръ и подаетъ повѣстку: приглашаютъ на репетицію „Тяжелыхъ дней“.

Вотъ онъ „Рубиконъ“-то! подумалъ я.

Поѣхалъ. Пріѣжаю и изъ артистовъ—никого! т.-е. кое-кто бродилъ по сценѣ, около буфета, но изъ участвующихъ въ „Тяжелыхъ дняхъ“ никого не видать: ни Рыбакова, ни Яковлева, ни Макшеева, игравшаго Перцева, ни Дюбюкъ.

Что же это значитъ? Не ошибка ли?..

— Александръ Филипповичъ здѣсь? спрашиваю у капельдинера.

Въ кабинетѣ-съ.

Иду туда. Ѳедотовъ встрѣчаетъ меня возгласомъ:

— Вотъ и отлично! Пораньше отдѣлаемся, а то мнѣ надо уѣхать. Пойдемте.

Пришли мы на аванъ-сцену; за маленькимъ столикомъ сидѣлъ суфлеръ; передъ нимъ тускло горѣла маленькая лампочка. Ѳедотовъ поставилъ на суфлерскую будку одну ногу, облокотился на нее и... репетиція началась...

Онъ говоритъ за всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, и я, тонируя, читаю „Андрея“. I-й актъ конченъ...

— Ну, съ Богомъ! Играйте... у васъ пойдетъ хорошо.

Распрощался и уѣхалъ... Вотъ тебѣ и вся репетиція.

Вечеромъ за мной опять пріѣхала карета. Да-съ! я, чортъ возьми, не кое-кто, а нѣкоторымъ образомъ „персонажъ“!

Но, Боже великій! Если бы кто могъ только заглянуть въ душу этого персонажа! Что тамъ дѣлалось! Что тамъ творилось!?..

Первый звонокъ. Бѣгу на сцену посмотрѣть въ дырочку занавѣси на публику. Биткомъ!

— „Двухъ дней не помню, говорилъ мнѣ одинъ изъ капельдинеровъ, чтобы встрѣтить одну и ту же физіономію! И откуда только берется такая пропащина!“

Подняли занавѣсь... Началось...

Меня забила лихорадка.

— Вашъ выходъ, говоритъ помощникъ режиссера.

Я готовъ давно. Я свой выходъ знаю твердо.

Сразу взялъ настоящій тонъ... При свѣтѣ рампы и робость пропала.

Закончилъ актъ съ бурными аплодисментами.

Въ директорской ложѣ сидѣлъ Ѳедотовъ и рядомъ съ нимъ какой-то господинъ... въ пенсне... длинные жидковатые бѣлокурые волосы... такая же длинная клиномъ борода. Это былъ Аверкіевъ, авторъ „Каширской старины“, сотрудникъ „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Русскаго Вѣстника“.

Выхожу изъ уборной на сцену ко второму акту. Вижу—сидитъ Рыбаковъ въ костюмѣ и гримѣ Тита Титыча.

— Это ты играешь Андрюшку-то?

— Я, Николай Хрисанѳовичъ.

— Гм... Новость!..

Что онъ этимъ хотѣлъ сказать—Богъ его знаетъ.

Молчаливо, но чувствовалось всѣмъ существомъ, что сердечно поздравили меня съ успѣхомъ и Макшеевъ, и Дюбюкъ, крѣпко пожавши мнѣ руку...

На другой, на третій день въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появилась коротенькая рецензія Аверкіева, посвященная исключительно мнѣ. Рецензія очень лестная...

Живо промелькнулъ остатокъ іюля. На Успенскій постъ спектакли прекращались, а мнѣ пора было ѣхать домой, на службу.

Иду къ Ѳедотову прощаться.

— А почему вы не хотите поступить на сцену? У васъ есть способность. Изъ васъ можетъ выработаться очень хорошій артистъ!

— Вся душа моя принадлежитъ сценѣ, Александръ Филипповичъ, но провинціи я боюсь, а въ Москву попасть трудно...

— Ну, а если на будущій годъ народный театръ останется за мной, вы согласитесь служить у насъ?

— Съ большимъ удовольствіемъ, А. Ф.!

— Ну, вотъ и отлично. Большого жалованья я вамъ на первое время предложить не могу, такъ какъ у васъ нѣтъ репертуара, по 100 р. въ мѣсяцъ я вамъ могу назначить...

А потомъ...

Сто рублей!? Да вѣдь это же счастье! Это какой-то очаровательный сонъ, а не дѣйствительность...

Но... „То былъ сонъ“...

Разстались мы съ Ѳедотовымъ очень хорошо.

Весь годъ я слѣдилъ по газетамъ за судьбою перваго московскаго народнаго театра; въ печать проникали слухи весьма

разнообразные; не зналъ, кому вѣрить. Наконецъ, все выяснилось: театръ попалъ въ руки двухъ адъютантовъ генералъ-губернатора кн. Долгорукова, князя Урусова и Писарева.

Адъютанты и театръ! Что тутъ общаго?

Годъ они его продержали, а затѣмъ онъ волею Божіею тихо скончался.

И я на своей артистической карьерѣ поставилъ окончательный крестъ.

Значитъ, не судьба.

XXIV.

Мои воспоминанія о первомъ народномъ театрѣ были бы не полны, если бы я не удѣлилъ въ нихъ мѣста такимъ артистамъ, какъ Писаревъ, Макшеевъ, Бергъ, Путята, Липовская и начинавшая тогда свою карьеру Вѣрочка Зорина, какъ мы тогда ее называли, впослѣдствіи—Вѣра Васильевна, знаменитая исполнительница цыганскихъ романсовъ.

Вотъ высокая молодая фигура Модеста Ивановича Писарева: на головѣ мягкая черная шляпа съ широкими полями; сѣрое пальто; русская рубашка на выпускъ; во всей фигурѣ красота и мощь. Въ то время ему было не болѣе 25—30 лѣтъ, но въ провинціи это уже было имя, за которымъ гонялись антрепренеры.

Мнѣ памятно исполненіе имъ двухъ ролей: Петра въ „Не такъ живи, какъ хочется“—Островскаго, и „Сватъ Ѳадѣичъ“.

Въ первой піесѣ я тоже (извините за выраженіе) игралъ... Игралъ работника Петра—роль буквально въ два слова „Лошадь готова“).

Эта несчастная роль ужасно злила меня. Она заставляла изъ-за этихъ несчастныхъ двухъ словъ сидѣть за кулисами; лишала меня возможности видѣть игру Писарева. Въ слѣдующій разъ я былъ умнѣе: я не сталъ одѣваться чуть не съ перваго явленія, а просидѣлъ въ театрѣ два-три дѣйствія и, могу сказать, видѣлъ Писарева.

Великолѣпенъ былъ Пискаревъ въ роли Петра. Изъ тѣхъ данныхъ ему Богомъ силъ, и физическихъ, и духовныхъ, онъ вылилъ фигуру Петра—широкую, безудержную, русскую натуру—безукоризненно; смотря на него, думалось, что только такой и могъ быть русскій богатырь Петръ, богатырь во всемъ: и въ любви, и въ раскаяніи; и въ думахъ, и въ поступкахъ... Его послѣдняя сцена публичнаго покаянія производила впечатлѣніе потрясающее.

Затѣмъ Писаревымъ исполнялась роль Ѳадѣича въ піесѣ „Сватъ-Ѳадѣичъ“. Кто авторъ этой піесы—не помню; кажется, Чаевъ. Сама піеса, по своему наивному содержанію, была очень незамысловата; трудно было сдѣлать что-либо выдающееся изъ того скуднаго матеріала, какой далъ авторъ, и если оставляла впечатлѣніе, то, конечно, благодаря исключительно игрѣ Писарева. Остальные исполнители не оставили въ моей памяти никакого слѣда.

Затѣмъ былъ еще очень большой артистъ—Бергъ, принятый впослѣдствіи на сцену Малаго театра.

Въ моей памяти сохранилось впечатлѣніе отъ многихъ ролей, имъ исполнявшихся. Онъ игралъ Городничаго, Подхалюзина, игралъ и одноактовыя піески, какъ, напримѣръ, „Я именинникъ“, „Незнакомые-знакомцы“.

Воспитавши свой вкусъ на великой труппѣ тогдашняго Малаго театра, на Шумскомъ, Провѣ Садовскомъ, Самаринѣ, я, увы, далеко не былъ удовлетворенъ игрою Берга. Игра въ провинціи, дешевые лавры избаловали его, развили въ немъ привычку къ утрировкѣ въ роляхъ даже серьезнаго репертуара, не допускающихъ ничего подобнаго; онъ позволялъ себѣ „кренделить“ даже въ роли Сквозника-Дмухановскаго, требующей отъ актера не одного только таланта, но, главнымъ образомъ, чувства мѣры, и такимъ образомъ изъ величайшей русской комедіи устраивалъ что-то балаганное.

Талантъ у Берга былъ, но чувство мѣры положительно отсутствовало, а это большой недостатокъ въ артистѣ перваго амплуа.

Этотъ недостатокъ особенно рѣзко выдѣлялся при невольномъ сравненіи Берга съ Самаринымъ и Провомъ Садовскимъ, исполнявшими городничаго на Маломъ театрѣ.

Бергъ пользовался несомнѣннымъ успѣхомъ у невзыскательной публики Солянки, Зарядья, Варварки, Замоскворѣчья и странъ, къ нимъ прилежащихъ. Его колѣнца ей нравились...

Но успѣхъ ли это?

Поступилъ онъ въ труппу Малаго театра на амплуа умершаго П. М. Садовскаго, но замѣнить незамѣнимаго ему, конечно, не удалось, какъ и москвичамъ забыть незабвеннаго.

Какъ, мнѣ думается, трудно было съ нимъ играть императорскимъ артистамъ, выросшимъ на традиціяхъ дома Мочалова и Щепкина!

Тѣни этихъ артистовъ, гордости и красы русской сцены, едва-ли были спокойны...

Игралъ Бергъ и Подхалюзина въ піесѣ Островскаго „Свои люди—сочтемся“.

И это въ Москвѣ!

Рядомъ съ Провомъ Садовскимъ рискованно!

В. А. Макшеевъ, какъ я уже отмѣтилъ выше, началъ свою артистическую карьеру, будучи артиллерійскимъ офицеромъ, въ качествѣ любителя, въ труппѣ артистическаго кружка; затѣмъ ушелъ въ провинцію, а на лѣто 1872 года былъ приглашенъ въ народный театръ. Здѣсь онъ сталкивался въ своемъ амплуа съ Бергомъ, былъ его дублеромъ. Достаточнаго опыта у него еще не было, но я ничуть не сомнѣвался, что талантъ Макшеева куда выше таланта Берга.

Въ этомъ случаѣ присущія Макшееву скромность и чувство мѣры сослужили ему большую службу; онъ предпочиталъ скорѣе не доиграть роли, чѣмъ переиграть. Въ этомъ было его большое преимущество предъ Бергомъ, котораго онъ вскорѣ смѣнилъ на сценѣ Малаго театра.

Вспоминается мнѣ постановка піесы Чаева „Свекровь“.

Вотъ ужасный языкъ! Мнѣ пришлось въ ней играть роль выборнаго; сказать одинъ только монологъ строкъ въ тридцать — сорокъ... Но, Боже! какого труда мнѣ стоило его заучить! Языкъ просто ломался! Играть подъ суфлера было нельзя, несмотря на то, что древность изображаемаго мною старца налагала на меня обязанность говорить неторопливо; въ другой піесѣ отлично можно было бы не учить роли, а тутъ нельзя: вы никогда не повѣрили бы, что суфлеръ вамъ подаетъ то, что имѣется въ піесѣ.

Помню, превосходно пѣлъ, сочнымъ, свободнымъ баритономъ, въ этой піесѣ, Васильевъ (забылъ его имя), изображая гусляра, подъ аккомпаниментъ гуслей: „По небу по синему тученьки плывутъ“.

„Свекровь“ играла тоже провинціальная знаменитость А. И. Стрѣлкова. Говорили иногда, что она была неграмотная и учила роли со слуху. Можетъ быть. Знаю только одно, что играла она безподобно, захватывающе! Это былъ одинъ изъ тѣхъ мощныхъ самородковъ, какихъ въ тридцатыхъ, сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ встрѣчалось много среди крѣпостныхъ артистовъ того времени.

Роль Княжича поручалась молодому талантливому артисту, много обѣщавшему въ будущемъ, Путятѣ. Чѣмъ окончилъ онъ свою карьеру—не знаю. Слышалъ, что не очень благополучно: провинціальная трясина засосала его...

Вѣра Васильевна Зорина выступала тогда въ водевиляхъ съ пѣніемъ; особеннаго изъ себя ничего она не представляла и ничѣмъ не выдавалась: молодая, довольно красивая, съ большими черными глазами, всегда очень скромно себя державшая; мнѣ крайне трудно было повѣрить, что эта самая Вѣрочка Зорина и цыганская знаменитость—одно и то же лицо.

Среди артистовъ народнаго театра вспоминается мнѣ и Липовская. Старенька ужъ она была для тѣхъ ролей, которыя ей давались; некрасива, нескладна, а водочка, къ которой она имѣла слабость, дѣйствовала на нее разрушительно.

Если бы не эта слабость, Липовская по своимъ природнымъ дарованіямъ могла бы легко занять мѣсто и повыше.

Русскія дѣвушки у ней выходили великолѣпно, какъ, напримѣръ, въ водевилѣ „Ночное“, Груни въ „Не такъ живи, какъ хочется“; Степки въ „Ямщикахъ“.

Выходимъ мы съ нею какъ-то вмѣстѣ изъ театра послѣ спектакля. Кареты всѣ были въ расходѣ, приходилось ждать.

— Ты куда? спрашиваетъ меня Липовская, обращаясь ко мнѣ на „ты“. Всѣмъ ли она говорила „ты“, или только актерамъ-молодятинкѣ—не знаю.

— Мнѣ налѣво, по Лубянкѣ.

— Такъ пойдемъ вмѣстѣ; меня доведешь; чорта ли ихъ дожидаться то!

— Пожалуйста, я готовъ.

Подалъ я ей руку и потащилъ въ гору. Тяжеленька была, Господь съ нею!

Жила она въ номерахъ на Лубянской площади, недалеко отъ церкви Гребенской Божіей Матери.

— Зайдемъ ко мнѣ, у меня самоваръ готовъ, предлагаетъ она, когда мы подошли къ ея грязненькимъ номерамъ.

— Съ удовольствіемъ, если васъ не обезпокою.

— Ну, вотъ еще! Сказалъ тоже! водочки выпьемъ.

Вошли въ номеръ: маленькій, грязный, съ тараканами...

Коридорный сейчасъ же подалъ самоваръ, появилась водка, объѣдки какой-то закуски. Изъ-за перегородки вышла переодѣтая Липовская, въ ночной кофтѣ.

Первое дѣло налила рюмку и цопнула!

— Наливай себѣ самъ.

Налилъ я и тоже цопнулъ.

Предлагаетъ еще, но я отказываюсь,—чайку стаканчикъ выпилъ и домой.

Непріятное впечатлѣніе вынесъ я изъ этого нечаяннаго визита...

* * *

Прежде чѣмъ оставить мою родную Москву, мой театръ, которому я отдался весь, безраздѣльно, а особенно послѣ шумнаго успѣха моего дебюта въ роли Андрея Титыча, я закончу эту главу встрѣчею съ первою героиней моего личнаго романа, Вѣрой Дмитріевной.

Можетъ быть, найдутся читателя, заинтересовавшіеся ея судьбой?

Спасаясь отъ мужа, она тогда уѣхала за границу. Прошелъ годъ. Она вернулась въ Москву, но вернулась не одна. Узнавши, что я тоже въ Москвѣ, она пріѣхала къ моей матери и оставила свой адресъ. Я, конечно, при первой свободной и удобной минутѣ побѣжалъ къ ней, на Тверскую, въ какой-то переулокъ, разыскалъ № квартиры, подошелъ къ двери, на которой была прибита визитная карточка съ мужскимъ именемъ.

Что это значитъ? Не ошибка ли? Не шутка ли?

Прочиталъ вновь написанный ея рукою адресъ и увѣрился, что ошибки нѣтъ. Даю звонокъ. За дверьми, слышу, поднялась суетня... Замокъ щелкнулъ... дверь отворилась... на порогѣ стояла незабвенная горничная Дунечка...

— Барыня!.. взвизгнула она... Посмотрите, кто къ намъ пришелъ-то!..

Изъ гостиной послышались быстрые, быстрые шаги... Это бѣжала Вѣра Дмитріевна...

— Боже! вы ли это? Какими судьбами?—говорила моя богиня, протягивая руку, которую я поцѣловалъ.

Этотъ возгласъ!.. Это удивленіе!.. Послѣ ею же написаннаго адреса... Все это поразило меня. Осторожность! подумалъ я...

— Собственной персоной... Узналъ, что вы въ Москвѣ, и вотъ... „спѣшилъ, летѣлъ, дрожалъ...“

— Совсѣмъ обактерился... Цитатами такъ и сыплете... Ну, ну... очень, очень рада васъ видѣть... Раздѣвайтесь, идите сюда... побесѣдуемъ... вспомнимъ старину...

Изъ гостиной солидной поступью шелъ представительный красивый брюнетъ, лѣтъ 35, съ длинной выхоленной бородой, кудрявая шевелюра на головѣ,—высматривалъ онъ итальянцемъ, испанцемъ, грекомъ какимъ-то; на немъ былъ черный бархатный пиджакъ, обшитый широкой шелковой тесьмой, бѣлый жилетъ, свѣтлыя брюки по тогдашней модѣ съ лампа-

сами, мягкая обувь, мягкая шелковая палевая сорочка à l'enfant и бѣлый шелковый шарфикъ.

— Рекомендую... Это мой мужъ. Александръ Николаевичъ... А это представляю тебѣ моего юнаго друга, о которомъ я тебѣ такъ много говорила...

— ?!?

Я былъ пораженъ... „Много говорила"! Мужъ? Да вѣдь мужъ у ней другой. Я его отлично знаю... помню... Ничего общаго!..

— Какими судьбами вы отыскали меня?—подводитъ моя богиня подъ меня мину.

Я начинаю врать:

— Да... въ театрѣ я встрѣтилъ одного донецкаго гражданина, который мнѣ и сообщилъ, что вы здѣсь, въ Москвѣ... Я въ адресномъ столѣ навелъ справки, и вотъ...

Весь вечеръ я провелъ у нихъ. Все лѣто, въ каждую свободную минуту я ходилъ къ нимъ. Пріѣзжалъ и отецъ... Все, повидимому, обстояло благополучно... Ничего зазорнаго...

Но... только, повидимому.

Во-первыхъ, Вѣра Дмитріевна страшно похудѣла, очень скверно кашляла, въ голосѣ слышалась сипота; по неприсущей ей сдержанности не было возможности ее узнать. Часто подмѣчалъ я ея задумчивый взглядъ, устремленный въ одну точку... Какой-то гнетъ лежалъ на ней...

Все это мнѣ бросилось въ глаза, но разузнать: въ чемъ суть? Что это значитъ? Какъ? Гдѣ? Зачѣмъ? Почему?—для меня были вопросы, на которые никто мнѣ не давалъ отвѣта...

Но она казалась счастливой. И слава Богу!

Была суббота. Спектакля нѣтъ, репетиціи тоже, я—свободенъ и рѣшилъ вечеръ провести у нихъ.

Вдругъ вижу въ ворота влетаетъ лихачъ-извозчикъ, за которымъ виднѣется милое, доброе, знакомое лицо... Входитъ къ намъ и говоритъ, обращаясь къ матери:

— Голубочка, Варвара Ивановна, угостите старую знакомую чайкомъ... Смерть хочется...

Мать пошла распорядиться, оставя насъ съ глазу на глазъ.

И вотъ тутъ-то она мнѣ все повѣдала.

„Не длиненъ и не новъ разсказъ". Уѣхала она отъ мужа за границу; встрѣтилась тамъ съ А. Н.; сошлись... Гражданскій бракъ былъ тогда въ модѣ, и потому она спокойно рекомендовала: „мой мужъ"!

Умный, красивый, образованный, интеллигентный, съ хоро-

шими средствами, деликатный въ высшей степени, но... съ характеромъ...

Онъ такъ скрутилъ ее, съ дѣтства привыкшую къ вольной-волюшкѣ, своею корректностью, несмотря на весь свой либерализмъ, что она, бѣдняжка, стала чахнуть... гаснуть... испаряться...

Смотря на нее, я думалъ: рыбка въ акваріумѣ... И обстановка, и кормежка, и ноздреватые камни, и морскія травы, и каждый день свѣтлая вода, и лучи солнца Божьяго къ твоимъ услугамъ, а не выживешь!

Нѣтъ, не обманешь! Ни себя, ни меня не обманешь!...

Года не прошло—умерла отъ горловой чахотки.

XXV.

„Вернулся я къ своимъ пенатамъ“: поправлять тетрадки, задавать задачи, оставлять безъ обѣда, участвовать въ спектакляхъ, дуться въ преферансъ, пить водку...

Однимъ словомъ, удовольствій было мало, но нельзя сказать, чтобы они отличались разнообразіемъ...

Какъ говорятъ Молчалинъ и Чацкій въ „Горе отъ ума“:

— „День за день, нынче, какъ вчера...
— Къ перу отъ картъ, и къ картамъ отъ пера,
И положенный часъ приливамъ и отливамъ“...

Повстрѣчалъ я какъ-то городского голову и услыхалъ отъ него такой сюрпризъ:

— А мы на ваше мѣсто нашли другого учителя... Тутъ прошелъ слухъ, что вы поступили на сцену... на большое жалованье...

— Какъ видите, это—сплетни! Поживемъ еще здѣсь и послужимъ.

Оказывается, что побывавшіе на Политехнической выставкѣ мои сограждане и посѣтившіе народный театръ привезли извѣстіе, что я отрекся отъ учительства, поступилъ въ труппу народнаго театра, пользуюсь значительнымъ успѣхомъ; что Ѳедотовъ предлагаетъ мнѣ большое жалованье и сманиваетъ къ себѣ на службу.

Вотъ бы чьими устами медъ пить!.. Теперь надо познакомить читателя еще съ нѣкоторыми моими согражданами, лицами въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ небезынтересными.

Среди нихъ особенно глубоко въ моей памяти запечатлѣлась фигура военнаго врача, доктора медицины Михаила Александровича Разновицкаго.

Запечатлѣлся особенно докторъ Разновицкій потому, что во многихъ отношеніяхъ онъ рѣзко выдѣлялся среди окружавшаго его общества: и ядовитымъ остроуміемъ, и прекраснымъ знаніемъ своего дѣла, и во всякую минуту готовностью явиться на помощь больному, несмотря на мзду, которая ожидала его. Въ то время, какъ другого врача изъ гостей ли, изъ клуба ли не дозовешься, Разновицкій никогда не отказывался посѣтить паціента своего ли, чужого ли—все равно. Разъ его зовутъ, онъ ѣдетъ; ѣдетъ куда угодно, хотя бы въ трущобу; ѣдетъ во всякую погоду; ѣдетъ и днемъ, и ночью.

Ему было лѣтъ 35—37; любилъ поиграть въ карточки, любилъ выпить; разъ дошелъ до того, что въ клубѣ во время танцевъ усѣлся среди зала на полу и сталъ танцующихъ дамъ ловить за мелькавшія ноги. Но, конечно, продѣлывалъ онъ это только съ такими дамами, которыхъ весь городъ откровенно звалъ: Александринъ, Жюли, Надинъ.

И ему все благополучно сходило съ рукъ: очень любило его все общество.

Если бы его въ этотъ моментъ позвали къ больному, онъ не могъ бы отказать, въ такомъ случаѣ онъ сейчасъ же выпивалъ сельтерской воды, — холодной водой мочилъ голову,— заѣзжалъ въ аптеку, что-то принималъ тамъ и ѣхалъ къ больному.

Разъ при такихъ то обстоятельствахъ его утащили къ трудной роженицѣ; болѣе сутокъ онъ пробылъ у нея, благополучно закончилъ свое дѣло, пріѣхалъ домой, легъ спать и проспалъ цѣлыя сутки...

— Трудно вамъ было, Михаилъ Александровичъ, защитить диссертацію на доктора медицины?—какъ-то разъ спрашиваю я его.

— Э! пустяки! Написать—дѣйствительно нелегко, а защитить—ерунда!

— Что вы!.. Не можетъ этого быть...

— Вѣрно вамъ говорю. Да со мной это такъ было: выхожу; меня спрашиваетъ профессоръ: ваша фамилія? Я говорю— Разновицкій. Это вы такъ прекрасно играете на скрипкѣ? Я!—Ну, будьте докторомъ медицины. Вотъ и все.

Мы, конечно, смѣялись, очень хорошо понимая, что камень летитъ въ огородъ скрипача-исправника, одновременно бывшаго съ нимъ въ университетѣ.

Въ женской гимназіи была учительница, Дарья Ивановна Дьячкова; дѣвушка—лѣтъ сорока, но, какъ институтка, частенько разыгрывала изъ себя довольно препотѣшную наивность; внѣшность ея не изъ завидныхъ: фигура неуклюжая, зубы—крупные, желтые, скверные, но обладала недурнымъ голосомъ и умѣла пѣть. Она была въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ женой доктора Разновицкаго и часто бывала у нихъ въ домѣ.

На масленицѣ сидимъ мы съ докторомъ въ клубѣ и играемъ въ преферансъ. Онъ икаетъ.

— Что, или блинковъ плотно поѣли?—спрашиваю я.

— Да, былъ грѣхъ... Тяжесть чувствуется и не знаю, чѣмъ помочь.

— Да вы бы... касторки... совѣтуя я.

— Ка-а-сторки!! Я два часа подрядъ смотрѣлъ на Дарью Ивановну... слушалъ ея пѣніе, и то не дѣйствуетъ, а ты — касторки!...

И вотъ, попуталъ грѣхъ эту Дарью Ивановну...

Было ей за сорокъ! и вдругъ она вздурилась выходить замужъ. Да не подумайте, что какой-нибудь Ѳедоръ Павловичъ Карамазовъ, небрезговавшій даже Лизаветой Смердящей, польстился на эту несомнѣнную дѣвственницу! О, нѣтъ! Сравнительно молодой человѣкъ изъ практичныхъ нѣмцевъ завладѣлъ этою неприступною крѣпостью.

Какъ къ самому близкому человѣку, обращается эта Дарья Ивановна къ Разновицкому съ просьбой быть у ней посаженнымъ отцомъ; тотъ соглашается; обвѣнчали, проводили молодыхъ на вокзалъ, и сами цѣлой гурьбой явились въ клубъ пировать на свой счетъ.

— Что это значитъ, Михаилъ Александровичъ, со свадьбы-то да сюда?

— Это, батенька, была свадьба совсѣмъ необыкновенная; нисколько не похожая на всѣ остальныя свадьбы въ мірѣ...

— Да почему же? Что тутъ необыкновеннаго?

— Да все: ну, вотъ напримѣръ, ты мнѣ скажи, какой концертъ поютъ пѣвчіе, когда невѣста входитъ въ церковь?

— Какой! Обыкновенно поютъ „Гряди, голубица!“.

— Ну, вотъ видишь—а тутъ пѣли „Дивны дѣла Твоя, Господи!“ Обвѣнчались и поѣхали въ Москву... Хорошо, если не будетъ встрѣчнаго поѣзда, а то вѣдь отъ „голубицы-то“, пожалуй, и локомотивъ съ рельсовъ своротитъ! Ты подумай только, сколько жизней искалѣчитъ!

Мы, конечно, хохотали, какъ съумасшедшіе...

— Если бы мнѣ пришлось на ней жениться, то я бы, клянусь, до ночи не дожилъ бы, удавился бы...

Все это на другой же день разнеслось по городу. Далѣе нашлись услужливыя кумушки, передавшія эти слова по возвращеніи ея изъ Москвы, но передали въ смягченномъ видѣ: удавился бы черезъ недѣлю...

Она, въ шутливой формѣ, со смѣхомъ, начинаетъ пенять своему посаженому папашѣ:

— Неужели вы..ы..., мой посаженный оте..е..цъ, такъ о богоданной дочкѣ-то выражались, что чрезъ недѣлю бы послѣ свадьбы удавились?

— Что вы... что вы... Богъ съ вами! испуганно отвѣчаетъ, повидимому, смущенный папаша: никогда я такъ не говорилъ... Я говорилъ: не черезъ недѣлю... а до ночи не дожилъ бы и удавился.

* * *

Не щадилъ Разновицкій въ своихъ выходкахъ ни взяточниковъ, ни воровъ; въ такихъ случаяхъ онъ имѣлъ обыкновеніе разсказывать о всѣхъ ихъ прегрѣшеніяхъ, какъ будто бы онъ самъ все это продѣлывалъ, но общество-то отлично знало, о комъ шла рѣчь.

Напримѣръ, про нѣкоторыхъ членовъ рекрутскаго присутствія при пріемѣ рекрутовъ онъ велъ такой разговоръ:

— Нѣтъ, братъ, нынѣ отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ... Вотъ декабрь еще только подходитъ, а у меня ужъ руки чешутся... А отчего? Привычка, братъ. Чувствуютъ онѣ, подлецы, что скоро сѣнокосъ, ну, и чешутся... Я вѣдь какъ дѣйствую; назначено присутствіе; я пріѣзжаю заблаговременно и въ передней очень долго раздѣваюсь: родственники рекрутовъ ужъ побывали у меня на дому... Мзду-то я съ нихъ содралъ... И на каждой надписалъ: десятка—отъ Синякова; четвертной—отъ Корявова; сотняга—отъ Буфетова...

— Какъ дѣла-то наши, Михаилъ Александровичъ? встрѣчаетъ меня около дверей такимъ вопросомъ Синяковъ.

— И чудакъ ты, какъ я посмотрю: десяткой хочешь отдѣлаться! Нынѣ, братъ, за эту сумму и квартальнаго не укупишь, а я вѣдь докторъ медицины! И ты хочешь на эту малявку меня заманить? Хочешь быть свободенъ, мнѣ Кати не носи!..

И побаивались многіе его языка.

Впрочемъ, такой системы онъ придерживался не всегда, и не со всѣми.

Командиръ резервнаго батальона, въ которомъ служилъ Разновицкій, былъ весь въ рукахъ своего доктора. Наживать ему деньгу отъ батальона можно было только при благодушномъ отношеніи къ нему врача, а иначе дѣло пахло и судомъ. Вотъ съ нимъ ужъ Разновицкій не стѣснялся и въ своихъ выраженіяхъ ни къ какимъ ширмамъ не прибѣгалъ.

Какъ-то лѣтомъ, въ большой праздникъ, пріѣзжаетъ Разновицкій въ клубскій садъ; садимся играть въ карты; вижу, онъ не въ духѣ.

— Что это съ вами, докторъ?

— Да что... скотина Затравинъ сейчасъ возмутилъ меня. Выспаться послѣ обѣда, подлецъ, не далъ... Вызываетъ меня къ себѣ... форменной бумагой... да еще „немедленно"! Что, думаю, за экстренность такая? Ужъ не начальство ли наѣхало? И вдругъ, представьте, пріѣзжаю къ нему, встрѣчаетъ меня такой растерянный и говоритъ:

— Голубчикъ, Михаилъ Александровичъ, научи, что тутъ дѣлать? Еще только середина мая, а ужъ третій солдатъ-мерзавецъ утонулъ...

— Ну, и какой же совѣтъ вы подали?

— Я ему и говорю: я бы на вашемъ мѣстѣ, издалъ такой приказъ по батальону, чтобы никто не смѣлъ къ рѣкѣ подходить, пока не выучится плавать...

— Ну, и что же?

— Очень, дуракъ, благодарилъ и велѣлъ къ завтраму изготовить приказъ.

Много проказъ раздѣлывалъ этотъ хорошій и человѣкъ и докторъ, всего не припомнишь.

* * *

Я, кажется, упоминалъ уже, что мнѣ часто приходилось выступать въ качествѣ чтеца и разсказчика и въ любительскихъ концертахъ, и въ небольшомъ обществѣ своихъ друзей и знакомыхъ. Читалъ я и горбуновскіе разсказы, и драматическіе отрывки, и стихотворенія; успѣхъ никогда меня не оставлялъ. Успѣхъ этотъ я приписывалъ не столько себѣ, сколько авторамъ читанныхъ произведеній. Я всегда умѣлъ удачно выбрать отрывокъ, стихотвореніе, разсказъ. Кстати, не знаю, чѣмъ объяснить такое явленіе: было два брата Горбуновыхъ Орестъ и Иванъ. Иванъ геніальный разсказчикъ на сценѣ, но его печатные разсказы, по-моему, не такъ удачно передаются другими чтецами, какъ разсказы его брата Ореста. По крайней

мѣрѣ мнѣ несравненно легче давались разсказы Ореста, чѣмъ Ивана. Вспомните его разсказы: Гамлетъ, Странники, Чистый понедѣльникъ, Голицынскіе концерты, и др.

Такъ вотъ выборъ чтеній содѣйствовалъ успѣху—это съ одной стороны, а съ другой—чтеніе все-таки болѣе доступно пониманію большинства уѣздной публики. Рояль любили немногіе, скрипку—еще меньше; а пѣніе и чтеніе всегда имѣло успѣхъ.

Это обстоятельство заставляло меня много учить наизусть, такъ что въ концѣ концовъ у меня составился большой и довольно разнообразный репертуаръ.

Наступали святки, и я поѣхалъ въ Москву къ матери. Зашелъ я какъ-то съ двоюроднымъ братомъ въ трактиръ „Саратовъ“ и въ ожиданіи заказаннаго взялъ газету. Читаю объявленіе: извѣстный въ то время цитристъ Бауеръ устраивалъ въ залѣ „Славянскаго базара“ литературно-музыкальные вечера, охотно посѣщавшіеся публикой. Изъ участвовавшихъ въ нихъ артистовъ помню знаменитаго куплетиста, а затѣмъ и прославившагося антрепренера сада „Эрмитажъ“, мага и волшебника М. В. Лентовскаго, скрипача Бабушку, чтеца Григоровскаго, пѣвицъ Енгалычевой и Нелюбовой, остальныхъ что-то не помню.

Такъ вотъ этотъ Бауеръ и напечаталъ въ газетахъ объявленіе, приглашающее артистовъ участвовать въ его вечерахъ.

Развѣ попробовать? подумалъ я.

Сказано-сдѣлано. На другой день отправляюсь къ нему; жилъ онъ гдѣ-то въ переулкѣ, недалеко отъ Чистыхъ прудовъ.

Пошелъ къ нему; принимаетъ. Предлагаю свои услуги, онъ очень радъ; назначаетъ онъ мнѣ за участіе 20 руб.

— То есть... извините, какъ 20 р.?

— Ну, да, за вечеръ, за чтеніе въ двухъ отдѣленіяхъ я вамъ буду платить 20 руб.

Я, конечно, согласился: шутка сказать—20 р. въ вечеръ. Да если я буду ѣздить каждый день, такъ и то у меня много останется. Богатство!

На другой день гляжу, я ужъ и на афишѣ красуюсь!

Наступилъ вечеръ; надѣлъ фракъ, бѣлый галстухъ, пріобрѣлъ перчатки, начистилъ сапоги такъ, что ослѣпнешь... Ну, артистъ, да и только!

Являюсь въ артистическую комнату и застаю въ ней всѣхъ участвующихъ; былъ тутъ и мой соперникъ, Григоровскій;

представился я имъ и былъ принятъ, какъ мнѣ показалось, весьма доброжелательно.

Наступилъ мой номеръ, я вышелъ и смѣло началъ читать боевое въ то время стихотвореніе Пушкарева „Свѣтскіе контрасты“. Кончилъ съ трескомъ, слышу bis; иду, раскланиваюсь; аплодисменты и крики не умолкаютъ. Выхожу другой разъ и читаю „Убогая и нарядная“ Некрасова.

Опять вызовы, и вызовы довольно бурные; выхожу, раскланиваюсь и возвращаюсь въ уборную. А тутъ ужъ приставъ ждетъ меня.

— А вы имѣете разрѣшеніе попечителя учебнаго округа на публичное чтеніе? спрашиваетъ онъ.

— Нѣтъ, не имѣю.

— Такъ я не могу допустить вашего дальнѣйшаго участія...

— Извините,—сконфуженно говорю я, — я этого не зналъ...

Порохъ Лентовскій страшно вспылилъ и набросился на Бауера, зачѣмъ тотъ не предупредилъ меня...

Что-то пошепталъ ему Бауеръ, взялъ меня подъ руку, повелъ въ кассу, уплатилъ мнѣ десять рублей и сказалъ:

— Вы извините меня... Это все подстроено, и я догадываюсь кѣмъ...

Догадался и я, кѣмъ это было подстроено... Взялъ десять рублей, поужиналъ и поѣхалъ домой, а на другой день и совсѣмъ удралъ изъ Москвы...

Тогда Лентовскій за свои куплеты, а Григоровскій за чтеніе, зарабатывали большія деньги. Каждый изъ нихъ былъ одинъ на всю Москву; въ вечеръ-то они, бывало, участвуютъ въ двухъ-трехъ мѣстахъ... Прочитаютъ и на извозчика, а за тѣмъ возвращаются ко второму отдѣленію. Само собою разумѣется, что появленіе соперника должно было отразиться на интересахъ Григоровскаго, который бралъ по 30 рублей за вечеръ...

Однако мысль зарабатывать такимъ путемъ деньги не оставила меня...

Н. Морозовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Курляндская полиція [1]).

Глава VI.

Во главѣ уѣздной полиціи Прибалтійскаго края стоитъ „уѣздный начальникъ“ (исправникъ), у него помощники старшій и 2—3 младшихъ. Они обыкновенно, завѣдуя участками, живутъ въ уѣздномъ городѣ. Но съ особаго разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ тѣ, которые иногда живутъ и въ мѣстечкахъ (въ Гольдингенскомъ уѣздѣ одинъ—въ Фрауэнбургѣ) и тогда онъ соотвѣтствуетъ становому приставу. Далѣе въ городѣ есть городской приставъ, его помощникъ—надзиратель. Наконецъ, штатъ городовыхъ и урядниковъ. Послѣдніе живутъ въ большихъ имѣніяхъ, пользуются отъ барскихъ щедротъ квартирою и всѣмъ прочимъ, что ставитъ ихъ въ весьма зависимое положеніе отъ помѣщиковъ и заставляетъ заискивать у нихъ.

Помимо уѣздной и волостной полиціи, въ Прибалтійскомъ краѣ есть и еще одна „полиція“—мызная. Районъ ея дѣятельности—предѣлы имѣнія; обязанность—слѣдить за батраками Начальникъ мызной полиціи—владѣлецъ имѣнія, арендаторъ. Слѣдовательно, помѣщикъ по отношенію къ своимъ батракамъ, является не только хозяиномъ, но и какъ бы начальникомъ. За рѣдкимъ исключеніемъ, высшіе чины уѣздной полиціи земцы и по большей части бароны. Отсюда вытекаетъ заключеніе, что батраки находятся въ положеніи, такъ сказать, одностороннемъ. Къ тому же ст. 122 XIV тома (уст. о предупрежденіи и пре-

[1]) См. „Русская Старина“, іюль 1913 г.

сѣченіи преступленій) повелѣваетъ: „Полиція имѣетъ попеченіе чтобы молодые и младшіе почитали старшихъ и старыхъ, чтобы дѣти повиновались родителямъ, а слуги своимъ господамъ". „Болѣе младшихъ", какъ батракъ, въ Прибалтійскомъ краѣ нѣтъ. И полиція, по крайней мѣрѣ, съ этого времени „имѣла попеченіе" на законномъ основаніи. Хотя она и должна руководствоваться упомянутымъ томомъ, пересмотрѣннымъ въ 1895 г., но рядомъ съ этимъ, и „данными наказами и инструкціями, такъ и правилами въ семъ уставѣ (XIV т.) опредѣленными". И это, конечно, породило необыкновенную путаницу. Собственнаго закона поэтому для полиціи не существуетъ, его замѣняютъ губернаторскіе циркуляры. Они извѣстны — писали себѣ, что Богъ на душу положилъ. Глубокій знатокъ „помпадуровъ" Щедринъ приводитъ намъ образецъ такого циркуляра: „Господамъ исправникамъ, становымъ приставамъ и урядникамъ, а чрезъ нихъ и прочимъ всякаго званія людямъ. Здравствуйте! А между тѣмъ, что же мы видимъ!!! При формѣ правленія все отъ него исходящее! и обратно туда возвращающе. Что же подлежитъ заключить!? Что сердца начальниковъ радующе, сердца тоже, сердца унывающе... тоже! А между тѣмъ, что же мы видимъ!! Совсѣмъ наоборотъ". И т. д. въ этомъ духѣ. Это сатира, конечно; но, не будь глупости, не было бы и сатиры. Въ доброе старое время писали нѣчто подобное. Теперь циркуляры пишутся гладко. Но развѣ не достоинъ сатиры циркуляръ, отданный уже въ наши дни однимъ г. губернаторомъ приднѣпровскаго города, чтобы при встрѣчѣ съ нимъ всѣ въ городѣ снимали шапки, а при входѣ вставали. Бригадный генералъ стремился завести въ городѣ дисциплину; пусть жители того приднѣпровскаго города будутъ благодарны и за то, что временный ихъ сатрапъ не приказывалъ имъ становиться во фронтъ...

Составъ прибалтійской полиціи, какъ говорилось, пополняется изъ лицъ мѣстнаго дворянства, бароновъ; конечно, побѣднѣе. Хотя, впрочемъ, далеко не всегда; мы знаемъ одного старшаго помощника—владѣльца прекраснаго имѣнія. Всѣ они держатъ себя величественно, одѣты всегда съ иголочки на гвардейскій пошибъ. Люди они безспорно воспитанные, взятокъ не берутъ безусловно. Уѣздный начальникъ величаетъ себя „начальникомъ уѣзда". Перефразировка не важная, но пріятнѣе звучитъ; чуть что не „начальникъ края". Положеніе полиціи въ мѣстномъ обществѣ не приниженное, какъ нашей, кадры которой формируются изъ разныхъ неудачниковъ—недоучекъ. Въ Курляндіи наоборотъ—это тѣ же потомки рыцарей; кость отъ кости дво-

рянской. Сами губернаторы смотрѣли на уѣздныхъ начальниковъ иными глазами. Губ. Зиновьевъ, напр., своими циркулярами вмѣнялъ имъ въ обязанность заниматься главнымъ образомъ внутренней политикой—объединеніемъ русскаго общества съ нѣмецкимъ.

„Начальники уѣздовъ“, подражая своимъ патронамъ для пущей важности писали также циркуляры, не уступавшіе Щедринскому образцу. Съ внѣшней стороны, говорятъ (намъ ихъ читать не приходилось), „это была сплошная грамматическая ошибка, съ внутренней—нѣчто въ высшей степени несуразное“. Сельская полиція изъ латышей должна была читать ихъ, волостныя правленія и мызныя полиціи обязаны были къ тому же выписывать ихъ съ платою по три рубля въ годъ.

Вообще знаніемъ русскаго языка чины курляндской полиціи похвалиться не могутъ, не говоря уже объ умѣніи мало-мальски сносно писать на немъ. Извѣстенъ такой случай. Одному барону, уѣздному начальнику, потребовалось сдать экзаменъ на первый чинъ. Когда ему задали сочиненіе на тему о собакѣ, онъ написалъ: „Собака суть животное“. Дальше, какъ ни думалъ, выдумать ничего больше не могъ. Затѣмъ, его спросили, какая была самая распространенная религія во время процвѣтанія Римской Имперіи; онъ отвѣтилъ: „православная“. Чина, кажется, не получилъ, но „начальникомъ края“ пребываетъ и по днесь.

Образцы грамотности курляндскихъ бароновъ не разъ намъ приходилось видѣть. Къ сожалѣнію, не снялъ копій. Но вотъ, когда наша статья уже была почти окончена, въ газетѣ одной, какъ доказательство ихъ безграмотности по-русски, былъ напечатанъ слѣд. достойный вниманія рапортъ:

„Ея Высокородія господ. гроб. Г. уѣздному начальнику фонъ М.

Рапортъ.

Почтительно мѣю чистъ скоро говорить, что я и баронъ Г. били по дѣламъ у слидуватель другъ стался вереной мени городовой Бурбе и скоро говорить Гольдингеской улица траарѣ ни ознанъ чиливекъ бисъ жизни лежитъ, я скорій со всими пріѣхали верно на камнѣ чиливекъ, голова крови пульсъ не стушитъ пришли убежденія померъ чиливекъ. Я чиливекъ тотъ экстрино посилали больница. Разбойника сичасъ шу савтра рапиртурій хорошо если бо сигодня 2 ч. 6 м. ночи мой письмоводителя нетъ на канцелярой.

24/1. 07. Мл. помощ. 2 уч. баронъ-фонъ Ш.“.

Барона Ш. мы очень хорошо знаемъ — приходилось съ нимъ ѣздить на слѣдствія, обыски. Это во всѣхъ отношеніяхъ почтенный, образованный человѣкъ; полиція такимъ чиновникомъ можетъ только гордиться; служить онъ пошелъ на склонѣ лѣтъ не изъ-за жалованья—человѣкъ онъ обезпеченный, хотя революціонеры и сожгли его мызу. Баронъ Ш. отличается удивительною для своихъ лѣтъ энергіею. Дѣлу усмиренія преданъ фанатически; ради этого, надо полагать, и пошелъ въ полицію, въ рядахъ которой во всякомъ случаѣ ему не мѣсто. Въ разгаръ дѣятельности карательныхъ отрядовъ онъ руководилъ однимъ эскадрономъ подъ начальствомъ юнаго поручика. Ничего предосудительнаго о дѣятельности этого отряда слышать не приходилось.

Сознавая слабыя познанія свои въ русскомъ языкѣ, самъ баронъ Ш. пишетъ въ рапортѣ: „савтра рапиртурій хорошо“, такъ какъ „письмоводителя нѣтъ на канцелярой“. Дѣйствительно, безъ письмоводителя онъ какъ ракъ на мели.

Авторъ анонимной газетной замѣтки, приведшій этотъ курьезный рапортъ, озаглавилъ ее такъ: „Цвѣтокъ Прибалтійской баронской грамотности“. Онъ въ ней между прочимъ въ благородномъ негодованіи пишетъ: „Чтобы дать читающей публикѣ кое-какое понятіе объ *образованности* мѣстныхъ нѣмецкихъ бароновъ, приводимъ здѣсь дословную копію“... И далѣе: „вотъ такіе-то господа руководятъ жизнію и благоустройствомъ края“. И т. д. Словомъ, очень презрительно по адресу „грамотея“. Конечно, незнаніе государственнаго языка непохвально, но авторъ замѣтки, видимо, не знаетъ, что только сравнительно въ очень недавнее время дѣлопроизводство въ правительственныхъ учрежденіяхъ въ Прибалтійскомъ краѣ ведется на русскомъ языкѣ. До того же оно даже въ судахъ велось на нѣмецкомъ языкѣ, который и былъ оффиціальнымъ. Бароны учились въ Дерптскомъ университетѣ по-нѣмецки. Всѣ эти грѣхи противъ русскаго языка лежатъ поэтому на отвѣтственности правительства.

Названная газетная замѣтка написана правильнымъ русскимъ языкомъ—но это не служитъ еще доказательствомъ, напр., безукоризненности автора и его непогрѣшимости въ сужденіяхъ. Въ составѣ Курляндской полиціи помощниками уѣз. начальника служатъ и латыши, но рѣдко и преимущественно тѣ, которые „натурализовались“ въ нѣмцевъ. Русскихъ очень не много—

за все время пришлось встрѣтить только одного помощника русскаго—онъ жаловался горько и говорилъ, что чувствуетъ себя совсѣмъ одинокимъ—товарищъ и начальство какъ бы не признаютъ его за непринадлежность къ ихъ національности. Отъ русскаго для службы въ Курляндской губ. требуется знаніе нѣмецкаго и латышскаго языковъ—безъ чего дѣйствительно здѣсь обойтись невозможно.

Е. А. Альбовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Годы службы моей въ Варшавскомъ учебномъ округѣ и эпизоды рабочаго быта [1].

(Воспоминанія педагога).

Передъ введеніемъ Высочайше утвержденнаго 30 іюля 1871 г. устава гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія была произведена подробная ревизія учебныхъ заведеній попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа Ѳ. Ѳ. Витте, но объ этомъ скажу ниже, а теперь упомяну о нѣсколькихъ выдающихся фактахъ изъ жизни Петроковской гимназіи за время пребыванія моего въ этомъ учебномъ заведеніи.

Самымъ замѣчательнымъ и отраднымъ фактомъ въ жизни Петроковской гимназіи было участіе этого учебнаго заведенія въ торжественномъ вступленіи Императора Александра II, при проѣздѣ Его Величества чрезъ Петроковъ, по Варшавско-Вѣнской желѣзной дорогѣ на пути въ Вѣну. Это былъ первый проѣздъ Государя чрезъ Варшаву послѣ возстанія, да и на этотъ разъ Государь не заѣхалъ въ Варшаву, а съ вокзала Петербургско-Варшавской желѣзной дороги перешелъ на поѣздъ Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги. Въ виду предстоявшаго царскаго проѣзда чрезъ Петроковъ, начались еще заблаговременно приготовленія къ царской встрѣчѣ. Въ тѣ времена чиновникамъ строжайше было воспрещено носить бороду: ношеніе бороды

---

[1]) См. „Русская Старина“, іюль 1913 г.

было признакомъ либеральнаго образа мыслей, но въ Царствѣ Польскомъ чиновники присвоили себѣ это украшеніе, и всѣ, кто считалъ, что ношеніе бороды служитъ ему украшеніемъ, избавляетъ отъ горловыхъ простудъ или отъ излишнихъ хлопотъ бриться, носили бороду. Въ виду же царскаго проѣзда велѣно было скосить злополучныя бороды до основанія и всѣмъ чинамъ, до извѣстнаго класса, имѣть парадные мундиры.

Царская встрѣча происходила по общепринятой въ такихъ случаяхъ программѣ: мѣстныя войска дефилировали предъ Его Величествомъ на узкомъ перронѣ; губернаторъ и высшіе чины администраціи были удостоены представленія Его Величеству. На вокзалѣ же была представлена Его Величеству и депутація отъ лодзинскихъ фабрикантовъ, имѣвшая счастіе поднести Государю тканый по шелку портретъ Его Величества. Государь былъ довольно суровъ, но представленіе фабрикантами Государю Его тканаго портрета привело Его Величество въ веселое расположеніе духа. Дѣло въ томъ, что на портретѣ Государя изобразили съ усами закрученными по-польски. Когда депутація подошла къ Государю съ портретомъ, Его Величество, наклонившись надъ портретомъ, началъ внимательно разсматривать его, затѣмъ сперва закрутилъ одинъ усъ, а потомъ другой, поклонился и отошелъ отъ депутаціи. При приближеніи и отходѣ царскаго поѣзда военный оркестръ игралъ гимнъ, и выстроенный на вокзалѣ гимназическій хоръ пѣлъ народный гимнъ: „Боже, Царя Храни“, подъ управленіемъ глухого на одно ухо учителя пѣнія Яблонскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что пѣніе гимназистовъ ни по подбору голосовъ, ни по искусству не могло обратить на себя ничьего вниманія, тѣмъ болѣе, что въ то время пѣніе гимна происходило въ транскрипціи, приспособленной для исполненія его въ костелахъ, во время торжественныхъ молебствій въ царскіе дни; но констатированъ былъ фактъ, что гимназисты участвовали въ встрѣчѣ Его Величества и пѣли народный гимнъ на русскомъ языкѣ. По отходѣ царскаго поѣзда, была получена изъ Ново-Радомска телеграмма отъ министра императорскаго двора, въ которой было сообщено, что Государь Императоръ всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: благодарить за встрѣчу Его Величества пѣніемъ народнаго гимна.

Другимъ выдающимся фактомъ въ жизни Петроковской гимназіи былъ съѣздъ народныхъ учителей Лодзинской учебной дирекціи въ г. Петроковѣ. Въ лѣтнія каникулы 1872 г. съѣзды были устроены въ Варшавскомъ учебномъ округѣ во всѣхъ

учебныхъ дирекціяхъ. Цѣлью съѣздовъ была, главнымъ образомъ, подготовка учителей начальныхъ училищъ въ познаніяхъ по русскому языку и урегулированіе этихъ познаній. Для занятій съ народными учителями были избраны по нѣсколько представителей среднихъ учебныхъ заведеній по мѣсту пребыванія учбныхъ дирекцій.

Въ Лодзинской учебной дирекціи для занятій на съѣздѣ были избраны учителя Петроковской мужской гимназіи по русскому языку: я и учитель В. Т. Мазюкевичъ, учитель женской прогимназіи Лучицкій и по ариѳметикѣ учитель мужской гимназіи І. Ц. Канскій.

Занятія носили очень элементарный характеръ и состояли по русскому языку, главнымъ образомъ, въ чтеніи и пересказѣ прочитаннаго. Больше отъ учителей и трудно было желать, по русскому языку, такъ какъ существовавшія въ то время требованія по русскому языку отъ учителей начальныхъ училищъ были очень элементарны, подтвержденіемъ чего можетъ служить программа для испытанія лицъ, ищущихъ званія учителей народныхъ училищъ, напримѣръ, по Калишской учебной дирекціи.

Вотъ каковы были требованія по русскому языку: 1) правильное произношеніе русскихъ буквъ и употребленіе по преимуществу буквъ і, и, й, е, ѣ, э; 2) чтеніе печатныхъ книгъ и рукописей (могутъ быть терпимы небольшія ошибки въ удареніи); 3) письмо, отчетливо, по диктовкѣ (и тутъ можно оказывать снисхожденіе къ небольшимъ ошибкамъ въ правописаніи); 4) пониманіе прочитаннаго и написаннаго на столько, чтобы экзаменующійся могъ перевести это на польскій языкъ (нѣмецъ на нѣмецкій). Удареніе звуковое и изобразительное въ книгѣ или въ письмѣ. Неудивительно, что познанія прибывшихъ на съѣздъ учителей были по русскому языку очень неудовлетворительны и занятія съ ними состояли, главнымъ образомъ, въ чтеніи по удареніямъ, пересказѣ прочитаннаго и письмѣ подъ диктовку, при чемъ чтеніе по удареніямъ доставляло столько же трудностей учителямъ гимназіи при занятіяхъ съ народными учителями, сколько и съ учениками гимназіи, съ тою только разницею, что на этотъ разъ приходилось имѣть дѣло не съ дѣтьми, а часто съ почтенными, уже сѣдовласыми особами, и потому требовался особый тактъ и умѣніе щадить ихъ самолюбіе. Вообще руководители на съѣздѣ, кромѣ чтенія, письма по русскому языку, и элементарныхъ свѣдѣній изъ ариѳметики, другихъ задачъ не ставили себѣ.

Кстати, разскажу одинъ эпизодъ, имѣвшій мѣсто во время учительскаго съѣзда. Съѣздъ происходилъ съ конца мая по конецъ іюня. 30 мая 1872 года всею Россіею праздновался 200-лѣтній юбилей рожденія Петра Великаго. Въ Петроковѣ это событіе, кромѣ молебствія, не было отличено никакими торжествами. Народные учителя присутствовали на молебствіи въ костелѣ, учебный персоналъ въ церкви. Послѣ молебствія учителя были собраны въ гимназіи, гдѣ имъ было разъяснено значеніе празднуемаго событія и изложены были важнѣйшія дѣянія великаго преобразователя Россіи. Сами педагоги рѣшили чѣмъ-нибудь ознаменовать этотъ день и вечеромъ собраться вмѣстѣ. Я пригласилъ всѣхъ къ себѣ. На балконѣ моей квартиры, выходящей на главную улицу Петрокова, красовался бюстъ Петра В., а вечеромъ ярко горѣло электрическое солнце, устроенное учителемъ физики Канскимъ. Просто и задушевно провели педагоги памятный для Россіи день. Около полуночи пошелъ проливной дождь, продолжавшійся довольно долго, такъ что гости могли отправиться домой не раньше второго часа ночи. На улицѣ была страшная темь, ибо населеніе Петрокова не было пріучено къ роскоши освѣщать улицы цѣлую ночь. За неимѣніемъ подъ рукою обыкновеннаго фонаря, педагоги довольно необдуманно рѣшили взять съ собою для освѣщенія дороги электрическій фонарь, не принявъ во вниманіе, что свѣтъ этого фонаря будетъ настолько силенъ, что можетъ обезпокоить тѣхъ обывателей города, мимо оконъ которыхъ будутъ проносить фонарь.

Хотя педагоги спокойно проходили по Петербургской улицѣ, но свѣтъ фонаря былъ замѣченъ во многихъ квартирахъ, и даже губернаторъ Кохановъ, при утреннемъ докладѣ полицеймейстера Алексѣенко, спрашивалъ о необычайномъ свѣтѣ на улицѣ. Полицеймейстеръ авторитетно отвѣтилъ, что это, молъ, педагоги, послѣ празднованія юбилея Петра В., торжественно провожали до литовской гостиницы Крота. Тернавскаго, за его жирныя руки съ короткими пальцами, всѣ называли кротомъ; объ этомъ, кажется, было извѣстно ему самому.

Въ одномъ только неправъ былъ полицеймейстеръ: Тернавскій былъ человѣкъ очень скромный, врагъ всякихъ почетовъ, ухаживаній и заискиваній, и сами педагоги, взявши съ собою для освѣщенія дороги электрическій фонарь, не имѣли въ виду оказать этимъ особый почетъ и торжественность проводамъ Тернавскаго. Мысль о торжественныхъ проводахъ петроковскими педагогами Тернавскаго могла прійти въ голову поли-

цейместеру потому, что въ то время многіе русскіе чиновники Царства Польскаго, даже не особенно сановные, требовали себѣ особаго почета. Бывшій въ Лодзи, вскорѣ послѣ возстанія, военнымъ начальникомъ баронъ Бремзенъ не противился тому, что въ день рожденія его и его жены въ городѣ зажигалась иллюминація; если онъ предполагалъ быть въ театрѣ, то до его прибытія не начинали спектакля.

Когда онъ появился въ ложѣ, оркестръ игралъ народный гимнъ, и начиналось представленіе. Исполненіемъ народнаго гимна, даже не въ установленное время, имѣлось въ виду нѣсколько ассимилировать нелояльныхъ поляковъ, такъ какъ для истиннаго польскаго патріота уже самый фактъ присутствія при исполненіи народнаго гимна былъ противенъ его чувствамъ. Въ Варшавѣ польская публика избѣгала бывать въ театрахъ въ царскіе дни, потому что предъ началомъ спектаклей во всѣхъ театрахъ исполнялся народный гимнъ. Много лѣтъ спустя, когда наступили опять неспокойныя времена въ Варшавѣ, публика устраивала въ этихъ случаяхъ недвусмысленныя демонстраціи: до исполненія гимна публика не входила въ залъ, а гуляла въ фойэ и по коридорамъ, по окончаніи же гимна наполняла театръ. Если считать, что требованіе Бремзеномъ оказыванія ему, какъ представителю власти, особыхъ почестей имѣло идейный характеръ, то во многихъ другихъ случаяхъ такія требованія были слѣдствіемъ высокаго о себѣ мнѣнія чиновниковъ или подобострастія подчиненныхъ предъ начальствомъ.

Такъ инспекторъ губернской прогимназіи, по случаю прибытія начальника дирецкіи, иллюминовалъ садъ при училищѣ, разставилъ въ саду пѣвчихъ и музыкантовъ и, при входѣ начальства въ садъ, встрѣтилъ его пѣніемъ сочиненной по этому случаю кантаты и маршемъ. Иногда такія почести начальству имѣли просто кощунственный видъ; такъ въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ Царства Польскаго 11 іюля, въ день св. Ольги, когда не полагалось иллюминаціи, таковая зажигалась въ городѣ, потому что въ семьѣ уѣзднаго начальника въ этотъ день праздновались именины близкаго ему существа.

Заканчиваю мои воспоминанія о времени службы моей въ Петроковѣ изложеніемъ обстоятельствъ произведенной попечителемъ Витте подробной ревизіи Петроковской гимназіи,—послѣдней предъ введеніемъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Варшавскаго учебнаго округа Высочайше утвержденнаго закона 1871 г. устава гимназій и прогимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и окончательнаго слія̀нія учебныхъ заведеній

Царства Польскаго съ соотвѣтствующими имъ учебными заведенія Имперіи. Попечитель Витте прибылъ въ Петроковъ ранней весной и оставался въ городѣ нѣсколько дней; побывалъ онъ на урокахъ во всѣхъ классахъ почти по всѣмъ предметамъ и знакомился съ письменными работами учениковъ по русскому языку.

Познаніями учениковъ, особенно по русскому языку, попечитель остался вполнѣ доволенъ, благодарилъ учителей, быть на званомъ обѣдѣ у инспектора гимназіи Солнцева, на который были приглашены всѣ русскіе преподаватели; въ послѣдній день передъ отъѣздомъ былъ на вечернемъ чаю у настоятеля собора и законоучителя гимназіи К. Е. Рышкова. На вечернемъ собраніи у священника Рышкова попечитель былъ особенно радушно настроенъ и со всею полнотою разъяснилъ педагогамъ свои планы относительно предстоящаго съ началомъ $187^3/_4$ уч. г. примѣненія къ классическимъ гимназіямъ и прогимназіямъ Варшавскаго учебнаго округа Высочайше утвержденнаго 30 іюля 1871 г. устава гимназій и прогимназій и связанныхъ съ этимъ перемѣнъ въ личномъ составѣ гимназій, согласно утвержденнымъ 30 апрѣля 1873 г. штатамъ гимназій и прогимназій Варшавскаго учебнаго округа. При этомъ попечитель Витте торжественно заявилъ, что онъ настолько остался доволенъ состояніемъ Петроковской гимназіи и дѣятельностью русскихъ преподавателей гимназіи, что считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ наградить каждаго изъ нихъ согласно заслугамъ и лѣтамъ службы. Обращаясь къ инспектору Солнцеву, Ѳ. Ѳ. Витте сказалъ „васъ, Семенъ Ѳедоровичъ, я представлю на должность директора Петроковской гимназіи, обоихъ учителей русскаго языка назначу инспекторами гимназій, а Николая Михайловича Луцицкаго завѣдывающимъ женскою гимназіей“.

Обѣщанною намъ попечителемъ перспективою мы были польщены и обрадованы и благодарили его превосходительство за высокую оцѣнку нашихъ трудовъ и нашей скромной дѣятельности.

В. А. Смородиновъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Московскій митрополитъ Геронтій.

Въ полувѣковое почти государствованіе Іоанна III во главѣ церковнаго управленія стояло пять митрополитовъ. Хотя изъ нихъ, какъ имѣвшихъ извѣстное историческое значеніе, можно отмѣтить не болѣе двухъ, однако, вообще говоря, церковь имѣла замѣчательныхъ представителей. Строгое православіе Великаго Князя выдвигало на первый планъ религіозные интересы болѣе, чѣмъ когда-либо. Естественно, что и носители ихъ, церковная іерархія, получали очень важное значеніе и были люди далеко недюжинные. Такіе, какъ ростовскій архіепископъ Вассіанъ, младшій его современникъ, архіепископъ новгородскій Геннадій; Филоѳей еп. пермскій; представители монашества: Паисій троицкій, Іосифъ волоколамскій, Нилъ сорскій и многіе другіе были, можно сказать, знаменитостями іоаннова царствованія. Все это были люди несомнѣнно даровитые, по своему времени—просвѣщенные, отличавшіеся сильнымъ характеромъ и кипучей дѣятельностью. Казалось, сама судьба готовила ихъ къ высокому положенію, но ни одинъ изъ нихъ въ дѣйствительности не пошелъ далѣе епархіальнаго владыки, а иные занимали совсѣмъ скромныя мѣста. Между тѣмъ первосвятительство находилось въ рукахъ положительно лицъ второстепенныхъ, и это нужно сказать не только о Ѳеодосіи, Филиппѣ, Симонѣ, но и о Геронтіи и Зосимѣ. И если Геронтій оставляетъ о себѣ память, то какъ человѣкъ, который, не понимая теченій современной жизни, думалъ остановить исторію и пренебречь законы, управлявшіе ею. Борьба его съ

государственной властію была сплошной ошибкой человѣка недальновиднаго, давшей прежде всего печальные результаты для самой церкви; борьба же съ только-что зарождавшейся живой мыслію въ московскомъ обществѣ свидѣтельствуетъ объ умственной неразвитости и неспособности митрополита подняться выше интересовъ повседневной жизни.

Дѣятельность Геронтія такимъ образомъ была отрицательнаго характера, и съ этой точки зрѣнія она составляетъ достояніе исторіи.

I.

До занятія митрополіи Геронтій былъ самый обыкновенный архіерей. Хотя полная неизвѣстность, которая скрываетъ отъ насъ происхожденіе и первые шаги его дѣятельности, есть общая участь всѣхъ, выбившихся изъ низовъ людей, все-таки таланту, незаурядной по крайней мѣрѣ личности, при Іоаннѣ III легко было заявить о себѣ если не въ качествѣ симоновскаго архимандрита, то въ санѣ епископа коломенскаго. Между тѣмъ до 1473 года, когда Геронтій занялъ митрополію, слѣдовательно, цѣлыхъ двадцать лѣтъ, современникъ вспоминаетъ о немъ лишь тогда, когда по канонамъ церкви было необходимо присутствіе его, напр.: при поставленіи и избраніи митрополита и того или другого іерарха. Незамѣтно и замѣчательно было управленіе Геронтія коломенской епархіей; незамѣтно и неожиданно онъ становится во главѣ русской церкви.

Предшественникъ его, великаго смиренія и благочестія человѣкъ, м. Филиппъ I неожиданно скончался въ апрѣлѣ 1473 г.

Для выбора и поставленія новаго первосвятителя въ томъ же мѣсяцѣ въ Москву съѣхались епископы московской митрополіи. Повидимому, сомнѣнія не могло быть въ томъ, что этотъ высокій постъ предоставятъ архіепископу ростовскому Вассіану, царскому духовнику и во всѣхъ отношеніяхъ достойному іерарху, но избраннымъ оказался Геронтій. До сего времени неизвѣстный, не отличавшійся высокимъ умомъ, малокнижный, Геронтій всего менѣе былъ пригоденъ для митрополіи, и лѣтописецъ не знаетъ, какъ произошелъ его выборъ. Однако, историкъ не можетъ, подобно лѣтописцу, пройти молчаніемъ этотъ фактъ, не попытавшись его объяснить, потому что вмѣстѣ съ тѣмъ, если ему удастся приподнять хотя край завѣсы, скрывающей прошлое, онъ освѣтитъ и всю совокупность событій даннаго времени, остающихся совершенно въ тѣни. Итакъ необходимо обратиться къ побочнымъ обстоятельствамъ, на кото-

рыхъ, какъ на общемъ фонѣ, и могла вырисоваться фигура Геронтія—митрополита.

Въ правленіе Іоанна видное участіе въ дѣлахъ принимала мать его, Великая Княгиня Марія. Лѣтописцы достаточно говорятъ о вліяніи ея на сына, который въ важныхъ случаяхъ политической и своей личной жизни прибѣгалъ къ совѣтамъ этой много видѣвшей и испытавшей женщины. Нѣтъ ничего удивительнаго, что и при избраніи новаго митрополита дѣло не обошлось безъ ея указаній. Несомнѣнно, что Геронтій былъ извѣстенъ московскому двору уже четверть вѣка—сначала какъ архимандритъ Симонова монастыря (съ 1447 года), а потомъ какъ епископъ коломенскій (съ 1453 года). Какъ онъ пріобрѣлъ себѣ расположеніе великокняжеской семьи, по крайней мѣрѣ, Великой Княгини,—трудно сказать. Могло быть такъ, что во время усобицы, происходившей между Василіемъ II и Василіемъ Шемякой, когда вопросъ о московскомъ престолѣ былъ рѣшенъ окончательно духовенствомъ въ пользу Темнаго, Геронтій, тогда лишь Симоновскій настоятель, особенно заявилъ себя сторонникомъ послѣдняго, почему Великій Князь и его супруга питали къ нему особую пріязнь. Какъ бы то ни было, но пріязнь эта во всякомъ случаѣ существовала и, повидимому, была давней. Неизвѣстно, съ какого времени при дворѣ Княгини-матери образовался кружокъ близкихъ людей, въ которомъ видимъ: дядю государя, добродушнаго верейскаго князя Михаила Андреевича, нѣкоторыхъ бояръ, и особенно среди нихъ бросается въ глаза одно лицо, встрѣчающееся сначала въ качествѣ игумена Кирилло—Бѣлозерскаго монастыря, а потомъ епископа суздальскаго—Нифонта. Къ этому Нифонту Великая Княгиня питала глубокое почтеніе и довѣріе; съ нимъ же въ очень близкихъ отношеніяхъ былъ и князь Михаилъ. Кружку не былъ чуждъ и Геронтій, потому что не менѣе близкая дружба связывала его съ княземъ Михаиломъ Андреевичемъ, какъ и съ Нифонтомъ. Вотъ въ общемъ картина взаимоотношеній, которая, кажется, достаточно уясняетъ путь, приведшій Геронтія къ митрополичьей каѳедрѣ.

Понятно, что Великая Княгиня, возвышая Геронтія, не шла противъ воли Іоанна [1]). Государь, вѣроятно, думалъ найти въ немъ такого же смиреннаго митрополита, какимъ онъ зналъ его въ санѣ епископа. Этимъ же соображеніемъ отчасти, нужно

[1]) Татищевъ. Истор. Россійск., ч. V, подъ 1473 г. въ Чт. Общ. Ист. Др., 1847, № 4.

думать, руководился и соборъ, видѣвшій въ Геронтіи также избранника Княгини-матери, а главное рѣшающее значеніе въ его глазахъ имѣло настроеніе будущаго первоіерарха.

Въ описываемое время въ жизни русскаго общества готовилась большая перемѣна. Вѣковое традиціонное господство авторитета въ области мысли стало постепенно смѣняться стремленіемъ къ самонаблюденію и самодѣятельности. Московскіе люди въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, чувствуя неудовлетворенность книжной мудростью, единственной своей руководительницей, стараются сами, своимъ умомъ, дойти до истины и не успокоиваются до тѣхъ поръ, пока не подыскиваютъ твердыхъ началъ при рѣшеніи извѣстныхъ вопросовъ. Критика всего того, что когда-то составляло основу религіозно-моральной и умственной жизни, своего рода „переоцѣнка цѣнностей“, вотъ что теперь почитается необходимымъ со стороны новаго зарождавшагося движенія. Великій Князь всецѣло примыкаетъ къ нему. Онъ окружаетъ себя сочувствующими и готовыми содѣйствовать его просвѣтительнымъ стремленіямъ людьми, принадлежащими къ разнымъ классамъ общества, не исключая духовенства и монашества. Изъ среды того и другого вышли: архіепископъ Вассіанъ, его преемникъ архіеп. Іоасафъ, архим. Геннадій, Паисій троицкій, Нилъ сорскій. При несомнѣнномъ своемъ правовѣріи, они, однако, далеко расходились въ пониманіи сущности православія съ тѣми, которые почитали себя его столпами. Послѣдніе были предтечами и плоть отъ плоти современниковъ п. Никона, своей кровію защищавшихъ „азы“ и въ нихъ видѣвшихъ спасеніе. Какъ они должны были смотрѣть на тѣхъ, которые не считали за грѣхъ разрѣшать питье богоявленской воды послѣ принятія пищи и не видѣли въ томъ ея „безчестія“, или же учили о „посолонномъ“ хожденіи, т.-е. смотрѣли на обрядъ, какъ на обрядъ, а не какъ на непогрѣшимую истину? Съ точки зрѣнія ихъ подобныя лица были опасными новаторами и разрушителями церкви, а вѣдь такимъ именно и былъ Вассіанъ. Можно ли было, поэтому, ставить его во главѣ церкви и не значило ли это предать ее конечному разрушенію? Вассіанъ, слѣдовательно, даже при поддержкѣ Великаго Князя, митрополитомъ быть не могъ, а могъ имъ быть Геронтій, рѣшительно осудившій эти новшества.

Новому митрополиту сразу же приходилось становиться въ оппозицію въ ожиданіи борьбы, и борьбы серьезной, ибо, силою вещей, потомъ къ разногласіямъ чисто отвлеченнаго характера, присоединяется новый факторъ, несравненно болѣе могуществен-

ный, чѣмъ первый,—это вопросъ объ отношеніи церкви къ государству. Правда, прежнія вѣковыя начала достаточно опредѣлили ихъ взаимодѣйствіе, но теперь было не то; теперь наступало время московскаго единодержавія,—принципъ, который не терпѣлъ никакихъ стѣсненій, въ томъ числѣ и церковныхъ. Итакъ, съ одной стороны первоіерархъ, опирающійся на іерархическій и монашескій сонмъ, Княгиня-мать и другіе сильные люди, а съ другой—единичныя личности, одаренныя, просвѣщеннѣйшія, широтою своихъ воззрѣній возвышавшіяся надъ современниками на нѣсколько головъ при могущественной поддержкѣ самого Государя. Ясно, что послѣдній противникъ былъ опасный и его нельзя было обезоружить однимъ авторитетомъ, какъ думалъ Геронтій, и что обнаружилось на первыхъ же порахъ его первосвятительства. Для побѣды надъ такимъ противникомъ нужно было его же оружіе: сила довода и разумнаго обоснованія и строгое различеніе небеснаго отъ земного, чего не хотѣли и не могли признать ни митрополитъ, ни его единомышленники, въ силу чего борьба и была проиграна ими. Къ сожалѣнію, подробностей ея современники не оставили намъ. Впрочемъ, невозможно требовать отъ лѣтописца начертанія послѣдовательной, шагъ за шагомъ развертывающейся, картины отношеній, постепенно осложнявшихся. Многія интимныя черты изъ жизни обѣихъ сторонъ несомнѣнно были скрыты отъ него и остались неизвѣстны. Что дѣйствительно въ лѣтописномъ повѣствованіи существуетъ весьма значительный пробѣлъ, уничтожающій даже связь между отдѣльными эпизодами борьбы, это ясно. Лѣтописецъ останавливается лишь на такихъ выступленіяхъ партій, которыя были общеизвѣстны, хотя истинныхъ причинъ ихъ онъ не знаетъ и потому оставляетъ неуясненными. Такой именно характеръ носитъ его разсказъ о первомъ столкновеніи Геронтія съ Вассіаномъ и Великимъ Княземъ.

Столкновеніе вышло изъ-за Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Обитель эта издавна находилась въ вѣдѣніи ростовскаго архіепископа. Въ 1476 году сюда былъ присланъ новый игуменъ, нѣкій Нифонтъ, а съ нимъ явились и новые „чернцы“, которые, вмѣстѣ съ игуменомъ, были почему-то недовольны Вассіаномъ и рѣшили совсѣмъ освободиться отъ его власти. „Тіи бо чернцы Кирилова монастыря, превозносящеся своимъ высокоуміемъ суетнымъ и богатствомъ, не восхотѣша быти подъ правдами ростовскія епископіи, ни повиноватися ростовскому архіепископу и научиша Князя Михаила, Князь же Михаилъ начатъ о томъ говорити митрополиту, митрополитъ же, пови

нуся Князю Михаилу, и грамоту даде ему, чтобы Князю Михаилу вѣдати монастырь, а ростовскому архіепископу въ его не вступатись“ [1]). Но Вассіанъ не таковъ былъ человѣкъ, чтобы могъ уступить да еще при явномъ нарушенін каноническихъ правилъ. Онъ пожаловался на самоуправство митрополита Великому Князю и просилъ разсмотрѣть дѣло соборнымъ порядкомъ. Тогда Государь частнымъ образомъ старается убѣдить Геронтія отказаться отъ необдуманнаго поступка: „Отче, азъ не вступаю въ твою власть, имаши бо надъ церковію всею и надъ всѣми служащими, то ихъ монастыри устрояти, беречи и научати, и ихъ суди: а зане церкви и монастыри устроены и снабжены отъ предковъ нашихъ, великихъ князей и мѣстныхъ князей и дворянъ, и отъ градовъ, то не имаши власти ихъ кому отдавати... ино то не годится“. „Но митрополитъ же со гнѣвомъ отрече, яко онъ имать власть надъ всѣми монастыри и волостми ихъ“ [2]). Послѣ этого собрался соборъ (въ 1478 году). Великій Князь вытребовалъ у Михаила Верейскаго митрополичью грамоту, которая и была представлена на соборное разсмотрѣніе. „Многу взысканію бывшу, замѣчаетъ лѣтописецъ, митрополитъ же убояся соборнаго суда и умоли Великаго Князя. Князь же великій умири митрополита съ архіепископомъ, а грамоту изодравъ, а Кирилловъ монастырь указаша вѣдати по старинѣ ростовскому архіепископу“ [3]). „Все же и зло бысть отъ тогда бывшаго Кирилловскаго игумена, новоначальнаго Нифонта, и отъ новоначальныхъ чернцовъ“, заключаетъ лѣтописецъ.

Послѣдуемъ указанію источника и остановимся на „новоначальномъ“ игуменѣ—главномъ виновникѣ, по убѣжденію лѣтописца, происшедшаго „зла“. Уяснить, что это была за личность, игуменъ Нифонтъ—вообще не легко, ибо и о немъ имѣются одни лишь намеки, случайные штрихи, не болѣе. Отправной точкой для сужденій о немъ можетъ служить единственно слѣдующее.

Незадолго до столкновенія Геронтія съ Вассіаномъ, Княгиня-мать рѣшила принять монашество, и 2 февраля 1478 года она, дѣйствительно, была пострижена въ Москвѣ именно Нифонтомъ [4]). Тотъ фактъ, что чинъ постриженія былъ совершенъ

---

[1]) Татищевъ, op. cit., подъ 1477 г.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же, стр. 202.

никѣмъ другимъ, какъ имъ, призваннымъ для этого изъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, ясно говоритъ объ особомъ уваженіи къ нему со стороны Великой Княгини. Съ другой стороны, такимъ же значеніемъ, если не бо́льшимъ, этотъ игуменъ пользовался и у Князя Михаила Андреевича Верейскаго. Послѣдній, связанный родственными узами съ московскимъ великокняжескимъ домомъ, былъ своимъ человѣкомъ во дворцѣ и, кажется, главнымъ образомъ, для Княгини-матери. Къ сожалѣнію, мы не можемъ опредѣленно сказать ни того, какъ Нифонтъ пріобрѣлъ ихъ расположеніе, ни того, гдѣ они его узнали. Однако, прочныя отношенія, установившіяся между Княгиней, Княземъ Михаиломъ и Нифонтомъ, указывающія на давнее знакомство, даютъ основаніе утверждать, что сблизились они въ Москвѣ. Нужно думать, Нифонтъ былъ московскимъ старожиломъ. Такъ какъ современники до этого момента его не знаютъ, а въ качествѣ простого монаха приблизиться ко двору онъ едва-ли могъ, то остается допустить, что Нифонтъ принадлежалъ къ московскому и даже придворному духовенству и былъ духовникомъ Великой Княгини, ибо только этимъ можно объяснить фактъ постриженія ея настоятелемъ Кирилловскаго монастыря. Пользуясь доступомъ въ царскія палаты, Нифонтъ здѣсь же могъ познакомиться съ Княземъ Михаиломъ Андреевичемъ и пріобрѣсти его полное довѣріе. Нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, что Нифонтъ, по убѣжденію Княгини-матери и Князя Михаила, принялъ самое монашество съ условіемъ сдѣлаться настоятелемъ Кирилло-Бѣлозерской обители. На это какъ будто указываютъ слова лѣтописца, называющаго Нифонта „новоначальнымъ“: ихъ можно понимать не только въ смыслѣ недавно получившаго власть, но и въ смыслѣ недавняго постриженія.

Высокое покровительство, которымъ располагалъ Нифонтъ, приводило его къ „высокоумію“. Сознаніе своей силы необыкновенно надмевало новаго игумена. Онъ находилъ для себя старые порядки, которые утвердились здѣсь еще со времени преподобнаго Кирилла, основателя монастыря, крайне стѣснительными, и прежде всего—зависимость свою отъ ростовскаго архіепископа.

Нельзя думать, что недовольство Вассіаномъ вызвано было какими-нибудь принципіальными соображеніями; лѣтописецъ прямо говоритъ, что „брань“ произошла „отъ прихожихъ смутовъ“, которая можетъ быть развилась на почвѣ личныхъ счетовъ. Если предположеніе, что Нифонтъ былъ когда-то близокъ

ко двору, вѣрно, то возможно допустить столкновенія между нимъ и Вассіаномъ, происшедшія именно въ это время.

„Новоначальный“ повелъ интригу противъ ростовскаго владыки издалека. Дѣйствуя на добродушнаго Князя Михаила Андреевича, онъ уговорилъ его искать свои ктиторскія права на монастырь; митрополитъ же, „повинуясь Князю Михаилу“, удовлетворилъ его искательство. Что Князь здѣсь игралъ пассивную роль и нисколько не былъ заинтересованъ въ дѣлѣ, это ясно само собою. Напрасно только лѣтописецъ постарался изобразить поведеніе Геронтія въ такомъ невинномъ видѣ: упорство, съ которымъ послѣдній отнесся къ требованію даже Великаго Князя, желавшаго урезонить его и ввести въ законныя границы, слишкомъ доказательно говоритъ о противномъ. Очевидно, мысль нанести ударъ Вассіану занимала митрополита не менѣе, чѣмъ самого Нифонта; потому что идти на крупнѣйшую непріятность ради „высокоумаго“ игумена онъ, конечно, не рѣшился бы.

Итакъ, помимо личныхъ отношеній, которыя могли побудить Нифонта устроить „зло“, необходимо должны были быть и другія, болѣе серьезныя причины. И ихъ нетрудно указать, если припомнимъ условія, при которыхъ произошло избраніе Геронтія и о которыхъ говорилось выше. Къ какой же изъ указанныхъ партій могъ принадлежать Нифонтъ? Изъ послѣдующей дѣятельности его, уже въ санѣ суздальскаго епископа, когда въ Москвѣ шла сильная борьба религіозно-церковныхъ направленій, извѣстно [1]), что онъ ратовалъ вмѣстѣ съ Іосифомъ волоцкимъ, а это прямо говоритъ о принадлежности Нифонта къ сторонникамъ митрополита. Но партія эта должна была стремиться къ устраненію своихъ противниковъ; поэтому выступленіе ея противъ главы послѣднихъ является логически послѣдовательнымъ и необходимымъ. Побѣда надъ Вассіаномъ была важна не тѣмъ только, что она уничтожала лично непріятнаго митрополиту человѣка, а еще и тѣмъ, что въ лицѣ архіепископа наносился ударъ самому направленію и косвенно—Великому Князю, поддерживавшему его. Слѣдовательно, въ общемъ планѣ дѣйствій Геронтія Нифонтъ игралъ лишь служебную роль.

Выступая противъ Вассіана, митрополитъ вполнѣ былъ увѣренъ въ своемъ торжествѣ. Эту увѣренность питали въ немъ: Княгиня-мать и Князь Михаилъ Андреевичъ. Нѣтъ сомнѣнія,

---

[1]) См. нашу стат. въ „Богослов. Вѣстн.“ (1905 г., октябрь): „О мнимомъ еретич. м. Зосимѣ“.

что онъ разсчитывалъ и на поддержку сослужителей-архіереевъ, зная общее настроеніе ихъ по отношенію къ ростовскому владыкѣ. Насколько Геронтій полагался на нихъ, можно заключить уже потому, что онъ рѣшился довести дѣло до соборнаго обсужденія и только здѣсь, послѣ бурныхъ дебатовъ, ведшихся совсѣмъ не въ его пользу („многу взысканію бывшу... и убояся соборнаго суда"), понялъ, какъ ошибочны были его надежды на епископовъ и какъ онъ былъ недальновиденъ. И дѣйствительно: нужна ли была особая проницательность, чтобы видѣть, какъ отнесутся къ нарушенію своихъ правъ владыки? А вѣдь митрополитъ, посягая на прерогативы одного епископа, хотя бы ростовскаго, не создавалъ ли тѣмъ прецедентъ для будущихъ проявленій своего самовластія и по отношенію къ другимъ владыкамъ?

Конечно, они должны были возстать противъ подобной узурпаціи, и возстали („...умоли (Геронтій) Великаго Князя: Князь же велики умири митрополита со архіепископомъ"...).

II.

Происшедшее примиреніе не было, да и не могло быть искреннимъ! Согласіе было лишь наружное, и стоило только представиться удобному случаю, чтобы скрытая вражда обнаружилась снова.

Случай представился не далѣе, какъ въ слѣдующемъ же 1479 году. Еще м. Филиппъ взялъ на себя заботу возобновить древнюю каѳедральную церковь Успенія Пр. Богородицы, построенную Великимъ Княземъ Іоанномъ I Калитою. Стройка, веденная неумѣлыми русскими мастерами, кончилась тѣмъ, что церковь развалилась. Призванный изъ-за границы „веніційскій муроль", извѣстный строитель Аристотель, соорудилъ великолѣпный храмъ, уже при Геронтіи, „вельми чудный величествомъ, и высотою, и свѣтлостью, и звонностью, и пространствомъ" [1]). 12 августа 1479 года съ особеннымъ торжествомъ храмъ былъ освященъ въ присутствіи Великаго Князя митрополитомъ Геронтіемъ, архіепископомъ Вассіаномъ и двумя епископами въ сослуженіи „всего московскаго священнаго собора". Освященіе было торжествомъ для всей столицы: была „радость велія во градѣ Москвѣ". Великій Князь приказалъ раздать обильную милостыню по монастырямъ и нищимъ, а для высшаго духовенства устроенъ былъ обѣдъ въ палатахъ Государя [2]).

[1]) Времен., ч. II, стр. 146.

[2]) Тамъ же. Лѣтописс., стр. 205.

Все, повидимому, шло хорошо. Но въ это самое время „нѣціи, по замѣчанію лѣтописца, клеветаша Великому Князю на митрополита Геронтія, глаголюще: яко не посолонь ходилъ со кресты около церкви, егда свящалъ и того ради гнѣвъ Божій приходитъ. Князь же Великій вознегодова о семъ“ [1]). Поднялся споръ, какъ нужно на самомъ дѣлѣ совершать крестный ходъ, въ какомъ направленіи—посолонь или не посолонь. Одни изъ архимандритовъ, игуменовъ стали на сторону митрополита, а другіе были за Великаго Князя; нѣкто говорилъ, напримѣръ, что онъ видѣлъ на Святой горѣ, какъ тоже освящали церковь, а со крестами ходили не посолонь, а противъ солнца. Когда наличныя познанія споривших оказались неудовлетворительными, рѣшили обратиться къ книгамъ, но и тутъ отвѣта сыскать не могли. Великій Князь обратился тогда къ архіепископу Вассіану и чудовскому архимандриту Геннадію. Это была своего рода послѣдняя справка: если бы они не рѣшили вопроса, то, слѣдовательно, его нужно оставить открытымъ. Новый диспутъ, въ которомъ приняли участіе Вассіанъ и Геннадій и самъ митрополитъ, кончился также ничѣмъ: много препирались, но „истины не обрѣтоша“.

Такъ излагаетъ лѣтописецъ происхожденіе и сущность спора о хожденіи „посолонь“. Изъ его сбивчиваго и спутаннаго разсказа, освѣщеннаго при томъ съ собственной точки зрѣнія, не совсѣмъ ясно видно, какъ возникъ самый вопросъ и какъ онъ постепенно осложнялся. Несомнѣнно, поводъ къ спору подало освященіе новопостроеннаго храма, но съ лѣтописцемъ нельзя согласиться, будто онъ былъ вопросомъ новымъ. Страннымъ и неестественнымъ кажется внезапный гнѣвъ Великаго Князя на то только, что митрополитъ, слѣдуя старинному обычаю, совершилъ крестный ходъ такъ, какъ онъ совершался всегда до него, т.-е. противъ солнца. Чтобы понять „негодованіе“ Государя, необходимо допустить уже ранѣе бывшія, вѣроятно—неоднократныя, разсужденія по этому предмету. Необходимо допустить, что во время этихъ разсужденій обнаружилась полная несостоятельность защитниковъ стариннаго обычая, не имѣвшихъ возможности доказать осмысленность его. Должно думать, что результатъ этихъ словопреній былъ извѣстенъ не только Великому Князю, но и митрополиту, и что Великій Князь, сообща съ противниками старины, рѣшилъ болѣе не держаться

[1]) Тамъ же, стр. 148.

его. Возможно, что и Геронтій согласился съ ними, но потомъ, подъ стороннимъ вліяніемъ, въ рѣшительный моментъ, отступился и сталъ держаться прежней практики. Только въ такомъ случаѣ можно понять причину гнѣва Іоанна III на митрополита и слова говорившихъ: „того ради гнѣвъ Божій приходитъ“. Очевидно, вопросъ о крестныхъ ходахъ доподлинно былъ выясненъ еще прежде, и теперь, когда митрополитъ все-таки совершилъ его по старинѣ, возбуждается негодованіе Великаго Князя. Лѣтописецъ же, не зная исторіи вопроса, объяснилъ себѣ неудовольствіе со стороны Іоанна наговорами другихъ, какъ будто только въ данную минуту открывшими ему глаза. Но мыслимо ли допустить, чтобы Государь, прекрасно знавшій весь ритуалъ православнаго богослуженія и то, что митрополитъ неуклонно слѣдовалъ ему, вдругъ нашелъ дѣйствія его неправильными со словъ какихъ-то „нѣціихъ“?! Несомнѣнно, что, даже убѣжденный доводами этихъ „клеветниковъ“, онъ посовѣтовался бы съ людьми авторитетными и лишь тогда, безъ гнѣва, сообщилъ бы митрополиту, какъ смотрятъ на обрядъ другіе. Не должно казаться страннымъ, что Великій Князь могъ отступиться отъ искони освященнаго церковнаго обычая. Если взять во вниманіе прекратившіяся сношенія съ Византіей (вслѣдствіе завоеванія ея), когда слишкомъ затруднительно было справиться съ практикой восточной церкви и убѣдиться въ правильности ея, а съ другой стороны—отпаденіе грековъ въ унію, бросавшее тѣнь на самое православіе ихъ, тогда будетъ понятна рѣшимость его слѣдовать своимъ собственнымъ авторитетамъ, доказывавшимъ, при томъ очень убѣдительно, правильность хожденія „посолонь“. Необходимо, кромѣ того, имѣть въ виду и общее направленіе внѣшней и внутренней политики Іоанна III. Рѣшеніе его сблизиться съ Европой и заимствовать оттуда начала новой жизни, привить своему народу просвѣщеніе, пробудить въ немъ чувство самосознанія и самодѣятельности, было постоянною цѣлью этого Великаго Государя,—цѣлью, которую онъ преслѣдовалъ почти до самой своей смерти. Іоаннъ III, какъ впослѣдствіи и Императоръ Петръ, хотѣлъ установить отношенія и къ церкви другія, чѣмъ они были при предшествовавшихъ Великихъ Князьяхъ. Того режима въ старо-московскомъ духѣ, которымъ проникнута была іерархія и ея дѣятельность, въ это царствованіе не было. Религіозныя движенія конца XV и начала XVI вѣка ясно свидѣтельствуютъ, насколько либерально было московское правительство, допускавшее свободно развиваться въ Москвѣ и Новго-

родѣ богомильству и поощрявшее занятіе науками [1]), отъ которыхъ Іосифъ волоцкій приходилъ въ ужасъ. Понятно, что при этомъ приходилось коснуться и нѣкоторыхъ сторонъ церковной жизни, не подходившихъ къ видамъ правительства. Правда, Іоанну III не суждено было сдѣлаться Петромъ Великимъ, и ему удалось выполнить только часть намѣченной программы, но, при случаѣ, какъ это было съ „посолонь“, онъ не прочь былъ отказаться отъ старины.

Изъ лѣтописнаго повѣствованія можно заключать, что начало спора и самый споръ возникъ такимъ образомъ. Когда митрополитъ, вопреки вѣроятному соглашенію—оставить прежній обычай ходить со крестами противъ солнца, все-таки совершилъ его по-старому, то Великій Князь остался этимъ крайне недоволенъ. Причина гнѣва стала извѣстна тогда же, благодаря разговорамъ сторонниковъ Государя. Тотчасъ же вопросъ о правильности или неправильности совершеннаго обряда сдѣлался предметомъ обсужденія людей досужихъ, имѣвшихъ къ тому же возможность высказать свое болѣе или менѣе авторитетное сужденіе, именно монаховъ. Сужденія были совершенно частнаго характера, мнѣнія любителей. Что таковы они были и на самомъ дѣлѣ, это видно изъ словъ лѣтописца: „глаголаху архимандрити и игумени“ и ни слова не говорится ни о епископахъ, ни о бѣломъ духовенствѣ. Но, по обстоятельствамъ времени, вопросъ принялъ общецерковное значеніе и изъ монашескихъ келій переходитъ въ высшіе іерархическіе круги. Въ немъ вынуждается принять участіе самъ митрополитъ и тѣ, которые оспаривали правильность его дѣйствій, и стоявшіе доселѣ за Великимъ Княземъ. Дѣло доходитъ до публичнаго обсужденія, и вотъ тутъ-то выступаетъ Вассіанъ и новое лицо, чудовскій архимандритъ Геннадій, извѣстнѣйшій впослѣдствіи новгородскій архіепископъ. Лѣтописецъ говоритъ, что ихъ призвалъ Великій Князь, а почему призвалъ—ясно: онъ уже зналъ ихъ мнѣніе по спорному дѣлу, зналъ же потому, конечно, что они и были тѣми людьми, кои еще ранѣе указывали несостоятельность хожденія противъ солнца. Итакъ, вотъ кто были истинные виновники происшедшаго столкновенія Іоанна III съ Геронтіемъ. Однако, нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы это столкновеніе вызвано было Вассіаномъ намѣренно, изъ вражды къ митрополиту: какъ уже говорилось—споръ со стороны архіепископа и Геннадія былъ чисто богословскаго ха-

[1]) См. нашу стат. въ „Богослов. Вѣстн.“ (1905, іюнь—іюль): „Русскіе богомилы XVI в.“.

рактера, какъ можно заключать изъ отрывочныхъ фразъ, приводимыхъ лѣтописцемъ. При этомъ ясно сказывается вся неподготовленность Геронтія и его некнижность. Лѣтописецъ, который всецѣло стоитъ на сторонѣ послѣдняго, разсказываетъ о происшедшемъ словесномъ состязаніи такъ: „митрополитъ же, свидѣтельство приводя, глаголаше: егда діаконъ кадитъ во алтари престолъ, то на правую руку ходитъ съ кадиломъ". Вотъ и все, что могъ сказать Геронтій. Не вдаваясь ни въ какія соображенія, онъ опирался лишь на существовавшую практику; такъ повелось изстари, а о томъ, что это могло быть и неправильно, онъ не допускалъ и мысли. Между тѣмъ аргументація Вассіана и Геннадія была такова: „они свидѣтельства никого не приношаху, но глаголаху: солнце праведное Христосъ на ада наступи, и смерть связа, и души свободи: и того ради исходятъ на пасху, тожъ преобразуютъ на утрени" [1]). Т.-е.: они стали на совершенно другую точку зрѣнія, а именно: какой смыслъ и значеніе имѣло вообще хожденіе со крестами. По ихъ мнѣнію, крестный ходъ обозначалъ собою путь Христа. Солнца правды, которое, подобно обыкновенному солнцу, шествуетъ на западъ, къ падшимъ, грѣшнымъ людямъ, чтобы возстановить ихъ; шествуетъ къ мѣсту тьмы духовной, которую онъ, Христосъ, разсѣиваетъ своимъ страданіемъ, смертію и воскресеніемъ и попираетъ адъ, символизируемый западомъ. Какъ Христосъ, по вѣрованію церкви, снизошелъ во адъ и тамъ, освободивъ души умершихъ праведныхъ, явился какъ бы съ запада, такъ и въ день Пасхи, на утреннемъ богослуженіи, крестный ходъ является западными дверями и тѣмъ благовѣствуетъ возстаніе Его изъ мертвыхъ. Такимъ образомъ, въ данной аргументаціи проводится уже другой взглядъ на обрядовую сторону, по которому послѣдняя важна не сама по себѣ, а поскольку она имѣетъ внутренній смыслъ и значеніе. Это было новостью на Москвѣ. Люди, не слѣдовавшіе слѣпо старинѣ и имѣвшіе свое собственное мнѣніе, только зарождались здѣсь и были еще немногочисленны. Лѣтописецъ не говоритъ, держался ли еще кто изъ епископовъ стороны Вассіана; повидимому, они даже не имѣли возможности высказаться, такъ какъ на происшедшемъ преніи они не присутствовали. Вообще же такъ разсуждали, какъ онъ и Геннадій, „иніи архимандрити и игумени" [2]); возможно, что единомысленны съ ними были и

[1]) Рус. Времен., ч. II, стр. 146—148.
[2]) Тамъ же, стр. 147.

епископы, какъ это обнаружилось впослѣдствіи: преемникъ Вассіана, арх. Іоасафъ раздѣлялъ и его мнѣніе.

Жаркій споръ былъ остановленъ нашествіемъ Ахмата, татаръ (1480 г.), но, съ миновaніемъ опасности, онъ возобновился еще съ большей силой. Въ извѣстной степени на развитіе спора повліяла смерть Вассіана, послѣдовавшая въ мартѣ 1481 года. Глубокій возрастъ и старческія немощи давали чувствовать себя и прежде (въ 1480 году Вассіанъ не могъ явиться на избраніе коломенскаго владыки) [1]; послѣднія же политическія событія, призвавшія и его къ чрезвычайной дѣятельности, окончательно подорвали силы іерарха.

Со смертію Вассіана, главной опоры Великаго Князя въ спорномъ вопросѣ, у Геронтія не могло не явиться надежды на побѣду. Какъ произошло новое столкновеніе его съ Государемъ, лѣтописецъ не говоритъ. Онъ просто сообщаетъ, что „того же лѣта (6990) быть распря митрополита съ Великимъ Княземъ, что свящалъ соборную церковь митрополитъ да не по солнцу ходилъ со кресты около церкви“ [2]). Но за то дальнѣйшій разсказъ отлично освящаетъ, что потомъ произошло.

Оставленный оффиціально, вопросъ о посолонномъ хожденіи, однако, не потерялъ интереса самъ по себѣ. Общество сильно увлекалось споромъ. Получивъ широкое распространеніе вслѣдствіе своей доступности, онъ сдѣлался достояніемъ народа, не только „книжниковъ“, „священниковъ“, „иноковъ“, но и „мірянъ“, т.-е. людей, которые въ обычное время никогда подобными вопросами не занимались. Да и какъ было не волноваться? Новозданные храмы стояли безъ освященія и когда выяснилось, что Великій Князь „не велѣлъ свящати“ ихъ, желая ввести „новшество“, тогда, понятно, общество не могло признать его правымъ. Общественное мнѣніе единодушно возстало на Іоанна и осудило его, митрополита же, наоборотъ, окружило ореоломъ защитника старины и борца за истину. Волненіе умовъ было велико, и единственно, что могло внести теперь успокоеніе— это авторитетный, въ видѣ собора епископовъ, голосъ церкви. Но соборъ для Великаго Князя совсѣмъ былъ нежелателенъ. Еще во время перваго спора обнаружилось настроеніе владыкъ, продолжавшее оставаться такимъ же и теперь, которое не давало надежды Іоанну на благопріятное рѣшеніе вопроса. Источникъ говоритъ, что одинъ лишь ростовскій архіепископъ,

---

[1]) Памятн. древне-канонич. права, ч. I, № III въ Рус. Ист. Библ., ч. VI.
[2]) 2 Софійск., стр. 233 въ П. С. Р. Л., т. VI.

„Князь Асафъ“, подобно своему знаменитому предшественнику, смѣло и открыто высказался за „посолонное хожденіе“, и этимъ даетъ знать, что прочіе епископы были единомысленны съ митрополитомъ. Но, собственно, какого въ дѣйствительности они держались мнѣнія, прямыхъ указаній нѣтъ. Возможно, конечно, что среди ихъ были несомнѣнные сторонники Геронтія въ родѣ рязанскаго епископа Симеона, о которомъ говорится, что ранѣе, до поставленія, онъ „попъ мірской на Коломнѣ бывалъ, потомъ въ чернцехъ у митрополита былъ“ [1]), слѣдовательно, креатуры его, но предполагать, чтобы и прочіе были таковы же, едва-ли вѣрно. Двукратное умолчаніе лѣтописца, видимо преданнаго партіи митрополита, о мнѣніяхъ владыкъ, сдѣланное не безъ умысла, вынуждаетъ думать, что послѣдніе держали себя въ этомъ дѣлѣ уклончиво. На самомъ дѣлѣ, распря эта была для нихъ лично очень опасна; они были поставлены, такъ сказать, между двумя огнями, и одинаково было неудобно склоняться на сторону Князя, или же на сторону митрополита. Что опасенія были не преувеличены—это показали послѣдствія; „Князь Асафъ“ въ скорости долженъ былъ уйти на „покой“, а архимандритъ Геннадій, по-прежнему державшійся своего мнѣнія по данному вопросу, по ничтожному поводу, въ кандалахъ, попалъ въ митрополичій ледникъ на смиреніе [2]). Такимъ образомъ, епископамъ естественно было устраняться отъ спора и благоразумно выжидать дальнѣйшаго хода событій. Но для Великаго Князя было безразлично, почему они уклонялись отъ спора и не становились на его сторону.

Итакъ рѣшеніе вопроса взяла на себя не церковь, а само общество. Настроеніе „священниковъ“ и „иноковъ“, „книжниковъ“ и „мірянъ“ всегда составляло силу, которая потрясала организаціи и посолиднѣе московской. Въ Москвѣ движеніе также носило серьезный характеръ. Здѣсь оно было такъ внушительно и приняло такой оборотъ, что передъ нимъ должно было отступить само правительство.

---

[1]) У Татищева есть указаніе, что Симеонъ былъ духовникомъ митрополита (Ист. Рос., ч. V подъ 1481 г.). Между прочимъ, о немъ, а можетъ быть вмѣстѣ съ нимъ и о только-что посвященномъ на коломенскую каѳедру Герасимѣ, лѣтописецъ восклицаетъ: „Увы, увы, погибе благовѣрный отъ земли грѣхъ ради нашихъ, по Давиду: спаси меня, Господи, яко оскудѣ преподобный, яко умалишася истина отъ сыновъ человѣческихъ, суетная „глагола кождо ко искреннему своему“ (Лѣтоп., сод. рос. истор., стр. 213).

[2]) 2 Софійск., стр. 234.

Послѣ неизвѣстно какъ происшедшаго объясненія съ Великимъ Княземъ митрополитъ вдругъ оставилъ митрополію и удалился въ Симоновъ монастырь: „посохъ свой остави, только ризницу взя“. „И сталъ думать тогда Геронтій, чтобы оставить совсѣмъ митрополичій санъ, если только Великій Князь „роптанія того не оставитъ, что посолонь ходити“ и „не добіетъ челомъ“ [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что рѣшимость Геронтія вступить въ открытію борьбу съ Великимъ Княземъ стояла въ прямой зависимости отъ указаннаго настроенія умовъ. Чувствуя за собою симпатіи народныя, Геронтій отлично сообразилъ всю выгоду своего положенія и поспѣшилъ воспользоваться имъ для сведенія счетовъ съ свѣтской властію, весьма недвусмысленно стремившейся къ полному обособленію отъ церковной. Рѣшительныя дѣйствія Іоанна достаточно ясно говорили о томъ, что митрополиту придется распроститься навсегда съ ролью верховнаго авторитета въ государствѣ и низойти на степень простого епископа съ весьма малымъ значеніемъ.

Распустивъ слухъ, что онъ не задумается сложить съ себя званіе митрополита, въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія Великаго Князя, Геронтій перенесъ свои честолюбивыя стремленія на церковную почву, чтобы придать имъ религіозный характеръ. Онъ сначала пробуетъ, не удастся ли сломить „посолонное“ „роптаніе“ Государя и когда, дѣйствительно, послѣдній вынуждается уступить и посылаетъ своего сына къ нему, „моля дабы ся возвратилъ на столъ свой“, тогда Геронтій изображаетъ изъ себя уже маленькаго Григорія VII и устраиваетъ Іоанну своего рода Каноссу. Сцена униженія Іоанна въ Симоновѣ монастырѣ дѣйствительно въ общемъ много напоминаетъ такую же въ замкѣ тосканской графини, когда императоръ Генрихъ IV вымаливаетъ себѣ миръ у суроваго папы. „Князь же велики самъ ѣхавъ и би ему челомъ, моля да возвратится на столъ свой, а самъ во всемъ виноватъ сотворися, а митрополита же во всякихъ рѣчехъ обѣщася слушати и въ хожденіи въ волѣ митрополиту дасть, якоже велитъ, какъ было въ старину; устава же не учинили; митрополитъ же возвратися на столъ свой“ [2]).

III.

Нѣтъ сомнѣнія, это былъ историческій моментъ въ жизни русской церкви и государства. Обязательство „Великаго Князя“ „во всякихъ рѣчехъ слушати“ митрополита говоритъ о испол-

[1]) Тамъ же.
[2]) Тамъ же.

нившемся стремленіи послѣдняго преобладать въ дѣлахъ церковныхъ и гражданскихъ. Но такъ какъ прежнее своеобразное служеніе церкви государству теперь уже не имѣло мѣста, потому что объединеніе удѣльныхъ княжествъ подъ верховенствомъ московскаго властителя усиленно шло именно при Іоаннѣ III, то не только опека, но и всякое вмѣшательство митрополита въ его политику было совершенно излишне и вредно. Ибо не подвергала ли эта зависимость разнаго рода случайностямъ самый принципъ московскаго „собиранія" — самодержавіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всю будущность русскаго народа? Если даже допустить, что церковь, по-прежнему, держалась бы старыхъ доброжелательныхъ традицій къ свѣтской власти, то все-таки для государства, руководимаго священникомъ, а не царемъ, мало было въ этомъ хорошаго, и ему можно было заранѣе предсказать близкую смерть. И вотъ въ то время, когда ставился вопросъ о „быть" или „*не быть*" для цѣлаго народа, національный геній подсказалъ истинное рѣшеніе его. Общество, которое передъ тѣмъ горячо защищало митрополита, какъ поборника религіозныхъ интересовъ, теперь, понявъ, къ чему клонились его помыслы, дало имъ рѣшительный отпоръ. Народъ совсѣмъ не имѣлъ желанія видѣть у себя папу, а потому тѣсно соединился съ Великимъ Княземъ въ повторившейся борьбѣ его съ Геронтіемъ, результатъ чего не замедлилъ сказаться: государственное начало побѣдило окончательно начало теократическое.

Новое столкновеніе произошло въ 1484 году (6992). Въ іюлѣ этого года у Геронтія явилось опять желаніе оставить митрополію и укрыться въ томъ же Симоновѣ монастырѣ. На этотъ разъ онъ захватилъ съ собою не только ризницу, но и посохъ. Лѣтописецъ говоритъ, что оставить каѳедру его побудила какая-то болѣзнь [1]), но на самомъ дѣлѣ было не такъ. Татищевъ свидѣтельствуетъ, что когда митрополитъ удалился въ Симоновъ монастырь, то „Князь Великій посылалъ къ нему да возвратится (на митрополію), онъ же не послушалъ". Тогда Іоаннъ повелѣлъ отобрать у него ризницу и слугъ [2]). Ясно, что о болѣзни тутъ не можетъ быть и рѣчи. Помимо того, дѣйствія Геронтія, захватившаго съ собою посохъ, символъ власти, и „туженіе много по митрополіи", когда В. Князь не хотѣлъ признавать его болѣе митрополитомъ убѣдительно говорятъ о на-

[1]) Тамъ же.
[2]) Исторія Рос., ч. V подъ 1484 г.

мѣреніи его не упускать эту власть изъ своихъ рукъ. Но болѣзнь, которая заставила бы рѣшиться на оставленіе каѳедры, должна была быть такого характера, что не давала никакой надежды на поправленіе... Итакъ повторить соблазнъ (σκάνδαλον) Геронтія побудило, очевидно, опять недоразумѣніе, возникшее между нимъ и Княземъ, но изъ-за чего—прямыхъ указаній нѣтъ. Мы можемъ только догадываться, соображаясь съ обстоятельствами, что прекаліе вышло изъ-за архимандрита Геннадія.

Со смертью архіепископа Ѳеофила (въ концѣ 1482 г.) закончился рядъ новгородскихъ владыкъ, выбиравшихся вѣчемъ изъ своихъ же новгородцевъ. Съ уничтоженіемъ политической независимости республики порядокъ этотъ, конечно, не могъ уже существовать, и избраніе ихъ должно было совершаться въ Москвѣ, какъ и другихъ архіереевъ. Кромѣ того, Великому Князю крайне важно было замѣстить новгородскую каѳедру человѣкомъ вполнѣ ему преданнымъ. Въ 1483 году въ Новгородъ, дѣйствительно, былъ посвященъ троицкій игуменъ Сергій, но новгородцы встрѣтили его весьма недружелюбно. Помимо того, что Сергій былъ „шестникъ“, т.-е. чужой, онъ не нравился имъ главнымъ образомъ за свои политическія убѣжденія, которыя шли въ разрѣзъ съ ихъ собственными: „не хотяху новгородци покоритися ему, что не по нихъ онъ мысли ходитъ“ [1]). Въ короткое время въ борьбѣ съ крамолой Сергій такъ разстроилъ свое здоровье, что, совершенно больной, принужденъ былъ оставить свое мѣсто и удалиться въ тотъ же Троицкій монастырь [2]). Пошелъ слухъ, будто новгородцы „отняли у него умъ волшебствомъ, глаголаша: Іоаннъ чудотворецъ, что на бѣсѣ ѣздилъ, тотъ створи ему“ [3]). Но Великаго Князя трудно было удивить новгородскими „чюдесами“; онъ рѣшилъ лишь послать вмѣсто Сергія человѣка съ болѣе крѣпкими нервами и характеромъ, способнаго выдержать всевозможныя „чары“ и, конечно, лучшаго кандидата, чѣмъ Геннадій, трудно было найти. Іоаннъ останавливалъ на немъ вниманіе еще при избраніи Сергія, но тогда, хотя Геннадій и являлся въ числѣ кандидатовъ, „вынялся жребій“ не его: роль неблагосклонной къ чудовскому архимандриту судьбы очевидно сыгралъ Геронтій. Тотъ разъ Великій Князь уступилъ; теперь же, въ виду серьезности положенія, такъ такъ новгородцы не думали мириться съ своей участію и продолжали волноваться, дальнѣйшая уступка само-

[1]) Тамъ же.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.

любію митрополита была бы большой политической ошибкой, и Іоаннъ рѣшилъ настоять на своемъ. Мы слишкомъ хорошо знаемъ характеръ Геронтія, особенно послѣ событій 1482 года, чтобы сомнѣваться въ томъ, что въ желаніи Великаго Князя онъ увидѣлъ полное нарушеніе своихъ правъ (государственной прозорливости ожидать было нельзя) и въ концѣ концовъ—новое: „съѣха въ монастырь на Симоново"!.[1]). Прибѣгая къ прежнему пріему, давшему ему возможность одержать верхъ надъ Великимъ Княземъ, митрополитъ былъ увѣренъ въ цѣлесообразности его и въ данную минуту. Несомнѣнно, что, будь Геронтій лучше освѣдомленъ о настроеніи общества, онъ не рѣшился бы на поступокъ, который поставилъ его въ такое же точно положеніе, въ какомъ оказался ранѣе Великій Князь. Конечно, легко было понять различіе между *„тогда"* и *„теперь"*, между интересами чисто церковнаго характера и тѣмъ, что относилось также и къ юрисдикціи Государя, ибо избраніе епи-

[1]) Слѣдующія обстоятельства заставляютъ предполагать, что разрывъ произошелъ именно изъ-за Геннадія. По свидѣтельству Татищева Геронтій „бысть отлученъ" отъ митрополіи „три мѣсяцы", а такъ какъ онъ возвращенъ былъ въ самомъ началѣ ноября, то начало удаленія его падаетъ на конецъ іюля 1484 года. Съ другой стороны, арх. Сергій прибылъ въ Москву 27 іюля того же года, слѣдовательно, разрывъ произошелъ въ такое время,—когда необходимо долженъ былъ возникнуть вопросъ о преемникѣ Сергію. Правда, Е. Е. Голубинскій утверждаетъ, будто митрополитъ былъ въ отлученіи „ровно" годъ (Ист. рус. цер., т. II, 1-я ½, стр. 558). Но дѣло въ томъ, откуда взялъ Е. Е. свой „ровно" годъ? Очевидно, лѣтописное выраженіе (2 Софійск. подъ 6993 годомъ—въ П. С. Р. Л., т. VI) „(въ четвергъ) въ тотъ же день по Кузьмѣ Демьяновѣ дни" онъ понялъ, какъ указаніе на день, когда удалился въ монастырь митрополитъ, но гораздо естественнѣе относить „въ тотъ же день" къ предшествующему слову: „въ четвергъ". Лѣтописецъ просто подчеркиваетъ свою мысль, какъ часто выражаемся и мы: „въ среду, тогда же"... Помимо яснаго указанія Татищева (которому Е. Е. не довѣряетъ вообще), можно указать на свидѣтельство Воскресенской лѣтописи (въ П. С. Р. Л., т. VIII подъ 6992 г.), коимъ подтверждается, что Геронтій до конца іюля 1484 года былъ на митрополіи. Послѣ упоминанія о томъ, что Сергій 27 іюня прибылъ въ Москву, лѣтописецъ продолжаетъ: „Геронтій митрополитъ заложи церковь каменну у своего двора Пречистые ризъ Положеніе". Затѣмъ, въ разсказѣ лѣтописца объ избраніи Сергія и Геннадія наблюдается такая разница: Сергію достается каѳедра по жребію, тогда какъ о томъ, чтобы и Геннадій былъ поставленъ такимъ же образомъ, ничего не говорится. Онъ, повидимому, прямо былъ назначенъ въ Новгородъ, но если назначенъ, то, конечно, лишь по желанію Великаго Князя, а такъ какъ поставленіе его состоялось уже послѣ примиренія митрополита съ Государемъ, то, вѣроятно, назначеніе его было поставлено въ непремѣнное условіе Геронтію.

скопа никогда не было единоличнымъ актомъ митрополита, но Геронтій уже не разъ доказалъ свою не дальновидность, доказалъ онъ ее и въ данномъ случаѣ. Мы едва-ли ошибаемся, предполагая удовольствіе Іоанна, вызванное необдуманнымъ поступкомъ митрополита, дававшимъ полную возможность ему во всемъ свѣтѣ выставить неправомѣрность и строптивость своего противника, потому что, въ противномъ случаѣ, могъ ли онъ подвергнуть Геронтія такимъ униженіямъ и оскорбленіямъ, какихъ въ подобныхъ обстоятельствахъ не испытывалъ ни одинъ митрополитъ ни прежде, ни послѣ?! Отказываясь, по приглашенію Государя, возвратиться на свое мѣсто, митрополитъ былъ увѣренъ въ новомъ торжествѣ, въ новой побѣдѣ надъ Княземъ, но произошло нѣчто для него неожиданное: общество совершенно спокойно отнеслось къ происшедшему. Тогда Геронтій счелъ за лучшее немедленно „оздравить“ „и хотѣ опять на митрополію. Князь же Великій не восхотѣ его и неволею не остави митрополіи; и посла къ нему Пасею, и не може ввести его въ то, многожды убѣгалъ изъ монастыря и имаша его, и тужи много по митрополіи. Князь Великій поча думати съ Пассею, пригоже ли его опять взяти на митрополію? Онъ же сдума, хотяше бо его самого на митрополью, онъ же не хотяще... и умоленъ бысть (Князь)“. „Въ лѣто 6993, въ четвергъ, въ тотъ же день по Кузьмѣ Демьяновѣ дни по осеннемъ, възведе Князь Великій того же митрополита Геронтія на столъ“. Естественно возникаетъ вопросъ: какъ могло состояться примиреніе между ними? Что при этомъ имѣло мѣсто „умоленіе“—это несомнѣнно, но нельзя думать, чтобы Іоаннъ ограничился лишь однимъ извиненіемъ со стороны Геронтія. Въ духѣ его было поступить съ митрополитомъ такъ же, какъ тотъ поступалъ съ нимъ, и если Геронтій въ 1482 году потребовалъ отъ Великаго Князя полнаго себѣ послушанія, то въ 1485 г. онъ долженъ былъ самъ безусловно подчиниться волѣ Государя. И дѣйствительно, до самой своей смерти Геронтій ничѣмъ не заявилъ о своемъ существованіи, между тѣмъ богомильство въ Новгородѣ и Москвѣ (ересь „жидовствующихъ“), просвѣтительное движеніе при дворѣ Великаго Князя Іоанна Іоанновича и проч., развѣ все это не вызывало его на дѣятельность, не давало ему причины обнаружить свою власть?

Такъ закончилась послѣдняя борьба Геронтія съ Іоанномъ III.

Ѳ. Ильинскій.

Къ исторіи кулачныхъ боевъ на Руси [1]).

(Изъ архивныхъ и другихъ источниковъ).

Далѣе разсказывается, какъ онъ однажды, послѣ битвы, наугощался до того, что упалъ и заснулъ на берегу, объ этомъ сообщили двумъ врагамъ его—будочникамъ, которые связали и сильно его избили...

„Не велѣно лежачихъ бить,
„Безсильному грѣшно ужъ мстить;
„И какъ же съ тѣми драться,
„Кто средствъ лишенъ обороняться.

Въ другой сказкѣ „Гордѣй съ фонаремъ“ (стр. 168) Измайловъ осмѣиваетъ петербургскаго бойца Гордѣя по прозванью „Чугунный Лобъ“, о которомъ упоминаетъ Пыляевъ [2]):

„Лихой былъ въ старину у насъ боецъ кулачный,
„Гордѣй—„Чугунный Лобъ“, мужикъ не такъ-то взрачный,
„Онъ правда силы не имѣлъ
„И биться не умѣлъ,
„За то былъ смѣлъ.
„Идетъ Гордѣй однажды съ бою,
„Повѣся голову: Ай! ай!
„Кричитъ, съ нимъ встрѣтившись, насмѣшникъ Ермолай:
„Что сдѣлалось, Гордѣй, съ тобою?
„Добро бы ночью, а то днемъ
„Идешь ты съ фонаремъ!

---

[1]) См. „Русская Старина“, іюль 1913 г.
[2]) Пыляевъ. Стар. Петербургъ. Изд. Суворина, 1893 г. стр. 423.

„Да бились мы теперь вдвоемъ...
„Съ кѣмъ?—Съ Алексѣемъ Колотушкой,
. . . . . .
„Да ты какъ будто изъ воды?
„Мокрехонекъ какъ мышь?—Я на Фонтанкѣ бился,
„Погорячился, оступился,
„И въ полынью попалъ [1]).
. . . . . .

Съ половины XVIII и до половины XIX вѣка кулачные бои особенно процвѣтали, и преимущественно въ Москвѣ и Петербургѣ (хотя и провинція не отставала, какъ видно было это изъ записокъ Назимова, приведенныхъ выше), при чемъ вліяніе гуманныхъ Орловыхъ сильно отразилось и на этой, чрезвычайно своеобразной и, какъ говоритъ секретарь саксонскаго посольства въ С.-Петербургѣ Гельбигъ, „исключительно русской забавѣ“ [2]). Какъ видно было изъ изложеннаго,—Орловы, а съ ними вмѣстѣ и по ихъ примѣру многіе изъ интеллигентнаго общества принимали въ бояхъ личное участіе, какъ, напримѣръ, гр. Растопчинъ [3]) и др., не говоря уже „о купцахъ въ лисьихъ шубахъ“. Поэтому и самые бои приняли болѣе безобидный и, такъ сказать, безвредный характеръ. Гр. Алексѣй Орловъ-Чесменскій, напр., приказывалъ привозить на свой счетъ кожаныя рукавицы, которыя и доставлялись возами, для раздачи желавшимъ участвовать въ бою и т. п.

И если въ XVI—XVII вѣкѣ, по описанію Н. И. Костомарова, бились безпощадно „бойцы поражали другъ друга въ грудь, въ лицо, въ животъ,—бились неистово, и жестоко, и очень многіе выходили оттуда калѣками, а другихъ выносили мертвыми [4]), то въ XVIII вѣкѣ кулачные бои приняли другой видъ. Вотъ какъ смотритъ на нихъ А. Д. Ровинскій, самъ лично ихъ видавшій и слыхавшій отъ очевидцевъ:

„Несмотря на всѣ запрещенія производить кулачные бои, они все-таки производятся зачастую и въ наше время, да особенной опасности въ нихъ для народнаго здравія и нравственности съ деревенской точки зрѣнія не видится: до смертныхъ случаевъ, при честныхъ условіяхъ боя, никогда не дохо-

[1]) Соч. Измайлова. Спб. 1849 г. т. I-й, стр. 168 и 179.
[2]) „Рус. Стар.“ 1886 г. № 10, стр. 4.
[3]) XIX вѣкъ, кн. I, стр. 359. Арх. гр. Комаровскаго.
[4]) Костомар. Очерки домаш. жизни и нр. велик. нар. въ XVI и XVII в. Спб. 1860 г., с. 142.

дитъ, кому не подъ силу, тотъ подъ ноги (т.-е. умышленно падаетъ), а „лежачаго не бьютъ;“ и кончается себѣ бой тѣмъ, что молодцы на добромъ морозцѣ другъ другу бока погрѣютъ, да носы подрумянятъ“ [1]). Да и Н. И. Костомаровъ, хотя и иронически, но замѣчаетъ: „на нихъ русскіе пріучались къ ударамъ, побоямъ, которые вообще были неразлучны со всѣмъ теченіемъ русской жизни и дѣлали русскихъ неустрашимыми и храбрыми на войнѣ“ [2]).

Закончимъ же объ Орловыхъ словами Ломоносова, посвященными кн. Григорію...

„Блаженъ родитель твой, намъ давъ такихъ сыновъ
„Не именемъ однимъ, но свойствами орловъ“...

Соч. т. 2 стр. 196 [3]).

Кулачный бой, какъ распространенная и обычная забава, имѣлъ разновидности: самымъ несложнымъ характеромъ отличалась такъ называемая 1, „Сцѣплянка-Свалка“, а затѣмъ уже болѣе организованная форма, въ родѣ турнира или примѣрнаго сраженія была битва двухъ противныхъ сторонъ—это 2, „Стѣнка на стѣнку“, и наконецъ,—3, „Одинъ-на-одинъ“. „Сцѣплянка“ представляла собою неустроенное сборище толпы, въ которой противной стороны не имѣлось, а бились всѣ вразсыпную, кто съ кѣмъ попало и кто кого одолѣетъ, въ толпѣ, безъ разбору. Эти свалки были всегда небольшія и безобидныя. „Стѣнка на стѣнку“ представляла уже нѣчто стройное, гдѣ различались стороны—своя и чужая, гдѣ слава о побѣдѣ распространялась далеко и ею гордились; здѣсь часто одна деревня или половина

---

[1]) Ровинс. нар. карт. Спб. 1900 г. ч. 2, стр. 359.

[2]) Костомаровъ тамъ же.

[3]) Интересны портреты Григорія и Алексѣя Орловыхъ въ римскомъ и турецкомъ костюмахъ во весь ростъ на лошадяхъ. Они находились въ Императорскомъ Эрмитажѣ и висѣли по обѣ стороны портрета Императрицы Екатерины II тоже на конѣ, въ формѣ гвардейскаго пѣхотинца.

Гельбигъ говоритъ, что въ знаменитомъ Петербургскомъ каруселѣ въ 1765 году кн. Григорій велъ римскій кадриль, а Алексѣй турецкій. Ихъ костюмъ превзошелъ все, что только можно себѣ представить, а ихъ ловкость и сила соотвѣтствовали ихъ величественному виду. Изъ всѣхъ рыцарей они были самые искусные. Они одержали рѣшительную побѣду. Оба брата заказали свои портреты во весь ростъ верхомъ, въ карусельныхъ костюмахъ и т. д. См. „Рус. Вѣст.“ 86 г. № 10, стр. 5.

Портреты эти въ царствованіе Николая I были отправлены въ кладовыя Эрмитажа, а въ мартѣ 1827 г. Государь повелѣлъ исключить ихъ изъ эрмитажнаго каталога и передать въ придворную Конюшенную Контору (Общ. Арх. М-ва Двора. Картонъ № 4672,—дѣло № 54).

деревни, или одна половина города становилась противу другой половины. Соревнованіе, конечно, было—большое... Обѣ стороны раздѣляло болѣе или менѣе обширное пространство, имѣлись у каждой стороны резервы изъ славившихся извѣстныхъ бойцовъ и силачей, до времени не принимавшихъ участія, которые ожидали въ сторонѣ и пускались въ бой, когда своя партія ослабѣвала, подавалась, отступала или „опрокидывалась“, т.-е. обращалась въ бѣгство, или, для довершенія полной побѣды примыкали къ преслѣдующимъ. Бой „Одинъ-на-одинъ“ иногда предшествовалъ общему, а при побѣдѣ одного изъ бойцовъ сопровождался уже нападеніемъ стороны побѣдившаго на сторону побѣжденнаго. Конечно, побѣда одного изъ единоборцевъ еще не обусловливала побѣды всей стѣнки... Битва только принимала болѣе страстный характеръ.

Побѣдителей, по окончаніи боя, продолжавшагося иногда и часъ и два, съ тріумфомъ вели на угощенье. Большая толпа какъ изъ побѣдителей, такъ и изъ побѣжденныхъ съ гиканьемъ и криками, а въ старину еще и съ битьемъ въ накры (литавры) и бубны...

Костомаровъ говоритъ въ „Оч. домаш. жиз. и нравовъ Великорус. нар.“ XVI—XVII в. Спб. 1860 г. стр. 142. „что въ старину вѣроятно существовалъ обычай „*увѣнчивать*“ удалыхъ и ловкихъ, какъ это показываетъ старинная поговорка: „безъ бойца нѣтъ вѣнца“... Но, кажется, на Руси у насъ ничего подобнаго не было, и вѣнковъ или увѣнчаній не происходило, на мужчинъ ихъ не надѣвали и не увѣнчивали. Вѣнокъ по русскимъ обычаямъ—это принадлежность женщины, и есть уборъ и украшеніе скорѣе дѣвичье.

Увѣнчаніе же, о которомъ говоритъ пословица, надо понимать въ переносномъ смыслѣ, и состояло оно единственно въ торжественномъ шествіи съ поля состязанія въ корчму, въ шинокъ или кружало, съ гиканьемъ и гамомъ, и непремѣнно въ угощеніи и пирушкѣ, о чемъ и Измайловъ говоритъ въ своей сказкѣ:

„По окончаніи сраженья,
Героя нашего ведутъ всѣ съ торжествомъ
Въ питейный домъ
Для угощенья...“

Итакъ бой „Одинъ-на-одинъ“ или „Самъ-на-самъ“ бывалъ скорѣе случайнымъ, иногда при спорѣ, закладѣ или просто хотѣли помѣряться силами. Въ такой бой, а чаще въ борьбу, представлявшую уже вторую, слабѣйшую степень забавы, вступали и

высокопоставленныя особы и разнаго ранга и общественнаго положенія лица.

Въ извѣстномъ собраніи лубочныхъ и старинныхъ народныхъ картинокъ А. Д. Ровинскаго [1]) нѣтъ изображеній кулачныхъ боевъ цѣлыми сборищами и толпами народа, но изображенія одиночныхъ схватокъ имѣются. Такъ на стр. 363, ч. 2, рис. № 270, съ подписью: „Добрые молодцы, кулачные бойцы“ изображены двое бьющихся на кулачки; оба они въ колпакахъ, при чемъ одинъ въ лаптяхъ, а другой надѣлъ на одну ногу буракъ. Подпись на картинкѣ гласитъ: „Эй, братъ Парамошка, худо ты шутишъ надо мной кадыкомъ Ермошкой; хотябъ ты—всю изодралъ мою рожу, только не замалъ бы мою одёжу; знаешъ ты самъ и то у нашева брата фабришнова, для блохъ, не держитца много платія лишнова, вѣдь у меня братъ Ермака, не сшибешъ валенаго колпака, хоть на ногахъ у меня бураки, а въ рукахъ крѣпки кулаки.—Не стращай братъ кадыкъ Ермакъ, и на мнѣ такой же валеной колпакъ. Я вижу охлебался ты молока прѣснова, оттого у тебя портки позади треснули“.

На другихъ двухъ картинкахъ—подъ №№ 268 и 269 стр. 361 изображены „борцы“ одинъ-на-одинъ. Два интеллигентныхъ лица въ сапогахъ, камзолахъ и шапкахъ, начинаютъ борьбу; надпись гласитъ: „Удалые молодцы—добрые борцы“. „А хто кого поборитъ не въ схватку, тому два ица въ смятку“. На другой—крестьянинъ въ поддѣвкѣ, лаптяхъ и шляпѣ вступаетъ въ борьбу съ военнымъ въ треуголкѣ и форменномъ казакинѣ. Крестьянинъ говоритъ: „Очень ты господинъ военный поступаешъ и своимъ поступкомъ меня устрашаешъ. Вѣдай я и—самъ, что ты, хорошій борецъ“. Военный отвѣчаетъ:—„Слышишь ли, старикъ, за меня берися, да то лишь чесно борися“ [2]).

Что касается вообще борьбы, то она существовала у всѣхъ народовъ такъ сказать „искони“, слѣды ея находятся еще въ исторіи евреевъ, и потомъ особенно процвѣтала борьба въ Греціи и оттуда уже, еще до Рождества Христова, перенесена въ Римъ (Эмилій Паулли въ 169 году до Р. Х. устроилъ въ Амфиполисѣ „греческія зрѣлища“). Но здѣсь борьба никогда не пользовалась почетомъ и на атлетовъ смотрѣли съ презрѣніемъ и даже осмѣивали ихъ [3]).

На Руси единоборство служило не забавой и развлеченіемъ, но зачастую примѣнялось и на войнѣ. Въ лѣтописяхъ разска-

[1]) Ровинс. Рус. Народн. картинки. Спб. 1900 г. въ 2 час., стр. 362—363.
[2]) Ровинскій. Рус. Нар. картинки. Спб. 1900 г. ч. 2, стр. 361—363.
[3]) Фридлендеръ. Изъ истор. Римск. нравовъ. Спб. 1873 г. стр. 561—577.

зываются случаи борьбы и силы истинно богатырской и поименовываются богатыри, прославившіеся въ битвахъ и борьбѣ со врагами [1]).

Послѣдній видъ „кулачнаго боя"—„Самъ-на-самъ" примѣнялся у насъ и какъ судебное доказательство,—какъ „поединокъ" съ незапамятныхъ временъ;—онъ служилъ, для окончательнаго подтвержденія правоты отвѣтчика въ судебномъ дѣлѣ. Такое единоборство называлось „поле", и обвиняемый призывалъ обвинителя къ „полю".—Условія состязанія опредѣлялись сторонами и выбирался ихъ способъ и оружіе. Древніе памятники перечисляютъ эти и оружія и орудія, которыми пользовались тяжущіеся въ такомъ „Судѣ Божіемъ". Такъ въ древнѣйшемъ, послѣ Ярославова, судебникѣ Іоанна III отъ 1497 г. говорится, чтобы при поединкахъ посторонніе (т.-е. зрители) не присутствовали. „А къ „полю" пріѣдетъ окольничей и діакъ, и вспросити исцевъ, ищеи и отвѣтчиковъ кто за ними стряпчей и поручникы, и тѣмъ велѣти и стояти, „а доспѣху и дубинъ и ослоповъ" стряпчимъ и поручникомъ у себя не держати".

По поводу этой статьи Карамзинъ замѣчаетъ: „...изъ сего не справедливо заключали, что бойцы сражались у насъ ослопами и дубинами" [2]). Въ договорѣ князя Мстислава Давидовича Смоленскаго съ Готландіей и нѣмцами въ ст. 11 упоминаются оружія на „полѣ" мещи и сулицы" [3]).

Карамзинъ о судебныхъ поединкахъ говоритъ слѣдующее:—„Обвиняемый требовалъ присяги и „Суда Божія": „требуя „поля" и единоборства,—говорилъ онъ. Каждый могъ вмѣсто себя выставить бойца... Избирали любое оружіе, кромѣ огнестрѣльнаго и лука. Сражались обыкновенно въ латахъ и въ шлемахъ, копьями, сѣкирами, мечами, на коняхъ или пѣшіе; иногда употреблялись и кинжалы" [4]). Но и кулачное состязаніе было въ ходу. Извѣстно, что въ Москвѣ, для поединковъ, въ самомъ центрѣ города, на Троицкой площади, у воротъ Ильинскихъ было отведено особое мѣсто, которое и называлось поле [5]). Собственно названіе „поединокъ" и не употреблялось ни въ устной рѣчи, ни въ законѣ, а имѣлся терминъ „поле"; наприм.—„дать имъ „поле" или прошу „поля".

---

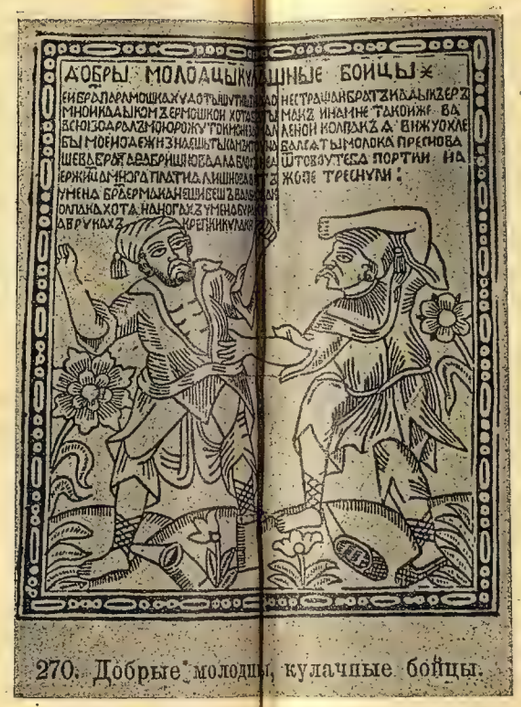
[1]) Рус. Лѣт. по Никон. спис. Изд. Акад. Наукъ. Спб. 1767 г. ч. I, стр. 106, 110, 129 и др., ч. II, стр. 105, 196, 330 и др.

[2]) Карамз. Ист. изд. 1892 г. т. VI, примѣч. 609.

[3]) Собр. Госуд. грам. и догов. т. 2, стр. 41.

[4]) Карамз. Ист. т. VI, стр. 226.

[5]) Тоже, т. VIII, стр. 26.



270. Добрые молодцы, кулачные бойцы.

Существованіе у насъ этого рода доказательствъ правоты восходитъ ко временамъ глубокой древности. И если слѣдовъ его не находится въ „Русской Правдѣ“, то въ упомянутомъ выше договорѣ Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Готландіей и нѣмецкими городами, подъ 1228 годомъ говорится (ст. 11): „Русину же не лзѣ позвати нѣмчица на „полѣ“ или нѣмечкый гость бится въ Руси межи собою—меци или сулицами Князю не надобе и никакому русину, а правити сами по своему суду [1]).

Поле или поединки фактически прекращаются со смертію Ивана IV Грознаго. Въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича (1584—1598 г.) извѣстій о нихъ уже не встрѣчается [2]). Какъ видно, поле имѣло значительное примѣненіе въ тяжебныхъ дѣлахъ, вплоть до конца XVI в.

Въ Судебникѣ Государя Іоанна III, отъ 1497 г. и Царскомъ Судебникѣ Ивана Васильевича IV или Грознаго такой поединокъ занимаетъ не послѣднее мѣсто, и ему посвящено болѣе 10 статей. „Если истецъ представитъ нѣсколько свидѣтелей, при чемъ одни будутъ говорить въ его пользу, а другіе противъ него, то первые имѣютъ право требовать „поединка“ съ послѣднимъ“ (Бѣляевъ, Ист. Рус. Законод., 1879 г., стр. 520).

Судебный поединокъ долженъ былъ совершаться при окольничемъ и дьякѣ, которые, прибывъ на „поле“, спрашивали: кто у нихъ стряпчіе и поручники, и эти лица должны были присутствовать при поединкѣ, но никакого оружія при себѣ не имѣть. Посторонніе не допускались. Поединокъ могъ происходить и между истцомъ и отвѣтчикомъ, и между ихъ свидѣтелями. Малолѣтнимъ, старикамъ, женщинамъ, попамъ, чернецамъ и черницамъ лично биться воспрещалось, но безпрепятственно дозволялось нанимать за себя бойцовъ. Такимъ образомъ, бились иногда не только одинъ-на-одинъ и притомъ посторонніе—наемные бойцы, но и цѣлыя группы свидѣтелей противныхъ сторонъ [3]).

Въ „Судебникѣ“ 1497 г. читаемъ: „А битися на полѣ бойцу съ бойцомъ или не бойцу съ небойцомъ, а бойцу съ небойцомъ не битися“. Отсюда очевидно, что еще въ глубокой древности были спеціальные кулачные и другіе бойцы, заявившіе себя на бояхъ и которыхъ можно было нанимать за себя [4]).

[1]) Собр. Государ. грам. и догов. т. 2, стр. 40.

[2]) Карамз. Истор. изд. 1892 г. т. IX, примѣч. 803.

[3]) См. Судебн. Ив. Вас. стат. 9—20 и Собр. Пам. по исторіи древ. права. Спб. 1859 г. стр. 169, 179, 190 и 200.

[4]) Объ одномъ такомъ бойцѣ упоминаетъ Карамзинъ. Исторія, т. VII, изд. 1892 г., стр. 226.

Духовенство, однако, настойчиво возставало противъ поединковъ и не признавало за ними силы доказательной, а напротивъ—считало дѣяніемъ богомерзкимъ и карало участниковъ по церковнымъ законамъ, жестоко и безпощадно, идя въ разрѣзъ съ установленіями гражданскими... И надо полагать, что это церковное осужденіе немало содѣйствовало уменьшенію и совершенному прекращенію поединковъ при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, потому что во все время его царствованія, 1584—1598 г., извѣстій о нихъ, какъ было сказано, не встрѣчается [1]), надо полагать, что фактически они не примѣнялись, и если были случаи, то единичные и исключительные, хотя оффиціально отмѣненные въ 1556 г. законами Ивана IV дополнительными къ судебнику дѣда его отъ 1497 г. [2]).

Вопросъ о возникновеніи и существованіи у насъ на Руси „поля"—поединковъ, требуетъ спеціальнаго изученія; полагать надо, что это обычай совсѣмъ не русскій и принесенъ къ намъ съ запада, вмѣстѣ съ появленіемъ иностранцевъ, вносившихъ

---

[1]) Еще въ кормчей отъ 1274 г. (на соборѣ, созванномъ митр. Кирилломъ), постановлено: безчинныхъ игръ и поединковъ не совершать, „да изгнани будутъ отъ сыновъ Божьихъ, аще ли нашему закону кто противится: ни приношенія отъ нихъ принимати, рекше просфуры и кутіи, свѣщи... аще же умретъ, къ симъ іерей не ходитъ и службы за нихъ не творитъ..." а убитые: прокляты и въ сей вѣкъ и въ будущій. См. Рус. Достоп. т. I, стр. 106. Толстой. Ист. Рус. Цер. Мос. 1887 г., стр. 98. Филар. Черн. тоже, Мос. 1888 г., ч. 2, стр. 115.

Митрополитъ Фотій въ посланіи къ новгородскому архіепископу Іоанну, въ 1410 году пишетъ, что позванные въ поле лишаются въ теченіе 18 лѣтъ причастія и креста, отъ церкви отлучаются, а убитый лишается погребенія. Акты Археогр. Экспед. т. I, № 461. Возставалъ противъ поединковъ св. митрополитъ Петръ. См. Пам. Старин. Рус. литер. изд. Кушелева-Безбор. т. IV, стр. 186. Максимъ Грекъ. Сочин. т. 2, стр. 202. Съ особенной силой противъ поединковъ вооружался митрополитъ Даніилъ (1532—1539), осуждая ихъ какъ явленіе не христіанское. Въ словѣ XII онъ говоритъ: „мало нѣчто укорившаго тя или досадившаго въ напасть хощеши воврещи и смерти предати!.. и не точію симъ (наставленіемъ Апостольскимъ) не повинуешися, но ни слышати сихъ не хощеши, но себѣ отмщая сваришися, „поля" сотворяеши, убѣваеши, и како христіанинъ нарицаешися супротивная творя, обѣщанію твоему, еже въ св. крещеніи". См. Чтен. въ Импер. Об. Ист. и Древ. Рос. 1881 г. кн. 2, Жмакинъ. Митр. Дан. и его соч. ч. 2, стр. 607 и прил. стр. 16.

[2]) Издававшихся въ видѣ указовъ съ 1550—1580 г. „Онъ запретилъ судебные поединки во всѣхъ случаяхъ... уничтоживъ на вѣки сіе древнее обыкновеніе". Новый Судебникъ былъ общею книгой законовъ, до царств. Алексѣя Михайловича. Карамз. Истор. т. IX, стр. 279, 281, 284 и др.

къ намъ и свои воззрѣнія на обрядности жизни. Какъ это и видно было изъ Смоленскаго договора 1228 г. [1]).

Возвращаясь къ „кулачнымъ боямъ", необходимо остановиться на законоположеніяхъ о нихъ, которыя выработала сама жизнь, и которыя входили въ кругъ нашего законодательства.

По народнымъ воззрѣніямъ и народному „обычному праву", выработавшему свои нравственныя правила и взгляды на многіе роды общественныхъ отношеній и общежитія (напр. снохачество), невольный убійца ни суду, ни наказанію не подлежитъ. Такъ, въ древнѣйшемъ памятникѣ нашего законодательства, которымъ руководствовалось правосудіе вплоть до судебниковъ, т.-е. до XVI вѣка,—въ „Русской Правдѣ" стат. 4 (Троиц. и Карамз. спис.) говорится... „но оже будетъ убилъ оже въ свадѣ или въ пиру явлено, то тако ему платити по вервинѣ, еже ся прикладываютъ вирою". То-есть пеню за убійство платитъ не самъ невольный убійца, а цѣлая община—вервь, къ которой принадлежитъ убійца. Этотъ взглядъ живетъ въ народѣ и до сихъ поръ: въ Высочайшемъ Ея Величества указѣ отъ 1726 года, по поводу кулачныхъ боевъ, между прочимъ, говорится: „отъ которыхъ боевъ, есть и не безъ смертныхъ убійствъ, которое убійство, между подлыми и въ убійство и въ грѣхъ не вмѣняютъ". (Пол. Собр. Зак. № 4939).

Правительство, въ тѣсномъ смыслѣ слова, не поощряло, но и не преслѣдовало „кулачныхъ боевъ" и положительнаго—повсемѣстнаго воспрещенія ихъ не встрѣчается въ узаконеніяхъ вплоть до выхода полнаго собранія законовъ въ 1832 году (т. 14, ст. 198), хотя кулачные бои, какъ замѣчено выше, существуютъ до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ.

Несмотря на то, что „кулачные бои" представляли собою забаву, безобидное народное развлеченіе и, повидимому, не могли равняться съ полемъ, во всякомъ случаѣ обычаемъ жестокимъ—не христіанскимъ и непремѣнно кончавшимся несчастливо для одной изъ сторонъ, но только и въ этой „забавѣ духовенство наше, на которое постоянно слышались и слышатся незаслуженные нападки, осужденія и даже охуленія, видѣло въ нихъ грубое и жестокое направленіе, развращающее нравственность и противное ученію апостольскому и церковному, и издавна осуждало кулачные бои, какъ забавы богомерзкія и

[1]) Стат. II. Русину же не лзѣ позвати Нѣмцыча на поле въ Смоленскѣ, ни Нѣмцичю въ Ригѣ и на Готьскомъ березѣ. Значитъ, поединки на Готскомъ берегу существовали. Карамз. (т. IX, стр. 281) называетъ поединки обыкновеніемъ временъ рыцарства и невѣжества.

навожденіе бѣсовское. Чуткое и высокохристіанское, только оно и могло вліять и вліяло на дикіе и грубые нравы тѣхъ дикарей, среди которыхъ ему приходилось и по сіе время приходится паломничать и подвизаться, то въ Костромскихъ лѣсахъ и дебряхъ, то на вершинахъ Алтая, то въ захолустьяхъ Олонца и какого-нибудь Пустозерска, безвыходно, безпросвѣтно, въ дикихъ углахъ между тьмы невѣжества и варварства"...

И оно смягчало нравы, оно вливало Христовымъ ученіемъ то благодушіе и незлобіе и покорность судьбѣ, которымъ мы дивимся въ народѣ дикомъ и необузданномъ, приписывая это природному характеру. Въ лицѣ своихъ архипастырей оно же вліяло и на высшіе классы; такіе учители и святители, какъ—Кириллъ, митр. Фотій, Максимъ Грекъ, митр. Петръ, Даніилъ и мног. другіе имѣютъ великія заслуги въ культурномъ и политическомъ ростѣ нашего отечества, не меньше славныхъ политическихъ и всякихъ другихъ дѣятелей.

Ограниченіе и запрещеніе боевъ началось въ XVII столѣтіи. Съ развитіемъ культуры, когда Россія вошла въ сношенія съ западными народами и когда воззрѣнія высшихъ слоевъ общества болѣе и болѣе смягчались и жестокость, хотя очень медленно, но погашалась, а жизнь принимала и усваивала гуманные взгляды Запада, и правительство наше, всегда шедшее впереди народа, стало измѣнять взглядъ на кулачные бои, находя ихъ уже забавой вредной и жестокой, забавой развращающей нравы, звѣрствомъ—безчеловѣчностью.

Еще до Уложенія царя Алексѣя Михайловича, въ 1641 г., декабря въ 9 день Государь Царь и Великій Князь Михайла Ѳеодоровичъ всеа Руссіи указалъ: „которыя всякія люди учнутъ биться въ Китаѣ, и въ Бѣломъ каменномъ городѣ и въ Земляномъ городѣ и тѣхъ людей имать и приводить въ земскій приказъ и чинить наказанье" (Акты Ист., т. 3, стр. 92). Этотъ указъ, конечно, характеризуетъ измѣненіе взглядовъ правительства на кулачные бои, оно не воспрещаетъ ихъ повсемѣстно, какъ то говоритъ И. Д. Бѣляевъ и Истор. Законодат. (Издан. 1879 г., стр. 560), а указываетъ только на одну Москву, какъ столицу, да и въ ней-то обозначаетъ границы, гдѣ кулачные бои не дозволяются. (Значитъ, въ другихъ мѣстностяхъ они не возбранялись). Въ Уложеніи 1648 г. и поле, т.-е. поединки, какъ окончательное доказательство въ судѣ, правоты,—совсѣмъ упраздняется (гл. 10), а вмѣсто того тяжущимся предоставляется право ссылаться на сторонніхъ людей поименно и на повальный обыскъ, а самый поединокъ замѣнился пыткой,

которая не была обязательна и предоставлялась на волю тяжущимся, ихъ свидѣтелямъ и обыскнымъ людямъ (Бѣл., стр. 663).

Болѣе рѣшительное повелѣніе послѣдовало въ 1684 году, хотя и оно какъ бы касается только Москвы, опять-таки какъ столицы и резиденціи Государя, гдѣ такія забавы, какъ кулачный бой, не были удобны. Да при томъ указъ этотъ говоритъ не исключительно о кулачныхъ бояхъ, но и другихъ нарушеніяхъ общественнаго благочинія,—о воспрещеніи стрѣлять въ домахъ изъ ружья и ѣздить извозчикамъ „на возжахъ", относя, такимъ образомъ, кулачные бои просто къ нарушенію благочинія. Указъ этотъ послѣдовалъ съ боярскимъ приговоромъ. Собственно о бояхъ въ немъ говорится слѣдующее:

„Московскихъ и всякихъ чиновъ людемъ сказать изъ Розряду въ домѣхъ своихъ сами ни изъ какова ружья не стрѣляли и людемъ своимъ стрѣлять не велѣли, такожъ въ домѣхъ своихъ людемъ своимъ приказали накрѣпко, чтобъ они нигдѣ кулачныхъ боевъ не заводили, и на тѣ бои не ходили... а которые люди ихъ на кулачныхъ бояхъ будутъ изыманы и тѣмъ быть въ жестокомъ наказаньи и въ ссылкѣ; и о томъ въ Розрядъ послать память, а въ приказы, въ которыхъ вѣдомы слободы, послать о томъ памяти,—чтобъ во всѣхъ слободахъ о томъ потомужъ учинили заказъ крѣпкой... о кулачныхъ бойцахъ и о стрѣльбѣ изъ ружья велѣть на Красной площади и по крестцамъ, гдѣ извозчики становятся и кулачные бои бываютъ, бирючемъ кликать не по одно время... А которые изыманы будутъ на кулачныхъ бояхъ и тѣмъ чинить наказанье, бить кнутомъ и ссылать въ Сибирь и въ иные городы на вѣчное житье... и о томъ сей Ихъ Великихъ Государей указъ записать на стѣнномъ караулѣ впредь до вѣдома, въ книгу, да стѣннагожъ караула по воротамъ (т.-е. городскихъ воротъ, напр. Тверскія ворота, Калужскія и др. и по всѣмъ переулкамъ разослать письма, а въ тѣхъ письмахъ написать, чтобъ онѣ караульщики, буде, гдѣ—свѣдаютъ и услышатъ кулачныя бои, извѣщали на стѣнномъ караулѣ... буде кулачные бойцы изыманы будутъ, гдѣ близко караулу, а отъ нихъ караульщикамъ въ томъ извѣту не будетъ, и тѣмъ караульщикамъ за тое неосторожность быть въ наказаньѣ" (Пол. Собр. Зак. № 1093).

Вслѣдъ за тѣмъ въ 1686 году, марта 19, въ Высочайше утвержденныхъ статьяхъ объѣзжимъ головамъ, для наблюденія за благочиніемъ, включена статья подъ № 5, относящаяся къ кулачнымъ боямъ и категорически воспрещающая ихъ повсемѣстно; она говоритъ: „Которые люди изыманы на кулач-

ныхъ бояхъ, и тѣмъ людямъ за тѣ ихъ вины чинить за первый приводъ бить батоги, и имать приводныя деньги по указу, за другой приводъ бить кнутомъ, да имать приводныя деньги вдвое, а въ третьей тѣмъ чинить потомужъ жестокое наказанье, бить кнутомъ и ссылать въ ссылку въ Украйные городы на вѣчное житье“ (№ 1181).

Наказаніе, повидимому, очень суровое, но по тому времени, ужасному по своимъ ужаснымъ жестокостямъ, „битье кнутомъ и батоги“ представляло одну изъ легкихъ степеней наказанія. Однако, и послѣ этихъ указовъ кулачные бои все-таки продолжали существовать. Указы писались, издавались, но мало примѣнялись и исполнялись, что и неудивительно при такой безконечно обширной территоріи, при отсутствіи дорогъ и пр. Особенно въ настоящемъ случаѣ, гдѣ обычай вкоренился повсюду и гдѣ виновныхъ было не отыскать или виновными оказывались сотни и тысячи людей. Да и самые взгляды правительства еще не установились и были неопредѣленны. Въ данномъ случаѣ подтвержденіемъ этому можетъ служить непосредственно слѣдующее за предыдущимъ, Высочайшее повелѣніе 1726 года, не только не воспрещающее кулачные бои, но признающее ихъ существованіе, какъ народной забавы, и даже регламентирующее порядокъ пользованія ею, воспрещая лишь злоупотребленія въ ней, причинявшія участникамъ вредъ или умышленные побои и увѣчья. Указъ этотъ настолько любопытенъ, что онъ приводится дословно.

„Понеже Ея Императорскому Величеству учинилось извѣстно, что въ кулачныхъ бояхъ, которые бываютъ на Адмиралтейской Сторонѣ на лугу, позади двора графа господина Апраксина и на Аптекарскомъ острову и въ протчихъ мѣстахъ во многолюдствѣ, отъ которыхъ боевъ случается иногда, что многія, ножи вынявъ за другими бойцами гоняются, а иныя въ рукавицахъ положа ядра и каменья и кистени, бьютъ многихъ безъ милости смертельными побоями, отъ которыхъ боевъ есть и не безъ смертныхъ убойствъ, которое убойство между подлыми и въ убойство и въ грѣхъ не вмѣняютъ, также и— пескомъ въ глаза бросаютъ: чего ради ныне Великая Государыня Императрица, для охраненія народа, указала: по именному своему Императорскаго Величества указу, тѣмъ кулачнымъ боямъ при Санк-петербургѣ безъ позволенія главной полицеймейстерской канцеляріи не быть, а ежели кто тѣ кулачные бои будутъ безъ позволенія имѣть, то тѣ люди будутъ наказаны, смотря по состоянію вины и дѣла; а кто впередь къ такимъ

кулачнымъ боямъ, для увеселенія будетъ имѣть желаніе, то имъ выбравъ межъ себя соцкихъ, пятидесяцкихъ и десяцкихъ, являться въ главной полицеймейстерской канцеляріи, гдѣ ихъ имена записывать, и для того бою показывать указныя мѣста изъ полиціи; но только и въ тѣхъ мѣстахъ онымъ—боямъ быть подъ присмотромъ тѣхъ соцкихъ и прочихъ, чтобъ имъ означенныхъ продерзостей отнюдь не чинить, и за ними смотреть имъ въ такой силѣ, что имъ каждаго своего десятку или сотни осмотреть, чтобъ у нихъ никакого оружія и прочихъ инструментовъ ни подъ какимъ видомъ къ увѣчному бою не было, какъ выше показано, да и во время того бою, и дракъ между собою-бъ не чинили и кто упадетъ, лежащихъ никого не били-бъ; а если же напротивъ вышеописаннаго будетъ поступлено, то какъ съ тѣми соцкими и пяти и десяцкими, также и съ бойцами поступать противъ вышеписаннаго-жъ, чего надсматривать и отъ главной полицеймейстерской канцеляріи; и для того при Санктпетербургѣ публиковать и у приказу приказать, дабы невѣденіемъ не отговаривались. Данъ іюля 21,— 1726 г. (№ 4939)".

Спустя 18 лѣтъ, Государыня Императрица Елизавета Петровна уже иначе взглянула на кулачные бои и снова не воспрещая ихъ повсемѣстно въ имперіи, именнымъ указомъ 3 іюля 1743 года „изволила изоустно указать"—„никому кулачныхъ боевъ, какъ въ Санктпетербургѣ, такъ и въ Москвѣ не заводить и не биться, чего накрѣпко смотрѣть главной полиціи" (№ 8754). Что законы и распоряженіе такъ нерѣшительныя и если можно сказать не установившіеся, столь же медленно приводились и въ исполненіе, даже Высочайшія повелѣнія, можно видѣть изъ переписки по поводу настоящаго указа. Только спустя восемь лѣтъ 6 декабря 1751 года онъ былъ сообщенъ изъ главной полицеймейстерской конторы въ контору отъ строеній и тамъ составлена „промеморія" слѣдующаго содержанія:

Промеморія.

Изъ главной полицмейстерск. канцеляріи въ канцелярію отъ строеній [1]): понеже по высочайшему Ея Императорского Величества имянному 1743 году іюля 3 дня изустному указу,

[1]) Канцелярія отъ строеній учреждена еще при Петрѣ I. Въ 1746 г. директоромъ ея былъ графъ Вилимъ Вилимовичъ Ферморъ.—Въ октябрѣ 1769 г. эта канц. переименована въ контору отъ строеній, а въ 1797 г. упразднена, и на мѣсто ея учреждена гофъ-интендантская кон-

объявленному чрезъ генерала лейтенанта кавалера и бывшаго генерала полицмейстера господина Наумова повелѣно никому кулашныхъ боевъ, какъ всанктъ Питербурхѣ—такъ и въ москве не заволить и не битца чего накрѣпко смотреть—главной полиціи и воисполненіе того Ея Императорскаго Величества Высочайшаго имяннаго указа здесь и вмоскве публиковано и сверхъ того велено наикрѣпчайшее смотрѣніе иметь опредсленнымъ вчастяхъ афицеромъ и соцкимъ и десяцкимъ и патрулиночной команде и—ежели за кѣмъ то усмотрятъ, брать подъ караулъ и представлять въ главную и московскую полиціи, а ноября 26 дня присланнымъ въ главную полицію отъ дежурнаго генерала адъютанта генерала аншефа сенатора, лейбгвардіи подполковника действительнаго камергера и кавалера Александра Борисовича Бутурлина сообщеніемъ объявлено того же ноября противъ 26 числа около зимнего Ея Императорского Величества дому во многочисленномъ собраніи людей имелся шумъ и кулашной бой при чемъ взятъ подъ караулъ десяцкой Осипъ Матвѣевъ, которой при томъ стоялъ и смотрелъ а таковые де сборищи и кулачные бои Ея Императорское Величество высочайше повелеть соизволила исполиціи запретить такожъ рогаточному карауду и объезду того накрѣпко надсматривать велеть и того ради по указу Ея Императорскаго Величества въ главной полиціи определено лейбгвардіи вполковые и отстроеней и главной артилеріи и фортификаціи и вманежную канцелярію и въ адмиралтейскую колегію послать промеморіи, а находящимся здесь полевымъ полкамъ и полковымъ деламъ и вдешнюю гарнизонную канцелярію указы и требовать чтобъ всехъ техъ командъ служителемъ накрѣпко было запрещено дабы они кулашныхъ боевъ отнюдь нигде въ противность вышеписаннымъ имянныхъ указовъ не чинили а вовсе части и патрулиночные роты кафицеромъ посланы приказы и велено иметь наикрѣпчайшее смотрѣніе чтобъ нигде кулашныхъ боевъ не было а гдѣ появятца, то собравъ каманды техъ бойцовъ брать подкараулъ и представлять вглавную полицію и канцелярія отстроеній благоволитъ быть о томъ извѣстна и учинитъ по Ея Императорскаго Величества указу и куда надлежало промеморіи указы и приказы посланы. Декабря 5 дня 1751 г. Андрей

тора.—Въ 1851 г. въ указѣ Императора Николая I (отъ 21 апрѣля) изложено:—„Для сокращенія расходовъ по двору Нашему, повелѣваемъ упразднить гофъ-интендантскую контору, дѣла же передать въ Нашу придворную контору“—(См. Общ. Арх. М-ва Импер. Двора. Карт. 4120 и 4121).

Погановъ. Секретарь Федоръ Хрущевъ. Подканцеляристъ Дмитрей Протопоповъ.

Промеморія.

Изъ Главной полицымеистерской канцеляріи вканцелярию отстроеней по имяннымъ Ея Императорскаго Величества Исправительствующаго сената 1726 г. Іюля 21.—1727 г. октября 12. 1743 г. Іюня 7. Іюля 3-го чиселъ Указомъ повелено никому кулашныхъ боевъ какъ всанктъ питербурхе такъ и вмоскве незаводить и небитца чего на крепко смотреть Главной полицы и хотя отглавной полицымейстерской канцеляріи для удержанія таковыхъ боевъ неоднократно опубликовано также врученную канцелярію и впрочіе присудственные места писано было—стребованіемъ чтобъ ведомства своего служителямъ накрепко было—подтверждено дабы они вкулачки не бились и техъ боевъ не заводили подъ не малымъ штрафомъ по указомъ но токмо сего ноября 12 дня на реке Фантанке ниже Измайловскихъ слободъ не доезжая Калинкина мосту кулашной бой разныхъ чиновъ от людей происходилъ на которой реке отъ народнаго собранія ледъ проломился и несколько людей потонуло того ради по указу Ея Императорскаго Величества вглавной полицымейстерской канцеляріи определено въ канцелярію отстроеній—послать промеморію и требовать чтобъ благоволенобъ было вѣдомства оной канцеляріи служителямъ наикрепчайше подтвердить дабы они кулашныхъ боевъ не заводили чтобъ чрезъ то какова несчастия воспоследовать не могло и что на сие учинено будетъ вглавную полицию—заизвестие сообщить и канцелярія отстроеній даблаговолитъ учинить о томъ по Ея Императорскаго Величества Указу. Ноября 27 дня 1760-го году.—Михайла Чистовъ. Федоръ Хрущевъ [1]).

Секретарь Николай Яковлевъ
Канцеляристъ Михайла Некрасовъ.

Копія съ протокола.

По указу Ея Императорскаго Величества Канцелярія отстроеній слушавъ промеморіи Изглавной полицымейстерской канцеляріи. Поданной сего декабря 6 дня сообъявленіемъ Ея Императорскаго Величества Высочайшихъ Имянныхъ указовъ о неименіи кулашныхъ Боевъ приказали:

[1]) Общ. Арх. М-ва. Импер. Дв.—Картонъ. 4120, д. № 23.

вѣдомства Канцеляріи отстроеней Санктъ петербурхскую и московскую Гофъ Интендантскіе, впитергофскую Стрелинского строенія Троицкого Александроневскаго Монастыря, Невскихъ кирпичныхъ и черепичныхъ Заводовъ вкантеры и баталіонъ, на стеклянные заводы и впротчие мѣста послать указы велеть втехъ командахъ служителемъ накрѣпко Запретить дабы они кулашныхъ Боевъ отнюдь нигдѣ впротивности объявленныхъ втоя промеморіи имянныхъ указовъ отнюдь не чинили ивтомъ темъ командомъ заоными иметь крепкое—смотреніе. Декабря 10 дня 1751 году. Подлинной протоколъ заподписаніемъ канцеляріи отстроеній за скрепою секретаря Алексѣя Орлова. Протоколистъ Филипъ Григорьевъ. Подлинный читалъ писарь Козьма Кувылдинъ [1]).

Послѣ этого, кромѣ приведеннаго выше—Высочайшаго повелѣнія Императора Александра 1-го отъ 1823 года, вызваннаго несчастнымъ случаемъ въ Пирятинѣ, никакихъ правительственныхъ мѣропріятій не было.

Положительное воспрещеніе кулачныхъ боевъ повсемѣстно вошло въ Сводъ Законовъ Императора Николая I только въ 1832 году, безъ особыхъ правилъ и мотивовъ; въ томѣ четырнадцатомъ, изданія 1832 г. ч. IV ст. 180-я, кратко лаконически говоритъ: „Кулачные бои, какъ забавы вредныя,—вовсе запрещаются“. То же самое дословно повторено въ ст. 31 изд. 1839 г., и въ томѣ XIV, ст. 198, изд. 1842 года.

Такимъ образомъ наказанія, которымъ должны подвергаться виновные въ неисполненіи сего правила, сводятся къ категоріи ответственностей за нарушеніе общественной тишины и порядка.

Вплоть до изданія знаменитаго Свода Законовъ, т. е. до 1832 года, руководствомъ для судей служило древнѣйшее „Уложеніе 1648 года“ Царя Алексѣя Михайловича, совершенно отжившее и устарѣвшее. Къ нему присоединялись Морской и Военный Уставы Петра Великаго и Наказъ Екатерины II. Все это загромождено было неисчислимой массой различныхъ указовъ и повелѣній, которыхъ насчитывалось свыше десяти тысячъ... Трудно было разбираться въ такой массѣ узаконеній, часто противорѣчащихъ одно другому, отмѣняющихъ и вновь возстановляющихъ отмѣненное. Каждый царствующій Государь издавалъ множество указовъ, особенно именныхъ или „изоустныхъ“, какъ тогда они назывались—и зачастую случайныхъ,

---

[1]) См. Общ. Арх. М-ва Импер. Дв. Оп. 74/81, д. 14.

напр. приведенный указъ Императора Александра I, отъ 20 октября 1823 года, вызванный отдѣльнымъ случаемъ, возбудившимъ негодованіе гуманнаго Императора. Или указъ 1726 г. о кулачныхъ бояхъ, идущій въ разрѣзъ съ предшествовавшими и послѣдующими распоряженіями и взглядами правительства.

Очень характерную и любопытную записку подалъ Государю Императору Александру I графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій (умершій въ 1812 году) въ апрѣлѣ 1802 года, въ отвѣтъ на запросъ о причинѣ нескораго составленія законовъ Комиссіей.

Осуждая древніе законы наши, начиная съ „Русской Правды", и называя ихъ „грубыми и отъ естественнаго разсудка удаленными и въ отношеніи нашего вѣку содержавшими соблазны, „а неправоту" онъ, переходя къ Судебнику Ивана Грознаго, говоритъ:

... „Судебникъ Царя Ивана Васильевича опредѣляетъ судъ нелѣпымъ образомъ. Въ тяжебныхъ дѣлахъ изводились тяжущіеся на единоборство или поединокъ въ присутствіи суда; убившій или превозмогшій своего соперника въ ополченіи пріобрѣталъ себѣ тѣмъ оправданіе, и удовлетвореніе взыскивалось съ побѣжденнаго. При такомъ средствѣ, тѣлѣсныя силы, вспомоществуемыя искуствомъ, дѣлали виновнаго правымъ, а праваго виноватымъ. Въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича взяты многія статьи изъ Судебника Іоанна—и книга сія хотя полнѣе прочихъ предыдущихъ, но и въ оной писаны законы не для свободныхъ гражданъ, а для рабовъ. Кнутъ избранъ орудіемъ во исправленіе и судей и тяжущихся, и ко извлеченію по дѣламъ истины былъ дѣятельнѣйшею принадлежностію суда.

... „Не вся матерія суда у насъ въ кодексѣ, а разсѣяна по указамъ свыше десяти тысячь, которыя и наисчасливѣйшая память человѣка обнять не можетъ... Къ составленію систематическаго плану при расположеніи оныхъ также и нынѣ, какъ было при Петрѣ Великомъ, принуждаетъ необходимость прибѣгнуть къ лучшимъ кодексамъ Европейскимъ" [1]).

Чтобы разобраться въ этомъ хаосѣ, еще до изданія общаго свода законовъ, хотя для какого-либо руководства, судьи и чиновники составляли сами писанные указатели, сборники и своды, подраздѣленные на отдѣлы. Эти сборники и указатели были очень немногочисленны и тщательно хранились и оберегались владѣльцами.

[1]) Арх. Канц. Его Вели Оп. ч. № 415, Кн. Х. Д. 261

Въ изданіяхъ 1857, 1876 и 1890 г. Свода Законовъ относительно кулачныхъ боевъ повторяется старая редакція ст. 198 свода 1842 года: „Кулачные бои какъ вредныя забавы вовсе запрещаются".

Все, что можно сказать въ заключеніе изложеннаго, это привести слова лѣтописца:... „земля наша велика"... и т. д. и прибавить, что кулачные бои пережили всѣ законы и сохранялись,— для интеллигенціи они приняли видъ атлетической борьбы, на сценахъ—какъ платное зрѣлище, а въ самомъ народѣ продолжаются невозбранно и повсюдно, не минуя и столицъ, гдѣ они повидимому должны бы стать анахронизмомъ; и практикуется то въ тѣхъ же видахъ и сценахъ, какъ въ сѣдой старинѣ, развѣ только не такъ часто и не въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ. Въ подтвержденіе сказаннаго приводимъ выписку изъ № 249 С.-Петербургской Газеты отъ 10 сентября 1908 года.

К у л а ч н ы й б о й.

„Между рабочими Нарвской заставы существуетъ обычай въ праздничные дни въ видѣ развлеченія устраивать кулачные бои. Всѣ рабочіе этой мѣстности дѣлятся на двѣ партіи: „Балтійскую" и „Петербургскую", между которыми и происходятъ кулачные бои.

„Мѣстомъ для этой забавы служитъ Бородинъ переулокъ, примыкающій къ Петербургскому шоссе. Въ іюнѣ со стороны балтійской партіи въ этотъ разъ выступилъ бойцемъ рабочій Яковлевъ, а петербургская партія выставила рабочаго Фуфаева, и т. д.

А. А. Лебедевъ.

Лѣтопись и мысли стараго педагога [1]).

Главный начальникъ Н. В. Исаковъ довольно часто пріѣзжалъ въ заведеніе и всегда внезапно. Онъ молча обходилъ помѣщенія, никогда не разговаривалъ съ воспитанниками, рѣдко дѣлалъ какія-либо замѣчанія и по окончаніи обхода собиралъ воспитателей, обыкновенно обращался къ нимъ съ одними и тѣми же словами: „не назрѣло ли еще какихъ либо вопросовъ?“. Онъ внимательно выслушивалъ все, что ему говорили, но разъясненія на вопросы не давалъ; мы получали ихъ потомъ въ циркулярныхъ распоряженіяхъ или въ статьяхъ „Педагогическаго Сборника“.

Въ этомъ сборникѣ помѣщалось также много статей, касающихся теоріи педагогіи.

Статьи эти многими усердно читались, но какъ-то мало вліяли на практику.

Въ главномъ управленіи В. У. З. задумано было написать общую инструкцію по воспитательной части. Предварительно были разосланы по заведеніямъ тѣ соображенія, какія были приняты въ предстоящей работѣ комиссіи, особо назначенной для этой цѣли подъ предсѣдательствомъ полковника Каховскаго. Комиссія высказывала, что обильные матеріалы, доставленные заведеніями, не охватываютъ воспитательнаго дѣла во всемъ его объемѣ, страдаютъ отсутствіемъ системы, которая указывала бы опредѣленныя общія начала воспитанія, и клонятъ исключительно къ рѣшенію частныхъ, а не общихъ вопросовъ жизни

[1]) См. „Русская Старина“, іюль 1913 г.

заведенія. Поэтому рѣшено было создать инструкцію, которая имѣла бы цѣлью не упорядоченіе внѣшнихъ проявленій и формъ жизни учебно-воспитательнаго заведенія, а опредѣленіе основъ веденія воспитательнаго дѣла въ полномъ его объемѣ, не стѣсняя однако же полезной самодѣятельности заведенія въ частностяхъ.

Комиссія, желая при этомъ идти практическимъ опытнымъ путемъ и не вдаваться въ теоретическія соображенія и предположенія, признала болѣе правильнымъ подготовить сначала матеріалъ въ отдѣльныхъ статьяхъ, кои разослать въ военныя гимназіи съ тѣмъ, чтобы въ педагогическихъ комитетахъ они были подвергнуты обстоятельному обсужденію, и отзывы о нихъ представлены въ главное управленіе.

Въ присланныхъ намъ матеріалахъ трактовалось о цѣляхъ воспитанія, объ изученіи организма, о темпераментахъ, о способахъ изученія характера, о стимулахъ воспитательнаго вліянія на отдѣльныя личности и на массу и, наконецъ, о воспитательныхъ мѣропріятіяхъ. Словомъ, это былъ цѣлый конспектъ педагогіи съ теоретическими опредѣленіями и подраздѣленіями.

Много комитетовъ и бесѣдъ происходило по поводу этихъ матеріаловъ. Большинство членовъ комитета совершенно были не знакомы съ теоріей педагогіи и впервые слушали, о чемъ тамъ трактовалось. Отзывы поэтому получались весьма поверхностные и мало содержательные. Думаю, что то же было не въ одномъ только нашемъ заведеніи.

Самая мысль привлечь учебныя заведенія къ работѣ была, безъ всякаго сомнѣнія, хорошая и симпатичная, но я думаю, что авторы ея, хотя и одушевленные благими намѣреніями, заблуждались, какъ люди теоріи, мало знакомые съ практикой дѣла.

Не могу не остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ присланнаго намъ матеріяла.

Общія цѣли воспитанія сводились: 1) къ развитію способностей тѣлесныхъ и духовныхъ, 2) къ образованію привычекъ, склонностей, правилъ, убѣжденій. Эти общія цѣли разлагались на 43 частныя, въ числѣ коихъ были, напримѣръ, такія:—13) развитіе способностей къ здоровымъ и красивымъ движеніямъ,—17) развитіе умѣнья различать людей по талантамъ и нравственнымъ качествамъ. Совокупность всѣхъ этихъ частныхъ цѣлей стремилась изобразить идеальнаго человѣка, но такое мелочное расчлененіе ихъ порождало какое-то недоумѣнье въ душѣ воспитателя, ибо обликъ идеальнаго человѣка-христіа-

нина былъ извѣстенъ. Долго мы бились надъ общими цѣлями воспитанія, разыскивая опредѣленіе ихъ въ разныхъ педагогическихъ сочиненіяхъ. Мы ихъ насчитывали до восьми разнообразныхъ. Много волновались по этому поводу и успокоились только тогда, когда прочли въ книгѣ Пирогова, что „во всѣхъ педагогическихъ преніяхъ споръ идетъ больше о словахъ, нежели о сущности дѣла“, и у Паульсона: „При опредѣленіи общихъ цѣлей воспитанія приходится теряться въ туманныхъ и безсмысленныхъ фразахъ“.

Изученіе организма по проекту требовало подробнаго знанія не только его строенія и отправленій, но и знакомства съ аномаліями и болѣзнями тѣлесными и душевными. Статья объ изученіи характера заключала въ себѣ общія мѣста и совершенно отвлеченно и слабо обоснованныя разсужденія. Способовъ для воздѣйствія на отдѣльныхъ личностей было приведено 11, и на массу 9.

Мѣропріятія были разобраны очень подробно и раздѣлялись: на положительныя и отрицательныя, принудительныя и предупредительныя. Вотъ какъ они опредѣлялись: „естественныя мѣропріятія заключаются въ склоненіи желаній воспитываемаго къ данному цѣлесообразному проявленію и отклоненіи отъ нецѣлесообразнаго при помощи указаній, разъясненій и освѣщенія самаго проявленія и его естественныхъ въ глазахъ воспитанниковъ послѣдствій“. Въ искусственныхъ мѣропріятіяхъ: „данное желательное или нежелательное проявленіе исскуственно связывается съ какимъ-либо постороннимъ проявленію послѣдствіемъ, пріятнымъ или непріятнымъ, тяжелымъ, мучительнымъ“.

Такая риторика въ такомъ простомъ и общепонятномъ вопросѣ порождала либо иронію, либо отчаяніе.

Мы иногда на досугѣ пробовали распредѣлять нашихъ питомцевъ по темпераментамъ, но по неопытности рѣдко сходились въ своихъ заключеніяхъ. То глаза были темные, а не голубые, то достаточно живой и шаловливый мальчикъ проявлялъ апатію, нервозность и жестокость, и почти всѣхъ воспитанниковъ намъ приходилось относить къ разряду лицъ не типичныхъ, а смѣшаннаго темперамента, и мы съ веселымъ смѣхомъ расходились.

Случалось, мальчикъ напроказилъ: швырнулъ сапогомъ въ дядьку и расквасилъ ему носъ, или упорно лѣнится; начинаютъ его уговаривать, стыдить, доказывать или наконецъ наказывать: иногда то или другое поможетъ, а иногда ничто не помогаетъ, и тогда воспитатель съ грустью говоритъ: „эхъ, кабы я до тонкости

зналъ эти всѣ стимулы и мѣропріятія, быть можетъ, не то бы было". Украдкою беретъ матеріалы, перелистываетъ и ищетъ какихъ-либо указаній на невѣрность своихъ пріемовъ, но, увы, тщетно: тамъ ихъ не можетъ быть, тамъ только общія начала. Дальнѣйшее зависитъ уже прямо отъ характера и свойствъ воспитателя. Впрочемъ, не всѣ воспитатели такъ мучались, нѣкоторые безъ разговоровъ обращались къ искусственнымъ мѣрамъ. Молодые воспитатели не хвалили ихъ за это, но къ удивленію видѣли, что результатъ часто получался одинаковый безъ видимыхъ по крайней мѣрѣ послѣдствій для дальнѣйшей судьбы и склада характера ребенка.

Все это невольно порождало въ старыхъ скептическое отношеніе къ нашимъ пріемамъ—метафизиковъ—какъ они выражались. Но мы продолжали неумѣренно теоризировать.

Такое тогда было время: и общество, и литература увлекались схемами заграничнаго изготовленія.

Скоро однако же жизнь съ ея кричащими на каждомъ шагу требованіями умѣрила эти увлеченія у людей, оставшихся у дѣла, но не ослабѣли они у кабинетныхъ педагоговъ.

Мы увидали, наконецъ, массу несогласій въ рѣшеніи педагогическихъ проблемъ даже между выдающимися педагогами и шаткость философскихъ началъ, подложенныхъ подъ педагогическія теоріи.

Мы убѣдились, что успѣхъ зависитъ не только отъ теоріи, а отъ безчисленныхъ жизненныхъ условій, что между предвзятыми стройными теоріями и дѣйствительностью существуетъ неизмѣримая пучина. Мы уже не приходили въ священный трепетъ отъ словъ „дидактика", „методика", „эвристика", „пропедевтика" и отъ разныхъ системъ. Мы уже добродушно смѣялись, когда воспитатель Г. прибѣгалъ въ дежурную комнату, хватался за голову и кричалъ: „нѣтъ, чортъ возьми, никакой стимулъ его не беретъ,—все перепробовалъ". Г. былъ старый педагогъ, нерѣдко прибѣгавшій къ старымъ пріемамъ и ручной расправѣ, и воспитанники все-таки любили его: когда онъ принимался за свой методъ, то часть ихъ группировалась около двери, не пускала воспитанниковъ другихъ отдѣленій и давали знать, когда показывалось начальство.

Пристально всматриваясь въ себя, я не разъ задавалъ себѣ мучительный вопросъ, что извлекъ я изъ чтенія разныхъ педагогическихъ сочиненій, измѣнились ли мои отношенія къ дѣтямъ и какъ бы я поступилъ въ нѣкоторыхъ конкретныхъ случаяхъ безъ этого чтенія. Отвѣта на свои вопросы я не

получилъ. Оставалось только утѣшеніе, что почерпнутое мною изъ книгъ вошло въ мою плоть и кровь и для меня самого было незамѣтно и неощутительно.

Я пришелъ къ заключенію и примкнулъ къ мнѣнію, что цѣль воспитанія всегда съ первобытныхъ временъ человѣчества была одна—чтобы дѣти, развиваясь, пріобрѣтали тѣ душевныя и физическія качества, какія въ данное время и у даннаго народа считались наилучшими, идеальными. Содержаніе идеала, средства и способы воспитанія измѣнялись съ развитіемъ общей культуры съ политическими и нравственными ученіями (религія). Съ этимъ измѣнялся и общій характеръ воспитательныхъ мѣръ. Человѣкъ какъ въ психическомъ, такъ и физическомъ отношеніяхъ есть продуктъ его личной организаціи съ наслѣдственными особенностями и воспринимаемыхъ имъ внѣшнихъ впечатлѣній, вліянія среды въ обширномъ смыслѣ, считая и вліяніе природы научнаго образованія, религіи и проч. Въ подборѣ тѣхъ или другихъ вліяній и заключается сущность воспитанія. Теорія естественнаго воспитанія, предоставляющая ребенку полную свободу самому разбираться во вліяніяхъ окружающей среды, забываетъ, что въ сущности никакой свободы въ такомъ воспитаніи нѣтъ, что если ребенокъ лишенъ вліянія родителей или воспитателя, заинтересованныхъ въ томъ, чтобы его развитіе шло правильно, то онъ все равно будетъ воспитываться дворней и улицей, которымъ нѣтъ дѣла до того, что изъ него выйдетъ впослѣдствіи. Истина заключается между свободой и принужденіемъ.

Инструкція по воспитательной части была составлена и потомъ пересоставлена. Въ окончательной редакціи она вышла въ 1889 г. Долженъ по справедливости сказать, что это образцовое въ своемъ родѣ твореніе много способствовало установленію правильныхъ понятій по разнымъ вопросамъ воспитанія и служило прекраснымъ руководствомъ для начинающихъ педагоговъ.

Въ 1870 году я оставилъ Московскую гимназію, получивъ другое назначеніе. Я сохранилъ благодарное воспоминаніе къ заведенію, гдѣ началъ свою педагогическую дѣятельность, и къ сослуживцамъ, съ которыми работалъ въ продолженіе пяти лѣтъ. Отношенія мои къ воспитанникамъ не были близки и просты, какъ мнѣ того хотѣлось. Я нерѣдко ревновалъ ихъ къ другимъ воспитателямъ, съ которыми они шутили, смѣялись, дурачились и охотно окружали ихъ, когда тѣ приходили къ нимъ. Ко мнѣ они подходили сдержанно, обращались съ вопро-

сами дѣловитаго свойства изъ ихъ обихода. Повидимому, они уважали меня, но не любили. Проводили меня, однако же, сердечно, и нѣкоторые затѣмъ переписывались со мной.

Почему воспитанники не относились ко мнѣ просто и довѣрчиво, какъ къ близкому, человѣку, не часто приходили ко мнѣ со своими нуждами и сомнѣніями, не нскали черезъ меня разрѣшенія житейскихъ вопросовъ, которые, безъ сомнѣнія, рождались у нихъ.

При всемъ моемъ душевномъ расположеніи къ нимъ, я все-таки оставался въ ихъ глазахъ начальствующимъ лицомъ, обязанный слѣдить за внѣшними проявленіями ихъ поведенія и успѣхами въ научныхъ занятіяхъ. Какъ лицо подчиненное, я конечно не могъ не сообразоваться съ требованіями заведенія, которыя признавались безусловно необходимыми и которыя дѣйствительно были необходимы при воспитаніи массы. Приходя на дежурство, воспитатель неизбѣжно принималъ на себя роль надсмотрщика. Куренье папиросъ, неряшливость, бранныя слова, порядокъ при сборахъ и проч., повидимому, мелочи требовали постояннаго вмѣшательства въ будничную жизнь воспитанниковъ, вмѣшательства, конечно непріятнаго, такъ какъ оно нерѣдко и неизбѣжно сопровождалось принужденіями. Конечно, и въ семейной жизни не обходилось безъ принужденія по отношенію къ дѣтямъ; но тамъ горечь и неудовольствіе отъ стѣсненія скоро сглаживаются другими факторами, не мыслимыми въ большомъ интернатѣ. Вообще обязанности дежурнаго по возрасту часто сводили на нѣтъ всю работу воспитателя со своимъ отдѣленіемъ.

Можетъ быть желанія и стремленія создать изъ интерната большую семью съ патріархальнымъ строемъ слѣдуетъ отнести въ область недостижимыхъ иллюзій и надобно довольствоваться только тѣмъ, чтобы отношенія не были враждебны, и главнымъ средствомъ для этого, мнѣ кажется, служитъ полное безпристрастіе и возможно точная справедливость. Горечь и озлобленіе въ душѣ воспитанника отъ причиненной ему несправедливости, часто только ему кажущейся, вызываютъ нерѣдко горючія слезы, оставляютъ всегда глубокій слѣдъ въ душѣ.

Невѣрная оцѣнка балломъ, когда воспитанникъ дѣйствительно работаетъ, или незаслуженное ошибочное наказаніе сильно возмущаютъ юную душу. Ошибки въ этомъ отношеніи воспитывающаго, конечно, избѣжать совершенно нельзя при большой массѣ воспитанниковъ; но всегда слѣдуетъ сознаться въ ней предъ потерпѣвшимъ—это единственный способъ снять горечь

съ его души и привлечь его расположеніе и довѣріе. Въ настоящее время существуетъ симпатичное стремленіе обходиться совершенно безъ наказанія, полагаютъ, что система способствуетъ выработкѣ самостоятельнаго характера и не давитъ на волю. Можетъ быть это и такъ, но долженъ сказать, что справедливое наказаніе принимается воспитанниками всегда безропотно. Исполнять всѣ требованія заведенія и руководствоваться въ своихъ поступкахъ только сознательнымъ исполненіемъ долга—не по силамъ для весьма многихъ. И не разъ мнѣ приходилось слышать отъ бывшихъ питомцевъ сознательное благодарное воспоминаніе, что его во-время наказали и принудили. Весьма возможно, что психологія отнесется отрицательно къ такимъ фактамъ дѣйствительной жизни и отнесетъ ихъ къ не научной общей постановкѣ дѣла воспитанія. Оспаривать эмпирическія положенія психологіи, конечно, трудно, и я не берусь за это и, высказывая свои наблюденія, предоставляю людямъ науки положить ихъ на философскую подкладку.

Въ новое заведеніе, Нижегородскую воен. гимназію, въ качествѣ инспектора классовъ, я пріѣхалъ передъ рождественскими праздниками 1870 года.

Заведеніе это во многихъ отношеніяхъ носило иной характеръ. Учебная часть была постановлена, сравнительно, хорошо и требованія отъ воспитанниковъ въ ихъ научныхъ занятіяхъ были строже и серьезнѣе. Въ числѣ преподавателей было трое, прошедшихъ педагогическіе курсы, передъ тѣмъ учрежденные при второй Петербургской гимназіи. Изъ нихъ два преподавали русскій—языкъ и одинъ—французскій. Одинъ изъ преподавателей русскаго языка былъ вполнѣ хорошъ и вполнѣ владѣлъ новыми пріемами преподаванія; другой, подъ названіемъ „Алеша Поповичъ“, былъ совсѣмъ не педагогъ и не пользовался никакимъ авторитетомъ. Французъ пробылъ не долго и очень равнодушно относился къ своему дѣлу. Было трое преподавателей стариковъ ветерановъ, бывшихъ еще учителями тогдашняго директора. Они вели преподаваніе старыми усвоенными ими способами и, надо по совѣсти сказать, умѣли заставить ученика учиться, умѣли вести общую классную работу и достигали хорошихъ знаній.

Математики, какъ и въ Московской гимназіи, были почти всѣ военные.

Воспитатели преимущественно были гражданскіе съ университетскимъ образованіемъ. Изъ нихъ четверо были очень хороши и полезны. Остальные были совсѣмъ плохи. Директоръ желалъ

имѣть воспитателей, знакомыхъ съ иностранными языками, и былъ въ остальномъ мало разборчивъ. Воспитатели часто мѣнялись, такъ какъ многіе оказывались совершенно неспособными къ педагогической дѣятельности: были равнодушны къ дѣтямъ, относились формально и жестоко и тѣмъ вызывали частые протесты.

Военные воспитатели, изъ коихъ были три академика, были во всякомъ случаѣ лучше: они были болѣе подходящаго воспитанія и не проявляли никакихъ неожиданностей, какія бывали среди гражданскихъ, совершенно чуждыхъ духу военной среды.

Правда, нѣкоторые изъ нихъ, равно какъ и академики, имѣли то важное преимущество, что могли оказывать помощь въ учебныхъ занятіяхъ воспитанникамъ и на этомъ основывали свой авторитетъ.

Директоръ гимназіи П. И. Носовичъ былъ человѣкъ выдающійся. Начитанный и образованный, онъ имѣлъ особый взглядъ на всю систему воспитанія и крайне недружелюбно относился къ нововведеніямъ тогдашняго времени.

Онъ считалъ, что характеръ управленія учебнымъ заведеніемъ долженъ быть патріархальнымъ и что воспитатели только мѣшаютъ ему. „Это двѣнадцатиглавая гидра,—говорилъ онъ,—ни на что ненужная, директоръ — это художникъ, который творитъ, и никто не долженъ вмѣшиваться въ его твореніе“. Воспитатели дѣйствительно имѣли при немъ мало значенія. Онъ стоялъ непосредственно къ воспитанникамъ и пользовался громаднымъ авторитетомъ между ними. Воспитанники прямо обращались къ нему по всякимъ мелочамъ, называя его не иначе, какъ по имени и отчеству. Всѣмъ воспитанникамъ онъ говорилъ „ты“, и случалось, трепалъ ихъ собственноручно и ругалъ самыми энергичными словами. Никто однако же на него не обижался и всѣ добродушно относились къ его примитивнымъ репрессивнымъ мѣрамъ. Память о немъ сохранилась надолго среди его бывшихъ питомцевъ. Многіе не прерывали съ нимъ сношеній и пользовались его заступничествомъ и совѣтами до самой его смерти. Я не зналъ другого директора, который пользовался бы такой популярностью среди бывшихъ питомцевъ. Они искренно огорчались, когда онъ начиналъ говорить имъ „вы“, а не „ты“.

Вслѣдствіе такой постановки, члены учебно-воспитательной корпораціи имѣли мало значенія, и безпорядки, протесты и грубости со стороны воспитанниковъ бывали очень часты и легко сходили съ рукъ. Виноватыми чаще, чѣмъ слѣдовало бы,

оказывались преподаватели и воспитатели. Словомъ, духъ заведенія былъ очень свободенъ и представлялъ большія трудности въ другихъ рукахъ.

Съ 1 января по мартъ 1872 года, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ было 83 случая высылки изъ класса, 22 случая дерзостей въ классѣ и 59 дерзостей, занесенныхъ въ журналъ дежурныхъ.

Павелъ Ивановичъ былъ очень непріязненно настроенъ къ центральному нашему управленію и постоянно велъ съ нимъ полемику по поводу разныхъ распоряженій этихъ „канцелярскихъ педагоговъ“, какъ онъ называлъ ихъ.

Меня онъ принялъ любезно, но сдержанно и зорко сталъ присматриваться къ моимъ первымъ шагамъ. Черезъ нѣсколько дней, когда я нѣсколько освоился съ порядкомъ и общимъ характеромъ заведенія, онъ пришелъ ко мнѣ въ инспекторскую и сказалъ: „Вамъ, какъ человѣку у насъ новому, конечно, скорѣе могутъ броситься въ глаза недочеты и неправильности нашего режима, и я очень прошу Васъ откровенно сообщать мнѣ Ваши наблюденія“. Я высказалъ ему, что хотя по положенію считаюсь ближайшимъ его помощникомъ по всѣмъ частямъ заведенія, но желалъ бы ограничить свою дѣятельность учебной частью и просилъ его всѣ свои распоряженія по этой части дѣлать черезъ меня. „Повѣрьте, отвѣчалъ онъ, что ежели придется дѣлать иначе, то исключительно съ цѣлью облегчить Васъ“. Въ теченіе пяти лѣтъ моей службы съ П. И. у насъ нерѣдко бывали споры и разногласія, доходившія до колкостей, но отношенія оставались прямодушныя, основанныя на взаимномъ уваженіи и довѣріи. Размолвки наши обыкновенно оканчивались взаимными добродушными остротами.

Педагогическіе комитеты собирались не часто, и въ нихъ обсуждались только конкретные случаи изъ жизни заведенія; всякое отклоненіе къ обще-педагогическимъ вопросамъ тщательно устранялось.

Учебныя занятія,—какъ я уже сказалъ,—шли сравнительно недурно, въ особенности иностранные языки. Директоръ былъ сторонникомъ классицизма въ тогдашней борьбѣ классиковъ и реалистовъ и обращалъ больше вниманія на знаніе языковъ. Каждый вечеръ, послѣ приготовленія уроковъ, часть воспитанниковъ старшаго класса отправлялась къ нему на квартиру, и онъ читалъ съ ними французскія и нѣмецкія книги. Преподаватели инспекторъ классовъ подражали ему. Результатъ былъ таковъ, что когда военный министръ Д. А. Милютинъ

однажды присутствовалъ на экзаменѣ французскаго языка, то былъ пріятно пораженъ, что многіе ученики свободно à livre ouvert читали по-русски иностранный текстъ.

Младшіе классы имѣли тогда такъ называемые элементарные курсы, заимствованные, кажется, изъ Германіи. Система нѣмецкаго педагога Груббе увлекала нашихъ педагоговъ, и мы насиловали 11—13 лѣтнихъ дѣтей скучными, притупляющими способами изученія чиселъ перваго десятка и разными объяснительными чтеніями, обнимающими самыя примитивныя понятія, неизвѣстныя развѣ только дѣтямъ семилѣтняго возраста. Случалось, что преподаватель разложитъ предъ собою одинъ изъ модныхъ тогда учебниковъ и задаетъ вопросы, строго придерживаясь книжки, и доводитъ, наконецъ, дѣтей до того, что они начинали говорить явныя несообразности.

Зубристика совершенно была изгнана и на мѣсто ея явилась „развистика“. Нѣкоторые преподаватели серьезно считали себя спеціальными преподавателями развитія. Фактическое знаніе отошло совершенно на второй планъ, и всѣ заботы сосредоточивались на пріученіи къ самостоятельности мышленія. Объекты для такого мышленія были или очень ничтожны, или такіе, которые безъ фактическаго знанія были безпочвенными и отрывочными. Напримѣръ, учитель географіи очень подробно разсказывалъ о жизни бурятъ, пляскѣ шамановъ, свойствѣ калмыковъ и цыганъ; воспитанники не знали, гдѣ они обитаютъ, и не могли указать, гдѣ протекаетъ Волга, или на какой рѣкѣ стоитъ Петербургъ. И учителю этому апплодировали (кто?) власть имѣющіе.

Пріемы эти очень поддерживались изъ Петербурга, но жизнь мало-по-малу вытѣснила ихъ. Уже въ половинѣ семидесятыхъ годовъ они въ чистомъ видѣ не встрѣчались. Отчизновѣдѣніе, природовѣдѣніе, пропедевтическіе курсы влачили жалкое существованіе. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ элементарный курсъ въ трехъ младшихъ классахъ былъ отмѣненъ.

Введеніе этого курса въ военной гимназіи оправдывалось тѣмъ, что родители дѣтей, поступившихъ въ заведеніе, не имѣли способовъ для надлежащаго первоначальнаго подготовленія дѣтей. Но вѣрнѣе, что принятіе его обусловливалось доброжелательными педагогическими увлеченіями 60-тыхъ годовъ и нашей неопытностью. Тогда неумѣренно боялись всего, что напоминало старыя формы, и безъ должной критики хватались за все новое, только въ силу увѣренности, что новое лучше стараго уже потому, что оно новое.

Во всѣхъ классахъ, кромѣ старшаго, вмѣсто экзаменовъ, была принята система годичныхъ репетицій. Экзамены по вѣскимъ соображеніямъ были отмѣнены.

Годичныя репетиціи въ томъ видѣ, какъ онѣ были задуманы и примѣнялись первое время, были безусловно важнымъ и полезнымъ нововведеніемъ. Въ продолженіе двухъ-трехъ дней весь курсъ повторялся подъ руководствомъ преподавателя всѣмъ классомъ. Было возможно сдѣлать обобщеніе, связать все пройденное, выдвинуть наиболѣе важное и лучше разъяснить трудно понимаемое. Такое повтореніе, весьма цѣнное для хорошихъ учениковъ, имѣло немалое значеніе и для тѣхъ, кто слабо усвоилъ предметъ, ибо давало возможность усвоить главное положеніе пройденнаго. Годичныя репетиціи не мѣшали преподавателямъ по возможности безъ надобности останавливаться для повторенія отдѣловъ въ теченіе курса, что̀ хорошіе преподаватели всегда и дѣлали.

Годичныя репетиціи въ первоначальномъ видѣ требовали значительнаго напряженія со стороны преподавателя, умѣнья и подготовки къ нимъ. Все это я зналъ и испытывалъ, какъ преподаватель. Поэтому, въ качествѣ инспектора классовъ, усиленно поддерживалъ репетиціи и иногда направлялъ ихъ въ своемъ присутствіи. Къ сожалѣнію, онѣ съ теченіемъ времени превратились въ тѣ же экзамены, т.-е. каждый воспитанникъ вызывался, допрашивался, повѣрялось его знаніе на трехъ-четырехъ вопросахъ, ему ставили отмѣтку и отпускали, не тревожа болѣе вопросами.

Нѣкоторое время еще соблюдалось, что спрашиванье шло послѣдовательно, въ порядкѣ учебника, и хотя немногіе могли добровольно слѣдить за повтореніемъ, но и это исчезло. Такъ этотъ прекрасный пріемъ заглохъ только потому, что дурно исполнялся.

Методика преподаванія, требующая, чтобы учитель велъ объясненіе новаго урока и спрашиваніе при участіи всѣхъ учениковъ, соблюдалась далеко не всѣми, и многіе изъ преподавателей обращались въ лекторовъ. Требованіе на этотъ счетъ отъ начальствующихъ въ заведеніи лицъ было настоятельное и постоянное, но такое веденіе урока требовало кромѣ умѣнья еще и силы. При большомъ числѣ уроковъ это было немыслимо. Неумѣренное и неумѣлое опрашиваніе при помощи наводящихъ вопросовъ, коими предполагалось пріучить учениковъ къ самостоятельному и продуктивному мышленію, приводило сплошь и рядомъ къ тому, что ученики теряли всякую способность

связно и толково передавать содержаніе заданнаго. Они разучивались (вообще) складно выразить свою мысль, даже въ обыкновенномъ разговорѣ, что производило на посторонняго человѣка крайне неблагопріятное впечатлѣніе относительно умственнаго развитія учениковъ.

Для поступленія въ военныя гимназіи установлены были конкурсные экзамены. Это заставило родителей съ большимъ вниманіемъ заботиться о начальной подготовкѣ дѣтей, и дѣйствительно въ гимназію стали поступать съ лучшими первоначальными свѣдѣніями, что облегчало учителей; но конкурсные экзамены имѣли и отрицательную сторону: на каждую открывающуюся вакансію назначалось до трехъ конкуррентовъ; при краткости времени и при большой массѣ конкуррировавшихъ весьма трудно взвѣсить ихъ относительное достоинство въ знаніи очень небольшого матеріала. Случалось нерѣдко, что поступившіе изъ первыхъ затѣмъ шли въ хвостѣ. Безъ сомнѣнія, случалось, что нѣкоторыя изъ способныхъ дѣтей оставались за флагомъ вслѣдствіе робости характера и непривычки послѣ семейной жизни отвѣчать при незнакомой имъ обстановкѣ. Нѣкоторые родители не имѣли возможности дать требуемую подготовку. Около заведенія стали группироваться постороннія лица, которыя съ спекулятивными цѣлями брали на короткое время конкуррентовъ и натаскивали ихъ сообразно съ нѣкоторыми неизбѣжными особенностями въ требованіяхъ каждаго заведенія. Не всѣ имѣли средства платить за это большія деньги. Много родителей, дѣти коихъ остались за флагомъ, были поставлены въ тяжелое положеніе—везти ихъ обратно. Были случаи, что мать бросала ребенка въ заведеніи и уѣзжала.

Н. А. Якубовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Поправка.

Въ книгѣ № 6-й Іюнь с. г., фамилія сообщившаго статью „Лѣтопись и мысли стараго педагога“ напечатана не вѣрно; вмѣсто сообщ. Н. В. Гриневичъ,—слѣдуетъ—сообщ. Н. А. Якубовичъ.

Послѣднія минуты жизни генерала-отъ-кавалеріи Ѳедора Петровича Уварова, участника Отечественной войны 1812 г.

(По письму Сергѣя Уварова, отъ 20 ноября 1824 г., его пр-ву И. И. Дибичу).

Милостивый Государь,
Баронъ Иванъ Ивановичъ!

Генералъ-отъ-кавалеріи Ѳедоръ Петровичъ Уваровъ, коему я былъ близокъ не по родству, а по чувствамъ любви и довѣренности, призвавъ меня вчера въ 10-мъ часу вечера къ смертному своему одру и приказавъ всѣмъ удалиться, объяснилъ мнѣ слѣдующее, въ полномъ присутствіи духа и со всевозможной точностью:

„Время командованія моего гвардейскимъ корпусомъ, сказалъ онъ мнѣ, я почитаю лучшимъ въ моей жизни—лучшимъ, ибо оно дало мнѣ особенно случай и средство оказать мою преданность Государю—лучшимъ, ибо я былъ столь счастливъ, что снискалъ себѣ довѣренность и любовь отъ подкомандующихъ. Это время я хочу ознаменовать съ дозволенія Государя памятникомъ и желаю, чтобъ онъ былъ воздвигнутъ на Пулковой горѣ. [1]) На этотъ памятникъ опредѣлилъ я значительный капиталъ и чистыми деньгами [2]) и доходами съ моего имѣнія [3]). Если Богу угодно прекратить мою жизнь, то все сіе

---

[1]) Желательно, чтобы кто-нибудь изъ потомковъ Ѳ. П. Уварова откликнулся, какъ исполнена была воля покойнаго относительно постановки памятника. *Ред.*

[2]) 200.000 руб.

[3]) Изъ доходовъ съ остающагося въ Кіевской и Волынской губ. по 50.000 руб. три года, а „ежели бы нужно было“, то и четвертый.

изображено въ составленной мною бумагѣ—можетъ быть, что не все такъ ясно написано, потому и хочу я, продолжалъ умирающій, чтобъ ты зналъ мою мысль и мое желаніе и могъ во всѣхъ случаяхъ свидѣтельствовать объ оныхъ". Прибавивъ нѣсколько дружескихъ выраженій, сказалъ: „ты меня понимаешь, содѣйствуй къ исполненію моей послѣдней воли—я на тебя надѣюсь".

Тутъ называлъ мнѣ упадающимъ уже голосомъ: сенатора Шаховскаго, г.г. генералъ-лейтенанта Гладкова, начальника гвардейскаго штаба генералъ-маіора Нейдгардта, генералъ-маіора Балабина какъ тѣхъ, на коихъ вмѣстѣ со мною онъ возлагалъ исполненіе сего послѣдняго распоряженія.

Неизвѣстно мнѣ если бумага, о которой упоминалъ Ѳедоръ Петровичъ, согласна съ его словесными приказаніями, ибо я ее не видалъ, а по ослабленію его голоса не смѣлъ прерывать его рѣчи малѣйшимъ вопросомъ, но давъ ему обѣщаніе исполнить по мѣрѣ силъ и возможности возлагаемое на меня и, получивъ его послѣднее прощаніе, вышелъ я изъ комнаты и тутъ же находящимся гг. генералъ-маіору Нейгардту, камергеру Бехтѣеву и двоюроднымъ братьямъ покойнаго генерала Уварова сообщилъ содержаніе нашего разговора.

Священнымъ долгомъ поставляю довести немедленно чрезъ ваше превосходительство до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества о послѣднемъ желаніи вѣрнаго и преданнаго слуги, коего послѣдне чувство и послѣдняя мысль въ полной мѣрѣ принадлежали Государю Императору, и который въ утратѣ жизни видѣлъ только лишеніе возможности служить ему и отечеству.

Я покорнѣйше прошу ваше превосходительство извинить безпорядокъ письма, писаннаго съ чувствомъ глубокаго огорченія и посреди первыхъ впечатлѣній тяжелой борьбы достойнѣйшаго и мною истинно любимаго человѣка.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и равномѣрною преданностію имѣю честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугой.

Сергѣй Уваровъ.

Сообщилъ **В. П. Федоровъ.**

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 10 по 17-е января 1912 г.

Добржинскій К. А. Къ Ляоянскому бою 18, 19, 20 и 21 августа 1904 года. На замѣну статьи, помѣщенной въ журналѣ „Развѣдчикъ“ 13-го октября 1909 года, № 989. По Поводу статьи Е. И. Мартынова о Ляоянскомъ боѣ. Ялта. 1911. Тип. Трудъ С. М. Ятовца. 8 (15 × 22) 32 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 3 л. 2.000 экз.

Еджубовъ, Г. А. Анализъ произведеній Новой Русской Литературы Карамзинъ, Жуковскій, Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій. Тифлисъ. 1911. Изд. Автора (Синодальная, 3). Тип. Культура (Баранская, 14). 8° (18 × 23). 94 стр. Ц. 85 к. Вѣсъ 12 л. 1.200 экз.

Жерве, Н. П. и Строевъ, В. Н. Историческій очеркъ 2-го кадетскаго корпуса. 1712—1912 гг. въ двухъ томахъ. Подъ общей редакціей А. К. Ландберга. Томъ I. Спб. 1912. Тип. Тренке и Фюсно (Максим. пер., 13). 4° (23 × 32). XI + 2 + 464 + 174 стр. Съ рис. Вѣсъ 6¾ ф. 600 экз.

Залѣскій, В. Ф., проф. Къ исторіи просвѣщенія инородцевъ Казанскаго Церковно-Историко-Археологическаго Общества 18 октября 1911 г. Казань. 1911. Тип. Центральная. 8° (16 × 24). 19 стр. Вѣсъ 2 л. 300 экз.

Керенскій, Вл. Православныя Духовныя Академіи въ прошломъ и настоящемъ. Харьковъ. 1911. Тип. Мирный трудъ (Дѣвичья, 14). 8° (15 × 23). 27 стр. Вѣсъ 3 л. 1500 экз.

Конспекты лекцій по исторіи и древностямъ Великаго Новгорода, читанныхъ въ 1909 году въ Новгородскомъ Обществѣ любителей древности. Выпускъ III. Новгородъ. 1911. Изд. О-ва любителей древности. Тип. Губернская. 16° (12 × 18). 105 — 128 + 2 нен. стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 1 л. 1.000 экз.

Краткая памятка войны 1812 года. М. 1912 Изд. А. Н. фонъ-Винклера. Тип. И. М. Машистова (Б. Садовая, св. д.). 18° (12 × 18). 10 стр. съ рис. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Лермонтовъ, М. Ю. Сочиненія. Полное собраніи сочиненій въ одномъ томѣ. Подъ ред. П. В. Смирновскаго и составленнымъ имъ же біографическимъ очеркомъ Лермонтова. М. 1912. Изд. Книгоизд. А. С. Панафидиной. (Лялинъ пер., с. д.). Тип. Т-ва В. Чичеринъ (Марьинск. уч., с. д.). 8° (19 × 27). XLII + 1062 (въ 2 столбца + 2 нен. стр. + 62 листа рис. Ц. 1 р. Вѣсъ 2 ф. 19 л. 15.000 экз.

Лицейскій журналъ V — VI. 1910 — 1911. Спб. 1911. Тип. Сиріусъ (Рыночная, 10). 8° (16 × 23), 35 + 1 нен. стр. съ портр. Вѣсъ 5 л. 150 экз.

Павловъ, В. И. А. С. Пушкинъ. Вып. 2-й. Разборъ произведеній, характеристика дѣйствующихъ лицъ, содержаніе и подробный планъ. Содержаніе: 1) Рабъ страсти. („Скупой рыцарь"). 2) Жертва преступной совѣсти. (Душевная драма Бориса Годунова). 3) Лжедимитрій. 4) Русскій лѣтописецъ. (Пименъ, изъ драмы „Борисъ Годуновъ"). 5) Моцартъ и Сальери. Подробное изложеніе: I. Скупой рыцарь. II. Борисъ Годуновъ. III. Моцартъ и Сальери. Одесса. 1911. Изд. и тип. Книг-ва М. С. Козмана (Госпитальный пер., 10). 8° (14 × 20). 32 + 16 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 4 л. 8.000 экз.

Павловъ, В. И. И. А. Гончаровъ. Вып. 1-й. Разборъ произведеній, характеристика дѣйствующихъ лицъ, содержаніе и подробный планъ. Содержаніе: 1) Илья Ильичъ Обломовъ. 2) „Обломщина" и ея враги — Штольцъ и Ольга. 3) Дядя и племянникъ Адуевы. Подробное изложеніе I. „Обломовъ". II. „Обыкновенная исторія". Одесса. 1911. Изд. и тип. Книгоизд. М. С. Козмана. 8° (14 × 20). 29 + 21 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 5 л. 3.000 экз.

Павловъ, В. И. И. А. Гончаровъ. Вып. 2-й. Разборъ произведеній, характеристика дѣйствующихъ лицъ, содержаніе и подробный планъ. Содержаніе: 1) Герои „Обрыва". Подробное изложеніе: I. „Обрывъ". Одесса: 1911. Изд. и тип. Книгоизд. М. С. Козмана (Госпитальный пер., 10). 8° (14 × 20). 14 + 76 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 8 л. 3.000 экз.

Павловъ, В. И. М. Ю. Лермонтовъ. Разборъ произведеній, характеристика дѣйствующихъ лицъ, содержаніе и подробный планъ. Содержаніе: I. Въ разладѣ съ жизнью (творчество М. Ю. Лермонтова). II. „Герой безвременья". III. „Демонъ". IV. „Мцыри". V. „Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ" Подробное изложеніе: I. Герой нашего времени. II. Измаилъ-Бей. Одесса. 1911. Изд. и тип. Кн-ва М. С. Казмана. 8° (13 × 20). 55 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 4 л. 3.000 экз.

Павловъ, В. И. Н. В. Гоголь. Вып. 2-й. Разборъ произведеній, характеристика дѣйствующихъ лицъ, содержаніе и подробный планъ. Содержаніе: 1) Исторія одной жизни (Акакій Акакіевичъ Башмачникъ). 2) Проблема творчества. (Повѣсть „Портретъ"). 3) „Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ". Подробное изложеніе: I. „Мертвыя души". II. „Портретъ". III. „Миргородъ" IV. „Записки сумашедшаго". V. „Тарасъ Бульба". VI „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ". Одесса. 1911. Изд. и тип. Книго-ва М. С. Козмана (Госпитальный пер., 10). 8° (13 × 20). 14 + 82 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 7 л. 3.000 экз.

Павловъ, В. И. Писатели эпохи Елизаветы I и Екатерины II. Разборъ произведеній, характеристика дѣйствующихъ лицъ, содержаніе и подробный планъ. Содержаніе: 1) Литературная дѣятельность А. П. Сумарокова. 2) Литературная дѣятельность Императрицы Екатерины II. 3) Герои „Недоросля" и „Бригадира". 4) Основные моменты въ поэзіи Г. Р. Державина. Подробное изложеніе: I. Изъ трагедіи „Хоревъ". II. „Недоросль". III. „Бригадиръ". IV. Оды Г. Р. Державина. Одесса. 1911. Изд. и тип. Книгоизд. М. С. Козмана (Госпитальный пер., 10). 8° (14 × 20) 51 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 4 л. 3.000 экз.

Плетневъ, Алексѣй. Левъ Толстой. Опытъ характеристики. Одесса. 1912. Изд. Книгоизд. За право и правду. Тип. Акц. Южно-Русск. О-ва Печ. Дѣла (Пушкинская, 18). 8° (15 × 23). 16 стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 2 л. 600 экз.

Покровскій, В. Ѳеодоръ Михайловичъ Достоевскій, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Ч. II. М. 1912. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., с. д.) 8° (16 × 25). IV + 268 стр. Складъ: кн. маг. В. Спиридонова и А. Михайлова (Моховая, уг. Тверской, д. Варваринск. Акц. О-ва). Ц. 1 р. Вѣсъ 26 л. 3.000 экз.

Попруженко, М. Г. Сорокалѣтіе ученой дѣятельности Академика Ѳеодора Ивановича Успенскаго. Рѣчь, сказанная въ засѣданіи Истор.-Филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ въ день юбилея 3/XI 1911 г. Одесса. 1912. Тип. Экономическая (Ул. Жуковскаго, 43). 8° (17 × 27). 41 стр. Вѣсъ 6 л. 120 экз.

Порфирьевъ, И. Исторія русской словесности. Часть II. Новый періодъ Отдѣлъ 1 отъ Петра В. до Екатерины II. Казань 1911. Изд. Н-ковъ автора (2-я Солдатская) 6-е. Тип. Университета. 8° (17 × 25). 350 + III стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 28 л. 3.000 экз.

Рудкій, П. Гр. Ревнитель просвѣщенія Юрьевскій купецъ Петръ Яковлевичъ Шамаевъ. Юрьевъ. 1911. Тип. К. Маттиссена. 8° (16 × 25). 28 стр. + 1 портр. Ц. 30 к. Вѣсъ 5 л. 300 экз.

Рѣщиковъ. Нашъ полкъ. Краткая исторія 59-го пѣхотнаго Люблинскаго полка. Одесса. 1911. Тип. Г. И. Сапожникова (ул. Жуковскаго, 12). 16° (12 × 18). 15 стр. Съ рис. Вѣсъ 2 л. 1.200 экз.

Соколова, А. И. Сѣверный сфинксъ. Историческій этюдъ. Спб. 1912. Изд. Р. Голике. Тип. Т-ва Р. Голике и А. Вильборга (Звенигородск., 11). 8° (17 × 24). 159 + 1 нен. стр. Съ портр. Ц. 1 р. Вѣсъ 17 л. 4.100 экз.

Соколовъ, Леонидъ. Донъ-Кихотъ русской жизни (Памяти В. Г Бѣлинскаго). 1811 г. 30 мая — 1911 г. Публичная лекція, произнесенная въ Кіево-Подольской женской гимназіи и Императорскомъ университетѣ св. Владиміра 3 декабря 1911 г. Кіевъ. 1911. Тип. Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (16 × 25). 72 стр. съ портр. Ц. 50 к Вѣсъ 7 л. 125 экз.

Тельбергъ, Г. Г. Очеркъ политическаго суда и политическихъ преступленій въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка. М. 1912. Изд. автора. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 9 л. 800 экз.

Тихоновъ. Двадцать пять лѣтъ на казенной службѣ (Воспоминанія отставного чиновника). Части I и II (От. изъ Лѣсного Журнала за 1911 годъ). Спб. 1912. Тип. Градоначальства (Измайл. пр., 8 р., 206). 8° (17 × 24). 1 нен. + 199 + 536 стр. Ц. за оба тома 3 р. Вѣсъ 2 ф. по 2.000 экз.

Цытовичъ, Э. П. Научная дѣятельность М. В. Ломоносова, главнымъ образомъ въ области физики. Спб. 1912. Изд. Образованіе. Тип. 1-й артели (Лиговская 34). 8° (15 × 21). 21 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 2 л. 1.000 экз.

Черепнинъ. Н. П. Отечественная война. Очеркъ. Спб. 1912. Тип. Родникъ (Невскій пр., 88). 8° (16 × 25). 24 стр. съ рис. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Шахматовъ, А. А. Исторія русскаго языка. Листы 9 и 10. Спб. 1911. Тип. Богданова (Эртелевъ пер., 7). 4° (19 × 39). 129—178 стр. Вѣсъ 7 л. 400 экз.

Шахматовъ А. А. Исторія русскаго языка. Часть 2. Листы 12—17. Спб. 1911. Тип. Богданова (Эртелевъ пер., 7). 4° (19 × 30). 177—272 стр. Вѣсъ 15 л. 400 экз.

Юдинъ, П. Генералъ-маіоръ Н. Слѣпцовъ, какъ организаторъ Сунженской линіи. По случаю 60-й годовщины со дня его кончины (1851 — 10 декабря—1911 г.) Владикавказъ. 1911. Изд. Терск. О-ва люб. Казачьей старины. Тип. Терск. Обл. Правл. 8° (17 × 23). 23 стр. Съ рис. и портр. Вѣсъ 3 л. 3.100 экз.

Съ 24-го по 31-е января 1912 г.

Алтаевъ, А. Въ дебряхъ Мордвы. Дѣтство патріарха Никона. Дешевая библіотека для семьи и школы. М. 1912. Изд. ред. журн. Южная Россія. (Б. Молчановка, 18). Тип. Русскаго Т-ва (Мыльниковъ пер., д.). 8° (15 × 20). 63 стр. Съ рис. Ц. 20 к. Вѣсъ 7 л. 3.600 экз.

Бабіовъ, А. проф. Исторія Русской арміи. Курсъ военныхъ училищъ. Вып. I. Эпоха Петра Великаго. Эпоха Румянцева и Суворова. Эпоха войнъ съ Наполеономъ. Спб. 1912. Тип. Стасюлевича (В. О., 5 линія). 8° (19 × 29). 242 стр. и 28 план. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 4.000 экз.

Библіотека Д. В. Ульянинскаго. Библіографическое описаніе. Томъ I. Матеріалы по исторіи русскаго просвѣщенія и литературы. М. 1912. Тип. П. П. Рябушинскаго (Страстной бульв., соб. д.). 8° (20 × 28). IX + 410 стр. Складъ: Кн. маг. Т-ва М. О. Вольфа (Кузнецкій мостъ, 12). Ц. за три т. 15 р. Вѣсъ 2 ф, 2 л. 325 экз.

Боровкова-Майкова, М. Къ литературный дѣятельности Нила Сорскаго. Памятники древней письменности и искусства. CLXXVII. Спб. 1911. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская 43). 8° (19 × 28). 16 стр. Вѣсъ 4 л. 450 экз.

Бродовскій, Гр. С. Г. Фрутъ. Національные мотивы его творчества. (Изъ доклада „Трагизмъ еврейскаго творчества“, читаннаго въ засѣданіи Одесскаго Отдѣленія Еврейскаго Литературнаго общества 4-го апрѣля 1911 года). Съ фиксимиле С. Г. Фруга. Одесса. 1912. Изд. Изд-ва Либанонъ (Пушкинская, 61). Тип. Центральная (Херсонская 21). 8° (15 × 23). 27 стр. Съ портр. Ц. 15 к. Вѣсъ 3 л. 2.000 экз.

Вѣтринскій, Ч. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. (1799—1837). Очеркъ жизни и дѣятельности. Н. Новгородъ. 1912. Изд. изд. Нижегородскій Ежегодникъ. Тип. Нижегор. Печ. Дѣло З. А. Астафьевой. 16° (8 × 13). 64 стр. Ц. 5 к. Вѣсъ 3 л. 10.000 экз.

Готвальтъ, В. Отечественная война. Историческій очеркъ событій войны 1812 г. (Популярная библіотека № 104). М. 1912. Изд. К-ва Звѣзда Н. Орфенова (Садовая Кудринская, 23). Тип. Рекордъ (Арбатъ, Б. Афанасьевскій пер., 32). 16° (11 × 16). 93 стр. + нен. Ц. 10 к. Вѣсъ 4 л. 10.000 экз.

Гулевичъ, С. А Четырехъ съ половиною вѣковая съ 1478 по 1911 годъ исторія 8-го пѣхотнаго эстляндскаго полка. Спб. 1911. Тип. Экономическая (В. О., 14 л., 5). 4° (25 × 33). 415 стр. Съ рис. Вѣсъ 4 ф. 8 л. 200 экз.

Дружининъ, В. Г. Словесныя науки въ Выговской Поморской пустыни. Спб. 1911. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (15 × 23). 32 стр. Вѣсъ 5 л. 300 экз.

Жерве, Н. Юбилейная памятка 2 кадетскаго Императора Петра Великаго корпуса. Спб. 1912 Изд. Н. Жерве. Тип. Тенке и Фюсно (Максим. пер., 13). 8° (18 × 26) 57 стр. Съ рис. Вѣсъ 2 л. 600 экз.

Жизнь и подвиги генералъ-лейтенанта Дмитрія Петровича Невѣровскаго. 1771—1813. Подъ ред. В. А. Афанасьева М. 1912. Изд. Кружка ревнит. пам. отеч. войны 1812 г. Тип. А. И. Снегиревой. 8° (16 × 22). 32 стр. съ рис. и портр. Вѣсъ 6 л. 3.200 экз.

Золотаревъ, С. А. Очерки по исторіи русской литературы. Древняя письменность. Спб. 1912. Тип. „Энергія“ (Загородный пр., д. 17). 8° (18 × 23). V + 106 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 17 л. 1.100 экз.

Ивановъ, И. И., пров. М. В. Ломоносовъ. Лекція. 1912. Изд. Кіев. Педагогич. Музея. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Караваевская, 5). 8° (15 × 23). 24 стр. + 1 портр. Вѣсъ 3 л. 20.000 экз.

Историко-Филологическій факультетъ Императорскаго Университета св. Владиміра. Обозрѣніе преподованія на весенній семестръ 1912 года. Кіевъ. 1912. Тип. Ак. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (17 × 24). 20 стр. + 1 табл. Вѣсъ 4 л. 500 экз.

Историко-Филологическій Факультетъ Кіевскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ. Обозрѣніе преподаванія на весеннее полугодіе 1912 года. Кіевъ. 1912. Тип. Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (18 × 26). 15 стр. Вѣсъ 2 л. 1.500 экз.

Картины по русской исторіи, изданныя подъ общей ред. С. А. Князькова. Объяснительный текстъ къ картинѣ № 1. М. 1912. изд. Гросманъ и Кнебель. Тип. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., с. д.). 8° (15 × 23). 15 стр. съ рис. Вѣсъ 3 л. 3.500 экз.

Картины по русской исторіи, изданныя подъ общей ред. С. А. Князькова. Объяснительный текстъ къ картинѣ № 2 М. 1912. Изд. Гросманъ и Кнебель. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., с. д.). 8° (15 × 23). 16 стр. съ рис. Вѣсъ 3 л. 3.500 экз.

Картины по русской исторіи, изданныя подъ общей ред. С. А. Князькова. Объяснительный текстъ къ картинѣ № 4. М. 1912. Изд. Гросманъ и Кнебель. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., с. д.). 8° (15 × 23). 14 + нен. стр. съ рис. Вѣсъ 3 л. 3.500 экз.

Картины по русской исторіи, изданныя подъ общей ред. С. А. Князькова. Объяснительный текстъ къ картинѣ № 7. М. 1912. Изд. Гросманъ и Кнебель. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., с. д.). 8° (15 × 23). 14 + 2 нен. стр. съ рис. Вѣсъ 3 л. 3.500 экз.

Картины по русской исторіи, изданныя подъ общей ред. С. А. Князькова. Объяснительный текстъ къ картинѣ № 30. М. 1912. Изд. Гросманъ и Кнебель. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., с. д.). 8° (15 × 22). 11 стр. съ рис. Вѣсъ 2 л. 3.500 экз.

Картины по русской исторіи, изданныя подъ общей ред. С. А. Князькова. Объяснительный текстъ къ картинѣ № 32. М. 1912. Изд. Гросманъ и Кнебель. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., с. д.). 8° (15 × 22). 16 стр. съ рис. Вѣсъ 2 л. 3.500 экз.

Картины по русской исторіи, изданныя подъ общей ред. С. А. Князькова. Объяснительный текстъ къ картинѣ № 33. М. 1912. Изд. Гросманъ и Кнебель. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., с. д.). 8° (15 × 22). 15 стр. Вѣсъ 3 л. 5.300 экз.

Картины по русской исторіи, изданныя подъ общей ред. С. А. Князькова. Объяснительный текстъ къ картинѣ № 38. М. 1912. Изд. Гросманъ и Кнебель. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., с. д.). 8° (15 × 22). 15 стр. съ рис. Вѣсъ 2 л. 3.500 экз.

Картины по русской исторіи, изданныя подъ общей ред. С. А. Князькова. Объяснительный текстъ къ картинѣ № 39. М. 1912. Изд. Гросманъ и Кнебель. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., с. д.). 8° (15 × 23). 15 стр. съ рис. Вѣсъ 3 л. 3.500 экз.

Картины по русской исторіи, изданныя подъ общей ред. С. А. Князькова. Объяснительный текстъ къ картинѣ № 41. М. 1912. Изд. Гросманъ и Кнебель. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер. с. д.). 8° (15 × 22). 13 + 2 нен. стр. Съ рис. Вѣсъ 3 л. 3.500 экз.

Картины по русской исторіи, изданныя подъ общей ред. С. А. Князькова. Объяснительный текстъ къ картинѣ № 45. М. 1912. Изд. Гросманъ и Кнебель. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., с. д.). 8° (15 × 22). 14 + 2 нен. стр. Съ рис. Вѣсъ 3 л. 3.500 экз.

Легенда о смерти Александра I. (По историческимъ документамъ и запискамъ современниковъ). Историческая библіотека № 2. М. 1912. Изд. Книгоизд. Дѣло (Поварская, 10). Тип. М. Балдина и К° (Арбатъ, 7). 16° (11 × 15). 110 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 10.000 экз.

Мережковскій, Д. С. Полное Собраніе Сочиненій. Томъ XII. Больная Россія. Въ тихомъ омутѣ. Спб. 1912. Изд. и тип. т-ва М. О. Вольфъ (В. О., 16-я л. соб. д.). 8° (17 × 23). 358 стр. Ц. 18 руб. за 15 т. Вѣсъ 1 ф. 6 л. 5.000 экз.

Назаревскій, В. В. Русская исторія. I. 862—1676. М. 1912. Изд. 4-е. Тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8° (16 × 24). 487 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 ф. 30 л. 3.000 экз.

Наполеонъ. Вып. 14-й М. 1912. Изд. Н. В. Васильева и К°. Тип. Печатное дѣло. 8° (14 × 20). 393 — 420 + 2 нен. стр. Складъ: Изд. Побѣда жизни (Малая Серпуховка, 33). Ц. 5 к. Вѣсъ 2 л. 5.000 экз.

Никольскій А., свящ. Святитель Ѳеодосій Углицкій, архіепископъ Черниговскій. Житіе съ описаніемъ торжества открытія нетлѣнныхъ мощей святителя и чудесъ, совершившихся при гробѣ. М. 1912. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая св. д.). 16° (12 × 18). 32 стр. Вѣсъ 1 л. 12.000 экз.

Отечественная война 1812 года. Отд. I. Переписка русскихъ правительственныхъ лицъ и учрежденій. Т. XVII. Боевыя дѣйствія въ 1812 г. (Журналы военныхъ дѣйствій и переписка — Іюнь — Декабрь). Спб. 1912. Изд. Глав. Упр. Ген. Штаба. Тип. Бережливость (Невскій, 139). 8° (19 × 25). 2 нен. + 374 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 19 л. 500 экз.

Памятная книжка Ставропольской губерніи на 1912 годъ. Ставрополь. 1912. Изд. и тип. Ставропольск. губ. правл. 8° (18 × 25). XXX + 252 + 1104 нен. стр. + 7 портретовъ. Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф. 6 л. 800 экз.

Потто, В. Первый походъ въ Хиву. Солдатская библіотека № 82. Спб. 1912. Изд. В. Березовскаго (Колокольная, 14), 3-е. Тип. Э. Арнгольда (Лит. пр., 59). 16° (13 × 18). 12 стр. Съ рис. Ц. 3 к. Вѣсъ 1 л. 7.000 экз.

Пушкинъ, А. С. Бахчисарайскій фонтанъ. Поэма. Съ историко-литературными комментаріями Г. В. Александровскаго. Иллюстрированная Пушкинская библіотека (Пособіе для учащихся). № 4. Кіевъ. 1912. Изд. П. Б. Бонадурера (Татарская, 35—37). Тип. 2-й Артели (Б. Влади-

мірская, 43). 16° (12×17). 31 стр. съ портр. и рис. Ц. 5 к. Вѣсъ 2 л. 5.000 экз.

Пушкинъ, А. С. Борисъ Годуновъ. Трагедія Съ историко-литературными комментаріями Г. В. Александровскаго. Иллюстрированная Пушкинская библіотека (Пособіе для учащихся). № 6. Кіевъ. 1912. Изд. П. И. Бонадурера (Татарская 35—37). Тип. 2-й Артели (Б. Владимірская, 43). 16° (12×17). 251 стр. съ портр. и рис. Ц. 20 к. Вѣсъ 1 л. 5.000 экз.

Пушкинъ, А. С. Братья-разбойники. Поэма. Съ историко-литературными комментаріями Г. В. Александровскаго. Иллюстрированная Пушкинская библіотека (Пособіе для учащихся). № 3. Кіевъ. 1912. Изд. П. И. Бонадурера (Татарская, 35—37). Тип. 2-й Артели (Б. Владимірская, 43). 16° (12×17). 18 стр. съ портр. и рис. Ц. 5 к. Вѣсъ 1 л. 5.100 экз.

Пушкинъ, А. С. Цыганы. Поэма. Съ историко-литературными комментаріями Г. В. Александровскаго. Иллюстрированная Пушкинская библіотека (Пособіе для учащихся). № 5. Кіевъ 1912. Изд. П. И. Бонадурера. (Татарская, 35—37). Тип. 2-й Артели (Б. Владимірская, 43). 16° (12×17). 40 стр. съ портр. и рис. Ц. 5 к. Вѣсъ 2 л. 5.100 экз.

Рапопортъ, М. В. Червонная Русь (Галиція). Историческій очеркъ подъ редакціей В. В. Федорова. Постоянная Коммиссія народныхъ чтеній, № 281. Спб. 1912. Тип. Леонтьева. 8° (17×25). 76 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Вѣсъ 8 л. 3.000 экз.

Россіевъ, Павелъ. Великій печальникъ за родину патріархъ Гермогенъ. Историческій очеркъ. М. 1912. Тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (13×20). 24 стр. съ рис. Ц. 5 к. Вѣсъ 2 л. 10.000 экз.

Смерть Павла I (По матеріаламъ проф. Шимана и проф. Брикнера и пр.). Историческая библіотека. № 1. М. 1912. Изд. книгоизд. Дѣло (Поварская, 10). Тип. М. Балдина и К° (Арбатъ, 7). 16° (11×15). 112 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 10.000 экз.

Соболевъ, І. П. М. В. Ломоносовъ, какъ геніальный человѣкъ, филологъ и поэтъ. Кіевъ. 1912. Тип. А. И. Гросманъ (Б. Владимірская, 48). 8° (14×22). 16 стр. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Стасюлевичъ, М. М. и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ редакціей М. К. Лемке. Томъ II. Съ 3-мя портретами. Спб. 1912. Тип. М. Стасюлевича (В. О., 5-я линія, 28). 8° (18×26). VIII+560+1 нен. стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 2 ф. 25 л. 1.000 экз.

Ученыя записки Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая. Вып. 6 М. 1912. Тип. А. И. Снегиревой (Остроженка, Соловьевск. пер., с. д.). 8° (18×26). 88+74+7+9+97—268+81—112 стр.+18 лист. рис. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 22 л. 600 экз.

Философовъ, Д. В. Старое и новое. Сборникъ статей къ вопросамъ искусства и литературы. М. 1912. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 8° (15×24). 306+111 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф. 16 л. 3.000 экз.

412 засѣданіе (годичное) Императорскаго Одесскаго общества Исторіи и Древностей 14-го ноября 1911 года. Одесса. 1911. Тип. Е. Хрисогелоса л. Кондратенко, 8). 8° (19×29). 5 стр. Вѣсъ 1 л. 150 экз.

Шаблевичъ, кап. Краткая историческая памятка 161-го пѣхотнаго Александропольскаго полка. Казань. 1911. Тип. Н. Н. Харитонова. 16° (11 × 18) 16 стр. Вѣсъ 2 л. 500 экз.

Щепкинъ, В. Памяти Ивана Егоровича Забѣлина (Отд. от. изъ Отчета Импер. Росс. Историческаго Музея за первое XXV-лѣтіе его существованія за 1883—1908 г.г.). М. 1911. Тип. Синодальная. 4° (23 × 31). 32 стр. + 1 портр. Вѣсъ 12 л. 150 экз.

Съ 31-го января по 7-е февраля 1912 г.

Адресъ-календарь и справочная книжка Пермской губерніи. 1912 годъ. Пермь. 1911. Изд. Пермск. Губ. Статист. Комит. Тип. Губ. Правл. 8° (18 × 27). 40 + 214 + 94 + 30 + 44 + 71 + 26 стр. + 1 портр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 14 л. 1.600 экз.

Александровъ, А. М. Очеркъ сорокалѣтней дѣятельности Оханскаго уѣзднаго земства Пермской губерніи 1870—1910 г. Оса. 1912. Тип. Осинск. уѣздн. земства. 8° (17 × 25). 64 + нен. стр. Вѣсъ 7 л. 500 экз.

Анастасій, архим. Памяти Михаила Васильевича Ломоносова, отца русской науки и пѣвца на ладъ лиры богодуховеннаго псалмовца. Рѣчь на торжественномъ собраніи Казанской Духовной Академіи 7 ноября 1911 г. (Отд. от. изъ журн. „Правосл. Собесѣдникъ“ за 1912 годъ). Казань 1912. Изд. Казанск. дух. акад. Тип. Центральная (Домбровскаго). 8° (16 × 24) 28 стр. Вѣсъ 3 л. 200 экз.

Андрей Александровичъ Титовъ † 24 октября 1911 года въ Ростовѣ Ярославскомъ. М. 1912. Тип. А. И. Снегиревой (Савеловскій пер. св. д.). 8° (23 × 29). 47 стр. Вѣсъ 11 л. 600 экз.

Арбузовъ, Л. А. Очеркъ исторіи Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи. Переводъ съ нѣмецкаго Владиміра Бука. Спб. 1912. Тип. М. М. Стасюлевича (Вас. Остр., 5 л. лин., 28). 8° (16 × 24). VI + 296 стр. + 1 карта + 3 табл. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 1.000 экз.

Бородкинъ, А. А. Историко-литературный очеркъ дѣятельности Ломоносова. Рѣчь. Спб. 1911. Изд. Кн-ства Образованіе (Николаевская, 9). Тип. 1-й Спб. Труд. Артели (Лиговская, 34). 8° (15 × 21). 25 стр. Ц. 10 к.

Брайковскій, А. А. Монастырь во имя Спасителя на Бородинскомъ полѣ и его основательница. М. 1912. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая св. д.). 16° (11 × 16). 66 стр. Съ рис. и планомъ. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 3.000 экз.

Браунштейнъ, Е. П. Къ исторіи женскаго медицинскаго образованія. Рѣчь на торжествѣ открытія Харьковскаго женскаго Медицинскаго Института. Харьковъ. 1911. Тип. М. Зильберберъ и С-вей (Днѣпръ-Захаржевская, 6). 8° (17 × 25). 15 стр. Вѣсъ 4 л. 200 экз.

Быкадаровъ, Ис. Очеркъ участія Донского войска въ Отечественной войнѣ 1812 г. и заграничныхъ походахъ 1813—1814 г.г. Новочеркасскъ. 1912. Изд. Донск. Дворянства. Тип. В. И. Бабенко. 8° (17 × 25). 169 + 4 нен. стр. Съ рис. и портр. Вѣсъ 14 л. 23.000 экз.

Бенъ (Б. Назаревскій). Сумерки русской литературы. Максимъ Горькій. Леонидъ Андреевъ. Чириковъ. Юшкевичъ. Очерки. М. 1912. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., с. д.). 8° (17 × 24). 102 + 1 нен. стр. Ц. 75 к. Вѣсъ 16 л. 1.500 экз.

Веселовскій, Александръ. Пушкинъ—національный поэтъ. Спб. 1912. Тип. А. С. Суворина (Эртелевъ 13). 8° (15 × 22). 24 стр. Складъ: В. О., Средній пр., 19. Ц. 20 к. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Виноградовъ, В. Къ характеристикѣ проповѣдническаго творчества высокопреосвященнаго Амвросія, архіепископа харьковскаго. (Къ десятилѣтію со дня кончины 3-го сентября 1901 г.). Харьковъ. 1912. Тип. Мирный Трудъ (Дѣвичья, 14). 16° (15×24). 89 стр. Вѣсъ 8 л. 200 экз.

Ермиловъ, В. Е. Гордость вѣка (Николай Ивановичъ Новиковъ). Біографическій очеркъ. Дешевая библіотека для семьи и школы. М. 1912. Изд. ред. журн. Юной Россіи, 2-е (Б. Молчановка, 18). Тип. К. Л. Меньшова (Арбатъ, Никольск. пер., 21). 8° (15×21). 45+3 нен. стр. съ рис. и порт. Ц. 15 к. Вѣсъ 6 л. 3.600 экз.

Ершовъ, Петръ. Справочная книга Пермской епархіи на 1912 годъ. Пермь. 1911. Тип. Н-ковъ П. Ф. Каменскаго. 8° (18×27). II+289+20+4 нен. стр. + 1 порт. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 31 л. 500 экз.

Загоскинъ, Михаилъ Николаевичъ. Спб. 1912. Изд. Коммиссіи народныхъ чтеній М. Н. П. (Екатерининскій кан., 14). Тип. И. В. Леонтьева (Басковъ пер., 4). 16° (12×19). 24 стр. Ц. 3 к. Вѣсъ 1 л. 3.000 экз.

Зенгеръ, Г. Э. Объ одномъ недоразумѣніи у Яна Кохановскаго и Торквато Тассо. Историко-литературная замѣтка. Нѣжинъ. 1911. Тип. насл. В. К. Меленевскаго. 8° (18×27). 11 стр. Вѣсъ 2 л. 325 экз.

Извѣстія Императорской Археологической Коммиссіи. Вып. 42. Спб. 1911. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (20×29). 2 нен.+143+1 нен. стр. съ рис.+ 10 табл. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 900 экз.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. 1911 г. Т. XVI. Кн. 3-я. Спб. 1911. Изд. и тип. Академіи Наукъ (В. О., 9 лин., 12). 8° (17 × 25). 360 стр.+1 табл. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 11 л. 813 экз.

Картины по Русской Исторіи, изданныя подъ общей ред. С. А. Князькова. Объяснительный текстъ къ картинѣ № 3-й. М. 1912. Изд. Гросманъ и Кнебель. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., св. д.). 8° (15×23). 12 стр. Съ рис. Вѣсъ 2 л. 3.500 экз.

Ключевскій, В. О. Характеристика и воспоминанія. М. 1912. Изд. Научное Слово (Нѣмецкая, д. Рахманова). Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, с. д.). 8° (18×25). 1 нен.+217+1 нен. стр.+3 портр. Ц. 1 р. 90 к. Вѣсъ 1 ф. 1 л. 3.225 экз.

Котляревскій, Несторъ. Лермонтовъ, Михаилъ Юрьевичъ. Личность поэта и его произведенія. Спб. 1912. Изд. 4-е испр. и доп. Тип. М. М. Стасюлевича (Вас. О., 5-я лин., 28). (16×25). VII+346+1 нен. стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 3 л. 3.000 экз.

Къ тысячелѣтію договора Олега 911 года. Договоры русскихъ съ греками и предшествовавшіе заключенію ихъ походы русскихъ на Византію. Часть первая. Время Олега. Подъ ред. Н. Маркса. М. 1912. Изд. Москов. Археол. Инст. Тип. А. И. Снегиревой. 8° (21×27). 6 стр.+8 табл. Вѣсъ 8 л. 600 экз.

Лобановъ, Еремей Ефимовичъ. Русскіе народные заговоры. Отъ пожара. Воровъ. Конокрадовъ. Отъ неожиданной смерти. Отъ зубовъ. Противъ гнѣва начальства. На разыскиваніе клада. Отъ язвы. Н.-Новгородъ. 1912. Тип. М. Л. Виленскаго (Нижній Базаръ). 32° (7×8). 24 стр. Ц. 1 р. 75 к. Вѣсъ 1 л. 2.000 экз.

Лобовъ, генералъ-маіоръ. Краткая записка о старшинствѣ Оренбургскаго казачьяго войска. Оренбургъ. 1911. Тов. А. И. Гаврилова. 8° (16×22). 27+5 стр. Вѣсъ 4 л. 500 экз.

Ломоносовъ, М. В. Избранныя сочиненія. Избранныя стихотворенія.

Прозаическія статьи. Матеріалы для изученія его сочиненій. Русская классная библіотека, подъ ред. А. Н. Чудинова. Пособіе при изученіи русской литературы. Вып. X. Спб. 1912. Изд. и тип. И. Глазунова (Казанская, 8), 2-е, испр. 8° (15×21). IV+92 стр. Съ портр. Ц. 35 к. Вѣсъ 9 л. 6.050 экз.

Лѣтопись Нестора со включеніемъ поученія Владиміра Мономаха. Текстъ лѣтописи по Лаврентьевскому списку, съ примѣчаніями. Поученіе Владиміра Мономаха. Три объяснительныя статьи. Словарь. Русская классная библіотека подъ ред. А. Н. Чудинова. Пособіе при изученіи русской литературы. Вып. XVI. Спб. 1912. Изд. и тип. И. Глазунова (Казанская, 8), 3-е, испр. 8° (16×21). 202 стр. Съ рис. Ц. 50 к. Вѣсъ 19 л. 6.050 экз.

Матеріалы къ исторіи старокатолическаго вопроса въ Россіи. Письма протопресвитера І. Л. Янышева и генерала А. А. Киреева. Спб. 1912. Тип. М. Меркушева (Невскій пр., 8). 8° (16×25. 49 стр. Вѣсъ 7 л. 50 экз.

Н. В. Гоголь, И. В. Кирѣевскій, Ѳ. М. Достоевскій и К. Леонтьевъ передъ «старцами» Оптиной пустыни. С. Шамордино, Калуж. губ. 1911. Тип. Казанской Амвросіевской Шамординской женской пустыни. 8° (15×22). 8 стр. Вѣсъ 1 л. 600 экз.

Никитинъ, Н. И. 1812—1912 г. Двѣ старинныхъ книги временъ Отечественной войны. 1) Къ ружью, друзья, спѣшите. Воронежъ. 1911. Тип. Т-ва Н. Кравцовъ и К°. (Б. Дворянская, д. Сомова). 4° (20×30). 3 стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 1 л. 1.000 экз.

Никитинъ, Н. И. 1812—1912 г. Двѣ старинныхъ книги временъ Отечественной войны. 2) Ты помнишь ли. Воронежъ. 1911. Тип. Т-ва Н. Кравцова и К°. (Б. Дворянская, д. Сомова). 8° (20×30). 2 стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 1 л. 1.000 экз.

Ноинскій, М. Слѣды древняго поселенія близъ Ермачихи на Самарской лукѣ. (Приложеніе къ протоколамъ засѣданій общества Естествоиспытателей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, № 270). Казань. 1912. Тип. Университета. 8° (16×24). 3 стр. Съ чертеж. Вѣсъ 1 л. 600 экз.

Отчетъ Императорской Публичной библіотеки за 1905 годъ. Спб. 1912. Изд. Имп. Публ. Библ. Тип. В. Киршбаума (Дворц. пл., д. М-ства Финансовъ). 8° (19×27). VII+208 стр. Вѣсъ 1 ф. 13 л. 700 экз.

Очеркъ реформированія дворянствомъ Пензенской губерніи и дѣйствій ополченія въ отечественную и освободительныя войны 1812—1814 годовъ. Съ приложеніемъ архивныхъ матеріаловъ и точныхъ оттисковъ съ Всемил. манифестовъ отъ 6 и 18 іюля 1812 года. Подъ ред. Дмитрія Ксенофонтовича Гевлича. Матеріалы собралъ Всеволодъ Ростиславовичъ Апухтинъ. М. 1912. Изд. Пензенск. дворянства. Тип. Печатня. С. П. Яковлева (Петроковка, Салтыковскій пер., 9). 8° (18×28). XVI+48 стр. Съ рис.+1 табл. Вѣсъ 11 л. 600 экз.

Памятная книжка Кіевской губерніи на 1912 г. Съ приложеніемъ Адресъ-Календаря губерніи. Кіевъ. 1911. Изд. Кіев. Губ. Статистич. Комит. (Институтская, 22). Тип. Губ. Прав. (Софійская пл., зд. Прис. мѣстъ). 8° (15×24). 80 нен.+XX+289+275+63+10 нен. стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 20 л. 2.200 экз.

Памятная книжка Московской губерніи на 1812 годъ. Подъ ред. Б. Н. Пенкина. М. 1912. Изд. Москов. столичн. и губ. статистич. комит. Тип. Губернская (Никольская). 8° (17×26). 17+432+196+12+16 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 26 л. 1.200 экз.

Педашенко, С. А. Памятники Императору Александру I, а также героямъ и событіямъ Отечественной войны 1812 года. М. 1912. Изд. ревнит. пам.

отечеств. войны 1812 г. Тип. Печатня С. П. Яковлева (Петровка, Салтыковскій пер., с. д.). 8° (15×22). VII+60 стр. Съ рис. и портр. Складъ: (Кремль, Потѣшный дворецъ, Музей 1812 года). Ц. 50 к. Вѣсъ 8 л. 3.000 экз.

Петръ, В. И. Вратиславскій (Бреславскій). Университетъ и его столѣтній юбилей. Нѣжинъ. 1911. Тип. насл. В. К. Меленевскаго. 8° (18×27). 12 стр. Вѣсъ 2 л. 350 экз.

Положеніе объ охранѣ древностей. (Проектъ измѣненія). М. 1912. Тип. В. И. Воронова (Моховая, д. кн. Гагарина). 4° (22×36). 26 стр. Вѣсъ 7 л. 750 экз.

Родная Старина, № 23. Смутное время. Борисъ Годуновъ. С. Шамордино, Кал. губ. 1912. Изд. и тип. Казанской Амвросіевской женской пустыни. 8° (15×23). 4 стр. Съ рис. Ц. 60 к. за 100. Вѣсъ 1 л. 10.500 экз.

Родная Старина. № 24. Смутное время. «Дмитрій Самозванецъ». Село Шамордино, Калужской губ. 1912. Изд. тип. Амвросіевской женской пустыни. 8° (15×23). 6 стр. Съ рис. Ц. 60 к. за 100. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Родная Старина. № 25. Смутное время. Междуцарствіе. С. Шамардино. 1912. Изд. и тип. Казанск. Амвросіевской женской пустыни. 8° (15×23). 6 стр. Ц. 60 к. за 100. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Родная Старина № 26. Начало царствованія рода Романовыхъ. С. Шамордино. 1912. Изд. и тип. Казанск. Амвросіевск. женской пустыни. 8° (15×23). 6 стр. Ц. 60 к. за сотню. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Родная Старина. № 27. Царствованіе Алексѣя Михайловича. С. Шамордино. 1912. Изд. и тип. Казанск. Амвросіевск. женской пустыни. 8° (15×23). 4 стр. Ц. 60 к. за сотню. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Родная Старина, № 28. Патріархъ Никонъ и церковный расколъ. С. Шамордино. 1912. Изд. и тип. Казанск. Амвросіевск. женской пустыни. 8° (15×23). 6 стр. Ц. 60к. за сотню. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Родная Старина. № 29. Петръ Великій. С. Шамордино. 1912. Изд. и тип. Казанск. Амвросіевск. женск. пустыни. 8° (15×23). 6 стр. Съ рис. Ц. 60 к. за сотню. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Родная Старина. № 30. Основаніе Петербурга и Полтавская битва. С. Шамордино, Калуж. губ. Изд. и тип. Казанск. Амвросіевск. женск. пустыни. 8° (15×23). 6 стр. Съ рис. Ц. 60 к. за сотню. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Родная Старина. № 31. Разсказы изъ жизни Петра Великаго. С. Шамордино, Калуж. губ. 1912. Изд. и тип. Казанск. Амвросіевск. женск. пустыни. 8° (15×23). 4 стр. Ц. 60 к. за сотню. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Родная Старина. № 32. Шесть послѣдующихъ царствованій. С. Шамордино, Калужск. губ. 1912. Изд. и тип. Казанск. Амвросіевск. женск. пустыни. 8° (15×23). 6 стр. Ц. 60 к. за сотню. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Родная Старина. № 33. Екатерина II. С. Шамордино, Калуж. губ. 1912. Изд. и тип. Казанской Амвросіевской женск. пустыни. 8° (15×23). 8 стр. Ц. 60 к. за сотню. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Родная Старина. № 34. Суворовъ. С. Шамордино. 1912. Изд. и тип. Казанск. Амвросіевской женск. пустыни. 8° (15×23). 8 стр. Ц. 60 к. за 100. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Родная Старина. № 35. Александръ I и Отечественная война. С. Шамордино. 1912. Изд. и тип. Казанск. Амвросіевск. женской пустыни. 8° (15×25). 8 стр. Ц. 60 к. за сотню. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Родная Старина. № 36. Борьба съ Наполеономъ. С. Шамордино. 1912. Изд. и тип. Казанск. Амвросіевской женской пустыни. 8° (15×23). 4 стр. Ц. 60 к. за 100. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Родная Старина. № 37. Императоръ Николай I-й. С. Шамордино, Калужск. губ. 1912. Изд. и тип. Казанск. Амвросіевской женской пустыни. 8° (15×23). 6 стр. Ц. 60 к. за сотню. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Родная Старина. № 38. Севастопольская война. С. Шамордино, Кал. губ. Изд. и тип. Казанск. Амвросіевск. женск. пустыни. 8° (15×23). 6 стр. Ц. 60 к. за сотню. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Родная Старина. № 39. Царствованіе Императора Александра II. С. Шамордино. 1912. Изд. и тип. Казанск. Амвросіевск. женск. пустыни. 8° (15×23). 6 стр. Ц. 60 к. за сотню. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Родная Старина. № 40. Императоръ Александръ III. С. Шамордино, Калужск. губ. 1912. Изд. и тип. Казанск. Амвросіевской жен. пустыни. 8° (15×23). 6 стр. Ц. 60 к. за сотню. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Росинскій, В. И. Послѣдніе дни Л. Н. Толстого. М. 1912. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудн. пер., с. д.). f° (45×57). 7 картинъ. Вѣсъ 1 ф. 18 л. 3.000 экз.

Рукописи Пушкина. I Автографы Пушкинскаго Музея Имп. Александровскаго лицея, вып. I. Спб. 1911. Изд. Кн. Олега Константиновича. Тип. Р. Голике и А. Вильборга (Звенигородская, 11). 4° (23×25). 8 стр.+16 прил. Вѣсъ 27 л. 1.000 экз.

Сборникъ матеріаловъ по Русско-Турецкой войнѣ 1877—78 г.г. на Балканскомъ полуостровѣ. Выпускъ 87. Ежемѣсячныя свѣдѣнія о численномъ состояніи войсковыхъ частей арміи со списками начальствующихъ лицъ. Спб. 1911. Изд. Воен. истор. ком. Гл. Упр. Ген. Штаба. Тип. Первая женская (ул. Глинки, 6). 4° (19×30). 329 стр. Вѣсъ 2 ф. 4 л. 220 экз.

Сборникъ матеріаловъ по Русско-Турецкой войнѣ 1877—78 гг. на Балканскомъ полуостровѣ. Вып. 95 (Дополнительный). Спб. 1912. Изд. Воен. Ист. коммис. Гл. Упр. Ген. Шт. Тип. Энергія (Загородн. пр., 17). 8° (20×29). LIX+471 стр. Вѣсъ 3 ф. 14 л. 230 экз.

Слуцкій, М. Свѣтлой памяти Михаила Васильевича Ломоносова, величайшаго ученаго, поэта и христіанина (1711—1911 г.). Харьковъ. 1912. Тип. Мирный Трудъ (Дѣвичья, 14). 8° (15×23). 16 стр. Вѣсъ 2 л. 300 экз.

Смутное время Московскаго государства 1604—1613 г.г. Вып. 5-й. Матеріалы, изданные Императорскимъ Обществомъ Исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. Акты подмосковныхъ ополченій и земскаго собора. 1611—1613 г.г. Собралъ и ред. С. Б. Веселовскій. М. 1911. Изд. Имп. Общ. Истор. и древн. Россійск. при Моск. унив. Тип. Синодальная. 8° (18 × 28). XIV + 228 стр. Складъ (Арбатъ, 23). Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 5 л. 200 экземпляровъ.

Чеховъ, А. П. Письма. Т. I (1876—1887). М. 1912. Изд. М. П. Чеховой. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (15×22). XXIV+374+1 нен. стр. Съ порт. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 18 л. 5.000 экз.

Андреевъ, В. Разбитыя полчища или Русскіе въ 1812 году. Сборникъ-Хрестоматія. Разсказы и воспоминанія участниковъ, очевидцевъ и русскихъ писателей съ размѣщеніемъ статей въ послѣдовательномъ ходѣ историческихъ событій. Спб. 1912. Изд. В. И. Губинскаго. Тип. П. Ѳ. Вощинской (Ярославская, 1—9). 8° (16×22). 199+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 65 к. Вѣсъ 21 л. 5.000 экз.

Антикварная книжная торговля В. И. Клочкова. Каталогъ № 519. Спб. 1912. Изд. Клочкова. Тип. Э. Арнгольда (Литейн. пр., 59). 8° (17 × 24). 16 стр. Вѣсъ 2 л. 1.200 экз.

Съ 7-го по 14-е февраля 1912 г.

Арсеньева, С. Д. Разсказы изъ Русской Исторіи. Царствующій Домъ Романовыхъ. Выпускъ IV. Вѣкъ Екатерины II. Съ портретомъ Государыни Императрицы. Спб. 1912. Изд. учил. Совѣта при Св. Синодѣ (Кабинетск., 13), 2-ое. Тип. Синодальная. 8° (16×25). 208+1 нен. стр. Съ 34 рис. Ц. 60 к. Вѣсъ 27 л. 5.000 экз.

Борьба за престолъ (Петръ III и Екатерина II). Историческая библіотека. № 4. М. 1912. Изд. К-ва Дѣло (Тверская, 10). Тип. М. В. Балдинъ и К° (Арбатъ, 7). 16° (10 × 15). 112 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 10.000 экз.

Брояковскій, С., свящ. Полное собраніе сочиненій. Т. III. Церковно-приходская лѣтопись, или описаніе прихода въ историческомъ, статистическомъ, этнографическомъ, религіозно-нравственномъ и другихъ отношеніяхъ. Кіевъ. 1912. Изд. ред. журн. Духовная Бесѣда (м. Паволочь, Кіев. губ.), 2-е. Тип. 1-й Кіев. Артели Печ. Дѣла (Трехсвятител., 5). 8° (18 × 25). 229 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 23 л. 1.000 экз.

Бубликовъ, М. Крыловъ. Всѣ его басни и подробный разборъ ихъ: объясненіе трудныхъ словъ, выраженій и оборотовъ въ рѣчи, основная мысль каждой басни и историко-библіографическія примѣчанія. Съ приложеніемъ біографіи и критическаго обзора басенъ И. А. Крылова. Вильна. 1911. Изд. 2-е. Тип. А. Г. Сыркина (Большая, соб. д.). 8° (14 × 22). XXV + 288 стр. Съ рис. + 1 портр. Складъ: Кн. маг. М. О. Вольфа. Ц. 60 к. Вѣсъ 27 л. 2.000 экз.

Бѣлыничскій Рождество-Богородицкій Монастырь. (Историческіе матеріалы). Могилевъ. 1911. Тип. Могилевская Губернская. 8° (16 × 25). 45 стр. Вѣсъ 5 л. 200 экз.

Василій Осиповичъ Ключевскій. (Отдѣльные оттиски изъ Отчета Императорскаго Московскаго Университета за 1911 г.). М. 1912. Тип. Университета. 8° (14 × 21). 47 стр. Вѣсъ 4 л. 150 экз.

Виноградскій, А. Н. Исторія Русско-Японской войны 1904—1905 г.г. Выпускъ III. Спб. 1912 г. Изд. о-ва ревнит. воен. знаній (Кирочная, 1). Тип. Н. Я. Стойковой (Знаменск., 27). 8° (17 × 25). 334 + 1 нен. стр. + 28 черт. и план. Ц. 3 р. Вѣсъ 3 ф. 20 л. 3.000 экз.

Гаршинъ, Всеволодъ. Разсказы. Съ біографіею, написанною А. М. Скабичевскимъ и четырьмя портретами. Спб. 1912. Изд. Литературнаго фонда. Тип. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8° (16 × 24). IV + 527 + 1 нен. стр. Съ портрет. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 21 л. 10.000 экз.

Добролюбовъ, Н. А. А. В. Кольцовъ. Замѣчательные русскіе люди изъ простого званія. Біографическій очеркъ. Общедоступная библіотека. № 9. Спб. 1912. Изд. Т-ва Дѣятель (Троицкая, 26). Тип. Бр. Лукшевицъ (5 Рожд., 44). 16° (13 × 19). 79 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 4 л. 7.000 экз.

Дѣйствія Нижегородской Губернской Архивной Комиссіи. Сборникъ. Томъ XII. Вып. I. Н.-Новгородъ. 1912. Тип. Нижегор. Печ. Дѣла З. А. Остафьевой. 8° (13 × 20). VII + 77 + 17 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 10 л. 500 экз.

Елецъ, Ю. Л. Герой отечественной войны. Кульневъ. М. 1912. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 16° (12 × 18). 40 стр. Съ рис. Ц. 5 к. Вѣсъ 2 л. 30.000 экз.

Зайцевъ, К. І. Очерки исторіи самоуправленія государственныхъ крестьянъ. № 6. Спб. 1912. Изд. студентовъ Спб. Политехн. Инст. Петра Великаго. Тип. Шредера (Гороховая, 49). 8° (16 × 25), 3 нен.+204 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 23 л. 400 экз.

Изгоевъ, А. П. А. Столыпинъ. Очеркъ жизни и дѣятельности. (Біографическая библіотека, № 1). М. 1912. Изд. кн-ва К. Ф. Некрасова (М. Тургеневская пл., д. стр. о-ва Россія). Тип. К. Ф. Некрасова (въ Ярославлѣ). 16° (12×19). 133+2 нен. стр. + 1 портр. Вѣсъ 19 л. 6.000 экз.

Карасевъ, А. Григорій Ѳедоровичъ Львовскій и его духовно-музыкальныя произведенія. М. 1912. Изд. автора (Полуэктовскій пер., 3). Тип. Университетская. 8° (15 × 23). 156 стр. + 2 листа рис. и портр. Вѣсъ 13 л. 500 экз.

Ковалевскій, П. И., проф. Іоаннъ Грозный и его душевное состояніе. Спб. 1912. Изд. 9-е. Тип. М. И. Акинфіева (Басковъ пер., 10). 16° (9×19). II + 292 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 12 л. 1.320 экз.

Колосовъ, В. И. Тверской музей и его пріобрѣтенія въ 1910 году. Тверь. 1911. Тип. Губернская. 8° (17 × 26). 55 стр. Вѣсъ 5 л. 300 экз.

Кудринскій, Ѳ. А. Отечественная война 1812 года. Вильна. 1911. Изд. и тип. А. Г. Сыркина (Большая, соб. д.). 8° (14 × 21). 68 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 5 л. 3.000 экз.

Лобовъ. Краткая историческая записка объ участіи Оренбургскихъ казаковъ въ Отечественной войнѣ 1812—1814 гг. съ Наполеономъ. Оренбургъ. 1912. Тип. Л. Н. Гаврилова. 8° (16×22). 27 стр.+1 карта. Вѣсъ 5 л. 500 экз.

Ломоносовъ, М. В. Сочиненія подъ ред. Ѳ. А. Кудринскаго. Вильна. 1911. Изд. и тип. А. Г. Сыркина (Польская, соб. д.). 16° (12 × 18). 184 стр. съ портрет. Ц. 30 к. Вѣсъ 11 л. 2.000 экз.

Лонгиновъ, А. В. Русскій вопросъ о Холмщинѣ въ историческомъ освѣщеніи. Спб. 1912. Тип. М-ства Вн. Дѣлъ. 8° (17 × 26). 24 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 4 л. 500 экз.

Мережковскій, Д. С. Полное собраніе сочиненій. Т. XI. Грядущій храмъ. Чеховъ и Горькій. Теперь или никогда. Страшный судъ надъ русской интеллигенціей. Св. Софія. О новомъ религіозномъ дѣйствіи. Пророкъ русской революціи. Спб. 1912. Изд. и тип. Т-ва Вольфъ (Вас. О., 16 л., с. д.). 8° (15 × 22). 224 + 1 нен. стр. съ портр. 5.000 экз.

Назаревскій, Б. В. Наполеонъ. Столѣтіе отечественной войны. М. 1912. Изд. юбилейное журн. Вѣрность (Ермолаевскій пер., д. кн. Эристова). Тип. Русская Печатня (Тріумф.-Садовая, 14). 16° (11 × 17). 63 стр. Съ рис. и портр. Ц. 6 к. Вѣсъ 3 л. 8.000 экз.

Народная энциклопедія научныхъ и прикладныхъ знаній. Томъ VIII. Историческій. Полутомъ I. Харьковское общество распространенія въ народѣ грамотности. М. 1912. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8° (17 × 25). VIII+ 456 стр. съ рис. + 8 лист. рис. Вѣсъ 1 ф. 21 л. 10.000 экз.

Нейманъ, А. Б. Академическое изданіе сочиненій Лермонтова. Кіевъ. 1912. Тип. Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (17 × 25). 9 стр. Вѣсъ 2 л. 200 экз.

Островская, М. Изъ исторіи вятскихъ инородцевъ. (Отд. от. изъ «Извѣстій общества археологіи, исторіи и этнографіи»). Казань. 1912. Тип. университета. 8° (17 × 24). 31 стр. Вѣсъ 5 л. 50 экз.

Памятная книжка и адресъ-календарь Орловской губерніи на 1912 годъ. Орелъ. 1912. Изд. Канцел. Орлов. Губ. Статистич. Комит. Тип. Губ. Прав. 8° (16 × 24). LXI + 311 + 116 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 1 л. 10.000 экз.

Рождественъ, А. Ломоносовъ первый русскій ученый и поэтъ. Къ 20-лѣтію со дня рожденія 8-го ноября 1711 г.—8 ноября 1911 г. Съ библіографіей новыхъ сочиненій о немъ. Казань. 1912. Тип. Университета. 8° (17×25). 20+1 нен. стр. + 1 портр. Складъ: Кн. маг. бр. Башмаковыхъ, Маркелова и Шаронова и Голубева. Ц. 15 к. Вѣсъ 3 л. 350 экз.

Сиповскій, В. В. Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Томъ I, вып. 2-й. Русская литература съ XI до XVIII в. Примѣнительно къ «Исторіи русской словесности» того же автора. Ч. I, вып. II. Спб. 1912. Изд. Я. Башмакова и К° (Итальянская, 31), 6-е. Тип. Трудъ (Кавалергардская, 40). 8° (17×23). VIII+268 стр. Ц. 90 к. Вѣсъ 27 л. 6.000 экз.

Соколовъ, Леонидъ. Апостолъ русскаго просвѣщенія (памяти М. В. Ломоносова) 1711—1911 г. Кіевъ. 1912. Тип. Акц. О-ва Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (16×23). 34 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Спб. 1912. Изд. Постоянной Комиссіи Народн. чтеній, 6-е. Тип. И. В. Леонтьева (Басковъ пер., 4). 16° (13×18). 40 стр. Съ рис. Ц. 5 к. Вѣсъ 2 л. 12.000 экз.

Чернышевъ, С. И. Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Кіевъ. 1912. Тип. Акц. О-ва Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (16×24). 34 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 4 л. 500 экз.

Шимковичъ, К. Д. Рѣчь объ энциклопедическомъ характерѣ призванія М. В. Ломоносова и патріотическомъ направленіи его геніальной дѣятельности, произнесенная въ 200-лѣтній юбилей его рожденія въ Маріинской женской гимназіи. Могилевъ. 1911. Тип. Губернская. 8° (22×28). 7 стр. Вѣсъ 1 л. 200 экз.

Щербаковъ, Н. 17-го февраля 1912 года. 1-й кадетскій корпусъ. 180-я годовщина. Спб. 1912. Тип. Штаба Отд. корп. Погр. Стражи (В. О., Тучк. наб.). 4° (21×30). 2 нен. стр. Съ портр. Вѣсъ 1 л. 1.000 экз.

Съ 14-го по 21-е февраля 1912 г.

Андріановъ, П. М. Конспектъ по курсу Исторіи Русской Арміи. Составленъ по программѣ 1910 года для военныхъ училищъ. Одесса. 1911. Тип. акц. Юж.-Русск. о-ва Печ. Дѣла (Пушкинская, 18) 8° (16×24). 85 стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 7 л. 1.000 экз.

Антикварная книжная торговля В. И. Клочкова. Каталогъ № 520. Спб. 1912. Изд. автора (Литейный, 55). Тип. Э. Арнгольда (Литейн. пр., 59). 8° (17×24). 16 стр. Вѣсъ 2 л. 1.200 экз.

Баіовъ, А., проф. Исторія военнаго искусства, какъ наука. Спб. 1912. Тип. А. С. Суворина (Эртел. пер., 13). 8° (17×26). 136 стр. Вѣсъ 16 л. 500 экз.

Борзаковскій, П. Отечественная война 1912 года. Одесса. 1912. Изд. автора (Лютер. пер., 4). Тип. Л. Нитче (ул. Кондратенко, 30). 8° (14×21). 52 стр. Съ рис. и портр.+1 порт. Ц. 20 к. Вѣсъ 5 л. 600 экз.

Васенко, Платонъ. Смуты XVI—XVII вѣка въ Московскомъ государствѣ и Нижній Новгородъ. (Отд. отт. изъ сборника «Памятники исторіи Нижегородскаго движенія въ эпоху смуты и земскаго ополченія 1611—1612 г.г.»). Спб. 1912. Тип. Акц. о-ва Самообразованіе (Забалканск. пр., 75). 8° (18×27). 7 стр. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Гоголь, Н. В. Полное собраніе сочиненій. Томъ первый. Юношескіе опыты и Вечера на хуторѣ. Подъ ред. Н. И. Коробки. Текстъ заново свѣренъ съ рукописями и изданіями, вышедшими при жизни автора. Библіотека русскихъ писателей, подъ общей редакціей проф. Е. В. Аничкова. Спб. 1912. Изд. т-ва Дѣятель. Тип. бр. Лукшевицъ (5 Рождественская, 44). 16° (13×19). 76+376 стр. Вѣсъ 1 ф. 1 л. 10.300 экз.

Гонсевскій, И. И., капитанъ. Историческій календарь 42-го пѣхотнаго

Якутскаго полка на 1912 годъ. Кременецъ. 1912. Тип. Б. А. Горинштейна. 8° (25×21). 12 лист. Вѣсъ 5 л. 60 экз.

Гудзь, И. К. Матеріалы для исторіи Тверского Губернскаго Земства 1886—1908 г.г. Т. IX. Вып. II. Часть II. Медицина. Е. Бурашевская колонія. Подъ ред. А. Н. Полтева. Тверь. 1912. Изд. и тип. Губ. Земства. 8° (17×26). X+840 стр.+9 табл. чертежей. Вѣсъ 2 ф. 17 л. 750 экз.

Дела-Флизъ. Походъ Наполеона въ Россію въ 1812 году. Мемуары современниковъ и очевидцевъ. М. 1912. Изд. Моск. Книгоизд. Товар. Образованіе (Камергерскій пер., 4). Тип. Русскаго Товарищества (Чистые пруды, Мыльниковъ пер., 9). 8° (18×26). 145 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 ф. 5 л. 3.000 экз.

Добролюбовъ, Н. А. Полное собраніе сочиненій подъ ред. Е. В. Аничкова. Томъ II. П. Ѳ. Каптеревъ. Общій характеръ педагогическихъ статей Н. А. Д-ва. Педагогика. Спб. 1912. Изд. Т-ва Дѣятель. Тип. Бр. Лукшевицъ (5-я Рождественская, 44). 16° (13×19). 14+518 стр. Вѣсъ 1 ф. 5 л. 10.300 экз.

Добролюбовъ, Н. А. Полное Собраніе сочиненій подъ редакціей Е. В. Аничкова. Томъ V. Литературная критика. Часть 3-я. Статьи 1860—61 г.г. и отзывы 1859—60 г.г. Библіотека русск. писателей подъ общей редакціей проф. Е. В. Аничкова. Спб. 1912. Изд. Т-ва Дѣятель. Тип. Бр. Лукшевицъ (5-я Рождественская, 44). 16° (13×19). 14+610 стр. Вѣсъ 1 ф. 14 л. 10.300 экз.

Извѣстія Императорской Археологической Комиссіи. 1) Вып. 41 (вопросы реставраціи, вып. 8). 2) Прибавленіе къ вып. 42 (хроника и библіографія—вып. 20). 3) Вып. 43. Спб. 1911. Изд. Археологич. Коммиссіи. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (20×29). 1) 2 нен.+228 стр. Съ рис. 2) 2 нен.+187 стр. 3) нен.+130 стр. Съ рис.+4 таб. рис. Вѣсъ 4 ф. 6 л. По 900 экз.

Исторія нашего времени. (Современная культура и ея проблемы). Подъ редакціей профессоровъ М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева. Выпускъ седьмой. Спб. 1912. Изд. т-ва Бр. А. и И. Гранатъ и К° (Моховая, 37). Тип. Мин. Пут. Сообщ. 8° (24×28). 129—208 стр. Ц. 1 р. 40 к. Вѣсъ 21 л. 3.200 экз.

Исторія русской арміи и флота. Т. VI. М. 1912. Изд. т-ва Образованіе. Тип. Русск. Т-ва (Чистые пруды, с. д.). 8° (19×27). 177+3 нен. стр. Съ рис. Вѣсъ 1 ф. 17 л. 5.000 экз.

Крыловъ, И. А. Басни. Полное собраніе съ біографіей и примѣчаніями. Дешевая библіотека № 318. Спб. 1912. Изд. и тип. А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13), 10-е. 16° (11×16). 302 стр. съ рис. и портр. Ц. 15 к. Вѣсъ 14 л. 10.000 экз.

Курдиновскій, В. Г. Страничка изъ жизни духовно-учебныхъ заведеній Полтавской епархіи въ срединѣ прошлаго (XIX) столѣтія (1846—1859 г.). По разсказамъ А. М. Пархомовича. Кишиневъ. 1911. Изд. А. М. Пархомовича. Тип. Прогрессъ, Мандельбаума и Бойко (Пушк. уг. Под.). 8° (16×22). 89+1 нен. стр. Вѣсъ 12 л. 100 экз.

Лермонтовъ, М. Ю. Сочиненія съ объяснительными статьями Константина Бархина. Часть I. Лирическія стихотворенія. Школьная библіотека великихъ писателей съ подробными историко-литературными комментаріями. Вып. I. Одесса. 1912. Изд. и тип. Книго-ва Порядокъ, С. К. Цессарскаго (Успенская, 40). 8° (16×24). VIII+200 стр. Ц. 80 к. Вѣсъ 22 л. 3.000 экз.

Мережковскій, Д. С. Полное собраніе сочиненій. Томъ VII. Л. Толстой и Достоевскій. Жизнь, творчество и религія. Часть I и II. Спб. 1912. Изд. и тип. Т-ва М. О. Вольфъ (Вас. О., 16 л., 5—7). 8° (16×23). 310+1 нен. стр. съ порт. Вѣсъ 1 ф. 1 л. 5.000 экз.

Мережковскій, Д. С. Полное собраніе сочиненій. Томъ VIII. Л. Толстой и Достоевскій. Жизнь, творчество и религія. Часть III. Спб. 1912. Изд. и тип. Т-ва М. О. Вольфъ (В. О., 16 л., 5—7). 8° (16×23). 222 стр. Вѣсъ 24 л. 5.000 экз.

Михневичъ, Н. П. Бородинскій бой 1812 г. М. 1912. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 16° (12×18). 48 стр. съ рис. Ц. 5 к. Вѣсъ 2 л. 30.000 экз.

Пушкинъ. Сочиненія. Томъ III. Лирическія стихотворенія (1821—1824). Братья разбойники (1821—1822). Отрывки изъ поэмы (1822), Бахчисарайскій фонтанъ (1822—1823). Цыгане (1823—1824). Спб. 1912. Изд. и тип. Академіи Наукъ (В. О., 9 лин., 12). 8° (18×29). XII+300+533 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 4 ф. 23 л. 3.112 экз.

Роосъ, д-ръ. Съ Наполеономъ въ Россію. Воспоминанія врача о походѣ 1812 г. Переводъ съ нѣмецкаго Д. Я. Павловой. Спб. 1912. Изд. Литер. научнаго книгоиздательства (Невскій пр., 3). Тип. Лучъ (Пряжка, 30). 16° (12×19). 176 стр. Ц. 90 к. Вѣсъ 14 л. 4.000 экз.

Словарь русскаго языка. Составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. IV т. Вып. 5-й. Когда—колпакъ. Спб. 1911. Изд. и тип. Академіи Наукъ (Вас. Остр., 9-я лин., 12). 8° (21×29). VI+1281—1600 стр. (въ 2 столб.). Ц. 75 к. Вѣсъ 30 л. 6.062 экз.

Фавориты Екатерины II. Историческая библіотека, № 3-й. М. 1912. Изд. К-ства Дѣло (Поварская, 10). Тип. М. В. Балдинъ (Арбатъ, 7). 16° (10×15). 36 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 10.000 экз.

Съ 21-го по 28-е февраля.

Бачинскій, А. І. Дѣятельность М. В. Ломоносова и значеніе его трудовъ. (Отдѣльный оттискъ изъ «Временника», вып. 3 за 1911 г.). М. 1912. Изд. О-ва сод. успѣх. опытн. наукъ им. Х. Леденцова. Тип. Университетская. 8° (18×26). 37 стр. Съ рис. и чертеж.+1 портр. Складъ: Моховая, кн. маг. Карбасникова. Ц. 40 к. Вѣсъ 8 л. 300 экз.

Боруцкій, В., Глаголь, Сергѣй, Харузина, В., Малахіева-Мировичъ и Н. Бартрамъ. Игрушка, ея исторія и значеніе. Сборникъ статей подъ ред. Н. Д. Бартрамъ. М. 1912. Изд. и тип. И. Д. Сытина (Пятницк., с. д.). 8° (19×25). 246 стр. Съ рис.+5 лист. рис. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 1 ф. 13 л. 5.000 экз.

Вк-ій, П. Г. Въ чемъ состоитъ величіе просвѣтительной дѣятельности Ломоносова. Рѣчь, произнесенная въ Калужской Духовной семинаріи 8 ноября 1911 г. на актѣ, въ память Ломоносова (Перепеч. изъ Калужск. Церковно-Общ. Вѣстн., № 3). Калуга. 1912. Тип. Губ. Правл. 8° (14×21). 14 стр. Вѣсъ 1 л. 40 экз.

Волженскій, І. И. Къ 100-лѣтію Отечественной войны. Наполеонъ и Россія. Спб. 1912. Тип. Г. П. Пожарова (Загородный, 8). 8° (17×25). 47 стр.+2 портр. Ц. 35 к. Вѣсъ 6 л. 5.000 экз.

Грабарь, Игорь. Исторія русскаго искусства. Т. III. Исторія архитектуры. Петербургская архитектура въ XVIII и XIX вѣкѣ. Спб. 1912.

Изд. І. Кнебеля. Тип. Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4° (23×32). 112 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 ф. 19 л. 15.000 экз.

Грачевъ, В. И. Двѣнадцатый годъ. Смоленскъ и его губернія въ 1812 году. Юбилейное изданіе (1812—1912 годъ). Смоленскъ. 1912. Тип. П. А. Силина. 8° (15×22). 293+9 нен. стр. съ рис. Вѣсъ 20 л. 1.200 экз.

Гусевъ, Н. Н. Два года съ Л. Н. Толстымъ. Записка бывшаго секретаря Л. Н. Толстого. Всемірная библіотека въ память Л. Н. Толстого. Отдѣлъ «Изъ жизни Л. Н. Толстого». М. 1912. Изд. Посредника (Арбатъ, д. Тѣстовыхъ). Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, с. д.). 8° (14×20). 305 стр.+ +1 портр. Ц. 1 р. 20 к. Вѣсъ 30 л. 4.200 экз.

Дампель, Е. Пироговъ, какъ мыслитель. (Рѣчь, произнесенная 14 ноября 1910 г. въ открытомъ общемъ собраніи Перновскаго Педагогическаго Общества, посвящ. памяти Н. И. Пирогова, по случаю 100-лѣтія со дня рожденія). Перновъ. 1912. Тип. Г. Лаане. 16° (13×19). 26 стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 2 л. 300 экз.

Діаковскій, Е. П. Описи актовыхъ книгъ Кіевскаго Центральнаго архива. № 38. Кіевская городская записная и поточная книга 1724 и 1725 годовъ. Кіевъ. 1909. Изд. Архива. Тип. Т. Г. Мейнандера (Пушкинская, № 20). 8° (7×26). 110 стр. Вѣсъ 10 л. 410 экз.

Долгорукая, Н. Б. Записки. Всеобщая библіотека. № 47. Спб. 1912. Изд. и тип. Акц. Об-ва Типограф. дѣла (7 рота, 26). 16° (12×17). IV+64 стр. съ портр. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 5.000 экз.

Содержаніе. Козловъ, И. И. Княгиня Наталья Борисовна Долгорукова. Поэма. Рылѣевъ, К. Ѳ. Княгиня Наталія Долгорукова. „Дума“.

Дучинскій, Н. П. Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе. М. 1912. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8° (13×21). 184 стр. Съ рис. и портр. Ц. 30 к. Вѣсъ 13 л. 20.000 экз.

Жерве, В. В. Славный вождь 1812 года Кутузовъ. М. 1912. Тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 16° (12×17). 60 стр. Съ рис. Складъ: кн-во Сельск. Вѣстн. (Спб., Мойка, 32). Ц. 7 к. Вѣсъ 3 л. 30.000 экз.

Закржевскій, Александръ. Карамазовщина. Психологическія параллели. Достоевскій. Валерій Брюсовъ. В. В. Розановъ. М. Арцыбашевъ. Кіевъ. 1912. Изд. журн. Искусство. Тип. А. М. Пономарева п. у. И. И. Врублевскаго (Крещатикъ, 58). 8° (18×27). 2 нен.+V+161 стр. Складъ: кн. маг. Л. Идзиковскаго (Крещатикъ, 29). Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф. 4 л. 565 экз.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. Д. Н. Овсяникo-Куликовскаго. Вып. 27. М. 1912. Изд. Т-ва Міръ (Знаменская, 9). Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовск., с. д.). 8° (19×28). 353—432 стр.+3 портр. Вѣсъ 18 л. 13.050 экз.

Истринъ, В. М. Хроника Іоанна Малалы въ славянскомъ переводѣ, кн. VIII и IX. Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ. Т. LXXXIX, № 7. Спб. 1912. Тип. Академіи Наукъ (В. О., 9 лин., 12). 8° (17×25). 39 стр. Ц. 35 к. Вѣсъ 6 л. 363 экз.

Масловъ, В. И. Литературная дѣятельность К. О. Рылѣева. (Оттискъ изъ «Университетскихъ Извѣстій» за 1911 и 1912 гг.). Кіевъ. 1912. Изд. Университета. Тип. Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (18×26). V+371+144 стр. Съ портр. Вѣсъ 1 ф. 24 л. 300 экз.

Мережковскій, Д. С. Полное собраніе сочиненій. Томъ IX. Л. Толстой и Достоевскій. Жизнь, творчество и религія. Часть III. Спб. 1912. Изд. и тип. Т-ва М. О. Вольфа (Вас. О., 16 л., соб., д.). 8° (16×23). 251 + 1 нен. стр. Вѣсъ 27 л. 5.000 экз.

Мережковскій, Д. С. Полное собраніе сочиненій. Томъ XIII. Вѣчные Спутники. Спб. 1912. Изд. и тип. Т-ва М. О. Вольфа (Вас. О., 16 л., с. д.). 8° (16×24). 362+1 нен. стр. 5.600 экз.

Мироновъ, М. К. Біографіи и значеніе русскихъ писателей. Для городскихъ училищъ, учительскихъ семинарій и торговыхъ школъ. М. 1912. Изд. книгоизд. «Школа», 4-е. Тип. Вильде. 8° (14×21). 160 стр. Съ портр. Ц. 50 к. Вѣсъ 13 л. 2.000 экз.

Михневичъ, М. П., проф. 1812 годъ на Руси. М. 1912. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 8° (13×21). 64 стр. Съ рис. и портр. Складъ: кн-во Сельскій Вѣстникъ (Спб., Мойка, 32). Ц. 15 к. Вѣсъ 5 л. 20.000 экз.

Назаревскій В. В. Святѣйшій Гермогенъ, патріархъ всея Россіи. 300-лѣтіе его кончины—1612—1912 г. 17 февраля. М. 1912. Изд. Церк. Комисс. по честв. юбил. событ. 1612—3 и 1812 г. Тип. А. И. Снегиревой. 8° (16×23). 56 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Вѣсъ 7 л. 10.400 экз.

Памятная книжка Вятской губерніи и календарь на 1912 годъ. Подъ ред. Н. Спасскаго. Вятка. 1911. Изд. губ. статистич. к-та. Тип. Губернская. 8° (18×26). V+131+177+V+III+371+29 стр. Съ рис. Вѣсъ 2 ф. 15 л. 900 экз.

Перетцъ, В. Н., проф. Изъ лекцій по исторіи древне-русск. литературы. Ч. I. Древнѣйшій періодъ (XI—XIII в.в.). Съ разрѣшенія г. профес. составилъ студ. Ал. Багрій. Кіевъ. 1912. Тип. Трудъ (Караваевская, 4). 8° (19×27). 324+8 стр. Вѣсъ 1 ф. 26 л. 300 экз.

Писанко, А. Въ кружкѣ ревнителей памяти Отечественной войны 1812 года. М. 1912. Тип. В. М. Саблина (Петровка, д. Обидиной). 8° (17×24). 4 стр. Вѣсъ 1 л. 50 экз.

Плаховъ, П. Отечественная война 1812 г. Историческій очеркъ. Кіевъ. 1912. Изд. Уѣздн. Земск. Управы. Тип. Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (18×28). 31 стр. Съ 2 портр. и 9 рис. Вѣсъ 4 л. 4.000 экз.

Правила Комиссіи по изученію Старой Москвы. М. 1912. Тип. Университета. 16° (11×17). 13 стр. Вѣсъ 1 л. 900 экз.

Россійская-Кожевникова, М. А. Воспоминанія о С. Я. Надсонѣ. Къ 25-лѣтію со дня кончины. М. 1912. Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, с. д.). 8° (17×25). 10 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Сл., Вл. и Ф-ко, Ѳ. Изъ Подольской старины. Спб. 1912. Тип. Н. Я. Стойковой (Знаменская, 27). 8° (17×25). 113 стр. Вѣсъ 11 л. 100 эк.

Святѣйшій патріархъ Гермогенъ. (№ 14). Кіевъ. 1912. Изд. и тип. Кіево-Печерск. Успенск. Лавры. 8° (14×23). 4 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 л. 15.000 экз.

Святѣйшій патріархъ Гермогенъ. М. 1912. Изд. Моск. церковной коммис. по устр. честв. ист. событ. 1612—1812 г. Тип. А. Снегиревой (Савеловскій пер., св. д.). 8° (13×20). 8 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 л. 5.000 экз.

Святѣйшій патріархъ Гермогенъ. М. 1912. Изд. к-ства Вѣрность (Лиховъ пер., еп. д.). Тип. Русская печатня (Садовая-Тріумфальная, 14). 8° (19×27). 4 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 л. 5.000 экз.

Семеновъ, П. Стрѣлецкій бунтъ. Историческая библіотека. № 9). М. 1912. Изд. к-ва Дѣло (Поварская, 10). Тип. М. В. Балдинъ и К° (Арбатъ, 7). 16° (9×14). 96 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 10.000 экз.

Сиповскій, В. В. Историческая хрестоматія по исторіи русской словесности. Томъ I, вып. 3-й. Русская Литература XVIII вѣка. Примѣнительно къ «Исторіи русской словесности» того же автора. Часть II. Спб. 1912. Изд. Я. Башмакова и К° (Итальянская, 31), 5-е. Тип. т-ва Трудъ (Кавалергардская, 40). 8° (17×23). VIII+224 стр. Ц. 80 к. Вѣсъ 22 л. 5.000 экз.

Соболевъ, Н. Н. Набойка въ Россіи. Исторія и способъ работать. М. 1912. Тип. т-ва Н. Д. Сытина (Пятницк., с. д.). 8° (19×23). 107 стр. Съ рис.+4 листа рис. Ц. 75 к. Вѣсъ 21 л. 5.000 экз.

Титовъ, Ѳ. І., прот. Святѣйшій патріархъ всероссійскій Гермогенъ, какъ ревнитель православія, миссіонеръ и великій патріотъ. (Къ 300-лѣтію со дня его кончины). Кіевъ. 1912. Изд. Кіев. Св.-Владим. Бр-ва. Тип. Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (17×25). 24 стр. Вѣсъ 3 л. 3.000 экз.

Ученыя Записки Императорскаго Московскаго Университета. Отдѣлъ историко-филологическій. Вып. 41-й. М. 1912. Тип. Университета. 8° (17×25). VIII+416 стр. Ц. 1 р. 70 к. Вѣсъ 1 ф. 16 л. 350 экз.

Шамуринъ, Юрій. Ярославль, Романовъ, Борисоглѣбскъ, Угличъ. Культурныя сокровища Россіи. Вып. I. М. 1912. Изд. т-ва Образованіе (1 Тверская, Камергерскій пер., 4). Тип. Русск. Тов. (Чистые пруды, Мыльниковъ пер., св. д.). 8° (11×26). 92 стр.+26 лист. рис. Вѣсъ 1 ф. 14 л. 3.000 экз.

Щукинъ, П. И. Воспоминанія. Часть III. М. 1912. Изд. автора. Тип. Синодальная (Никольская, с. д.). 4° (26×35). 59 стр. Вѣсъ 20 л. 300 экз.

28-го февраля по 6-е марта.

Алексѣевъ, В. 300-лѣтіе Смутнаго времени. Очеркъ I. Царь Борисъ. Царь Дмитрій Самозванецъ. (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1912. Изд. К-ва Д. И. Тихомирова (Б. Молчановка, 18). Тип. К. Л. Меньшова (Никольскій пер., 21). 8° (15×20). 28 стр. Съ рис. Ц. 8 к. Вѣсъ 3 л. 3.600 экз.

Алексѣевъ, В. 300-лѣтіе Смутнаго времени. Очеркъ II. Царь Василій Ивановичъ Шуйскій. Михаилъ Васильевичъ Скопинъ Шуйскій (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1912. Изд. К-ва Д. И. Тихомирова (Б. Молчановка, 18). Тип. К. Л. Меньшова (Никольскій пер., 21). 8° (15×20). 20 стр. Съ рис. Ц. 6 к. Вѣсъ 3 л. 3.600 экз.

Алексѣевъ, В. 300-лѣтіе Смутнаго времени. Очеркъ III. Патріархъ Гермогенъ. (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1912. Изд. К-ва Д. И. Тихомирова (Б. Молчановская, 18). Тип. К. Л. Меньшова (Никольскій пер., 21). 8° (15×20). 16 стр. Съ рис. Ц. 3 к. Вѣсъ 2 л. 3.600 экз.

Алексѣевъ, В. 300-лѣтіе Смутнаго времени. Очеркъ IV. Прокопій Ляпуновъ. (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1912. Изъ К-ва Д. И. Тихомирова (Б. Молчановка, 18). Тип. К. Л. Меньшова (Никольскій пер., 21). 8° (15×20). 10 стр. Ц. 3 к. Вѣсъ 2 л. 3.600 экз.

Алексѣевъ, В. 300-лѣтіе Смутнаго времени. Очеркъ V. Козьма Мининъ. Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1912. Изд. К-ва Д. И. Тихомирова (Б. Молчановка, 18). Тип. К. Л. Меньшова (Никольскій пер., 21). 8° (15×20). 28 стр. Съ рис. Ц. 8 к. Вѣсъ 3 л. 3.600 экз.

Алексѣевъ, В. 300-лѣтіе Смутнаго времени. Очеркъ VI. Протопопъ Савва, Діонисій и Авраамій Палицынъ. (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1912. Изд. К-ва Д. И. Тихомирова (Б. Молчановка, 18). Тип. К. Л. Меньшова (Никольскій пер., 21). 8° (15×20). 20 стр. Ц. 5 к. Вѣсъ 2 л. 3.600 экз.

Андріановъ, П. Бородинскій бой. (Отечественная библіотека, № 35). Спб. 1912. Изд. Всероссійск. націон. клуба (Литейн. пр., 10). Тип. А. С. Суворина (Эртел. пер., 13). 8° (14×21). 43 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Вѣсъ 4 л. 10.000 экз.

Антикварная книжная торговля Ѳ. Шилова. Каталогъ № 16. Литература,

философія, психологія и проч. Спб. 1912. Изд. автора. Тип. Арнгольда (Литейный пр., 59). 8° (17×24). 32 стр. Вѣсъ 4 л. 2.000 экз.

Аскольдовъ, С. А. Алексѣй Александровичъ Козловъ. Русскіе Мыслители. М. 1912. Изд. Путь. (Знаменка, 11). Тип. А. И. Мамонтова (Леонтьевск. пер., 5). 8° (15×20). VIII+218+4 нен. стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 22 л. 3.000 экз.

Бирюковъ, И. А. Памятка Астраханскаго казака о родныхъ полкахъ своего войска. Саратовъ. 1912. Изд. автора, 2-е. Тип. П. С. Феокритова (Сборная пл., св. д.). 8° (16×24). 13 стр. Вѣсъ 1 л. 1.000 экз.

Бобринскій, А. А., гр. Народныя русскія деревянныя издѣлія. Предметы домашняго, хозяйственнаго и отчасти церковнаго обихода. Вып. VIII-й. М. 1912. Тип. А. А. Левенсонъ, фототипіи П. П. Павлова. f° (32×43). 6 нен. стр.+15 табл. рис. Вѣсъ 1 ф. 9 л. 500 экз.

Божеряновъ, И. Н. Къ трехсотлѣтію Державнаго Дома Романовыхъ. Великая разруха Московскаго государства (1598—1612 г.г.). Со времени прекращенія царей рода Рюрика до избранія царя изъ Дома Романовыхъ. М. 1912. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (13×20). 48 стр. съ рис. Ц. 15 к. Вѣсъ 4 л. 20.000 экз.

Болсуновскій, К. Саварка-Савары: городище древности и народъ. Историческій очеркъ. Кіевъ. 1912. Тип. И. Н. Никитина и К°. 8° (17×22). 22 стр. съ рис. Ц. 40 к. Вѣсъ 4 л. 300 экз.

Бунинъ, П. Лжедимитрій. (Историческая библіотека, № 10). М. 1912. Изд. к-ва Дѣло (Поварской, 10). Тип. М. В. Балдинъ и К° (Арбатъ). 16° (13×15). 96 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 10.000 экз.

Васинъ, Н. Демидовы. (Исторія возникновенія горнаго дѣла въ Россіи). М. 1912. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницк., с. д.). 18° (12×18). 32 стр. Вѣсъ 1 л. 24.000 экз.

Викторовскій, П. Г. Западно-русскія дворянскія фамиліи, отпавшія отъ православія въ концѣ XVI и въ XVII в.в. Вып. I. (От. изъ журнала «Труды Кіевск. Духовн. Академіи»). Кіевъ. 1912. Изд. Кіев. Дух. Акад. Тип. акц. о-ва Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (17×25). 1 нен.+272 стр. Вѣсъ 28 л. 150 экз.

Городцовъ, В. А. Программа къ курсу первобытной археологіи. М. 1912. Тип. А. А. Левенсона (Трехпрудный пер.). 8° (16×25). 8 стр. Вѣсъ 1 л. 1.000 экз.

Добролюбовъ, Н. А. Темное царство. (Сочиненія А. Н. Островскаго. Два тома). Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ. («Гроза», А. Н. Островскаго). (Библіотека избранныхъ сочиненій Н. А. Добролюбова. № 3). Спб. 1912. Изд. А. С. Понафидиной (Итальянская, 29). Тип. М. Стасюлевича (Вас. О., 5 л., 28). 8° (14×20). 324 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 19 л. 5.200 экз.

Звѣздинъ, А. И. О Болдинскомъ имѣніи А. С. Пушкина въ Нижегородской губерніи и о пребываніи въ немъ поэта въ 1830-хъ годахъ. Н.-Новгородъ. 1912. Тип. Отд. газ. Вольгарь. 16° (12×18). 24 стр. Съ портр. Вѣсъ 2 л. 1.000 экз.

Кантакузинъ, кн. Памятка боевой службы 19-й конной батареи. Состав. ко дню столѣтняго юбилея. Кіевъ. 1912. Тип. Окр. штаба (Банковая, 11). 8° (18×26). 36 стр.+13 портр. Вѣсъ 9 л. 500 экз.

Кедровъ, С. Жизнеописаніе святѣйшаго Гермогена патріарха Московскаго и всея Россіи. М. 1912. Изд. Церк. Комиссіи по честв. юбилейн. событій 1612, 1613, 1812. Тип. А. И. Снигиревой (Савеловскій пер., с. д.). 8° (18×26). 11+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 60 к. Вѣсъ 19 л. 1.400 экз.

Коганъ, П. Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. Т. I. Вып. III. М. 1912. Изд. К-ва Заря. Тип. Ломоносовъ (1-я Тверская-Ямская, 20).

8° (14×22). 176+VI стр. Складъ: Кн. маг. Сотрудникъ Провинціи (уг. Тверской и Мал. Бронной). Ц. 1 р. Вѣсъ 20 л. 5.000 экз.

Михеевъ, С. Исторія русской арміи. Вып. VI. Новѣйшая эпоха. М. 1912. Изд. С. Михеева и А. Казачкова. Тип. Штаба Моск. воен. окр. (Остоженка, д. воен. вѣд.). 8° (17×26). 101 стр. Вѣсъ 13 л. 1.240 экз.

Назаревскій, В. В. Святѣйшій Гермогенъ патріархъ всея Россіи. Трехсотлѣтіе его кончины 17 февруарія 1612—1912. М. 1912. Тип. Т-ва А. А. Левенсона (Трехпрудный пер., св. д.). 8° (20×27). 46 нен. стр. съ рис. Вѣсъ 13 л. 6.000 экз.

Норцовъ, А. Н. Кирасиръ военнаго ордена Алексѣй Трофимовичъ Слѣпцовъ (1786—1831). Біографическій очеркъ и собраніе всѣхъ уцѣлѣвшихъ его сочиненій. Тамбовъ. 1912. Изд. А. Н. Норцова. Тип. Н. Бердоносова и Ф. Пригорина. 8° (18×26). 176+III стр.+1 табл.+9 лист. рис. Вѣсъ 29 л. 400 экз.

Одинъ изъ нихъ. Трехсотлѣтіе Русской Государственности. Государственная заслуга патріарха Гермогена (Перепеч. изъ № 39 газеты «Волга»). Саратовъ. 1912. Изд. и тип. газ. Волга (Московская). 8° (18×27). 4 нен. стр. Вѣсъ 1 л. 1.000 экз.

Рождественскій, С. В. Очерки по исторіи системъ народнаго просвѣщенія въ Россіи въ XVIII и XIX вѣкахъ. Т. I. Записки Ист.-Фил. фак. Спб. Ун-та. Ч. CIV. Спб. 1912. Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 8° (17×27). IX+679+1 нен.+48 стр. Вѣсъ 2 ф. 21 л. 1.000 экз.

Роосъ, Генрихъ. Съ Наполеономъ въ Россію. Записки врача великой арміи. Пер. съ нѣм. подъ ред. И. Н. Бороздина. «Смутное время и Отечественная война». Къ юбилею 1613 и 1812 г. Подъ общей редакціей И. Н. Бороздина. М. 1912. Изд. К-ва Сфинксъ. Тип. Художественная печать (Б. Никитская, 9). 8° (16×22). XI+334+IV стр. Вѣсъ 1 ф. 24 л. 2.500 экз.

Святитель Тихонъ, епископъ Воронежскій и Задонскій и всея Россіи чудотворецъ. М. 1912. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 16° (13×18). 107+1 нен. стр. Вѣсъ 4 л. 12.000 экз.

Святѣйшій патріархъ Гермогенъ. М. 1912. Изд. К-ства Вѣрность (Лиховъ п., Епарх. домъ). Тип. Рус. печатня (Садовая-Тріумф., 14). 8° (18×27). 4 стр. Вѣсъ 1 л. 3.000 экз.

Сидоровъ, А. А. Московскій комитетъ по дѣламъ печати (Историческій очеркъ). М. 1912. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Тверская, Трехпрудный пер., св. д.). 8° (15×20). 21 стр. Вѣсъ 4 л. 200 экз.

Сикорскій, И. А. проф. Антропологическая и психологическая генеалогія Пушкина. Кіевъ. 1912. Тип. С. В. Кульженко (Пушкинская, 4). 8° (15×22). 35 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 7 л. 4.000 экз.

Толычева, Т. Наталья Борисовна Долгорукова и Березовскіе ссыльные. М. 1912. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.), 5-е. 16° (13×17). 63 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Вѣсъ 3 л. 10.000 экз.

Тулубъ, Павелъ. С. Я. Надсонъ (Изъ воспоминаній). М. 1912. Тип. худ. печать (Б. Никитская, 9). 8° (16×24). 11 стр. Вѣсъ 2 л. 30 экз.

Тураева-Церетели, Е. Ф. Отраженіе нижегородскаго движенія 1612 г. въ литературныхъ памятникахъ XVII вѣка. (Отд. от. изъ сборника «Памятники исторіи нижегородскаго движенія въ эпоху службы земскаго ополченія 1611—1612 гг.»). Спб. 1912. Тип. акц. о-ва Самообразованіе (Забалканскій пр., 75). 8° (18×27). 16 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Шиманъ, проф. и Брикнеръ, проф. Смерть Павла Перваго. Переводъ съ нѣмецкаго съ портретами, исполненными фото-тинто-гравюрой. № 5.

М. 1912. Изд. К-скаго Т-ва Образованіе (Камергерскій пер., 4), 4-е. Тип. Русск. Т-ва (Чистые пруды, с. д.). 8° (18×27). 157+1 нен. стр. Съ рис. Вѣсъ 1 ф. 4 л. 3.000 экз.

Щербатовъ, Александръ, кн. Государственная оборона Россіи. М. 1912. Тип. П. Т. Сапрыкина (Срѣтенка, 32). 8° (17×27). 69 стр. Вѣсъ 10 л. 1.200 экз.

Съ 6-го по 13-е марта 1912 г.

Афанасьевъ, В. А., проф. Изъ деритской жизни Н. И. Пирогова. (Сообщено въ засѣданіи 13-го ноября 1910 года). Отд. от. изъ «Труды» и прот. засѣд. Мед. Общ. им. Н. И. Пирогова при Имп. Юрьевск. Унив. Ч. III). Юрьевъ. 1912. Тип. К. Маттиссена. 8° (16×24). 11 стр. Вѣсъ 2 л. 50 экз.

Бесѣды по Русской исторіи. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Спб. 1912. Изд. Училищн. Совѣта при Свят. Синодѣ (Кабинетская, 13). Тип. Синодальная. 8° (17×24). 449+2 нен. стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 1 ф. 9 л. 5.000 экз.

Боханъ, Д. Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. Біографическій очеркъ. Біографическіе очерки. Книжка 5-я. Образцовая библіотека, № 55. Вильна. 1911. Изд. Книгоизд. Эдиторъ. Тип. Завадзскаго. 16° (10×14). 71+1 нен. стр.+1 портр. Ц. 15 к. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Каталогъ книгоиздательства и книжнаго магазина Т-ва С. Н. Поповой на 1912 г. Спб. 1912. Тип. Русск. Скоропечатн. 8° (16×23). L+36 стр. Вѣсъ 7 л. 4.000 экз.

Каталогъ книгъ библіотеки Алексѣя Петровича Бахрушина. Вып. I. Императорскій Россійскій Историческій Музей имени Императора Александра III. М. 1911. Изд. Историческаго Музея. Тип. А. П. Коркинъ, А. В. Бейдеманъ и К°. 8° (18×27). II+190 стр.+1 портр.+1 листъ рис. Ц. 60 к. Вѣсъ 1 ф. 1.200 экз.

Клепатскій, П. Г. Очерки по исторіи Кіевской земли. Томъ I. Литовскій періодъ. Одесса. 1912. Тип. Техникъ (Екатерининская, 58). 8° (18×26). XLIII+599 стр. Вѣсъ 2 ф. 12 л. 200 экз.

Левшинъ, А. Г. Черезъ Нѣманъ въ Россію. Историческій очеркъ. Историческая военно-народная библіотека. Серія 1. Вып. 1. Спб. 1912. Изд. книгоизд. Бородина въ Москвѣ. Тип. Военная (въ зд. Гл. Штаба). 18° (14×18). 23 стр. Съ рис. Ц. 6 к. Вѣсъ 2 л. 15.010 экз.

Максимовичъ, Г. А. Кризисъ передъ смутой въ Московскомъ государствѣ. (Отд. отт. изъ VIII т. Сборника Имп. Филологическаго Об-ва при И. Фил. Институтѣ кн. Безбородко). Нѣжинъ. 1912. Тип. насл. В. К. Мелекевскаго. 8° (18×27). 19 стр. Вѣсъ 4 л. 300 экз.

Мордовцевъ, Д. Л. Собраніе сочиненій. Томъ LIII (3 серіи томъ XIII). Замѣчательныя историческія женщины на Руси. Отъ княгини Ольги до нашихъ временъ. Популярные разсказы изъ исторіи русской земли. Описаніе 120 лицъ, ихъ жизни и дѣятельности въ 4 томахъ (7 частяхъ). III. Русскія женщины второй половины 18 вѣка въ 2 частяхъ. Спб. 1912. Изд. И. П. Перевозникова (Банковскій пер., 31—32), 4-е, испр. и доп. Тип. Я. Балянскаго (Загородный пр., 74). 8° (15×21). 307+1 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 22 л. 3.000 экз.

Назаревскій, В. В. Петръ I, Императоръ Всероссійскій. Чтенія изъ исторіи Царствующаго Дома Романовыхъ. 1613—1913. Вып. V. Спб. 1912. Изд. училищн. совѣта при Св. Синодѣ. Тип. Синодальная. 8° (18×28). 144 стр. Съ рис. и портр. Вѣсъ 16 л. 20.000 экз.

Павловъ, В. И. А. Д. Кантемиръ. Разборъ произведеній, характеристика дѣйствующихъ лицъ, содержаніе и подробный планъ. Содержаніе: 1) Первый русскій сатирикъ и современное ему общество (Антіохъ Димитріевичъ Кантемиръ), 2) Французскій ложноклассицизмъ и его первые послѣдователи въ Россіи. Подробное изложеніе. I. Сатира первая: «Къ уму своему» («На хулящихъ ученіе») написана въ 1729 году. II. Сатира вторая: «Филаретъ и Евгеній». Одесса. 1912. Изд. и тип. Кн-ва М. С. Козмана. 8° (13×20). 31 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 3 л. 3.000 экз.

Павловъ, В. И. Литература Кіевской и Московской Руси. Разборъ произведеній, характеристика дѣйствующихъ лицъ, содержаніе и подробный планъ. Содержаніе: 1) «Слово о полку Игоревѣ» и его авторъ. 2) Идеалы «Домостроя». 3) Князь-Гражданинъ (Владиміръ Мономахъ). 4) Царь Іоаннъ Грозный и князь Курбскій. Подробное изложеніе: I. «Слово о полку Игоревомъ». II. «Домострой». III. Поученіе Владиміра Мономаха. Одесса. 1912. Изд. и тип. Кн-ва М. С. Козмана. 8° (14×20). 25+10 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 3 л. 3.000 экз.

Петровъ, Платонъ, свящ. Очерки церковно-общественной жизни въ эпоху Петра Великаго. Харьковъ. 1912. Тип. Мирный трудъ (Дѣвичья, 14). 8° (15×23). 216 стр. Вѣсъ 17 л. 500 экз.

Побѣдинскій, И. Императоръ Александръ III, Царь-Миротворецъ. (Ко дню открытія памятника въ Москвѣ). М. 1912. Изд. автора (М., Землянка, Грязный пер., 3). Тип. Университета. 8° (16×24). 17 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 2 л. 3.000 экз.

Подъемъ народнаго духа въ эпоху Отечественной войны. Спб. 1912. Тип. Бережливость (Невск. пр., 139). 8° (15×21). 58 стр. Съ рис. Ц. 20 к. Вѣсъ 6 л. 10.000 экз.

Пушкинъ, Б. С. Описаніе принадлежащихъ Л. М. Савелову документовъ: 1) столбцовъ Воскресенскаго Череповецкаго монастыря Новг. губ. (№№ 1—131) со вводной къ нимъ статьей: «Страница изъ исторіи Череповецкаго мон. въ XVII в.»; 2) столбцовъ Коряжемскаго мон. Волог. губ. (№№ 132—141) и 3) столбцовъ разнаго содержанія (142—173). М. 1912. Тип. А. Снегиревой (Савеловскій пер., св. д.). 8° (16×23). 86 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 9 л. 200 экз.

Рыбаковъ, І. И. Повторительный курсъ Русской Исторіи. Составл. по учебнику проф. С. Ѳ. Платонова. Вып. I. Съ приложеніемъ хронологической таблицы и вопросовъ для повторенія. Одесса. 1912. Изд. и тип. кн-ва М. С. Козмана. 16° (9×14). 382 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 8 л. 3.000 экз.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества. Томъ 137-й. Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. М. 1912. Изд. Императорскаго Рус. Истор. О-ва. Тип. Г. Лисснера и д. Собко (Крестовоздвиж. п., 9). 8° (20×27). XII+808 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 4 ф. 12 л. 1.250 экз.

Святѣйшій патріархъ Всероссійскій Гермогенъ (1612—1912 г.). № 28. Кіевъ. 1912. Изд. Кіев. Еп. Миссіон. Сов. Тип. Кіево-Печерск. Успенск. Лавры. 8° (15×23). 4 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 л. 18.000 экз.

Систематическій указатель литературы за 1911 годъ. Классифицированъ по десятичной системѣ. Подъ ред. И. В. Владиславлева. (Библіографическій Ежегодникъ). Выпускъ I. I—III. Библіографія русскихъ книгъ, журнальныхъ статей и рецензій. IV. Библіографія иностранной литературы о Россіи. V. Конфискованныя за годъ изданія. VI. Свѣдѣнія о періодической печати.

М. 1912. Изд. Кн-ства Наука (Б. Никитск., 10). Тип. П. Рябушинскаго (Путинковск. п., с. д.). 8° (17×25). 207+XXXII стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 21 л. 4.000 экз.

Соллогубъ, Е. Ѳ., гр. Лѣтопись Историко-Родословнаго Общества въ Москвѣ. 1905—1909 гг. Указатели. М. 1912. Тип. Т-ва Печатня С. П. Яковлева (Петровка, Салтыковскій пер., 9). 8° (18×27). 76 стр. Вѣсъ 15 л. 400 экз.

Соловьевъ, И. Хронологія по Русской Исторіи. Хронологія, родословныя, внутренняя и внѣшняя дѣятельность государей, параллельныя событія европейской исторіи. Одесса. 1912. Изд. Кн. маг. Знаніе (Ришельевская, 28). Тип. Я. Хасилева (Пушкинская, 34). 8° (17×26). 31 стр. Ц. 30 к. Вѣсъ 5 л. 3.000 экз.

Федоровъ, В. П. Подъ стѣнами стараго Смоленска. Истор. очеркъ. Историческая военно-народная библіотека. Серія I. Вып. 2. Спб. 1912. Изд. книгоизд. Бородина въ Москвѣ. Тип. Военная (въ зд. Гл. Штаба). 16° (14×18). 23 стр. Съ рис. Ц. 6 к. Вѣсъ 2 л. 15.010 экз.

Чинновъ, Григорій. Святѣйшій Гермогенъ, Патріархъ всея Россіи. (Къ 300-лѣтію со дня мученической кончины). Одесса. 1912. Изд. Одесск. Епар. Св.-Андреевск. Бр-ва. Тип. Епар. Дома (Александровскій пр., 6). 8° (16×23). 40 стр. Съ рис. Вѣсъ 4 л. 5.500 экз.

Шкадышекъ, М. Ф. Славянскій могильникъ въ Могилевской губерніи. Одесса. 1912. Тип. Е. Хрисогелосъ (ул. Кондратенко, 8). 8° (20×28). 11 стр. Вѣсъ 3 л. 50 экз.

Шумигорскій, Е. С. Отечественная война 1812 года. (Отечественная библіотека, № 37). Спб. 1912. Изд. Всерос. національ. клуба (Литейн. пр., 10). Тип. Р. В. Коротаевой (Загородн. пр., 10). 8° (14×21). 82+1 нен. стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 7 л. 10.000 экз.

Э. С. Отечественная война. 1812. Нашествіе Наполеона 4-й выпускъ (подъ редакціей Божерянова). Спб. 1912. Изд. С. И. Прокудина-Горскаго и К. П. Лаурсона. Тип. Прокудина-Горскаго. (Б. Подъяческая, 22). f° (32×40). 8 нен. стр.+8 лист. рис. Ц. 3 р. Вѣсъ 30 л. 15.000 экз.

Съ 13-го по 20-е марта 1912 г.

Александровъ, Димитрій, прот. Исправленіе книгъ въ XVII столѣтіи (Изъ бесѣдъ со старообрядцами). Оренбургъ. 1911. Тип. Каримова, Хусаинова и К°. 8° (15×23). 108 стр. Вѣсъ 8 л. 1.200 экз.

Алферовъ, А. и Грузинскій, А. Русская литература XVIII вѣка. Хрестоматія. М. 1912. Изд. 4-е Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудовый пер.). 8° (16×24). VI+507 стр. Складъ: Сотрудникъ Школъ. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 2 ф. 6.000 экз.

Андреевъ, кап. Краткая памятка службы 41-й артиллерійской бригады. Казань. 1912. Тип. И. Н. Харитонова (Уг. Воскр. и Казанск., соб. д.). 16° (11×17). 23 стр. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Барвинскій, В. Новый литературный памятникъ времени Мазепы. Харьковъ. 1912. Тип. Печатное Дѣло (Конторская, Клещевскій пр., 3). 8° (18×26). 8 стр. Вѣсъ 2 л. 110 экз.

Берко, Іоселевичъ. Храбрый польскій полководецъ. Историческій очеркъ бывшей Жидовской Кавалеріи и гибель ея въ сраженіи съ Казаками. Спб. 1912. Изд. Л. Поповой. Тип. Т-ва Свѣтъ (Невскій, 136). 8° (15×23). 36 стр. Съ рис. Ц. 25 к. Вѣсъ 4 л. 2.000 экз.

Боратынскій, А. Н. Старые земцы. Константинъ Александровичъ Юшковъ. Казань. Тип. Д. М. Гранъ (Б. Проломная). 8° (15×22). 6 стр. Съ портр. Вѣсъ 1 л. 30 экз.

Вишневскій, П. И. Н. В. Гоголь и В. Г. Бѣлинскій. Н.-Новгородъ. 1912. Тип. Отд. тип. Волгарь. 16° (11×18). 141+II стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 12 л. 990 экз.

Вѣтринскій, Ч. Странички Герцена. Неизданная страничка изъ книги «Съ того берега». Письма Герцена къ К. Фохту. А. И. Герценъ и В. В. Стасовъ. Н.-Новгородъ. 1912. Изд. Из-ва Нижегородскій Ежегодникъ Г. И. Сергѣева, В. Е. Чешихина. Тип. Нижегородск. печ. дѣло. 16° (12×18). 16 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 700 экз.

Гвоздаво-Голенко, И. И. Изъ записокъ земскаго начальника. Пермь. 1912. Тип. Губ. правл. 16° (11×17). 16 стр. Вѣсъ 1 л. 50 экз.

Дурново, Н. Н. Записки по Исторіи русскаго языка. Харьковъ. 1912. Тип. С. Иванченко (Костюринскій пер., 2). 8° (18×27). 120 стр. Вѣсъ 11 л. 50 экз.

Изслѣдованіе кустарныхъ промысловъ Саратовской губерніи. Вып. 3. Аткарскій уѣздъ. (Экономическое отдѣленіе Саратовской Губернской Земской Управы). Саратовъ. 1912. Тип. Губ. Земства. 8° (22×29). 64+21 стр. Вѣсъ 16 л. 300 экз.

Каталогъ юбилейныхъ изданій къ 100-лѣтію Отечественной войны 1812 года. 1812—1912 г. М. 1912. Тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницк., св. д.). 8° (15×22). 28 стр. Съ рис. Вѣсъ 3 л. 5.000 экз.

Лебедевъ, А. Бироновщина. Историческая Библіотека, № 12. М. 1912. Изд. к-ства Дѣло (Поварская, 10). Тип. т-ва М. В. Балдинъ и К° (Арбатъ, 7). 16° (11×16). 112 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 10.000 экз.

Лѣтопись историко-родословнаго общества въ Москвѣ. Вып. 3-й и 4-й, 1911 г. Годъ седьмой. Орелъ. 1912. Тип. Губ. правл. 8° (18×26). XIX+263 стр. Вѣсъ 11 ф. 21 л. 800 экз.

Николай Михайловичъ, Великій Князь. Петербургскій Некрополь. Томъ I. (А—Г). Спб. 1912. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 лин., 28). 8° (19×29). XX+715 стр. Вѣсъ 4 ф. 12 л. 1.200 экз.

Павловъ, В. И. Петровская Эпоха. Разборъ произведеній, характеристика дѣйствующихъ лицъ, содержаніе и подробный планъ. Содержаніе: 1) Общая характеристика Петровской эпохи. 2) Писатели Петровской эпохи до Ломоносова. 3) Значеніе Ломоносова въ исторіи русской литературы. Подробное изложеніе: I. «Книга о скудости и богатствѣ». Посошкова. II. «Слово о побѣдѣ подъ Полтавой». Стефана Яворскаго. III. «Изъ похвальнаго слова о флотѣ россійскомъ». Ѳеофана Прокоповича. IV. «Духовный Регламентъ». Ѳеофана Прокоповича. V. «Слово на погребеніе Петра Великаго». Ѳеофана Прокоповича. VI. «Духовное завѣщаніе». Татищева. VII. «На день восшествія на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны"—ода Ломоносова. Одесса. 1912 Изд. и тип. Кн-ва М. С. Козмана. 8° (14×20). 43+24 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 5 л. 3.000 экз.

Павловъ, В. И. А. С. Пушкинъ. Вып. III Разборъ произведеній, характеристика дѣйствующихъ лицъ, содержаніе и подробный планъ. Содержаніе: 1) Герои «Капитанской дочки». 2) Отецъ и сынъ Гриневы. 3) Савельичъ. 4) Характеристика Маріи Ивановны. 5) Герои повѣсти «Дубровскій». 6) Характеристика Алеко (Герой поэмы «Цыгане»). 7) Царь Петръ I и гетманъ Мазепа. Подробное изложеніе: I Капитанская дочка. II Повѣсть «Дубровскій». III Цы-

гане. IV Полтава. Одесса. 1912. Изд. и тип. Кн-ва М. С. Козмана. 8° (14×20). 38+47 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 6 л. 3.000 экз.

Правительствующій Сенатъ. Очеркъ. Спб. 1912. Тип. Спб. одиночной тюрьмы (Арсенальная наб., 5). 4° (23×31). 19 нен.+172 стр. Съ рис. Вѣсъ 2 ф. 25л. 450 экз.

Россіевъ, Павелъ. Сожженная Москва. Разсказъ о людяхъ и дѣлахъ 1812 г. М. 1912. Изд. книгоизд. Сельскій Вѣстникъ (Спб., Мойка, 32) и т-ва И. Д. Сытина. Тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницк., св. д.). 16° (12×17). 40 стр.+1 листъ. Съ рис. и портр. Ц. 5 к. Вѣсъ 2 л. 30.000 экз.

Руа, І. Французы въ Россіи. Воспоминанія о кампаніи 1812 г. и о двухъ годахъ плѣна въ Россіи. Переводъ съ франц. съ предисловіемъ и примѣчаніями А. Ельницкаго. Спб. 1912. Изд. Литературно-Научнаго кн-ства (Невскій пр., 3). Тип. Лучъ (Пряжка, 30). 16° (13×19). V+207+1 нен. стр. Ц. 90 к. Вѣсъ 15 л. 4.000 экз.

Савиновъ, М. Лекціи по новой русской литературѣ (Особое приложеніе къ отчету по учебной части Харьковскаго коммерческаго училища Императора Александра III за 1910—11 учебный годъ). Харьковъ. 1912. Тип. Г. Б. Молчадскаго (Подольскій пер., 6). 8° (18×27). 156+IV стр. Вѣсъ 21 л. 800 экз.

Святѣйшій патріархъ Гермогенъ. Казань. 1912. Тип. Университета. 16° (12×16). 11 стр. Вѣсъ 1 л. 700 экз.

Стоглавъ. Казань. 1912. Изд. Казанск. дух. акад., 3-е. Тип. Центральная (Домбровскаго). 8° (16×25). III+204 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 17 л. 900 экз.

Съ 20-го по 27-е марта 1912 г.

А. Н. Императоръ Александръ Благословенный и его время (Историческій очеркъ). Спб. 1912. Тип. Государственная. 8° (18×28). 77 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 9 л. 2.000 экз.

Вилинскій, С. Г. Идеалы М. В. Ломоносова. Рѣчь, произнесенная 15 января 1912 г. въ торжественномъ засѣданіи Совѣта Императорскаго Новороссійскаго Университета, посвященномъ памяти М. В. Ломоносова. Одесса. 1912. Тип. Экономическая (ул. Жуковскаго, 43). 8° (16×26). 20 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Военскій, К. А. Русское духовенство и Отечественная война 1812 года. М. 1912. Изд. Книгоизд. Сельск. Вѣстн. (Спб. Мойка, 32) и Т-ва И. Д. Сытина. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 16° (12×17). 60 стр. съ рис. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 30.000 экз.

Воскресенскій, М. П. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ какъ естествоиспытатель. Рефератъ, читанный въ Скопинскомъ Реальномъ училищѣ 8 ноября 1911. года. Николаевъ. 1912. Изд. Журн. Физикъ-Любитель. Тип. бр. Л. и И. Бѣлолинскихъ. 8° (13×20). 15 стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 2 л. 500 экз.

Въ память столѣтія Отечественной войны. Одесса. 1912. Тип. М. Шпенцера. f° (60×45). 1 листъ съ рис. Вѣсъ 2 л. 10.000 экз.

Горскій, І. Ѳ., прот. Столѣтіе Отечественной войны 1812 г. М. 1912. Тип. Русская печатня (Садовая-Тріумфальная, 14). 8° (14×20). 81 стр. Съ рис. Ц. 20 к. Вѣсъ 7 л. 8.000 экз.

Григорьевскій, М. Царь-Освободитель Александръ II (Характеристика его личности и дѣятельности). Кіевъ. 1912. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Караваевская, 5). 8° (17×26). 19 стр. Вѣсъ 3 л. 110 экз.

Древности. Труды коммиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ Императорскаго Московскаго археологическаго общества. Подъ ред. Н. П. Машкова. Т. IV. М. 1912. Изд. Москов. Археолог. Об-ва. Тип. В. И. Воронова (Моховая, д. кн. Гагарина). 4° (26×35). XXXII+321 стр. съ рис.+XXXI лист. рис. Вѣсъ 4 ф. 5 л. 625 экз.

Дучинскій, Н. Благословенный Царь Государь Александръ I. М. 1912. Изд. книгоизд. Сельск. Вѣстн. (Спб., Мойка, 32) и т-ва И. Д. Сытина. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 16° (12×18). 32 стр. Съ рис. Ц. 3 к. Вѣсъ 2 л. 30.000 экз.

Елчаниновъ, А. Г., проф. Отечественная война. М. 1912. Изд. кн-ства Сельск. Вѣстн. (Спб., Мойка, 32) и т-ва И. Д. Сытина. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8° (13×20). 152 стр. Съ рис. и портр. Ц. 30 к. Вѣсъ 11 л. 20.00 экз.

Жервэ, Ник. Славные партизаны 1912 года. М. 1912. Изд. книгоизд Сельск. Вѣстн. (Спб., Мойка 32) и Т-ва И. Д. Сытина. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8° (14×21). 44 стр. Съ рис. Ц. 10 к. Вѣсъ 4 л. 20.000 экз.

Записки Императорскаго новороссійскаго университета историко-филологическаго факультета. Вып. V, подъ ред. проф. А. П. Доброклонскаго. Одесса. 1912. Тип. Техникъ (Екатерининская, 58). 8° (19×26). XLIII+599 стр. Ц. 4 р. 50 к. Вѣсъ 2 ф. 14 л. 200 экз.

Записки московскаго археологическаго института, издаваемыя подъ ред. А. И. Успенскаго. Томъ XV. М. 1912. Изд. моск. археолог. институт. Тип. А. Снегиревой (Савеловскій пер., св. д.). 8°. (19×28). XVI+229+100+5 стр. Съ рис. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсъ 2 ф. 5 л. 500 экз.

Иловайскій, Д. Краткіе очерки русской исторіи. Курсъ старшаго возраста. М. 1912. Изд. автора (Пимен. пер., соб. д.). Тип. Т-ва И. М. Машистова (Б. Садовая, с. д.). 8° (15×21). 388 стр.+2 карты. Ц. 1 р. Вѣсъ 27 л. 6.000 экз.

Корниловъ, Д. Курсъ исторіи Россіи XIX вѣка. Ч. I. М. 1911. Изд. М. и С. Собашниковыхъ (Тверск. бульв., 6). Тип. Т-ва И. Кушнеревъ и К° (Пименовск., с. д.). 8° (15×21). 2 нен.+283 стр.+1 карта. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 23 л. 5.000 экз.

Михневичъ, Н. П., проф. На память объ Императорѣ Александрѣ I-мъ и Отечественной войнѣ. Юнкерамъ, кадетамъ, потѣшнымъ и всѣмъ учащимся. М. 1912. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 4° (21×32). 32 стр. Съ рис. и портр. Ц. 20 к. Вѣсъ 10 л. 10.000 экз.

Муратовъ, Н. И. 1912 г. Историческій обзоръ Отечественной войны и ея причинъ. Тамбовъ. 1912. Изд. 2-е Тамбовскій учен. Архивной комис., доп. Тип. Губ. Правл. 8° (16×25). 192+XXXI стр.+2 карты. Ц. 50 к. Вѣсъ 24 л. 6.000 экз.

Памятка изъ исторіи 11-го Драгунскаго Рижскаго полка. 1709—1909 г.г. Кременецъ. 1909. Тип. Б. А. Горинштейна. 8° (17×22). 40+8 нен. стр. Вѣсъ 5 л.

Памятная книжка Императорской Академіи Наукъ на 1912 годъ (исправлена по 15 января 1912 года). Спб. 1912. Тип. Императорской Акад. Наукъ. 8° (13×16). V+329 стр. Вѣсъ 27 л. 260 экз.

Покотило, Н. П. Что читать народному учителю по исторіи. Спб. 1912. Тип. В. Д. Смирнова (Екатерин. кан., 45). 8° (12×24). 2 нен.+107 стр. Ц. 60 к. Вѣсъ 13 л. 3.108 экз.

Покровскій, В. Иванъ Александровичъ Гончаровъ, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1912. Изд. 3-е, до-

полненное. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Воздвиженка, Крестовоздв. пер., 9). 8° (19×25). 2 нен.+362+2 нен. стр. Складъ: кн. маг. В. Спиридонова и А. Михайлова (Моховая, д. Варвар. акц. об.). Ц. 60 к. Вѣсъ 1 ф. 3 л. 600 экз.

Пфлугъ-Гартунгъ. Всемірная Исторія. Отъ эпохи великихъ открытій до Вестфальскаго мира (1500—1650 г.). Переводъ съ доп. подъ ред. Н. И. Карпова и С. Г. Лозинскаго. Отдѣлъ русской исторіи написалъ Н. П. Василенко. Спб. 1912. Изд. и тип. Брокгаузъ и Эфронъ (Прачешный пер., 6). 8° (20×28). 475—1066 стр.+66 рис. Вѣсъ 5 ф. 27 л. 5.000 экз.

Рейснеръ, М., проф. Вѣротерпимость и «расколъ». (Изъ исторіи секретнаго законодательства о расколѣ до 1875 года). (Оттиски изъ журн. «Старообрядческая Мысль» за 1912 г.). М. 1912. Тип. Т-ва И. М. Машистова (Б. Садовая, св. д.). 8° (19×28). 24 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Русская исторія. Томъ 4-й. Книга восьмая. М. 1912. Изд. т-ва Міръ (Знаменка, 9). Тип. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, св. д.). 8° (19×28). 154—336 стр.+11 лист. рис. Вѣсъ 1 ф. 19 л. 5.000 экз.

Симоновъ, И. С. Графъ Дмитрій Александровичъ Милютинъ и военно-учебное вѣдомство. Спб. 1912. Изд. Журн. Педагогич. сборникъ. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8° (16×25). 24 стр. Складъ: (Тучк. пер., 11). Ц. 40 к. Вѣсъ 3 л. 200 экз.

Симоновъ, И. С. На память о генералѣ-фельдмаршалѣ русской арміи графѣ Дмитріѣ Алексѣевичѣ Милютинѣ. Спб. 1912. Изд. Журн. Педагогич сборникъ (Тучковъ пер., 11). Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8° (16×25). 48 стр. Ц. 45 к. Вѣсъ 6 л. 1.240 экз.

Симоновъ, И. С. На память о генералѣ-фельдмаршалѣ русской арміи графѣ Дмитріѣ Алексѣевичѣ Милютинѣ. Спб. 1912. Изд. Педагогич. сборникъ (Тучк. пер., 11). Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8° (16×25). 48 стр.+182—185. Ц. 45 к. Вѣсъ 6 л. 450 экз.

Состояніе и дѣятельность Историко-Филологическаго Общества при Институтѣ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ въ 1911 году. Нѣжинъ. 1912. Тип. насл. В. К. Меленевскаго. 8° (18×28). 49 стр. Вѣсъ 7 л. 200 экз.

Травинъ, К. И. Отечественная война 1812 года. Казань. 1912. Изд. И. С. Михѣева. Тип. Центральная (Домбровскаго). 8° (14×20). 40 стр. Съ рис. Складъ: кн. маг. Маркелова и Шаронова. Ц. 12 к. Вѣсъ 5 л. 1.000 экз.

Чернопятовъ, В. И. Дворянское сословіе Тульской губерніи. Т. IX (XVIII). Матеріалы культурно-бытовые и генеалогическіе. М. 1912. Тип. А. П. Петцманъ (Мясницкій пр., 2). 8° (18×27). XII+106 стр. Вѣсъ 22 л. 500 экз.

414-е засѣданіе Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей 31-го января 1912 года. Одесса. 1912. Тип. Е. Хрисогелосъ (ул. Кондратенко, 8). 8° (20×28). 23 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Чунихинъ, В. И. Донскіе казаки и ихъ заслуги передъ отечествомъ. Спб. 1912. Изд. автора (Станица Нижн. Чирская, Донск. Обл.), 1-е Тип. П. Т. Ревина (Черныш. пер., 20). 8° (19×23). 45 стр. Съ рис. Ц. 20 к. Вѣсъ 5 л. 10.000 экз.

27-го марта по 3-е апрѣля 1912 г.

Антикварная книжная торговля В. И. Клочкова. Каталогъ № 522. Спб. 1912. Изд. Клочкова. Тип. Э. Арнгольда (Лит., 59). 8° (17×24). 16 стр. Вѣсъ 2 л. 1.200 экз.

Ивановъ, К. А. Сокращенный Курсъ Русской Исторіи. Спб. 1912. Тип.

М. П. Фроловой (Галерная, 6). 8° (16×23). 264 стр. Складъ: Пет. Ст., Больш. пр., 10. Ц. 75 к. Вѣсъ 24 л. 10.000 экз.

Ивановъ, П. И. 42-й Сибирскій Стрѣлковый полкъ 1711—1911. Томскъ. 1912. Тип. Пріюта и Дома трудолюбія. 8° (16×23). 50 стр. Съ рис. и портр. Вѣсъ 4 л. 1.000 экз.

Измайловцы въ Отечественную войну. Спб. 1912. Тип. Т-ва Печатн. станка (ул. Глинки, 6). 8° (16×23). 36 стр. Съ рис. и карт. 2.500 экз.

Ксенополь, А. Д. Понятіе «цѣнности» въ исторіи. Переводъ съ французскаго Н. И. Никифорова. Библіотека философіи исторіи. Вып. I. Кіевъ. 1912. Тип. Т. Г. Мейнандера (Пушкинская, 20). 8° (14×21). 52 стр. Складъ: кн. маг. Н. Я. Оглоблина (Крещатикъ). Ц. 35 к. Вѣсъ 4 л. 600 экз.

Курцъ, Б. Земскіе сборы. Кіевъ. 1912. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Караваевская, 5). 8° (15×23). 21 стр. Вѣсъ 3 л. 110 экз.

Ляцкій, Евг. Гончаровъ. Жизнь, личность, творчество. Критико-біографическіе очерки. Спб. 1912. Изд. Огни. 2-е переработ. и доп. Тип. М. М. Стасюлевича. 8° (17×25). VI+317 стр. съ 2 портр. Вѣсъ 1 ф. 8 л. 2.100 экз.

Назаревскій, В. В. Чтенія изъ исторіи царствующаго дома Романовыхъ. 1613—1913 Вып. V. Петръ I, Самодержавецъ Всероссійскій. Спб. 1912. Изд. Училищн. Совѣта при Св. Синодѣ (Кабинетская, 13). Тип. Синодальная. 8° (19×28). 144 стр. Съ 83 рис. Ц. 40 к. Вѣсъ 20 л. 20.000 экз.

Пановъ, К. Популярная исторія Россіи отъ начала до нашихъ дней. Былое—минувшее. Спб. 1912. Тип. Четверикова (Улыбина). 8° (16 × 23). 157 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 12 л. 2.000 экз.

Плаховъ, П. Отечественная война 1812 г. Историческій очеркъ. Кіевъ. 1912. Изд. Кіев. Гор. Учил. Коммис. Тип. К. Ш. Круглянскаго (Спасская, 6). 8°. (17 × 25). 32 стр. Съ портр. и рис. Вѣсъ 4 л. 20.000 экз.

Саввинъ, Н. А. Дѣти въ произведеніяхъ Глѣба Успенскаго. Н. Новгородъ. 1912. Тип. И. А. Шелеметьева. 8° (13×21). 24 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 4 л. 50 экз.

Смирновъ, Павелъ. Посадскіе люди Московскаго государства. Кіевъ. 1912. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Караваевская, 5). 8° (15×23). 27 стр. Вѣсъ 3 л. 110 экз.

Сташевскій, Е. Служилое сословіе. Кіевъ. 1912. Тип. Т-ва И. И. Кушнеревъ и К° (Караваевская, 5). 8° (15×32). 33 стр. Вѣсъ 4 л. 110 экз.

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга 22. Вып. III. Издана подъ ред. Ю. А. Кулаковскаго и А. М. Лободы. Кіевъ. 1912. Тип. Т. Г. Мейнандера (Пушкинская, 20). 8° (18×27). 72+XLII—73—124—67—74—33—48+IV стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 28 л. 412 экз.

Якимахъ, А. М. Одинъ изъ скромныхъ героевъ отечественной войны и 2-й французской кампаніи. (Очеркъ жизни и боевой службы Маіора (Подполковника въ отставкѣ) Новороссійскаго драгунскаго полка Моисея Абрамовича Якимаха). Кіевъ. 1912. Тип. Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговск., 6). 8° (18×27). 39 стр. Съ портр. Вѣсъ 6 л. 300 экз.

(Продолженіе на обложкѣ).

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

ГЕНЕРАЛЪ МОРО.

Вновь на р. Шпрее [1]).

XXX.

Черезъ два года послѣ Берлинскаго конгресса я былъ вновь командированъ въ Берлинъ для участія въ международной конференціи по установленію греко-турецкой границы. Мѣстная комиссія, составленная изъ греческихъ и турецкихъ представителей, цѣлый годъ работала по этому вопросу, но оказалась несостоятельною придти къ какому-либо соглашенію. Берлину опять пришлось взять дѣло въ свои руки. На первый взглядъ казалось, что нашъ интересъ въ конференціи не первостепенной важности, но, если онъ не имѣетъ особаго значенія въ настоящее время, то въ будущемъ можетъ отразиться большими непріятностями во вредъ православію и въ пользу албанской народности. Ближайшіе сосѣди римско-католическаго вѣроисповѣданія давно лелѣютъ мечту собственнаго усиленія на счетъ албанскихъ земель адріатическаго побережья и въ свое время, конечно, не пропустятъ случая раздѣлить между собою наслѣдство распадающейся державы султана. Оба правительства, Австро-Венгріи и Италіи, съ благосклоннаго разрѣшенія Великобританіи, обратились съ просьбою къ Франціи взять на себя починъ предложенія граничной черты, сообща ранѣе опредѣленной. Вотъ почему на первомъ совѣщаніи делегатовъ-техниковъ полковникъ французскаго генеральнаго штаба Перрье изложилъ сущность предлагаемой границы,

[1]) См. „Русская Старина“ августъ 1913 г.

генералъ Сирони, итальянецъ, развилъ мотивы, а старый знакомый англійскій генералъ Симонсъ, инспекторъ крѣпостей, высказался въ ея пользу съ большимъ одобреніемъ. Предлагаемая граница могла бы пройти безъ всякихъ возраженій, если бы ея авторы дали бы себѣ больше труда разработать основанія, на которыхъ строили свои заключенія.

Изъ обмѣна мыслей на первомъ засѣданіи можно было видѣть, что восточная часть предложенной границы представляетъ maximum того, что возможно было прирѣзать къ Греціи, не выходя изъ рамокъ, указанныхъ XIII протоколомъ Берлинскаго трактата, что проведеніемъ ея по водораздѣльнымъ хребтамъ давался естественный рубежъ, что наконецъ оставленіемъ въ турецкомъ владѣніи хребта Фламбуроса устранялась непосредственная опасность для Македоніи. Что же касается до западной половины проектированной пограничной линіи, то здѣсь рѣзко обнаруживалось: отсутствіе научныхъ данныхъ въ доказательствахъ превосходства границы по р. Каламасу, шаткость стратегическаго значенія этой рѣки и вообще натяжки, которыя можно было себѣ объяснить лишь необходимостью поступаться истиной для достиженія согласованія противорѣчивыхъ стремленій. Было ясно, что большинство членовъ комиссіи не обладало знаніями о странѣ, и главнымъ источникомъ ихъ освѣдомленности служили донесенія г. Губернатиса, итальянскаго консула въ Салоникахъ.

Посолъ П. А. Сабуровъ указалъ въ совѣщаніи уполномоченныхъ на превосходство греческой линіи, проектированной отъ капа Калибаки по водораздѣлу до морского берега къ сѣверу отъ оз. Будринта. Такъ какъ основаніями для такого рѣшенія приводились мотивы политическаго характера, то съ разрѣшенія посла я въ своей комиссіи техниковъ ограничился предложеніемъ границы по водораздѣлу до мыса Стило.

Нужно замѣтить, что засѣданіямъ комиссіи делегатовъ-техниковъ составляются журналы, основанія для которыхъ должны составлять стенографическія записки. Хотя мнѣніе мое раздѣлилъ предсѣдатель комиссіи прусскаго генеральнаго штаба полковникъ фонъ-Блуме, но, какъ противорѣчившее предварительно усвоенному пріему, французскими редакторами было оставлено безъ послѣдствія. Я не настаивалъ, но не могъ не обратить вниманія на неполноту замѣчаній, заносимыхъ въ журналъ въ двухъ главахъ, иногда въ искаженномъ видѣ, и на яркое изложеніе всего того, что подкрѣпляло или развивало ранѣе согласованное предложеніе.

Такъ, говоря о преимуществахъ продолженія границы на западъ по водораздѣлу, мною было замѣчено о непослѣдовательности проекта: то восхваляется водораздѣлъ, то значеніе лучшей границы придается рѣкѣ. На замѣчаніе генерала Симонса, отчего я въ такомъ случаѣ не выбираю хребетъ къ югу отъ р. Каламаса, я возразилъ, что во-первыхъ о такомъ хребтѣ нѣтъ рѣчи и онъ никѣмъ не предлагается для границы, почему и самое существованіе его подвержено сомнѣнію; во-вторыхъ, полковникъ Перрье упоминаетъ о рѣкѣ и горномъ хребтѣ въ 3 т. футъ къ сѣверу отъ нея. Вотъ этотъ-то хребетъ я и предлагалъ бы для границы. На быстрое возраженіе Перрье, что онъ говорилъ о хребтѣ къ югу отъ рѣки, я просилъ прочитать 6-ю страницу только-что отпечатаннаго протокола перваго засѣданія. Секретарь прочелъ заявленіе французскаго делегата о рѣкѣ и хребтѣ къ сѣверу отъ нея. Объ этомъ случаѣ въ журналѣ оказался пропускъ.

Относительно непригодности р. Каламаса служить границею, мною было замѣчено, что такъ какъ долина ея изображается ящикомъ съ отвѣсными берегами, командованіе праваго берега надъ лѣвымъ пріобрѣтаетъ особенное значеніе. На замѣчаніе полковника Перрье о значительномъ удаленіи горъ отъ рѣки я возразилъ, что въ дѣйствительности должно быть одно изъ двухъ: или долина Каламаса коридоръ, и тогда командованіе праваго берега имѣетъ значеніе, или скаты отлоги, и тогда свойство непроходимости, приписываемое долинѣ, теряетъ вѣроятность. Въ журналѣ объ этомъ одинъ неясный слѣдъ.

Обращая вниманіе на то, что каза Филатиса, расположенная между правымъ берегомъ Каламаса и водораздѣльнымъ хребтомъ, во всѣ времена принадлежала къ санджаку Янины, а не къ санджаку Аргирокастро, я сдѣлалъ заключеніе о значеніи этого факта, взятаго изъ жизни, въ смыслѣ включенія казы въ греческіе предѣлы. Изъ продолжительнаго опроверженія по этому поводу австро-венгерскаго делегата Цвиденека, долгое время жившаго въ Янинѣ, свидѣтельствовавшаго о принадлежности казы Филатисы къ округу Аргирокастро, между прочимъ, обнаружилось сплошное заселеніе бассейна верхняго Каламаса греками. Въ отношеніи же принадлежности казы Филатиса къ Янинѣ я сослался на источники, прося г. Цвиденека сдѣлать то же. По справкѣ въ своихъ матеріалахъ, г. Цвиденекъ извинился въ своей ошибкѣ, о чемъ я его просилъ сообщить секретарю для занесенія въ журналъ. Однако тамъ и этого не оказалось.

Рядъ такихъ обстоятельствъ мнѣ создалъ чрезвычайно выгодное положеніе, которымъ я имѣлъ намѣреніе воспользоваться, чтобы проложить, какъ компромиссъ, новую граничную линію, болѣе выгодную для Греціи, чѣмъ предложенная делегатами соглашенія. Изъ осторожности я не взялъ на себя, однако, окончательнаго рѣшенія, а попросивъ полчаса перерыва засѣданія, отправился за директивомъ въ русское посольство. П. А. Сабуровъ меня принялъ немедленно. Мнѣ пришлось докладывать о положеніи вопроса въ присутствіи графа Н. Л. Орлова, нашего посла во Франціи.

„Все, что Вы мнѣ разсказываете“, отвѣчалъ посолъ на мой докладъ, „весьма интересно и поучительно; но выгода новой Вашей границы такъ незначительна, что я рискую оставаться при первомъ моемъ предложеніи, т.-е. буду отстаивать греческую линію полностью, тѣмъ болѣе, что мнѣ обѣщалъ свою поддержку князь Гогенлое“.

„Слѣдовательно, мнѣ не слѣдуетъ отстаивать предложенное мною исправленіе границы?“

„Нѣтъ, не нужно, чтобы себя не связывать. Я вполнѣ одобряю Вашу находчивость и энергію, но всю отвѣтственность беру на себя, а Вамъ предлагаю воздержаться отъ голосованія въ Вашей комиссіи“.

На всякій случай я написалъ записку, одинъ экземпляръ которой представилъ послу, а другую на французскомъ языкѣ предсѣдателю комиссіи. Вотъ ея содержаніе:

„Доводы делегата Франціи въ пользу пограничной линіи отъ Эгейскаго моря до того мѣста въ бассейнѣ верхняго Каламаса, гдѣ эта линія пересѣкается линіею греческаго проекта около капа Калибаки, настолько вѣски и убѣдительны, что нельзя съ ними не согласиться и не признать эту часть границы за лучшую и наиболѣе отвѣчающую указаніямъ Берлинскаго конгресса, что же касается до остальной части французскаго предложенія, т.-е. границы по р. Каламасу до Іоническаго моря, то ни въ какомъ отношеніи удовлетворительною ее признать не возможно.

Въ стратегическомъ отношеніи р. Каламасъ дѣлится на двѣ части: а) Верхнее теченіе, приблизительно до сел. Вельчиста, вездѣ проходимо въ бродъ и потому въ военномъ отношеніи не имѣетъ значенія, и б) Нижнее теченіе до Іоническаго моря, имѣющее по выяснившимся въ комиссіи даннымъ большую глубину и обрывистый характеръ береговъ, при чемъ командуетъ правый.

При такихъ условіяхъ рѣку нельзя признать удовлетворительною для государственной границы. Въ одномъ мѣстѣ рѣка даже приближается угломъ къ Янинѣ менѣе, чѣмъ на двадцать верстъ. Вотъ почему предложенное посломъ Россіи измѣненіе французской границы по греческой линіи имѣетъ серьезное значеніе. Послѣдняя линія, водораздѣльная, устранила бы опасность для Янины и дала бы оборонительную границу болѣе прочную, чѣмъ р. Каламасъ. Даже въ отношеніи труднопроходимости хребетъ надежнѣе рѣки, такъ какъ путей, пересѣкающихъ рѣку въ ея нижнемъ теченіи, на австрійской картѣ показано шесть, а хребетъ только четыре.

Въ административномъ отношеніи, какъ уже мною заявлено, каза Филатиса, расположенная къ сѣверу отъ верхняго теченія р. Каламаса, во всѣ времена принадлежала къ санджаку Янины.

Наконецъ въ этнографическомъ отношеніи присоединеніе къ Греціи праваго берега р. Каламаса до водораздѣла было бы полезно на предбудущія времена, такъ какъ по вычисленіямъ Якшича, стоящаго во главѣ статистическаго отдѣла въ Бѣлградѣ и основавшаго свой трудъ на турецкихъ оффиціальныхъ цифрахъ переписи (нуфузы) 1873 и 75 годовъ, оказывается, что въ санджакѣ Янины, т.-е. казахъ Филатисы, Парамитіи, Мецова, Янины, Коницы и Гревена, число христіанъ составляетъ 84%, а число говорящихъ на греческомъ языкѣ въ 7-мь разъ превосходитъ говорящихъ по-албански, составляя 86% населенія.

Два этнографическія изданія послѣдняго времени Киперта и трудъ Сакса по этнографіи подтверждаютъ выводы Якшича. Наконецъ заявленіе делегата Цвиденека объ исключительно греческомъ населеніи бассейна верхняго Каламаса не оставляетъ никакого сомнѣнія въ необходимости отнесенія границы болѣе къ сѣверу".

Очевидно, что линія по р. Каламасу была результатомъ компромисса съ Италіею и Австріею, выражающихъ на каждомъ шагу большой интересъ въ отстаиваніи албанской территоріи. На чьей сторонѣ изъ этихъ двухъ державъ останется преобладающее вліяніе на Албанію, укажутъ будущія событія, при которыхъ между Австріею и Италіею неминуемо возникнетъ антагонизмъ. Пока оба государства удовлетворяются французскимъ проектомъ, хотя Австрія продолжаетъ сожалѣть объ албанскомъ населеніи Маргарити и Мазараки, включаемаго въ греческіе предѣлы, и платонически настаивать черезъ своего делегата,

генеральнаго штаба полковника Риппа, на измѣненіи французской линіи въ бассейнѣ верхняго Каламаса.

Нашъ уполномоченный на конференціи, предписывая мнѣ воздержаться отъ соглашенія на основаніи только незначительной уступки, имѣлъ въ виду достиженіе болѣе широкой цѣли, на что уже имѣлъ предварительное согласіе предсѣдателя конференціи князя Гогенлое. Исправленіе французскаго проекта, достигнутое нашимъ починомъ, несмотря на незначительность его размѣра, все-таки благопріятно отразилось бы на нашемъ престижѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ спасло бы сотни греческихъ семействъ округа Куренды отъ турецкаго гнета. Перенесеніе границы съ тальвега рѣки на сѣверный ея водораздѣлъ, расширяя греческія владѣнія на счетъ албанской территоріи, во-первыхъ, присоединило бы къ Греціи всю ту часть страны, въ которой греческая народность преобладаетъ, во-вторыхъ, уравняло бы будущую Албанію, которая всегда будетъ находиться подъ намъ враждебнымъ вліяніемъ, наконецъ, въ-третьихъ, связало бы политику Греціи съ албанскимъ вопросомъ и ослабило бы агрессивныя намѣренія относительно Македоніи.

Взвѣшивая доводы за и противъ французской линіи по Каламасу, П. А. Сабуровъ находилъ такое превосходство послѣднихъ, что не сомнѣвался въ своемъ успѣхѣ удачно опрокинуть искусственную границу. Къ тому же изъ протоколовъ грекотурецкой комиссіи, въ прошломъ году засѣдавшей въ Константинополѣ, онъ пріобрѣлъ вѣскій аргументъ противъ рѣки, отъ которой одинаково усердно отказывались и греки и турки, при чемъ послѣдніе прямо указывали на превосходство границы по водораздѣлу.

Казалось, все было обдумано, взвѣшено и расчитано на успѣхъ; но на дѣлѣ оказалось, что то самое засѣданіе конференціи, которое обѣщало увѣнчать наши труды, принесло намъ печальное разочарованіе. Предъ самымъ засѣданіемъ уполномоченные Германіи и Франціи заявили нашему послу, что изъ достовѣрныхъ источниковъ имъ извѣстно о предписаніи изъ Петербурга уполномоченному Россіи присоединиться къ большинству голосовъ. Ни возраженія нашего посла, ни блистательная рѣчь, имъ произнесенная въ защиту своего предложенія, дѣлу не помогли. Ему оставалось присоединиться къ большинству голосовъ.

Такъ окончилась конференція по опредѣленію греческой границы. Особаго значенія она не имѣла, такъ какъ ничего особеннаго создать не могла, а ограничивалась незначительными

исправленіями уже существовавшей границы. Но для насъ она имѣла глубоко поучительный характеръ, выводя насъ на арену политической дѣятельности по предметамъ обще-славянскаго интереса, и въ этомъ отношеніи должна намъ служить урокомъ для будущаго времени.

За время конференціи мною было написано два письма Н. Н. Обручеву.

Въ одномъ, отъ 14 (16) іюня, я писалъ: „Въ пяти письмахъ къ графу Д. А. Милютину я изложилъ сущность работъ комиссіи техниковъ и всѣ мотивы, руководившіе дѣйствія какъ П. А. Сабурова, такъ и мои. Вмѣстѣ съ тѣмъ я представилъ отчетную карту и важнѣйшіе изъ журналовъ, я представляю карту пограничнаго съ Греціею пространства съ обозначеніемъ на ней принятой конференціею границы. Вѣрность карты удостовѣрена делегатами великихъ державъ. Карта предназначается для нашего комиссара въ комиссіи разграниченія на мѣстѣ. Посылаю также всѣ журнальные протоколы въ 3-хъ экземплярахъ, одинъ для главнаго штаба, другой для министерства иностранныхъ дѣлъ и третій для нашего мѣстнаго комиссара“.

Въ другомъ письмѣ, черезъ недѣлю, мною написано: „Подъ свѣжими впечатлѣніями, вынесенными изъ моего здѣсь пребыванія, чувствую потребность подѣлиться съ Вами моими заключеніями. Князь Бисмаркъ несомнѣнно имѣетъ въ виду расширить предѣлы Германіи до Адріатики, а центръ тяжести Австро-Венгріи передвинуть на Балканскій полуостровъ. По свойственной ему энергіи онъ уже перешелъ бы отъ словъ къ дѣлу, если бы не серьезныя затрудненія, съ которыми ему приходится бороться на каждомъ шагу у себя дома. Среди государственныхъ людей Европы его положеніе необыкновенно могущественно. Самостоятельность пословъ великихъ державъ растирается въ порошокъ передъ несокрушимымъ авторитетомъ желѣзнаго канцлера. Они пигмеи около великана, планетные спутники, вращающіеся вокругъ мірового свѣтила. При выполненіи своего плана Бисмаркъ потребуетъ отъ насъ согласіе на распространеніе Австро-Венгріи до Эгейскаго моря, т.-е. затронетъ наши самые живые интересы въ отношеніи славянства. Но такое согласіе можетъ быть или вынуждено силою, или уравновѣшено, я не знаю какою уступкою въ нашу пользу. Все это въ будущемъ, быть можетъ, довольно далекомъ; обширный же планъ во всякомъ случаѣ не можетъ быть осуществленъ ни кѣмъ инымъ, какъ только самимъ Бисмаркомъ. Од-

нако онъ не создаетъ вокругъ себя такой школы, какая выростаетъ около Мольтке, а между тѣмъ, кто знаетъ, какъ широко сочтены его дни"...

Привожу копію съ донесенія посла П. А. Сабурова министру иностранныхъ дѣлъ Гирсу.

„Monsieur le Secrétaire d'Etat [1]).

Au moment du départ du général Bobrikow, je dois rendre un juste hommage à l'intelligence surépieure, avec laquelle cet officier-général a secondé mes travaux.

Les protocoles des séances des commissaires téchniques temoignent du fait que dans toutes les discussions la force des arguments a été de notre côté et n'a échoué que devant les engagements, par lesquels les autres commissaires se trouvaient liés entre eux. La superiorité de raisonnement de notre commissaire a dû être réconnue par ceux-la même qui l'avaient combattu.

Je considère comme très flatteur pour le corps de nos officiers d'Etat-Major la manière brillante dont le général Bobrikow a maintenu leur réputation, en présence de spécialistes déstingués comme le général Simmsons et le général Cironé, tous deux jouissant d'une autorité considérable dans leurs pays respectifs.

Après la clôture de nos travaux, le C-te St. Vallier m'a avoué que le projet primitif de l'Etat-Major français avait été précisément la ligne aboutissant au cap Stylos, sur la mer Ionienne, cette même a laquelle le général Bobrikow était logiquement arrivé par l'étude stratégique de la question. On avait dû y renoncer pour obtenir l'assentiment de l'Angleterre à la réunion de Janina.

Cet aveu est assurément le témoignage le plus flatteur rendu aux mérites professionnels de notre Commissaire.

J'ai l'honneur d'être avec la plus haute considération, Monsieur le Secrétaire d'Etat, de votre Excellence.

Signé: *Sabourow.*

Командировка моя окончилась, я возвратился въ Петербургъ. Въ заключеніе два слова о нѣкоторыхъ условіяхъ дипломатической службы. На экзаменѣ на первомъ мѣстѣ поставлено

---

[1]) Copie d'une dépêche de Monsieur Sabourow à son Exellence Monsieur le secrétaire d'Etat de Giers. Berlin 21/III 1880.

слишкомъ шаблонное требованіе точнаго и буквальнаго знанія трактатовъ и договоровъ. Ихъ можно вызубрить наизусть и все-таки быть слабымъ дипломатомъ. Слѣдуетъ требовать больше дипломатическаго развитія, чтобы дипломатъ нашелся въ сильныхъ затруднительныхъ положеніяхъ и своими критическими знаніями могъ импонировать коллегамъ.

Г. И. Бобриковъ.

Люди и нравы за полвѣка [1]).

XXVI.

Въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстого, какъ извѣстно, съ особымъ усердіемъ насаждалось такъ называемое классическое образованіе. Изъ нашихъ Ѳомокъ, Степокъ, Петрушекъ силкомъ хотѣли понадѣлать боговъ и героевъ древняго міра Греціи и Рима. Не разсуждали, всѣмъ ли подъ силу это геройство; не принимали во вниманіе нашей русской натуры; упускали изъ виду практическую пользу, каковая должна была народиться на русской-то почвѣ отъ латинскихъ и греческихъ сѣмянъ.

Главными предметами были объявлены древніе языки и математика (слава Богу, хоть ее-то не забыли!); природный и новые языки тоже не особенно были унижены—ихъ отнесли къ предметамъ второго разряда; а законъ Божій, отечественная и всеобщая исторія съ географіей и вовсе къ третьему.

Поступили по совѣту m-me Простаковой:—не учи, Митрофанушка, географіи, не барское это дѣло; на то извозчики есть, довезутъ куда нужно!

Раздѣлили предметы не по пригодности ихъ въ жизни, не по значенію ихъ внутреннему, воспитательному, а исключительно имѣли въ виду одну только ихъ трудность.

---

[1]) См. „Русская Старина“, августъ 1913 г.

И много подъ развалинами энергичной толстовской логики погибло русскихъ талантливыхъ!

А въ результатѣ, прежде всего, получилось: „Умерла моя муза!“

Пока были живы старые короли литературы, питомцы, прежней школы, люди сороковыхъ годовъ: Тургеневъ, Толстой, Достоевскій, Салтыковъ, Островскій и ихъ сильные подголоски, вліяніе классицизма не особенно было замѣтно; какъ только они начали постепенно сходить со сцены жизни, такъ сейчасъ же стало ярко бросаться въ глаза, что на смѣну ихъ никого не пришлетъ наша классическая школа...

Умный былъ человѣкъ Д. А. Толстой, а въ этомъ дѣлѣ онъ сотворилъ глубокую ошибку...

Почти сорокъ лѣтъ вычеркнулъ онъ изъ жизни родины!

Да и въ самомъ дѣлѣ: съ десяти лѣтъ всю русскую юность подводить подъ одинъ ранжиръ, не считаясь ни съ индивидуальными наклонностями каждаго въ частности, ни съ особенностями русскаго характера, уклада русской жизни вообще...

Я буду еще имѣть случай поговорить о средней школѣ подробнѣе, когда подойду къ ней поближе, а теперь пока ограничусь этимъ.

Въ 1874 году было сразу открыто что-то около десятка прогимназій по губернскимъ и уѣзднымъ городамъ, въ томъ числѣ и у насъ. Открывались онѣ легко: дай общество субсидію и помѣщеніе, остальное дастъ казна, и прогимазія открыта.

Классическія прогимназіи были родныя дѣтки всесильнаго графа Д. А. Толстого, онъ и покровительствовалъ имъ; а вотъ реальныя училища для него были пасынками и открывались или тамъ, гдѣ горожане давали деньги на его содержаніе полностью, какъ, напримѣръ, въ Скопинѣ, въ Рыковскомъ банкѣ, въ которомъ скоплялись громадныя суммы, заранѣе предназначенныя къ ограбленію вислоухихъ и жадныхъ вкладчиковъ, позарившихся на большой процентъ; или въ Зарайскѣ, въ уѣздѣ котораго было громадное имѣніе классика-Толстого.

На такихъ условіяхъ открылась и у насъ прогимназія: земство отпустило на ея содержаніе по три тысячи ежегодно, да городъ три съ половиной и домъ. Остальное дала казна.

Изъ скотопригоннаго двора задумали устроить римскій форумъ.

Митьки и Ѳомки силкомъ обращались въ греческихъ юношей, но безъ олимпійскихъ игръ, безъ всего, чѣмъ была красна

жизнь древняго грека. Даже бани были далеко не тѣ; только однѣ грамматики со всѣми безчисленными ихъ исключеніями цѣликомъ перенесены на русскую почву.

Это было что-то въ родѣ потемкинской зимы, когда великолѣпный князь Тавриды везъ великую царицу лѣтомъ, въ саняхъ, по дорогѣ, обильно усыпанной солью, которая должна была изображать изъ себя снѣгъ.

Учителей классиковъ не было; но это пустяки: навезли изъ Австріи.

Вагонами!

Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ изъ-за моря:

„Пріидите и володѣйте нами".

Много министровъ смѣнилось послѣ Толстого, но ни у кого не хватало храбрости смѣло взглянуть въ глаза дѣйствительности. Принимались кое-когда циркулярныя мѣры къ парализаціи замѣтной порчи воздуха, но это были тѣ полумѣры, которыя едва-ли могли принести пользу.

Наконецъ, дождались энергичнаго, сильнаго старика Ванновскаго, который сразу поставилъ крестъ на толстовской затѣѣ; умный старикъ-практикъ не убоялся схватить быка прямо за рога. Вырвалъ изъ программы грека, обрѣзалъ римлянина, одного свелъ на нѣтъ, изъ другого—предметъ второстепенный; прибавилъ француза съ нѣмцемъ...

Дѣло его наслѣдниковъ упорядочить эту систему, придать ей извѣстную стройность и поставить цѣль, къ которой школа должна стремиться.

На открытіе прогимназіи пріѣхалъ попечитель округа съ большою свитою. Въ помѣщеніи городской управы былъ устроенъ прекрасный обѣдъ, на который пригласили и весь личный составъ прогимназіи, и уѣздныхъ учителей, и насъ, мелкую сошку, приходскихъ учителей.

Конечно, забурлилъ неизбѣжный потокъ рѣчей, открывшійся безсвязной, нудной рѣчью попечителя.

Говорилъ онъ долго, и ничего не сказалъ...

Удивительная способность!

Наивные провинціалы ждали отъ него откровенія, а получили большой, игравшій всѣми цвѣтами радуги, мыльный пузырь...

И за чѣмъ только такихъ людей выпускаютъ изъ толщи столицы? Они незамѣтны среди крупныхъ звѣздъ столичнаго небосклона, а въ провинціи, какъ говорится, на самомъ юру,

они очень прозрачны и своею особой производятъ только „потрясеніе основъ“... .

На этомъ обѣдѣ попечитель познакомился и съ исправникомъ, какъ предсѣдателемъ училищнаго совѣта. Разновицкій ему очень понравился, и тотъ предложилъ ему перейти на службу въ министерство народнаго просвѣщенія. Разновицкій согласился, конечно, на соотвѣтствующую должность, и въ слѣдующемъ же году получилъ мѣсто директора народныхъ училищъ.

Съ такимъ назначеніемъ былъ сопряженъ и переводъ его кума, старичка-смотрителя, на должность инспектора народныхъ училищъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы чрезъ извѣстное время онъ подалъ въ отставку, получилъ бы инспекторскую пенсію (900 р. вмѣсто 400) и успокоился.

Такъ все и сдѣлалось, какъ по писанному.

* * *

Теперь позвольте мнѣ удариться въ область болѣе веселую, почти анекдотическую, хотя и безусловно вѣрную.

Ушелъ отъ насъ нашъ добродушный старичекъ-смотритель. Свершилось это событіе должно быть въ 1876 году. На его мѣсто переведенъ былъ другой, служившій когда-то учителемъ въ Донцѣ.

Много ходило разсказовъ о его похожденіяхъ въ Донцѣ; героемъ являлся онъ въ разсказахъ и подмосковнаго города; трудно вѣрилось этимъ розсказнямъ; думалось, что это простая ческа языковъ провинціальныхъ тунеядцевъ; но когда я познакомился съ нимъ поближе, то мнѣ стало ясно, что всѣ разсказы о немъ были цѣликомъ взяты изъ жизни этого безспорно талантливаго, но безпутнаго и безхарактернаго человѣка.

Фамилія его Величъ, имя—Николай Петровичъ.

О своемъ происхожденіи онъ говорилъ, что отецъ его сербъ, попалъ въ Россію, здѣсь женился и акклиматизировался.

Окончилъ Николай Петровичъ курсъ гимназіи и поступилъ въ одинъ изъ провинціальныхъ университетовъ, на филологическій факультетъ. Перейдя на второй курсъ, онъ принялъ приглашеніе на урокъ въ имѣніе какого-то помѣщика. Тамъ встрѣчаетъ онъ гувернантку, молодую, очень обстоятельную нѣмку.

Говорятъ, крайности сходятся...

Сошлись и они, и не только сошлись, но даже и ушли далеко за предѣлы ихъ педагогическихъ обязанностей...

Нужно было жениться. Нужно оставить университетъ и искать себѣ мѣсто учителя русскаго языка въ уѣздномъ училищѣ.

Сказано-сдѣлано. Мѣсто какъ разъ отыскалось въ Донцѣ, гдѣ я и познакомился съ первою частью его анекдотическихъ похожденій.

Жизнь уѣзднаго глухого городишки совсѣмъ захватила Велича въ свои скрюченныя лапы: онъ много пилъ, игралъ въ картишки, очень рѣдко уплачивая проигрышъ; аккуратно два раза въ недѣлю ѣздилъ къ старичку-помѣщику (пажу Екатерины, о которомъ я уже говорилъ), изрядно попивалъ тамъ водочку, плотно ужиналъ, хотя не упускалъ случая пройтиться на счетъ „жеванныхъ“ котлетъ. Часто принималъ старичка у себя, но не иначе, какъ за возъ муки, пшена, картофеля, старновки, сѣна и т. п. годовыхъ запасовъ—иначе разсчета не было; жалованья получалъ 24 р. 50 коп. въ мѣсяцъ; уроковъ частныхъ не имѣлъ, ибо въ нихъ никто не нуждался, а если чѣмъ и имѣлъ возможность увеличить свой скромный годовой бюджетъ, то это стихами на злобу дня, которые съ удовольствіемъ помѣщалъ (и хорошо платилъ) въ своемъ юмористическомъ журналѣ „Развлеченіе“, издававшій его Миллеръ. Среди стиховъ, отличавшихся и очень звучной риѳмой, и игривостью содержанія, попадались въ весьма хорошемъ переводѣ стихи Беранже и другихъ поэтовъ.

Но уѣздная среда властно засасывала его въ своемъ болотѣ, и не ему было подъ силу бороться съ ней: посильнѣе его люди гибли въ этой трясинѣ...

Временами находили и на него минуты просвѣтлѣнія, полоса благоразумія; дня два—три онъ никуда не выходилъ и былъ трезвъ. Я, конечно, не считаю законныхъ моментовъ—передъ обѣдомъ, передъ ужиномъ, когда онъ выпивалъ по двѣ, по три рюмки. У супруги его многаго кой-чего не было, а водка была. Въ то время добродушная и разсчетливая нѣмка еще не теряла надежды на исправленіе своего безшабашнаго супруга, какъ бы то ни было все-таки „отмѣченнаго божественнымъ перстомъ“.

И вотъ сидя какъ-то въ минуту его просвѣтлѣнія за самоварчикомъ, стала она нѣжно ворковать, въ шутливой формѣ, ломанымъ русскимъ языкомъ посылая деликатные упреки своему вѣтреному мужу въ его невѣрности.

— Эхъ, милочка моя! Читала ты библію, или нѣтъ?

— Ну, конешне сщиталя! съ улыбкой отвѣчаетъ та.

— Ну ка, вспомни Авраама... Вспомни черномазую Агарь... А вѣдь ему, шутка сказать, было по нашему исчисленію лѣтъ 90, а по ихнему и вовсе, вовсе больше... А мнѣ-то вѣдь и 30 нѣтъ! Всѣмъ бы вамъ слѣдовало съ прематери Сарры примѣръ брать... Махнула рукой и кончено... Полное послушаніе... А нынче и „жена да боится своего мужа“ орутъ вамъ во всю глотку, а вы ничего не слышите...

Улыбнется только на это осчастливленная супруга и отъ всего сердца проститъ своего шалуна.

Вотъ въ такую-то именно минуту просвѣтлѣнія онъ внимательно оглядѣлся вокругъ и пришелъ къ заключенію, что изъ этой „яндовы“ надо бѣжать, если не желаешь побывшиться раньше времени и оставить вдову съ дѣтьми при пиковомъ интересѣ. Послалъ прошеніе о переводѣ поближе къ Москвѣ и былъ переведенъ въ тотъ именно городокъ, откуда къ намъ былъ назначенъ старичекъ-смотритель и мой товарищъ, перетащившій меня изъ той же „яндовы“.

Оба они сообщили мнѣ массу разсказовъ о его похожденіяхъ, и такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ были довольно забавны, то я и занесу ихъ въ свои воспоминанія.

Пріѣзжаетъ въ городъ на ревизію мѣстный губернаторъ. Съ нимъ вмѣстѣ прикатилъ и городской голова, милліонеръ-купецъ, большую часть года жившій въ столицѣ и только изрѣдка навѣщавшій городъ, гдѣ онъ главенствовалъ.

Вся ревизія капельнаго городка была закончена въ три-четыре часа. Забота головы состояла въ томъ, чтобы радушно принять дорогого гостя, угостить его на славу и показать ему всѣ мѣстныя рѣдкости. Въ городѣ былъ, между прочимъ, и несчастненькій музей, въ которомъ едва-ли что было достойное вниманія, а если и было нѣчто, то цѣнность этого нѣчто въ глазахъ людей болѣе или менѣе интеллигентныхъ, кое-что понимающихъ, была или подозрительна, или и вовсе неопредѣлима. Такъ никто и не интересовался этимъ музеемъ... Но разъ заявили губернатору, что существуетъ въ городѣ музей, и тотъ выразилъ желаніе съ нимъ познакомиться, то волей неволей нужно было избрать чичероне половчѣй, чтобы сумѣлъ дорогому гостю пустить пыль въ глаза.

Выборъ палъ на Велича, который, какъ рѣшилъ уѣздный ареопагъ, съ честью сумѣетъ выйти изъ положенія довольно затруднительнаго.

— Вотъ, Николай Петровичъ, вамъ общество намѣрено поручить миссію и почетную, и довольно щекотливую, начинаетъ издали заговаривать съ нимъ смотритель.

— Это что еще такое? Интересно послушать... но, имѣйте въ виду, я щекотки вообще не выношу.

— Видите ли въ чемъ дѣло... Общество проситъ васъ сопровождать завтра г. начальника губерніи въ музей... Показать и разсказать ему обо всемъ, что тамъ имѣется.

— Господи помилуй!.. Пятый годъ я здѣсь живу и не слыхивалъ, что у насъ какой-то музей есть... Ну, васъ къ Богу! не пойду я срамиться съ вашимъ музеемъ.

— Ну, ужъ вы не подводите городского голову; онъ уже пригласилъ на завтра туда губернатора... Указалъ на васъ, какъ на выдающагося человѣка... А сегодня всю нашу корпорацію пригласилъ къ себѣ на вечеръ съ отличнымъ ужиномъ...

— Э! Батенька! Вамъ бы съ этого и начать слѣдовало... Коли потомственный почетный гражданинъ пригласилъ на вечеръ, такъ нечего и разговаривать... Я готовъ къ услугамъ дорогого гостя. Только вотъ что... все-таки надо хоть немного подготовиться... ознакомиться съ каталогомъ... а то я совсѣмъ понятія не имѣю, изъ чего состоитъ этотъ музей...

— Ну, каталога-то, кажется, тамъ нѣтъ... да вы завтра утречкомъ зайдите туда, познакомьтесь... Да васъ учить нечего... Ну, приврите что-нибудь отъ себя.

— „Приврусь, Михаилъ Васильевичъ, охотно приврусь!“ отвѣчаетъ тотъ и тономъ, и словами Расплюева. Авось все пройдетъ благополучно.

Дѣйствительно, милліонеръ-купецъ устроилъ вечеромъ пиръ, какъ говорится, на весь міръ: вина, закуски, провизія, фрукты, повара и вся прислуга—все было привезено изъ столицы.

На вечеръ собрался весь городъ. Величъ былъ особо представленъ губернатору, какъ человѣкъ, которому поручено обществомъ сопровождать его превосходительство въ музей.

Остроумный и находчивый Величъ такъ заинтересовалъ губернатора, что тотъ ни на минуту не отпускалъ его отъ себя.

— Ну, что, какъ дѣла? спрашиваетъ Велича ликующій смотритель, когда начальникъ губерніи подошелъ къ земцамъ и на время освободилъ Велича.

— Ну, его къ чорту! Надоѣлъ, какъ собака! Люди давно водку пьютъ, а ты тутъ съ нимъ валандайся... Дуракъ какой-то: догадки ни на грошъ... Пойти выпить, пока онъ тамъ болтаетъ

съ земцами... А то всю свѣжую икру съѣдятъ и попробовать не оставятъ... Ишь вѣдь прожорливыя акулы собрались...

И онъ тронулся къ буфету.

Губернаторъ, увидя его уходящимъ, черезъ весь залъ кричитъ:

— Николай Петровичъ! Вы куда же?

Тотъ, недовольный, возвращается назадъ, неторопясь подходитъ къ губернатору и тихо говоритъ:

— Я въ буфетъ, ваше превосходительство; у насъ въ Архангельскѣ въ это время штукъ по десяти ужъ успѣли пропустить...

— Да вы развѣ изъ Архангельска?

— Изъ Архангельска. Дальній родственникъ Ломоносова, безъ запинки вралъ тотъ. Не угодно ли, в. п., пожаловать вмѣстѣ...

— Съ большимъ удовольствіемъ! Вы такой интересный собесѣдникъ, что съ вами очень пріятно можно провести время.

И губернаторъ интимно беретъ его подъ руку, и оба чинно шествуютъ въ буфетъ...

Величу только и надо было. Ему бы лишь забраться въ этотъ уголокъ земли обѣтованной, а ужъ вытащить его оттуда не скоро вытащишь.

Величъ внимательно осмотрѣлъ громадный установленный всевозможными деликатесами столъ, и зоркій глазъ его прежде всего остановился на серебряномъ ведеркѣ съ великолѣпнѣйшей свѣжей икрой.

— Что прикажете налить, в. п.?

— Да чего-нибудь полегче...

— Не выгодно, в. п.: помѣщеніе маленькое, легкимъ-то его займешь, тяжелаго дѣвать будетъ некуда. Совѣтую начать съ водки... благо, закуска хороша...

Посмѣиваясь, губернаторъ согласился и рюмку водки...

Величъ и пьетъ, и закусываетъ, и анекдотъ за анекдотомъ разсказываетъ. Губернаторъ начинаетъ смѣяться отъ души... А Величъ и говоритъ, и водку наливаетъ. Такъ по одной, да по одной и набрались они препорядочно... Друзьями сдѣлались такими, что и водой не разольешь; жить другъ безъ друга не могутъ... Къ ужину пошли опять подъ ручку и усѣлись рядкомъ...

На утро проснулся Величъ и вспомнилъ, что ему предстоитъ провожать губернатора въ музей. Посмотрѣлъ на часы... батюшки! одиннадцатый уже...

А осмотръ назначенъ въ 11.

Послала супруга ему за сельтерской водой; онъ умылся, окатилъ туманную голову холодной водой, тщательно выполоскалъ ротъ, надѣлъ чистую манишку и манжеты, натянулъ на себя форменный потертый фракъ, предательскіе глаза задрапировалъ темными очками, и явился парень хоть куда, молодецъ-молодцомъ!

Ровно въ 11 онъ уже былъ въ пріемной губернатора и велѣлъ о себѣ доложить. Губернаторъ тотчасъ же вышелъ въ пріемную и, протянувъ обѣ руки впередъ, пошелъ навстрѣчу къ своему новому другу.

— Очень, очень радъ васъ видѣть! Здоровы ли вы? Спасибо, что не забыли вашего обѣщанія....

— Какъ можно забыть, в. п.! Съ семи часовъ я уже на ногахъ; надо было подготовиться, чтобы достойно встрѣтить такую высокопоставленную особу...

— Очень, очень вамъ благодаренъ, глубокоуважаемый, Николай Петровичъ! Я сейчасъ буду готовъ къ вашимъ услугамъ...

Гость скрылся въ кабинетъ и скоро вышелъ оттуда съ цилиндромъ и перчатками въ рукахъ. Они одѣлись и вышли. У подъѣзда стояла коляска и заводская пара вороныхъ рысаковъ городского головы. Особенно важно усѣлся въ ней Величъ, и они поѣхали въ музей.

XXVII.

— Скажите, пожалуйста, Николай Петровичъ, вы постоянно завѣдуете музеемъ, такъ сказать, хранитель его? заговорилъ губернаторъ, какъ только они усѣлись и тронулись въ путь.

— Нѣтъ, нѣтъ... ваше превосходительство, торопливо и какъ-то испуганно отвѣчаетъ Величъ. Я очень недавно взялъ его въ свои руки и не успѣлъ хорошенько ознакомиться съ нимъ...

— А интересныя вещи имѣются въ музеѣ?

— М... м... да... есть. Немного, но есть... Правда, происхожденіе ихъ уходитъ въ такую глубь вѣковъ, что у насъ здѣсь нѣтъ людей, которые смогли бы точно опредѣлить всю ихъ но... все-таки...

Бесѣдуя, такимъ образомъ, они подкатили къ дверямъ хранилища мѣстныхъ рѣдкостей.

Не подумайте, что это было особое зданіе, спеціально построенное, какой-нибудь затѣйливой архитектуры...

Нѣтъ, просто отведена была лишняя комната въ полицейскомъ управленіи по сосѣдству съ кутузкою и жильемъ пожарныхъ служителей.

— Ахъ, вотъ гдѣ помѣщается вашъ музей!... Мѣсто знакомое... Я вчера еще здѣсь побывалъ... И пришлось долго сидѣть...

— Вы счастливѣе меня, ваше превосходительство: шестой годъ живу здѣсь, а въ полиціи еще ни разу не сидѣлъ...

Губернаторъ расхохотался. Величу только и надо было привести его превосходительство въ хорошее расположеніе духа.

Чѣмъ выше они подымались по лѣстницѣ, тѣмъ воздухъ становился тяжелѣе, тѣмъ больше чувствовалось въ немъ постороннихъ примѣсей: казарма пожарныхъ съ ихъ присными и арестантская давали о себѣ знать.

— Однако тутъ воздухъ... не того...

— Смѣю увѣрить, ваше превосходительство, что это не отъ музея! Тамъ—вещи, а это все люди...

На верхней площадкѣ выстроились къ пріему: исправникъ, его помощникъ, вся канцелярія правленія, пожарные служители и полицейскіе солдаты въ новой формѣ.

Увидалъ Величъ одного знакомаго полицейскаго при полномъ вооруженіи и сейчасъ же выдалъ государственную тайну:

— Батюшки!.. Анисимычъ!.. тебя ли я вижу?! по базару ходить и наводить порядки въ шинели, валенкахъ, въ бараньей шапкѣ, да съ жезломъ въ рукахъ, а тутъ на-ка поди какъ вырядился, и не узнаешь. И холодное, и горячее оружіе прицѣпилъ.

Анисимычъ добродушно улыбается; улыбается и Величъ, и губернаторъ, а исправникъ покраснѣлъ, какъ маковъ цвѣтъ, и былъ бы радъ сквозь землю провалиться...

Подходятъ къ двери „музея“, на которой виситъ большой новый замокъ.

Желая подсадить и Велича съ своей стороны, исправникъ говоритъ съ любезною улыбкой на устахъ:

— Хоть вы, Николай Петровичъ, считаетесь у насъ хранителемъ музея, а должно быть въ первый разъ являетесь сюда...

— Извините, я въ четвергъ былъ здѣсь...

— Какъ же это вы ухитрились пройти сквозь запертыя двери. Вѣдь ключъ-то былъ у меня...

— Вы ошибаетесь... У васъ былъ ключъ, но только, вѣроятно, отъ другого замка, а на этой двери и замка-то никогда не висѣло: видите (говоритъ Величъ, потрясая замкомъ передъ

носомъ исправника и губернатора) замочекъ-то новенькій, только-что купленный для его превосходительства...

Опять нарвался исправникъ... Губернаторъ почувствовалъ неловкость и сталъ выводить разговоръ на другую дорогу...

Вотъ, наконецъ, они и въ музеѣ...

Боже! чего туть только не навралъ Величъ! Фантазія его распалилась, языкъ развязался,—удержу нѣтъ, такъ и сыплетъ, такъ и сыплетъ... Слѣдить за нимъ со вниманіемъ не было никакой возможности...

И чего онъ тутъ только не наплелъ: и остатокъ остова мамонта, и зубъ архангела Михаила, и обломокъ лѣстницы, которую видѣлъ во снѣ Іаковъ, и чернильница съ перомъ, которымъ никогда-никогда не писалъ Петръ Великій!...

Губернаторъ покатывался со смѣху; Величъ говорилъ очень серьезно; на губахъ исправника играла скосоротившаяся улыбка...

Ревизія благополучно кончилась и въ четыре часа, послѣ обѣда у головы, губернаторъ со свитой оставилъ нашъ богоспасаемый городишко.

Прощаясь со всѣми его провожавшими, онъ особенно горячо пожималъ руку Велича, приглашалъ его къ себѣ, и даже подставилъ свою чисто выбритую щеку для поцѣлуя.

Но Величъ щекотливъ. Замѣтя привычку губернатора подставлять для поцѣлуя свою щеку, вмѣсто губъ, онъ тоже щеку подставилъ, и они очень любезно потерлись другъ о друга.

— Вижу я, что онъ всѣмъ подставляетъ для лобызанія свою щечку, а тѣ съ дуру-то прикладываются къ ней, я подумалъ: погоди! Я же уважу: цѣловаться, такъ цѣлуйся, какъ слѣдуютъ, а не трись, словно свинья объ уголъ...

Это было въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, въ полный размахъ либерализма, когда и не такія прямолинейныя натуры, какъ Велича, откровенно ворчали на всякій недодѣланный шагъ къ сближенію съ гражданскими со стороны властей предержащихъ...

* * *

На другой день штатный смотритель получилъ очень милое письмо отъ головы:

„Достоуважаемый Василій Ѳедоровичъ! Вчера мы проводили губернатора, а сегодня не проводите ли меня? Очень прошу васъ пожаловать къ 7 часамъ вечера съ супругою. Передайте всѣмъ вашимъ сослуживцамъ мое искреннѣйшее желаніе видѣть ихъ у себя сегодня, а особенно Николая Петровича Велича.

Вашъ N. N.“

Письмо это смотритель принесъ въ учительскую и показываетъ всѣмъ педагогамъ.

— Ишь!.. достоуважаемый... Гм! Посмотримъ, чѣмъ-то ты будешь кормить достоуважаемаго-то... Попробуй только подать вчерашніе объѣдки, такъ я же дамъ... Уважу достойно!..

Наступилъ вечеръ. Величъ сталъ собираться въ гости: надѣлъ чистую манишку, черный сюртукъ и постоянно вертѣлся около зеркала...

— Николай Петровичъ! а меня не приглашали? спрашиваетъ супруга...

— На нынѣшній вечеръ—нѣтъ; вѣдь головиха-то въ Москвѣ осталась... Скоро пріѣдетъ, и тогда онъ обѣщался устроить вечеръ съ дамами. Готовься!

— Ничего подобнаго не было: вралъ супругъ безпощадно...

Разсчитывая съ смотрителемъ сыграть обычную партію въ копеечный ералашъ, Величъ захватилъ у жены послѣдніе три цѣлковыхъ.

Г.г. чиновники не отличались особенной аккуратностью въ службѣ: учителя, напримѣръ, ни одного урока не начинали вовремя, вѣчно съ запозданіемъ на пять, на десять минутъ, благо, добрякъ-начальникъ смотрѣлъ на это сквозь пальцы; но въ гости, а особенно къ головѣ, у котораго они собирались три-четыре раза въ годъ, гдѣ угощеніе всегда было не только обильное, но и изысканное, они являлись аккуратно къ назначенному времени; еще семь-то часовъ только било, а входныя двери дома городского мэра то и знай хлопали, принимая дорогихъ гостей.

Въ залѣ накрытъ одинъ громадный столъ, уставленный закусками и виномъ; прислуга разносила чай съ разнообразными къ нему принадлежностями; въ гостиной и обширномъ кабинетѣ хозяина разставлены карточные столы, съ запечатанными играми картъ, за которыя денегъ брать съ гостей не полагалось.

Народу тьма; дѣйствительно весь городъ налицо: и купечество, и гласные думы, и земцы, и духовенство, и чины всѣхъ ранговъ и вѣдомствъ.

Конечно, времени не теряли: выпили по стаканчику чайку и стали группироваться въ партіи, предварительно заложивши основательный фундаментъ за „губернскимъ“ столомъ.

Нужды нѣтъ, что раненько! Это слово употреблялось развѣ только на службѣ.

Составилась и обычная учительская партія въ грошовый ералашъ—единственная игра, въ которую умѣлъ и любилъ играть смотритель. Съ нимъ усѣлся приходскій учитель, офицеръ—артиллерійскій и Величъ.

Величу везло ужасно; онъ уже началъ злиться, что съ такимъ-то счастьемъ усѣлся въ грошову партію, тогда какъ ему предлагали въ стуколку... А стуколка шла на многихъ столахъ, при чемъ ставка была отъ пятіалтыннаго до шести рублей.

Изъ себя выходилъ Величъ и постоянно подбѣгалъ къ стуколистамъ, съ завистью смотря, какъ деньги кучею переходили отъ одного игрока къ другому.

Наконецъ, шесть роберовъ сыграли. Величъ одинъ выигралъ по ихнему счету громадную сумму въ два съ полтиной. Всегда давая прислугѣ на чай, онъ тутъ не далъ ничего; примѣта такая: „съ выигрыша передъ игрой не давай“, а въ примѣты онъ крѣпко вѣрилъ.

Примостился онъ къ стуколкѣ по пятіалтынному; и тутъ повезло: въ полчаса десять—пятнадцать рублей взялъ.

Э! думаетъ: надо пользоваться! Вотъ что значитъ жены-то не взялъ съ собой... А то терлась бы около меня тутъ, да ахала... да глаза бы таращила... Ну, и...

Съ этими деньгами онъ задумалъ перейти къ столу, гдѣ ставка была уже полтора рубля.

„Иль отыграю все имѣнье,
Иль проиграю и жену!“

думалъ онъ, какъ Лермонтовскій казначей.

И тутъ повезло безумно: выиграетъ пятерку и въ карманъ. Остритъ, смѣется самъ, покатывается со смѣху и вся окружающая столъ публика.

— Ну, какъ дѣла, Николай Петровичъ? спрашиваютъ его.

— Да, ничего-съ! Слава Богу! съ особеннымъ выраженіемъ отвѣчаетъ онъ.

— Дѣтишкамъ на молочишко заработали?

— Какое тамъ молочишко! И себѣ на сапоги съ галошами пріобрѣлъ, и женѣ на бурнусъ...

— Ого... го... го!..

— Вотъ тебѣ и о-го-го!.. Не такъ еще загогочешь, погоди, дай срокъ! Я сегодня не побѣдимъ... Теперь бы еще на салопъ женѣ и будетъ...

Но, увы! счастье не долговѣчно...

Часу въ третьемъ ночи, послѣ ужина, игра продолжалась, но веселый духъ отлетѣлъ отъ Велича; фортуна повернулась къ нему бочкомъ; онъ пріумолкъ, сталъ тише воды, ниже травы...

— Ну, какъ дѣла?

— Что дѣла... дѣла швахъ... Отъ сапогъ съ галошами одни голенища остались... полбурнуса тоже спустилъ съ аграмантомъ... Ужъ не бросить ли?

— Ну, авось...

Игра продолжалась... Карта шла самая подлая, предательская: на маленькій ремизъ—семерки берутъ, на большой—король самъ другъ пропадаетъ...

— Къ утру все спустилъ бѣдняга и даже свои послѣдніе три цѣлковыхъ...

— Обозленный неудачей, онъ потихоньку обошелъ всѣ карточные столы, собралъ съ нихъ попавшіяся ему на глаза еще неубранныя колоды картъ, въ которыя играли, и безцеремонно положилъ къ себѣ въ карманы, приговаривая:

— Съ лихой собаки, хоть шерсти клокъ!

Этимъ только и утѣшился...

* * *

Товарищъ мой, какъ человѣкъ и трудолюбивый и способный, имѣетъ очень много постороннихъ уроковъ, и тѣмъ зарабатывалъ весьма почтенную сумму; почтенную, конечно, сравнительно.

Идетъ у него обычный экзаменъ, послѣ котораго онъ всѣхъ экзаменаторовъ пригласилъ къ себѣ на холостецкую закуску. Въ числѣ экзаменаторовъ былъ и Величъ, какъ учитель русскаго языка. Разносоловъ на закуску никакихъ особыхъ приготовлено не было, но квартирной хозяйкѣ удалось пріобрѣсти великолѣпнаго поросенка, котораго она сварила, нарѣзала на порціи, залила и подала съ приправой прекрасной сметаны съ хрѣномъ.

Собралась педагогическая братія, выпила, закусила и пошла домой. Идутъ и дорогой весело разговариваютъ.

— Какой прекрасный былъ поросенокъ! И гдѣ только такого онъ досталъ? Сливки, а не поросенокъ! восхищался смотритель.

— Поросенокъ-то хорошъ, только вотъ сметана-то горькая! не утерпѣлъ замѣтить Величъ.

— Какъ горькая?! Что вы!..

— Да конечно горькая! только поросенка-то ею испакостили.

— Да что вы, Николай Петровичъ, она была смѣшана съ хрѣномъ, оттого и показалась вамъ горькою...

— А! можетъ быть... можетъ быть...

На другой день какъ разъ былъ экзаменъ Велича по русскому языку.

Написали диктантъ, перешли къ экзамену устному: чтеніе, разсказъ, разборъ, склоненіе, спряженіе...

— Ну-ка, останавливаетъ одного бойкаго мальчугана смотритель: склоняй горькая сметана.

Тотъ и пошелъ: горькая сметана, горькой сметаны... горькую сметану и т. д.

Общій хохотъ. Недоумѣло смотритъ мальчуганъ на всѣхъ экзаменаторовъ.

Величъ изъ себя выходитъ... Покраснѣлъ, какъ ракъ, ерзаетъ на мѣстѣ...

Но онъ въ долгу не остается...

Просклонялъ мальчикъ въ единственномъ числѣ и остановился.

— А какъ будетъ во множественномъ? спрашиваетъ смотритель...

— Не имѣетъ! отрѣзываетъ мальчуганъ.

— А „дуракъ“! Какая часть рѣчи? спрашиваетъ Величъ.

— Существительная.

— Имѣетъ множественное число?

— Имѣетъ.

— Непремѣнно...

Всѣ расхохотались.

— Склоняй во множественномъ. Я тебѣ буду говорить предложеніе, а ты вставляй это слово.

— Гогочетъ—кто?

— Дураки.

— Конечно. Кому я даю урокъ?

— Дуракамъ.

— Кого я вразумляю?

— Дураковъ.

— Кѣмъ все это устроенно?

— Дураками.

— Ну, больше не будемъ говорить, о комъ?

— О дуракахъ.

Превеселый былъ экзаменъ.

* * *

Еще одно послѣднее сказанье о моемъ забавномъ сослуживцѣ.

Среди площади маленькаго городишка стояли большіе каменные ряды съ лавками. Осень; грязь непролазная; дождь сѣетъ какъ сквозь сито; всѣ сидятъ дома и только бродячія натуры педагоговъ шляются по городу и ищутъ огонька. Огонекъ горитъ въ знакомой квартирѣ, значитъ, хозяева дома; а дома—значитъ, и преферансъ, и яичница-глазунья, и рюмка водки къ вашимъ услугамъ.

И вотъ, выбирая протоптанную дорожку около рядовъ, идутъ два педагога, ищутъ гостепріимнаго огонька; и видятъ они издали тоже фигуру съ большимъ фонаремъ въ рукахъ, внимательно разыскивающую себѣ путь. Фигура знакомая—Величъ. Надо подшутить надъ нимъ. Спрятавшись за уголъ, шутники измѣненнымъ голосомъ кричатъ:

— Шалыганъ!

Величъ оборачивается въ сторону, откуда слышенъ голосъ, и идетъ на него...

Тѣ удираютъ отъ него и, обѣжавъ все зданіе кругомъ, очутятся опять сзади Велича и крикнуть:

— Шалыганъ!

Изъ себя выходитъ Величъ, а поймать невинныхъ проказниковъ не можетъ: онъ-то съ фонаремъ, его видно, а тѣ безъ фонаря.

Прибѣжавъ къ углу, они опять кричатъ:

— Шалыганъ!

И вдругъ передъ ними Величъ вынимаетъ изъ-подъ полы фонарь! Надулъ таки ихъ, поймалъ!

Ну, конечно, всѣ отправились на „огонекъ“.

Такъ незатѣйливо и наивно проводили время въ глухомъ уѣздномъ городишкѣ кучка самыхъ образованныхъ и развитыхъ людей мѣстнаго общества.

Ничего нѣтъ мудренаго, что въ концѣ концовъ не они подымали общество до себя, а сами впадали въ него, какъ Ока въ Волгу, и неслись стремительно въ болото житейское.

Вотъ какіе разсказы предшествовали появленію на нашемъ горизонтѣ новаго смотрителя, Велича.

Само собою разумѣется, что на особое уваженіе съ нашей стороны новый начальникъ разсчитывать не могъ; такъ и смотрѣли мы на него, какъ на неглупаго сорокалѣтняго шалыгана.

Съ открытіемъ у насъ прогимназіи явились новыя лица, учителя гимназіи, люди съ высшимъ образованіемъ. Стали мы къ нимъ присматриваться, ощупывать ихъ, искать въ нихъ

чего-то высшаго, для насъ мало доступнаго. На этихъ лицъ университеты, какъ думали мы, должны были наложить извѣстный отпечатокъ не только въ сферѣ ихъ спеціальности, но и во всемъ другомъ.

Интересно было понаблюсти за ними...

Къ какимъ выводамъ пришли мы въ своихъ наблюденіяхъ, я думаю сгруппировать въ послѣднихъ главахъ моихъ записокъ, а теперь передамъ любопытные разсказы одного мирового судьи, служившаго когда-то ординарцемъ при виленскомъ генералъ-губернаторѣ, извѣстномъ графѣ М. Н. Муравьевѣ-Виленскомъ.

XXVIII.

Политическій горизонтъ Россіи со всѣхъ сторонъ былъ покрытъ густыми, непроницаемыми тучами, не предвѣщавшими ничего хорошаго. Три первоклассныя державы—Англія, Франція и Турція—объявили войну Россіи; къ нимъ присоединилась капельная Сардинія, изображавшая изъ себя Крыловскаго „Зайца на ловлѣ“. Вѣчно лукавая наша сосѣдка Австрія, объявившая нейтралитетъ, стала вести себя подозрительно: она привела на военное положеніе значительную часть своего войска и поставила его на границѣ Россіи, выжидая удобнаго момента сказать послѣднее слово, но не въ нашу пользу. Это была благодарность за то, что назадъ тому четыре—пять лѣтъ Императоръ Николай I послалъ войско противъ взбунтовавшихся венгерцевъ, удачно подкапывавшихся подъ тронъ юнаго австрійскаго императора Франца. Венгерцы смирились. Францъ царствовалъ, но... только царствовалъ, а не управлялъ, и наблюдательный за дѣйствіями Россіи корпусъ былъ придвинутъ къ ея границамъ.

Неудачи неотступно преслѣдовали русскихъ, несмотря на все геройство и солдатъ, и офицеровъ. Дороги были непроходимы; войска свозили къ Крымскому полуострову на лошадяхъ; оружіе плохое, интендантская часть страдала во всѣхъ отношеніяхъ... Интендантскій размахъ былъ полный,—безудержный, ибо о какихъ-либо сенаторскихъ ревизіяхъ никому и на умъ не приходило.

Сердобольный цесаревичъ все это видѣлъ, все понималъ и неуклонно рѣшилъ въ сердцѣ своемъ эмансипировать родную страну отъ корня до маковки.

18 февраля 1855 года умеръ Императоръ Николай I, а 19-го на императорскій тронъ Россіи возсѣлъ его первенецъ—Але-

ксандръ II, мягкій, сердечный, „съ душой открытой для добра“, питомецъ В. А. Жуковскаго.

Пошла генеральная ломка всего: и арміи, и суда, и общественныхъ самоуправленій, и народнаго просвѣщенія; милліоны рабовъ получили свободу, положеніе о которой разрабатывалось довѣренными лицами Царя-Освободителя въ теченіе многихъ лѣтъ. Это свершилось 19 февраля 1861 года. Русь кипѣла въ собственномъ соку, одно событіе громадной важности съ головокружительной быстротой смѣнялось другимъ.

Въ 1862 году заволновались Польша и Литва. Между владыками Варшавы и Вильны шла рознь, благодаря которой пожаръ возстанія съ большимъ успѣхомъ распространялся все далѣе и далѣе и охватилъ собою весь западъ. Западныя державы съ Франціею во главѣ задумали было втереться въ эту грязную исторію, но депеша князя Горчакова къ нашимъ представителямъ при дворахъ великихъ державъ твердо указала, что это внутреннее дѣло Россіи; „старинный споръ славянъ между собою“, и ихъ касаться не можетъ, а потому и просилъ не очень безпокоиться на этотъ счетъ, и не совать своего носа туда, гдѣ ихъ не спрашиваютъ.

Серьезный, твердый топъ горчаковской ноты сразу охладилъ предпріимчивость авантюриста, занявшаго французскій престолъ подъ именемъ Наполеона III, и польскій вопросъ былъ признанъ вопросомъ внутреннимъ, ни съ какой стороны интересовъ другихъ державъ не касавшимся...

Генералъ-губернаторомъ въ Вильну былъ назначенъ М. Н. Муравьевъ, который шутить не любилъ, и мятежъ сталъ затихать.

При Муравьевѣ, конечно, состояли адъютанты; была громадная канцелярія; всѣ они работали, не покладая рукъ, а больше всѣхъ—самъ Михаилъ Николаевичъ; работалъ и день, и ночь, не зная отдыха. Съ петербургскими заправилами, погрязшими въ придворныхъ интригахъ, онъ не считался, а дѣлалъ свое дѣло на основѣ тѣхъ безграничныхъ полномочій, которыя даровалъ ему самодержецъ.

Постоянныя экзекуціи вынудили Муравьева прикомандировать къ себѣ нѣсколько воинскихъ частей, преимущественно кавалеріи: гусаръ, уланъ, казаковъ. Молодые офицеры-кавалеристы состояли при немъ ординарцами, и вотъ именно отъ одного изъ нихъ я слышалъ много интересныхъ разсказовъ о его службѣ въ Западномъ краѣ при Муравьевѣ, настолько интересныхъ, что я рѣшился занести ихъ въ свои записки.

1864-й годъ далъ намъ новые судебные уставы и реформированные суды; общество само стало выбирать себѣ судей, причемъ въ мировые судьи могли попасть только лица образованныя и обезпеченныя матеріально. Творецъ устава не виноватъ, что нѣкоторыя общества стали обходить его требованія; что „за неимѣніемъ гербовой, писали часто на простой".

Въ такихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Донецкомъ уѣздѣ, гдѣ помѣщики были люди и образованные, и богатые, питавшіеся не краешкомъ земскаго пирога, не евангельскими крупицами, падавшими со стола господъ, а своими собственными средствами, тамъ, конечно, великая судебно-мировая реформа попала въ надежныя руки и несомнѣнно стояла на подобающей ей высотѣ; но тамъ, гдѣ подобныхъ людей не было, гдѣ приходилось набирать эту братію съ бору, да съ сосенки, гдѣ нужно было обойти букву закона и не считаться съ духомъ его, тамъ сплошь и рядомъ надѣвали на себя мундиръ пятаго класса господа, высоко-задиравшіе носы въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ, а за полгода до новыхъ выборовъ усердно лизавшіе пятки у гласныхъ верховодившей въ данное время партіи. Находились даже благодѣтели, которые такимъ судьямъ покупали какую-нибудь „хижину дяди Тома", оцѣнивали ее въ 8.000 руб., и это былъ цензъ, открывавшій дорогу въ мировые судьи.

Само собою разумѣется, что получался судья, скрученный вервіемъ по рукамъ и ногамъ; получался чиновникъ пятаго класса по буквѣ закона, но, увы, онъ не могъ быть судьей по духу и смыслу устава Великаго Царя-реформатора.

И много я видѣлъ въ своей жизни печальныхъ фактовъ, когда столъ судьи смѣнялся скамьей подсудимыхъ, когда въ великолѣпномъ переплетѣ судебные уставы замѣнялись гроссъ-бухомъ какой-нибудь заводской конторы и то ради Христа, а судейское величіе потоплялось съ горя на днѣ четвертной бутыли водки знаменитой вдовы Поповой...

Нѣтъ, нѣтъ! Если будутъ у насъ судьи выборные, то они должны ради своей независимости имѣть настоящій имущественный цензъ, а не поддѣльный, не аплике, на манеръ франтовского бѣлья „Мей и Эдлихъ"; а если отъ короны, то, конечно, съ дипломомъ высшаго учебнаго заведенія. Только тогда и можно ждать, что „правда и милость да царствуетъ въ судахъ"!

И прежде „правда", а потомъ уже „милость".

* * *

Когда съ однимъ изъ мировыхъ судей, обладавшихъ такимъ опереточнымъ имущественнымъ цензомъ, случилась катастрофа и онъ остался не у дѣлъ, безъ средствъ къ существованію, и принужденъ былъ принять должность скромнаго заводскаго конторщика, то на его мѣсто избрали въ мировые судьи гусарскаго маіора въ отставкѣ. Это былъ умный, тактичный, дѣловитый и самостоятельный господинъ, съ порядочными средствами, дававшими ему возможность заниматься въ теченіе трехъ лѣтъ рѣшеніемъ не одного только вопроса: какъ и кому именно изъ земскихъ гласныхъ угодить своею службой, хотя и съ нѣкоторымъ уклоненіемъ отъ правды, но и вообще добросовѣстно исполнить свои судейскія обязанности.

Я имѣлъ случай съ нимъ познакомиться, бывать у него, часто встрѣчаться въ домахъ общихъ знакомыхъ, а одно лѣто провести съ нимъ вмѣстѣ на дачѣ.

Онъ въ карты не игралъ, романсовъ не пѣлъ, пилъ весьма умѣренно и рѣдко, и мы частенько удалялись съ нимъ въ какой-нибудь укромный уголокъ и разговаривали. Его разсказы были крайне интересны, особенно когда касались службы въ Западномъ краѣ во время владычества тамъ М. Н. Муравьева.

Нѣкоторые изъ выдающихся его разсказовъ я и занесу въ свои воспоминанія.

* * *

„Тяжелая была наша служба ординарцевъ при генералъ-губернаторѣ Муравьевѣ. Самъ работникъ безпримѣрной двадцатичасовой трудоспособности въ сутки, онъ того же требовалъ и отъ насъ, и отъ канцеляріи, и отъ войска. Явиться къ нему только-что съ дѣла, имъ же мнѣ порученнаго; доложить ему все обстоятельно и правдиво; соврать было нельзя ни одного слова. Онъ сидитъ въ своемъ креслѣ, внимательно слушаетъ, не глядя на тебя... Малѣйшая не только фальшь въ докладѣ, о фальши нечего было и думать, а неточность... неопредѣленность... нелогичность... и ужъ въ тебя изъ-подъ нависшихъ, густыхъ сѣдыхъ бровей устремляется молчаливый упорный взглядъ, требующій объясненій...

Доложишь и слышишь отпускъ:

— Ступайте, отдохните; вы скоро мнѣ понадобитесь.

Поклонишься, слегка щелкнешь шпорой и, налѣво кругомъ маршъ, уходишь.

Разбитый добираешься до постели, снимешь венгерку, приляжешь на минуту отдохнуть и, нежданно, усталый, измучен-

ный, засыпаешь мертвымъ сномъ и въ рейтузахъ, и въ сапогахъ.

Но прискакалъ казакъ и требуетъ къ его сіятельству.

Денщикъ съ большимъ трудомъ разбудитъ меня; встанешь, протираешь глаза, ничего не понимаешь... Но вотъ до твоего слуха доходятъ волшебныя слова:

— Графъ требуетъ!

Куда и сонъ убѣжитъ! Сразу изъ міра сладкихъ сновидѣній спускаешься на землю: умоешься, одѣнешься и на всѣхъ парахъ летишь къ виленскому самодержцу.

У него сегодня пріемъ. Пріемы были удивительные: громадный залъ; ординарцы выстраиваются въ два ряда отъ дверей генералъ-губернаторскаго кабинета вплоть до входныхъ, откуда выпускается лицо, желающее видѣть генералъ-губернатора; онъ выходитъ изъ своего кабинета, молчаливо останавливается, сдѣлавъ два—три шага, бросаетъ взглядъ на представляющагося и отчетливо говоритъ:

— Я васъ слушаю.

Тотъ громко, не торопясь, черезъ весь залъ долженъ изложить свое дѣло, которое тутъ же и рѣшалось: коротко, тономъ, не допускающимъ возраженій, безапелляціонно; и т. д. все въ томъ же духѣ.

Пріемъ конченъ.

— Поручикъ А. ко мнѣ въ кабинетъ, а прочіе свободны.

Идешь и невольно думаешь: Господи! Неужели опять командировка? Да вѣдь это же каторга! Но... разговоровъ никакихъ не допускалось...

Входишь и видишь: онъ ужъ на своемъ мѣстѣ и разбираетъ бумаги.

— Я получилъ свѣдѣніе, что въ имѣніи графа П. существуетъ мастерская, которая заготавливаетъ конфедератки, кунтуши, бѣлье, корпію для повстанцевъ. Въ подвалахъ и погребахъ запасъ оружія. Возьмите сотню казаковъ и взводъ гусаръ; отправляйтесь сейчасъ же туда, съ такимъ разсчетомъ, чтобы къ имѣнію вамъ подъѣхать ночью... тихо. Окружить домъ со всѣхъ сторонъ, чтобы и заяцъ не могъ пробѣжать мимо васъ незамѣченнымъ. Войти въ домъ и всѣхъ арестовать. Арестовать главнымъ образомъ графа и графиню. Поняли?

— Такъ точно, ваше сіятельство.

— Ступайте. Я разсчитываю на вашу ловкость, вашъ тактъ и здравый смыслъ.

Выйдешь отъ него, распорядишься, приготовишь все къ немедленному выступленію, а самъ, проклиная судьбу, ѣдешь домой снаряжаться въ походъ.

Черезъ часъ уже готовъ; садишься на коня и ѣдешь въ казармы, на дворѣ которыхъ и гусары, и казаки съ хорунжимъ во главѣ давно ждутъ меня. Спасибо, ѣхать не особенно далеко. Трогаемся съ такимъ разсчетомъ, чтобы прибыть на мѣсто только къ ночи и застать все съ поличнымъ на мѣстѣ преступленія.

Ночь темная; дорога видна только благодаря снѣжной пеленѣ, ее покрывающей; въ отрядѣ гробовое молчаніе, курить не позволялось; все производящее шумъ и громъ подвязано и прикрѣплено...

Я ѣду съ хорунжимъ впереди отряда и зорко вглядываюсь въ окружающую меня тьму, но проникнуть въ нее тщетное стараніе.

Хорунжій—высокій здоровый малый,—косая сажень въ плечахъ; взглянуть на его кулачище—оторопь возьметъ.

Тихо сговариваемся съ нимъ, распредѣляемъ роли, составляемъ планъ дѣйствій. Вотъ, наконецъ, и небольшой лѣсокъ, за которымъ долженъ показаться громадный трехъэтажный замокъ графа.

Вступая въ лѣсную чащу, я скомандовалъ отряду перестроиться въ колонну по два въ рядъ, такъ какъ ширина дорожки не допускала возможности двигаться иначе. Охраняя отрядъ отъ нечаяннаго нападенія, я распорядился устроить цѣпь казаковъ, которые должны были отдалиться нѣсколько въ стороны и наблюдать.

Но тишина царила могильная; никакихъ предосторожностей со стороны повстанцевъ принято не было; очевидно, такихъ частей въ замкѣ ясновельможнаго графа никто не ожидалъ.

Когда я во главѣ колонны вышелъ изъ лѣса, передъ моими глазами появился замокъ, всѣ три этажа котораго были освѣщены. Замокъ стоялъ за довольно высокою бѣлой стѣной. Я послалъ урядника съ двумя казаками обслѣдовать мѣстность и найти входъ; если при входѣ будетъ сторожъ, то арестовать его и не дать ему возможности подать какой бы то ни было знакъ; два казака должны были остаться на мѣстѣ караулить его, и, въ случаѣ надобности, не останавливаться даже и предъ лишеніемъ его жизни, а третій—прискакать и доложить мнѣ, когда все будетъ готово.

Такъ все и сдѣлалось. Чрезъ полчаса, которые я употребилъ на приведеніе отряда въ боевое положеніе, проводникъ-казакъ вернулся, и мы съ величайшею осторожностью двинулись впередъ. Черезъ десять минутъ замокъ былъ уже окруженъ казаками, а я и хорунжій съ гусарами вошли во дворъ замка.

Огни горѣли во всю—слѣдовательно, вся подготовка была продѣлана образцово. Я, хорунжій и десятокъ гусаръ сошли съ лошадей и взобрались на высокое крыльцо. Я дернулъ за звонокъ; въ замкѣ послышалось движеніе, суматоха; мѣстами стали тушить огни...

Входная дверь немного пріотворилась. Старикъ-лакей, во фракѣ съ гербовыми пуговицами, красномъ жилетѣ, бѣломъ галстухѣ и штиблетахъ, увидя насъ, хотѣлъ захлопнуть ее, но хорунжій сильною рукою успѣлъ схватить старика за борта его ливрейнаго фрака и сдать на руки гусарамъ.

Мы вошли въ переднюю и быстро поднялись по бѣлой мраморной лѣстницѣ, устланной богатѣйшимъ бархатнымъ ковромъ. Дверь въ залу отворена; посреди стояло нѣсколько большихъ столовъ, за которыми сидѣли и работали тридцать-сорокъ женщинъ. Обрѣзки сукна, выкройки, ножницы, куски подкладки и разнаго портновскаго приклада виднѣлись вездѣ и всюду.

Всѣ доказательства были налицо.

Навстрѣчу намъ шла молодая, красивая женщина; черное скромное платье облило ея высокую, стройную фигуру... Блѣдность разлилась по ея лицу... Изъ черныхъ глазъ сыпались искры.

— Вѣроятно, вы не откажитесь сообщить мнѣ, чему я обязана вашимъ посѣщеніемъ? строгимъ тономъ, но сдержанно, заговорила она.

— Если не ошибаюсь, я имѣю честь говорить съ графиней...

— Да вы не ошибаетесь.

— А вашъ супругъ?

— Онъ сейчасъ придетъ...

— Простите, графиня! я имѣю крайне непріятное порученіе отъ графа Муравьева... произвести въ вашемъ домѣ обыскъ и наложить арестъ...

— Какъ?! Это въ моемъ домѣ? Да кто-же вамъ далъ на это право?

— Право это, графиня, вытекаетъ изъ военнаго положенія, введеннаго въ Литвѣ и Польшѣ...

Въ это время подошелъ къ намъ небольшого роста толстенькій человѣчекъ, на коротенькихъ кривыхъ ножкахъ; то былъ ея супругъ. Онъ просто и съ милою улыбкой отрекомендовался мнѣ и спросилъ—въ чемъ дѣло?

Я и ему отвѣтилъ въ томъ-же духѣ, какъ и его женѣ.

— Да... вы правы... сопротивленіе напрасно: замокъ окруженъ казаками... сила солому ломитъ... Приступите къ вашимъ обязанностямъ...

И онъ отошелъ въ сторону.

Сколько презрѣнія свѣтилось во взглядѣ графини, которымъ она проводила своего мужа!..

— Но... но... позвольте мнѣ на одну минутку просить васъ въ другую комнату, заговорила графиня упавшимъ голосомъ.

— Я къ вашимъ услугамъ...

Она тронулась впередъ, я за нею, шепнувъ казаку остаться здѣсь и за всѣмъ наблюдать.

Мы прошли рядъ комнатъ; вездѣ столы, на которыхъ валялась работа; на лицахъ всѣхъ работницъ былъ испугъ; всѣ молча стояли около своихъ мѣстъ, мрачныя, подавленныя, убитыя...

Мы вошли въ ея будуаръ; она плотно притворила за мною дверь и дрожащимъ отъ волненія шопотомъ заговорила:

— Граница отъ насъ въ 30 верстахъ... черезъ два часа мы можемъ быть внѣ власти Муравьева... вотъ шкатулка съ моими вещами... онѣ стоятъ милліонъ... только не губите невинный народъ... онѣ ни причемъ... Мы, польки, не остановимся ни предъ какими жертвами... По... ни... ма... ето?!.

Тутъ она вскинула на меня самый выразительный взглядъ... И... знаете... былъ моментъ, когда я заколебался... Эта сама грація, само изящество, тянула меня къ себѣ, какъ магнитъ... Я уже готовъ былъ сдѣлать одинъ только шагъ... пасть къ ея ногамъ и прошептать: „я въ твоей власти!“...

Но тутъ... изъ Вильны... на меня сверкнулъ другой взглядъ... изъ подлобья... изъ-подъ сѣдыхъ бровей... взглядъ стараго, русскаго сторожевого пса... Я зналъ, что никая граница не спасетъ меня отъ желѣзной лапы, подъ которой стонала цѣлая Литва, и отъ... петли...

— Нѣтъ, графиня, этого быть не можетъ... покоритесь судьбѣ... васъ и вашего мужа я долженъ арестовать, а прочіе... всѣ свободны...

— Благодарю и за это... за себя, и за мужа я не прошу... Мы еще найдемъ выходъ...

Позвольте мнѣ только переодѣться.

Оня протянула мнѣ свою породистую руку, крѣпко пожала мою, и я вышелъ изъ будуара.

Черезъ часъ карета, съ графскими гербами на дверцахъ, четвернею заводскихъ лошадей лихо выносилась изъ воротъ замка подъ эскортомъ взвода гусаръ, а хорунжаго съ казаками я оставилъ на мѣстѣ, какъ для охраны дома, такъ и для производства обыска.

Н. Морозовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Генералъ Моро на службѣ въ русскихъ войскахъ[1]).

(Изъ бумагъ Ал. Н. Попова).

ГЛАВА V.

Побѣда при Маренго произвела сильное впечатлѣніе не только во Франціи, но и во всей Европѣ. Франція, истомленная ужасами революціоннаго правительства, истощенная безпрерывными войнами, жаждала мира съ Европой и внутренняго спокойствія. На сѣверѣ еще не совсѣмъ улеглась внутренняя война; югу угрожало вторженіе австрійскихъ войскъ съ помощью Англіи. Битва при Маренго не только отклонила опасность, но возвратила всѣ потери, понесенныя въ Италіи, и доставила Франціи славу и спокойствіе. Австрія, открывая послѣднія дѣйствія, была увѣрена, что одержитъ побѣду надъ истощенною французскою республикою, которая, по ея расчетамъ, не была въ состояніи противопоставить ей достаточнаго количества войскъ, особенно въ Италіи, но, послѣ битвы при Маренго, была ошеломлена и окончательно убѣдилась въ невозможности борьбы не съ самою Франціею, но съ геніемъ перваго консула, управлявшаго ея судьбами. Съ этого времени мысль о непобѣдимости Бонапарта, какъ военачальника, распространилась повсюду, безсознательно уронила бодрость духа и вселила невольный ужасъ. Но вмѣстѣ съ этимъ ужасомъ его дѣйствія внутри Франціи возбудили надежды, что его могучая воля положила конецъ революціи и способна установить и упрочить благоустроенное правительство во Франціи и тѣмъ водворить прочный миръ въ утомленной войнами Европѣ. Ни личныхъ свойствъ, ни тайныхъ помысловъ Бонапарта никто не зналъ и всѣ питали надежды, что онъ будетъ дѣйствовать въ видахъ общей пользы, которую, конечно, каждый пони-

[1]) См. „Русская Старина", ноябрь 1911 г.

малъ по-своему. Бурбоны думали, что, успокоивъ Францію, онъ возстановитъ старую монархію и призоветъ на престолъ падшую династію. Питая такую надежду, Людовикъ XVIII вошелъ въ переписку съ нимъ въ этомъ смыслѣ и также, какъ не задолго передъ тѣмъ съ генераломъ Пишегрю, обѣщая не забыть его милостями, когда сядетъ на престолъ своихъ предковъ. Многіе роялисты, особенно эмигранты, раздѣляли образъ мыслей своего короля. Нѣкоторые изъ нихъ, особенно тѣ, которые возвратились во Францію и возвратили свои прежнія имущества, и умѣренные республиканцы, пресыщенные дѣйствіями республиканскаго правительства, примирялись съ мыслью о возстановленіи монархіи въ лицѣ самого Бонапарта, не старой монархіи, а новой, согласной съ началами гражданской свободы и равенствомъ всѣхъ гражданъ передъ закономъ. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и генералъ Моро.

Такіе взгляды проникли въ кабинеты европейскихъ государствъ, и съ этого времени мысль объ укрощеніи революціи и возстановленіи старой монархіи во Франціи отошла назадъ. По мѣрѣ того, какъ въ общемъ мнѣніи падали права Бурбоновъ, развивалась мысль о возможности поддерживать порядокъ и спокойствіе Европы, вступивъ въ старыя отношенія съ новымъ правительствомъ Франціи, во главѣ котораго стоялъ такой геніальный человѣкъ, какъ Бонапартъ. Съ особенною рѣшительностію этотъ взглядъ выразился въ Россіи, въ лицѣ императора Павла и его министра иностранныхъ дѣлъ гр. Ростопчина. Послѣдствія союза съ Австріею и Англіею 1799 г., по словамъ гр. Ростопчина, состояли въ томъ, что „Россія потеряла 23 тысячи человѣкъ единственно для того, чтобы убѣдить себя въ вѣроломствѣ Питта и Тугута, а Европу въ безсмертіи кн. Суворова“.

Справедливо раздраженный противъ коварныхъ дѣйствій своихъ союзниковъ, русскій императоръ не вступилъ въ коалицію 1800 года. Это благопріятное для Франціи событіе безъ сомнѣнія должно было возбудить вниманіе Бонапарта, и онъ дѣйствительно всѣми способами старался войти въ сношенія съ Россіею и втянуть ее въ союзъ съ Франціею. „Франція“, писалъ гр. Ростопчинъ въ докладной запискѣ императору, „въ теченіе десяти лѣтъ безъ закона и безъ правленія, чрезъ непонятныя происшествія, произведенныя варварствомъ, сумасшествіемъ и геройствомъ, приведя не только себя, но и двѣ трети Европы въ совершенный хаосъ, возставъ противъ монархическаго правленія природныхъ своихъ государей, оканчиваетъ нынѣ преданіемъ себя въ самовластіе иноземца Бонапарта и въ самомъ

изнеможеніи своемъ похваляется въ видѣ завоевательницы обширныхъ земель и законодательницы въ Европѣ. Нынѣшній повелитель сей державы слишкомъ самолюбивъ, счастливъ въ своихъ предпріятіяхъ и неограниченъ въ славѣ, дабы не желать мира. Имъ онъ утвердитъ себя въ начальствѣ, пріобрѣтетъ признательность утомленнаго французскаго народа и всей Европы и употребитъ покой внутренній на приготовленія военныя противъ Англіи, которая своею завистью, пронырствомъ и богатствомъ была, есть и пребудетъ не соперница, а злодѣй Франціи. Бонапартъ не можетъ опасаться покушенія ея на твердой землѣ, миръ же возстановитъ свободное мореплаваніе. Силы Австріи онъ всѣ истощилъ, Пруссія отъ него въ зависимости, и такъ остается ему страхъ только отъ Россіи. Истина сего доказывается всѣмъ его поведеніемъ противъ Вашего Императорскаго Величества. Сколько покушеній съ его стороны было, черезъ прусское и датское министерства, чрезъ Вашихъ у разныхъ дворовъ аккредитованныхъ министровъ и чрезъ другихъ особъ, доступъ имѣющихъ, дабы вступить въ переговоры и, произведя сближеніе, перемѣнить непріязненное положеніе Россіи къ Франціи на дружелюбное? Для чего Бонапартъ, отмѣнно противъ прочихъ державъ, содержалъ россійскихъ военноплѣнныхъ и предлагалъ Мальту возвратить Вамъ, яко великому магистру ордена? Онъ не только иначе, нежели къ другимъ, относился къ русскимъ плѣннымъ, но одѣлъ ихъ и, снабдивъ всѣмъ нужнымъ, возвратилъ въ Россію, явно привлекая ее въ дружелюбныя отношенія въ это время, когда и самъ русскій кабинетъ шелъ навстрѣчу его желаніямъ. Онъ предполагалъ заключить наступательный союзъ съ Франціей, съ цѣлью изгнанія турокъ изъ Европы и раздѣла европейскихъ и африканскихъ ея владѣній между Россіею, Франціею и Австріею, удовлетворивъ въ то же время постоянное желаніе Пруссіи, предоставленіемъ ей Ганновера. По этому предположенію Франція получила бы Египетъ, Австрія—Боснію, Сербію и Валахію, изъ Греціи со всѣми островами архипелага предполагалось устроить республику, по примѣру Венеціанской; къ Россіи отошла бы Молдавія, Болгарія и Румелія съ Константинополемъ [1]). Могли ли эти предполо-

[1]) Записка гр. Ростопчина, подъ заглавіемъ: „Картина Европы въ началѣ XIX вѣка и отношеніе къ ней Россіи“, представленная императору Павлу Петровичу и утвержденная имъ 2 октября 1800 г. въ Гатчинѣ. Ср. Сборникъ Кашпарева, памятники Новой Русской Исторіи, т. I, стр. 102 и слѣд.; Архивъ кн. Воронцова, т. VIII; письмо гр. Ростопчина 20 іюля 1801 г., стр. 286—293.

женія удовлетворить перваго консула Франціи? Развились ли его замыслы въ это время до желанія полнаго господства надъ міромъ? Едва-ли возможно отвѣчать положительно на эти вопросы; но положительно можно сказать, что предположенія, направленныя противъ Англіи, должны были встрѣтить сочувствіе съ его стороны. Между тѣмъ всѣ эти предположенія предполагали прежде всего вражду противъ Англіи. Дѣйствія Бонапарта, въ качествѣ императора Франціи, еще стояли впереди въ будущемъ и, конечно, не могли еще быть извѣстны, между тѣмъ своекорыстная и хищническая политика Англіи, стремившаяся къ безусловному господству на моряхъ, выразилась окончательно и, безъ сомнѣнія, не могла не возбудить опасеній. Естественно, что русскій кабинетъ выступилъ первый противъ морского разбоя и захвата чужихъ колоній. Не вступая еще въ прямыя сношенія съ первымъ консуломъ Франціи, онъ открылъ переговоры о возобновленіи вооруженнаго морского нейтралитета между сѣверными державами, придуманнаго мудрою политикою Екатерины. Роковое значеніе этихъ переговоровъ, конечно, было сразу понято Англіею, и, безъ сомнѣнія, ихъ понялъ бы и первый консулъ Франціи; но внезапная кончина императора Павла измѣнила ходъ политическихъ отношеній. Между тѣмъ значеніе перваго консула поднималось какъ въ дѣлахъ внутренняго управленія Франціею, такъ и во внѣшней политикѣ, и дало ему возможность свое консульство превратить въ пожизненное, а потомъ—въ имперію.

Въ то время, когда все вниманіе сосредоточивалось на Бонапартѣ, Моро возвратился въ Парижъ. Блестящая побѣда при Гогенлинденѣ почти не была замѣчена большинствомъ и оцѣнена немногими, какъ и весь его походъ въ Германію. Первый консулъ счелъ нужнымъ встрѣтить его привѣтливо, а эта привѣтливая встрѣча была причиною того, что Моро, отказавшійся впослѣдствіи отъ знака Почетнаго Легіона, принялъ отъ него пистолеты, украшенные драгоцѣнными камнями и съ подписями всѣхъ его побѣдъ. Но затѣмъ Рейнская армія была распущена, а онъ оказался не у дѣлъ и проживалъ, какъ зритель совершавшихся на его глазахъ происшествій, сначала въ Парижѣ, а потомъ въ своемъ помѣстьѣ, рѣдко пріѣзжая въ Парижъ и никогда не посѣщая Тюильрскаго дворца, куда его и не приглашали; а въ качествѣ поклонника, искателя милостей онъ не былъ способенъ являться. Но такое именно общественное положеніе и представляло величайшую опасность для Моро. На генерала, обладавшаго большими военными дарованіями,

доказанными на дѣлѣ, любимаго войсками, на человѣка, котораго всѣ, недовольные дѣйствіями Бонапарта, считали единственнымъ его соперникомъ, способнымъ занять его мѣсто во главѣ правительства, не могъ равнодушно смотрѣть первый консулъ, мечтавшій о коронѣ Франціи. Онъ окружилъ его полицейскимъ надзоромъ и зналъ каждое его дѣйствіе, каждое его слово. А эти слова и дѣйствія естественно раздражали болѣе и болѣе его ненависть къ Моро, къ которому стремились всѣ, недовольные настоящимъ порядкомъ дѣлъ, и который самъ принадлежалъ къ ихъ числу, какъ по личнымъ къ нему отношеніямъ перваго консула, такъ и потому, что ясно видѣлъ его стремленія къ деспотической власти. Быть можетъ, онъ заблуждался вмѣстѣ съ другими лучшими людьми во Франціи, что на почвѣ, взволнованной революціею, послѣ необузданныхъ республиканскихъ правительствъ, можетъ непосредственно возникнуть государственное устройство на началахъ разумной свободы и законности; но его убѣжденія были искренни. Его враги и друзья одинаково свидѣтельствуютъ, что онъ не думалъ о возстановленіи Бурбоновъ и одинаково былъ чуждъ какъ замысловъ роялистовъ, такъ и насильственныхъ дѣйствій противъ современнаго правительства, къ которымъ были склонны ярые республиканцы. „Бурбоны слишкомъ уронили себя въ общественноиъ мнѣніи и ихъ замысловъ не стоитъ опасаться“, говорилъ онъ Лафайету. „Мы не годимся въ заговорщики“, говорилъ онъ сенатору Гара, толковавшему о необходимости государственнаго переворота; „но я знаю заговорщика, отъ котораго не уйдетъ Бонапартъ: это онъ самъ, онъ самъ-себя погубитъ своими сумасбродными дѣйствіями“. Безъ сомнѣнія, первому консулу были извѣстны подобныя воззрѣнія Моро и—не могли быть пріятны. Но въ нихъ не заключалось ничего преступнаго и даже двусмысленнаго, къ чему бы можно было придраться. Но такое именно положеніе все болѣе и болѣе раздражало перваго консула, до котораго доводили острыя замѣчанія какъ самого Моро, такъ и нѣкоторыхъ лицъ, составлявшихъ его общество, на его дѣйствія, обличавшія стремленія къ коронѣ. Не считая еще возможнымъ, въ качествѣ главы республики, возстановить почетныя званія, титулы и награды, онъ раздавалъ въ видѣ наградъ почетныя ружья, шпаги, трубы и т. под. За однимъ изъ обѣдовъ у Моро, который его повару удалось особенно хорошо приготовить, собесѣдники Моро предложили поднести ему *почетную кастрюлю* (casserole d'honneur). За остроты и шутки Бонапартъ мстилъ ѣдкими насмѣшками, выдавая Моро

за посредственность даже въ военномъ дѣлѣ и называя генераломъ, годнымъ лишь для отступленій (général des rétraites). Конечно, такое отношеніе между нимъ и Моро и такъ не могло бы продолжаться долго въ виду все болѣе и болѣе возраставшей власти перваго консула; но случайныя обстоятельства дали ему возможность прекратить его скорѣе, быть можетъ, нежели онъ самъ предполагалъ, и онъ ухватился за нихъ со всею горячностью личной ненависти.

Пользуясь разрывомъ съ Англіею, при ея пособіи, роялисты затѣяли новый заговоръ на новыхъ началахъ, подсказанныхъ имъ однимъ изъ шпіоновъ перваго консула, наблюдавшимъ за ихъ же дѣйствіями въ Лондонѣ. Они задумали соединить и примирить двѣ непримиримыя силы: республиканцевъ, возставшихъ противъ деспотизма Бонапарта, съ роялистами, желавшими возстановленія Бурбоновъ на престолѣ Франціи. Этотъ нелѣпый по своей сущности заговоръ доказалъ только справедливость мнѣнія Моро о замыслахъ роялистовъ, которые вообще опасны быть не могутъ. Они не были опасны и по той причинѣ, что Франція въ это время имъ вовсе не сочувствовала; но въ этомъ отношеніи заговорщики заблуждались потому, что получали ложныя свѣдѣнія о настроеніи общественнаго мнѣнія во Франціи. Политическія партіи въ этой странѣ отличаются особеннымъ свойствомъ: онѣ не умѣютъ сосчитать своихъ силъ и заносчиво преувеличиваютъ ихъ, въ размѣрахъ, далеко превышающихъ дѣйствительность. Придуманный способъ исполненія этого заговора ручался такъ же за его несостоятельность.

Одинъ изъ непримиримыхъ вождей вандейцевъ, Жоржъ Кадудаль не принялъ помилованія отъ перваго консула и, удалившись въ изгнаніе, находился въ Лондонѣ. Генералъ Пишегрю, обманувъ стражу,—удачно освободился изъ форта Сихкамори въ Гвіанѣ и также находился тамъ. Бурбонскіе принцы, графъ Д'Артуа и герцогъ Берри съ окружавшими ихъ роялистами, при пособіи англійскаго золота, разсчитывали на этихъ двухъ лицъ, какъ на главное орудіе для приведенія въ исполненіе новой попытки возстановленія старой монархіи во Франціи, составлявшей постоянную мечту членовъ павшей династіи. Но первымъ дѣломъ въ этомъ случаѣ предстояло избавиться отъ главной преграды къ исполненію замысла, — отъ перваго консула. За это взялся Жоржъ Кадудаль. Но мысль объ убійствѣ была противна даже отчаянному вождю гверилласовъ. Придуманъ былъ другой странный планъ для приведенія въ исполненіе задуманнаго дѣла, поражающій ребяческою неопытностію

и простотою—нѣчто въ родѣ или дуэли, или правильной военной стычки между двумя враждующими сторонами. Карету перваго консула всегда сопровождалъ незначительный отрядъ гвардейской конницы. Кадудаль брался напасть на него по пути въ Сенъ-Клу или Мальмезонъ, съ равнымъ числомъ вооруженныхъ роялистовъ и въ присутствіи одного изъ Бурбонскихъ принцевъ. Убійство не составляло необходимаго условія: желали только овладѣть первымъ консуломъ, если бы это удалось.

Несмотря на отсутствіе практическаго смысла въ этомъ замыслѣ, который, конечно, при бдительной полиціи Бонапарта, не угрожалъ ему опасностью и приведенъ въ исполненіе быть не могъ, заговорщики не могли не подумать о томъ, какими же способами, одѣлавшись отъ лица перваго консула, они возстановятъ престолъ Бурбоновъ во Франціи. Въ этомъ случаѣ они разсчитывали на содѣйствіе Пишегрю. Разорвавъ всѣ связи съ отечествомъ, забытый имъ, самъ Пишегрю, конечно, не могъ ничего предпринять. Но онъ былъ нѣкогда начальникомъ и другомъ Моро, котораго политическое положеніе такъ ярко выразилось въ это время, что не могло не обратить на себя вниманія. Удаленный отъ дѣлъ, преслѣдуемый ненавистью Бонапарта, но любимый войсками, чтимый Франціей за его военные подвиги и безукоризненно честный, онъ одинъ могъ дать дѣйствительное значеніе, нелѣпой затѣѣ роялистовъ, если бъ принялъ ихъ сторону. Вѣроятно, генералу Пишегрю и принадлежала мысль войти въ сношеніе съ Моро. Ихъ личныя отношенія давали удобный къ тому поводъ. „Дорого стоило“ Моро, по его собственному признанію, выдать правительству республики переписку Пишегрю съ Бурбонами и роялистами, случайно попавшую въ его руки въ то время, когда его прежніе замыслы онъ не считалъ уже опасными для отечества. А между тѣмъ это обстоятельство отягчило участь Пишегрю. Его сотоварищи по ссылкѣ въ Гвинею были всѣ помилованы первымъ консуломъ—кромѣ его. Конечно, болѣе всѣхъ долженъ былъ бы заслужить помилованіе побѣдитель Голландіи, военачальникъ, оказавшій важныя заслуги отечеству; но онъ содѣйствовалъ возстановленію Бурбоновъ на тотъ престолъ, на который намѣревался какъ можно скорѣе сѣсть Бонапартъ. Могъ ли онъ дозволить ему возвратиться въ отечество? Конечно, Моро долженъ былъ отнестись иначе къ желанію возвратиться въ отечество на правахъ гражданина, его бывшаго начальника и друга и человѣка, оказавшаго заслуги отечеству и притомъ, когда всѣ потерявшіе власть съ нимъ уже были помилованы. При

сношеніяхъ, которыя Пишегрю, черезъ посредство трезвыхъ лицъ открылъ съ нимъ, Моро не замедлилъ объяснить въ письмѣ къ одному изъ нихъ, аббату Давиду, свои отношенія къ Пишегрю. Онъ не считалъ нужнымъ оправдываться передъ нимъ въ томъ, что доставилъ Директоріи бумаги, обличавшія его сношенія съ Бурбонами. „Если въ этомъ случаѣ", писалъ онъ, „можетъ кто-либо обвинять меня, то скорѣе правительство; но никакъ не генералъ Пишегрю. Мнѣ было прискорбно увидать, что его образъ дѣйствій въ послѣднихъ войнахъ открылъ его тайныя намѣренія. Впрочемъ, положеніе Пишегрю возбуждаетъ соболѣзнованіе, и я готовъ съ удовольствіемъ быть ему полезнымъ. Если бы правительство ему заявило, что мои къ нему отношенія не дозволяютъ ему дать согласіе на возвратъ его въ отечество, то я готовъ немедленно устранить это препятствіе". Аббатъ Давидъ былъ захваченъ полиціею, посаженъ въ тюрьму, письмо сдѣлалось извѣстнымъ первому консулу; но оно не только не приближало его къ той цѣли, къ которой онъ стремился, а скорѣе удаляло.

Между тѣмъ, лондонскіе роялисты рѣшили тайнымъ путемъ, извѣстнымъ только контрабандистамъ, отправить Кадудаля съ нѣсколькими сообщниками въ Парижъ, чтобы развѣдать и приготовить почву для исполненія заговора какъ тамъ, такъ особенно въ Вандеѣ, гдѣ онъ пользовался особенною извѣстностью. Вслѣдъ за нимъ долженъ былъ тѣмъ же путемъ прибыть Пишегрю, чтобы войти въ окончательныя соглашенія съ Моро, а затѣмъ кто-либо изъ Бурбонскихъ принцевъ, чтобы придать преступному дѣйствію законный видъ. Въ чемъ же заключалось участіе Моро въ этомъ заговорѣ? „Можно смѣло утверждать", говоритъ одинъ изъ замѣчательныхъ французскихъ писателей, современный историкъ Наполеона, „что ни одна эпоха нашей исторіи не была предметомъ такихъ смѣлыхъ и полныхъ подлоговъ, какъ та, къ которой относится заговоръ Жоржа Кадудаля, трагическая смерть Пишегрю и герцога Энгіенскаго и процессъ Моро. Никогда самые черные происки не облекались такимъ непроницаемымъ мракомъ. И это становится понятнымъ, потому что тутъ было замѣшано столько сильныхъ лицъ, которымъ нужно было придать иное значеніе своимъ намѣреніямъ и поступкамъ и изгладить слѣды ихъ настоящихъ дѣйствій. Если подумать о томъ, какъ имъ легко было уничтожить всѣ доказательства, которыя бы клонились къ ихъ обвиненію, о насильственно наложенномъ молчаніи на печать того времени, объ отсутствіи всякаго контроля и гласности и ужасѣ, охватившемъ общество,

то надо удивляться, что до насъ вообще еще дошли нѣкоторые источники. Всѣмъ извѣстно, что наши архивы нѣсколько разъ подвергались пересмотру главныхъ участниковъ въ этихъ дѣлахъ, что нѣкоторые документы были уничтожены, другіе замѣнены, такъ что мы можемъ судить о виновности или по тѣмъ только даннымъ, которыя они сами намъ оставили, или которыя ускользнули отъ ихъ предусмотрительности. Сверхъ того, часть этихъ документовъ намъ остается неизвѣстною, потому что ихъ скрываетъ правительство, считающее себя владыкою и хранителемъ исторической истины. Впрочемъ, едва-ли можно много жалѣть объ этомъ запретѣ, особенно относительно Бонапарта. Человѣкъ, который выбралъ изъ архивовъ всѣ бумаги, относившіяся до сраженія при Маренго, и вмѣсто нихъ положилъ фантастическій разсказъ, составленный нѣсколько лѣтъ спустя послѣ самого происшествія, конечно, не оставилъ бы доказательствъ противъ себя въ дѣлахъ безконечно менѣе для него славныхъ. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить ту ложь, художественно выработанную, чтобы обмануть потомство, тѣ вымыслы, которые нѣкоторымъ образомъ были освящены продолжительнымъ и общимъ признаніемъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто могутъ занять повѣствованія, состряпанныя на островѣ Св. Елены, подъ внушеніемъ самого Наполеона и записки герцога Савари, герцога Ровиго“ [1]). При такомъ положеніи источниковъ, конечно, писателю-иностранцу невозможно браться за самостоятельное ихъ изслѣдованіе и остается только указать на тѣ факты, справедливость которыхъ не могутъ отрицать и безусловные поклонники Наполеона.

Жоржъ Кадудаль въ концѣ августа 1803 г. съ немногими соучастниками пробрался въ Парижъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ ему ничего не удалось подготовить для приведенія въ исполненіе своихъ замысловъ. Послѣ столькихъ волненій Франція впала въ апатію. Даже Вандея оставалась спокойною. Незначительные безпорядки, произведенные подосланными имъ лицами, немедленно были усмирены и подстрекатели пойманы. Не теряя надежды исполнить свое предпріятіе открытаго нападенія на Бонапарта, онъ, однако же, попыталъ неудачу въ отношеніи къ Моро. Чрезъ посредниковъ онъ узналъ только то, что самъ Моро написалъ въ письмѣ къ аббату Давиду о своихъ отношеніяхъ къ Пишегрю, и ровно ничего о его дальнѣйшихъ политическихъ видахъ. Онъ обратился въ Лондонъ

[1]). Lanfrey, Hist. de Napoléon, т. III, стр. 83—84.

съ изъявленіемъ желанія болѣе дѣятельнаго содѣйствія со стороны Пишегрю въ этомъ случаѣ и, не найдя соучастниковъ въ своемъ предпріятіи въ Парижѣ, требовалъ присылки новыхъ изъ Англіи. Тѣмъ же тайнымъ путемъ къ нему прибыло нѣсколько новыхъ участниковъ, а Пишегрю прислалъ письмо къ Моро, которое передалъ ему прежній ихъ товарищъ по оружію, бывшій республиканскій генералъ Лажоле. Это былъ человѣкъ неблагонадежный въ нравственномъ отношеніи и поставленный въ это время въ такую крайнюю нужду, что изъ-за средствъ къ существованію готовъ былъ на все, а вмѣстѣ съ тѣмъ умный и хитрый. Моро отнесся къ нему съ недовѣріемъ и даже отказалъ ему въ денежной помощи для поѣздки въ Лондонъ. Но, разсчитывая на вознагражденіе со стороны роялистовъ, онъ пріѣхалъ туда въ концѣ 1803 г. и увѣрилъ ихъ въ полной готовности Моро содѣйствовать ихъ предпріятію. Въ январѣ 1804 года Пишегрю отправился въ Парижъ съ нѣсколькими изъ роялистовъ, лучшихъ дворянскихъ семействъ старой Франціи, а вслѣдъ за ними, по полученіи извѣстій изъ Парижа, должны были тѣмъ же тайнымъ путемъ отправиться гр. Д'Артуа и герцогъ Беррійскій. По пріѣздѣ въ Парижъ и послѣ свиданій съ Моро, Пишегрю совершенно разочаровался въ своихъ ожиданіяхъ, внушенныхъ разсказами Лажоле, и вмѣстѣ съ Жоржемъ Кадудалемъ намѣревались уже отказаться отъ своихъ замысловъ.

Но въ то время, когда заговорщики намѣревались прекратить свои дѣйствія, съ особенною дѣятельностію принялась за слѣдствіе полиція перваго консула. Тюрьмы были наполнены дѣйствительными или мнимыми участниками въ заговорѣ; по нѣскольку мѣсяцевъ они томились въ нихъ и никого изъ нихъ не подвергали допросу. Самъ Бонапартъ предписывалъ не спѣшить съ этимъ дѣломъ. Но въ февралѣ 1804 г. онъ предписалъ начать слѣдствіе и самъ назначилъ тѣхъ лицъ, которыхъ прежде другихъ слѣдовало подвергнуть допросамъ. Пытками и угрозою немедленнаго разстрѣлянія въ случаѣ запирательства, что̀ и приводилось въ исполненіе, удалось выпытать у двухъ изъ нихъ показанія, которыя послужили главными основаніями для слѣдствія и суда. Изъ показаній одного узнали не только о прибытіи въ Парижъ главныхъ заговорщиковъ, что̀ давно было извѣстно; но и тотъ тайный путь, которымъ они пробирались и вслѣдъ за ними должны были прибыть Бурбонскіе принцы. Другой ревностный приверженецъ Бурбоновъ, послѣ неудачной попытки лишить себя жизни,

выражалъ негодованіе на Моро, который не хотѣлъ помогать возстановленію старой династіи, но желалъ будто бы воспользоваться средствами роялистовъ съ тѣмъ, чтобы самому стать во главѣ республики на мѣсто Бонапарта. Вслѣдствіе этихъ показаній, Моро былъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму; а Савари отправленъ на утесъ Бивилль, гдѣ должны были высадиться Бурбонскіе принцы, сторожить ихъ, схватить и привести въ Парижъ. Законодательному корпусу, Сенату и Трибуналамъ сдѣланы были торжественныя заявленія о грозномъ *заговорѣ Моро* (conspiration de Moreau), которому никто не вѣрилъ и называли его заговоромъ *противъ* Моро (conspiration contre Moreau). Савари тщетно сидѣлъ на Бивальскомъ утесѣ, поджидая добычу, давая знаки каждому проходившему кораблю, но условныхъ знаковъ онъ не зналъ, да и принцы, не получая извѣстій изъ Парижа, не рѣшались ѣхать, хотя съ этою, вѣроятно, цѣлію Жоржа и Моро долго оставляли на свободѣ, и только слѣдили за ними. Между тѣмъ Франція и вся Европа наполнялась слухами о грозномъ заговорѣ, о подготовлявшемся убійствѣ Бонапарта. Въ Moniteur'ѣ и другихъ газетахъ появлялись статьи противъ англійскаго правительства, противъ Бурбоновъ, подославшихъ убійцъ въ Парижъ. Жизнь перваго консула представлялась въ опасности въ то время, когда онъ писалъ къ своему представителю къ Цизальпинской республикѣ: „мнѣ не угрожала никакая дѣйствительная опасность, потому что полиція строго слѣдила за всѣми дѣйствіями заговорщиковъ“ [1]). Послѣ тщетныхъ ожиданій Савари приходилось отказаться отъ захвата Бурбонскихъ принцевъ, которыхъ можно было обвинить въ участіи въ заговорѣ; а между тѣмъ, хватаясь уже за корону, которую они считали своею, первый консулъ готовилъ имъ такую участь, какая отучила бы ихъ, по его мнѣнію, отъ притязаній на возстановленіе своей власти надъ Франціею. Раздражаемый неудачею, увлекаясь страстью, онъ не отказался отъ своей мысли, онъ захватилъ совершенно невиннаго принца этого дома, незнавшаго даже о заговорѣ, молодого принца Энгіенскаго, и разстрѣлялъ его. Это происшествіе поразило ужасомъ всю Европу; но торжественно выразить свое негодованіе рѣшился только Русскій кабинетъ. Вслѣдъ за тѣмъ была торжественно объявлена имперія во Франціи въ лицѣ Наполеона съ правомъ наслѣдства въ его семействѣ.

---

[1]) Письмо 6-го марта 1804 г.

За празднествами и устройствомъ новаго двора не забыли о процессѣ Моро; Жоржъ и Пишегрю давно были схвачены и сидѣли въ тюрьмѣ съ большою частью своихъ соучастниковъ. Еще до провозглашенія имперіи Бонапартъ распространялъ слухи, что вовсе не желаетъ подвергать наказанію Моро, но, получивъ отъ него откровенныя свѣдѣнія объ заговорѣ, намѣревается простить. Съ такимъ заявленіемъ являлся къ Моро начальникъ полиціи, предлагая ему свиданіе съ Бонапартомъ. Конечно, Моро не могъ согласиться на то, чтобы признать себя виновнымъ, тогда какъ онъ не только не принималъ участія въ заговорѣ, но всякій вообще подобный заговоръ считалъ преступнымъ и невозможнымъ въ это время. Но подъ вліяніемъ ли этихъ слуховъ, или уступая просьбамъ родныхъ и друзей, онъ рѣшился, послѣ цѣлаго мѣсяца заключенія въ тюрьмѣ, написать письмо къ Бонапарту, въ которомъ съ достоинствомъ отклонилъ отъ себя всякое участіе въ заговорѣ и особенно мысль вырвать власть изъ его рукъ и самому стать во главѣ правительства. Намекая на предложеніе Сіеса, онъ писалъ: „считаю нужнымъ напомнить Вамъ, что если бы хотя на одно мгновеніе у меня была мысль принять участіе въ управленіи Франціею, то для этого представлялся самый удобный случай за нѣсколько времени до Вашего возвращенія изъ Египта и, конечно, Вы не забыли того безкорыстія, съ которымъ я помогалъ Вамъ 18-го брюмера“ [1]). Таковы были постоянно показанія Моро при слѣдствіи; но не того, конечно, желалъ Бонапартъ. Вмѣсто отвѣта, онъ велѣлъ сказать ему, что приказалъ присоединить къ дѣлу его письмо. Жоржъ и Пишегрю подтверждали показанія Моро, что онъ отклонялъ себя отъ всякаго участія въ заговорѣ. Первый отклонилъ отъ себя обвиненіе въ желаніи убить перваго консула; второй упорно не давалъ показаній, говоря однако же, *что представитъ ихъ суду*. Это послѣднее заявленіе, вѣроятно, имѣло вліяніе на несчастную смерть Пишегрю и во всякомъ случаѣ возбуждало подозрѣніе. Апрѣля 6-го н. ст. въ Moniteur'ѣ появилось извѣщеніе, что Пишегрю самъ себя удавилъ галстухомъ въ тюрьмѣ, но съ такими невѣроятными и баснословными подробностями, что возбудило полную увѣренность въ томъ, что онъ умеръ насильственною смертью. Кто же убійца? [2]) Предоставимъ

[1]) Письмо Моро къ первому консулу.

[2]) Нельзя не отдать должной справедливости критическому дарованію Г. Ланфре. Несмотря на огромныя затрудненія для ученаго изслѣдованія этихъ происшествій, онъ почти дошелъ до исторической истины.

отыскивать его, роясь въ поддѣльныхъ большею частію документахъ, поклонникамъ великаго Наполеона, и обратимся къ процессу Моро, начавшемуся 28 мая 1804 г. н. ст.

Главный поводъ къ привлеченію къ уголовному слѣдствію и суду перваго и знаменитаго генерала республики подали его отношенія къ Пишегрю. Смерть устранила этого подсудимаго отъ суда; но осталось его показаніе, что Моро нисколько не сочувствовалъ замысламъ роялистовъ. Нѣкоторые изъ второстепенныхъ подсудимыхъ взяли назадъ свои показанія, говоря, что они были исторгнуты у нихъ пыткою или подкупомъ. Всѣ другіе устранялись сами собою, какъ бездоказательныя. Оставались только въ силѣ два обвиненія. Свиданіе съ *измѣнникомъ*, какъ называлъ Пишегрю предсѣдатель суда, и то, что Моро въ домашнихъ бесѣдахъ позволялъ себѣ свободно разсуждать о дѣйствіяхъ правительства, т.-е. перваго консула. „Со времени революціи“, отвѣчалъ Моро на отзывъ предсѣдателя о Пишегрю, „было много измѣнниковъ. Называли нѣкоторыхъ лицъ измѣнниками въ 1799 г., которые не считались измѣнниками въ 1793 г. Другіе были въ 93-мъ и не были въ 95-мъ. Нѣкоторые считались измѣнниками въ 95, не считались такими впослѣдствіи. Много было республиканцевъ изъ тѣхъ, которые теперь не республиканцы. Генералъ Пишегрю могъ имѣть сношенія съ Конде во IV году республики и дѣйствительно имѣлъ. Но онъ подвергся ссылкѣ вмѣстѣ съ другими въ переворотъ Фруктидора (4 сент. 1797 г.). Къ нему слѣдовало относиться такъ же, какъ и къ другимъ, осужденнымъ вмѣстѣ съ нимъ... Но когда я видалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ числѣ высшихъ сановниковъ государства, когда армія Конде наполняла парижскіе салоны и даже у перваго консула, очень мнѣ было возможно принять участіе въ томъ, чтобы возвратить Франціи завоевателя Голландіи“. Когда допросы были окончены, Моро сказалъ рѣчь, исполненную честности и достоинства, въ которой изложилъ свои дѣйствія во все продолженіе своей службы отечеству. „Со времени побѣды при Гогенлиденѣ и до моего ареста“, говорилъ онъ, „мои враги не могли найти ничего преступнаго въ моемъ образѣ дѣйствій, кромѣ того, что я свободно говорилъ... Свобода рѣчей! Но онѣ часто были благопріятны

Но это дѣло мѣстныхъ писателей; имъ предстоитъ трудъ бороться для пользы науки съ мѣстными препятствіями. Полагаемъ, что иностраннаго писателя никто не обвинитъ, если онъ отклонитъ отъ себя эту заботу и воспользуется только тѣми изъ добытыхъ ими выводовъ, которые со своей стороны считаетъ окончательно доказанными.

дѣйствіямъ правительства, а если иногда и были противъ нѣкоторыхъ, могъ ли я предполагать, что такая свобода можетъ считаться преступленіемъ у того народа, который столько разъ узаконялъ свободу мысли, слова и печати и который въ нѣкоторой степени пользовался ею даже при короляхъ? Признаюсь, я рожденъ съ откровеннымъ характеромъ и, какъ французъ, не утратилъ этого свойства Франціи, которая всегда провозглашала его добродѣтелью человѣка и долгомъ гражданина, ни на полѣ брани, ни во время революціи. Но тѣ, которые составляютъ заговоры, порицаютъ ли громко дѣйствія, которыхъ не одобряютъ? Такая откровенность вовсе несогласна съ политическими тайною и искушеніями. Если бы я участвовалъ въ заговорѣ, то скрывалъ бы свои мнѣнія и искалъ бы должности, которая поставила бы меня въ соприкосновеніе съ народными силами. Чтобы дѣйствовать такимъ образомъ, не нужно особенныхъ политическихъ способностей, которыхъ я и не имѣю, достаточно всѣмъ извѣстныхъ примѣровъ, увѣнчавшихся успѣхомъ. Я очень хорошо знаю, что Монкъ не оставлялъ арміи, когда замышлялъ государственный переворотъ, Кассій и Брутъ не удалялись отъ Цезаря, котораго хотѣли поразить".

Рѣчь Моро была встрѣчена рукоплесканіями многочисленнаго общества, слушавшаго допросы. Онъ и въ судѣ одержалъ такую же побѣду, какія одерживалъ на поляхъ сраженій. Но одержалъ еще большую побѣду надъ самимъ собой и доказалъ силу характера, въ которой отказываютъ ему многіе изъ писателей, его соотечественниковъ. Несмотря на все негодованіе, которое должно было кипѣть въ его душѣ противъ Наполеона, онъ только однажды упомянулъ о немъ. Когда въ числѣ прочихъ документовъ было прочтено его конфиденціальное письмо къ первому консулу, онъ сказалъ: первый консулъ, конечно, полагалъ, что это письмо послужитъ средствомъ для моего оправданія. Онъ *слишкомъ великодушенъ* и сохранилъ бы его у себя, если бы оно могло пособить моему обвиненію.

То же впечатлѣніе, какъ и на всѣхъ присутствовавшихъ, допросъ Моро произвелъ и на судей, несмотря на то, что по случаю этого дѣла прясяжные были временно уничтожены въ Сенскомъ департаментѣ, и составъ суда дополненъ лицами, указанными правительствомъ. „Судьи", обратился къ нимъ въ заключеніе рѣчи Моро. „Я ничего не имѣю болѣе сказать вамъ. Таковъ мой характеръ, такова была вся моя жизнь. Передъ небомъ и людьми заявлю, что мое поведеніе было невинно и

честно. Вы знаете ваши обязанности, слухъ фракціи направленъ на васъ, Европа наблюдаетъ и васъ ожидаетъ потомство“ [1]). Судьи большинствомъ голосовъ постановили оправдательный приговоръ; но предсѣдатель съ меньшинствомъ возбудили продолжительныя пренія. Они увѣряли своихъ товарищей, что такой приговоръ будетъ въ ущербъ государственности, лично оскорбитъ Бонапарта и лишитъ его возможности помиловать Моро, чего онъ только и желаетъ. Новый императоръ, узнавъ о ходѣ дѣла, велѣлъ взять новыя показанія съ нѣкоторыхъ подсудимыхъ и представить ихъ судьямъ, которые съ того времени должны были не постановлять окончательнаго рѣшенія. Но и это не помогло. Уступая давленію власти, судьи рѣшились приговорить Моро къ двухлѣтнему заключенію въ тюрьмѣ, а Жоржа съ 19 другими къ смертной казни. „Если я виновенъ въ заговорѣ“, сказалъ Моро, узнавъ о приговорѣ суда, „то слѣдовало приговорить меня къ смертной казни, какъ начальника заговора, потому что никто не можетъ повѣрить, чтобы я былъ капраломъ между заговорщиками“. Бонапартъ былъ взбѣшенъ; но не рѣшился на крайнія мѣры. Черезъ Фуке онъ предложилъ супругѣ Моро замѣну двухлѣтняго заключенія изгнаніемъ изъ Франціи. Она безъ колебанія согласилась, опасаясь, чтобы и ея мужа не постигла въ тюрьмѣ судьба Пишегрю. Моро долженъ былъ немедленно отправиться въ Сѣверную Америку, черезъ Испанію, которой правительство Наполеонъ вынуждалъ какъ можно скорѣе выпроводить его изъ своей страны.

VI.

Убійство герцога Энгіенскаго имѣло рѣшительное вліяніе на политику нашего кабинета въ отношеніи къ Франціи, выразивъ дѣйствительныя качества ея новаго повелителя, которыя, конечно, не могли внушать довѣрія. Послѣ блестящаго, но совершенно безполезнаго похода Суворова въ Италію, Императоръ Павелъ, справедливо негодуя на своихъ коварныхъ союзниковъ, вдругъ измѣнилъ политику и готовъ былъ вступить въ рѣшительный союзъ съ первымъ консуломъ, который представлялся ему укротителемъ революціи, возстановившимъ порядокъ въ глубоко взволнованной Франціи. По вступленіи на престолъ императора Александра Павловича наша политика приняла иное направленіе. Поддерживая дружелюбныя отноше-

[1]) Документы, относящіеся до процесса Моро у Бошана, Vie de Moreau, прилож., стр. 273—408.

нія къ Франціи, она въ то же время желала сократить ихъ и въ отношеніи къ другимъ державамъ, ей враждебнымъ, не принимая дѣятельнаго участія въ ихъ распряхъ и войнахъ. Но оставаясь европейскою державою, Россіи было трудно сохранить уединенное положеніе и отрѣшиться отъ всякаго участія въ судьбахъ Европы, которой угрожала опасность со стороны завоевательныхъ дѣйствій новаго властелина Франціи. Послѣдствіемъ убійства герцога Энгіенскаго былъ разрывъ съ Франціею и—возможность войны съ нею. Въ виду этой опасности, русскій императоръ желалъ воспользоваться военными дарованіями генерала Моро. Хорошо знакомый съ военными взглядами, пріемами и дѣйствіями Наполеона, выставляемый многими какъ достойный его соперникъ, жестоко имъ оскорбленный и униженный, Моро дѣйствительно могъ быть полезенъ въ войнѣ противъ него и, казалось, долженъ былъ рѣшиться принять предложеніе русскаго императора не съ тою только цѣлью, чтобы отмстить своему личному врагу, но и освободить отъ тиранніи свое отечество и Европу.

Получивъ извѣстіе объ изгнаніи Моро изъ предѣловъ Франціи и о его переѣздѣ въ Сѣверную Америку чрезъ Испанію, Императоръ Александръ Павловичъ поручилъ своему министру иностранныхъ дѣлъ написать къ нашему посланнику въ Мадритъ, чтобы онъ тайно развѣдалъ образъ мыслей Моро и предложилъ ему или безопасное убѣжище въ Россіи для мѣстопребыванія или вступленіе въ русскую службу. „Мы извѣстились“, писалъ кн. Чарторижскій къ графу А. С. Строганову, „что генералъ Моро, отдавая справедливость образу дѣйствій нашего Августѣйшаго Государя, въ тѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находится въ настоящее время Европа, нѣсколько разъ выражалъ мысль, что, если бы когда-нибудь онъ рѣшился поступить на службу иностранной державы, то вступилъ бы единственно въ службу Россіи. Пріобрѣтеніе человѣка съ такими достоинствами и пользующагося такою извѣстностью, какъ генералъ Моро, было бы въ высшей степени важно при современномъ положеніи дѣлъ, особенно по тому значенію, которое онъ сохранилъ въ Франціи и потому Его Величество поручаетъ вамъ тщательно развѣдать объ образѣ мыслей, который онъ уже выражалъ, и, если вы убѣдитесь въ справедливости тѣхъ извѣстій, которыя мы получили, то постараться привлечь его на сторону общей пользы“. Не входя лично въ сношенія съ ген. Моро, чтобы не возбудить подозрѣній французскаго правительства и не поставить въ затруднительное

положеніе Мардидскій кабинетъ, гр. Строганову Императоръ предписывалъ употребить въ этомъ случаѣ особаго тайнаго агента. „Желательно, конечно, пригласить его вступить въ русскую службу", писалъ къ нему кн. Чарторижскій, обѣщая всѣ возможныя выгоды, но, можетъ быть, такое предложеніе окажется несогласнымъ съ его образомъ мыслей въ то время, когда можно ожидать начала военныхъ дѣйствій противъ Франціи; то во всякомъ случаѣ предложите ему почетное убѣжище въ имперіи нашего Государя, гдѣ онъ будетъ находиться въ совершенной безопасности отъ преслѣдованій своихъ враговъ. Вы объясните ему, что мы желаемъ воспользоваться его дарованіями и опытностію, чтобы по возможности скорѣе окончить войну. Если она начнется, то нашъ Государь предприметъ ее съ цѣлію обуздать безграничное самолюбіе Бонапарта, котораго деспотизмъ не совмѣстимъ съ общею безопасностью Европы и даже благосостояніемъ самой Франціи. Императоръ принимаетъ во вниманіе необходимость строго различать французскій народъ отъ счастливаго (eventurier) проходимца, который поработилъ ее своему игу, и что ничего не имѣется противъ Франціи, а напротивъ того, дѣло идетъ о томъ, чтобы освободить ее отъ ига, подъ которымъ она страдаетъ, такъ что послѣдствія этой войны обратятся въ пользу большинства французовъ, которыхъ выгоды въ этомъ случаѣ одинаковы съ выгодами союзныхъ державъ. Сверхъ того, вы можете увѣрить генерала, что Императоръ твердо рѣшился заставить уважать права и собственность каждаго и особенно тѣхъ, которые пріобрѣли *національныя имущества* (des biens nationaux) и, наконецъ, присовокупите, что Его Величество ни мало не имѣетъ въ виду желанія народа въ отношеніи къ внутреннему управленію страны и готовъ напротивъ утвердить тотъ образъ устройства, который свободно и добровольно установятъ французы, не имѣя пристрастія ни къ какому дому, какъ, напримѣръ, Бурбоны. Въ отношеніи къ этому послѣднему вопросу не было бы лишнимъ провѣдать образъ мыслей ген. Моро, какъ относится онъ къ правамъ королевскаго дома и къ возможности соединить всѣ партіи въ томъ случаѣ, если бъ пришлось посадить на тронъ Бурбона, конечно, на извѣстныхъ условіяхъ и съ ограниченіями власти, какихъ требуютъ обстоятельства и особенно господствующее общественное мнѣніе во Франціи". Объ этомъ вопросѣ Императоръ предписывалъ говорить съ ген. Моро съ крайнею осторожностью (avec la plus grande reserve), конечно, потому, что силою обстоятельствъ, онъ самъ былъ

поставленъ къ нему въ ложное положеніе, амежду тѣмъ вопросъ былъ очень важенъ: онъ путалъ и тормозилъ историческія событія. Императоръ смотрѣлъ иначе, нежели его союзники, на права Бурбоновъ и, уступая ихъ взгляду, согласился бы на возстановленіе ихъ на престолѣ Франціи лишь въ томъ случаѣ, когда сами французы выразили бы это желаніе.

Если бы ген. Моро изъявилъ полное согласіе на принятіе предложеній русскаго Императора, то гр. Строганову дозволялось даже объяснить ему [1]) предполагаемой коалиціею образъ дѣйствій, цѣль и средства, которыми она можетъ располагать. „Вы представите ему“, писалъ кн. Чарторижскій, „новую славу, которая увѣнчаетъ его дѣйствія, и признательность отечества, которую онъ заслужитъ, содѣйствуя общимъ усиліямъ, которыя клонятся къ тому, чтобы освободить Францію отъ тиранніи, ее угнетающей.—Я не считаю нужнымъ, писалъ онъ въ заключеніе своей депеши, указывать вамъ, съ какою осторожностію и осмотрительности должно вести эти переговоры. Вы сами поймете ихъ необходимость и всю важность услуги, какую вы окажете Императору и общему благу, если успѣхъ увѣнчаетъ ваши старанія“. Но лишь только эта депеша была изготовлена къ подписанію Императора, какъ получено было извѣстіе, что Моро уже прибылъ въ Сѣверную Америку. Это обстоятельство на два дня замедлило отправленіе депеши къ гр. Строганову; но она все-таки была отправлена, несмотря на то, что Моро уже не находился въ Испаніи. Императоръ придавалъ важное значеніе этому дѣлу и поручилъ кн. Чарторижскому въ дополненіе къ этой депешѣ написать посланнику, чтобы тотъ постарался найти надежный и безопасный способъ передать Моро его предложенія. Ему поручалось или отправить довѣренное лицо въ Америку для передачи ихъ на словахъ, избѣгая письменныхъ сообщеній самому Моро, или, если бы имъ былъ оставленъ въ Испаніи облеченный его довѣріемъ человѣкъ для устройства его частныхъ дѣлъ, то воспользоваться его посредствомъ. Но, давая такое порученіе гр. Строганову, наше правительство предвидѣло не только трудность, но даже невозможность его исполнить, если бы случайно не представились такія благопріятныя обстоятельства, на которыя невозможно было разсчитывать напередъ. „Поэтому“, писалъ кн. Чарторижскій, „я считаю долгомъ предупредить васъ, что только при такихъ обстоятельствахъ вы исполните возлагаемое

[1]) Ср. Местръ Correspondance polit. T. I. стр. 95.

на васъ порученіе; но на васъ не возлагается обязанности непремѣнно исполнить его, если бы встрѣтились непреодолимыя препятствія".

Не разсчитывая на успѣшное исполненіе этого порученія со стороны нашего посланника въ Испаніи, Императоръ избралъ новый способъ войти въ непосредственныя сношенія съ самимъ ген. Моро. Въ Петербургѣ, безъ особаго назначенія, находился камергеръ гр. Паленъ, который былъ лично знакомъ съ Моро и его семействомъ. Императоръ поручилъ ему переговоры съ Моро, отправивъ его въ Сѣверную Америку. „Спѣшу препроводить вамъ, писалъ ему по порученію Государя кн. Адамъ Чарторижскій, наставленія для исполненія того порученія, которое угодно было Государю Императору возложить на васъ. Вы замѣтите, что въ нихъ не упомянуто имени ген. Моро, чтобы не подвергнуть ни его, ни васъ какимъ-либо случайнымъ непріятностямъ. Вы обратите вниманіе генерала на это обстоятельство. Съ этою же цѣлію поручается вамъ, изучивъ это письмо, возвратить его мнѣ". Въ этомъ письмѣ ему предписывалось немедленно, въ качествѣ простого путешественника, ѣхать въ Лондонъ, разузнать, гдѣ въ настоящее время находится Моро, и представиться нашему посланнику въ Лондонѣ, гр. С. Р. Воронцову. Въ депешѣ, которую поручено было отвезти ему нашему посланнику, объяснялось порученіе, возложенное на гр. Палена, и поручалось способствовать ему въ исполненіи. „Если гр. Воронцовъ", писалъ кн. Чарторижскій гр. Палену, подтвердитъ извѣстіе, что Моро отправился въ Соединенные Сѣверо-Американскіе штаты, то вы воспользуетесь первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы отправиться въ Америку, но также подъ видомъ путешественника; тамъ возобновите знакомство съ Моро и его семействомъ и постараетесь развѣдать его взглядъ на происшествія, совершающіяся на континентѣ, и объ способѣ дѣйствій, въ какомъ онъ рѣшился бы принять непосредственное участіе. Если вы замѣтите, что онъ выжидаетъ только удобныхъ обстоятельствъ отмстить за тѣ преслѣдованія, которымъ онъ подвергся, и въ то же время возвратить свободу, которой лишено его отечество, тогда вы сообщите ему возложенное на васъ порученіе и объясните, сколь возвышенна та цѣль, къ которой направлены виды Императора, и благопріятна для Франціи. Вы представите ген. Моро, какое можетъ предстоять блестящее поприще дѣйствій для такого человѣка, какъ онъ, пользуясь довѣріемъ народа, сдѣлаться ею освободителемъ и

постараетесь согласиться съ нимъ въ способахъ дѣйствія, чтобы вѣрнѣе достигнуть этой цѣли. Гр. Палену поручалось особенно обратить вниманіе Моро на то обстоятельство, что успѣхъ возможенъ только въ томъ случаѣ, если бы разныя партіи во Франціи рѣшились дѣйствовать заодно. „Напримѣръ", продолжаетъ кн. Чарторижскій, „республиканцы съ роялистами, потому что, безъ сомнѣнія, послѣдствіемъ ихъ совокупныхъ дѣйствій могло быть установленіе монархіи. Франція много бы выиграла, если бы установили ограниченную монархію, вмѣсто тиранніи, подъ гнетомъ которой она находится. Но вы ни въ какомъ случаѣ не должны настаивать на томъ, чтобы ген. Моро дѣйствовалъ заодно съ Бурбонами, особенно если замѣтите въ немъ несочувствіе къ нимъ и, напротивъ, увѣрить его, что мы съ довѣріемъ отнесемся ко всякому предложенію съ его стороны. Наконецъ, если вы замѣтите, что генералъ Моро готовъ помогать Россіи для достиженія ея цѣлей, то вы откроетесь ему совершенно и объявите, что Императоръ, высоко цѣня его дарованія, его любовь къ отечеству и честность, былъ бы весьма доволенъ, если бы онъ поступилъ къ нему на службу или бы принялъ участіе въ освобожденіи Франціи, какими бы то ни было способами, которые онъ сочтетъ наиболѣе сообразными съ цѣлью". Въ такомъ случаѣ, гр. Паленъ долженъ былъ объявить ему, что онъ будетъ принятъ въ русскую службу въ званіи главнокомандующаго, самъ изберетъ для себя поприще дѣйствій, будетъ пользоваться жалованьемъ и правами, соединенными съ этимъ званіемъ, какъ во время войны, такъ и во время мира. Если бы онъ не пожелалъ вступить въ русскую службу и другими способами изъявилъ бы готовность содѣйствовать видамъ Россіи, то графу Палену поручалось объявить, что Императоръ будетъ способствовать успѣху его дѣйствій. Во всякомъ случаѣ Императоръ, уважая его достоинства, открываетъ ему безопасное убѣжище въ своихъ владѣніяхъ, при всякихъ обстоятельствахъ. „Если генералъ Моро приметъ ваше предложеніе", писалъ кн. Чарторижскій гр. Палену, „то вы прибудете съ нимъ въ Европу. Отъ какого-либо изъ нашихъ посланниковъ, въ Испаніи, Италіи, Англіи или Германіи узнаете о положеніи нашихъ армій и повезете его къ той изъ нихъ, къ которой удобнѣе можетъ приблизиться. Между тѣмъ наши генералы получатъ наставленія, какъ они должны къ нему относиться; но прежде всего вы попросите ген. Моро изложить свои соображенія на письмѣ".

Гр. Воронцовъ, кажется, не очень сочувственно отнесся къ

предложенію пригласить Моро, какъ вообще онъ не сочувствовалъ наплыву иностранцевъ въ это время въ нашу службу и особенно дипломатическую. Въ октябрѣ мѣсяцѣ гр. Паленъ отправился изъ Петербурга и въ ноябрѣ увѣдомилъ, что гр. Воронцовъ задержалъ его въ Лондонѣ по двумъ причинамъ: онъ считалъ нужнымъ выждать во-первыхъ послѣдствій переговоровъ въ Англіи—и, во-вторыхъ, потому, что переѣздъ въ Америку затруднителенъ въ это время года и гораздо удобнѣе отправиться туда въ декабрѣ мѣсяцѣ. Но въ отвѣтномъ письмѣ на депешу кн. Чарторижскаго къ этимъ причинамъ онъ присоединялъ и третью. „Я полагалъ также", писалъ онъ ему, „что пока Бонапартъ будетъ сохранять такое преобладаніе надъ своими союзниками, человѣкъ съ такимъ нерѣшительнымъ характеромъ, какъ Моро, не приметъ дѣятельнаго участія въ дѣлахъ, и порученіе гр. Палена тогда только можетъ быть исполнено успѣшно, когда Моро убѣдится, что ходъ дѣла обратился противъ Бонапарта.

Лонд. 17 (29) ноября 1805. Предсказаніе опытнаго нашего дипломата сбылось, хотя и по другимъ причинамъ.

Въ то самое время, когда происходила эта переписка, шла 200 тысячная армія Наполеона отъ Булоня къ Рейну. Онъ зналъ о приготовленіи союзниковъ къ военнымъ дѣйствіямъ, вызваннымъ его постоянными захватами, и въ то время, когда его дипломаты твердили о желаніи поддержать миръ, онъ спѣшилъ, поддерживая оборонительное положеніе въ Италіи, напасть врасплохъ на австрійскія войска, сосредоточенныя близъ Ульма въ числѣ 60 тысячъ подъ начальствомъ ген. Монка, прославившагося своими неудачами, которыя впрочемъ онъ претерпѣвалъ по всѣмъ правиламъ военнаго искусства, одобряемымъ Вѣнскимъ военнымъ совѣтомъ, прежде нежели успѣютъ подойти къ нимъ на помощь русскія войска подъ предводительствомъ Кутузова. Его хитрый замыселъ удался вполнѣ: непродолжительная кампанія началась пораженіемъ Монка, взятіемъ Ульма, занятіемъ Вѣны и окончилась Аустерлицкимъ сраженіемъ,— прежде нежели гр. Паленъ успѣлъ отплыть изъ Англіи въ Америку. Въ ожиданіи новыхъ постановленій отъ правительства, ему предписано было оставаться въ Лондонѣ. Въ концѣ 1806 года гр. Строгановъ писалъ изъ Мадрита министру иностранныхъ дѣлъ барону Будбергу, что онъ не могъ исполнить порученій въ отношеніи къ Моро, какъ и слѣдовало ожидать и какъ того ожидало наше правительство; но счелъ нужнымъ увѣдомить его о томъ, что случайно онъ узналъ при перего-

ворахъ съ первымъ министромъ Испаніи. „Князь Моро Годай", писалъ онъ, „выразилъ мнѣ въ послѣднихъ моихъ съ нимъ совѣщаніяхъ удивленіе, что союзныя державы не подумали пригласить Моро начальствовать одною изъ арміи въ войнѣ противъ Франціи, выразилъ мнѣ подъ величайшею тайною свои виды на этого генерала, когда Испаніи придется принять участіе въ войнѣ. Онъ говорилъ нашему посланнику, что ведетъ постоянную переписку съ генераломъ и еще недавно получилъ отъ него письмо, въ которомъ тотъ выражаетъ желаніе предложить свои услуги какой-нибудь изъ могущественныхъ державъ, которая могла бы его защитить отъ преслѣдованій Бонапарта". „Конечно, онъ думалъ въ этомъ случаѣ не объ Испаніи", писалъ гр. Строгановъ, „и, сожалѣлъ, что не имѣетъ средствъ передать Моро намѣреніе Императора, совѣтуетъ поручить это дѣло нашему посольству въ Лондонѣ и дѣйствовать черезъ Англію, которая находилась въ то время въ дружескихъ отношеніяхъ съ Американскими штатами.

Снова возникло желаніе вызвать Моро изъ Америки. Баронъ Будбергъ писалъ въ началѣ 1807 года нашему повѣренному въ дѣлахъ при Сенъ-Джемскомъ кабинетѣ, что „обстоятельства настоящаго времени даютъ поводъ предполагать, что генералъ Моро могъ бы принести пользу общему дѣлу и, можетъ быть, былъ бы радъ найти случай быть полезнымъ своему отечеству и въ то же время отмстить за всѣ преслѣдованія, которымъ онъ подвергался". Поэтому ему предписывалось немедленно отправить гр. Палена въ Америку, снабдивъ свѣдѣніями о положеніи дѣлъ въ Европѣ и особенно о внутреннемъ состояніи Франціи. Гр. Паленъ прибылъ въ Нью-Іоркъ въ началѣ іюня 1807 г. 21 (9); немедленно повидался съ Моро, сообщилъ ему предложеніе нашего Государя и сообщилъ копію съ его письменнаго отвѣта нашему уполномоченному въ Лондонѣ [1]). „Я не поколебался бы принять великодушныя предложенія Е. В. русскаго Императора", писалъ Моро, „если бы они дошли до меня прежде, нежели онъ былъ вынужденъ начать войну съ французскимъ правительствомъ. Мнѣ кажется несогласнымъ ни съ достоинствомъ его короны, ни съ моею совѣстливостью (ma délicatesse) вступить въ службу въ его армію во время продол-

[1]) Депеши Алопеуса изъ Лондона 30 іюля (11 авг.) и 27 окт. (8 ноябр.) 1807 г. Оригиналъ отвѣта, писанный самимъ Моро, онъ возвратилъ ему, опасаясь имѣть при себѣ бумагу, писанную его рукою, чтобы его не подвергнуть опасности.

жающейся войны... Правительству, во власти котораго находится вся печать, будетъ легко представить этотъ поступокъ, какъ желаніе мстить своимъ соотечественникамъ съ моей стороны, а со стороны русскаго Государя какъ уступку необходимости, мало почетной (peu honorable) для него и его войскъ. Предполагая даже, что я могъ бы немедленно принять предлагаемую мнѣ службу, разстояніе, въ которомъ я нахожусь отъ дѣйствующихъ войскъ, сдѣлало бы ее безполезной при этой войнѣ, которая, вѣроятно, скоро окончится. Какія бы войска ни восторжествовали, миръ будетъ необходимымъ послѣдствіемъ военныхъ дѣйствій. Если они будутъ благопріятны для русскихъ, то, вѣроятно, глава французскаго правительства упадетъ во мнѣніи, вслѣдствіе недовольства войскъ и внутри страны. Вѣроятно также, что это обстоятельство могло бы способствовать тому, что французы узнали бы умѣренныя и разумныя намѣренія Его Величества Императора въ отношеніи къ намъ. Но не слѣдуетъ заблуждаться на счетъ затрудненій, чтобы что-нибудь могло проникнуть въ эту несчастную страну. Съ одной стороны представляется подозрительной дѣятельность полиціи, съ другой ужасъ (terreur), дошедшій до такой степени, что три человѣка, сойдясь вмѣстѣ, не могутъ откровенно говорить между собою, подозрѣвая измѣнника между ними. Я давно оставилъ Францію; откровенная же переписка съ этою страною до такой степени затруднительна, чтобы не сказать невозможна, что я не могу сказать, какъ могутъ дѣйствовать французы противъ немногочисленной шайки разбойниковъ (du scelerats), которая ихъ угнетаетъ. Возвратившись въ Европу, я не могъ бы получить болѣе вѣрныхъ свѣдѣній: власть Бонапарта простирается на столько государствъ, что я оказался бы почти такъ же отдаленъ отъ Франціи, а между тѣмъ надзоръ надъ моими друзьями сдѣлался бы еще строже. Такимъ образомъ, находясь подъ вліяніемъ его власти, я долженъ быть озабоченъ только тѣмъ, чтобы скрываться, и ему было не трудно лишить меня той извѣстности (popularité), которую я сохранилъ еще во Франціи, и тѣмъ обречь меня на совершенную безполезность. Однако же я считаю необходимымъ, чтобы въ этой несчастной странѣ сдѣлались извѣстны мудрыя предположенія Е. В. русскаго Императора, что завоеванія и раздѣлъ Франціи вовсе не входятъ въ его виды, и что когда тираннъ, который управляетъ ею, перестанетъ тревожить ее и всю Европу, онъ намѣренъ предоставить ей свободу устроить у себя правительство. Какія бы ни были послѣдствія современнаго переворота въ Европѣ, съ того

времени, какъ мое отечество находится подъ игомъ, которому я не хочу подчиниться, ни служить ему, я увѣряю Е. В. Императора, если будетъ угодна ему моя служба, онъ можетъ разсчитывать на совершенную мою преданность. Но, безъ сомнѣнія, онъ обратитъ вниманіе на причины, которыя вынуждаютъ меня предложить ему услуги въ то время, когда онѣ не могли бы подать повода заподозрить мою честность и достоинство его Короны“ [1]).

За четыре дня нередъ тѣмъ, когда Моро написалъ эту записку, были подписаны условія мира и союзъ между Россіею и Франціею въ Тильзитѣ. При тогдашнихъ медленныхъ сообщеніяхъ, вѣсть объ этомъ происшествіи не могла еще достигнуть Америки; но, очевидно, Моро, слѣдя постоянно за ходомъ военныхъ дѣлъ, вѣрно понималъ ихъ значеніе, предвидѣлъ скорый исходъ войны и считалъ свое появленіе на континентѣ несвоевременнымъ. Тальзитскій миръ совершенно измѣнилъ положеніе дѣлъ, и мысль Императора пригласить Моро въ нашу службу надолго должна была остаться безъ исполненія.

VII.

Гонимый ненавистью Наполеона, Моро долженъ былъ одинъ отправиться въ Америку, оставивъ свое семейство для распоряженій по имуществу. Однако онъ странствовалъ по штатамъ Сѣверной Америки, пока не прибыла его супруга и дѣти. Пріобрѣтя землю у Морисвиля, между Нью-Іоркомъ и Филадельфіею, занимаясь хозяйствомъ, онъ проводилъ тамъ лѣто, а на зиму переѣзжалъ въ Нью-Іоркъ. Его ровный и веселый нравъ, умныя рѣчи скоро привлекли къ нему многихъ.

Но ни новые знакомые на чужой сторонѣ и нѣкоторые изъ друзей, добровольно послѣдовавшіе за нимъ въ изгнаніе, ни хозяйственныя заботы, охота и чтеніе не могли, конечно, замѣнить ему боевую дѣятельность, которой была посвящена вся его жизнь. Вниманіе американцевъ помогло заставить его забыть родину, которой онъ былъ преданъ всѣми силами души и которой судьба его ужасала. Онъ не любилъ говорить о своемъ противникѣ, не считая возможнымъ одобрять его дѣйствія и не желая въ то же время порицать, чтобы не заподозрили личную месть въ его отзывахъ. Но отъ этихъ дѣйствій за-

[1]) Записка намѣчена: New-York 12 (23) iuni 1807.

висѣла судьба Франціи. Но былъ увѣренъ, что въ безразсудныхъ предпріятіяхъ Наполеонъ погубитъ самого себя и весьма скоро; но опасался однако же, что жестокая и лицемѣрная тираннія во внутреннемъ управленіи, захваты военною силою чужихъ владѣній съ позволеннымъ войскамъ грабежомъ, обманъ и коварство въ сношеніяхъ съ другими державами могутъ имѣть гибельное вліяніе на французовъ. Въ бесѣдахъ съ близкими ему лицами онъ говорилъ про Наполеона: „этотъ человѣкъ срамитъ имя француза, скоро стыдно будетъ называться этимъ именемъ. На мое несчастное отечество посылаются проклятія вселенной и если Провидѣніе не поспѣшитъ оказать помощь моимъ несчастнымъ соотечественникамъ, можетъ быть, и они испытаютъ судьбу евреевъ: будутъ завоеваны, разсѣются по землѣ, преслѣдуемые проклятіями всѣхъ народовъ“. Грабежъ, который въ войскахъ Наполеона, поощряемый имъ самимъ и его генералами, составлялъ какъ бы необходимую принадлежность военныхъ дѣйствій, особенно возбуждалъ негодованіе Моро. Войска, находившіяся подъ его начальствомъ, сражались храбро и побѣждали; не теряя бодрости, отступали, когда слѣдовало отступать; но не грабили. На эту особенность честнаго полководца Моро счелъ долгомъ даже указать передъ судомъ. „Война подъ моимъ начальствомъ, говорилъ онъ, была бѣдствіемъ (fleau) только на полѣ сраженія. Когда побѣда мнѣ открывала путь въ среду непріятельскихъ народовъ, я старался заставить ихъ уважать французовъ столько же, какъ и страшиться ихъ оружія. Много разъ побѣжденные на опустошенныхъ ихъ поляхъ отдавали мнѣ долгъ справедливости въ этомъ отношеніи“. Это качество, какъ послѣдствіе вѣкового просвѣщенія, конечно, было чуждо и едва-ли понятно его геніальному, но дикому противнику. Сколько смущалъ Моро союзъ Наполеона съ Россіею, только поднявшей его гордость и самоувѣренность до послѣдней крайности, столько онъ возлагалъ надеждъ на разрывъ въ 1812 г. Онъ считалъ безумнымъ предпріятіе Наполеона и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за походомъ. Чтобы имѣть вѣрныя свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ, конечно, не безъ его вліянія, добровольно раздѣлявшій съ нимъ изгнаніе его адъютантъ Рапатель (Rapastel) обратился съ письмомъ отъ Моро къ нашему посланнику при Сѣверо-Американскихъ штатахъ Дашкову съ просьбою передать Императору его желаніе поступить къ нему на службу. Согласіе Императора получено было въ Америкѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, и Рапатель немедленно

отправился въ Россію [1]). Этотъ случай подалъ поводъ нашему посланнику войти въ ближайшія отношенія къ Моро, конечно, въ виду того, чтобы самого его привлечь на службу Россіи. Ему, конечно, были извѣстны желаніе и попытки Императора, клонившегося къ этой цѣли, онъ понималъ, что союзъ Россіи съ Францію не далъ имъ дальнѣйшаго хода; но что, при измѣнившихся обстоятельствахъ, когда союзникъ безъ объявленія войны вторгнулся со всею Европою въ предѣлы Россіи, они могли быть возобновлены. Въ виду этой цѣли, онъ поддерживалъ сношенія съ Моро и сообщилъ объ этомъ канцлеру нашей Имперіи. „Если Императору было бы пріятно имѣть Моро въ своей службѣ, то настоящее время самое благопріятное для достиженія этой цѣли“, писалъ онъ графу Румянцеву. Съ пріѣзда въ Америку онъ велъ самый уединенный образъ жизни. Главными его занятіями были охота и рыбная ловля. Онъ, казалось, хотѣлъ пристраститься къ нимъ или лучше замѣнить ими страсть къ военному дѣлу, которой однако же никогда не побѣдитъ. Говорятъ, что онъ привезъ съ собою состояніе въ 200 тыс. долларовъ, которое большею частію принадлежитъ его женѣ. Г-жа Моро получила блистательное образованіе въ Парижѣ и обладаетъ дарованіями, которыя возбуждали удивленіе въ Европѣ. Она никакъ не можетъ привыкнуть къ здѣшнему обществу, ея слабое здоровье страдало отъ здѣшняго, вреднаго для иностранцевъ, климата, и ей рѣшительно недоставало средствъ воспитывать здѣсь свою дочь такъ же, какъ она сама воспитана. Черезъ нѣсколько дней она отправляется въ Европу, вѣроятно, получивъ разрѣшеніе Наполеона для поправленія своего здоровья. Генералъ остается одинъ, наблюдать за имѣніемъ, которое онъ здѣсь пріобрѣлъ въ духовномъ бездѣйствіи, которое, видимо, его тяготитъ, несмотря на силу характера, съ которой онъ переноситъ изгнаніе. Такое положеніе генерала Моро возбудило во мнѣ желаніе разузнать его намѣренія, но такимъ непримѣтнымъ способомъ, чтобы онъ не могъ подумать, что добытыя много свѣдѣнія могутъ послужить предметомъ оффиціальнаго донесенія. Американцы доставили мнѣ возможность говорить съ нимъ о войскахъ, о тактикѣ и т. под. и, внимательно наблюдая за нимъ, я узналъ многіе изъ его взглядовъ, которые онъ излагалъ съ откровенностью военнаго человѣка. Между прочимъ онъ говорилъ, что никогда не посовѣ-

[1]) Письмо Моро къ Дашкову, 4 іюня и депеша Дашкова къ гр. Румянцеву изъ Нью-Іорка 25 мая (6 іюня). Письмо гр. Палена къ гр. Румянцеву изъ Филадельфіи 18 (30) апр. 1812 г.

туетъ никому изъ своихъ друзей, который хотя сколько-нибудь дорожитъ своею извѣстностію, принимать начальство надъ американскими войсками; что есть только двѣ арміи, надъ которыми онъ съ удовольствіемъ принялъ бы начальство—русская и французская. Но послѣдняя уже развращена, и все искусство побѣдить Наполеона заключается въ томъ, чтобы избѣгать рѣшительныхъ сраженій, что Удино не пренадлежитъ къ числу друзей Наполеона и т. под. Когда я говорилъ ему, какія выгоды могла бы извлечь его супруга какъ для воспитанія дочери, такъ и для своего здоровья и пріятности жизни, если бъ поселилась въ Россіи, онъ соглашался и замѣтилъ, что это единственная страна, гдѣ бы онъ могъ пользоваться наибольшимъ счастіемъ, и съ восторгомъ говорилъ объ особѣ нашего Государя, о своей къ нему привязанности, о его уваженіи къ французскому народу и желаніи ему благоденствія".

Ал. Поповъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ жизни инженера путей сообщенія [1]).

ГЛАВА IV.

Владивостокъ.—Общее впечатлѣніе.—Сравненіе Владивостокскаго Порта съ Портъ-Артурскимъ.—Тяжелыя условія жизни.—Мое Владивостокское „сидѣнье".—Уссурійская желѣзная дорога.—Хабаровскъ.—Страничка изъ исторіи Пріамурскаго края.—Плаваніе по р. Амуру.—Рѣка Сунгари.—Мало-Хинганское ущелье.—Попутныя прибрежныя станицы: Михайло-Семеновская, Радде, Поярковая; города Айгунъ и Благовѣщенскъ.—Рѣка Шилка.—Стрѣтенскъ и Забайкальская дорога.—Чита. Верхнеудинскъ.—„Тараканій уловъ", Мысовая, Байкалъ, Лиственичная и Иркутскъ.—Сибирская желѣзная дорога.

Всѣ мы ежились и кутались въ теплое, не будучи въ состояніи послѣ теплаго, мягкаго, ласкающаго воздуха Японіи, которую мы только-что покинули 14 апрѣля, сразу освоиться съ 12-ти градусною температурою и рѣзкимъ ледянымъ вѣтромъ, которыми столь негостепріимно встрѣчалъ насъ Владивостокъ.

Передъ нами, у подножія довольно высокихъ горъ, съ еле зеленѣющею травкой, широко раскинулся амфитеатромъ нашъ русскій Санъ-Франциско, занимающій, какъ оказывается, сѣверный и западный берегъ обширнаго Золоторожскаго залива и восточное побережье Амурской бухты.

Владивостокъ увидѣлъ впервые русскій флагъ 20-го іюня 1860 г., когда прапорщикъ Комаровъ высадился сюда съ транс-

[1]) См. „Русская Старина", августъ 1913 г.

порта Маньчжуръ. Въ 1862 г. онъ дѣлается уже портомъ, и съ тѣхъ поръ начинается непрерывный ростъ города, растянутаго нынѣ въ длину на семь слишкомъ верстъ. За послѣдніе два года, особенно послѣ того, какъ окончательно выяснилось, что Владивостоку выпадаетъ на долю быть одною изъ оконечностей великаго Сибирскаго пути, городъ этотъ сталъ расти не по днямъ, а по часамъ. Такъ, въ періодъ 1897—1898 г.г. выстроено болѣе 400 каменныхъ, большею частью 2-хъ этажныхъ домовъ, а за время съ 1 января по 1 іюня того же года находилось въ постройкѣ еще свыше 180 такихъ же домовъ.

Опасеніе, что увеличеніе значенія Владивостока затормозится тѣмъ, что рейдъ его замерзаетъ, нынѣ почти совсѣмъ уже исчезло, благодаря тому, что, какъ показалъ шестилѣтній опытъ съ 1893 по 1899 годъ, зимняя работа имѣющагося здѣсь парового ледокола „Силачъ“ вполнѣ достаточна, чтобы поддерживать свободнымъ выходъ изъ порта въ открытое море, несмотря на весьма сильные—подчасъ, морозы. Работа ледокола разбивается на два періода, когда ледъ еще тонокъ, то ежедневными многократными рейсами „Силачъ“ поддерживаетъ свободный отъ льда каналъ, по которому прочія суда могутъ выходить въ открытое море и обратно входить въ гавань. По мѣрѣ утолщенія льда, онъ сначала ослабляется взрывомъ небольшихъ минъ, послѣ чего уже пускается въ ходъ ледоколъ. Во время же особенно сильныхъ морозовъ, когда только-что очищенное отъ льда пространство тотчасъ покрывается льдомъ, смерзающимся почти что подъ кормою только что пробившагося ледокола, приходится иногда помогать его работѣ, нѣсколькими предварительными вспомогательными дѣйствіями, а именно, намѣчаютъ по льду широкій каналъ (отъ 50 до 70 футовъ шириной), раздѣляютъ его провѣшиваніемъ нѣсколькихъ параллельныхъ линій на отдѣльныя полосы (обыкновенно 4); насѣкаютъ эти полосы топоромъ, затѣмъ черезъ каждыя 7 саженъ пробиваютъ лунки (проруби) для пилъ. Команды пильщиковъ (изъ матросовъ мѣстнаго экипажа) начинаютъ черезъ эти лунки пилку льда (толщина льда иногда свыше 40″). Вслѣдъ за образуемыми такимъ путемъ „рѣзами“ подвигается уже и самъ ледоколъ, ломая подъ себя ледъ. Послѣдній выводится обыкновенно нанятыми на сей предметъ рабочими-китайцами (манзами) внѣ предѣловъ канала.

Если принять во вниманіе, что въ настоящее время у насъ уже имѣется ледоколъ болѣе совершеннаго типа „Ермакъ“, то можно почти съ увѣренностью сказать, что Владивостокскій

рейдъ должно считать открытымъ для судоходства круглый годъ. По своей обширности, защищенности отъ вліянія штормовъ, Владивостокская гавань куда выше сравнительнаго крошечнаго, видѣннаго нами Артурскаго порта. Даже, если углубить его западную бухту, что несомнѣнно потребуетъ грандіозныхъ затратъ, то тогда, конечно, будетъ достаточно мѣста для стоянки военныхъ судовъ, но отнюдь не для торговыхъ судовъ. О величинѣ Портъ-Артурской гавани въ настоящее время можно судить по тому, что судну, сколько-нибудь значительныхъ размѣровъ, крайне тяжело сдѣлать надлежащій поворотъ отъ набережной къ выходу на рейдъ.

Такъ, по окончаніи послѣдней Японско-Китайской войны, одинъ изъ японскихъ большихъ транспортовъ, нагруженный возвращавшимися на родину войсками, отчаливая подъ звуки военной музыки отъ набережной, съ трескомъ засѣлъ своимъ носомъ, при поворотѣ, на отмели бухты; пришлось перегружать войска и грузъ на другое судно. Стоянка же судовъ на рейдѣ передъ Портъ-Артурскою гаванью далеко небезопасна даже для большихъ военныхъ судовъ: при свирѣпствующихъ въ Печелійскомъ заливѣ тайфунахъ, судамъ приходится отстаиваться подъ парами на якоряхъ, рискуя быть разбитыми о прибрежные утесы, или же уходить въ открытое море.

Если же оградить рейдъ молами, что, въ свою очередь, потребовало бы грандіозныхъ затратъ, то при господствующихъ на Квантунскомъ полуостровѣ сильныхъ морозахъ (по послѣднимъ наблюденіямъ до 20° Р.), море, лишенное главнаго фактора, препятствующаго образованію льда,—волны, будетъ замерзать, и потребуется опять таки ледоколъ для прорубки канала по рейду. Что касается до Таліэнванской бухты, гдѣ стоитъ знаменитый городъ „Дальній“, то, при всей своей обширности, она такъ мелка, что работы по ея приспособленію къ условіямъ доступа глубокосидящихъ судовъ обойдутся въ сотни милліоновъ рублей.

Такимъ образомъ всѣ преимущества коммерческаго порта съ широкимъ будущимъ, повидимому, на сторонѣ Владивостока, въ этомъ невольно убѣждаешься, когда посмотришь на картину крайняго оживленія, которую представляетъ его рейдъ: помимо сотенъ китайскихъ джонокъ, японскихъ шхунъ и русскихъ пароходовъ Добровольнаго флота, купца Шевелева, нашихъ военныхъ судовъ Сибирской флотиліи, почти ежедневно въ приходѣ множество иностранныхъ: норвежскихъ, германскихъ, американскихъ и англійскихъ судовъ. Съ проведеніемъ же

Амурской дороги количество это несомнѣнно удвоится, если не утроится.

Гораздо болѣе важнымъ и опаснымъ препятствіемъ судоходству являются мѣстные туманы, изъ-за которыхъ суда иногда по 2—5 сутокъ не могутъ ни войти съ открытаго моря во Владивостокскій рейдъ, ни выйти изъ него. Здѣшній туманъ не имѣетъ ничего общаго съ нашими европейскими туманами: при совершенно ясномъ небѣ, иногда чуть ли не въ самый полдень, вы видите надвигающееся съ горизонта какое-то бѣлесоватое низкое облако. Облако это быстро окутываетъ весь рейдъ и городъ. Оно или останавливается, задержанное высокими горами, окаймляющими побережье, на продолжительное время, или же быстро проходитъ вдоль горъ, напоминая какъ бы туманную, если можно такъ выразиться, метель, облизывающую своею влажною пылью (съѣдаетъ, какъ говорятъ здѣсь) поверхность горъ, дома и платье прохожихъ, и тогда такой туманъ кратковременный. Такіе туманы, къ сожалѣнію, весьма часты во Владивостокѣ и за $5^1/_2$ недѣль моего пребыванія въ этомъ городѣ, рѣдкій день мнѣ не приходилось слышать заунывнаго воя паровой сирены на входномъ маякѣ, предупреждающей въ туманное время суда о надлежащей осторожности. Но, въ свою очередь, не свободенъ отъ тумановъ и Портъ-Артуръ.

Ростъ Владивостока былъ бы гораздо значительнѣе, если бы, по общему отзыву мѣстныхъ жителей, условія жизни были нѣсколько иныя: здѣсь нѣтъ ни благодатнаго климата, ни роскошной поэтической обстановки, какъ на другихъ окраинахъ Россіи, напримѣръ, на Кавказѣ и въ Туркестанѣ, ни дешевизны—все сурово, и во всемъ недостатокъ и трудности. Дороговизна баснословная. Царствующій здѣсь духъ каторги и ссылки вѣнчаетъ тяжелое впечатлѣніе, и весьма многіе стремятся отсюда исключительно, чтобы освободиться отъ ежедневнаго созерцанія темной стороны человѣческой души.

Особенно тяжело отзываются условія здѣшней жизни на пріѣхавшихъ изъ Европейской Россіи людяхъ интеллигентнаго класса. Тоска по далекой родинѣ, гнетущее чувство одиночества и неудовлетворенныхъ духовныхъ потребностей, въ соединеніи съ непривычнымъ климатомъ, разстраиваютъ нервную систему и порождаютъ неодолимое желаніе уѣхать изъ края. Прибавьте къ этому почти ежедневныя убійства, совершаемыя, большею частью, бѣглыми каторжниками (на улицахъ Владивостока по ночамъ ходятъ военные патрули), а днемъ частыя погребальныя процессіи, кои, въ силу самаго расположенія

города (его растянутости), слѣдуютъ почти всѣ по его главной улицѣ (Свѣтланской),—и вы легко себѣ представите, что владивостокскому жителю живется далеко не сладко. Вотъ почему нигдѣ, кажется, не ищутъ забвенія въ винѣ въ такой мѣрѣ, какъ въ этомъ непривѣтливомъ городѣ. Здѣсь пьютъ вовсю съ утра и до поздней ночи, и кончаютъ или самоубійствомъ или сумасшествіемъ. Въ статьѣ „Положеніе гражданскихъ душевнобольныхъ во Владивостокѣ“ мы находимъ по сему поводу нѣсколько вѣскихъ указаній:

„Какъ ни прискорбно, говоритъ эта статья, но приходится отмѣтить слѣдующій фактъ. Здѣсь, въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, во главѣ съ Владивостокомъ, случаи душевныхъ заболѣваній констатируются довольно часто. Душевнобольные встрѣчаются, какъ среди гражданъ, такъ и среди военныхъ и моряковъ... Душевныя заболѣванія наблюдаются большею частью среди пріѣзжаго элемента. Почти всѣ пріѣзжающіе сюда на жительство—уроженцы Европейской Россіи. Попавъ въ этотъ туманный и сырой край, они не находятъ здѣсь того, что оставили дома—родины: тѣ же здѣсь русскіе люди, но какъ-то мало они похожи на тѣхъ, которые населяютъ русскіе города. Общественной жизни нѣтъ: все разбито на группы, преслѣдующія каждая отдѣльныя цѣли, имѣющія отдѣльные интересы. Общности между ними никакой. Примкнуть къ какой-нибудь изъ нихъ очень трудно, на новичка смотрятъ подозрительно. Развлеченій, бодрящихъ душу, нѣтъ. Пріѣзжій, присматриваясь, начинаетъ убѣждаться, что здѣсь главный жизненный девизъ: „сорвать и удрать“, и на немъ зиждется здѣшняя „борьба за существованіе“. Если онъ сумѣетъ усвоить этотъ девизъ, пристать къ такому движенію—онъ спасенъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ сдѣлается настоящимъ владивостокцемъ и забудетъ свою далекую родину. Не удастся это, не сможетъ человѣкъ—ему остается топить свободное время въ винѣ и картахъ, но не всѣ могутъ поступать такъ.

„И вотъ подъ вліяніемъ разочарованія (вѣдь многіе идутъ сюда, мечтая быть піонерами въ новомъ, еще неиспорченномъ краѣ), подъ давленіемъ все сильнѣе и сильнѣе угнетающей тоски по далекой родинѣ, бѣдный умъ начинаетъ мутиться, душа заболѣваетъ, и бѣднякъ, недавно полный силъ и радужныхъ надеждъ, или пускаетъ себѣ пулю въ лобъ, или сходитъ съ ума. Если заболѣвшій служитъ въ морскомъ или военномъ вѣдомствахъ, то ему есть еще надежда на выздоровленіе, его на казенный счетъ отправляютъ въ Европейскую Россію въ

спеціальныя психіатрическія заведенія для излѣченія. Гражданскіе больные лишены этого: для нихъ единственнымъ пріютомъ является мѣстная городская больница.

„Городская больница состоитъ всего изъ 2-хъ зданій: одно 2-хъ этажное, другое—одноэтажное. Первое и есть собственно больница; во второмъ ранѣе предполагалась баня, а теперь въ немъ помѣщаются душевно-больные. Оно уже переполнено ими, и ихъ уже начинаютъ помѣщать въ большой корпусъ. Какъ въ маленькомъ зданіи, такъ и въ большомъ, умалишенные лежатъ совмѣстно съ больными другими болѣзнями. Болѣе буйные, хотя и изолированы въ отдѣльныхъ комнатахъ, но все-таки стѣны этихъ комнатъ настолько тонки, что громкіе крики ихъ доходятъ и до другихъ больныхъ.

„Врачебная помощь сумасшедшимъ ограничивается только самыми простыми медицинскими успокоительными средствами. Врачи, при всемъ желаніи, ничѣмъ инымъ помочь имъ не могутъ, потому что сами ничего для этого не имѣютъ. Спеціалиста врача-психіатора нѣтъ, тогда какъ лѣченіе душевно-больныхъ именно требуетъ такого спеціалиста, который только имъ бы могъ посвятить все свое время. Больничная прислуга крайне недостаточна, чтобы достаточно бдительно слѣдить за умалишенными, къ тому же состоитъ она почти вся изъ китайцевъ (русскіе, по ограниченности жалованья, не уживаются), для которыхъ пожалуй и не совсѣмъ понятны страданія и муки душевнобольного“.

Послѣ необходимыхъ карантинныхъ формальностей у брандъвахты, мы тихо вошли въ Золотой Рогъ и черезъ нѣсколько минутъ пристали къ прекрасной, недавно только оконченной, пристани близъ складовъ Добровольнаго флота. Еще на пароходѣ меня предупреждали, что пріисканіе пристанища во Владивостокѣ сопряжено иногда съ громадными затрудненіями, такъ какъ гостиницъ весьма немного и въ періодъ разгара навигаціи онѣ бываютъ почти всегда биткомъ набиты. Посему первымъ шагомъ моимъ было броситься чуть-ли не бѣгомъ къ рекомендованной мнѣ гостиницѣ „Московское подворье“, гдѣ за сравнительно умѣренную плату можно было, какъ говорили, найти надлежащую чистоту и „европейскія“ удобства. Но по дорогѣ мнѣ попались навстрѣчу уже ранѣе меня успѣвшіе добѣжать туда сотоварищи по плаванію, сообщившіе, что въ этой гостиницѣ нѣтъ ни одного свободнаго нумера. Пришлось волей-неволей направиться къ считающейся здѣсь почему-то самою модною гостиницѣ „Тихій Океанъ“. За грязный, пыльный но-

меръ, обставленный, съ одной стороны, обтрепанною штофною мебелью, полусломанными китайскими шкафчиками и этажерками изъ чернаго дерева съ перламутровыми инкрустаціями и китайскими же вышитыми шелками ширмами, съ другой же, съ жалкимъ жестянымъ дырявымъ рукомойникомъ и старою, полусломанною двуспальною кроватью, посреди которой лежалъ односпальный убогій мочальный тюфячекъ — пришлось платить по 5 рублей въ сутки, не считая особой платы за самовары, постельное бѣлье, свѣчи и т. п. Контрастъ разительный съ тою гостиницею, гдѣ я только-что останавливался за двое сутокъ передъ симъ, въ Нагасакахъ. Здѣсь за тѣ же 5 руб. въ сутки у меня былъ чудный громадный номеръ, съ англійскою широкою мягкою постелью, роскошнымъ умывальнымъ мраморнымъ столомъ съ 2-мя рукомойниками, 4 кувшинами, 4 полотенцами, ванной съ холодной и теплой водой, постельнымъ бѣльемъ, электрическимъ освѣщеніемъ и полнымъ пансіономъ: утреннимъ чаемъ, утреннимъ завтракомъ, полуденнымъ, болѣе обильнымъ, завтракомъ, дневнымъ чаемъ, обѣдомъ изъ 10—12 блюдъ и вечернимъ чаемъ.

Если такъ хорошъ былъ мой номеръ въ „Тихомъ Океанѣ“, то еще лучше были его „прочія удобства“. Заключались они въ комнатѣ съ двумя дверями: одна дверь выходила на чердакъ, подъ крышей котораго спала китайская часть прислуги гостиницы, а другая — входная изъ корридора. Посреди комнатки 2 деревянныхъ, переносныхъ стульчака, чистота которыхъ не поддается никакому описанію. Крючковъ или замковъ ни у той, ни у другой двери не было. Остальное предоставляю воображенію читателей.

Гостиница эта перестроена изъ какого-то кафе-шантана, при чемъ владѣльцу ея въ свое время была дана, какъ говорятъ, правительственная субсидія 30.000 рублей. Нынѣ владѣлецъ, уплативъ субсидію обратно, рѣшилъ, что лучше будетъ возвратиться къ прежнему: приспособить при гостиницѣ театръ и строить при ресторанѣ „зимній садъ“.

Попробовавъ „отравы“ мѣстнаго ресторана, иначе выразиться не нахожу возможнымъ, я воспользовался любезнымъ разрѣшеніемъ капитана „Херсона“ и во все время стоянки сего послѣдняго во Владивостокѣ столовался въ ресторанѣ на пароходѣ, чѣмъ въ значительной степени обязанъ охраненіемъ своего желудка отъ жестокаго катарра. Дѣло въ томъ, что и во всѣхъ прочихъ ресторанахъ Владивостока, напримѣръ, въ мѣстномъ „Эрмитажѣ“ — „Золотомъ Якорѣ“ все готовится на маргаринѣ,

въ виду непомѣрной дороговизны масла (90 коп. чухонское и отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 50 к. сливочное). Коровъ здѣсь вообще почему-то крайне мало, несмотря на полную возможность держать скотъ, благодаря достаточному количеству пастбищъ. Цѣна на скотъ баснословная; такъ, ресторатеръ „Херсона“, купившій въ Одессѣ 4 коровы для продовольствія пассажировъ во время плаванія, продалъ ихъ во Владивостокѣ по цѣнѣ отъ 200 до 250 рублей. За маленькую творожную пасху, купленную въ мѣстной булочной, пришлось мнѣ заплатить 4 рубля. Въ соотвѣтствіи съ цѣной на молочные продукты находятся цѣны и на большинство прочихъ съѣстныхъ припасовъ. Мясо, кромѣ того, плохого качества. Мѣстныхъ овощей въ продажѣ нѣтъ, а привозимыя изъ Японіи также дороги (8 коп. огурецъ). Пиво 1 руб. за бутылку. Бутылка хорошей сельтерской воды 30 коп. и т. д.

Устроившись кое-какъ въ гостиницѣ, я отправился познакомиться съ городомъ. Была Великая Суббота, но ничто на улицахъ не предвѣщало близости Свѣтлаго Праздника, за исключеніемъ развѣ нѣсколькихъ убогихъ бумажныхъ фонариковъ, повѣшенныхъ на оградѣ мѣстнаго собора, къ слову сказать, чуть-ли не единственнаго храма на весь Владивостокъ, если не считать домовыхъ и небольшой церкви на оконечности сравнительно далекаго отъ города мыса Эгершельда. Зато обиліе кабаковъ, трактировъ и веселыхъ домовъ. Главная улица города „Свѣтланская“ исчезла въ облакахъ густой, ѣдкой пыли. (Пыль эта, какъ оказывается, настолько вредна для глазъ, что, по распоряженію начальства мѣстной женской гимназіи, гимназисткамъ рекомендуется носить на улицахъ вуалетки). Вдоль деревянныхъ, полупровалившихся уличныхъ тротуаровъ сидѣли кучками мѣстные „кули“: китайцы и корейцы съ деревянными носилками на спинахъ, на подобіе тѣхъ, на которыхъ таскаютъ у насъ кирпичъ, вѣчно повторяя одинъ и тотъ же вопросъ: „работа есть?“ Такой кули жадно ждетъ, когда его кто-нибудь наймeтъ для переноски той или другой тяжести. Что ему нести, ему рѣшительно все равно: такъ, въ первый день Пасхи, я видѣлъ подгулявшаго мастерового, нанявшаго корейскаго кули таскать себя на спинѣ по Свѣтланской улицѣ. Кули шелъ со своей ношей вдоль тротуара. Мастеровой же, сидя на его носилкахъ, игралъ на гармоніи, а рядомъ по тротуару шла его расфранченная жена, или подруга. Есть и маленькіе кули: дѣти отъ 8 до 12 лѣтъ. Ихъ употребляютъ преимущественно мѣстныя хозяйки, возвращающіяся съ базара. Количество китайскихъ и корейскихъ кули и манзъ (рабочихъ) исчислялось во Владивостокѣ въ мою

бытность до 17.000, при общей цифрѣ населенія въ 30.000. Почти всѣ кули—корейцы. Мастеровые, большинство мѣстной прислуги, приказчики въ китайскихъ лавкахъ и яличники—китайцы. Какъ-то странно видѣть, какъ китаецъ-„нянька“ носитъ на рукахъ или возитъ въ колясочкѣ ввѣреннаго его попеченію ребенка, но, судя по общему отзыву, такая нянька гораздо благонадежнѣе мѣстныхъ русскихъ женщинъ.

Роскошные магазины, принадлежащіе фирмамъ „Кунста и Альбертса“, „Чурина“ и др., множество китайскихъ лавокъ съ шелками, японскихъ съ дорогими издѣліями изъ слоновой кости и черепахи, даютъ во Владивостокѣ широкій просторъ желаніямъ каждаго даже болѣе стойкаго покупателя. Въ магазинахъ „Кунста и Альбертса“ и „Чурина“, устроенныхъ на манеръ нашего Мюра и Мерилиза, можно найти рѣшительно все, начиная отъ предметовъ первой необходимости и до вещей, стоящихъ нѣсколько сотъ рублей.

Весьма интересна судьба особенно первой изъ этихъ фирмъ: Кунстъ и Альбертсъ были въ свое время простыми нѣмецкими шкиперами. Нынѣ же они владѣютъ многочисленными собственными судами и заполонили почти весь Дальній Русскій Востокъ: кромѣ Владивостока, у нихъ имѣются отдѣленія еще въ Портъ-Артурѣ, Хабаровскѣ, Благовѣщенскѣ, Срѣтенскѣ и въ Харбинѣ—центрѣ Маньчжуріи и мѣстопребываніи управленія Маньчжурской дороги. Къ сожалѣнію, дороговизна ихъ товаровъ далеко не соотвѣтствуетъ качеству ихъ. Къ тому же почти всѣ товары исключительно нѣмецкихъ фабрикъ. Нѣкоторымъ противовѣсомъ этой фирмѣ является Чуринъ, конкуррирующій съ нею во Владивостокѣ, Портъ-Артурѣ и Благовѣщенскѣ, но цѣны и у Чурина достаточно высоки, при качествѣ товаровъ, уступающемъ, пожалуй, нѣмецкимъ фабрикантамъ. Нужно надѣяться, что найдутся въ недалекомъ будущемъ предпріимчивые люди, которые открытіемъ торговли доброкачественнымъ товаромъ убили бы на далекой окраинѣ незаконную монополію вышеозначенныхъ двухъ торговыхъ домовъ.

Иное дѣло китайскія и японскія лавки. Здѣсь во многихъ случаяхъ просто поражаешься дешевизной и доброкачественностью товаровъ. Особенно хороши шелковыя матеріи, шелковыя, шитыя шелками же, ширмы, шелковые платки и издѣлія изъ слоновой кости.

За 80 к.—1 р. 50 к. аршинъ можно получить великолѣпнѣйшее шелковое платье. За 2 р. 40 к.—дюжину тончайшихъ шелковыхъ носовыхъ платковъ. За 1 р. 80 к. шелковый, рас-

шитый шелками зонтикъ. Хороши также джутовые китайскіе самыхъ разнообразныхъ узоровъ ковры: маленькіе отъ 50 к. за штуку. Большіе (9 на 3 арш.): 10—12 руб. Ширмы въ 6 половинокъ можно получить цѣной отъ 6 р. 50 к. до 15 руб.

Весь этотъ товаръ идетъ сюда изъ Шанхая. Правда, приходится отчаянно торговаться, выходя и заходя обратно въ лавку по нѣсколько разъ. Китайскій продавецъ не сразу сдается, а спускаетъ чуть не по одной копѣйкѣ заразъ, прокладывая каждую сбавку глубокомысленно на своихъ особаго устройства счетахъ, но во всякомъ случаѣ онъ васъ меньше обманетъ, нежели нашъ русскій лавочникъ. Весьма изящны также издѣлія изъ слоновой кости: тонкая художественная работа дамскихъ вѣеровъ (отъ 5 до 30 руб. за штуку); изящныя шахматныя шкатулки, портсигары и вазочки—все это сравнительно очень дешево.

Въ японскихъ лавкахъ, наоборотъ, торговаться нельзя: вездѣ цѣны безъ запроса. Здѣсь преобладаютъ издѣлія изъ лакированнаго дерева, кожи и черепахи. Особенно дешевы чайные и сахарные ларчики (20 — 30 коп. за штуку); этажерки, столики, пано и т. д. Черепаха же сравнительно дорога. Весьма практичны также японскіе футляры (изъ кожи) для карманныхъ часовъ. Въ Москвѣ я не могъ найти нигдѣ такого футляра, здѣсь же пріобрѣлъ пару за 15 копѣекъ.

Но есть одинъ родъ китайскихъ лавокъ, куда европейцу никогда, пожалуй, не захочется заглянуть—это китайскія съѣстныя. Здѣсь передъ самою дверью на циновкѣ сушатся громадныя кучи черныхъ морскихъ червей. Это такъ называемые „трепанги“— одно изъ любимѣйшихъ китайскихъ лакомствъ. Червь этотъ, напоминающій своею формою короткую сигару, составляетъ предметъ милліонныхъ торговыхъ оборотовъ въ Китаѣ и Японіи на-ряду съ другимъ мѣстнымъ излюбленнымъ блюдомъ—морскою капустой. Изъ съѣстной, кромѣ всякихъ тяжелыхъ для европейскаго обонянія запаховъ, несется еще совершенно нестерпимый запахъ „черемши“ — особой породы чеснока, который составляетъ любимую приправу ѣды каждаго простого китайскаго рабочаго. Запахъ этотъ настолько ѣдокъ и постояненъ, что покушавшій черемши, какъ бы пропитывается ею, и вы за нѣсколько шаговъ съ закрытыми глазами можете предугадать присутствіе китайца-простолюдина.

Поинтересовавшись мѣстнымъ рынкомъ, я отправился къ западному углу Золоторожской бухты, гдѣ этотъ рынокъ расположенъ. Двѣ трети всѣхъ продавцовъ—китайцы, получающіе свой товаръ съ многочисленныхъ, причаленныхъ тутъ же къ

берегу джонокъ. Здѣсь вы видите рыбаковъ, продающихъ цѣлыми связками свѣженаловленную, весьма внушительныхъ размѣровъ, камбалу, или громадныхъ краббовъ. Есть также сельдь, ловящаяся у береговъ Сахалина. Но ея сравнительно немного, такъ какъ главное количество сельдей, а именно около 1.200.000 пудовъ, употребляется на приготовленіе изъ нея удобрительнаго тука, который отправляется въ Японію, гдѣ идетъ на унаваживаніе рисовыхъ полей. Тутъ же сидятъ китайскіе жестяники, въ самое короткое время изготовляющіе по вашему заказу любой величины жестяные и цинковые тазы, ведра, лохани и т. п. посуду. Китаецъ-жестяникъ замѣчательно честенъ: при заказѣ вы выдаете ему часть условленной платы впередъ, но, если исполненная работа вамъ почему бы то ни было не понравится, онъ безпрекословно или передѣлываетъ ее, или возвращаетъ вамъ задатокъ. Кокосовыя веревки, бамбуковыя плетеныя циновки, американская эмалированная посуда, огромныя лепешки-сыры изъ бобоваго жмыха; употребляемыя здѣсь для корма лошадей и скота: рисъ, ячмень, буда, бамбуковыя слеги, овощи, случайная старая мебель и т. д.—вотъ предметы торговли на здѣшнемъ рынкѣ. Тутъ же попались мнѣ два корейца: одинъ продавалъ двѣ весьма красивыя лисьи шкурки и просилъ по 1 р. 50 к. за шкурку; второй 5 соболиныхъ шкурокъ и отдавалъ ихъ за 50 руб., тогда какъ ему за нихъ болѣе 35 руб. никто не давалъ. Шкурки были, конечно, невыдѣланныя и не особенно темнаго соболя. Но за хорошую шкуру приходится и здѣсь платить не дешево, а именно — отъ 15 до 30 руб. за штуку, какъ въ виду трудности охоты на соболя, такъ и малаго количества этого звѣрка, почти поголовно уже истребленнаго въ сколько-нибудь доступныхъ мѣстахъ.

Отправившись послѣ осмотра рынка обѣдать на „Херсонъ“, я узналъ, что со стоявшаго рядомъ парохода Добровольнаго же флота „Ярославль“, на которомъ отправлялась партія ссыльно-каторжныхъ на Сахалинъ, въ предшествующую ночь бѣжали два особо-опасныхъ каторжника при слѣдующей обстановкѣ: наканунѣ, или дня за два до происшествія, раздавали каторжнымъ пожертвованную разными лицами одежду и, между прочимъ, синія блузы того же покроя, какой носятъ пароходные кочегары. Этимъ обстоятельствомъ и воспользовались оба бѣглеца: они одѣлись въ синія блузы, намазали себѣ лица и руки сажей и, раздвинувъ ночью два смежные прута рѣшетки арестантской каюты, выходившей на палубу, какимъ-то образомъ протиснулись черезъ образовавшееся уширеніе и осторожно по-

ползли по палубѣ, намѣреваясь пробраться къ носу судна и тамъ какъ-нибудь спуститься къ водѣ, гдѣ могли уже вплавь добраться до какого-нибудь изъ близко-стоявшихъ китайскихъ яликовъ. Дежурный вахтенный замѣтилъ ползшія въ темнотѣ по палубѣ фигуры и, вообразивъ по ихъ костюму, что это пароходные кочегары, пробиравшіеся къ женской половинѣ ссыльныхъ, помѣщавшейся въ носовой части судна, окликнувъ ихъ и разразившись бранью, приказалъ „убираться“. Тогда оба мнимые кочегара вскочили на ноги и преспокойно направились, по мостикамъ, соединявшимъ пароходъ съ пристанью, на берегъ. Одно крайне загадочно: возлѣ арестантскихъ каютъ день и ночь находится часовой.

Побѣгъ этотъ не преминулъ ознаменоваться началомъ цѣлаго ряда убійствъ, ибо оба бѣглеца принадлежали, какъ оказывается, къ разряду самыхъ опасныхъ рецидивистовъ: вскорѣ послѣ побѣга были убиты два китайца, затѣмъ случилось загадочное убійство американскаго агента Веллинга. Квартира несчастнаго примыкала къ наружной стѣнѣ моего нумера, и въ ночь убійства я внезапно былъ разбуженъ, какъ мнѣ показалось, какимъ-то крикомъ. Не отдавая себѣ полнаго отчета и думая, что крикъ этотъ—плодъ моего собственнаго воображенія, и, прислушавшись еще нѣкоторое время, заснулъ. Утромъ же мнѣ сообщили о звѣрскомъ убійствѣ несчастнаго Веллинга, чуть ли не буквально изрѣзаннаго на куски, что̀ заставляло предполагать отчаянную борьбу его со злодѣями. Спавшій въ одной изъ комнатъ его квартиры „бой“, то-есть китаецъ-слуга, какъ оказывается, ничего не слыхалъ и, несмотря на клятвенное увѣреніе въ своей невиновности, былъ арестованъ. При входѣ въ квартиру убитаго найдены 4 китайскія шапки. Но чрезвычайная симметрія, съ которой были брошены эти шапки и умышленная забывчивость убійцъ, по мнѣнію опытныхъ людей, съ достаточною очевидностью показывали, что убійцы отнюдь не китайцы.

Какъ бы то ни было, мѣстные старожилы предупреждали меня, что, ложась спать во Владивостокѣ, слѣдуетъ класть подъ подушку заряженный револьверъ, класть же оружіе на ночной столикъ они не рекомендуютъ, такъ какъ былъ-де у нихъ такой случай, когда одинъ обыватель, имѣвшій обыкновеніе располагать заряженный револьверъ рядомъ съ собою на такомъ столикѣ, былъ найденъ зарѣзаннымъ въ своей постели, а револьверъ переложеннымъ въ заряженномъ же видѣ въ той же комнатѣ на другое мѣсто. Кромѣ того, тѣ же обыватели реко-

мендовали не ходить, по возможности, одному, а тѣмъ болѣе невооруженному, позже 7 часовъ по городскимъ окраинамъ. Количество полицейскихъ здѣсь крайне ничтожно, и несмотря на помощь военныхъ ночныхъ патрулей, о которыхъ я уже упоминалъ выше, безопасность горожанъ далеко не обезпечена.

Этому легко повѣрить, если принять въ соображеніе, что во многочисленныхъ хибаркахъ, расположенныхъ въ примыкающихъ къ самому городу оврагахъ, ютится множество безпаспортнаго люда. По признанію мѣстной полиціи, нѣтъ рѣшительно никакой возможности въ точности узнать, сколько такого подозрительнаго люда: считаютъ, что около одной трети всего населенія Владивостока не прописано или прописано подъ чужими паспортами. Особенно трудно съ китайцами: въ виду крайняго взяточничества китайскихъ властей, обставляющихъ выдачу „заграничныхъ“ паспортовъ непосильною для большинства бѣдняковъ-рабочихъ данью, таковые рѣдко когда живутъ подъ своими паспортами, а покупаютъ по дешевой цѣнѣ разные подложные, съ каковыми и являются во Владивостокъ на заработки. Несомнѣнно, что вмѣстѣ съ такими рабочими весьма нерѣдко является и всякій отбросъ, между прочимъ, и представители знаменитыхъ китайскихъ „хунхузовъ“ (разбойниковъ).

Но главный контингентъ безпаспортныхъ безспорно бѣглые со сравнительно недалекаго Сахалина, имѣющіе, какъ оказывается, полную возможность, по мѣстнымъ условіямъ, долгое время безнаказанно скрываться во Владивостокскихъ предмѣстьяхъ.

Недолго продолжалось сравнительно хорошая погода: начался періодъ весеннихъ дождей, и резиновое пальто, зонтъ и высокіе сапоги сдѣлались волей-неволей моими ежедневными спутниками. Ходить въ такое время по владивостокскимъ улицамъ въ галошахъ далеко не всегда возможно: жидкая липкая грязь, цвѣта кофе, хорошо заправленнаго молокомъ, наполняетъ улицы во всю ширину. Деревянные, мѣстами уже прогнившіе мостки на вершокъ залѣплены тою же грязью, натасканною ногами пѣшеходовъ. Струйки, сбѣгающія со дворовъ и изъ водосточныхъ трубъ на тѣ же тротуары, заставляютъ прохожихъ ступать съ необходимою осторожностью въ отношеніи собственныхъ ногъ и платья. Гораздо опаснѣе переходъ черезъ улицу: осторожно опускаешь ногу въ грязь, и тотчасъ же чувствуешь, что галоша идетъ словно въ бездонную трясину. Въ то же время летитъ мимо васъ, обдавая съ головы до ногъ липкою грязью, экипажъ. Въ

отчаяніи вы рѣшаетесь, наконецъ, снова попытаться перебраться черезъ улицу, но опять чувствуете, что одна нога уходитъ куда-то глубоко, а другая неудержимо скользитъ. Тутъ вы уже не заботитесь больше о застрявшихъ въ пучинѣ галошахъ и, стараясь только „не выдернуть ногъ изъ сапогъ“, отчаянными прыжками перескакиваете на другую сторону улицы, при чемъ васъ напослѣдокъ обдаетъ новымъ потокомъ грязи проѣзжающій мимо извозчикъ. Картина эта нисколько не преувеличена, и слѣдуетъ отъ души радоваться, что въ недалекомъ будущемъ, по крайней мѣрѣ, по словамъ мѣстнаго городского архитектора, будетъ приступлено къ устройству отводныхъ лотковъ, тротуаровъ и образцовой мостовой, на первое время—на главной Свѣтланской улицѣ.

Не въ лучшемъ состояніи чѣмъ городскія улицы находится и городской пожарный обозъ: убогій видъ бочекъ и пожарныхъ насосовъ, особенно человѣка, привыкшаго къ образцовымъ московскимъ и петербургскимъ пожарнымъ средствамъ, просто поражаетъ. Вотъ почему и не удивительно, что при бывшихъ здѣсь въ мою бытность 2-хъ большихъ пожарахъ,— лѣсной биржи и большого двухъэтажнаго каменнаго дома, ничего съ огнемъ сдѣлать не могли, а оставили все догорать и отстаивали по возможности лишь сосѣднія строенія.

Весьма характерны обстоятельства пожара дома. Онъ былъ населенъ преимущественно японцами. Двое изъ нихъ повздорили. Въ дракѣ одинъ зарѣзалъ другого, бросился затѣмъ на чердакъ, поджегъ домъ, а затѣмъ повѣсился тутъ же на чердакѣ. Замѣчу, что по словамъ лицъ, знакомыхъ съ обоими этими японцами, они до внезапной ссоры вовсе не были врагами. Случай же только подтверждаетъ общераспространенное мнѣніе о крайней вспыльчивости японцевъ. Такая отрицательная черта характера искупается зато многими весьма симпатичными сторонами ихъ нрава, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ такъ просто удивительнымъ стоицизмомъ.

Мнѣ разсказывали, что лучшіе мѣстные массажисты—японцы, но всѣ они почти что слѣпые. Происходитъ это по нижеслѣдующей причинѣ: молодой японецъ, задумавшій сдѣлаться массажистомъ, поступаетъ сначала въ особую школу, гдѣ основательно знакомится съ анатоміей и всѣми практическими пріемами массажа. Когда курсъ пройденъ и надлежащій экзаменъ сданъ, массажисту надкалываютъ глаза такимъ образомъ, чтобы онъ едва-едва разбиралъ предметы, какъ бы сквозь какую-то пелену. Отъ такого ослабленія зрѣнія сильно развивается, какъ

оказывается, чувство осязанія, что безусловно необходимо для хорошаго массажа. И только послѣ такой мучительной операціи кандидатъ-массажистъ получаетъ надлежащій дипломъ. Одинъ знакомый, заболѣвшій во Владивостокѣ рецидивомъ ревматизма. пользовался у такого японскаго массажиста и разсказываетъ чудеса про его искусство.

Воспользовавшись временнымъ перерывомъ дождя, я отправился осмотрѣть положеніе работъ на пристани Маньчжурской жел. дороги. Дорога эта примыкаетъ къ Уссурійской казенной желѣзной дорогѣ на станціи „Никольскъ", въ разстояніи ста съ небольшимъ верстъ отъ Владивостока, но въ послѣднемъ у нея будетъ самостоятельная станція и пристань на оконечности мыса Эгершельда. Въ бытность мою были только вчернѣ проложены пути отъ товарной станціи Уссурійской жел. дороги до будущей станціи Маньчжурской. Здѣсь же сдѣлана была подготовка станціонной площадки съ довольно значительными земляными работами. На временной пристани той же дороги шла выгрузка рельсовъ, прибывающихъ на пароходахъ Добровольнаго флота, вагонныхъ осей, колесъ и портландскаго цемента. Послѣдній идетъ сюда изъ Новороссійска и здѣсь пересыпается, почему-то, китайскими и корейскими рабочими изъ малыхъ десятипудовыхъ бочекъ въ бочки большихъ размѣровъ. Со стороны Никольска, какъ оказывается, проложено было уже 110 верстъ новой дороги вплоть до границы съ Маньчжуріей. Грузы, слѣдующіе на постройку внутрь Маньчжуріи, перевозились по Уссурійской желѣзной дорогѣ до станціи Иманъ на р. Уссури, а оттуда сначала по р. Уссури, засимъ по Амуру направлялись на пароходахъ и баржахъ Общества Маньчжурской дороги до станицы Михайло-Семеновской, находящейся какъ разъ при впаденіи рѣки Сунгари въ Амуръ. Рѣкой Сунгари грузы эти слѣдовали на протяженіи около 700 верстъ уже по Маньчжуріи до города Харбина, мѣста пребыванія администраціи по постройкѣ дороги, откуда уже и распредѣлялись по всей линіи.

Возвращаясь съ Маньчжурской пристани по другому берегу Эгершельдскаго полуострова, я услыхалъ какіе-то заунывные однообразные вопли. Подойдя ближе, я увидѣлъ на самомъ берегу залива 14 корейцевъ, тянувшихъ какой-то канатъ, вдоль борта строящейся баржи, то въ одну, то въ другую сторону, сопровождая это движеніе вышеозначенными воплями. При ближайшемъ разсмотрѣніи ихъ работы оказалось, что всѣ эти 14 человѣкъ заняты сверленіемъ *одной* дыры, для которой у насъ понадобился бы всего одинъ только человѣкъ съ хорошимъ семи-

восьминнымъ буравомъ. Работу свою они вели такъ: старикъ-кореецъ держалъ, сильно надавливая, нѣчто въ родѣ бурава, насаженнаго на огромныхъ размѣровъ катушку. Вокругъ катушки намотанъ канатъ, за одинъ конецъ котораго тянуло 6 корейцевъ, а за другой 7. При видѣ такого удивительнаго способа работы, я невольно прыснулъ отъ смѣха. За мною засмѣялись и всѣ корейцы, за исключеніемъ старика, державшаго буравъ, который сердито забурчалъ что-то себѣ подъ носъ.

Неказиста природа, неказистъ народъ Владивостока, неказисты и убоги его развлеченія: музыка въ городскомъ саду по праздникамъ, гастроли убогой малорусской труппы въ какомъ-то сараѣ. Жалкій кафе-шантанъ „Италія“ на другомъ берегу Золоторожскаго залива—вотъ и всѣ наличныя удовольствія Владивостокцевъ, если не считать китайскаго театра. Театръ этотъ, устроенный мѣстнымъ подрядчикомъ Чинъ-шанъ-ли, работаетъ очень бойко. Труппа состоитъ вся изъ мужчинъ.

Въ день пріѣзда во Владивостокъ я заявилъ немедля о своемъ прибытіи главному инженеру (черезъ посредство мѣстнаго старшаго агента Китайско-Восточной дороги, завѣдывающаго судоходствомъ, тягою, движеніемъ и гужевымъ транспортомъ Китайской Восточной жел. дороги инженера С. М. Ваховскаго), живущаго въ городѣ Харбинѣ въ центрѣ Маньчжуріи. Инженеръ Ваховскій сообщилъ мнѣ, что никакихъ распоряженій о дальнѣйшемъ моемъ назначеніи у него нѣтъ, но что, въ бытность свою въ февралѣ с. г. въ Харбинѣ, онъ только слышалъ отъ главнаго инженера, что ожидаютъ меня.

Л. Н. Любимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Годы службы моей въ Варшавскомъ учебномъ округѣ.

(Воспоминанія педагога).

Служба въ Радомѣ [1]).

Съ назначеніемъ меня инспекторомъ Радомской гимназіи въ 1873 году окончилась моя шестилѣтняя служба въ Петроковской гимназіи и начались для меня новыя условія жизни и новая служба въ Радомѣ, длившаяся въ этомъ городѣ ровно 30 лѣтъ: сперва десять лѣтъ въ должности инспектора гимназіи и двадцать лѣтъ въ должности директора гимназіи. Такимъ образомъ 1873 годъ является для меня гранью въ моей жизни и служебной дѣятельности. Первыя семь лѣтъ моей службы въ Конинѣ, Калишѣ и Петроковѣ, въ годы ранней моей молодости, въ годы начала расцвѣта силъ, молодыхъ надеждъ, расцвѣта чувствъ дружбы, доброжелательства къ людямъ, въ счастливо складывавшейся для меня, особенно въ Петроковѣ, товарищеской средѣ, оставили во мнѣ только пріятныя воспоминанія и добрыя чувства къ пройденному мною поприщу жизни. До сихъ поръ я зналъ только одно свое дѣло—преподаваніе русскаго языка моимъ ученикамъ, имѣлъ одну только заботу—объ ихъ успѣхахъ въ этомъ предметѣ и одну только отвѣтственность,—и отвѣтственность за эти успѣхи. Другихъ заботъ и отвѣтственностей на мнѣ не лежало; класснаго наставничества въ то время еще не было, наблюденія и отвѣтственности за поведеніе учащихся учителя не несли. Правда, служба учительская, особенно преподавателя русскаго языка

[1]) См. „Русская Старина“, августъ 1913 г.

въ гимназіяхъ Варшавскаго учебнаго округа, была тяжела и утомительна, но цѣль дѣятельности и отвѣтственность преподавателя были опредѣленны, ясны и несложны. Не такой характеръ и иное уже значеніе имѣла дѣятельность инспектора, а тѣмъ болѣе директора гимназіи: съ дѣятельностью инспектора гимназіи неразрывно связана была отвѣтственность за поведеніе учащихся и дисциплину въ учебномъ заведеніи, а съ дѣятельностью директора гимназіи связаны заботы о благосостояніи учебнаго заведенія во всѣхъ отношеніяхъ и нравственная и служебная отвѣтственность за это благосостояніе. Тяжесть труда и отвѣтственность, связанная съ обоими этими должностями, усугублялись еще особыми, весьма неблагопріятными, условіями службы въ Царствѣ Польскомъ. Инспекторъ и директоръ гимназіи были блюстителями не только учебно-воспитательнаго и дисциплинарнаго дѣла въ заведеніи, но и правильности веденія учебнаго заведенія въ духѣ правительственныхъ предначертаній, и стражами, охраняющими учебное заведеніе отъ вторженія въ него антиправительственныхъ вліяній и враждебныхъ установленному режиму и направленію учебнаго заведенія внѣшнихъ воздѣйствій на учащихся. Вслѣдствіе этого дѣятельность инспектора и директора гимназіи требовала особенной внимательности и напряженности и не избавлена была отъ непріятныхъ столкновеній съ учащимися, ихъ родителями и представителями мѣстной администраціи и отъ непредвидѣнныхъ инцидентовъ, и особенно эта дѣятельность усложнилась въ восьмидесятыхъ и девятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда начало проявляться скрытое броженіе въ польскомъ обществѣ, обнаружившееся и на настроеніи учащихся, не говоря уже о первыхъ годахъ двадцатаго столѣтія, когда обнаружились въ польскомъ обществѣ всѣ признаки открытаго броженія, перешедшаго въ 1904—1905 году въ явное возмущеніе, отчасти напомнившее 1862—1863 годы. Надобно еще прибавить къ этому, что съ 1893 года въ гимназіяхъ Варшавскаго учебнаго округа начали открываться общежитія для учениковъ, съ которыми для учебнаго персонала гимназій, особенно для директоровъ и инспекторовъ, соединены были, кромѣ трудовъ и работъ учебно-воспитательнаго и дисциплинарнаго характера, заботы хозяйственныя и попеченіе о воспитанникахъ, ввѣренныхъ родителями гимназіи, отвѣтственность гимназіи за умственное и нравственное воспитаніе ихъ, а равно и за ихъ физическое развитіе и здоровье. Такая дѣятельность требовала не только напряженія всѣхъ силъ, но прямо самоот-

реченія: многоразличныя заботы объ учебномъ заведеніи и учащихся требовали огромной затраты силъ, энергіи, труда, поглощавшаго не менѣе 16—18 часовъ въ сутки, кромѣ того,—нравственнаго напряженія, безпокойства и часто волненій и даже потрясеній.

По возвращеніи съ Вѣнской выставки въ Петроковъ, я простился съ своими милыми товарищами и, послѣ скромнаго напутствія ими меня хлѣбомъ и солью, отправился къ мѣсту моего новаго служенія въ г. Радомъ, куда и прибылъ въ началѣ августа, такъ какъ пріемные экзамены въ то время начинались 3—15 августа.

Переѣздъ изъ Петрокова въ Радомъ не былъ особенно удобенъ и пріятенъ. Радомъ въ то время находился въ сторонѣ отъ желѣзныхъ дорогъ, онъ находился почти въ 100 верстахъ отъ Варшавы, и между Радомомъ и Варшавою циркулировали два раза въ день почтовые омнибусы. На пробѣгъ небольшого сравнительно пространства, въ 94 версты, омнибусы употребляли не менѣе 12 часовъ, а при неблагопріятныхъ условіяхъ, въ распутицу, весною и осенью, а также зимою во время глубокихъ снѣговъ, употребляли на этотъ пробѣгъ сутки, и даже болѣе сутокъ, при чемъ случались эпизоды въ родѣ поломки колесъ и осей. При такого рода сюрпризахъ пассажирамъ приходилось часто не только выходить изъ экипажа и идти пѣшкомъ, но и помогать ямщикамъ вытаскивать завязшій въ грязи омнибусъ допотопной конструкціи, съ которымъ не въ состояніи были справиться измученныя и довольно тощія почтовыя клячи; а если совокупныя усилія почтовыхъ клячъ, ямщиковъ и доброжелательность и услужливость почтовому вѣдомству пассажировъ не въ состояніи были сдвинуть экипажъ съ мѣста или происходила серьезная аварія, въ родѣ поломки колесъ и оси, то пассажиры спокойно влѣзали въ почтовый ковчегъ и дремали и даже оставались среди дороги на ночлегъ, до прибытія резервовъ и вспомогательныхъ силъ съ ближайшей почтовой станціи. Въ первое мое путешествіе изъ Варшавы въ Радомъ не произошло никакихъ аварій, но все же путешествіе не оставило во мнѣ пріятныхъ впечатлѣній. Не произвелъ впечатлѣнія и Радомъ.

Этотъ городъ принадлежалъ къ числу древнѣйшихъ городовъ Царства Польскаго. Основаніе Радома относится къ 1364 г. При раздѣленіи Царства Польскаго на воеводства, онъ былъ назначенъ сперва воеводскимъ, а потомъ губернскимъ городомъ; остался онъ губернскимъ городомъ и съ образованіемъ въ Цар-

ствѣ Польскомъ десяти губерній. По учебникамъ географіи Радомъ значится лежащимъ при сліяніи рѣкъ Млечной и Радомки. Дѣйствительно, оба эти ручейка существуютъ и даже нѣжно огибаютъ старый Саксонскій садъ, который вслѣдствіе этого кажется лежащимъ, какъ-бы на островѣ; но называть эти ручейки рѣками и даже рѣчками не будетъ соотвѣтственно природѣ ихъ, тѣмъ болѣе, что одна изъ нихъ,—Млечная присвоила себѣ никоимъ образомъ не могущее принадлежать ей наименованіе, такъ какъ она течетъ не млекомъ, а попадающими въ нее изъ городской канализаціи нечистотами, которыя отравляютъ ее, и она заражаетъ воздухъ до того, что старый тѣнистый Саксонскій садъ сдѣлался, благодаря сосѣдству рѣчки Млечной, непосѣщаемымъ публикою, и онъ стоитъ въ запустѣніи, а мѣстомъ прогулки городской публики служитъ новый садъ. Этотъ садъ устроенъ первымъ, послѣ раздѣленія Царства Польскаго на десять губерній, радомскимъ губернаторомъ Дмитріемъ Гавриловичемъ Анучинымъ. Въ первые годы своего существованія садъ не давалъ никакой тѣни и по справедливости носилъ названіе „Кристальнаго“, т.-е. прозрачнаго сада; даже въ годъ прибытія моего въ Радомъ онъ былъ еще очень молодъ; но онъ былъ великъ, прекрасно распланированъ, уходъ за нимъ былъ образцовый, вслѣдствіе этого онъ быстро разростался и въ настоящее время служитъ не только достопримѣчательностію Радома, но не уступаетъ по распланировкѣ, богатству растительности, варшавскому Саксонскому саду. На одной изъ уединенныхъ аллей Анучинымъ устроены искусственныя развалины замка королевы Боны; впослѣдствіи разведены въ саду чудныя клумбы цвѣтовъ и плантаціи розъ. Такъ какъ садъ обязанъ своимъ возникновеніемъ губернатору Анучину, то естественно, что городъ желалъ присвоить саду имя основателя его; но Анучинъ, по своей скромности, отъ этой чести уклонялся. Однажды, въ отсутствіе губернатора Анучина, члены ратуши города Радома, по иниціативѣ вице-губернатора Фрибеса, постановили назвать садъ „Анучинскимъ“, и просить согласія губернатора на присвоеніе саду его имени, и, не дожидаясь возвращенія губернатора изъ отпуска, заказали металлическую доску съ надписью рельефными буквами „Анучинскій садъ“ и таковую торжественно водрузили надъ входомъ въ садъ. Какой-то шутникъ ночью сбилъ на табличкѣ букву с и образовалась надпись: „Анучинскій адъ“. Отъ этого казуса городское управленіе переконфузилось, сняло табличку и уже болѣе не настаивало на присвоеніи саду имени основателя его,

и садъ слыветъ въ общежитіи подъ наименованіемъ „Новаго городского сада"; а напоминаніемъ о полезной для города дѣятельности губернатора Дмитрія Гавриловича Анучина служитъ присвоеніе одной изъ лучшихъ въ городѣ новыхъ улицъ, идущей параллельно саду, названія—„Дмитріевская улица".

Я нѣсколько уклонился отъ описанія внѣшняго вида города Радома. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ Радомъ былъ, несмотря на свою древность, довольно посредственнымъ городомъ. За исключеніемъ зданія губернскаго правленія, городской ратуши и по-Бернардинскаго костела, въ немъ не было выдающихся зданій, ни общественныхъ, ни частныхъ. Городъ ютился, главнымъ образомъ, въ старой своей части, на Валовой улицѣ и на Старомъ мѣстѣ. Вполнѣ застроенными улицами были: площадь, гдѣ находились гимназія и ратуша, и Рванская, очень узкая и невзрачная улица, застроенная, большею частію, трехъэтажными домами и на которой находится не представляющій изъ себя ничего интереснаго приходскій фарный костелъ. Параллельной Рванской улицѣ и площади Рынокъ была не вполнѣ застроенная и довольно обильная садами Московская улица, а перпендикулярной къ ней Варшавская улица, на которой находилось зданіе клуба съ залой, служившей для заѣзжихъ труппъ театровъ, съ миніатюрной и убогой сценкой. Продолженіемъ Рванской улицы, упиравшейся въ площадь, на которой находилась мраморная статуя Божіей Матери и бернардинскій костелъ, была самая лучшая въ Радомѣ улица—Люблинская, простиравшаяся до прекраснаго зданія губернскаго правленія, предъ которымъ и былъ разбитъ новый садъ; но Люблинская улица не вся была застроена: значительная часть ея была загорожена заборомъ, за которымъ шли огороды и даже хлѣбныя поля, такъ что городъ не лишенъ былъ сельскаго идиллическаго характера. Вообще городъ издавна имѣлъ наклонность ютиться въ старой своей части, за гимназію, на такъ называемомъ Старомъ Мѣстѣ. Во времена стародавнія мѣстность выше гимназіи находилась внѣ городской стѣны, такъ что отъ Старо-Краковской улицы гимназія примыкаетъ къ одному изъ крѣпостныхъ фортовъ, и стѣна этого форта послужила даже фундаментомъ для одного изъ гимназическихъ флигелей, вслѣдствіе чего стѣны въ этой части гимназическаго флигеля достигаютъ четырехъ съ половиною аршинъ ширины. Со стороны двора гимназія примыкаетъ къ Валовой улицѣ, на мѣстѣ которой въ былое время находился крѣпостной валъ. Этотъ раіонъ города, видимо, былъ главнымъ пунктомъ исторической жизни Радома. Подтвержденіемъ этого слу-

жатъ слѣдующіе факты, относящіеся къ топографіи гимназической территоріи. Когда во дворѣ гимназіи въ 1891 году строился обширный гимназическій залъ, то фундаменты пришлось углублять въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до семи аршинъ, при чемъ на глубинѣ трехъ аршинъ найдена была сплошная булыжная мостовая, положенная на болотистой почвѣ; ниже мостовой найдены остатки засыпаннаго колодца, водосточныхъ деревянныхъ жолобовъ и остатки сбруи и части скелета, безъ сомнѣнія, когда-то утонувшей въ этой мѣстности лошади. Существуетъ преданіе, что направленіе городу, отъ нижней, нездоровой мѣстности въ старой части его, къ болѣе возвышенной и болѣе здоровой мѣстности, въ сторону Люблинскаго шоссе, указано Императоромъ Александромъ I, который повелѣлъ построить присутственныя мѣста, нынѣ зданіе губернскаго правленія, почти въ верстѣ отъ черты тогдашняго города, вслѣдствіе чего городъ началъ застраиваться въ этотъ направленіи; но весьма медленно, такъ какъ еще въ восьмидесятыхъ годахъ, какъ было упомянуто выше, на Люблинской улицѣ находились пустопорожнія, огороженныя длинными заборами мѣста. Несмотря на то, что въ Радомѣ не было красивыхъ зданій и выдающихся улицъ, городъ этотъ не лишенъ былъ нѣкоторыхъ достоинствъ: на главныхъ улицахъ тротуары были мраморные. Близость кѣлецкихъ мраморныхъ каменоломень позволяла городу пользоваться этою роскошью; мостовыя были исправныя; на Люблинской и Валовой улицахъ Ануччинымъ была устроена канализація, которой въ то время не было еще даже въ Варшавѣ, вслѣдствіе чего города Царства Польскаго отличались неопрятнымъ видомъ и антисанитарными условіями жизни. Къ сожалѣнію, устроенная Ануччинымъ канализація не была окончена и прошла только по главной Люблинской улицѣ и по Валу, населенному евреями, который по скученности населенія, по антисанитарнымъ условіямъ жизни обитателей его и безпорядочности постройки домовъ, превосходитъ знаменитое Старое Мѣсто въ Варшавѣ.

Выше было упомянуто, что въ Радомѣ, за исключеніемъ зданія губернскаго правленія, не было выдающихся сооруженій. Послѣ губернскаго правленія, самымъ обширнымъ зданіемъ было зданіе мужской гимназіи, выходившее фронтомъ на три улицы: Рынокъ, Старо-Краковскую и Валовую. Зданіе это имѣетъ свою исторію: оно принадлежало монахамъ піарскаго ордена, посвятившаго себя образованію юношества, которые поселились въ Радомѣ въ 1682 году. На первыхъ порахъ піары

не имѣли въ Радомѣ ни костела, ни достаточнаго помѣщенія; но нѣкто Мартынъ Вонсовичъ изъ Смогоржева пожертвовалъ имъ значительные, по тогдашнему времени, капиталы и свои дома въ Радомѣ, которые были перестроены, соединены вмѣстѣ и образовали зданіе нынѣшней гимназіи. Часть зданія отъ Рынка нѣсколько разъ перестраивалась и приспособлялась къ нуждамъ учебнаго дѣла, а зданіе отъ Старо-Краковской улицы и флигеля отъ Валовой оставались въ томъ же видѣ, какъ были при піарахъ. Въ этой части зданія гимназіи отъ Старо-Краковской улицы были монастырскія келіи, почему самое зданіе имѣло присущій всѣмъ такимъ зданіямъ характеръ: широкій во всю длину зданія коридоръ, съ примыкающими къ нему небольшими келіями; въ коридорѣ и въ келіяхъ потолокъ былъ со сводами, стѣны массивныя. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ эта часть зданія пришла въ такую ветхость, что угрожала паденіемъ, почему учебное начальство, по требованію административныхъ властей, рѣшило ее снести и исходатайствовано было 800 р. на разборку зданія,—съ отдачею подрядчику матеріаловъ отъ скола его. По счастію, директору гимназіи В. Ѳ. Маркіановичу пришла въ голову практичная мысль: вмѣсто того, чтобы уплатить подрядчику 800 р. за разборку зданія, употребить эту сумму на ремонтъ его: устройство желѣзной крыши, вмѣсто грозившей паденіемъ черепичной крыши, и произвести необходимыя исправленія стѣнъ. Зданіе было исправлено и въ теченіе тридцатилѣтняго пребыванія моего въ Радомѣ стояло исправно и перестроивалось и приспособлялось для нуждъ гимназіи. Таково свойство старинныхъ построекъ, въ которыхъ стѣнная кладка, съ теченіемъ времени, обращается въ гранитъ и частичныя поврежденія въ зданіи не грозятъ его цѣлости.

При описаніи зданія Радомской гимназіи я не упомянулъ, что при ней находился пристроенный къ главному зданію со стороны двора довольно обширный костелъ. Зданіе костела, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, было передано на нужды учебнаго дѣла. Въ годъ прибытія моего въ Радомъ совершались еще богослуженія въ этомъ костелѣ, а находящійся на колокольнѣ небольшой колоколъ сзывалъ учащихся по утрамъ на уроки. Костелъ былъ небогатый и не выдающійся внутреннимъ убранствомъ; къ нему была пристроена ризница, въ которой хранились въ двухъ стеклянныхъ ящикахъ нетлѣнныя тѣла двухъ младенцевъ. Вся церковная утварь и принадлежности ризницы были переданы римско-католической духовной власти, а самый

костелъ раздѣленъ на два этажа; въ верхнемъ этажѣ устроенъ актовый залъ и библіотека, а въ нижнемъ этажѣ физическій кабинетъ и ученическая сборная. Ризница по ветхости и вслѣдствіе того, что она затемняла свѣтъ въ зданіи гимназіи, была разобрана. Зданіе гимназіи, несмотря на то, что оно нѣсколько разъ перестраивалось, не было вполнѣ приспособлено для нуждъ учебнаго дѣла. Въ большинствѣ классы были довольно помѣстительные и высокіе; классы отапливались, но коридоры были холодные, и ученики, выходя изъ душныхъ классовъ, простуживались. Вентиляція въ классахъ была неудовлетворительная, примитивная, посредствомъ форточекъ.

До 1883 года гимназіи Варшавскаго учебнаго округа не пользовались спеціальными средствами и эти средства шли въ казну, а отпускавшихся отъ казны 2.000 руб. на всѣ хозяйственные расходы, считая отопленіе, освѣщеніе, наемъ прислуги и проч., едва хватало на удовлетвореніе самыхъ необходимыхъ потребностей гимназіи и не могло быть и рѣчи о ремонтныхъ работахъ и приспособленіи зданія для нуждъ учебнаго дѣла. Съ 1883/84 уч. г., когда гимназіямъ были дарованы спеціальныя средства, явилась возможность производить и въ Радомской гимназіи необходимый ремонтъ и перестройки.

Покончивъ съ описаніемъ Радома и зданія Радомской мужской гимназіи, я, придерживаясь плана моихъ воспоминаній, долженъ охарактеризовать то общество, среди котораго мнѣ пришлось жить, педагогическій персоналъ Радомской гимназіи, господствовавшіе въ заведеніи порядки и отдѣльные эпизоды изъ моей служебной практики; но признаюсь, что изобразить все это въ извѣстной степени будетъ для меня крайне затруднительно въ виду продолжительности службы моей въ Радомѣ, обнимающей тридцатилѣтній періодъ времени съ 1873 по 1903 г. Въ теченіе этого періода времени предо мною прошла длинная галлерея лицъ, учебныхъ сплетенъ, отдѣльныхъ эпизодовъ, такъ что систематическое изложеніе всего пережитаго мною въ Радомѣ было бы слишкомъ утомительно, поэтому я коснусь только болѣе характерныхъ личностей и болѣе выдающихся фактовъ и эпизодовъ изъ моей практической дѣятельности и изъ окружавшей меня среды, не придерживаясь строго ни хронологической послѣдовательности, ни опредѣленной системы, и при томъ изложу болѣе или менѣе послѣдовательно только событія за время службы моей съ 1873 по 1883 годъ; изъ событій же за время съ 1883 по 1904 годъ выберу болѣе интересныя и изложу ихъ въ видѣ

отдѣльныхъ эпизодовъ, о чемъ будетъ болѣе подробно разъяснено въ надлежащемъ мѣстѣ.

Послѣ жизнерадостнаго Петроковскаго, преимущественно русскаго, общества, радомское общество произвело на меня удручающее впечатлѣніе, особенно въ первые годы моей службы, когда русское общество было очень малочисленно и когда нѣкоторыя учрежденія сплошь состоятъ изъ однихъ чиновниковъ польскаго происхожденія, какъ, напримѣръ, радомскій трибуналъ или столь обширное учрежденіе, какъ казенная палата, въ которой почти изъ 70 служащихъ былъ всего одинъ русскій чиновникъ, за исключеніемъ управляющаго палатою. Польское общество еще менѣе сходилось съ русскимъ, нежели въ Петроковѣ, и единственнымъ мѣстомъ, гдѣ сходились польское и русское общество, былъ обывательскій клубъ (Resursa Obywatelska), тѣмъ болѣе, что въ одномъ и томъ же зданіи помѣщались два собранія: военное собраніе и обывательскій клубъ, при чемъ одно собраніе занимало правое крыло зданія, а другое лѣвое, при общей залѣ, въ которой происходили торжественныя собранія, семейные вечера, а также спектакли заѣзжихъ труппъ, концерты и проч. Кромѣ общественнаго собранія, былъ еще одинъ семейный домъ, въ которомъ охотно и радушно принимали всѣхъ, кто желалъ познакомиться съ гостепріимными хозяевами этого дома—съ полковымъ командиромъ 26 пѣхотнаго Могилевскаго полка Станиславомъ Францевичемъ Карницкимъ и его супругою. Позднѣе, когда русскій чиновный міръ разросся, увеличилось число домовъ, болѣе или менѣе открытыхъ, но все же польское и русское общество сходились еще болѣе туго, нежели въ Петроковѣ. Въ теченіе моей службы въ Радомѣ я бывалъ только въ двухъ польскихъ домахъ, при чемъ и при такомъ ограниченномъ числѣ польскихъ домахъ, посѣщаемыхъ мною, не обошлось безъ курьеза. Однажды мнѣ пришлось быть въ одномъ домѣ, гдѣ въ числѣ гостей былъ ксендзъ Г—кій, человѣкъ очень преклоннаго возраста, считавшійся польскою знаменитостью, какъ мѣстный писатель-археологъ. Когда вошелъ въ залъ Г—кій, началось взаимное представленіе и хозяинъ назвалъ Г—ому мою фамилію. Услышавъ русскую фамилію, Г—кій, не ожидавшій появленія въ польскомъ домѣ москаля, выразилъ на своемъ лицѣ удивленіе настолько ясно, что хозяинъ замѣтилъ это и поспѣшилъ успокоить знатнаго гостя, шепнувъ ему на ухо: „Русскій, но очень хорошій человѣкъ (Rossianin, alex bardzo porzonpny czlowek), при чемъ въ виду того, что Г—кій былъ глуховатъ, эта аттестація была сказана настолько не очень тихо,

что я разслышалъ ее. Такія рекомендаціи не могли, конечно, способствовать сближенію польскаго и русскаго общества, тѣмъ болѣе, что появленіе русскаго гостя въ польскомъ обществѣ вызывало потребность употребленія въ разговорѣ русской рѣчи, такъ какъ многіе русскіе не говорили по-польски—одни по незнанію этого языка, другіе изъ принципа. Я, напримѣръ, изъ принципа никогда не говорилъ по-польски, ибо я понималъ, что моя задача, какъ учителя русскаго языка,—способствовать распространенію знакомства съ русскимъ языкомъ не только учащихся, но и всѣхъ лицъ, которыя будутъ со мною соприкасаться; но я никогда не относился къ осуществленію этого принципа фактически; даже въ бытность директоромъ гимназіи я принималъ словесныя объясненія со мною на польскомъ языкѣ и при отвѣтахъ старался говорить по-русски просто и доступно пониманію просителя. Но въ Радомѣ не всѣ русскіе чиновники придерживались этого принципа, очень многіе говорили съ амплобомъ по-польски, даже и въ то время, когда это вовсе не требовалось по характеру бесѣды. Въ Радомѣ, какъ было упомянуто выше, не было русскаго клуба, а былъ польскій обывательскій клубъ, большинство членовъ котораго и всѣ старшины клуба были поляки. Можно считать любезностью, если въ польскомъ клубѣ и среди польскаго кружка одинъ русскій будетъ говорить по-польски, но нельзя признать любезностью и даже тактичностью, когда при игрѣ въ карты трехъ русскихъ и одного поляка, при чемъ полякъ—молодой учитель гимназіи, окончившій русскій университетъ, а изъ трехъ русскихъ одинъ старый генералъ, начальникъ дивизіи, а два другихъ чиновныя лица, занимающія начальническіе посты,—этотъ одинъ полякъ говоритъ по-польски, а почтенные русскіе чиновники ради него коверкаютъ польскую рѣчь и говорятъ по-польски. Въ Петроковѣ такія явленія не практиковались. Кохановъ слѣдилъ за такими явленіями достаточно зорко. Возникающія на почвѣ языка явленія, а главнымъ образомъ интенсивность польскаго населенія Радомской губерніи, болѣе чуткаго въ отношеніи проявленія національныхъ чувствъ, нежели смѣшанное населеніе Петроковской губерніи, способствовали, конечно, въ сильной степени тому, что польское и русское общество жили совершенно разъединенно, да и русское общество было мало сплочено, такъ какъ не было такого объединяющаго общества административнаго лица, какимъ былъ для Петрокова Кохановъ.

Радомскій губернаторъ *Дмитрій Гавриловичъ Анучинъ* и по характеру, по уму и образованію былъ въ полномъ смыслѣ этого

слова кабинетный человѣкъ, очень скромный, любившій науку и предававшійся ученымъ занятіямъ и изслѣдованіямъ. Имъ составленъ весьма важный для науки трудъ: „Статистическій атласъ Царства Польскаго". Это огромныхъ размѣровъ фоліантъ, напечатанный въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ и мало доступный широкой публикѣ, какъ по своей спеціальности, такъ и по цѣнѣ, равнявшейся ста рублямъ. Кромѣ „Атласа", Анучинымъ напечатано значительное число статей, въ повременныхъ изданіяхъ, касающихся событій въ Царствѣ Польскомъ, участникомъ и свидѣтелемъ которыхъ былъ и онъ, какъ, напр., статья: „Закрытіе римско-католическихъ монастырей въ Царствѣ Польскомъ" и др. Свидѣтельствомъ любви Анучина къ наукѣ и литературѣ служила его довольно обширная библіотека, которую онъ, отправляясь на театръ военныхъ дѣйствій въ Турцію въ 1877—1878 г., роздалъ чиновникамъ своей канцеляріи. Въ отношеніи къ мѣстному польскому обществу онъ держался политики—не раздражать поляковъ слишкомъ рѣзкими проявленіями дѣйствій русскихъ административныхъ властей, сглаживать шероховатости и недоразумѣнія, возникающія при взаимныхъ столкновеніяхъ, и не относиться пренебрежительно къ губернской польской аристократіи. Вслѣдствіе такой политики Анучина, многіе русскіе шовинисты считали его чуть не полякующимъ; но мѣстное населеніе умѣло цѣнить такое отношеніе къ нему, и когда Анучинъ оставилъ постъ радомскаго губернатора для отправленія на театръ военныхъ дѣйствій въ Турцію, ему были устроены пышные проводы и торжественный прощальный обѣдъ, на который, кромѣ городскихъ представителей, съѣхалось польскихъ помѣщиковъ и магнатовъ такое количество, что многимъ пришлось отказать въ участіи въ обѣдѣ, такъ какъ помѣщеніе мѣстнаго клуба могло вмѣстить въ своихъ стѣнахъ только 240 человѣкъ за обѣденными столами. Представительности и помпы Анучинъ не любилъ: онъ рѣшительно не допускалъ поздравленій съ новымъ годомъ, праздникомъ Пасхи и семейными его праздниками и т. д., даже не практиковался обычай поздравленія его, какъ представителя высшей власти въ губерніи, съ высокоторжественными днями въ царскіе праздники, не было и посѣщенія имъ торжественныхъ царскихъ молебствій въ храмахъ инославныхъ исповѣданій; даже не практиковался, къ соблазну очень многихъ русскихъ людей, обычай приглашать въ Пасху на разговѣнье чиновниковъ и православныхъ обывателей города. Былъ у Анучина небольшой избранный кружокъ близкихъ лицъ, которыя собирались у него по воскресе-

ніямъ, но никакихъ большихъ собраній, баловъ и т. п. не бывало. Семейство его состояло изъ жены, женщины не молодой, и взрослой дочери, такъ же скромныхъ, какъ глава семьи, и двухъ сыновей, воспитывавшихся въ учебныхъ заведеніяхъ въ С.-Петербургѣ. Даже и въ то время, когда дочь Анучина, золотоволосая, но начавшая съ юношескихъ лѣтъ сѣдѣть, подобно отцу, Елизавета Дмитріевна Анучина была объявлена невѣстой одного офицера генеральнаго штаба, служившаго въ мѣстныхъ войскахъ, въ домѣ Анучина не было особеннаго оживленія. Все это, конечно, не могло способствовать оживленію и сближенію радомскаго общества.

Не внесъ оживленія въ радомское общество и преемникъ Анучина, губернаторъ *князь Василій Михайловичъ Долгоруковъ*, но при немъ общественная жизнь еще болѣе замерла: князь Долгоруковъ ни съ кѣмъ изъ радомскаго общества, кромѣ двухъ-трехъ русскихъ семействъ, не сходился; къ мѣстнымъ чиновникамъ, даже не подчиненныхъ ему вѣдомствъ, относился начальственно: когда однажды въ большомъ обществѣ предсѣдатель окружнаго суда, почтенный, но неосторожный на языкъ Э. Э. Вендрихъ вздумалъ порицать, въ присутствіи директора гимназіи Маркіановича, классическую систему образованія и слегка подшучивать надъ классиками и надъ самимъ Маркіановичемъ, какъ начальникомъ классической гимназіи, узнавшій объ этомъ инцидентѣ князь Долгоруковъ пригласилъ къ себѣ Вендриха и поставилъ ему на видъ, что онъ подрываетъ правительственную систему образованія, установленную Высочайше утвержденнымъ уставомъ классическихъ гимназій, роняетъ престижъ представителя русской власти въ учебномъ заведеніи, и дѣло раздулъ такъ, что оно дошло до свѣдѣнія генералъ-губернатора и приняло такой оборотъ, что Вендриху угрожалъ или переводъ изъ Радома или извиненіе предъ Маркіановичемъ. Вендрихъ предпочелъ послѣднее, и нашумѣвшее пустое дѣло уладилось благополучно для Вендриха; но показало ему кн. Долгорукова и его стремленіе держать въ подчиненіи себѣ чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ и во все вникать. Вообще князь Долгоруковъ старался держать себя высокомѣрно, а между тѣмъ въ интимномъ кругу и среди избраннаго общества онъ былъ необыкновенно простъ и милъ въ обращеніи. Что касается административной дѣятельности, то князь Долгоруковъ, кажется, думалъ, что онъ способенъ обрусить Радомскую губернію; но вся дѣятельность его свелась только къ тому, что при немъ, дѣйствительно, увеличилось число русскихъ чиновниковъ въ губерніи, особенно по мини-

стерству внутреннихъ дѣлъ, да держалъ онъ себя въ губерніи грозно, особенно въ отношеніи польскихъ чиновниковъ и мѣстныхъ польскихъ помѣщиковъ, не исключая и магнатовъ, которымъ онъ не позволялъ зазнаваться и игнорировать престижъ русской власти и правительственныхъ постановленій. По самой внѣшности своей князь Долгоруковъ способенъ былъ импонировать, а на подчиненныхъ нагонять страхъ и трепетъ: онъ имѣлъ важную и даже величественную осанку, былъ высокаго роста, рѣчь его отличалась отрывочностью и авторитетностью.

Хотя перемѣщеніе князя Долгорукова изъ Радома въ Екатеринославъ было нѣкоторымъ повышеніемъ, но пребываніе его въ Екатеринославѣ было непродолжительно, и представилась необходимость перемѣстить его изъ земской губерніи въ неземскую, Витебскую губернію, вслѣдствіе столкновенія его съ предводителемъ дворянства Екатеринославской губерніи Алексѣевымъ. Несмотря на то, что по прибытіи князя Долгорукова въ Екатеринославскую губернію, его встрѣчали торжественно, съ устройствомъ арокъ и поднесеніемъ хлѣба-соли, но онъ вскорѣ оттолкнулъ отъ себя представителей мѣстнаго чиновничества и мѣстнаго дворянства, къ которымъ онъ началъ относиться съ тѣмъ же режимомъ, какой практиковался имъ въ Радомѣ. Но здѣсь его встрѣтило разочарованіе. Дворянство не дало себя въ обиду и довольно громко выразило князю невниманіе къ нему. Когда въ теченіе сессіи дворянскаго собранія между княземъ и дворянами произошло нѣсколько столкновеній на почвѣ взаимныхъ отношеній губернатора и дворянства, то дворяне дали князю возможность наглядно убѣдиться въ игнорированіи ими его авторитета: они на послѣднемъ засѣданіи не встали съ своихъ мѣстъ при входѣ князя въ залъ Потемкинскаго дворца, гдѣ происходили собранія, и хотя князь отплатилъ имъ тѣмъ же— объявивъ сессію засѣданій закрытою, онъ вышелъ изъ залы, ни кому не поклонившись, о чемъ онъ разсказывалъ мнѣ, когда я гостилъ у него въ Екатеринославѣ; но все же не предводителю дворянства, а ему пришлось уступить и оставить Екатеринославъ.

Дѣятельность князя Долгорукова въ Радомѣ не ознаменована ничѣмъ особеннымъ, поэтому меня интересовало, какова была его дѣятельность въ Екатеринославѣ, какъ отнеслось къ нему мѣстное населеніе и какъ оно смотрѣло на его дѣятельность, и я вступалъ по этому поводу въ бесѣду съ различными слоями населенія, какъ при посѣщеніи Екатеринослава, въ бытность князя екатеринославскимъ губернаторомъ, такъ и позднѣе,

при поѣздкѣ на днѣпровскіе пороги. И отъ всѣхъ я встрѣчалъ самые лестные отзывы о его дѣятельности. Престарѣлый епископъ екатеринославскій разсказывалъ мнѣ, что только при Долгоруковѣ онъ можетъ спать спокойно, а раньше подъ окнами его квартиры происходили постоянныя драки, крики и пѣсни (квартира его была въ нижнемъ этажѣ). Всѣ единогласно жаловались на страшное воровство въ городѣ, грабежъ на улицахъ, а еще болѣе на возмутительный грабежъ полиціи, взяточничество чиновниковъ. До князя Долгорукова губернія была распущена. Долгоруковъ принялъ строгія и рѣшительныя мѣры противъ уличныхъ грабежей: весь городъ былъ раздѣленъ на участки, на всѣхъ углахъ улицъ, на опредѣленныхъ пунктахъ, установлены были ночныя дежурства полицейскихъ и дворниковъ, для чего на углахъ улицъ помѣщены были таблицы съ обозначеніемъ часовъ дежурства, номера поста и дежурнаго сторожа. Дежурства ночныхъ сторожей и полиціи, и правильность отбыванія ихъ повѣрялъ иногда и самъ князь. Разсказывали, что для этой цѣли онъ иногда переодѣвался, обходилъ городъ и посѣщалъ съ своей свитой сомнительныя въ какомъ-либо отношеніи мѣста, и что однажды было столкновеніе его свиты съ мѣстными хулиганами. Особенно крутыя мѣры предприняты были имъ противъ поборовъ полиціи; обыватели, особенно крестьяне и торговцы, съ признательностью къ князю разсказывали, что при немъ они были избавлены отъ притѣсненій полиціи. Всѣ сожалѣли, когда князь былъ переведенъ въ Витебскъ.

Коснувшись вопроса о томъ, что радомскіе губернаторы Анучинъ и князь Долгоруковъ не внесли оживленія въ радомское общество, я нѣсколько уклонился въ сторону, занявшись характеристикою князя Долгорукова. Продолжаю намѣченную тему. Изъ шести радомскихъ губернаторовъ, моего времени, только губернаторъ М. А. Майневскій съ своей милою, гостепріимною женою Маріей Львовной, не избѣгали открытаго образа жизни и устраивали большіе пріемы и балы, да еще губернаторъ Иванъ Григорьевичъ Подгородниковъ, время отъ времени, устраивалъ званые обѣды, на которые, впрочемъ, былъ приглашаемъ избранный кружокъ представителей мѣстной администраціи.

Вице-губернаторъ, служившій при Анучинѣ и кн. Долгоруковѣ, Александръ Викентьевичъ Фрибесъ, полякъ по происхожденію, но женатый на русской, тоже не могъ содѣйствовать сближенію и оживленію общества; но этотъ послѣдній уже не по своему характеру, жизнерадостному и галантному, но часто

по семейнымъ обстоятельствамъ: жена его, женщина не молодая, была предана ученымъ занятіямъ, мало оставлявшимъ ей свободнаго времени не только для пріемовъ, но и для надзора за собственнымъ, довольно многочисленнымъ семействомъ. Одна изъ дочерей ея превзошла мать если не въ учености, то въ литературномъ талантѣ, и еще, будучи молодою дѣвицею, во время службы ея отца въ Радомѣ, написала романъ, въ которомъ были выведены типы изъ мѣстнаго чиновничества; судьба этого романа mademoiselle Фребесъ мнѣ не извѣстна; но впослѣдствіи она, въ бытность въ Петербургѣ, послѣ смерти отца, проявила литературный талантъ и писала и подъ псевдонимомъ И. А. Даниловъ; одну изъ повѣстей своихъ: „У тихой пристани“ она препроводила мнѣ, при собственноручной надписи.

Къ представителямъ мѣстнаго общества принадлежалъ еще начальникъ артиллерійской бригады генералъ-маіоръ И. К. Поставскій, собиравшій у себя небольшой кружокъ, преимущественно военное общество. Душою обширнаго круга знакомыхъ былъ военный священникъ Николай Матвѣевичъ Павловъ. Будучи вдовымъ священникомъ и одинокимъ, онъ, конечно, сильно скучалъ и весьма охотно бывалъ въ обществѣ и радушно принималъ у себя, время отъ времени, своихъ сослуживцевъ и друзей. Отецъ Павловъ былъ человѣкъ безкорыстный. Онъ готовъ былъ отдать просящему у него послѣднюю копейку. Когда однажды одинъ изъ сослуживцевъ его по воинской части просилъ его одолжить ему для покрытія растраты, на время ревизіи, 750 р., то Павловъ, имѣя всего 710 рублей денегъ, отдалъ просившему у него 700 р., оставилъ себѣ на расходы 10 р. и очень извинялся, что не можетъ больше дать. Когда же одолжившій у о. Павлова деньги объ отдачѣ ихъ забылъ и никогда не вспоминалъ о долгѣ и за тѣмъ нѣсколько лѣтъ спустя былъ въ Петербургѣ, гдѣ въ то время находился на службѣ отецъ Павловъ, и не посѣтилъ его, то Павловъ очень былъ огорченъ этимъ и съ сожалѣніемъ разсказывалъ, какой N не добрый человѣкъ, былъ въ Петербургѣ и не зашелъ къ нему повидаться; что ему долгъ не нуженъ, а ему пріятно было бы повидаться съ прежнимъ сослуживцемъ, закусить, побесѣдовать и сыграть пульку.

Но, будучи самъ безкорыстнымъ, отецъ Николай не терпѣлъ хищничества, казнокрадства и, не стѣсняясь, громко поносилъ виновныхъ. Въ войсковой части, гдѣ служилъ Павловъ, соблюдалась въ нѣкоторыхъ случаяхъ большая экономія и, изъ корыстныхъ видовъ, умершихъ солдатъ клали въ гробъ безъ уста-

новленнаго комплекта одежды, прикрывъ покойника грубымъ полотномъ. Когда однажды, во время отпѣванія солдата, въ церковь зашелъ начальникъ войсковой части умершаго, то о. Павловъ, отдернувши покрывало, обращаясь къ командиру, сказалъ громко: „А солдатикъ-то такъ и предстанетъ предъ Господомъ Богомъ голенькій"! Въ войсковой части, гдѣ служилъ Павловъ, было нѣсколько случаевъ денежныхъ злоупотребленій. Застрѣлился, вслѣдствіе денежной растраты, казначей Шихунъ.

Заговоривъ о растратѣ и злоупотребленіяхъ, разскажу,—хотя все изложенное не будетъ находиться въ хронологической послѣдовательности,—разыгравшійся въ Радомѣ громкій процессъ Микишева. Процессъ этотъ касался злоупотребленій при пріемѣ новобранцевъ. Злоупотребленія исходили изъ двухъ, такъ сказать, лагерей: изъ присутствія по воинской повинности и отъ дѣлопроизводителя канцеляріи воинскаго губернскаго начальника. Въ первомъ лагерѣ орудовала, при посредствѣ факторовъ еврейчиковъ, жена одного изъ членовъ присутствія по воинской повинности, во второмъ лагерѣ—дѣлопроизводитель канцеляріи воинскаго начальника Микишевъ. Первая процедура велась такъ искусно и скрытно, что дѣянія лицъ этого лагеря не были разоблачены и не сдѣлались предметомъ судебнаго разбирательства. Здѣсь процедура велась такимъ не хитрымъ способомъ: кто желалъ откупиться отъ воинской повинности, тотъ преподносилъ женѣ упомянутаго выше члена присутствія по воинской повинности подлежащую мзду. Сія дама выдавала просителю, если онъ былъ христіанскаго исповѣданія, извѣстной формы тѣльный крестикъ, а если не христіанскаго—условленнаго цвѣта и формы ленточку на шею съ какимъ-нибудь амулетомъ. Члены присутствія понимали значеніе этихъ эмблемъ и когда начиналось медицинское освидѣтельствованіе новобранца, врачи находили у кандидата множество тѣлесныхъ недостатковъ—и порокъ сердца, и глухоту, и слабость зрѣнія, и проч. болѣзни, препятствующія несенію военной службы, признавали его негоднымъ и освобождали отъ нея. Такія освобожденія производились не часто, но за то мѣтко: приношенія требовались солидныя. Мзда дѣлилась между всѣми солидарными между собою участниками этой операціи.

Дѣлопроизводитель Радомскаго воинскаго губернскаго начальника Микишевъ дѣйствовалъ единолично и, хотя задуманная имъ махинація была очень остроумна, но не могла не обнаружиться, ибо основывалась на письменныхъ документахъ. Существуетъ законъ, что если новобранецъ, имѣющій право поль-

зоваться освобожденіемъ отъ военной службы, взятъ ошибочно, то воинскій начальникъ того присутствія, которое неправильно взяло новобранца, имѣетъ право, по обнаруженіи ошибки, обратиться къ начальнику той воинской части, въ которую неправильно взятый новобранецъ зачисленъ, съ просьбою о возвращеніи такого новобранца въ первобытное состояніе, т.-е., объ освобожденіи его отъ военной службы. Ухватившись за этотъ законъ, Микишевъ задумалъ пойти по стопамъ Чичикова и началъ не покупать, по примѣру Гоголевскаго героя, мертвыя души, а продавать за крупные куши настоящія живыя души солдатиковъ, которые имѣли возможность и средства откупиться отъ военной службы. Обстоятельства для совершенія такой операціи были для Микишева весьма благопріятны: онъ сумѣлъ войти въ довѣріе радомскаго воинскаго начальника полковника Е. Полковникъ Е. былъ человѣкъ честный, но крайне довѣрчивый и слабаго характера. Судьба была немилостива къ нему и посылала ему страшныя испытанія. Онъ былъ Радомскій Іовъ. Въ одинъ годъ погибло двое дѣтей его самою неожиданною и трагическою смертью: сынъ кадетъ, возвращаясь на каникулы къ родителямъ по желѣзной дорогѣ, вышелъ на площадку вагона, свалился съ нея и былъ раздавленъ поѣздомъ на смерть; вмѣсто сына родителямъ доставили въ Радомъ безформенную массу. Страшно убитые горемъ Е—іе, похоронивъ сына, выѣхали на дачу вблизи Радома. Старшая дочь Е—ихъ ежедневно купалась въ рѣчкѣ. Въ одинъ злополучный день, въ виду пасмурной погоды, дочери не хотѣлось идти купаться, но мать настояла, чтобы она не пропускала купанья и шла бы купаться.

Барышня Е. вмѣстѣ съ двумя подругами отправилась купаться. Дѣвицы, взявшись за руки, всѣ трое вошли въ рѣчку, дошли до средины ея, попали на глубокое мѣсто и начали тонуть; двѣ подруги Е—ской спаслись, а она пошла ко дну и родителямъ снова доставили бездыханный трупъ дочери. Эти несчастія, конечно, нравственно потрясли Е., онъ сдѣлался при своемъ довѣрчивомъ и слабомъ характерѣ еще болѣе довѣрчивымъ и апатичнымъ и отдался въ руки дѣлопроизводителя до того, что не только предоставилъ ему полученіе и распечатываніе почты, но и напередъ подписывалъ десятки бланковъ для текущаго дѣлопроизводства. Эти-то бланки, за подписью воинскаго начальника, и дали Микишеву возможность осуществить задуманную имъ операцію продажи живыхъ душъ. Желая освободить отъ воинской службы хорошо оплаченнаго

солдатика, онъ писалъ отъ имени воинскаго начальника командиру воинской части, расположенной гдѣ, нибудь въ Архангельскѣ или Вяткѣ, что находящійся во ввѣренномъ его высокоблагородію полку нижній чинъ такой то, какъ явствуетъ изъ представленныхъ ему, Радомскому воинскому начальнику документовъ, взятъ въ военную службу ошибочно и, на основаніи такой-то статьи, такого-то распоряженія, подлежитъ возвращенію въ первобытное состояніе. Воинскій чинъ возвращался, и къ Микишеву съ секретнѣйшимъ ходатайствомъ обращались новые просители, подносили обильную мзду и благополучно были возвращаемы въ домашніе пенаты.

Такъ дѣло продолжалось нѣсколько лѣтъ. Микишевъ, человѣкъ вдовый, имѣвшій дѣтей, проводилъ вечера въ клубѣ, игралъ въ карты, проигрывалъ иногда довольно порядочные куши, но его партнеры съ удовольствіемъ клали въ карманы выигрыши, не доискиваясь, изъ какихъ средствъ Микишевъ проигрываетъ. Время отъ времени Микишевъ дѣлалъ пріемы, съ обильнымъ угощеніемъ, особенно въ именины, празднованіе которыхъ у него продолжалось два дня подъ рядъ. На именинахъ у Микишева бывалъ почти весь городъ. Одинъ разъ у Микишева былъ и я. Меня поразилъ прекрасный ужинъ, хорошія вина, особенно обиліе закусокъ и икры. Икры на столахъ стояло въ вазахъ около десяти-пятнадцати фунтовъ, а такъ какъ въ Радомѣ хорошая икра продавалась рублей по 6—7 фунтъ, то стоила около ста рублей. Во время ужина, сидя рядомъ съ жандармскимъ полковникомъ, я выразилъ предъ нимъ удивленіе, изъ какихъ средствъ Микишевъ имѣетъ возможность устраивать пріемы. Жандармскій полковникъ отвѣтилъ мнѣ, что у Микишева есть безгрѣшные доходы, о которыхъ извѣстно и ему, и другимъ властямъ, но всѣ на эти доходы смотрятъ сквозь пальцы, какъ на дѣло, не приносящее правительству ущерба, и разсказалъ мнѣ слѣдующую легенду: новобранцы, уроженцы Царства Польскаго, не оставляются въ полкахъ, расположенныхъ въ Имперіи. Для государства безразлично, будетъ ли Иванъ служить въ Минскѣ или Архангельскѣ и Кутаисѣ, но для новобранцевъ и ихъ родственниковъ это не всегда безразлично, поэтому родные часто просятъ о назначеніи новобранца въ извѣстную воинскую часть или для совмѣстнаго служенія въ полку съ земляками или по другимъ уважительнымъ причинамъ. Микишевъ оказываетъ просителямъ услуги исполненіемъ ихъ просьбы, и за это его, конечно, благодарили.

Эта легенда показалась мнѣ правдоподобной, тѣмъ болѣе, что мнѣ были извѣстны и другіе аналогичные случаи безгрѣшныхъ доходовъ въ воинскихъ частяхъ, отъ которыхъ казна не терпѣла никакого ущерба. Еще изъ петроковской жизни мнѣ былъ извѣстенъ слѣдующій случай, о которомъ разсказывалъ мнѣ командиръ расположеннаго въ Петроковѣ казачьяго полка С. Казачьи полки въ Царствѣ Польскомъ не пользовались симпатіями мѣстнаго общества; даже расположенныя въ этомъ же городѣ, гдѣ квартировали казаки, другія воинскія части, пѣхота и артиллерія, не особенно сближались съ казаками, и они жили очень изолированно, преимущественно своею семьею. Особенно тяжело было положеніе холостыхъ офицеровъ, поэтому командиромъ С. былъ заведенъ порядокъ, что холостые офицеры ежедневно обѣдали у него и почти ежедневно вся казачья семья собиралась у него по вечерамъ. На пріемы, хотя и очень скромные, нужны были средства, а жалованье командира казачьяго полка было небольшое, да и при томъ у С. было большое семейство. Въ объясненіе своего матеріальнаго положенія и сопряженныхъ съ его постомъ расходовъ, полковникъ С. разсказывалъ мнѣ, въ присутствіи другихъ гостей, что пріемы онъ дѣлаетъ не изъ жалованья, но изъ казенныхъ средствъ, которыя онъ у казны не крадетъ, но которыя умѣетъ съэкономить хозяйственнымъ способомъ. Вмѣсто того, чтобы пріобрѣтать для лошадей сѣно съ торговъ, чрезъ подрядчиковъ, онъ закупалъ у помѣщиковъ траву на корнѣ, солдаты косили сѣно, получая установленное дневное вознагражденіе, сѣно свозилось на казенныхъ лошадяхъ, и это давало полку большое сбереженіе, которое, при другихъ порядкахъ, служило бы къ обогащенію подрядчиковъ и поставщиковъ, а при заведенныхъ имъ порядкахъ эта экономія оставалась въ полку и тратилась имъ на пріемы членовъ полка, и не приносила казнѣ никакого ущерба, такъ какъ пріобрѣтаемое экономическимъ способомъ сѣно обходилось казнѣ по справочнымъ цѣнамъ. Мнѣ извѣстно было, что и въ Радомѣ такой же порядокъ практиковался командиромъ одной изъ расположенныхъ въ этомъ городѣ батарей. Вотъ почему разсказанная мнѣ жандармскимъ полковникомъ легенда о безгрѣшныхъ и безвредныхъ для казны доходахъ Микишева показалась мнѣ правдоподобной. Впрочемъ, я выразилъ жандармскому полковнику мысль, что хотя доходы Микишева безгрѣшны и для казны безвредны, но они не вполнѣ справедливы для новобранцевъ, такъ какъ, при практикуемомъ Микишевымъ способѣ распредѣленія новобранцевъ, Иванову, напримѣръ, можетъ

выпасть доля идти въ холодный Архангельскъ или лихорадочный Поти, тогда какъ при другомъ распредѣленіи новобранцевъ на долю его могла выпасть болѣе благопріятная для него стоянка. Не знаю, былъ ли жандармскій полковникъ убѣжденъ въ правдоподобіи разсказанной мнѣ легенды о Микишевѣ. Мнѣ извѣстно нѣсколько случаевъ замаскированной взятки въ видѣ крупнаго проигрыша въ карты. Какъ бы то ни было, созданная о безгрѣшности доходовъ Микишева легенда охраняла его ореолъ и до поры до времени дѣлала его личность, если и небезупречною, то неприкосновенною. А между тѣмъ освобожденіе солдатиковъ изъ разныхъ полковъ шло своимъ чередомъ и обошло чуть ли не всѣ воинскія части Россійской Имперіи, благодаря напередъ подписываемымъ Ермолинскимъ бланкамъ.

Дѣло это вскорѣ изъ секретнѣйшаго сдѣлалось только секретнымъ, а за тѣмъ только не вполнѣ гласнымъ и начало распалять страсти охотниковъ освободиться отъ отбыванія воинской повинности путемъ возвращенія въ первобытное состояніе за надлежащую мзду. Дошло до того, что нѣкоторые смѣльчаки, особенно евреи, начали являться къ Микишеву и требовать освобожденія отъ воинской повинности, угрожая доносомъ начальству. Запуганный Микишевъ освобождалъ смѣльчаковъ безъ всякой мзды и даже одному нахальному еврею заплатилъ 800 р. за то только, чтобы онъ не подавалъ доноса о его злоупотребленіяхъ. Положеніе Микишева становилось трагическимъ. Наконецъ грянулъ громъ. Какъ ни тщательно Микишевъ пряталъ, при полученіи и распечатываніи почты, непріятные для него конверты начальниковъ воинскихъ частей съ запросами по дѣламъ освобожденія новобранцевъ, но одинъ такой непріятный конвертъ попалъ въ руки полковника Ермолинскаго; начались справки, идѣло обнаружилось. Слѣдствіемъ его былъ громкій на всю Россію процессъ, на которомъ выяснилось, что за время своего хозяйничанія у воинскаго начальника Ермолинскаго Микишевымъ было освобождено свыше 100 новобранцевъ. Хотя съ возникновеніемъ въ заинтересованныхъ сферахъ слуховъ о злоупотребленіяхъ Микишева, ему часто приходилось освобождать не только безмездно, но иногда еще и съ приплатою отступного за молчаніе, какъ упомянуто было выше, но въ болѣе счастливые годы ему удавалось получать за новобранца и по тысячѣ рублей. Судъ присудилъ Микишева къ поселенію въ Сибири; но тѣ, которые встрѣчались съ нимъ въ Сибири впослѣдствіи, говорили, что ему жилось на поселеніи не хуже, чѣмъ въ Радомѣ. Нѣкоторые объясняли обезпеченное благосо-

стояніе Микишева въ Сибири тѣмъ, что, зная языки, онъ удачно гдѣ то пристроился, но другіе, болѣе недовѣрчивые люди, утверждали, что въ бытность въ Сибири онъ продолжалъ получать изъ Радома субсидіи изъ тѣхъ капиталовъ, которые образовались отъ освобожденія новобранцевъ отъ воинской повинности при посредствѣ крестиковъ и другихъ условленныхъ эмблемъ, надѣвавшихся на шею новобранцевъ, предъ освидѣльствованіемъ ихъ въ воинскомъ присутствіи.

Разсказами о случаяхъ не вполнѣ безкорыстной службы нѣкоторыхъ чиновниковъ въ г. Радомѣ я обрисовалъ одну изъ чертъ радомскаго общества. Прибавлю еще нѣкоторыя черты.

Въ радомскомъ обществѣ меня сильно поражало отсутствіе, не говорю уже идеаловъ и высокихъ стремленій, но сколько-нибудь осмысленныхъ чувствъ и порывовъ. Въ средѣ чиновниковъ рѣдко наблюдалось осмысленное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, разумная дѣятельность, направленная къ истинному благу того учрежденія, гдѣ чиновникъ служилъ, и желанія принести дѣйствительную пользу дѣлу: Чаще наблюдалось отношеніе къ дѣлу поверхностное, лишь бы исполнить только предписаніе и требованіе начальства. Наблюдались случаи чисто формальнаго отношенія къ дѣлу: отписаться или обозначить не только требуемое правилами число засѣданій или собраній, но даже и большее, чтобы выставить свою дѣятельность и усердіе. Затѣмъ внѣ служебныхъ часовъ и присутственнаго мѣста ввѣренное каждому чиновнику дѣло не только никого не интересовало, но и напоминаніе о немъ или объ относящихся къ нему эпизодахъ, хотя бы и интересныхъ, если они не были анекдотическаго и пикантнаго свойства, вызывало не только нерасположеніе, но и неудовольствіе, и было какъ бы нарушеніемъ пріятнаго отдохновенія чиновника отъ надоѣвшихъ ему дѣлъ. Гдѣ бы ни собралась кучка чиновниковъ, всегда шелъ оживленный разговоръ на одну и ту же тему, кому вчера везло и кому не везло въ карты, кто какую сдѣлалъ ошибку въ ходахъ; приводились аналогичные случаи, происходившіе не только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, но и нѣсколько лѣтъ, при чемъ велись дебаты и перекрестные споры за и противъ разбираемыхъ случаевъ въ ошибкахъ. Меня всегда крайне поражало то усердіе и рвеніе, съ которыми записные игроки относились къ различнымъ случаямъ въ карточной игрѣ, и та энергія и умственное напряженіе, которыя необходимо было употребить, чтобы запомнить, какія у него въ рукахъ были карты и какіе кто дѣлалъ ходы. Затѣмъ, когда состоялся комплектъ

партнеровъ, игроки садились за столы и съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, принимались за новую игру, которая, конечно, доставляла новый матеріалъ для разговоровъ и споровъ. Въ этомъ и состоялъ весь кругозоръ мыслей и интересовъ радомскаго чиновничества. Поражало меня и доставляло крайнее удовольствіе наблюдать еще одну страсть, которая, какъ и карточная игра, свойственна была, конечно, не однимъ радомскимъ чиновникамъ, это именно—смакованье яствъ и винъ во время парадныхъ и подписныхъ обѣдовъ. Всегда было крайне интересно наблюдать, когда чины всѣхъ ранговъ набрасывались на закуску, особенно если она была обильна и разнообразна; съ какимъ аппетитомъ отвѣдывали чины всѣ яства, критиковали ихъ и въ критикѣ обнаруживали глубокія гастрономическія познанія, при чемъ выпивали „точію по единой“ безконечное число рюмокъ и отвѣдывали питія со всѣхъ наставленныхъ на столахъ сосудовъ. Очень любили радомяне вкусно покушать, особенно на парадныхъ и званыхъ обѣдахъ и завтракахъ. И нужно сказать правду, что среди мѣстнаго чиновничества были любители хорошо покушать и знатоки гастрономіи, не только небрезгавшіе давать поварамъ указанія относительно способовъ приготовленія вкусныхъ блюдъ, но и не отказывавшіеся даже, въ экстренныхъ случаяхъ, нести поварскія обязанности. Вице-губернаторъ С., когда въ Радомѣ былъ парадный обѣдъ по случаю пріѣзда Радецкаго, даже и не сидѣлъ за столомъ, а въ поварскомъ костюмѣ въ кухнѣ приготовлялъ необыкновенный, по собственному рецепту, соусъ.

Вообще радомяне, какъ было упомянуто, очень любили парадные обѣды и званыя трапезы, которыя въ Радомѣ бывали очень часто, какъ по случаю пріѣзда начальства, проводовъ чиновниковъ, такъ и безъ всякихъ особенно уважительныхъ поводовъ. Кромѣ парадныхъ обѣдовъ, установлены были въ Радомѣ завтраки, ужъ очень скромные, въ день Новаго года и Св. Пасхи, взамѣнъ праздничныхъ визитовъ. Но введеніе это, проектированное губернаторомъ И. Г. Подгородниковымъ, было весьма удобно въ томъ отношеніи, что избавляло участниковъ въ такихъ праздничныхъ завтракахъ отъ необходимости дѣлать визиты. Собравшись къ опредѣленному часу въ клубѣ, участники торжества съ бокаломъ шампанскаго поздравляли другъ друга съ праздникомъ и садились за завтракъ, стоившій по подпискѣ два—три рубля, при чемъ опредѣленный процентъ отъ подписной суммы удѣлялся въ пользу Радомскаго дѣтскаго православнаго пріюта. Не отрицая практичности и удобствъ, уст-

ройства общихъ поздравленій во время праздничныхъ завтраковъ, устраиваемыхъ взамѣнъ визитовъ, многіе, однако же, находили, что отмѣною визитовъ порывалась и та тонкая нить, которою поддерживались взаимныя отношенія между членами радомскаго общества, ибо этимъ устранялась возможность хотя разъ или два раза въ году бывать въ домѣ своихъ знакомыхъ, въ семейномъ ихъ кругу, и всѣ отношенія между членами общества должны были ограничиваться уличными шапочными поклонами, которые, во всякомъ случаѣ, менѣе сближали людей, нежели посѣщеніе знакомаго въ его домѣ, среди его семьи, и случай воспользоваться гостепріимствомъ его и съѣсть на Пасху въ его семейномъ кругу сырной пасхи или кусокъ кулича. Но такія собранія привились въ Радомѣ и охотно поддерживались, можетъ быть, потому, что они не только избавляли отъ визитовъ, но и отъ необходимости устраивать на Пасху столъ и дѣлать пріемы, и послѣ завтраковъ устраивать танцы. Вообще собранія и подписные обѣды, какъ парадные, такъ и болѣе скромные, радомяне, какъ упомянуто было выше, очень любили; они, большею частью, происходили довольно воодушевленно и безъ особыхъ инцидентовъ, которые, если и случались, то очень рѣдко. Наиболѣе громкій инцидентъ произошелъ на парадномъ обѣдѣ, данномъ въ честь прибывшаго въ Радомъ героя Шибки Радецкаго. Шампанское и вина на этомъ обѣдѣ лились довольно обильно, а нѣкоторыя изъ участниковъ обѣда, питающіе пристрастіе къ напиткамъ, не стѣснялись выпить лишнюю рюмку на счетъ непьющаго сосѣда, и потому къ концу обѣда пришли въ мажорное настроеніе. Находясь въ такомъ усиленномъ положеніи, одинъ изъ членовъ съѣзда мировыхъ судей Радомскаго округа, милѣйшій человѣкъ, но страдавшій по временамъ пристрастіемъ къ крѣпкимъ напиткамъ, во время обѣда провозгласилъ тостъ въ честь Радецкаго не какъ за шипкинскаго героя, но какъ за помѣщика Полтавской губерніи, своего сосѣда по имѣнію. Тостъ привелъ въ немалое смущеніе участниковъ обѣда, но не особенно поразилъ, ибо каждому не безызвѣстно, что провозглашаемые россіянами въ концѣ обѣдовъ тосты не всегда отличаются краснорѣчіемъ и умѣстностью; но за то поразилъ публику другой фокусъ, который этотъ ораторъ выкинулъ въ подражаніе московскимъ купчикамъ, бьющимъ въ ресторанахъ послѣ изрядной выпивки дорогія зеркала и посуду. Едва только, по окончаніи обѣда, часть обѣдавшей публики успѣла встать изъ-за стола и выйти изъ залы, какъ упомянутый выше ораторъ однимъ движеніемъ руки перебилъ достаточное количество

стоявшей на столѣ посуды, что онъ сдѣлалъ очень просто—потянулъ за край скатерть и свалилъ со стола посуду. Другіе случавшіеся послѣ парадныхъ и праздничныхъ обѣдовъ эпизоды сравнительно съ этимъ не заслуживаютъ даже вниманія, какъ, напримѣръ, хоровое пѣніе и даже пляски, устраивавшіяся обыкновенно послѣ студенческаго обѣда въ Татьянинъ день, когда почтенные мужи и олимпійцы-сановники снимали съ себя сюртуки и отплясывали трепака, въ присутствіи и при одобреніи часто своихъ же подчиненныхъ и молодыхъ чиновниковъ, впервые справлявшихъ университетскій праздникъ. Вѣдь не было ничего предосудительнаго въ томъ, что почтенный и убѣленный сѣдинами мужъ, какъ, напримѣръ, предсѣдатель Радомскаго окружнаго суда, Вендрихъ, въ такихъ танцахъ побивалъ рекордъ, сравнительно даже съ молодежью; это служило только для всѣхъ, доказательствомъ, сколько въ его превосходительствѣ таилось еще жизненныхъ силъ и какъ онъ былъ молодъ еще не только духомъ, но и тѣломъ.

Я, кажется, достаточно въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ охарактеризовалъ радомское, преимущественно, русское общество. Общее впечатлѣніе этой характеристики, я полагаю, то, что отличительными чертами радомскаго общества было стремленіе къ благамъ матеріальнымъ и дѣламъ финансовымъ и экономическимъ, въ противоположность петроковскому обществу, которое тяготѣло преимущественно къ дѣламъ, доставляющимъ жизнерадостное настроеніе; хотя, впрочемъ, и петроковское и радомское общества не чужды были и остальныхъ заблужденій, свойственныхъ всѣмъ смертнымъ, но только вышесказанныя черты выражались въ каждомъ изъ нихъ болѣе рельефно.

Теперь приступаю къ изложенію обстоятельствъ моей службы и дѣятельности въ Радомской гимназіи, для чего мнѣ необходимо охарактеризовать составъ педагогической корпораціи гимназіи, нравственное настроеніе учащихся, состояніе учебнаго дѣла въ заведеніи и упомянуть о нѣкоторыхъ эпизодахъ изъ моей педагогической практики.

Прибытіе мое въ Радомскую гимназію и вступленіе въ педагогичечкую семью ея не было для меня благопріятно и не было, конечно, желательнымъ для учителей этой гимназіи какъ польскаго, такъ и русскаго происхожденія. Мое прибытіе въ Радомъ совпало съ моментомъ завершенія учебной реформы въ Царствѣ Польскомъ и окончательнаго подчиненія мѣстныхъ учебныхъ заведеній общеимперскимъ постановленіямъ и порядкамъ. Хотя

и до введенія Устава 1871 г. во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ инспекторами, т.-е. начальниками учебныхъ заведеній, были лица русскаго происхожденія, но помощники инспекторовъ, т. е. лица, которымъ ввѣрено ближайшее наблюденіе за воспитаніемъ юношества, были почти всѣ поляки. Съ введеніемъ новаго устава начальники учебныхъ заведеній получили званіе директоровъ, должность помощника инспектора была упразднена, а взамѣнъ этой должности учреждена должность инспектора гимназіи, носившаго собственно оффиціальное званіе „исправляющій обязанности инспектора“. Въ Радомской гимназіи помощникъ инспектора гимназіи, учитель математики Годлевскій, былъ лишенъ званія помощника инспектора, а назначенъ на эту должность я, лицо постороннее, изъ другой гимназіи, поэтому понятно, ни русскимъ, ни польскимъ учителямъ не было повода радоваться моему назначенію въ Радомъ. Кромѣ общихъ, щекотливыхъ для польскаго общества причинъ—недовольства введеніемъ новаго устава, которымъ польскій языкъ дѣлается необязательнымъ предметомъ и преподавался только для желающихъ, уничтожалось преподаваніе естествовѣдѣнія и учителя этого предмета оставлялись за штатомъ; поляки въ Радомѣ особенно были недовольны закрытіемъ находившагося при гимназіи піарскаго костела и обращеніемъ его на нужды учебнаго заведенія; кромѣ того, нѣкоторые старые учителя, которые не владѣли свободно русскою рѣчью, оставшіеся еще на службѣ, съ введеніемъ новаго устава, были уволены; все это не способствовало жизнерадостному настроенію учителей Радомской гимназіи, польскаго происхожденія.

Что касается общей характеристики учителей Радомской гимназіи, сравнительно съ корпораціей Петроковской гимназіи, въ первое время послѣ введенія новаго устава, то слѣдуетъ признать, что составъ преподавателей Радомской гимназіи въ педагогическомъ отношеніи былъ выше состава учителей Петроковской гимназіи, хотя необходимо прибавить, что зато въ Радомской гимназіи обладали большею эрудиціей, нежели учителя Петроковской гимназіи, и большею, сравнительно съ ними, трудоспособностью, заинтересованностью своимъ дѣломъ и педагогическими пріемами. Послѣдними качествами гимназія обязана бывшему инспектору гимназіи Хорошевскому, способному, энергичному и очень требовательному начальнику, а трудоспособность и аккуратность въ исполненіи своихъ обязанностей радомскіе педагоги развили въ себѣ подъ весьма энергичнымъ и даже суровымъ воздѣйствіемъ на нихъ начальника Радомской учебной

дирекціи Пристюка, при которомъ настойчиво проведено было введеніе преподаванія всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ.

Въ моментъ прибытія моего на службу въ Радомскую гимназію директоромъ ея состоялъ Василій Ѳомичъ Маркіановичъ, а начальникомъ учебной дирекціи Ѳеофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ, при которомъ гимназія вышла изъ зависимости отъ начальниковъ учебныхъ дирекцій и стала въ зависимость отъ прямого своего начальника, директора гимназіи, съ подчиненіемъ, на общемъ основаніи, попечителю Варшавскаго учебнаго округа.

Директоръ Радомской гимназіи Маркіановичъ былъ воспитанникомъ Педагогическаго института,—давшаго въ свое время нѣсколько выдающихся педагоговъ, — и уже по самому роду образованія своего былъ знакомъ съ дѣломъ обученія и воспитанія юношества. Характера онъ былъ спокойнаго, хладнокровнаго, нѣсколько флегматичнаго. Онъ не способенъ былъ вспылить, кричать, разносить; къ самымъ рельефнымъ дефектамъ преподавателей онъ, повидимому, относился равнодушно: спокойно приглашалъ провинившагося пожаловать къ нему въ кабинетъ побесѣдовать и, ведя бесѣду съ провинившимся, тихо, отечески, наставительно, доводилъ его часто до слезъ. Онъ обладалъ способностью улаживать всякія недоразумѣнія и несогласія между педагогами и умѣлъ предъ начальствомъ, смотря по ходу дѣла и своимъ соображеніямъ, смягчать и усиливать возникшіе въ гимназіи эпизоды. Къ недостаткамъ его административной дѣятельности можно отнести мягкость его характера, его частое стремленіе не выносить сора изъ избы, покрывать нѣкоторые дефекты заведенія и даже показывать формальное благополучіе его, что отчасти происходило, можетъ быть, и потому, что, относясь ко всякому дѣлу хладнокровно и разсудительно, онъ не волновался при всякомъ дефектѣ, считалъ менѣе обычнымъ и даже неизбѣжнымъ въ учебномъ дѣлѣ, не исключая и возникающихъ неожиданныхъ эпизодовъ. Благодаря его характеру, были улажены возникшія было между мною и имъ недоразумѣнія, вслѣдствіе моей неопытности и неосвѣдомленности относительно роли инспектора гимназіи въ учебномъ заведеніи по новому уставу. При введеніи новаго устава, точныхъ указаній предѣловъ дѣятельности инспектора гимназіи не было обозначено, и всѣ такія указанія ограничивались только 47 § устава гимназій, въ которомъ сказано, что „инспекторъ есть помощникъ директора гимназіи по учебно-воспитательной части и, въ случаѣ его болѣзни или отсутствія, вступаетъ во всѣ его права и обязанности“. Хотя для разъясненія мнѣ предѣловъ дѣятель-

ности инспектора потребовалось со стороны директора приглашеніе меня на бесѣду, но самое разъясненіе и бесѣда прошли мирно, безъ обостренія отношеній и окончились полнымъ согласіемъ и взаимнымъ доброжелательствомъ, и съ своей стороны я былъ для него усерднымъ его помощникомъ въ теченіе десятилѣтней службы моей — въ должности инспектора, а его — въ должности директора Радомской гимназіи. Директоръ Маркіановичъ не чуждъ былъ извѣстной доли честолюбія и охотно принялъ предложеніе празднованія десятилѣтія службы его въ Радомской гимназіи. По случаю юбилея отъ сослуживцевъ былъ поднесенъ Маркіановичу альбомъ съ фотографическими карточками всѣхъ участниковъ чествованія его и на мою долю выпало произнесеніе ему привѣтственной рѣчи.

Переходя къ характеристикѣ учебно-воспитательнаго персонала Радомской мужской гимназіи, раздѣлю служащихъ въ ней лицъ на двѣ категоріи: на лицъ полезныхъ учебному заведенію своею дѣятельностью и выдающимися способностями или трудолюбіемъ и аккуратностью въ исполненіи своихъ обязанностей и на лицъ, служившихъ тормозомъ для учебнаго дѣла или пополнявшихъ собою галлерею педагоговъ-антиковъ. Къ первой категоріи должны быть отнесены оба законоучителя гимназіи: православнаго вѣроисповѣданія протоіерей Михаилъ Іоакимовичъ Ивановскій и римско-католическаго исповѣданія почетный каноникъ Іосифъ Михайловичъ Урбанскій, преподаватель евангелическаго вѣроисповѣданія, пасторъ Вистегубе, преподаватели — русскаго языка Димитрій Ивановичъ Срѣтенскій и Михаилъ Петровичъ Будянскій, древнихъ языковъ—Брузендорфъ и Пюренъ и учитель чистописанія и рисованія Пинко, а ко второй категоріи преподаватель русскаго языка П., преподаватель нѣмецкаго языка Гогендорфъ; къ этой же категоріи долженъ быть отнесенъ также преподаватель древнихъ языковъ Тричинскій, собственно со времени обнаруженія въ немъ болѣзненныхъ признаковъ. Я перечисляю только педагоговъ, которыхъ я засталъ въ моментъ прибытія въ Радомскую гимназію. Начну характеристики съ законоучителей гимназіи. Послѣ непродолжительной службы въ Радомской гимназіи настоятеля Радомской Свято-Николаевской церкви священника Н. А. Соснякова, перешедшаго на службу въ Петербургъ — бывшаго митрофорнымъ настоятелемъ Казанскаго собора, недавно скончавшагося, настоятелемъ радомской церкви и законоучителемъ православнаго исповѣданія мужской гимназіи былъ назначенъ бывшій законоучитель Молодечненской учительской семинаріи прото-

іерей Ивановскій. Уже то обстоятельство, что о. Ивановскій былъ законоучителемъ образцовой въ свое время Молодечненской учительской семинаріи, можетъ служить свидѣтельствомъ его педагогической опытности. Имъ, между прочимъ, составлено, одобренное ученымъ комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ и особымъ отдѣломъ ученаго комитета при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, допущенное въ качествѣ учебника по закону Божію для воспитанниковъ учительскихъ семинарій: „Руководство къ изученію закона Божія". Кромѣ педагогической опытности, протоіерей Ивановскій отличался тактичностью своихъ дѣйствій, умѣніемъ поддерживать авторитетъ своего званія кротко по-пасторски и способностью оказывать нравственное вліяніе на учащихся. Изъ длинной галлереи законоучителей православнаго исповѣданія, служившихъ въ мое время въ Радомской гимназіи, о. Ивановскій болѣе всѣхъ пользовался любовью и уваженіемъ учащихся: гдѣ бы нравственный ученикъ ни встрѣтилъ его, хотя бы и на улицѣ, онъ подходилъ къ нему подъ благословеніе. Этотъ православный обычай не соблюдался воспитанниками послѣ Ивановскаго, не говоря уже на улицѣ, но даже и въ стѣнахъ заведенія, такъ точно и охотно.

В. А. Смородиновъ.

Дневникъ поѣздки по Россіи въ 1841 году.

Предполагаемый ниже вниманію читателей дневникъ путешествія по южной Россіи въ 1841 г. извлеченъ изъ старой записной книжки, четко написанной на хорошей бумагѣ, золотообрѣзной, но вырванной изъ переплета. Эта записная книжка найдена въ разномъ бумажномъ хламѣ библіотеки одной изъ старыхъ дворянскихъ усадьбъ Щигровскаго уѣзда и передана мнѣ студентомъ Московскаго университета Л. С. Салтановымъ, которому приношу искреннюю благодарность за разрѣшеніе напечатать этотъ не лишенный интереса дневникъ поѣздки по тогдашней Россіи.

Прошло 75 лѣтъ... Періодъ небольшой въ жизни страны и народа, а между тѣмъ какъ далеко ушла Россія внѣшне съ того времени, какъ все мало похоже на то, что теперь окружаетъ насъ. Путешественникъ записывалъ все то, что видѣлъ и замѣчалъ по пути, а такъ какъ это былъ человѣкъ образованный и интересовавшійся всѣмъ, то его наблюденія, хотя и поверхностныя, все-же интересны; путникъ описываетъ города, дѣлаетъ разныя историческія, этнографическія и статистическія замѣтки, высказывая по этому поводу и свои мѣткія сужденія. Служа въ Петербургѣ, онъ вращался въ тамошнемъ обществѣ и былъ знакомъ съ такими людьми, какъ академикъ Дядьковскій и самъ Лермонтовъ, временами онъ любитъ цитировать Пушкина. По странному стеченію обстоятельствъ, такъ сказать, по волѣ судьбы, нашъ путникъ попадаетъ въ Пятигорскъ въ день похоронъ поэта. Это даетъ ему поводъ коснуться его без-

временной, печальной кончины. Правда, не прибавляется ничего новаго къ общеизвѣстному, но прибавляется еще одинъ свидѣтель ранней смерти Лермонтова.

Удалось узнать, что писавшій дневникъ былъ родственникъ нынѣшнихъ владѣльцевъ с. Знаменскаго (Щигровскаго уѣзда). Салтановыхъ, Николай Ѳедоровичъ Туровскій. Сынъ поселившагося въ началѣ 19 вѣка въ Липецкѣ штабъ-лѣкаря Ѳедора Ивановича Туровскаго, Николай Ѳедоровичъ въ молодости служилъ въ Петербургѣ, затѣмъ переселился въ Липецкъ и сдѣлался тамошнимъ старожиломъ. Тамъ онъ имѣлъ домъ, съ большимъ садомъ, открытымъ для всѣхъ обитателей Липецка, жилъ очень открыто и широко. Одно время онъ былъ директоромъ Липецкихъ минеральныхъ водъ, а потомъ выборнымъ мировымъ судьей.

А. Голомбіевскій.

Въ 1841 году служба доставила мнѣ истинное, незабвенное удовольствіе: я былъ откомандированъ въ южные края Россіи.

Въ исходѣ апрѣля я выѣхалъ изъ Петербурга, а въ концѣ сентября возвратился; и такъ, лучшее время года я провелъ въ лучшихъ краяхъ.

Чтобы удержать въ памяти своей впечатлѣнія этого, интереснаго для меня, путешествія, я иногда записывалъ ихъ.

Какъ въ дорогѣ, такъ и послѣ дороги, многія замѣтки затерялись; собираю остальныя и помѣщаю въ одну тетрадь.

Отъ Петербурга до Липецка—моей колыбели,—дорога для меня слишкомъ знакома, и слѣдовательно не могла быть занимательной; только празднества, по случаю свадьбы Цесаревича, нѣсколько оживляли и разнообразили переѣзды. Въ Москвѣ замѣтны большія пріуготовленія для торжественнаго въѣзда Царской фамиліи. Первый день я провелъ тамъ какъ только можно пріятнѣй провести въ Москвѣ заѣзжему: утро—въ Кремлѣ, полдень у старыхъ знакомцевъ, обѣдъ—въ Троицкомъ, а вечеръ въ русскомъ театрѣ, гдѣ публика привѣтствовала двухъ знаменитыхъ нашихъ трагиковъ Каратыгина и Мочалова. На другой день, 1 мая, въ пыли и тѣснотѣ, встрѣчалъ весну въ Сокольникахъ; это катанье несноснѣе катанья въ Екатерингофѣ.

Въ Ельцѣ начались наши служебныя занятія—ревизіи казначействъ. Въ нѣсколько часовъ окончивъ эту довольно скучную операцію, и, вмѣстѣ съ елецкою знатью, вкусно позавтракавъ у К...., мы возвратились на квартиру, чтобы поспѣшить выѣздомъ; но не такъ-то скоро отдѣлались мы

отъ хозяина; ему вздумалось непремѣнно угостить насъ по-купечески; отговориться было невозможно, и безконечное шампанское полилось; только въ сумерки успѣли мы вырваться изъ Ельца, и уже поздно вечеромъ встрѣтилъ насъ радушный пріемъ.

Отсюда на другой день, повернули мы въ Алексѣевское; но напрасно: Никита Ив. доложилъ, что „господа уѣхали въ Задонскъ на богомолье“. Дѣйствительно я всѣхъ ихъ, моихъ милыхъ, добрыхъ родныхъ С.-хъ, нашелъ въ монастырской гостиницѣ; чувство радостнаго свиданія съ ними я навсегда сохраню въ памяти моей...

Но слѣдующее утро, послѣ ревизіи, я, помолившись Богу и поклонившись праху матери моей, съ стѣсненнымъ сердцемъ оставилъ Задонскъ.

Въ Липецкъ мы въѣхали 9-го мая и прогостили тамъ дней пять. Много пріятнаго, но еще больше горькаго перечувствовалъ я во все время, проведенное мною съ *самыми ближайшими* мнѣ родными...

Изъ Липецка путь нашъ лежалъ на Усмань и Борисоглѣбскъ; возлѣ Павловска выѣхали на... [1])

Земля войска Донского.

Переѣздъ отъ границы Воронежской губерніи до Новочеркаска—грязная проза: вездѣ задержки въ лошадяхъ, вездѣ нужно ждать, ссориться, и наконецъ-то впрягутъ тощихъ, увѣчныхъ клячей. Такимъ образомъ мы, какъ говорится, на кнутѣ ѣхали до 300 верстъ. Такова-то почтовая ѣзда въ землѣ, славной своими скакунами. На станціяхъ нечистота и нищета; спросишь ѣсть,—общій отвѣтъ „ни, пане“; съ трудомъ, и то не вездѣ, добудешь кринку молока. Это испытаніе напомнило мнѣ первую поѣздку на Кавказъ 39 г.; съ землякомъ И. В. Б., который имѣлъ тогда, а можетъ быть и теперь имѣетъ, экономическую привычку—завтраки и обѣды, ради „некогда“ откладывать до слѣдующей станціи.

Новочеркаскъ расположенъ на горѣ весьма правильно: но бѣденъ хорошимъ строеніемъ; домы большею частью деревянные и содержатся дурно. Соборная церковь тоже деревянная, маленькая; вокругъ нея нѣсколько полуразрушенныхъ памятниковъ; тутъ же могила знаменитаго графа Платова; но на ней

[1]) Пропускъ.

памятника нѣтъ: ни слава героя, ни богатство наслѣдниковъ еще не вызвали, до сихъ поръ, должной признательности къ праху его... Для новаго соборнаго храма матеріалы заготовляются; говорятъ, зданіе будетъ великолѣпно.

На ярмаркѣ я видѣлъ всю аристократію казацкой столицы. Забавны очень были жеманныя движенія здѣшнихъ красавицъ; точь-въ-точь какъ въ Духовъ день въ аллеяхъ Лѣтняго сада выступаютъ невинныя искательницы купеческихъ сынковъ и промотавшихся эполетъ.

Женщины здѣсь вообще не дурны собой; много даже хорошенькихъ; но поразительной красоты мнѣ встрѣтить не удалось. Общій ихъ костюмъ—національный; разница только въ цѣнности матеріи; весьма немногія изъ высшаго круга (если тамъ только есть высшій кругъ) носятъ европейскіе наряды. — Вотъ непремѣнный костюмъ казачекъ всѣхъ сословій и состояній: сарафанъ съ плоской, узкой юбкой, называемый кубилейкой, и большой платокъ на плечахъ; у замужнихъ на головѣ вязаный, полосатый колпачекъ, который, перегибаясь на лѣвое ухо, падаетъ въ узкую перевязку, идущую кругомъ головы; у незамужнихъ голова повязывается шелковымъ одноцвѣтнымъ платкомъ, концы котораго обвиваютъ всю косу, выпущенную по спинѣ и закрѣпленную бантомъ цвѣтной ленты съ длинными концами; драгоцѣнные камни и жемчугъ довершаютъ украшенія. О казакахъ говорить не стану; они всѣ и вездѣ на одинъ ладъ, хоть и часто вертятся въ столицахъ, и имѣютъ всѣ способы стать на европейскую ногу; исключенія рѣдки.

Содержаніе проѣзжающихъ и вообще неимѣющихъ здѣсь осѣдлости невѣроятно дорого, напр., 24 коп. фунтъ баранины; 80 коп. курица; 2 р. 50 к. четверикъ картофеля и т. д. Таковъ-то край обильный, хлѣбородный, снабжающій отдаленныя мѣста Россіи. А хорошей говядины на базарѣ ни за что не найдете; извольте ѣхать въ Петербургъ кушать черкасскихъ бычковъ. Вина хорошаго тоже не достанете ни въ погребахъ, ни въ трактирахъ; мнѣ удалось пить отлично—хорошее, красное, не шипучее вино только у здѣшняго хлѣбосола—соборнаго протоіерея: чудное вино.

Причина торговаго неблагоустройства весьма ясна: вся внутренняя торговля исключительно предоставлена казакамъ; вся эта важная промышленность отдана въ право людямъ, совершенно неспособнымъ къ занятіямъ такого рода.

Подошва южной части горы, на которой помѣщается городъ, омывается небольшой рѣкою, или, правильнѣй сказать, рукавомъ

Дона,—Аксаемъ. Во время весенняго разлива, какъ я два раза видѣлъ, Донъ и Аксай, слившись между собой, разливаются въ поперечникѣ верстъ на 10 и болѣе. Старый Черкаскъ тогда подтопляется весь, такъ что жители разъѣзжаютъ по улицамъ на лодкахъ.

Отъ слѣдующей станціи — Зайцевой — идутъ двѣ дороги: вправо на Таганрогъ, влѣво на Кавказъ; мы пустились по послѣдней и черезъ часъ въѣхали въ станицу *Аксай*. Очаровательное мѣсто. Здѣсь, конечно, у Пушкина вырвался привѣтливый стихъ:

„Плеща средь полей широкихъ,
„Вотъ онъ льется: здравствуй, Донъ!

Сильный противный вѣтеръ не пустилъ насъ переправиться на ту сторону; мы должны были переночевать. Памятна мнѣ эта переправа въ 39 году; какъ усердно молился я на половинѣ пути. Вечеръ былъ тихій, ясный; ни облачка на небѣ, только съ южной стороны горизонта едва поднималось черное пятно и навѣвалъ слабый вѣтерокъ. Лоцманы смѣло отчалили барку, и мы весело поплыли, любуясь живописнымъ Аксаемъ, кругомъ котораго заблистали огни рыбаковъ.—Вдругъ вѣтеръ усилился; еще минута, и небо почернѣло; хлынулъ дождь, и страшная гроза разразилась надъ нами: громъ грохоталъ, буря ломала мачты, а безпрестанная молнія освѣщала бушевавшія волны... И въ такихъ-то сильныхъ ощущеніяхъ мы качались на якорѣ до разсвѣта. Да, памятна мнѣ эта переправа.

Походивъ по берегу, осмотрѣвши рыбныя сушильни и наглядѣвшись на безпрестанную и изобильную выгрузку огромныхъ рыбъ,—осетровъ и севрюгъ,—которыхъ тотчасъ же убивали и анатомировали,—я утомился однообразнымъ, кровавымъ зрѣлищемъ, и возратился на квартиру, гдѣ меня ожидали: жирная уха, доброе вино и хорошенькая хозяйка...

Здѣсь неожиданно свидѣлся я и пріятно провелъ нѣсколько часовъ съ ученымъ Дедьковскимъ; трудно узнать было этого почтеннаго страдальца: такъ исказила его многолѣтняя болѣзнь. „Умирать ѣду на Кавказъ“, сказалъ онъ мнѣ со вздохомъ на первый мой вопросъ: черезъ два мѣсяца, въ день моего выѣзда изъ Пятигорска, совершено его погребеніе.

Единственная и значительная промышленность Аксая ловля и заготовленіе красной рыбы, которая здѣсь на мѣстѣ, во время разлива, не имѣетъ почти никакой цѣнности. При мнѣ купленъ былъ осетръ величиною въ 2 арш. и 3/4, вѣсомъ въ 1 пудъ и 22 фунта, и въ немъ икры 12 фунтовъ,—за 11 рубл. асс; а за стер-

лядь съ икрой, величиною въ аршинъ, я самъ не торговавшись заплатилъ четвертакъ. Балыки, икра и пр. въ большомъ количествѣ разсылаются отсюда въ сѣверныя губерніи. Все это изготовляется мастерски; но почему-то здѣшніе балыки, какъ я узналъ на опытѣ, много уступаютъ Керченскимъ и даже Таганрогскимъ балыкамъ.

Кавказская область.

Объ Ставрополѣ, губернскомъ городѣ Кавказской области, не могу сказать почти ничего; я пробылъ тамъ столько времени, сколько нужно было для обревизованія небольшого казначейства. Въ первые два раза, какъ помнится, я останавливался часа на два, не больше, да и тѣ, за дурною погодою, просидѣлъ въ дурной гостиницѣ. Но, сколько успѣлъ я замѣтить, городъ, какъ уѣздный, хорошъ; имѣетъ каменныя строенія, удачной архитектуры, и въ главныхъ улицахъ содержится опрятно; въ особенности замѣчателенъ казенный домъ областного начальника, съ обширнымъ и прекраснымъ садомъ. Вообще видно, что въ Ставрополѣ живутъ только служащіе, а не свободные и торговые граждане. Въ зимніе мѣсяцы, говорятъ, военные оживляютъ общество, такъ что и танцовальныя собранія случаются. Небольшая и дурная рѣчка течетъ за городомъ. Отсюда почтовая ѣзда становится лучше, быстрѣй. Деревни, или станицы, лежащія у большой дороги, населены въ разное время и изъ разныхъ губерній, и потому-то нарѣчія поселянъ и костюмы поселянокъ чрезвычайно разнообразны. Мужчины же, недавно, всѣ обращены въ линейные казаки и имѣютъ костюмъ, похожій на черкесскій. Вообще они мужественны, красивы, ловки, просто молодцы; любо смотрѣть, какъ линеецъ, въ красной рубахѣ, въ лохматой шапкѣ, сядетъ на козлы, ударитъ длиннымъ бичемъ, да еще присвистнетъ на своихъ лихихъ коней, такъ духъ захватываетъ, не успѣешь задуматься и уже снѣжные великаны [1]) передъ глазами. И такъ... Я опять на Кавказѣ, опять увлекаюсь его дикой, колоссальной природой и повѣряю впечатлѣнія первыя, еще живыя въ памяти моей.

---

[1]) Въ ясную погоду, цѣпь снѣжныхъ горъ, и въ особенности двухглавый Эльбрусъ, видимъ въ первый разъ верстъ 100 отъѣхавши отъ Ставрополя, т.-е. слишкомъ за 400 в. отъ подошвы горъ; но потомъ опять скрываются верстъ на 100.

Минеральныя воды.

Георгіевскъ не развлечетъ путешественника; заштатный, неопрятный, деревянный городъ, недавно разжалованный изъ губернскихъ, имѣетъ крѣпостцу и набитъ армянами,—вотъ все, что можно замѣтить проѣздомъ. Отсюда—прямо продолжается Тифлисскій трактъ, а вправо, въ 40 верстахъ, минеральныя воды, куда мы и повернули.

Въѣздъ нашъ въ Пятигорскъ, и въ особенности для меня, былъ весьма неблагополученъ. Верстъ за пять до города, обогналъ насъ кавказскій губернаторъ; передъ нимъ, какъ водится, несся исправникъ; кругомъ экипажа, для пущей важности [1]), скакалъ конвой казаковъ. Нашъ лихачъ-ямщикъ долго отъ нихъ не отставалъ, но, наконецъ, на поворотѣ въ Подкумку, передняя группа скрылась, и мы поѣхали тише; потомъ вскорѣ опять настигли *вельможу* (то былъ извѣстный моимъ роднымъ Хом—въ), который для чего-то пріостановился. У самаго города надо было спускаться съ длинной, узкой, хотя и отлогой горы; лошади, разгорячившись передовымъ экипажемъ рванули; ямщикъ не удержалъ, и вся шестерня понесла насъ во весь духъ. Отъ сильныхъ толчковъ и отъ быстраго пересѣченія воздуха, верхъ нашей коляски, нагруженной огромнымъ чемоданомъ, едва не отлетѣлъ: мы вскочили съ своихъ мѣстъ и крѣпко ухватились за верхъ. Въ то же время мелькомъ взглянулъ внизъ и—затрепеталъ... Страшная пропасть была на поларшина отъ экипажа. Вмѣстѣ съ этимъ, пальто мое распахнулось, часы выскочили изъ кармана, соскочили съ цѣпочки и, ударившись объ дверцу, полетѣли на дно пропасти... Мгновенная, безотчетная мысль: „пробилъ мой часъ“—электрически потрясла меня... То было 1-го іюня.

Между пяти горъ: Бештау, Машука, Змѣиной, Лысой и Желѣзной,—лежитъ небольшой, красивенькой городокъ *Пятигорскъ*; здѣсь-то, на склонѣ Машука собраніе сѣрныхъ источниковъ, разныхъ свойствъ и разной температуры, впадающихъ въ шумный, быстрый Подкумокъ. Самый горячій изъ нихъ Александровскій (38^0), по неразгаданнымъ причинамъ, въ 39 г. исчезъ и теперь течетъ только слабой струйкой. Этотъ источникъ есть слава Кавказскихъ водъ и творитель чудесъ исцѣ-

[1]) Развѣ только для пущей важности,—какъ тамъ и дѣлаютъ мишурные тузы. Надобности же въ конвоѣ тамъ нѣтъ никакой, и разсказы объ опасностяхъ суть сказки досужихъ людей и любителей приключеній.

ленія. Сколько вы увидите костылей и палокъ, оставленныхъ у выдолбленнаго каменнаго бассейна, въ знакъ признательности воскресшими страдальцами. Тутъ же теплится лампада передъ иконой Богоматери всѣхъ скорбящихъ. Самый холодный кислосѣрный источникъ Елисаветинскій (22 и 21°); въ немъ я постоянно купался и его пилъ. Еще есть много другихъ: Ермоловскій, Николаевскій, Сабанеевскій, Варваціевскій, Александро-Николаевскій и Калмыцкій—для питья и купанья; и собственно для питья Михайловскій и Константиновскій (открытый и прославленный профессоромъ Дедьковскимъ); всѣ они неопровержимополезны.

Устройство водъ бѣдно, даже дурно, и улучшеній не замѣтно. Въ доказательство приведу нескромную продѣлку; она повторялась часто, и въ ней (грѣшный человѣкъ) я самъ участвовалъ не разъ: изъ мужскихъ ваннъ подсмотрѣть въ женскую—было дѣло возможное, и вотъ однажды одинъ г. армеецъ, увлекшись этой панорамой, какъ-то неосторожно далъ замѣтить свое любопытство. Скромница-сосѣдка, конечно, сообщила своему мужу, и ловеласъ долженъ былъ объясняться съ комендантомъ.

Кто хоть разъ былъ на Кавказскихъ водахъ, тотъ знаетъ, сколько неудовольствій и неудобствъ переносить обязанъ каждый изъ посѣтителей. А казалось бы, при пособіи отъ казны и при значительномъ сборѣ за ванны (по 1 и 1¼ р. с.), можно озаботиться устройствомъ. Если бы всѣ ванны были такъ же удобны, какъ роскошныя Николаевскія, которыя такъ красиво раскинуты у бульвара. Жаль, что этотъ нарядный источникъ, за слабостью, остается почти пустымъ.

Церковь одна, и та мала, бѣдна, снимокъ сельской деревянной церкви. Непонятно, какъ при такихъ значительныхъ ежегодныхъ сюда съѣздахъ людей болящихъ, уповающихъ себѣ спасенія и, слѣдовательно, непремѣнно подкрѣпленныхъ вѣрою религіозною, усладительною для страдальца-христіанина, какъ при всемъ этомъ Храмъ Божій остается забытымъ.

Съѣздъ нынѣшняго курса не великъ и очень не замѣчателенъ. Дамъ мало, да и тѣ... Только въ послѣдній мѣсяцъ явленіе хорошенькой генеральши Ор—вой съ хорошенькими сестрами М. П., надѣлало шуму; въ честь ихъ кавалеры дали роскошный bal champètre въ боковой аллеѣ бульвара. Въ 39 году съѣздъ дамъ былъ тоже не великъ и мало интересенъ; но тогда блистала графиня Ростопчина [1]), которая вездѣ и въ скромной

[1]) Поэтесса, гр. Евдокія Петровна, рожд. Сушкова.

бесѣдѣ, и въ шумномъ собраніи, и въ поэтическихъ мечтаніяхъ,—вездѣ мила, вездѣ завлекательна.

Мущины, большею частію, пѣхотные, жалкіе армейцы, которыхъ сперва выставляютъ черкесамъ, какъ мишень, а потомъ калѣками присылаютъ лѣчить на воды. Есть и гвардейцы: имъ или *вреденъ Сѣверъ*, или нуженъ крестикъ; такъ же встрѣтите интересныхъ петербуржцевъ, искателей новыхъ силъ для новыхъ соблазновъ столичной живни: одинъ изъ нихъ В. В. Дж. остался мнѣ постоянно пріятнымъ знакомымъ. Но самые занимательные изъ посѣтителей,—это помѣщики въ венгеркахъ, съ усами и безъ причесокъ; они пожаловали такъ,—отъ нечего дѣлать: поиграть въ карты и отвѣдать кахетинскаго.

20 іюня. Несносна жизнь въ Пятигорскѣ. Отдавши долгъ удивленія колоссальной природѣ, остается только скучать однообразіемъ; одинъ воздухъ удушливый, сѣрный отвратитъ всякаго. Вотъ утренняя картина: въ 5 часовъ мы видимъ по разнымъ направленіямъ въ экипажахъ, верхомъ, пѣшкомъ тянутся къ источникамъ. Эти часы самые тяжелые; каждый обязанъ проглотить по нѣсколько большихъ стакановъ гадкой теплой воды (до 10 и болѣе: такова непремѣнная метода здѣшнихъ медиковъ). Около полудня всѣ расходятся: кто въ ванны, кто домой, гдѣ каждаго ожидаетъ стаканъ маренковаго кофе и булка; обѣдъ долженъ слѣдовать скоро и состоять изъ тарелки Vassersupre и deux oeufs à la coque со шпинатомъ. Въ 5 часовъ вечера опять всѣ по своимъ мѣстамъ—у колодцевъ съ стаканами въ рукахъ. Съ 7 до 9 часовъ чопорно прохаживаются по бульвару подъ звукъ *музыки полковой*; тѣмъ долженъ заключиться день для больныхъ. Но не всегда тѣмъ кончается, и какъ часто многіе напролетъ просиживаютъ ночи за картами и прямо отъ столовъ какъ тѣни побредутъ къ водамъ; и потомъ они же безсовѣстно толкуютъ о безполезности здѣшняго лѣченія.

По праздникамъ бываютъ собранія въ залѣ гостиницы, и тутошніе очень веселятся.

21 іюня. Нынѣшняя почта насмѣшила меня; петербургскіе знакомцы завидуютъ мнѣ; проказники. Они тамъ слушаютъ Олебуля и на огнѣ разъѣзжаютъ по узорчатымъ дачамъ, а я здѣсь, отъ нечего дѣлать, карабкаюсь по горамъ. Не дальше, какъ вчера, чуть было головы не сломилъ, въѣзжая верхомъ на Машукъ; и для чего же? чтобы взглянуть на свое имя и возлѣ 1839 г. поставить 1841. Видъ отсюда въ ясную погоду очаровательный, единственный въ природѣ. У самой подошвы горы бѣлѣются Пятигорскъ и Горячеводскъ; между ними узкой

лентой вѣется Подкумокъ; влѣво (въ 40 в.) Георгіевскъ, какъ на ладони; по сторонамъ въ разныхъ разстояніяхъ клумбами разбросаны станицы и аулы; далѣе донебесные великаны, простираясь амфитеатромъ, оканчиваются снѣжною цѣпью горъ, между которыми Эльбрусъ, какъ бы въ серебряныхъ волнахъ, сливается съ Казбекомъ.

На самой вершинѣ Машука, на небольшой площадкѣ, возвышается столбъ; на немъ множество именъ, надписей, стиховъ; тутъ же простодушная надпись Хозревъ-Мирзы: „Добрая слава, оставленная по себѣ человѣкомъ, лучше золотыхъ палатъ“ и пр. Какъ нѣжно разсуждаютъ эти звѣри, а спросить бы у правовѣрныхъ братій: не болятъ ли у нихъ пятки.

Лучшая, пріятная для меня прогулка была за 18 верстъ въ *Желѣзноводскъ*; самое названіе говоритъ, что тамъ желѣзные ключи; ихъ много [1]), но самый сильный и употребительны № 8, который, вмѣстѣ съ другими, бьетъ въ дикомъ лѣсу; между ними идетъ длинная, прорубленная алея. Здѣсь-то въ знойный день—истинное наслажденіе: чистый ароматическій воздухъ и ни луча солнечнаго. Есть нѣсколько источниковъ и на открытомъ мѣстѣ, гдѣ выстроены казенные домики и вольные для пріѣзжающихъ. Виды здѣшніе не отдалены и граничатъ взоръ сосѣдними горами; но зато сколько жизни и свѣжести въ природѣ. Какъ нѣжна, усладительна для глазъ эта густая зелень, которою, какъ зеленымъ бархатомъ, покрыты горы.

На половинѣ пути лежитъ нѣмецкая колонія, называемая *Шотландкой*; она крестообразно пересѣчена двумя улицами; на самой серединѣ, подъ навѣсомъ стоитъ пушка и боевой ящикъ, такъ что если бы вздумалось заглянуть сюда черкесамъ (какъ то и было), то одной пушкой, по всѣмъ направленіямъ можно ихъ засыпать картечью. Въ колоніи вы найдете дешевый и вкусный обѣдъ.

Армяне господствуютъ въ Пятигорскѣ; вся внутренняя торговля въ ихъ рукахъ; армянинъ и въ лавкахъ, и въ гостиницѣ, и въ мастерскихъ. Но главное ихъ занятіе—серебряныя издѣлья съ чернью, какъ-то: обдѣлка сѣделъ, палокъ, трубокъ, колецъ, наперстковъ и пр.; все это чрезвычайно дорого и вовсе не изящно; но раскупается съ большою жадностью; каждый посѣтитель какъ бы обязанъ вывезти что нибудь на память съ надписью: „Кавказъ, такого-то года“.

[1]) 12; одни теплѣе, другіе свѣжѣе; но въ разсужденіи составныхъ частей почти одинаковы. Теплѣйшіе—наиболѣе подходятъ къ Теплицкимъ водамъ.

Есть нѣсколько хорошихъ лавокъ персидскихъ съ коврами и азіятскими матеріями.

Жизненные припасы дешевы до крайности; ихъ поставляютъ колонисты и мирные черкесы изъ сосѣднихъ ауловъ.

18 іюля. Лермонтова ужъ нѣтъ, вчера оплакивали мы смерть его. Грустно было видѣть печальную церемонію, еще грустнѣй вспомнить: какой ничтожный случай отнялъ у друзей веселаго друга, у насъ—лучшаго поэта. Вотъ подробности несчастнаго происшествія.

„Языкъ нашъ—врагъ нашъ". Лермонтовъ былъ остеръ и остеръ иногда до ѣдкости; насмѣшки, колкости, эпиграммы не щадили никого, ни даже самыхъ близкихъ ему; увлеченный игрою словъ или сатирическою мыслію, онъ не разсуждалъ о послѣдствіяхъ: такъ было и теперь.

15-го числа, утро провелъ онъ въ небольшомъ дамскомъ обществѣ (у В-р-хъ) [1]) вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ и товарищемъ по гвардіи *Мартыновымъ*, который только-что окончилъ службу въ одномъ изъ линейныхъ полковъ и, уже получивши отставку, не оставлялъ ни костюма черкесскаго, присвоеннаго линейцамъ, ни духа лихого *джигита*, и тѣмъ казался дѣйствительно смѣшнымъ. Лермонтовъ любилъ его, какъ *добраго малаго*; но часто забавлялся его странностью; теперь же больше, нежели когда. Дамамъ это нравилось, всѣ смѣялись, и никто подозрѣвать не могъ такихъ ужасныхъ послѣдствій. Одинъ Мартыновъ молчалъ, казался равнодушнымъ, но затаилъ въ душѣ тяжелую обиду.

„Оставь свои шутки или—я заставлю тебя молчать" были слова его, когда они возвращались домой. *Готовность всегда и на все*—былъ отвѣтъ Лермонтова, и черезъ часъ, два новые враги стояли уже на склонѣ Машука съ пистолетами въ рукахъ.

Первый выстрѣлъ принадлежалъ Лермонтову, какъ вызванному; но онъ опустилъ пистолетъ и сказалъ противнику: *„рука моя не поднимается, стрѣляй ты, если хочешь"*...

Ожесточеніе не понимаетъ великодушія: курокъ взведенъ, пафъ, и палъ поэтъ бездыханенъ.

Секунданты не хотѣли, или не сумѣли затушить вражды (Кн. Вас-въ и кон.-гв. оф. Гл-въ) [2]); но какъ бы то ни было, а Лермонтова ужъ нѣтъ, и новый, глубокій трауръ накинутъ на литературу русскую, если не европейскую.

---

[1]) Верзилиныхъ.

[2]) Васильчиковъ и Глѣбовъ.

Въ продолженіе двухъ дней, тѣснились усердные поклонники въ комнатѣ, гдѣ стоялъ гробъ.

17-го числа, на закатѣ солнца, совершено погребеніе. Офицеры несли прахъ любимаго ими товарища до могилы, а слезы множества сопровождавшихъ выразили потерю общую, незамѣнимую.

Какъ недавно, увлеченные живою бесѣдой, мы переносились въ студенческіе годы; вспоминали прошедшее, разгадывали будущее... Онъ высказывалъ мнѣ свои надежды скоро покинуть скучный югъ и возвратиться къ удовольствіямъ сѣвера; я не утаилъ надеждъ *нашихъ*,—*литературныхъ*, и прочиталъ на память одно изъ лучшихъ его произведеній. Черные большіе глаза его горѣли; онъ, казалось, утѣшенъ былъ моимъ восторгомъ и въ благодарность продекламировалъ нѣсколько стиховъ, которые и теперь еще звучатъ въ памяти моей.

Вотъ они:

„И скучно, и грустно, и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды;
Желанье!.. что пользы напрасно и вѣчно желать.
А годы проходятъ, всѣ лучшіе годы!..
Любить?.. но кого же? На время не стоитъ труда,
А на вѣчно любить не возможно;
Въ себя лишь заглянешь—тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда.
И радость, и мука, и все тамъ ничтожно...
Что жъ страсти?.. вѣдь рано иль поздно ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка!
И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,
Такая пустая и глупая шутка“...

Такъ провелъ я въ послѣдній разъ незабвенные два часа съ незабвеннымъ Лермонтовымъ.

Кисловодскъ [1]) — поэтическій уголокъ Кавказа. Десять дней, проведенныхъ мною тамъ, оживили меня. Послѣ душнаго, сѣрнаго Пятигорска, отрадно было подышать чистымъ, благоухающимъ воздухомъ. День проходилъ незамѣтно: съ удоволь-

[1]) Въ 40-верст. отъ Пятигорска къ югу. На половинѣ дороги лежитъ Ессентукская станица, гдѣ недавно открыты и еще мало устроены щелочныя ванны *(Авторъ)*.

ствіемъ пьешь вкусный, шипучій Нардзанъ [1]) (богатырь-вода), купаешься въ бассейнѣ, лакомишься форелью, фазанами и разными фруктами (все это по временамъ очень дешево) и потомъ безъ устали гуляешь по романическому парку; здѣсь чувствуешь себя бодрѣй, веселѣй, по дѣйствію ли укрѣпляющаго Нардзана, или по благотворной мѣстности, на которой расположена станица.

Одно только меня крайне тревожило: первый шагъ въ купальню; никакъ не могъ я, какъ и многіе, привыкнуть къ холоду цѣльнаго Нардзана (въ 10°), хоть взялъ болѣе 20 ваннъ. Всегда съ какою-то робостью опускаешься въ бассейнъ; но окунувшись разъ и сдѣлавши нѣсколько движеній въ водѣ, чувствуешь во всемъ разгорѣвшемся тѣлѣ какое-то особенное, необъяснимое удовольствіе, и въ такомъ пріятномъ ощущеніи охотно остаешься минутъ 5 и 6. Нѣкоторые просиживали до 20 и болѣе минутъ; но эта безразсудная шалость не всегда проходила даромъ.

Императрица Елисавета Алексѣевна, за годъ до кончины, намѣревалась лѣто провести въ Кисловодскѣ, для чего и былъ выстроенъ возлѣ источника красивый деревянный дворецъ, гдѣ теперь помѣщается гостиница и бываютъ собранія, и устроенъ обширный паркъ, которымъ наслаждаются посѣтители.

Въ серединѣ парка замѣчателенъ водопадъ, образовавшійся въ узкой, каменистой рѣчкѣ Березовкѣ; шумъ его, торжественно разстилаясь по ложбинѣ слабымъ, но безпрерывнымъ гуломъ, проникаетъ въ аллеи сада...

24 іюля зазвенѣлъ колокольчикъ, и въ полдень мы простились съ милымъ Кисловодскомъ. Отобѣдавъ въ Пятигорскѣ, въ сумерки пріѣхали въ Георгіевскъ. Полетѣли бы и дальше, но станціонный смотритель предложилъ намъ прочесть предписаніе, которое строго гласило, чтобы проѣзжающихъ отнюдь не выпускать по захожденіи солнца: благоразумная мѣра противъ ночныхъ мошенниковъ, которые своими проказами часто даютъ поводъ къ толкамъ и вымышленнымъ разсказамъ о набѣгахъ черкесскихъ.

Опять начались дорожныя мученія: ѣзда по нѣкоторымъ мѣстамъ Кавказской области и по всей невѣжественной землѣ Донскихъ казаковъ есть верхъ несовершенства; не могу объ ней вспомнить равнодушно.

---

[1]) Вода вкусомъ кисловата, освѣжающа и похожа, какъ говорятъ, на воду Спа, но менѣе содержитъ въ себѣ желѣза и отличается большимъ количествомъ углекислоты. *(Авторъ).*

Но переступивъ въ губернію Екатеринославскую, тотчасъ почувствуешь, что уже не у донцовъ въ гостяхъ: задержки рѣже, ѣзда скорѣй, да и хлѣбъ-соль завелась.

Отъ станціи Зайцевой мы повернули на Таганрогъ.

Нахичевань и Ростовъ-на-Дону.

Таганрогъ.

Имя города Нахичевань или Нахджевань, значитъ „мѣсто сошествія", но тотъ городъ въ Эривани и по преданію на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Ной остановился, вышедъ изъ ковчега; а мы теперь въ *Нахичеванѣ* другой, основанной армянами, выходцами изъ Крыма въ 1779 г. и расположенный на правомъ возвышенномъ берегу р. Дона.

Городъ великъ (до 12 т. ж. об. п.), но не опрятенъ, какъ сами армяне. Этотъ народъ, какъ по крайней мѣрѣ кажется изъ опыта, вмѣщаетъ въ себѣ свойства трехъ націй, а именно: подлость и неряшество еврея и цыгана и низкое высокомѣріе грека; итогъ всего этого = корысти да алчности и составляетъ ихъ собственное свойство. О женщинахъ не говорю: онѣ такъ же прекрасны, какъ и женщины тѣхъ же самыхъ трехъ націй.

Жители преимущественно занимаются перепродажей овечьей шерсти, привозимой изъ земли в. Донского и изъ другихъ сосѣднихъ мѣстъ.

Верстахъ въ трехъ отъ Нахичевани красуется богатый *Ростовъ*. Какая чудная мѣстность, сколько удобствъ для торговли. Не даромъ Великій Петръ имѣлъ мысль поставить здѣсь столицу.

Значительная промышленность жителей (до 10 т. об. п.)— рыбная ловля, сплавка лѣса и промывка овечьей шерсти; такъ же нагрузка и разгрузка товаровъ.

Оба эти города управляются однимъ Таганрогскимъ градоначальствомъ.

Бахчи здѣшнія—на удивленіе; арбузы—какихъ я нигдѣ не ѣдалъ; черный народъ ими только и питается: ѣстъ въ голодъ и пьетъ въ жажду; правду говорятъ, что мужикъ за копѣйку наѣстся, напьется и умоется.

Еще три переѣзда, и мы въ Таганрогѣ; остановимся здѣсь, отдохнемъ и осмотримся, въ ожиданіи парохода.

Таганрогъ основанъ Петромъ I-мъ (1706 г.), лежитъ на мысѣ, вдавшемся въ Азовское море и мѣстоположеніемъ имѣетъ большое сходство съ Одессою.

Жители (до 13 т.) большею частью иностранцы: греки, итальянцы, армяне и евреи; но много и русскихъ. Важнѣйшій торгъ состоитъ въ значительномъ отпускѣ за границу пшеницы, привозимой изъ сосѣднихъ губерній (до 300 т. четвертей); много повредилъ здѣшней торговлѣ переѣздъ (въ 1837 г.) порта и карантина въ Керчь; и вообще интриги двухъ временщиковъ, вначалѣ Потемкина, а теперь гр. Воронцова, для пользы любимца изъ Крыма, явно отнимаютъ выгоды у таганрогцевъ.

Императоръ Александръ, какъ извѣстно, избралъ Таганрогъ для постояннаго своего пребыванія, почему все здѣсь носитъ отпечатокъ его бдительнаго вниманія; даже были дѣлаемы заготовленія для постройки двухъ дворцовъ, но впослѣдствіи отмѣнены. Старый же дворецъ, обращенный изъ частнаго небогатаго дома, одноэтажный, небольшой; въ серединѣ аудіэнцъ-зала; направо въ той самой комнатѣ, въ которой скончался Императоръ, церковь во имя Его ангела; у царскихъ дверей позументомъ обведено то мѣсто, гдѣ стояла кровать, а внизу подъ тѣмъ же мѣстомъ сооруженъ чугунный памятникъ съ личнымъ изображеніемъ кончины. Налѣво отъ залы покои Импер. Елисаветы Алексѣевны; всѣ вещи, мебель, даже обои, сохраняются въ прежнемъ видѣ.

Есть еще колоссальный памятникъ Александру, изображающій его во весь ростъ; онъ поставленъ на площади противъ греческаго Іерусалимскаго монастыря; внутри же монастыря, гдѣ стоялъ гробъ, положена черная мраморная гробница съ бѣлымъ мраморнымъ крестомъ; впереди на налоѣ иконы—благословеніе бабки и матери; а справа золотомъ вышитая хоругвь,—приношеніе супруги—съ вышитою же надписью: „Нашъ ангелъ на небеси“.

Въ 39 г. я провелъ здѣсь дней пять очень пріятно, и въ особенности въ семействѣ добраго П—ки; и тогда же ознакомился со всѣми примѣчательностями.

Улицы просторныя; домовъ много каменныхъ, красивыхъ, большею частью съ бельведерами и съ жалюзи, вмѣсто ставень. Прекрасный публичный садъ съ хорошенькимъ павильономъ, въ которомъ помѣщается вокзалъ. Днемъ вы не встрѣтите гуляющихъ; но послѣ сумерокъ аллеи начинаютъ наполняться, и при мѣсячной ночи романическое гулянье длится за полночь: какое обширное поприще для любезностей. Сколько сценъ для наблюдателя... Это обыкновеніе, конечно, завезено сюда итальянцами.

Предмѣстья Таганрога лежатъ по берегу моря; изъ нихъ въ особенности хорошъ *Елисаветинскій садъ*, гдѣ прежде былъ

карантинъ; жаль только, что все въ страшномъ запущеніи. Хвалятъ *Петровы дубки;* но я тамъ не былъ.

4 августа, въ сумерки, я съ какимъ-то малодушнымъ восторгомъ взбѣжалъ на пароходъ: такъ сильно безпокоило меня нетерпѣливое любопытство скорѣй пуститься въ море, увидѣть невиданное, испытать невѣдомое... но какъ нарочно, сильный противный вѣтеръ бушевалъ и не позволялъ намъ сняться съ якоря. Наскоро отужинавъ въ общей каютѣ, я возвратился отъ сильной качки опять на палубу, улегся у борта и старался заснуть, чтобы ускорить время.

Азовское море.

Пароходъ „Митридатъ".

На другой день, утромъ вѣтеръ утихъ и повернулъ намъ въ путь; въ 8 часовъ „Митридатъ" двинулся, распустилъ паруса и понесся въ море. Долго любовался я на быстро отдалявшійся городъ; но, наконецъ, мы завернули за мысъ, и берега исчезли...

Море волновалось слабо; небо было ясно; только однообразный шумъ колесъ нарушалъ тишину; да изрѣдка встрѣчавшіяся суда съ обычными переговорами въ рупоръ, капитановъ и лоцмановъ,—пестрили тихое вниманіе мое. Сколько сладкихъ надеждъ виднѣлось въ моемъ воображеніи. Сколько грустныхъ воспоминаній тѣснилось въ мою душу...

Черезъ 6 часовъ плаванія, показался Маріуполь; мѣсто города едва бѣлѣлось, обозначаясь только судами, возлѣ него стоявшими; остальное скрывалось въ туманной отдаленности.

Вотъ проглянулъ и Бѣлосарайскій маякъ, — знакъ, что мы на половинѣ пути. Отсюда круто повернули влѣво, пошли по прямой линіи къ пункту.

Ночь темная: мѣсяца нѣтъ, звѣзды проглядываютъ тускло; только сильно разсѣваемыя волны съ шумомъ клубятся и сыплютъ серебристыя брызги.

Въ 8 часовъ утра показался городъ *Еникалъ* [1]), здѣсь мы повернули вправо и взошли въ узкій проливъ; противный, Таманьскій берегъ былъ видимъ простыми глазами. Въ это время

---

[1]) Бывшая греческая колонія Пареенонія. На турецкомъ языкѣ значитъ новая крѣпость.

кончался нашъ прощальный завтракъ; капитанъ, завидѣвъ Керченскій берегъ, вспѣнилъ бокалы, дружески поблагодарилъ насъ за пріязнь и скомандовалъ: на салютъ. Пушка прогремѣла, и отвѣтный выстрѣлъ задымился съ берега.

Крымъ.

Керчь.

Итакъ, въ 24 часа мы перерѣзали вдоль Азовское море, и въ полдень вышли на берегъ. Путь нашъ былъ для меня пріятной прогулкой; все доставляло мнѣ истинное удовольствіе и отгоняло самую мысль объ опасности: прекрасный лѣтній воздухъ; легкій, попутный вѣтеръ; любезное, хотя небольшое общество, и въ особенности плутовскіе черные глазки... долго потомъ грѣзились они мнѣ...

Добрый сербъ-капитанъ парохода, забавлялъ насъ своею наивностью; онъ всегда веселъ, всегда навеселѣ. Патріотическіе разсказы его объ Сербіи, изъ временъ Наполеона, презанимательны.

Красивый, каменный городокъ, *Керчь* [1]) лежитъ при соединеніи Азовскаао моря съ Чернымъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то существовала Пантикапея [2]), убѣжище Митридата Евпатора, побѣжденнаго Помпеемъ въ Малой Азіи.

Для антикварія любопытнаго здѣсь много; музеумъ наполненъ рѣдкостями: остатки лучшихъ произведеній греческаго искусства, перстни и разныя золотыя вещи, сосуды для жертвоприношеній и проч. Жаль только, что гг. ученые все лучшее повыбирали для Петербурга; мнѣ кажется, всякая древность имѣетъ существенное достоинство только на томъ мѣстѣ, гдѣ найдена.

На горѣ Митридатовой, по которой устраивается великолѣпная лѣстница, высѣчено изъ камня мѣсто; съ него-то, какъ гласитъ преданіе, Митридатъ любовался Босфоромъ; дѣйствительно, видъ отсюда на море восхитительный; особливо теперь, въ навигаціонное время, когда флаги всѣхъ націй пестрѣютъ на всемъ пространствѣ Керченской бухты.

Въ историческомъ отношеніи очень замѣчательна мраморная плита, случайно найденная въ Тамани и хранящаяся въ здѣшнемъ музеѣ; надпись ея: „въ лѣто (. . .) Глѣбъ Князь мѣримъ мо и проч.“ (sic) уничтожила всѣ гипотезы относительно Тмутараканскаго княжества.

---

[1]) Основанъ генуэзцами въ XIV столѣтіи. *(Авт.)*.

[2]) За 600 лѣтъ до Р. Х. *(Авт.)*.

Церковь Іоанна Крестителя есть одна изъ древнѣйшихъ въ Россіи.

Долго занимали меня окрестные курганы или кладбище древнихъ; большая часть изъ нихъ разрыты; я заглядывалъ въ нѣкоторые и любовался изысканной отдѣлкой пещеръ и гробницъ; во многихъ находимы были драгоцѣнности; и въ особенности въ двухъ, такъ называемыхъ, Золотомъ и Царскомъ.

Карантинъ опрятно выстроенъ верстахъ въ 3-хъ отъ города на развалинахъ Мирминіона.

Главный и весьма значительный промыселъ жителей (до $7^1/_2$ т. об. п.)—ловля разнаго рода рыбы, и особенно сельдей, удачно приготовляемыхъ по голландскому способу.

Здѣсь мы опять сѣли въ коляску; при выѣздѣ, курганы разныхъ высотъ цѣпью тянулись по обѣимъ сторонамъ; потомъ становились рѣже, наконецъ совсѣмъ исчезли, и дорога къ *Салтановкѣ* повела по безплоднымъ, безтравнымъ степямъ.

Ѳеодосія.

Этотъ городъ стоитъ на отлогой возвышенности юго-восточнаго берега Крымскаго полуострова; на немъ отражались всѣ перевороты въ судьбѣ древняго Крыма; а теперь не занимаетъ даже ограды прежней *Кафы* [1]).

Жители *Ѳеодосіи*—евреи, караимы и армяне; много и грековъ, живущихъ въ средней части, въ довольно красивыхъ домахъ, съ садами, и сохранившихъ характеръ древняго греческаго типа; жены ихъ поразительной красоты.

Татаръ тоже много и въ особенности Нагайскихъ, которые, какъ и вездѣ, дѣлаютъ только телѣжки; жилища ихъ—кибитки, а богатство—верблюды съ жвачкой. На рынкѣ встрѣтите и нѣмца-колониста съ обычнымъ крикомъ: картофель, картофель.

Морскія купанья устроены дурно, музеумъ бѣденъ, устрицъ не могли найти. Старушка Кафа интересна только издали: развалины генуэзскихъ укрѣпленій придаютъ ей видъ патріархальной важности.

Безопасный и почти незамерзающій портъ доставляетъ большое удобство торговлѣ заграничной, которая состоитъ изъ сбыта хлѣба, кожи и шерсти.

Множество водопадовъ и колодцевъ, своими руинами, напоминаютъ нѣгу прежнихъ владыкъ.

Поспѣшимъ дальше.

---

[1]) Древне генуэзское названіе. *(Авт.)*.

Карасубазаръ.

Проѣхавъ первую станцію, увидѣли мы вершины Крымскихъ горъ; еще два переѣзда, и мы въ *Карасубазарѣ*.

Это городъ чисто татарскій; о немъ европейскіе города не могутъ дать даже слабаго понятія; нечистота поразительная Изъ строеній, въ безпорядкѣ слѣпленныхъ изъ сырцоваго кирпича, кое-гдѣ торчатъ минареты; тутъ же кладбища съ магометанскими, развалившимися памятниками,—и только.

Нѣсколько караимовъ, въ своихъ широкихъ одеждахъ и нѣсколько знатныхъ татаръ, которые цѣлые дни проводятъ у дверей кофейныхъ, неопрятныхъ домовъ, съ трубкою въ зубахъ, вотъ отборное здѣшнее общество. Женщины рѣшительно не доступны; и если встрѣтите, то ничего не увидите: закутанныя съ головы до пятокъ въ бѣлые шерстяные саваны такъ тщательно, что только зрачки виднѣются,—онѣ, какъ тѣни, бродятъ по улицамъ, впрочемъ, мнѣ удалось подсмотрѣть одну [1])—какихъ я зналъ только по слуху.

Отсюда дорога дѣлается болѣе и болѣе гориста. Вотъ и *Чатырдагъ* [2])—знаменитость Крымскихъ горъ.

Изумительная картина Кавказа; но холодна, безжизненна; великаны его, нагруженные громадою камней, или покрытые саваномъ вѣчнымъ, представляютъ собой только дѣло случая, игру природы; ихъ видъ, сильно поразивши васъ вначалѣ, скоро свыкается съ вашимъ взоромъ и, наконецъ, утомляетъ своимъ однообразіемъ. Не таковы горы Крыма: онѣ если не изумятъ васъ своею колоссальностью, то обворожатъ своею красотой, полной жизни цвѣтущей, разнообразной...

Симферополь.

Алушта, Ялта и дачи южнаго берега Крыма.

Въ *Симферополѣ*, губенск. гор. Таврической губ., мы только перемѣнили лошадей; оставляю его до свиданья: мы еще возвратимся къ нему.

Съ самаго выѣзда отсюда, вверхъ по теченію узкаго Салгира, начинаются дачи скромныя, хозяйственныя; потомъ болѣе и болѣе нарядныя и, наконецъ, роскошныя, оспаривающія славу дачъ петербургскихъ.

Въ *Алушту*, первое приморское селеніе, мы пріѣхали ночью; полный мѣсяцъ освѣщалъ прекрасную видопись, а Черное море

[1]) Пропускъ.

[2]) Татарское слово, значитъ букв. Гора-Палатка.

привѣтствовало шумнымъ плескомъ волнъ. Долго не могъ я заснуть, подстрекаемый нетерпѣніемъ — скорѣй увидѣть, при свѣтѣ солнца, южный берегъ прославленнаго Крыма. Съ восходомъ солнца, я былъ уже въ морѣ и, полоскаясь въ волнахъ, не сводилъ глазъ съ хорошенькой Алушты: обширные виноградники у самаго берега, далѣе заѣзжій домикъ въ турецкомъ вкусѣ и красивая готическая церковь; влѣво деревня съ татарскими хижинами и съ высокимъ минаретомъ; тутъ же развалины Юстиніановыхъ башенъ; потомъ горы одна другой выше и выше; и наконецъ Чатырдагъ, какъ бы упавшій занавѣсъ, граничитъ взоръ.

Отсюда почтовая дорога, съ удивительнымъ искусствомъ, проведена между скалами и пропастями; ее можно сравнить только съ дорогой, которую Наполеонъ такъ смѣло перебросилъ черезъ вершины непроходимыхъ горъ Швейцаріи. Круто извиваясь, она то поднимается на страшную высь, то опускается въ очаровательную долину, и при каждомъ поворотѣ предметы смѣняются, картины разнобразятся.. Увлеченный путешественникъ, безпрестанно кружась въ этомъ волшебномъ лабиринтѣ, не можетъ..... вниманія, не успѣваетъ уловить впечатлѣнія... и только два чудные спутника слѣдуютъ за нимъ: Черное море и Палатъ-гора.

Проѣхавъ 15 верстъ до станціи Біюкъ-Ламбата, по лѣсной, душистой отъ зелени и цвѣтовъ дорогѣ, показывается въ первый разъ Аюдагъ; татарское названіе—медвѣдь-гора—очень обрисовываетъ этого великана; именно, какъ будто, медвѣдь, спустившись изъ горныхъ лѣсовъ къ берегу, изволитъ тянуть въ себя морскую воду.

Ялта.

Алупка.

Полные удовольствія и удивленія, въѣхали мы въ *Ялту*. Этотъ новорожденный городокъ, учрежденный три года назадъ, съ 500 жителей и немногими красивыми домами, не остановитъ вниманія; только церковь изящно-готическаго вкуса, возвышаясь на уступѣ горы, влечетъ путешественника къ молитвѣ и заставляетъ любоваться архитектурой.

Казначейство еще не устроено, и потому служебныя занятія намъ не предстоятъ. Не теряя времени, мы „холку хвать и въ стремя ногу“.

Ближайшая изъ дачъ къ западу, *Левада* графа Потоцкаго,

тамъ теперь имѣетъ пребываніе В. Кн. Елена Павловна; мы проѣхали мимо красивый домъ и обширный паркъ, и увидѣли Императорскую Оріанду, бывшую гр. Кушелева-Безбородки: мѣстоположеніе удивительное, едва-ли не лучшее изъ красотъ Крыма.

Отъ домика Императора Александра вьются, пересѣкаются широкія дорожки по всему великолѣпному парку; то углубляются въ таинственную дикость лѣса и приводятъ къ обильному каскаду, съ оглушающимъ ревомъ падающему въ разныхъ направленіяхъ, то поднимаются высоко, указываютъ на обрывистыя, громадныя скалы, раскрываютъ лазурное море съ его цвѣтистыми берегами...

Возлѣ Императорской, другая, *Оріанда-Притвица*, бывшая графа Дибича, съ маленькимъ простенькимъ домикомъ, съ виноградникомъ и густымъ садомъ. Потомъ третья *Оріанда гр. Витта*, принесенная въ даръ Вел. Кн. Еленѣ Павловнѣ; мѣстность—романическая; южныхъ деревьевъ и разныхъ родовъ кустарниковъ въ изобиліи; но всѣ строенія, когда-то красивыя, теперь въ большомъ упадкѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что вниманіе новой владѣлицы превратитъ это мѣсто въ картину очаровательную.

Нѣсколько далѣе зеленѣютъ виноградники кн. Мещерскаго, и возвышается готическій домъ кн. Голицына; хозяинъ (Александръ Николаевичъ) не былъ здѣсь еще ни разу, и потому устройство дачи *Гаспаръ*—не въ совершенствѣ. Управляющій весьма охотно, какъ тамъ, къ чести владѣльцевъ, вездѣ водится, показалъ намъ внутренность дома; все очень мило, съ большимъ вкусомъ. Въ особенности меня заняла одна изъ башенъ, въ которой, поднявшись по винтовой лѣстницѣ въ самый верхъ, останавливаешься въ волшебномъ фонарѣ, съ зеркальными стеклами фіолетоваго и золотистаго цвѣта на всѣ стороны, и это-то разновѣтныя стекла придаютъ чудесамъ природы истинное очарованіе. Во 2-мъ этажѣ середняго фасада, въ одной изъ лучшихъ комнатъ, поставленъ на мраморномъ каминѣ портретъ хозяина, а надъ нимъ на стѣнѣ завѣтная надпись карандашомъ собственной руки Государя: „радъ видѣть портретъ; но оригинала никогда не желаю здѣсь видѣть, ибо кого душевно любишь, съ тѣмъ не разстанешься вѣчно: на такъ ли?

„*Николай*, 1837, сентябрь“.

По сторонамъ прибавлено:

Согласна „*Александра*“

„*Александръ, Марія, Елена*“.

Все это, вмѣстѣ съ портретомъ, накрыто стекломъ и обведено золотой рамой.

На станціи *Мисхоръ-Нарышкина*, въ 11 вер. отъ города, я радъ былъ пріостановиться; полуденный жаръ, верховая ѣзда и любопытство, требовавшее немалыхъ трудовъ,—такъ утомили меня, что я отказался даже осмотрѣть здѣшнюю окрестность; только проѣздомъ, съ лошади окинулъ глазомъ обширный паркъ и строеніе прихотливой архитектуры. Подкрѣпивши себя закуской, въ которой товарищъ мой постоянно прилеженъ, мы отдохнули добрыхъ два часа, перемѣнили лошадей, безобразныхъ и неуклюжихъ, какъ и ихъ хозяева, и пустились тихимъ шагомъ впередъ.

Осмотрѣвши и налюбовавшись всѣми береговыми прелестями, изъ которыхъ каждая отдѣльно имѣетъ свое значеніе въ созданіи природы и въ изящныхъ трудахъ искусства, мы незамѣтно подъѣхали къ обширнымъ виноградникамъ знаменитой *Алупки*, имѣнія гр. Воронцова.

Колоссальность, такъ называемаго тамъ, дворца еще издали высказываетъ свою величественную роскошь, но, подъѣзжая ближе, путешественникъ обращается весь во вниманіе, въ изумленіе. Прогулка была бы безконечна, разсказъ неистощимъ, какъ неистощима здѣсь въ чудесахъ своихъ природа, если бы останавливаться на всѣхъ великолѣпныхъ видахъ, которые представляются отсюда на необозримое море, то свѣтлое, какъ лазурь неба, то бурливое и бугристое, какъ прибрежныя горы; если бы передавать всѣ прелести долинъ, усаженныхъ виноградниками, оливами, лаврами, гранатами, и усѣянныхъ миленькими, фантастическими домиками...

Въ Алупкѣ я забылъ усталость, не чувствовалъ полуденнаго зноя и, какъ на изящной выставкѣ, бѣгалъ отъ предмета къ предмету: привлекателенъ, торжественъ нижній садъ, у моря, своими узорчатыми цвѣтниками, художественными павильонами, фонтанами, стройными кипарисовыми рощицами и раскидистыми дѣтьми юга; но какъ очарователенъ, таинственъ верхній садъ за домомъ, своими темными аллеями, мрачными гротами, ущельями, страшными скалами и гремучими каскадами...

Въ этотъ день (11 авг.) хозяинъ угощалъ Великую Княгиню и В. Княж. Мы, какъ и всѣ путешественники, тоже приглашены были на балъ; но, не имѣя при себѣ бальнаго костюма, отклонились, и потому не удалось заглянуть во внутренность дома.

Отобѣдавъ въ гостиницѣ и съ удовольствіемъ распивъ бутылку *шампанскаго* подъ фирмою *Воронцовскаго*, мы расположились на отдыхъ въ опрятномъ номерѣ и опять готовы были на вечернюю прогулку. Заблистали разноцвѣтные огни, загремѣла музыка, и, вотъ, вся аристократія южнаго берега плѣнительными группами разсыпалась по всѣмъ направленіямъ обоихъ садовъ: картина великолѣпная, эффектъ невообразимый. Самый взыскательный, избалованный взоръ остановился бы здѣсь обвороженнымъ...

Поздно ночью возвратились мы въ Ялту.

Очень хотѣлось мнѣ изъ Алушты прокатиться къ Балаклавѣ, Севастополю и до Евпаторіи; но равнодушіе сотоварища, отъ котораго, къ несчастью, больше зависѣлъ планъ поѣздки, было неумолимо; съ флегматическими мыслями о чисто вещественномъ, онъ хладнокровно обращался къ дивамъ природы и искусства; не восхищался ими, а только удивлялся моему, по словамъ его, малодушному восторгу.

На слѣдующее раннее утро, мы отправили коляску по почтовой дорогѣ, а сами, запасшись *фирманомъ* [1]), верхами двинулись на востокъ къ береговымъ дачамъ. Опять сколько прелестей, что ни шагъ, то новая картина, новое удовольствіе.

Первая, по этой сторонѣ, дача Исленева—просто игрушка; съ какимъ вкусомъ группированы ослѣпительные цвѣтники, какъ милъ турецкій домикъ и какъ интересна русская изба съ раскрашенными ставнями и со всѣмъ типомъ народнаго вкуса: глазъ не хочется оторвать отъ этой игрушки.

Айданиль и Мартіанъ—начало развитія новаго Крыма; они первые были куплены гр. Воронцовымъ и насаждены выписанными плантаціями изъ Италіи, Франціи, Венгріи и съ береговъ Рейна. Огромный погребъ на 25 сажен. говоритъ объ изобильномъ винодѣліи. Отсюда внизъ повела насъ дорога въ Магарачъ: сколько изящнаго въ картинѣ Магарача, представляющаго собою прекрасный городокъ; здѣсь болѣе двадцати владѣльцевъ, и у каждаго свои виноградники, свои садики и дачки съ премиленькими домиками; многія семейства проводятъ здѣсь даже и зиму. Вправо отсюда виденъ казенный ботаническій садъ подъ названіемъ „Никита“, въ которомъ быть мнѣ не удалось, а влѣво красуется богатая *Масандра* гр. Воронцова, самая обширнѣйшая изъ всѣхъ дачъ:

---

[1]) Открытый листъ на татарскомъ языкѣ для полученія верховыхъ обывательскихъ лошадей. *(Авт.)*

при ней 800 десятинъ земли. Первое, что меня здѣсь остановило—былъ Храмъ Божій: царскія двери, отражая въ своихъ золотыхъ лучахъ лучи солнца, ярко сіяли и, черезъ раскрытыя западныя двери, озаряли странниковъ. Внизу изъ-подъ престола струится живой источникъ и за церковной оградой бьетъ благодатнымъ для путешественниковъ фонтаномъ. Почтенный старецъ-священникъ пригласилъ насъ въ тихій уголокъ на скудный завтракъ; собственныя его выраженія, нисколько не оправдавшіяся на дѣлѣ: то и другое съ большой руки. Хозяйскій домъ, выстроенный галлереями, очень наряденъ, а англійскій паркъ—единственный въ своемъ родѣ: честь дѣятельности и вкусу благодѣтеля здѣшняго края.

У Людага, или Медвѣжьей горы, въ одной татарской деревнѣ, мы должны были перемѣнять верховыхъ лошадей. Тамошній мулла, своею бѣлою чалмою, первый бросился мнѣ въ глаза; я, чтобы завязать съ нимъ разговоръ, обратился къ нему съ какимъ-то привѣтствіемъ; онъ очень охотно и свободно отвѣчалъ мнѣ тѣмъ же и, съ любопытствомъ разспросивъ—кто я и откуда, пустился въ разсказы про свое житье-бытье, про живущихъ съ нимъ татаръ, ихъ лѣность и скудность, разсуждая обо всемъ здраво и безпристрастно; потомъ предложилъ мнѣ видѣть мечеть, гдѣ старался по возможности объяснить религіозныя значенія вещей, чего, признаюсь, я нисколько не понялъ; заглянувъ въ окно на солнце, онъ просилъ меня остаться въ сѣняхъ, а самъ, взобравшись на минаретъ, протяжно затянулъ по-своему „на молитву“, важно двигаясь кругомъ купола. Вскорѣ начали собираться правовѣрные старцы, въ числѣ которыхъ были и гаджи, съ бѣлою чалмою въ знакъ посѣщенія Мекки; сбрасывая свои туфли въ сѣняхъ и приложивъ обѣ руки къ ушамъ, они съ поклонами входили въ мечеть; потомъ, поджавъ ноги, располагались на коврахъ и войлокахъ, и опять въ безмолвіи продолжали кланяться, а мулла, сидя противу нихъ, безпрерывно журжалъ себѣ подъ носъ молитвы, по временамъ вскрикивалъ: Аллахъ Экбекъ, Аллахъ Керамъ [1]). По окончаніи вечерни, мы опять вмѣстѣ возвратились на прежнее мѣсто; мулла бросился хлопотать около моей лошади, а я спросилъ свой походный мѣшокъ, и когда все было готово, предложилъ ему на прощанье фляжку съ виномъ, онъ вынулъ пробку, нюхнулъ, поморщился и, отдавая мнѣ назадъ, пробормоталъ сквозь зубы: „Магометъ не велѣлъ“. Я

[1]) Богъ великъ, Богъ милосердъ. *(Авт.)*.

подалъ ему другую фляжку съ водкой; онъ опять недовѣрчиво понюхалъ, и съ словомъ „можно“ сдѣлалъ гуль-гуль, и водки какъ не было. Сколько найдется и у насъ подобныхъ исполнителей закона.

Спустившись влѣво по извилистой и опасной тропинкѣ, мы остановились въ татарской деревнѣ *Юрзуфъ*, на превосходной дачѣ г. Фундуклея; она принадлежала прежде гр. Воронцову и была любимою дачею старшей его дочери; по смерти же ея, какъ мѣсто тяжелыхъ воспоминаній для хозяина, оставалась безъ вниманія и, наконецъ, продана. Отсюда показывали намъ занимательную игру случая: возлѣ Аюдага возвышается другая гора (названія не помню) и имѣетъ одну изъ вершинъ округленную; всмотрѣвшись въ нее, найдешь разительное сходство съ профилемъ Императора Александра.

Смерклось; надо было торопиться къ мѣсту назначенія; еще полчаса, и насъ застигла темь совершенная. И такъ, между страхомъ и нетерпѣніемъ, благодаря опытности проводника-татарина и инстинктивной осторожности лошадей, свойственной лошадямъ горскимъ, мы, измученные, кое-какъ въ полночь добрались до Алушты. Къ Симферополю дорога повторилась; только первыя и самыя живописныя 10 в. были незнакомы, потому что тотъ разъ мы проѣхали ихъ ночью. Здѣсь-то каждаго русскаго остановитъ каменный фонтанъ слѣдующею надписью:

„Вблизи сего мѣста, въ сраженіи противъ турокъ, раненъ въ глазъ генералъ-маіоръ Голенищевъ-Кутузовъ, впослѣдствіи князь Смоленскій“.

Быстрая, истинно русская ѣзда уносила насъ все далѣе и далѣе; еще нѣсколько верстъ, и прощай чудный край: скрылось море, исчезъ и великанъ.

Я былъ въ сладкихъ мечтахъ изъ Симферополя съѣздить въ Бахчисарай (въ 30 вер.) и провести храмовой праздникъ Успенія въ знаменитомъ монастырѣ; въ это время тамъ бываетъ большая ярмарка, и народъ во множествѣ стекается со всѣхъ сосѣднихъ мѣстъ; даже аристократія съ береговыхъ дачъ, какъ говорили, кавалькадой сопровождала туда Великую Княгиню. Тамъ думалъ и я быть, но съ досадной грустію уступилъ равнодушію сотоварища, котораго не манила ни древняя слава столицы Крымскихъ хановъ, ни ея великолѣпіе, ни, даже, перо незабвеннаго Пушкина...

Симферополь (губ. г. Тавр. губ.) расположенъ на красивомъ берегу Салгира, но не щеголеватъ строеніемъ; жителей имѣетъ до 9 т., изъ которыхъ $^2/_3$ татаръ и только $^1/_5$ русскихъ; осталь-

ные евреи, армяне и греки; на лакомыхъ мѣстахъ—на базарахъ встрѣчались мнѣ и плутоватые цыгане. Главный промыселъ горожанъ—продажа фруктовъ, въ большомъ количествѣ отправляемыхъ внутрь Россіи; также сбытъ шерсти испанскихъ и простыхъ овецъ.

Отсюда начались скучныя, однообразныя степи и провожали насъ 170 в. до Перекопа и потомъ болѣе 100 до г. Алешки.

Перекопъ можно назвать воротами, только никакъ не тріумфальными, полуострова Крыма; онъ лежитъ на самомъ перешейкѣ, возлѣ большого вала или рва, длиною 7 верстъ, сдѣланнаго за нѣсколько вѣковъ до Р. Х.; валъ идетъ отъ моря Чернаго до Гнилого и былъ когда-то судоходнымъ, а теперь обвалившійся и вовсе безъ воды. Наружность городка деревенская, а занятіе бѣдныхъ жителей состоитъ въ добываніи озерной соли; одно изъ самыхъ большихъ, Красное озеро, покрытое огромными соляными икрами, видно съ большой дороги.

Какой разительный, грустный переходъ отъ роскошныхъ картинъ южнаго Крыма къ утомительнымъ степямъ сѣвернаго. Прощай, Таврида. Прощай надолго, если не навсегда. Благодарю тебя, красавица, за тѣ высокія чувства, которыя внушала мнѣ твоя южная прелесть; за тѣ сладкіе часы, которые я проводилъ на цвѣтущей, полной нѣги груди твоей, упиваясь чистымъ, благодатнымъ дыханіемъ твоимъ... Красуйся и гордись, Таврида: ты лучшій даръ природы,—ты перлъ въ коронѣ русской.

Теперь скажу нѣсколько статистическихъ замѣчаній, извлеченныхъ мною изъ наблюденій собственныхъ и изъ разсказовъ несомнѣнныхъ.

Таврическій полуостровъ физически дѣлится на сѣверный и южный Крымъ хребтомъ горъ, идущихъ большею частію по южному берегу. Сѣверная сторона представляетъ долину, способную къ земледѣлію; только возлѣ Гнилого моря, или Сиваша, ютятся соленыя озера, вредныя испаренія которыхъ дѣлаютъ воздухъ нездоровымъ, порождающимъ мучительныя лихорадки. Напротивъ того, южный Крымъ приведетъ въ восторгъ каждаго путешественника и своими красотами и благорастворенностію климата, который сравниваютъ съ климатомъ Италіи и Малой Азіи. Самыя нѣжныя растенія и плодовыя деревья растутъ тамъ на открытомъ воздухѣ. Ботаническій Никитскій садъ увѣряетъ, что всѣхъ растеній, т. е. деревьевъ, кустовъ и цвѣтовъ въ Крыму до 1.200 породъ; какъ, напримѣръ: володскіе орѣхи,

такъ раскидисто и тѣнисто растущіе по всему Крыму; орѣхи фундуки длинные; инжиръ или винныя ягоды; разныхъ сортовъ яблоки и въ особенности такъ называемыя крымскія, которыя впрочемъ тамъ на мѣстѣ слишкомъ тверды и требуютъ долгой лежки; лучшихъ породъ сливы, чернослив, дули и бергамоты; персики, абрикосы, каштаны, маслины, шелковицы, кизилъ, кипарисъ, лавръ; даже созрѣваютъ фиги, миндаль; растетъ хлопчатая бумага и т. д.

Зимы въ прибрежныхъ мѣстахъ почти не бываетъ; иногда ночью выпадаетъ снѣгъ въ морозцемъ не свыше 3°, а утромъ и нѣтъ ничего; выше отъ берега двѣ—три версты случаются морозы ощутительные, а далѣе на горахъ и препорядочные.

Вся эта страна населена татарами, которые лѣпятся и по берегамъ, кроются и между горъ; первые болѣе красивы, дѣятельны и опрятны; общее занятіе ихъ—садовство, а промышленность—сбытъ фруктовъ. Рыбный промыселъ вовсе не важенъ, и ловля устрицъ въ большомъ количествѣ бываетъ исключительно зимой; тогда сотня ихъ не дороже рубля асс.; теперь же онѣ горьки, тощи, не годны къ употребленію.

Цѣнность земли на южномъ берегу неимовѣрная: не дешевле 2 т. руб. асс. за одну необработанную десятину, а доходу почти никакого; почему же такая дороговизна? Не по модѣли? Быть можетъ. Впрочемъ, время ли еще говорить о доходахъ, когда единственная, благородная цѣль владѣльцевъ богачей клонится только къ развитію и усовершенствованію такого важнаго для государства предмета, каково винодѣліе; должно только удивляться быстрымъ успѣхамъ этого занятія; теперь наготовлено вина болѣе 100 т. ведеръ; но вотъ бѣда: сбытъ его затруднителенъ.

О скромныхъ татаркахъ ничего не могу сказать: онѣ, по закону своему, ведутъ жизнь затворническую или показываются не иначе, какъ говорилъ я въ статьѣ о Карасубазарѣ.

Остальныя 100 верстъ по Таврическимъ степямъ отъ Перекопа до Алешекъ, я желалъ бы выкинуть изъ моей памяти: такъ утомили меня песчаная тяжкая дорога и ослѣпительная, удушливая пыль. Въ *Алешкахъ* освѣжила меня слава этого города—сочный, душистый арбузъ; ни на Дону, ни на Кавказѣ, ни даже въ Таганрогѣ не лакомился я такими арбузами.

День былъ нестерпимо знойный. Насъ помѣстили на огромную лодку и канатами потянули по извилинамъ разныхъ рѣчекъ, или протоковъ Днѣпровскихъ, и потомъ въ виду Хер-

сона понесли на веслахъ по самому Днѣпру. Вся эта пытка продолжалась на разстояніи 17 верстъ. Сбѣжавъ съ лодки на берегъ, я бросился въ Днѣпръ и, освѣживъ себя купаньемъ, побрелъ въ городъ.

Херсонская губернія.

Херсонъ обширенъ и многолюденъ; имѣетъ болѣе 20.000 жителей и богатъ евреями; успѣшно ведетъ внѣшній торгъ, преимущественно съ Голландіею и Англіею, канатомъ, пенькою, кожами, льнянымъ сѣменемъ и даже хлѣбомъ, а внутренній особенно съ Харьковомъ—разнаго рода товаромъ.

Чтобы знать замѣчательности города, надо быть въ крѣпости, прочесть золотую надпись надъ главнымъ входомъ въ соборную крѣпостную церковь: „Спасителю рода человѣческаго Екатерина Вторая посвящаетъ“, и обойти гробницы лежащихъ тамъ Очаковскихъ героевъ.

Достоинъ также вниманія новый бронзовый памятникъ на площадкѣ, возлѣ небольшого городского сада, съ надписью: „Потемкину, Новороссійскій край“. Художникъ очень удачно изобразилъ героя во весь ростъ, но сдѣлалъ одну, весьма важную ошибку противъ природы и исторіи Потемкина...

Возвращаясь въ гостиницу, въ одной изъ лучшихъ улицъ я встрѣтилъ толпы евреевъ и евреекъ; какъ смѣшны и уродливы *зидки* въ своихъ долгополыхъ черныхъ, лощеныхъ сюртукахъ, подпоясанные черными широкими кушаками, и въ огромныхъ мѣховыхъ шапкахъ; за то какъ интересны ихъ хорошенькія *зидовоцки* въ жемчужныхъ богатыхъ повязкахъ и нарядныхъ платьяхъ. Отдѣльными группами преважно расхаживая по одной улицѣ взадъ и впередъ, такъ празднуютъ они свой *сабасъ*, и съ тощими желудками нетерпѣливо поглядываютъ на солнце, поджидая завѣтнаго его захожденія.

У заставы виднѣлся намъ пирамидальный памятникъ филантропа Говарда.

Въ сумерки мы выѣхали изъ Херсона, а ночью проѣхали военный городъ *Николаевъ*. Свѣтлая, мѣсячная ночь не скрыла отъ насъ нѣсколько красивыхъ домовъ и адмиралтейскаго бульвара, опушающаго берегъ *Ингула* своими пирамидальными тополями; вотъ все, что я могъ разсмотрѣть; о красотѣ всего города и его окрестностей, а также и о пріятномъ военномъ обществѣ, мнѣ потомъ разсказывали много: вѣрю на слово, если не могу повѣрить на дѣлѣ.

Здѣсь лошадей не перемѣняютъ, и потому насъ немедля на поромѣ перенесли черезъ Ингулъ, который тутъ же сливается съ *Бугомъ*, и высадили на другомъ берегу у станціи *Варваровки*.

Черезъ три скучныхъ переѣзда, дорога оживилась; заблистало знакомое море, послышался отдаленный шумъ его волнъ, и мы поѣхали по самому берегу; мнѣ сдѣлалось весело... Еще переѣздъ и—забѣлѣлась на горизонтѣ наша южная столица. Съ отраднымъ чувствомъ вперилъ я глаза на возрастающую возвышенность; картина развивалась все болѣе и болѣе; потомъ широкая аллея обняла насъ своею прохладною тѣнью, и, наконецъ, поднявшись на гору, мы въѣхали въ заставу.

Одесса.

Одесса. Какъ заманчиво, увлекательно это слово. Съ самаго начала моего путешествія, я уже мечталъ объ Одессѣ; думалъ объ ней на Кавказѣ, даже въ Крыму: такъ сильно неравнодушные разсказы и похвалы многихъ, настроили мое любопытство. Но вотъ я и въ Одессѣ. Увидимъ: не славны ль бубны за горами?

Кромѣ правильности, стройности, Одесса имѣетъ прелести, только ей одной принадлежащія. Приморскій бульваръ идетъ по высокому берегу отъ великолѣпнаго дома графа Воронцова; обхватываетъ памятникъ дюка де-Ришелье и продолжается до биржи. Это мѣсто есть лучшее украшеніе города: съ одной стороны красуется рядъ каменныхъ огромныхъ домовъ, съ другой—Черное море, усѣянное судами разныхъ націй; отъ бронзоваго изображенія Ришелье спускаются каменныя широкія ступени къ морю; направо отъ нихъ пристань, а налѣво длинная, деревянная галлерея. Хотите войти въ нее. Извольте; заплатите только 60 к. асс., получите billet d'entrée au bain, и если билетъ вашъ bon pour un cavalier, то идите направо и будьте поскромнѣй: возлѣ васъ легкая досчатая перегородка, а за ней . . . . . .

. . . . . .

но сильно напрягать воображенья: прекрасная существенность порой мелькнетъ сама передъ глазами вашими, и именно, когда сильныя волны, вздымаясь къ верху, составляютъ между собой глубокіе изгибы, которые, опускаясь ниже завѣтной перегородки, раскрываютъ соблазнительную перспективу... Здѣсь, въ знойный день, для пользы и удовольствія, общество разныхъ

возрастовъ и націй собирается по нѣскольку разъ. Арендаторъ купаленъ, безкорыстный грекъ, платя 5.000 руб., выручаетъ въ хорошее лѣто до 20.000 р., но, несмотря на такой барышъ, устройства и содержанія похвалить нельзя. Есть еще цѣлебныя купанья въ лиманѣ, въ 8 верстахъ отъ города, но я тамъ не былъ.

Итальянская опера дается въ довольно большомъ, хорошо отдѣланномъ казенномъ театрѣ; есть два—три голоса сильныхъ, музыкальныхъ, но оркестръ меньше и слабѣй оркестра Большаго театра въ Петербургѣ. При мнѣ очень удачно шла въ первый разъ опера Донизети „Марино-Фальеро“, а между дѣйствіями—живая штирійская пляска и сладострастная качуча, какой конечно не покажутъ въ Петербургѣ, надѣлали такого шуму, какъ будто сама Фани Эльснеръ слетѣла на сцену.

Свобода, дозволенная обычаемъ, удивила меня: на улицахъ, на бульварѣ, пѣшкомъ и въ экипажахъ, являются молодые и старики въ костюмахъ легкихъ, фантастическихъ, иногда безъ платка на шеѣ, съ сигарою въ зубахъ. А въ трактирахъ, по-англійски, безъ верхняго платья, въ однѣхъ рубашкахъ. Вначалѣ эта прихоть казалась мнѣ какъ-то неловкою, но потомъ очень понравилась, и я, бывало, какъ только шагъ въ трактиръ, то все долой: сюртукъ, жилетъ, платокъ, и тутъ-то нараспашку поприхотничать можно: „magnifique et pas cher“ [1]).

Магазиновъ много, и всѣ наполнены иностранными издѣліями; порто-франко дѣлаетъ ихъ очень дешевыми; въ особенности голландское полотно, сукно, шелковыя матеріи, бронзовыя вещи и пр., но должно замѣтить, что вообще товаръ, дозволенный къ ввозу, много уступаетъ въ качествѣ товарамъ роскошныхъ магазиновъ Невскаго проспекта.

Въ лицейской церкви я слушалъ обѣдню; напѣвъ воспитанниковъ и мундиръ ихъ, съ золотыми петлицами на красныхъ воротникахъ, живо напомнили мнѣ университетскій пансіонъ.

Иностранцы завладѣли Одессой совершенно; русскихъ тамъ очень мало, да и тѣ живутъ не по-русски *всякій про себя*. Обществъ почти нѣтъ; видѣть всѣхъ можно только на балахъ гр. Воронцова, да въ публичныхъ мѣстахъ: въ театрѣ, казино и проч.

И не только въ образъ жизни ихъ, но даже въ религіозные обряды вкралось чужеземное. Вотъ примѣръ. Однажды утромъ, встрѣчаю я погребальную процессію: впереди несли

---

[1]) 30 и 40 к. ас. порція, вина дешевы, фрукты ни по чемъ.

большой запрестольный крестъ, хоругви, фонари; потомъ тянулось наше духовенство въ полномъ облаченіи и съ зажженными свѣчами, перевязанными розовыми лентами; за нимъ въ траурной колесницѣ, подъ богатымъ балдахиномъ, везли гробъ, а въ заключеніе—военная музыка въ траурѣ, играла печальный маршъ. Мнѣ любопытно было узнать, кто этотъ ветеранъ-покойникъ. Спрашиваю и мнѣ отвѣчаютъ: „une jolie demoiselle de 16 ans“.

За городомъ огромный ботаническій садъ (на 60 десятинахъ), а за нимъ, по берегу моря, расположены дачи, или, такъ называемые, хутора; теперь они въ большомъ упадкѣ; мраморныя статуи, развалившіеся павильоны и другія затѣи роскоши, говорятъ только о прошедшемъ.

Непостоянностію климата Одесса—сестра Петербурга; такъ же съ перемѣной вѣтра мѣняется и погода, и такъ же въ одинъ и тотъ же день увидишь снѣгъ, туманъ и дождь. Зима сурова, лѣто знойно; въ сырое время страшная грязь, а въ сухое такая сильная, такая тонкая пыль, что нѣтъ средствъ отъ нея защититься ничѣмъ, ни даже двойными рамами, которыя въ домахъ не вынимаются, а только растворяются. Пыль эта не только несносна, но и чрезвычайно вредна для здоровья; даже невыносима для слабой груди.

Я провелъ въ Одессѣ двѣ недѣли пріятно, вкусно, лакомо; наступилъ часъ выѣзда, какъ вдругъ неожиданная новость: Дрейшокъ даетъ концертъ. Какъ не послушать европейскаго пьяниста, и вотъ въ прекрасной биржевой залѣ я услышалъ знакомые аккорды, варіаціи одной руки и пѣсенку безъ словъ, которая, казалось, была не разыграна, а какъ бы сладко пропѣта... „И такъ я жилъ тогда въ Одессѣ“...

Послѣ всего, что я видѣлъ и *вкусилъ* въ Одессѣ, могъ ли я равнодушно разстаться съ ней. Но невозможность есть предѣлъ нашихъ желаній, законъ для нашей воли. Услужливый и вертлявый факторъ, засунувъ пальцы въ кушакъ и, въ надеждѣ будущихъ благъ, нижайше кланяясь, прощебеталъ, что лошади готовы. Кстати, нѣсколько словъ объ евреяхъ. Люблю я этотъ народъ: какая смѣтливость, расторопность, и сколько усердія за пятиалтынный въ сутки. Во многомъ они отвратительны,—это правда; лживы, хитры, пронырливы; изъ корыстолюбія готовы на всякую низость,—все такъ, но будьте осторожны, не ввѣряйтесь ни въ чемъ безъ собственнаго глаза, и вы, за ничтожную награду, найдете рѣдкаго исполнителя вашихъ нуждъ, вашихъ прихотей; сродная имъ робость дѣлаетъ ихъ учтивыми

до крайности, а смѣтливость и расторопность—угодливыми. Рѣшительно скажу, что никто такъ ловко не услужитъ, какъ факторъ-жидъ; но ужъ никто такъ ловко и не проведетъ: остро держите ухо. Религіозны они до должнаго; мнѣ много разъ удалось заглядывать въ ихъ сальныя синагоги, и всегда я видѣлъ глубокую покорность наружнымъ обязанностямъ закона. Въ общественномъ своемъ быту они, повидимому, связаны дружбой (хоть, можетъ быть, собачьей дружбой); въ семействѣ не подозрительны и ни мало не ревнивы, слѣдовательно, счастливы; за деньги, въ этомъ отношеніи, святого нѣтъ для нихъ. Женщины хороши и часто хороши до красоты; и напрасно г-жа Дурова, выхваляя въ одномъ изъ своихъ сочиненій, жидовку-хозяйку станціи, прибавляетъ: „а сахаръ въ чашку кладите сами". О вѣрности ихъ къ мужьямъ ни слова; да и можетъ ли существовать любовная вѣрность къ уморительной фигурѣ жида...

28 августа, послѣ обѣда, мы выѣхали изъ Одессы; насъ подвезли къ таможенной заставѣ и выпустили изъ экипажа; нѣсколько таможенныхъ служителей тотчасъ бросились и, какъ піявки, повисли по всѣмъ сторонамъ коляски. Въ это время я пошелъ въ общія комнаты и у дверей столкнулся съ молодымъ человѣкомъ въ форменномъ таможенномъ сюртукѣ. „Вы меня не узнаете", спросилъ онъ, протягивая мнѣ руку. Извините, можетъ быть... „Я М—въ, тотъ самый, который, помните, выходилъ изъ Лицея въ то время, когда вы служили и кутили съ моимъ братомъ". Тутъ все объяснилось, и начались воспоминанія о Петербургѣ, безконечные вопросы и т. п. Между прочимъ, онъ, какъ веселый малый, успѣлъ насказать мнѣ кучу анекдотовъ, бывающихъ при осмотрѣ выѣзжающихъ; въ особенности забавная эта операція съ дамами; недавно, при разоблаченіи одной молодой особы, нашли 300 коробочекъ съ запрещенными бронзовыми серьгами: вѣдь нужно же было ухитриться—найти мѣсто припрятать въ себѣ такой ворохъ. Насъ долго не задерживали и контрабанды не нашли, хоть и было кое-что съ грѣхомъ пополамъ, ну да по старому знакомству съ рукъ сошло.

Проѣхавъ тростниковый, старообрядческій городъ *Тирасполь*, не замѣчательный ни въ какомъ отношеніи, мы на поромѣ переправились черезъ Днѣстръ возлѣ Бендеръ и поѣхали по Бессарабіи.

Бессарабія.

Въ самый городъ *Бендеры* мы не въѣзжали; онъ остался нѣсколько влѣвѣ. Я съ особеннымъ любопытствомъ смотрѣлъ на эту девятибашенную красивую крѣпость, пробѣгая въ памяти времена Петра Великаго, когда политика шведскаго кабинета здѣсь искала пособія у турецкаго султана. Слѣды лагеря, въ которомъ укрывался Карлъ XII-й послѣ Полтавской битвы, видны еще и теперь.

Въ *Кишиневъ* мы въѣзжали поздно вечеромъ по узкой, кривой улицѣ, усѣянной синагогами и ихъ поклонниками; сотни огней освѣтили насъ: каждый домишка горѣлъ, какъ фонарь, и изъ каждаго неслись неистовые крики. На вопросъ мой, что это значитъ, мнѣ отвѣчали: встрѣча дня субботняго.

О времени первоначальнаго основанія Кишинева, губернскаго города Бессарабской области, не извѣстно; къ намъ онъ перешелъ отъ турокъ только въ 1812 г. По мѣстоположенію и по основанію, онъ дѣлится на *старый* и *новый*; первый (при р. Бычкѣ) рѣзко отличается отъ второго типомъ турецкихъ городовъ, т.-е. неправильностью и неопрятностью; новый, напротивъ, правиленъ и красивъ; стоитъ на возвышенности, имѣетъ много каменныхъ домовъ, расположенныхъ кругомъ обширной площади, на которой красуется соборъ, колокольня и архіерейскія ворота. Кругомъ собора вьется англійскій садъ, крестообразно пересѣченный огромными тополевыми аллеями, и возлѣ—большой публичный садъ съ лучистыми аллеями, бесѣдками и цвѣтниками. День былъ праздничный, Александра Невскаго; я пошелъ въ церковь; обѣдню совершалъ архіепископъ Димитрій; къ молебствію явилась вся кишиневская знать въ парадной формѣ. Меня крайне удивила во время богослуженія смѣсь трехъ языковъ: славянскаго, греческаго и молдованскаго.

Торговля жителей, которыхъ считается болѣе 40 т., въ большомъ объемѣ производится шерстью и рогатымъ скотомъ.

На другой день мы проѣхали три города: *Оргѣевъ*, *Бѣльцы* и *Сороки*, не стоющіе и одного порядочнаго; недавно пожалованные въ званіе городовъ, они еще не успѣли снять наружности деревенской; всѣ три очень не нарядны и составлены изъ плетневыхъ мазанокъ, впрочемъ, Сороки сидятъ на прекрасномъ мѣстѣ: между горъ и на берегу Днѣстра.

Эти мѣста и вообще Бессарабская область населена евреями и въ преимуществѣ молдованами, народомъ лѣнивымъ, неопрят-

нымъ, малорослымъ и даже безобразнымъ; они не имѣютъ ни промышленности, ни даже порядочнаго хлѣбопашества, все богатство ихъ заключается въ кукурузѣ, которою они питаются, приготовляя въ разныхъ видахъ; мамалыга довольно вкусна и весьма питательна, она варится изъ кукурузной муки, въ видѣ нашей саломаты, и употребляется съ масломъ и сыромъ.

Остальныя дорожныя замѣтки, къ сожалѣнію моему, затерялись, а потому и разсказъ мой о дальнѣйшемъ путешествіи продолжаться не можетъ, писать же на память не берусь, чтобы не быть похожимъ на тѣхъ многихъ путешественниковъ, которые вояжъ свой дѣлаютъ и описываютъ, не выходя изъ кабинета. А, что могу припомнить, спустя три года, то слегка кладу на бумагу.

Изъ степей Бессарабіи мы заглянули на нѣсколько часовъ, для ревизіи казначейства, въ *Могилевъ* на *Днѣстрѣ*, городъ хорошій по мѣстоположенію и дурной по неопрятности еврейскихъ строеній. Потомъ опять возвратились въ Бессарабію и черезъ мѣстечки *Атаки* и *Липканы* въѣхали въ городъ Хотинъ; Липканы лежатъ у самаго Прута, такъ что на противномъ берегу видны владѣнія турецкія и карантинъ, а Хотинъ стоитъ на границѣ владѣній австрійскихъ.

Отсюда насъ привезли въ *Каменецъ-Подольскъ*, небольшой, хотя и губернскій, каменный и чрезвычайно стѣсненный городъ, возлѣ на другой сторонѣ рѣки древнія стѣны крѣпости, самъ городъ тоже обведенъ высокою стѣною, возлѣ которой по берегу идетъ бульваръ и служитъ лучшимъ украшеніемъ. Здѣсь-то преважно выступали паны-помѣщики, затянутые, по случаю выборовъ, въ губернскіе мундиры, и граціозно прогуливались миленькія паночки; обворожительны эти существа: изысканный вкусъ, кокетливая, ловкая любезность и при томъ маленькая ножка,—вотъ ихъ очеркъ.

Много польскихъ богатыхъ костеловъ разныхъ орденовъ, и мало нашихъ, весьма бѣдныхъ, даже самая архіерейская церковь не блеститъ богатствомъ; я въ ней былъ, идучи къ знакомому мнѣ архіерею, только-что перемѣщенному сюда изъ моей родины изъ Тамбова. Любезный, умный отецъ Арсеній [1]) увлекъ меня своимъ радушнымъ пріемомъ и пріятною бесѣдою; сколько услышалъ я отъ него воспоминаній, сколько благодарныхъ отзывовъ о благородныхъ тамбовцахъ, умѣвшихъ вполнѣ оцѣнить достоинства своего пастыря. Обласканный вполнѣ, я за послѣд-

[1]) Москвинъ, позднѣе митрополитъ кіевскій.

пимъ бокаломъ долженъ былъ проститься съ хозяиномъ, принявъ, какъ водится, отъ него напутственное благословеніе, я, между прочимъ, пожелалъ ему Андреевскую [1]), онъ улыбнулся и пожалъ мнѣ руку.

Кіевъ.

10-го сентября. Наконецъ, Богъ сподобилъ меня поклониться святынямъ Кіевскимъ. Въ ясный день, при восходѣ солнца заблистали передо мной золотыя главы церквей, и рука моя сотворила знаменіе креста. Съ отраднымъ чувствомъ въѣзжалъ я въ эту колыбель церкви нашей.

Мы помѣстились въ прекрасной гостиницѣ, возлѣ бывшаго Екатерининскаго дворца, въ которомъ теперь устроены искусственныя минеральныя воды. Прилегающій къ нимъ обширный, густой садъ очарователенъ, онъ идетъ по утесистому берегу Днѣпра и почти касается Крещатика, мѣста великаго для каждаго русскаго.

Переодѣвшись наскоро, я поспѣшилъ въ лавру; по пути зашелъ въ старый Николаевскій монастырь поклониться чудотворной иконѣ моего Ангела. Въ самыхъ вратахъ лаврской крѣпости іеромонахъ съ крестомъ и святою водою встрѣчаетъ и провожаетъ богомольцевъ; приложившись къ кресту и принявъ благословеніе, я пошелъ далѣе. Ранняя обѣдня была въ началѣ, благоговѣйно вступаю въ великолѣпную главную церковь Успенія Богоматери: сколько пищи для сердца христіанина, сколько предметовъ для размышленій. У алтаря, на правой сторонѣ, покоются мощи Великаго Князя равноапостольнаго Владиміра, на лѣвой—крестившаго его — митрополита Михаила. Въ правомъ придѣлѣ осѣняется неугасимою лампадой деревянная древнѣйшая икона Божіей Матери, передъ которой несчастный князь Игорь Ольговичъ изливалъ свои предсмертныя молитвы, тутъ же въ задней стѣнѣ красуется бѣлый мраморный памятникъ героя Задунайскаго.

По окончаніи обѣдни, вмѣстѣ съ толпою поклонниковъ, спустился я по длинной широкой лѣстницѣ, закрытой досчатыми стѣнами и крышей, къ нижней церкви, а оттуда медленно послѣдовали мы за священникомъ, съ зажженными свѣчами въ рукахъ, въ мрачные, могильные переходы: шествіе наше было и таинственно, и торжественно...

---

[1]) Противъ желающихъ выводить изъ этого слова двумысліе, каламбуръ,—умываю руки.

Отъ Лавры взялъ я извозчика, чтобы скорѣй осмотрѣть городъ, и въ нѣсколько часовъ много впечатлѣній собралъ и схоронилъ въ памяти моей.

Въ мужскомъ Златоверхомихайловскомъ монастырѣ достойна особаго замѣчанія высокая итальянская живопись малаго мѣстнаго образа Архистратига Михаила, осыпаннаго брилліантами и принесеннаго въ даръ Императоромъ Александромъ. Посреди придѣльной церкви возвышается катафалкъ съ балдахиномъ, богато убраннымъ зеленымъ бархатомъ и золотыми кистями, а на ней помѣщена рака съ нетлѣнными останками Великомученицы Варвары; убранство всей церкви и въ особенности святой гробницы великолѣпно и съ большимъ вкусомъ. У подножія гроба я принялъ серебряное изображеніе святительницы для передачи той, объ которой тогда молился...

Храмъ Андрея Первозваннаго красуется на горѣ и едва-ли не на лучшемъ мѣстѣ города. Исторія гласитъ, что здѣсь Апостолъ Андрей благословилъ будущее начало христіанства въ нашемъ отечествѣ: „пришедъ въ верхъ по Днѣпру въ пустынную страну скиѳовъ, водрузилъ крестъ на горахъ кіевскихъ и сказалъ своимъ ученикамъ: „видите ли горы сія. Яко на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія и имать градъ великъ быти и церкви много имать Богъ воздвигнути...“

Колоссальная и вмѣстѣ легкая артитектура храма порождаетъ высокія чувства изящнаго, на зеленомъ куполѣ блестятъ серебряныя звѣзды Андреевскаго ордена; во внутренности церкви быть мнѣ не удалось. Видъ отсюда на нижнюю часть города, называемую Подоломъ, безподобенъ. Вблизи сооружается новая церковь на развалинахъ извѣстной *Десятинной*.

Софійскій соборъ знаменитъ своею древностью, онъ построенъ Ярославомъ, тѣло котораго погребено въ придѣлѣ подъ мраморной гробницей, изукрашенной рѣзьбою. Достоинъ примѣчанія мозаическій плафонъ главнаго алтаря, изображающій въ большомъ размѣрѣ Матерь Божію и Святителей. Возлѣ собора открыты въ новѣйшее время развалины *Золотыхъ воротъ*, Ярославомъ же воздвигнутыхъ въ память побѣды надъ печенѣгами около 1037 года.

Громадное зданіе университета Св. Владиміра еще не окончено, но обѣщаетъ городу большое украшеніе.

Полдневный жаръ утомилъ меня, не стало силъ слѣдить за любопытствомъ, и я возвратился на отдыхъ. Въ 5-мъ часу, по приглашенію предсѣдателя, мы отправились обѣдать въ благородный клубъ.

Въ 7 часовъ выѣхали и еще засвѣтло переправились черезъ широкій Днѣпръ, съ этой стороны видъ на лавру и весь городъ удивительно величественъ. Отъ берега по дорогѣ къ сѣверу, на нѣсколько верстъ идутъ пески сыпучіе: мы едва-едва двигались. Здѣсь пришла мнѣ на память одна богомолка-барыня, которая, прогулявшись *по обѣщанію* пѣшкомъ изъ В. губ. въ Кіевъ и обратно, была неутомима въ чудныхъ разсказахъ о Кіевѣ и всегда въ избыткѣ чувства фанатизма, въ заключеніе показывала на шеѣ надѣтую ладонку *съ святымъ песочкомъ*, протяжно прибавляя умилительнымъ голосомъ: „и песочекъ-то тамъ такой бѣ-ленькой, такой ме-ленькой“.

А. А. Голомбіевскій.

Сто лѣтъ назадъ [1]).

Письма И. П. Оденталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ.

54.

Іюня 2. 1813.

Ура! Значущая побѣда у Гальберштадта 30 мая н. ст. Чернышеву слава. Все непріятельское отдѣленіе войскъ порублено или взято въ плѣнъ. Ни одинъ человѣкъ, начиная отъ командовавшаго генерала до послѣдняго рядового, не спасся. 14 пушекъ и 60 зарядныхъ ящиковъ достались въ руки побѣдителей.

Ура! ура! Австрійцы уже двинулись въ Саксонію, Баварію Италію. Едва-ли злодѣй уже не отрѣзанъ. Das ist scher, officiell. Изъ Гамбурга нѣтъ газетъ. Онъ занятъ датчанами. Не думайте, однако жъ, чтобъ это имѣло худыя послѣдствія. Все, правду сказать, перепутано durch unsere Halbemaaßregeln, но чрезъ 7 дней послѣ перваго іюня н. ст. Данія уже будетъ на сторонѣ священнаго дѣла. Изъ Стральзунда 30 мая поѣхали на кораблѣ въ Копенгагенъ, Торнтонъ, Гопе, Сухтеленъ и шведскій канцлеръ баронъ Веттерштедтъ съ такими предложеніями, что король датскій не можетъ не быть защитникомъ праваго дѣла.

Слышали ли вы о участи Семеновскаго полка, подпавшаго немилости *по дѣламъ?*

[1]) См. „Русская Старина“, май 1913 г.

Ставицкій покатилъ ужъ въ армію.
Ну! кажется, важнѣйшее все вамъ кое-какъ сообщено.

55.

С.-Петербургъ. Іюня 6. 1813.

Ой, ой! Мнѣ надобно говорить съ вами о политикѣ!
Чортъ возьми всю эту путаницу!

Богъ да откроетъ намъ очеса на добрая и благая!—Пусть глаза наши на время не видятъ, уши не слышатъ.—Гамбургъ занятъ французами. Хамелеонъ велѣлъ несчастный сей городъ для дальнѣйшихъ своихъ адскихъ умысловъ на первый разъ пощадить: „puisque, dit le monstre, je veux prouver, qu'elle n'a pas en vain reçu la dénomination *de la bonne ville*“.—Was machen denn die Schweden von einer Seite, von der anderen—die Oestreicher? Die letzten agiren noch nicht mit uns.

Смоленскаго привезутъ сюда во вторникъ или среду на будущей недѣлѣ.

56.

Іюня 7. 1813.

Мы ожидаемъ нашего возлюбленнаго Царя. Тѣло Кутузова привезутъ сюда не прежде пятницы или субботы.—Хороши! Прекрасны временщики!—Угодятъ по смерти въ тьму кромѣшную.

Да! убитъ фаворитъ Уваровъ; раненъ Винценгероде.

57.

Іюня 10. 1813.

Да, сударь, перемиріе!!!
Тѣло Смоленскаго князя завтра ввозятъ въ городъ.

Вотъ вамъ церемоніалъ, квитанціи, нѣмецкіе стихи, мысли россіянина при гробѣ Кутузова.—Положите меня на перси патріота (Ростопчина). Увѣрьте его, что я къ нему исполненъ благоговѣнія съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ счастіе быть его незначущимъ подчиненнымъ. Вотъ истинный человѣкъ! Такъ же однакоже горячъ, какъ и я, грѣшный: но рѣдкая его душа вездѣ и въ самой запальчивости сіяетъ подобно лучезарному свѣтилу. Какъ я его знаю! Какъ я его обожаю!

58.

Іюня 11. 1813. Среда.

Сегодня надобно настрочить побольше, хотя, право, затрудняюсь, какъ раздѣлить утро на 12 посланій. Къ первому часу долженъ уже быть и на процессіи привезенія тѣла Смоленскаго. Вѣдь я газетчикъ, милостивецъ мой: какъ же для составленія о ней нелживой статьи не быть очевидцемъ оной?— Ступай, Оденталь, смотри въ оба, зри въ два—и потомъ пиши.— Полагаетъ церемоніймейстеръ, что въ три часа кортежъ достигнетъ церкви Казанской. Завтра токмо одинъ день будутъ пускать народъ на поклоненіе гробу, а послѣ завтра его уже отпоютъ и поставятъ въ могилу.—Спѣшатъ очень погребеніемъ: видно для того, чтобы его кончить до высочайшаго прибытія.— Погода наклонна къ дождю: стало быть, можно надѣяться быть вымоченнымъ.

Съ предшествовавшими почтами мнѣ некогда было пустить къ вамъ здѣшнихъ происшествій.—Въ пятницу, т.-е. 6 числа спускали линейный корабль *Нептунусъ* (а не Нептунъ)... Man will nicht mal das Schiff in unserer Sprache ordentlich nennen,— und dies zwar mit russischen Bustaben geschrieben. Около галлереи, изъ которой смотритъ знатнѣйшій свѣтъ, обломились перила надъ докомъ и водою, до 80-ти мужчинъ и женщинъ попадало въ Неву и въ докъ. Однимъ во влагѣ привелось токмо испугаться и вымочиться, а ударившимся о доски дока было гораздо хуже. *Иные* и *иныя* переломали себѣ руки или ноги.

О семъ происшествіи добрый Вязмитиновъ немедленно донесъ Государю. Въ воскресенье, 8 числа, подъ вечеръ былъ въ Коломнѣ большой пожаръ.

Изъ Варшавы пишутъ ко мнѣ слѣдующее: L'armistice est ait pour six semaines et six jours.—L'empereur d'Autriche est attendu au quartier général, il est déjá parti de Vienne.—Hambourg se trouve entre les mains des danois et français.—On ne doute plus de la paix.—Le courier d'hier avait des dépeches pour le g-rl Bennigsen, qui est attendu chez nous.—Ежели миръ безъ всякаго сомнѣнія будетъ, то какая бы нужда была тянуть Беннигсена въ армію? Но и надобно ли желать мира, ежели онъ оставитъ еще дышать и хотя гдѣ-либо властвовать изверга? Съ другой стороны перемиріе не дастъ ли время ему еще болѣе прежняго оправиться? По оффиціальнымъ нашимъ свѣдѣніямъ мы все били и побѣждали; говорятъ, что непріятель

почти со всѣхъ сторонъ окруженъ: сзади у него казаки, спереди и по бокамъ наши и прусскія арміи, такъ, что ему будто бы остается одинъ только маленькій проходецъ въ Богемію, и сверхъ того австрійскій императоръ соединяется съ нами. Со всѣмъ тѣмъ мы отступили и отступкою сдѣлали перемиріе. Ma foi! je m'y perds, quand j'y pense.

Между упавшими въ докъ адмиралтейства находится и супруга Беннигсена; но она болѣе испугалась, нежели ушиблась, и потому здоровая отправляется на сихъ дняхъ въ Вильну.

Нашего Сухтелена съ товарищами не пустили у Копенгагена выйти и на берегъ. Вся эта честная компанія возвратилась уже назадъ въ Стральзундъ, чтобъ снова начать на цѣлый годъ негоціаціи гдѣ-нибудь съ тѣмъ, дабы ихъ никогда не кончить.— О, проклятые датчане! Заплатятъ вамъ за эту адскую пакость въ свое время! Да и тебѣ, Jean Bern... достанется тулумбасъ съ квасомъ!—Подождите! всѣ злодѣи, помогающіе извергу, будутъ, конечно, наказаны.

59.

Іюня 13. 1813.

Государя опять болѣе не ожидаютъ.—Беннигсенъ сдѣланъ главнокомандующимъ резервныхъ армій, и главная его квартира будетъ въ Варшавѣ.

Датчане, кажется, объявили себя совершенно на сторонѣ французовъ...—Какой-то есть въ Дрезденѣ важный отчаянно больной.

Думаютъ, что это самъ злодѣй; но въ газетахъ секретничаютъ, и полагаютъ уже догадками, будто это Нейшательскій князь.

60.

Іюня 14. 1813.

Знаете ли, что никто не увидитъ болѣе въ Россіи похоронъ подобныхъ тѣлу свѣтлѣйшаго? Je vous en donnerai une petite idée, comme je le peux dans la confusion de mes idées.

Только-что достигла печальная колесница рѣчки Таракановки, то ожидавшіе тутъ тысячи петербургскихъ мѣщанъ бросились къ лошадямъ, закричали ура! вмѣстѣ возрыдали и, оборвавъ постромки, повезли скинію Смоленскаго на себѣ.—

Дополняйте прочее чувствованіями своими. Казалось, что въ Петербургѣ упятерилось число жителей. Разстояніе 7-ми верстъ отъ Таракановки до Казанскаго собора покрыто было зрителями всякаго состоянія и возраста. На домахъ не видно было ни крышекъ, ни трубъ. Всѣ обливались слезами. Каждый съ благоговѣніемъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ поклонялся объ руку гробу.—Какое великолѣпіе придали печальной сей процессіи щедроты августѣйшаго помазанника всероссійскаго! Я ничего въ жизни моей не видалъ устроеннымъ съ толикимъ приличіемъ, вкусомъ, достоинствомъ и усердіемъ. Всякій атрибутъ говорилъ. Всякая мертвая вещь была одушевлена. Катафалкомъ въ Казанскомъ соборѣ архитекторъ Воронихинъ прославилъ себя болѣе, нежели сооруженіемъ храма, въ коемъ поставлены бренные остатки свѣтлѣйшаго.—Представьте себѣ римскую катакомбу. Чрезъ сводъ ея отъ западныхъ дверей видны были врата Царскія. Съ боковъ (на югъ и полночь) возвышались ступени, покрытыя малиновымъ бархатомъ съ широкимъ золотымъ позументомъ. До тысячи преогромныхъ свѣчъ горѣло вокругъ катафалка отъ низу до верха. Канделябры изображали перпендикулярно поставленныя вверхъ жерломъ пушки, коихъ поддерживали орлы съ лаврами. Вмѣсто балдахина пріосѣняли пребогатый гробъ поддѣланные трофеи. Изъ-подъ купола спускался ангелъ, держа въ правой рукѣ лавровый вѣнокъ.—Это немножко театрально, но прочее не могло быть краше и величественнѣе устроеннымъ. 12-го числа обѣ Императрицы изволили быть на панихидѣ у тѣла.—Я въ тотъ день при всѣхъ моихъ недосугахъ четыре раза ходилъ восхищаться катафалкомъ.

Ежели у васъ есть на примѣтѣ изъ кампаніи 1812 года неимущіе инвалиды, то прошу ихъ представить съ надлежащими описаніями инвалидной нашей кассѣ. Мало до сихъ поръ ихъ является. Для меня это непонятно.

Погода у насъ другой день осенняя.

61.

Іюня 17. 1813. Вторникъ.

Вы уже и такъ исключили меня изъ числа больныхъ. Все ко мнѣ возвращается. Радуйтесь! Благодарите Бога! Съ рѣдкимъ Мильгаузеномъ физику мою надѣюсь поддержать при моей воздержанной жизни. Ces lignes doivent vous causer un plai-

sir infini. Il augmentera, когда сообщу вамъ вѣроятный слухъ о злодѣѣ. Der hohe Kranke, wie man sagt, ist er selbst.

По немъ свои будто-бы стрѣляли, и одинъ навылетъ пулею попалъ ему въ кадыкъ.—Отецъ родной, великій патріотъ! Когда бъ то подтвердилось!..

62.

Іюня 18. 1813.

Слышу токмо, что графъ Арк. Ив. Марковъ часто пишетъ къ нашему возлюбленному Царю, и что свѣтлѣйшій Зубовъ находится въ главной квартирѣ. Я вамъ надѣюсь скоро доставить продолженіе той бумаги, которую выдаютъ за сочиненіе Пфифика первой руки гр. Ф. Д. П-на. Возвратите мнѣ первую часть, которая у васъ находится. Она не мнѣ принадлежитъ, ужъ ее спрашиваютъ, и мнѣ надобно еще оную переписать для моей коллекціи.

63.

Іюня 20. 1813.

Правосудный Боже! Неужели Ты попустишь злодѣю, извергу восторжествовать надъ наказаннымъ уже Тобою человѣчествомъ!

Но что я говорю?—Ты вѣдаешь, что Ты устраиваешь. Прости, что дерзнулъ вопрошать Тебя, всеблагій Творецъ!

Вспомнимъ Ломоносова стихи:

„Ты все на пользу нашу строишь,
Казнишь кого, или покоишь“.

64.

Іюня 21 1813. Суббота.

Изъ Радзивилова пишутъ мнѣ: Der Waffenstillstand wird allgemein geschimpft. Man behauptet, daß Napoleon bei dem Umstand, wo Bülow ihm nichts zukommen ließ, zu grunde gegangen wäre.—Wiener-Briefe sagen, daß der Vice-König Tyrol besetzt habe; daß Tyrol dem Königreich Italien einverleibt, und die Krone dem Vice-König zugesichert würde, wenn er dort seine Schuldigkeit thun wird“.

На сихъ дняхъ пріѣхалъ сюда какой-то гвардіи офицеръ Бутурлинъ. Онъ навезъ очень много разныхъ новостей. Вотъ главнѣйшія:

Государь Императоръ поѣхалъ въ Прагу; уповательно, для свиданія съ австрійскимъ императоромъ. Наполеонъ уѣхалъ изъ арміи въ Парижъ. Говорятъ, будто бы гишпанскія дѣла его идутъ крайне плохо и якобы непріязненныя ему войска вошли уже у Русильона въ границы Франціи, и что сіе якобы побудило его поспѣшить хотя на время восвояси. Бутурлинъ говоритъ, что изъ войска его въ одинъ день бѣжало 3.000 человѣкъ, а другіе повторяютъ уже ту вѣсть съ прибавленіемъ, что изъ наполеоновой арміи бѣгаетъ на день 13.000 человѣкъ. Ежели правда, что, хотя и не всякій день, а иногда бѣгаютъ отъ него люди десятками тысячъ, то немножко странное на счетъ сей можно сдѣлать замѣчаніе. Въ прошлогоднюю кампанію потерялъ онъ армію свою между прочимъ и отъ того, что солдаты его не могли бѣжать, а нынѣ можетъ потерять армію отъ того, что ихъ бѣжитъ очень много. Это игра словъ, которая пришла мнѣ въ голову, и которую, конечно, вы мнѣ простите. Въ сильныхъ и знатныхъ особахъ нашей арміи произошла, по словамъ Бутурлина, значительная перемѣна. Гр. Аракчеевъ будто бы отлучается отъ лица Государева и будто бы приказано ему ѣхать въ Варшаву и оставаться тамъ при Беннигсенѣ. Съ князя Волконскаго, особы также весьма близкой доселѣ къ Императору, снята будто бы должность начальника главнаго штаба, и дана оная генералъ-лейтенанту Сабанѣеву. Самъ гр. Витгенштейнъ будто бы довольно въ упадкѣ. Главнокомандующій Барклай-де-Толли дѣлаетъ теперь la pluie et le beau temps у Государя и въ глав. квартирѣ. Въ сей послѣдней весьма надежно полагаются на заключеніе настоящаго мира. Сказываютъ, что затрудненіе могло бы настоять главнѣйшее въ двухъ статьяхъ, кои суть: Варшавское герцогство и Рейнскій союзъ. Желаніе наше касательно герцогства есть, чтобы, уничтоживъ его, распредѣлить земли, оное составляющія, по прежнему раздѣленію, какъ было до учрежденія сего герцогства; Рейнскій союзъ непремѣнно хотятъ разрушить. Наполеонъ на первую статью будто бы отвѣчалъ, что онъ въ семъ дѣлѣ спорить не будетъ, ибо никогда и не заботился объ участи поляковъ. Что принадлежитъ до Рейнскаго союза, то будто бы сказалъ онъ: „Je ne signerai jamais ma honte“. Прибавляютъ еще въ разсужденіи поляковъ, что будто бы и прусскій король не хочетъ брать ихъ на свою долю, говоря: *что мнѣ дѣлать съ этими уродами?*—Вотъ

до чего добились эти срамцы! — и они того стоятъ. По всѣмъ, однако же, симъ слухамъ и вѣстямъ, ежели они хотя сколько-нибудь справедливы, я не увѣренъ твердо въ томъ, чтобы миръ состоялся.

Во-первыхъ: никто ничего не говоритъ объ Англіи, а безъ нея въ теперешнемъ положеніи, кажется, трудно миръ сдѣлать.

Во-вторыхъ: важное, дѣйствительно, представляетъ преткновеніе Рейнскій союзъ. Конечно, Наполеону стыдно будетъ допустить его разрушеніе, но не вящше ли Богъ знаетъ во сколько кратъ! стыдно будетъ и намъ, когда допустимъ его существованіе. Впрочемъ, ежели Рейнскій союзъ останется, то въ такомъ положеніи вещей никогда ни тѣни прочнаго мира въ Европѣ не будетъ.

Вчера ввечеру проѣхалъ къ вамъ фельдъегерь. Онъ сказывалъ мнѣ, что Государь, дѣйствительно, находится уже въ Богеміи въ мѣстечкѣ Опочнѣ, откуда и фельдъегерь сей отправленъ, какъ усмотрѣлъ я изъ полученныхъ съ нимъ бумагъ. Гр. Аракчеевъ находится тутъ же при Государѣ, чему доказательствомъ служитъ то, что я отъ его сіятельства получилъ конвертъ изъ того мѣста. Фельдъегерь говоритъ, что Государь куда-то поѣдетъ далѣе, но точно куда, сіе ему не извѣстно.

Изъ Варшавы пишутъ ко мнѣ: qu'il y a peu d'espérance pour la paix, Богъ знаетъ, чему вѣрить.

Что собственно до меня касается, то выпустилъ. Въ заключеніе скажу, что благая Елисаветъ повелѣла на свое иждивеніе бить медаль на кончину Смоленскаго князя.

Добродѣтельная графиня Строгонова заказала въ академіи мраморное изображеніе во весь ростъ русскаго Фабія. Мать ея, княгиня Голицина, также что-то дѣлаетъ въ память сего мужа. Il y a encore quelque chose sur cet article; mais c'est que je n'avais pas le temps d'écouter ce qu'on avait parlé la dessus. Павелъ Ив. Кутузовъ разсказываетъ теперь много смѣшныхъ анекдотовъ по случаю похоронъ дяди своего. Чудакъ препорядочный. Я его прежде не зналъ.

65.

С.-Петербургъ. Іюня 24. 1813.

Спасибо, что вы меня удостоили такого отличія присылкою перваго экземпляра. Повѣрьте, что никому сокровища сего до означеннаго срока не покажу. Но только-что явятся новые

экземпляры, то выдаю коллаборатору моему рѣдкое сіе произведеніе для перевода на нѣмецкій языкъ.

66.

Іюня 28. 1813.

Ужъ давно я примѣтилъ, что коллабораторъ мой во мнѣ жестоко ошибся, не найдя плута глупаго. Онъ теперь хочетъ интриговать и—интригуетъ, но я все открылъ, и—сожалѣю, что онъ такъ дурно платитъ мнѣ за добро.

С. О. Долговъ.

Памяти двухъ русскихъ женщинъ:

М. И. Ефимовой и Е. Н. Вороновой.

---

29 апрѣля 1912 г. скончалась въ Москвѣ Марія Ивановна Ефимова, одна изъ незамѣтныхъ дѣятельницъ русской жизни. Она на дѣлѣ показала, какъ полезна дѣятельность женщины на землѣ и какъ трудно помириться съ тѣмъ, что дѣятельность эта сужена, благодаря отсутствію правъ. Какъ много могла бы она сдѣлать, будучи гласною! Владѣя землей въ Дмитровскомъ уѣздѣ Московской губерніи и горячо привязанная къ своему клочку, она сдѣлала свое имѣніе однимъ изъ наиболѣе культурныхъ въ уѣздѣ и получила извѣстность, какъ прекрасная хозяйка. Урожаи ея славились и посѣвы пшеницы были новостью, которую она ввела. Молочное хозяйство съ сепараторомъ и другими усовершенствованіями приносило хорошій доходъ—такого другого сливочнаго масла не было нигдѣ. Не получивъ спеціальнаго образованія, она по собственному плану выстроила новую усадьбу—у нея былъ водопроводъ, въ домѣ телефонъ и электрическіе звонки. М. И. оказывала широкую помощь мѣстному населенію, раздавая все, что могла, и была попечительницей двухъ школъ. Ея крайне полезная дѣятельность оборвалась жестокою болѣзнью,—она скончалась 55 лѣтъ, и опустѣлъ теперь созданный ею культурный центръ (Женскій Вѣстникъ 1912, № 5—6).

---

31 января 1913 г. въ Новодѣвичьемъ монастырѣ опустили въ могилу тѣло жены генералъ-лейтенанта Евгеніи Николаевны Вороновой. Отдать послѣдній долгъ почитанія этой замѣчательной русской женщинѣ собралось немало многочисленныхъ друзей и близкихъ, представители военнаго міра, науки и литературы, и общественные дѣятели. Прибыли начальникъ генераль-

наго штаба генералъ Жилинскій, весь Новочеркасскій полкъ во главѣ съ командиромъ, академикъ А. Ѳ. Кони, проф. Платоновъ, А. И. Гучковъ и мн. др. Надгробное слово сказалъ духовникъ покойной, прот. Любославскій, давшій яркую оцѣнку почившей, не только какъ высоко-религіозной женщины, въ жизни своей проводившей завѣты Христа, но и какъ русской патріотки. Какъ извѣстно, мужъ почившей, ген.-лейт. П. Н. Вороновъ, издатель-редакторъ „Русской Старины". И на этомъ посту почившая была первой помощницей, первой работницей. Проникнутая глубокой вѣрой въ свѣтлое будущее Россіи, она зорко слѣдила и любовно собирала русскую старину; горячо отзывалась на всѣ вопросы, умѣла объединить у своего очага людей науки и литературы, людей разныхъ воззрѣній. Въ своей любви къ Россіи и чести ея, она не могла остаться равнодушной и къ дѣлу постройки памятника въ Лейпцигѣ на могилѣ павшихъ 22 тысячъ русскихъ героевъ въ 1813 г., и вмѣстѣ съ мужемъ дѣятельно работала въ лейпцигскомъ комитетѣ. Ея работа въ этомъ дѣлѣ нашла оцѣнку даже среди нѣмецкаго общества, и членомъ комитета въ г. Лейпцигѣ на могилу былъ возложенъ прекрасный вѣнокъ, являющійся доказательствомъ оцѣнки ея патріотической дѣятельности (Новое Время, 2 февраля 1913 г.).

И Марія Ивановна Ефимова, и Евгенія Николаевна Воронова отличаются одной общей чертой—ихъ одушевляла та большая любовь къ людямъ, въ силу которой обѣ онѣ незамѣнимы.

Ихъ никогда не забудутъ тѣ, которые ихъ знали, потому что обѣ онѣ любили умно, любовь ихъ была плодотворной.

На землѣ царитъ смерть, она насъ обвѣваетъ своими ужасными крыльями и взмахъ за взмахомъ уноситъ то дорогое, что есть у насъ.

Мы не можемъ примириться со смертью, къ ней не привыкаемъ.

Всякій разъ, что умираетъ близкій, кажется, что случилось то страшное, чему нѣтъ мѣста на землѣ, и что нѣтъ больше жизни безъ умершаго.

Онъ унесъ съ собой то, что уже не повторится, навсегда этого уже нѣтъ.

Мракъ наше существованіе, и не лучше ли ушедшему—онъ уже не горюетъ.

А когда-то были хорошіе люди, не возможно ли, что имъ лучше въ необъяснимой никакими вѣрованіями и теоріями далекой намъ жизни.

— Мнѣ хорошо,—были послѣднія слова Евгеніи Николаевны Вороновой.

Она сказала ихъ послѣ долгаго ряда мучительныхъ дней своей невыносимой болѣзни.

Въ послѣдній разъ, что я ее видѣла за два мѣсяца до кончины, она ни разу не упомянула, что больна, а все время безпокоилась о другихъ.

Я была далека отъ мысли, что больна она сама и больна опасно.

И вообще никогда ничего о себѣ. Существовали только другіе, это мы, счастливые люди, приходившіе въ соприкосновеніе съ любвеобильной Евгеніей Николаевной.

И никогда ни о комъ ни слова дурного—она умѣла раскрыть въ каждомъ то хорошее, что таитъ душа, и какъ-то свѣтло и радостно дѣлалось, вспоминая ея слова.

Откуда это глубокое участіе къ людямъ?

Одного сердца для этого мало, нужно много ума, чтобы умѣть такъ подходить къ людямъ и объединять самые разнородные элементы.

Въ шумномъ и забывчивомъ Петербургѣ существовалъ англійскій home, созданный милой хозяйкой, какъ въ глухой деревнѣ, гдѣ каждый думаетъ только о копейкѣ, что бы съ кѣмъ ни случилось, шли къ Маріи Ивановнѣ и получали то самое дорогое—любовь къ ближнему и горячее участіе въ своемъ горѣ.

Нельзя не замѣтить, что среди красивыхъ словъ и потугъ къ дѣлу, у насъ мало женщинъ, такъ прекрасно выполнившихъ свое призваніе и принесшихъ на своемъ мѣстѣ столько пользы родинѣ.

Свѣтлыя личности М. И. Ефимовой и Е. Н. Вороновой никогда не изгладятся изъ памяти тѣхъ, кто ихъ зналъ, и поневолѣ скажешь—хорошо, что онѣ жили, но зачѣмъ такъ рано ушли отъ насъ?

М. Безобразова.

Письмо прусскаго принца Вильгельма, впослѣдствіи императора германскаго Вильгельма I, къ своему брату, принцу Карлу, изъ Россіи передъ русско-турецкой кампаніей 1828 года.

Всѣ балканскія событія и вытекающее послѣдовательно изъ нихъ рѣшеніе пресловутаго „Восточнаго вопроса“ представляютъ съ давнихъ поръ тотъ заколдованный кругъ, изъ котораго европейская дипломатія тщетно старается найти одобряемый большинствомъ державъ выходъ. Ни одна изъ предложенныхъ въ продолженіи 200 лѣтъ формулъ для окончательной ликвидаціи наслѣдства послѣ ожидаемаго развала оттоманской имперіи не могла быть примѣнима въ виду явнаго недоброжелательства, недовѣрія и страха, проявленныхъ въ самый рѣшительный моментъ нѣкоторыми западно-европейскими государствами по отношенію къ Россіи, какъ руководящей и наиболѣе заинтересованной въ этомъ важнѣйшемъ вопросѣ державы. Разногласіе во взглядахъ и мнѣніяхъ на „Восточный вопросъ“, господствующее между Россіей и балканскими христіанскими народами съ одной стороны, и европейскими державами съ другой, заключается главнымъ образомъ въ томъ, что для первой группы народовъ онъ является *историческимъ* въ самомъ широкомъ значеніи слова, а для всѣхъ остальныхъ *чисто политическимъ*. Однимъ изъ наиболѣе благопріятныхъ историческихъ моментовъ покончить навсегда съ злосчастнымъ восточнымъ вопросомъ былъ періодъ, наступившій съ возстаніемъ всего греческаго населенія въ 1821 году противъ османскаго владычества вплоть до объявленія въ апрѣлѣ 1828 г. Россіей Турціи войны и заключенія Адріанопольскаго мира. Никогда

общественное мнѣніе Европы и всего цивилизованнаго міра ни до, ни послѣ похода 1828 г. не было такъ единодушно настроено въ пользу изгнанія турокъ изъ Европы, какъ въ ту пору. На Россію и императора Николая I смотрѣли, какъ на заступниковъ всего христіанства и европейской цивилизаціи. Увлеченіе эллинизмомъ охватило тогда все образованное общество. Шатобріанъ и Байронъ поддерживали пламенный энтузіазмъ, вызванный геройской борьбой грековъ за освобожденіе родины отъ варварскаго и иновѣрческаго ига. Глава англійскаго кабинета, лордъ Каннингъ, воспользовался настроеніемъ Европы и заключилъ съ русскимъ правительствомъ въ 1826 году тайный уговоръ, въ силу котораго обѣ державы обязались создать изъ греческихъ земель полунезависимое и остающееся подъ турецкимъ суверенитетомъ государство. Этотъ весьма искусный шагъ Каннинга заслуживалъ особаго признанія и похвалы въ виду очевиднаго нерасположенія Императора Николая I стать въ защиту *взбунтовавшихся* противъ своего законнаго государя грековъ. Меттернихъ, такъ умѣло использовавшій страхъ Императора Александра I передъ революціей, придалъ въ самомъ началѣ греческаго возстанія ему характеръ опаснаго для спокойствія Европы бунта, могущаго легко перебросить пламя мятежа и въ другія государства. Благодаря только интригамъ и запугиваніямъ австрійскаго канцлера, преисполненнаго трудно объяснимымъ туркофильствомъ, Европа вмѣшалась слишкомъ поздно въ греко-турецкія распри. Въ Аккерманскомъ договорѣ султанъ Махмудъ вынужденъ былъ выполнить всѣ предъявленныя Россіей требованія касательно защиты христіанъ. Во время дипломатическихъ переговоровъ между Англіей, Россіей и Турціей, на полуостровѣ Морѣ вспыхнуло вновь усиленное возстаніе. Здѣсь свирѣпствовалъ пасынокъ египетскаго Хедива, Ибрагимъ-Паша со своими африканскими полчищами. Этотъ дикій предводитель чернокожей орды отговаривалъ султана Махмуда отъ принятія англо-русскихъ предложеній, суля въ непродолжительномъ времени *умиротворить* всю Грецію весьма простымъ способомъ, посредствомъ поголовнаго истребленія всего мужского населенія. Тогда Каннингъ выступилъ вторично въ роли заступника Греціи.

Онъ отправился въ Парижъ и приготовилъ почву для Лондонскаго договора, состоявшагося въ іюлѣ 1827 г. Согласно этому договору Россія, Франція и Англія обязались прекратить, въ случаѣ надобности даже силою оружія, кровопролитіе между возставшими греками и турками и создать изъ Греціи авто-

номное государство. Историкъ Трейтчке, посвящая этому событію особую главу въ своей „Исторіи возникновенія Германской имперіи", говоритъ слѣдующее: „Опубликованное соглашеніе между тремя великими державами встрѣчено было всѣмъ цивилизованнымъ міромъ съ нескрываемой радостью. Наступилъ крайній срокъ для давно ожидаемаго пробужденія христіанскаго сознанія и чести, въ силу которыхъ нельзя было безучастно смотрѣть, какъ цѣлая орда кровожадныхъ африканскихъ псовъ истребляла христіанскій народъ на европейскомъ материкѣ". Лордъ Каннингъ умеръ раньше, нежели удалось ему выполнить задуманный планъ. Наваринскій бой далъ Греціи автономію, но вызвалъ у англичанъ старыя опасенія на счетъ черезмѣрнаго усиленія Россіи на морѣ. При открытіи парламента въ 1828 году, король Георгъ назвалъ Наваринскій бой *„нежелательнымъ событіемъ"*. Въ виду такого двойственнаго отношенія къ интересамъ христіанскаго населенія Балканскаго полуострова со стороны Англіи и даже Франціи, не говоря объ Австріи, Императоръ Николай Павловичъ рѣшился дѣйствовать независимо. Притѣсненія христіанъ и оскорбительное поношеніе державъ султаномъ Махмудомъ, а въ особенности убійство въ полномъ облаченіи греческаго патріарха на улицахъ Константинополя послужили поводомъ къ объявленію войны. Въ означенное знаменательное время въ Петербургѣ гостилъ уже въ третій разъ прусскій принцъ Вильгельмъ, второй сынъ короля Фридриха Вильгельма III и братъ Императрицы Александры Ѳеодоровны, супруги Николая I. Принцъ Вильгельмъ прибылъ въ декабрѣ 1827 г. и остался до середины мая 1828 г. Объ этомъ пребываніи молодого принца, такъ искренно симпатизировавшаго всему русскому, сохранилось характерное письмо, посланное имъ своему брату, принцу Карлу. Судя по содержанію письма, можно дѣлать нѣкоторые безошибочные выводы относительно политическаго настроенія, господствовавшаго въ придворныхъ, правительственныхъ и военныхъ кругахъ Пруссіи тогдашняго времени. Принца Вильгельма сопровождалъ его адъютантъ полковникъ Леопольдъ фонъ Герляхъ, впослѣдствіи интимный другъ Короля Фридриха Вильгельма IV. Изъ воспоминаній Герляха мы узнаемъ, что консервативно-феодальная партія раздѣляла въ вопросахъ внѣшней политики всецѣло взгляды и убѣжденія Меттерниха, слѣдовательно, относилась несочувственно къ затѣянной Россіей войнѣ. Дворъ, съ нерѣшительнымъ и не особенно дальновиднымъ королемъ во главѣ, не зналъ, какого направленія держаться, боясь навлечь на себя нерасположеніе

одной изъ тайно враждующихъ между собой великихъ державъ. Только армія и принцъ Вильгельмъ стояли открыто и рѣшительно на сторонѣ Россіи, считая ея дѣло общеевропейскимъ, общехристіанскимъ. Герляхъ сообщаетъ, что по мнѣнію принца Вильгельма, высказываемаго имъ всюду безъ стѣсненія, турокъ слѣдовало бы изгнать изъ Европы или, если это невозможно, то по крайней мѣрѣ окончательно освободить грековъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ принцъ написалъ королю-отцу, что Императоръ Николай Павловичъ предложилъ ему принять участіе въ походѣ противъ Турціи и что онъ спрашиваетъ на это соизволеніе отца. Послѣ долгаго молчанія, король не разрѣшилъ своему сыну принять приглашеніе русскаго Императора, изъ соображеній оставшихся неизвѣстными, но ключъ къ которымъ нужно искать въ опасеніяхъ, исходящихъ изъ Вѣны и отчасти изъ Лондона. Король боялся слишкомъ демонстративнаго проявленія симпатій къ Россіи со стороны одного изъ членовъ своей семьи. Письмо къ младшему брату принца Вильгельма относится къ времени ожиданія отца изъ Берлина на запросъ касательно участія въ походѣ. Странно, что это письмо, появившееся къ столѣтнему юбилею дня рожденія германскаго Императора Вильгельма I (тогдашняго принца Вильгельма) въ журналѣ Максимиліана Гардена Die Zukunft въ мартѣ 1897 г., прошло совершенно незамѣтно въ русской печати, несмотря на то, что въ немъ есть указанія на нѣкоторые до сихъ поръ абсолютно неизвѣстные факты изъ повседневной жизни русскаго двора. Мы даемъ по возможности точный переводъ, не исправляя даже явныя ошибки при поименованіи русскихъ лицъ и фамилій и не измѣняя правописаніе нѣкоторыхъ словъ, взятыхъ изъ французскаго.

Peterhoff d. 18/30 April 1828.

Für Deinen letzten Brief, in welchem Du mir von der Taufe Deines Herrn Sohn's sprichst, habe ich Dir noch zu danken. Es muß ein schöner Tag für Euch gewesen sein, zu dem ich so gern zurückgekehrt wäre, wenn nicht Mahmud uns und namentlich mich zu sehr beschäftigte. Von Posttag zu Posttag erwartete ich Papas Antwort auf mein Kriegsgesuch, erhielt aber noch immer keine, u. nur Indicien, daß er keine sonderliche Lust hat, mir die so schmerzlich erwartete Erlaubniß zu geben. Schlägt er es ab, so wäre ich untröstlich; denn solch eine Gelegenheit kommt nicht wieder; Einmal ein solcher Krieg u. zweitens, daß ich noch allein in der Welt in diesem Augenblick stehe, sind Ver-

hältnisse die für mich zu günstig sind, um sie nicht mit Macht zu ergreifen.

Der Ausmarsch aller Garde Regimenter both uns einen herrlichen Anblick dar, daneben aber auch ein unzertrennliches Gefühl, von der hohen Wichtigkeit dieses Ereignisses! Truppen, die in den Krieg ziehen, haben für jeden Soldaten einen eigenthümlichen Reiz; wie vielmehr, wenn man sie für eine so eigenthümliche Veranlassung ziehen siehet, — nicht wissend, was nicht noch Alles eintreten mag, bevor sie ihren weiten Marsch bis zur Grenze vollendet haben! —

Gestern war grosse Parade der chevalier G^{d}, der Garde à cheval und der Cuirassier der Kaiserin auf dem champ de Mars. Die Truppen waren über die Begriffe schön, u. Alles versicherte, daß diese Division seit einem Jahr unglaublich sich vervollkommt habe. Wer sie kannte, wird dies in der Entfernung kaum glauben! sie war magnifique. Das Wetter herrlich ohne Wind. Es wurde die Front runter geritten: Alles in Regiments-Divisions-Colonnen. Dann ward in Zügen im Schritt vorbeimarschirt; darauf in $^1/_2$ Escadre im Trabe und zuletzt in ganzen Escadrons im Galopp.— Morgen ist dieselbe Parade noch Einmal für beide Kaiserinnen.

Ich bin mit Charlotte, seit 1 Stunde hier, nachdem wir die arme Helene bis Strelna gebracht hatten, die heut ihre grosse, lange Reise antritt. Sie hat sich in den letzten Wochen augenscheinlich erhohlt, aber nichts destoweniger ist ihre Gesundheit physisch und moralisch untergraben; man kann ihre Lage nicht ohne die tiefste Theilnahme betrachten; vielleicht wird die Reise ihre Gesundheit und ihre Lebensfreude wieder anfachen; aber bei der Rückkehr hierher, wird so Vieles wieder auf sie einstürmen, daß Alles zum Alten zurückkehren dürfte; — sie hätte ein besseres Loos verdient. —

Jetzt seid ihr in voller Frühjahrs Thätigkeit mit den Truppen, sollte mir Papa befehlen zurückzukommen, um statt dem Pruth u. die Donau, den York Graben und die Nuthe zu passiren, so hätte ich freilich noch um so mehr eine frühere Entscheidung gewünscht, um an der Militärs: Bildungs Periode Theil zu nehmen; jetzt würde ich nur zur Revue eintreffen können. — In Ermanglung aller Entscheidung, habe ich müssen alle Veranstalten zur Reise nach Ismail machen lassen, um nachher nicht sitzen zu bleiben; wie unangenehm, wenn das Alles umsonst wäre! Ich würde mit Charlotte bis eine Tagereise von Mohilew gehen, und dann Tag u. Nacht bis Ismail, wo wir Alle, den $\frac{8}{20.}$ May sein

müssen. Nix gehet den $\frac{25.\ Apr.}{7.\ May}$ u. Charlotte den $\frac{27.\ A.}{9.\ M.}$ von hier ab. Nix über die südlichen Caval: Colonien. Den $\frac{12.}{24.}$ May würden wir vor Brailoff die ersten Schüsse wahrscheinlich hören!!! — Wilhelm v. C. begleitet den Kaiser bis Witepsk. —

Der Carnevall hat hier mehrere Parthien zu Stande gebracht, unter denen Du auch mehrere Bekannte finden wirst.

1) Mary Baranoff mit dem Rittetr Pantekoff von der Cheval: Garde; ein exzellenter Mensch. 2) Steph. Radziwill mit Gf. Wittgenstein; die Hochzeit der Letzteren war vorgestern bei der Kaiserin M. und nachher Ball. Was mir Alles durch den Sinn ging bei dieser Vermählung, kannst Du denken! — 3) eine M. Kosens mit dem Ob. Essen von der Garde à cheval; 4) eine M. Chitaoff mit Gf. Tolstoy, Adj. v. Michael sind auch schon verheirathet; 5) M. Kamarofsky mit Gr. Schipoff dem kleinen Schmaofsky; l'amour n'entre pour rien dans ce mariage; sind verheirathet. 6) M. Knorring mit den sehr fitalen étonnirten Augen und Braunen, mit einem unbekannten Pohlen; ich bewundere dabei nichts als des Mannes Geschmack! — die andern Damen sind alle charmant, wenn Du sie nicht kennen solltest.

Mit Charlotte gehet nach Odessa die Gfn. Orloff, beide Baranoffs, Sophie Medem und Sophie Urussoff. Mit Mary gehet die Mama Baranoff. Von Herren gehet Pr. Pierre Wolchonsky u. Medem mit.

Nun Adio. 1000 Herzliche an Mary und Sohn. Deinen Umgebungen viel Schönes.

Ewig

Dein treuer Bruder

Wilhelm, der Türken Fresser.

Петергофъ, 18-го (30) апрѣля 1823 г.

За твое послѣднее письмо, въ которомъ ты сообщаешь мнѣ о крестинахъ твоего сына, я долженъ еще поблагодарить тебя. Полагаю, что это былъ чудный для васъ день, къ которому я охотно бы возвратился, если бы не Махмудъ, такъ сильно занимающій насъ и особенно меня. Со дня на день я ожидаю почту съ отвѣтомъ отъ папы на мою просьбу принять участіе въ предстоящей войнѣ, но до сихъ поръ все еще ничего не получилъ, кромѣ косвенныхъ намековъ, что онъ не питаетъ особенной склонности дать, столь болѣзненно ожидаемаго мною, дозволенія. Если онъ откажетъ, то я буду безутѣ-

шенъ, ибо такой случай не подвернется вторично. Во-первыхъ, уже одна эта война, сама по себѣ, а во-вторыхъ, тотъ фактъ, что въ настоящій моментъ я нахожусь въ положеніи одинокаго, являются для меня слишкомъ благопріятными обстоятельствами, чтобы не ухватиться за нихъ всей силой. Выступленіе въ походъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ представляло великолѣпное зрѣлище, возбуждавшее въ то же время и сознаніе о чрезвычайной важности этого событія. Войска, отправляющіяся на войну, имѣютъ для каждаго солдата своеобразную прелесть, тѣмъ болѣе, когда они, какъ въ данномъ случаѣ, выступаютъ въ силу очень своеобразныхъ побудительныхъ причинъ, когда неизвѣстно, что можетъ еще случиться, пока они пройдутъ громадное разстояніе до границы. Вчера былъ большой парадъ кавалергардовъ, конной гвардіи и кирасиръ Ея Величества на champ de Mars. Войска блистали красотой, неподдающейся описанію, при чемъ всѣ утверждали, что эта дивизія успѣла за годъ усовершенствоваться.

Кто не зналъ, не повѣритъ издали этому! она была magnifique. Погода стояла восхитительная, безъ вѣтра. Сначала полки проѣхали фронтомъ въ дивизіонныхъ колоннахъ, затѣмъ шагомъ взводами, потомъ полуэскадронами рысью и подъ конецъ эскадронами галопомъ. На завтра назначено повтореніе парада для обѣихъ императрицъ. Я нахожусь здѣсь съ Шарлоттой [1]) съ часъ тому назадъ, послѣ того какъ мы доставили бѣдную Елену [2]) въ Стрѣльну, откуда она сегодня отправляется въ далекое и продолжительное путешествіе. За послѣднія недѣли она видимо отдохнула, тѣмъ не менѣе здоровье ея физически и нравственно подорвано; на положеніе, въ которомъ она находится, нельзя смотрѣть безъ проявленія глубочайшаго сочувствія; быть можетъ путешествіе возстановитъ ее здоровье и пробудитъ вновь въ ней жизнерадостность, но при возвращеніи обратно сюда на нее нахлынетъ опять такъ много прежняго, что все можетъ остаться по-старому;—она заслуживала бы лучшей участи [3]). Вы теперь въ разгарѣ весеннихъ военныхъ упражненій съ войсками; въ случаѣ папа приказалъ бы мнѣ вернуться, дабы взамѣнъ переправы черезъ Прутъ и Дунай переходить іоркскій ровъ и Нуту [4]), то тѣмъ болѣе ожидалъ бы я заблаговременно рѣше-

[1]) Императрица Александра Ѳеодоровна, сестра принца Вильгельма.

[2]) Великая княгиня Елена Павловна, супруга великаго князя Михаила Павловича.

[3]) Явный намекъ на безотрадное семейное положеніе великой княгини

[4]) Маленькая рѣченка, въ родѣ нашей Карповки, въ окрестностяхъ Берлина.

нія, чтобы принять участіе въ военно-учебномъ періодѣ; теперь же я могу прибыть только къ смотру. За отсутствіемъ всякаго опредѣленнаго рѣшенія, я былъ вынужденъ сдѣлать всевозможныя заготовленія на случай поѣздки въ Измаилъ, дабы впослѣдствіи не быть вынужденнымъ сидѣть здѣсь безъ дѣла. Какъ непріятно, если все это сдѣлано напрасно. Я отправился бы вмѣстѣ съ Шарлоттой, не доѣзжая дневного разстоянія до Могилева, а потомъ день и ночь до Измаила, гдѣ мы всѣ должны быть къ 8 (20) мая. Nix [1]) отправляется 25 апрѣля (7 мая), а Шарлотта 27 апрѣля (9 мая) отсюда. Nix ѣдетъ черезъ южныя кавалерійскія колоніи [2]) 12 (24) мая. Передъ Браиловымъ мы, вѣроятно, услышимъ первые выстрѣлы. Вильгельмъ фонъ С. сопровождаетъ императора до Витебска. Мясоѣдъ сочеталъ здѣсь брачными узами нѣсколько паръ, среди которыхъ ты также найдешь знакомыхъ: 1) Марія Баранова съ ротмистромъ кавалергардскаго полка Пантековымъ; превосходный человѣкъ, 2) Стефанія Радзивилъ съ граф. Витгенштейномъ; свадьба послѣднихъ была третьяго дня у императрицы М., послѣ чего состоялся балъ. Ты можешь себѣ представить все то, что приходило мнѣ на умъ при этомъ вѣнчаніи. 3) Нѣкая m-elle Козелъ съ полковникомъ конно-гвардейскаго полка Эссенъ. 4) Нѣкая m-elle Хитаова [3]) съ графомъ Толстымъ, адъютантомъ Михаила. 5) M-elle Комаровская съ гр. Шиповымъ маленькимъ Шмаовскимъ [4]) l'amour n'entre pour riens dans ce mariage. 6) M-elle Кнорринъ съ очень жизнерадостными глазами и удивленно-вздернутыми бровями съ неизвѣстнымъ полякомъ; меня въ данномъ случаѣ ничто не удивляетъ, кромѣ проявленія вкуса у мужчины. Всѣ остальныя дамы очаровательны, въ случаѣ ты ихъ не знаешь. Съ Шарлоттой въ Одессу ѣдетъ граф. Орлова, обѣ Барановы, Софья Медемъ и Софья Урусова, съ Marі ѣдетъ мамаша Баранова, изъ мужчинъ ѣдутъ князь Петръ Волконскій и Медемъ.

Ну, Adio. 1.000 сердечныхъ Маріи [5]) и сыну. Твоимъ окружающимъ всего хорошаго.

Навѣки твой вѣрный братъ

Вильгельмъ. Пожиратель турокъ.

М. В. Станиславскій.

---

[1]) Императоръ Николай I.

[2]) Непонятно, какія южныя кавалерійскія колоніи подразумѣваетъ принцъ.

[3]) Фамилія невѣсты, по всей вѣроятности, Хіятова.

[4]) Несомнѣнная путаница въ именахъ.

[5]) Супруга принца Карла.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 17-го апрѣля по 30-е іюля 1912 г.

Исторія русской литературы XIX в. Подъ ред. Д. Н. Овсяника-Куликовскаго, при ближайшемъ участіи А. Е. Грузинскаго и П. Н. Сакулина. Т. II. М. 1912. Изд. Т-ва Міръ. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовск., соб. д.). 8° (18×27). 431 стр.+19 лист. рис. Вѣсъ 3 ф. 2 л. 3.100 экз.

Корниловъ, А. Курсъ исторіи Россіи XIX в. Часть 2. М. 1912. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ (Тверской бульв., 6). Тип. И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовск., с. д.). 8° (15×22). 272 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 23 л. 5.000 экз.

Лѣтопись Историко-Родословнаго общества въ Москвѣ. 1912 г. Вып. 2-й (30). (Годъ 8). М. 1912. Тип. Т-ва Печатня С. П. Яковлева (Салтыковскій пер., 9). 8° (18×27). 71 стр. Вѣсъ 15 л. 400 экз.

Любавскій, М. XVIII вѣкъ и Ломоносовъ. М. 1912. Тип. Университета. 8° (17×26). 16 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Минцловъ, С. Р. Обзоръ записокъ, дневниковъ, воспоминаній, писемъ и путешествій, относящихся къ исторіи Россіи и напечатанныхъ на русскомъ языкѣ. Вып. I. Новгородъ. 1911. Тип. Губернская. 8° (20×28). 171 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 3 л. 1.500 экз.

Олартъ, Е. Петръ I и женщины. Историческая библіотека, № 14. М. 1912. Изд. Книгоизд. Дѣло (Поварская, 10). Тип. М. Балдинъ и К° (Арбатъ, 7). 16° (10×15). 8 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 10.000 экз.

Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Сенатскомъ архивѣ. Отечественная война и кампаніи 1813 — 1815 гг. Спб. 1912. Тип. Сенатская. 8° (18×27). 341 стр. Вѣсъ 1 ф. 18 л. 300 экз.

Памятная книжка Тульской губерніи на 1912 годъ. Подъ ред. Е. И. Скабалланновича. Тула. 1912. Изд. Тульск. Губ. Статист. Комит. Тип. Тульск. Губ. Правл. 8° (15×22). XI+8+199+214 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 31 л. 750 экз.

Поселянинъ, Е. Сто лѣтъ назадъ. Воспоминанія о 1812 годѣ. М. 1912. Изд. Книгоизд. Сельск. Вѣстн. и т-ва И. Д. Сытина (Спб., Мойка, 32). Тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8° (14×20). 32 стр. Съ рис. Ц. 7 к. Вѣсъ 3 л. 20.000 экз.

Толузаковъ, С. Бой подъ Краснымъ 3—6 Ноября 1812 года. Спб. 1912. Изд. Импер. Главной Квартиры. Тип. В. Д. Смирнова (Екатер. кан., 45). 4° (23×28). 36 стр. Съ рис. Вѣсъ 9 л. 500 экз.

Толузаковъ, С. Взятіе Вереи. Спб. 1912. Изд. Импер. глав. квартиры. Тип. В. Д. Смирнова (Екатер. кан., 45). 4° (23×28). 17 стр. Съ рис. Вѣсъ 5 л. 500 экз.

1812 годъ. Изданія, вышедшія къ празднованію юбилея Отечественной войны 1812 года. Спб. 1912. Тип. Русская Скоропечатня (Екатер. кан., 94). 16° (13×19). 16 стр. Вѣсъ 1 л. 6.000 экз.

«1812 г.» Утро, посвященное памяти Отечественной войны. Историческая Коммиссія Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. З. (Редакція Н. Л. Бродскаго). М. 1912. Изд. Книгоизд. За друга (Б. Кисловка, д. Азанчевскаго). Тип. Вильде (М. Кисловка, соб. д.). 16° (13×18). 64 стр. съ рис. Ц. 10 к. Вѣсъ 4 л. 10.000 экз.

Съ 17-го по 24-е апрѣля 1912 года.

Валишевскій, К. Романъ Императрицы Екатерины Второй. По мемуарамъ, письмамъ и неизданнымъ документамъ. Перев. Т. Х. и О. Э. съ семнадцатаго французскаго изданія, премированнаго академіей. (Происхожденіе современной Россіи. Т. VI. М. 1912. Изд. к-ва Современныя проблемы (Садовники, 9). Тип. Моск. Изд. Копѣйка (Б. Дмитровка, 26). 8° (15×23). IV+589+II стр.+21 лист. рис. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 30 л. 1.600 экз.

Г—кій Г. Г. Вожди русской арміи въ 1812 г. Кутузовъ. Барклай-де-Толи. Багратіонъ. М. 1912. Изд. журн. Вѣрность (Ермолаевскій пер., д. кн. Эристова). Тип. Русская Печатня (Тріумф.-Садовая 170). 16° (11×16). 32 стр. Съ рис. Ц. 6 к. Вѣсъ 1 л. 8.000 экз.

Желябужскій, Е. Д. Отечественная война 1812 года и Кутузовъ. М. 1912. Изд. А. Д. Ступина (Никольская). Тип. Русск. т-ва (Мыльниковъ пер., с. д.). 8° (17×23). 164+4 нен. стр. Съ рис. Ц. 60 к. Вѣсъ 24 л. 5.000 экз.

Коганъ, Петръ. Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. Т. III. Современники. Вып. II. М. 1912. Изд. к-ва Заря, 2-е Тип. Ломоносовъ (1-я Тверская-Ямская, 20). 8° (15×23). 160 стр.+5 портр. Складъ: Кн. маг. Сотрудникъ Провинціи (уг. Тверской и Мал. Бронной). Ц. 1 р. Вѣсъ 15 л. 2.000 экз.

Корниловичъ, О. Записки Императрицы Екатерины II. Внѣшній анализъ текста. (Перепечатка изъ журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія). Томскъ. 1912. Тип. Сибирск. Т-ва Печ. Дѣла. 8° (18×26). 29 стр. Вѣсъ 4 л. 170 экз.

Лопухинъ, В. А. Ныробскій мученикъ бояринъ Михаилъ Никитичъ Романовъ. Докладъ XV археологич. съѣзду въ Новгородѣ. Новгородъ. 1912. Тип. Губернская. 4° (21×29). 18 стр.+11 рис. Вѣсъ 18 л. 300 экз.

Нивѣ, П. А. Отечественная война 1812—1912 годъ. Спб. 1912. Изд. Издат. В. Ильинчика. Тип. Морскаго Министерства. 8° 321—480 стр. Съ 34 рис. и 9 плак. Вѣсъ 2 ф. 6 л. 5.000 экз.

Никольскій, Н. В. Христіанство среди чувашъ Средняго Поволжья въ XVI—XVIII вѣкахъ. Историческій очеркъ. (Отд. от. изъ «Извѣстій Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ за 1912 годъ). Казань. 1912. Тип. Университета. 8° (17×25). 416 стр. Съ рис.+1 карта. Складъ: Спасскій Монастырь. Миссіонерскіе курсы. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 30 л. 410 экз.

Поповъ, В. Ф. Исторія земской школы и первоначальнаго народнаго образованія въ Устьсысольскомъ уѣздѣ. Устьсысольскъ. 1912. Изд. Устьсысольс. земства. Тип. Слѣдиковъ и К°. 8° (15×22). III+304 стр.+1 табл. Ц. 1 р. 30 к. Вѣсъ 18 л. 700 экз.

Приходская жизнь въ древней Руси. Спб. 1912. Изд. Фракціи союза 17 октября. Тип. Р. В. Коротаевой. 8° (14×21). 36 стр. Вѣсъ 4 л. 500 экз.

Розановъ, С. П. Памятники древне-русской литературы. Вып. 1-й. Житіе преподобнаго Авраамія Смоленскаго и службы ему. Спб. 1912. Изд. Отдѣл. русск. яз. и словесности. Тип. Имп. Академіи Наукъ. 8° (20×26). XXVI+166 стр. Съ рис. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 16 л. 813 экз.

Скубачевскій, П., прот. Гермогенъ, Патріархъ Московскій и всея Руси и его служеніе отечеству въ Смутное время. Харьковъ. 1912. Тип. Мирный трудъ (Дѣвичья, 14). 8° (16×24). 32 стр. Вѣсъ 3 л. 100 экз.

Струковъ, Н. Д. По поводу двухсотлѣтняго юбилея со дня рожденія М. В. Ломоносова. 1711—1911. М. 1912. Тип. Русская Печатня. (Тріумф. Садовая, 14). 8° (16×24). 13 стр. Съ рис. Вѣсъ 2 л. 200 экз.

Тычининъ, Мих. Что хотѣлъ сказать Ѳ. М. Достоевскій своимъ романомъ «Братья Карамазовы». Спб. 1912. Тип. Ал.-Невск. Общ. Трезвости. 8° (14×22). 60 стр. Вѣсъ 5 л. 150 экз.

Чистяковъ, С. Борисовцы въ Могилевѣ на-Днѣпрѣ. Дѣло 8-го іюля и занятіе Могилева французами. 1812 годъ. Спб. 1912. Изд. Березовскаго, 2-е. Тип. Рус. скоропеч. (Екатер. кан., 94). 8° (15×21). 128 стр. Ц. 75 к. Вѣсъ 14 л. 1.000 экз.

Съ 24-го апрѣля по 1-е мая 1912 г.

Айхенвальдъ, Ю. Посмертныя произведенія Л. Н. Толстого. Спб. 1912. Изд. и тип. Энергія (Загородный пр., 17). 8° (14×20). 63 стр. Ц. 45 к. Вѣсъ 7 л. 3.000 экз.

Алавердянцъ, М. Я. Графъ Иванъ Федоровичъ Паскевичъ-Эриванскій и его дѣятельность на Кавказѣ въ очеркахъ Армянскаго историка. 1782—1812. Спб. 1912. Тип. М. Пивоварскаго и А. Типографа (Моховая, 8). 8° (17×26). 27 стр. Вѣсъ 4 л. 125 экз.

Антикварная Книжная Торговля В. И. Клочкова. Каталогъ № 523. Спб. 1912. Тип. Аргольдъ. 8° (17×24). 16 стр. Вѣсъ 2 л. 1.200 экз.

Бестужевъ-Рюминъ, К. Князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ и потомки его, Мономаховичи или о временахъ княжескихъ смутъ и усобицъ. Спб. 1912. Тип. Общ. Польза. 8° (16×23). 32 стр. Ц. 8 к. Вѣсъ 3 л. 3.000 экз.

Богдановичъ, Т. Александръ I. Историко-біографическій очеркъ. Универсальная библіотека № 652. М. 1912. Изд. К-ва Польза В. Антикъ и К° (Козицкій 2). Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ. 16° (10×15). 128 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 4 л. 10.200 экз.

Г—скій Г. Г. Вожди русской арміи въ 1812 году. VIII юбилейныя вып. журн. «Вѣрность». М. 1912. Изд. журн. Вѣрность (Ермолаевскій пер., д. кн. Эристова). Тип. Русская Печатня (Б. Садовая 170). 16° (11×17). 32 стр съ рис. и порт. Ц. 6 к. Вѣсъ 2 л. 8.000 экз.

Джанашвили, М. Г. Къ матеріаламъ по исторіи и древностямъ Грузіи и Россіи. 1. Къ 300-лѣтію Дома Романовыхъ. Крестъ Михаила Ѳеодоровича. Краткій обзоръ русско-грузинскихъ отношеній до присоединенія Грузіи къ Россіи. Причины сведшія царя Теймураза II и кн. Голицына подъ Ганджу въ пасхальный день 1734 года. Грузины и армяне на россійской службѣ. Въ Молдавіи и южной Россіи въ концѣ 18-го вѣка. Изъ путевыхъ замѣтокъ груз. митрополита Іоны. Нашествіе Тамерлана на Москву, Дусачвисъ-Сакдари.

Грузинскій крестъ въ Свято-Троицкой Сергіевской лаврѣ. Грузинки и грузины. О грузинскихъ палестинскихъ древностяхъ. «Живописная Грузія». II. Сказаніе объ осадахъ Константинополя персами, скиѳами—русскими (въ 626 году) и арабами. Тифлисъ. 1912. Изд. автора. Тип. Канцеляріи Намѣстника. 8° 146 стр. Съ рис. Складъ: Минквицевская, 33. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 13 л. 2.300 экз.

Исторія русской арміи и флота. Т. VII. М. 1912. Изд. книгоизд. Образованіе. Тип. Русск. тов. (Чистые пруды, Мыльниковъ пер., с. д.). 8° (18×26). 148 стр. съ рис.+12 лист. и портр. Вѣсъ 1 ф. 11 л. 4.300 экз.

Кистяковскій, Б. Страницы прошлаго. Къ исторіи конституціоннаго движенія въ Россіи. По поводу книги В. Я. Богучарскій. Изъ исторіи политической борьбы въ 70-хъ и 80-хъ гг. XIX вѣка. Партія «Народной Воли», ея происхожденіе, судьба и гибель. М. 1912. Тип. П. П. Рябушинскаго (Страстн. бульв., Путниковскій пер., с. д.). 8° (17×26). IV+131 стр. Адресъ склада: Кн. маг. т-ва Н. П. Карбасниковъ (Моховая, д. Баранова). Ц. 1 р. Вѣсъ 22 л. 1.200 экз.

Корсакова, В. Василій Никитичъ Татищевъ. Біографическій очеркъ. Оттискъ изъ „Русск. Біографич. Словаря“. Спб. 1912. Тип. „Общ. Польза“. 16° (10×17). 56 стр. Вѣсъ 3 л. 60 экз.

Красновъ, П. Донцы и Платовъ въ 1812 году. М. 1912. Изд. Книгоизд. Сельск. Вѣстникъ (Спб., Мойка, 32). Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8° (13×21). 40 стр. съ рис. Ц. 7 к. Вѣсъ 3 л. 20.000 экз.

Лебедевъ, Б. Стенька Разинъ. № 15. Историческая библіотека. М. 1912. Изд. к-ства Дѣло (Поварская, 10). Тип. Я. М. Бѣлоусова (Газетный пер., 6). 16° (9×14). 96 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 10.000 экз.

Меликсетъ-бековъ, Л. М. Старинныя армянскія надписи въ музеѣ Общества Исторіи и древностей въ Одессѣ. Тифлисъ. 1912. Изд. Кн. Маг. Гутенбергъ. Тип. Эпоха (Музейскій пер., 8). 8° (20×24). 24 стр. Съ рис. Ц. 25 к. Вѣсъ 2 л. 120 экз.

Покровскій, В. Александръ Николаевичъ Островскій, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1912. Изд. 3-е. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., с. д.). 8° (17×25). VIII+324+4 нен. стр. Складъ: Кн. маг. В. Спиридонова и А. Михайлова (Моховая, д. Варваринск. Акц. О-ва). Ц. 60 к. Вѣсъ 1 ф. 6.000 экз.

Покровскій, В. Николай Михайловичъ Карамзинъ, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1912. Изд. 3-е. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко. (Воздвиженка, Крестовоздвиженск. пер., с. д.). 8° (17×25). 2 нен.+172 стр. Складъ: Кн. маг. В. Спиридонова и А. Михайлова (Моховая, д. Варваринск. Акц. О-ва). 40 к. Вѣсъ 17 л. 4.000 экз.

Русвурмъ, И. К., Ниневе, Ф. А. Сооруженіе и оборудованіе архивовъ. (Изъ записокъ Московскаго Археологическаго института. Т. XIX. Изд. 1912 г.). М. 1912. Тип. А. Снегиревой (Остоженка, Савеловск. пер.). 8° (18×26). 28 стр.+4 пл. Вѣсъ 16 л. 600 экз.

Сперанскій, М. Московскій университетъ XVIII столѣтія и Ломоносовъ. М. 1912. Тип. Университетская. 8° (17×26). 26 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Сухомлиновъ, В. На большой Смоленской дорогѣ. Изъ партизанскихъ дѣйствій въ 1812 году. Спб. 1912. Изд. Березовскаго 2-е. Тип. П. Усова (Могилевская, 18). 8° (14×21). 111 стр. Съ 19 рис. Ц. 50 к. Вѣсъ 15 л. 2.400 экз.

Тихоновичъ, К. З. Рай и Адъ въ поэзіи Т. Г. Шевченко (чувство природы и основные мотивы его творчества). Рефератъ, прочитанный на торжественномъ засѣданіи кружка для изученія вопросовъ художественнаго творче-

ства при варшавскомъ университетѣ въ пятидесятилѣтіе со дня смерти Т. Г. Шевченка. Варшава. 1912. Изд. Украинск. Громады въ Варшавѣ. Тип. Ф. Богуцкаго (Іерусалимская аллея, 33). 8° (16×23). 74+II стр. Ц. 35 к. Вѣсъ 11 л. 960 экз.

«1812 г.». Александръ I. «Второе Утро», посвященное Отечественной войнѣ. Историческая комиссія учебнаго отдѣла О. Р. Т. З. Ред. Н. Л. Бродскаго. М. 1912. Изд. книгоизд. За друга (Б. Кисловка, д. Азанчевскаго). Тип. Вильде (М. Кисловка, с. д.). 16° (14×18). 80 стр. съ рис. Ц. 10 к. Вѣсъ 4 л. 10.000 экз.

Шаховская, Н. В. Г. Короленко. Опытъ біографической характеристики. Біографическая библіотека № 3. М. 1912. Изд. К. Ф. Некрасова (Тургеневская пл., д. Страх. О-ва Россія). Тип. К. Ф. Некрасова (въ Ярославлѣ). 16° (13×19). 185+4 нен. стр.+1 портр. Ц. 60 к. Вѣсъ 14 л. 3.000 экз.

Съ 1-го по 8-е мая 1912 г.

Архивъ Раевскихъ. Томъ IV. Редакція и примѣчанія. Б. Л. Модзалевскаго. Спб. 1912. Изд. П. Раевскаго. Тип. М. А. Александрова. 8° (18×26). XXIII+725 стр. Съ 9 рис. Вѣсъ 4 ф. 24 л. 600 экз.

Горскій, С. Жены Іоанна Грознаго. Историческая библіотека. № 18. М. 1912. Изд. к-ва Дѣло (Поварская, 10). Тип. Я. М. Бѣлоусова. 16° (11×16). 96 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 10.000 экз.

Дмитріевскій, А., проф. Святѣйшій патріархъ Гермогенъ и русское духовенство въ ихъ служеніи отечеству въ смутное время. Спб. 1912. Изд. Общества рел.-нравств. просвѣщенія (Стремянная ул., 20). Тип. Синодальная. 16° (13×18). 94 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 8 л. 2.000 экз.

Елчаниновъ, А. Г. Народная война и герои изъ народа въ 1812 г. М. 1912. Изд. книгоизд. Сельскаго Вѣстника (Спб., Мойка, 32) и т-ва И. Д. Сытина. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 16° (12×17). 36 стр. Съ рис. Ц. 5 к. Вѣсъ 2 л. 30.000 экз.

Квитка, Андрей. Участіе Харьковскаго дворянства въ Отечественной войнѣ 1812 года, по архивнымъ свѣдѣніямъ изъ дѣлъ канцеляріи харьковскаго дворянскаго депутатскаго собранія. Спб. 1912. Тип. Сиріусъ (Рыночная, 10). 8° (17×25). 37 стр. Вѣсъ 6 л. 1.000 экз.

Князьковъ, С. А. Священной памяти двѣнадцатаго года. М. 1912. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 8° (16×22). 116 стр. съ рис. Ц. 30 к. Вѣсъ 11 л. 10.000 экз.

Козьминъ, Н. К. Николай Ивановичъ Надеждинъ. Жизнь и научно-литературная дѣятельность. 1804—1836. Записки Ист. Фил. Фак. Спб. Ун-та. Часть CXI. Спб. 1912. Тип. М. А. Александрова. 8° (17×24). VII+561 стр. Вѣсъ 1 ф. 27 л. 620 экз.

Корикъ, Г. Энциклопедія сочиненій для учащихъ и учащихся. Вып. 2-й. Древняя Русская Литература. XI—XVIII в. Отъ начала письменности до Ломоносова. Полный разборъ произведеній древней русской литературы въ пересказахъ, планахъ, образцовыхъ сочиненіяхъ, примѣнительно къ устнымъ отвѣтамъ и письменнымъ работамъ на темы, предложенныя въ средне-учебныхъ заведеніяхъ и на конкурсныхъ испытаніяхъ съ 1891 г. по настоящій годъ. Одесса. 1912. Тип. Одесскихъ Новостей (Екатерининская, 8). 8° (17×26). 148+16 стр. Складъ: Кн. маг. Одесскихъ Новостей (Дерибасовская, 20). Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 24 л. 2.000 экз.

Ложье, Цезарь. Дневникъ офицера великой арміи въ 1812 году. Переводъ съ французскаго подъ ред. Н. П. Губскаго съ предисловіемъ А. И. Васютинскаго. Библіотека мемуаровъ, вып. I. М. 1912. Изд. книгоизд. За друга. Тип. П. П. Рябушинскаго (Страстн. бульв., Путинковскій пер., св. д.). 8° (15×21). X+366 стр. Съ портр. Ц. 80 к. Вѣсъ 28 л. 3.100 экз.

Лѣтопись занятій Имп. Археографической Коммиссіи за 1911 годъ. Вып. 24-й Подъ ред. В. Г. Дружинина. Спб. 1912. Изд. археограф. ком. (Надеждинская, 27). Тип. Александрова. 8° (18×28). 16+47+XLVIII+307+4 таб.+IX+88+35+424 стр.+XI таб. Ц. 3 р. Вѣсъ 3 ф. 30 л. 400 экз.

Миллеръ, Всев. Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ. Къ крестьянству Микулы Селяниновича. (Оттискъ изъ «Этнографическаго Обозрѣнія», Кн. 90—91). М. 1912. Тип. Университетская. 8° (17×25). 11 стр. Вѣсъ 2 л. 64 экз.

Минцловъ, С. Р. Обзоръ записокъ, дневниковъ, воспоминаній писемъ и путешествій, относящихся къ исторіи Россіи и напечатанныхъ на русскомъ языкѣ. Вып. II и III. Времена Императоровъ Александра I и Николая I. Новгородъ. 1912. Тип. Губернская. 8° (20×28). 199 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 8 л. 1.500 экз.

Отечественная война 1812 года. Отд. I. Томъ XVIII. Боевыя дѣйствія въ 1812 году. Спб. 1912. Изд. Главн. Управ. Генер. Штаба. Тип. Бережливость (Невскій прос., 139). 8° (17×26). XIII+250 стр. Вѣсъ 1 ф. 5 л. 500 экз.

Писанко, А. А. Вяземскій бой 22 октября 1812 года (3 ноября н. с.). М. 1912. Изд. и тип. А. И. Снегиревой (Остоженка, Савеловскій пер., св. д.). 8° (17×22). 24 стр.+1 карта. Вѣсъ 5 л. 800 экз.

Подвиги Соловецкой обители. Спб. 1912. Изд. 11-е. Тип. Синодальная. 8° (15×21). 94 стр. Вѣсъ 7 л. 6.000 экз.

Прилуко-Прилуцкій, Н. Г. Ѳ. М. Достоевскій, жизнь и творчество. Корифеи русскаго слова. Сборникъ критическихъ и біографическихъ статей для средней школы и самообразованія. Вып. 12. Варшава. Годъ не указанъ. (1912). Изд. Тов. Оросъ (Новый Свѣтъ, 70). Тип. Л. Билинскаго и В. Маслянкевича (Новогродская, 17). 8° (16×23). 251 стр. Ц. 90 к. Вѣсъ 23 л. 5.000 экз.

Риттихъ, А. Ф. Графъ Д. А. Милютинъ. Спб. 1912. Тип. В. Ѳ. Киршбаума (д. М-ва Финансовъ, на Дворц. площ.). 8° (17×26). 30 стр. Съ портр. Вѣсъ 6 л. 300 экз.

Рукопись святѣйшаго патріарха Гермогена. М. 1912. Изд. Московск. Церк. Комис. по устр. чествован. историч. событ. 1612, 1613 и 1812 гг. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Тверская, Трехпрудн. пер., с. д.). 8° (17×25). 69 стр. Вѣсъ 1 ф. 1 л. 500 экз.

Труды московскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества. Томъ II. Матеріалы по Отечественной войнѣ. Подробный журналъ исходящихъ бумагъ Собственной канцеляріи Главнокомандующаго соединенными арміями генералъ-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленскаго въ 1812 г. Подъ ред. В. П. Никольскаго. Съ толкованіями и приложеніями, составленными В. П. Никольскимъ и Н. П. Поликарповымъ. М. 1912. Тип. штаба Московск. воен. окр. (Остоженка, д. воен. вѣд.). 4° (22×33). 433 стр.+2 портр. Ц. 4 р. Вѣсъ 4 ф. 630 экз.

Съ 8-го по 15-е мая 1912 г.

Афанасьевъ, В. Подлинные документы о Бородинскомъ сраженіи 26-го августа 1812 года. Диспозиція, подлинныя донесенія князя Кутузова, Барклая-де-Толли, Ермолова, Коновницына, Раевскаго, Дохтурова и другихъ старшихъ начальниковъ съ приложеніемъ боевого расписанія русской арміи и плана сраженія. М. 1912. Изд. кружка ревнител. пам. Отеч. войны 1812 г. Тип. А. Снегиревой (Савеловскій пер. св. д.). 8° (16×24). 60 стр.+1 планъ. Вѣсъ 10 л. 1.200 экз.

Барсковъ, Я. Л. Памятники первыхъ лѣтъ русскаго старообрядчества. Спб. 1912. Тип. М. А. Александрова. 8° (18×27). XVI+424 стр. Съ табл. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 26 л. 250 экз.

Богдановичъ, Т. Александръ I. Историко-біографическій очеркъ. Универсальная библіотека. № 652. М. 1912. Изд. К-ва Польза, В. Антикъ и К° (Козицкій, 2). Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ. 16° (10×15). 128 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 4 л. 10.200 экз.

Боргманъ, А. И. Русская исторія. (Пособіе для средней школы и самообразованія). Часть I, до Петра Великаго. Спб. 1912. Изд. и тип. А. С. Суворина. 8° (16×12). 467 стр.+2 табл. Вѣсъ 1 ф. 18 л. 3.200 экз.

Боргманъ, А. И. Учебная книга по Русской исторіи. (Руководство для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній). Часть I, до Петра Великаго. Спб. 1912. Изд. и тип. А. С. Суворина. 8° (16×22). 271 стр.+2 табл. Вѣсъ 30 л. 4.000 экз.

Бурковскій, В. Подготовка къ войнѣ 1812 года и дѣйствія до переправы Наполеона черезъ Нѣманъ включительно. М. 1912. Тип. Штаба Моск. Воен. Окр. 8° (14×21). 70 стр.+2 плана. Ц. 80 к. Вѣсъ 8 л. 600 экз.

Волынской, Н. И. Постепенное развитіе русской регулярной конницы въ эпоху Петра Великаго. Вып. I. 1698—1706. Кн. 3 и 4. Приложенія (I—XCI). Спб. 1912. Тип. А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 8° (20×28). XII+500+607 стр. и табл. 4. Вѣсъ 6 ф. 3 л. По 500 экз.

Дневникъ архимандрита Палладія за 1858 годъ. Спб. 1912. Тип. В. Ѳ. Киршбаума. 58 стр. (17×26). Вѣсъ 9 л. 100 экз.

Карабановъ, Н. В. Отечественная война въ изображеніи русскихъ писателей. Историческая хрестоматія. М. 1912. Изд. и тип. В. М. Саблина (Петровка, д. Обидиной). 8° (15×23). 2 нен.+343 стр. съ рис. и портр. Складъ: Т-во Культура (Кузнецкій мостъ, 11). Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 13 л. 5.000 экз.

Кузнецовъ, Н. Д., проф. Оборотная сторона дѣла епископа Гермогена. Спб. 1912. Тип. Тренке и Фюсно. 8° (16×24). 14 стр. Вѣсъ 3 л. 1.050 экз.

Куплеваскій, Н. О., проф. Историческій очеркъ преобразованія государственнаго строя въ Царствованіе Императора Николая II. Выпускъ 1-й. Преобразованіе высшихъ государственныхъ учрежденій (1904—1907 г.г.). Спб. 1912. Изд. Всерос. Національнаго Клуба (Спб., Литейный, 10). Тип. Р. В. Коротаевой (Загородный пр., 10). 8° (14×21). 76 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 7 л. 10.000 экз.

Пасынковъ, Н. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Біографія и разборъ его произведеній. Плоцкъ. 1912. Тип. Детриха. 8° (14×21). 68 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 5 л. 500 экз.

Переверзевъ, В. Ѳ. Творчество Достоевскаго. (Критическій очеркъ). Съ предисловіемъ П. Н. Сакулина. М. 1912. Изд. К-ва Современныя проблемы. Тип. Мысль (Петровка, 17). 8° (13×20). XVI+367 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 30 л. 2.100 экз.

Россійскій, М. и С. Сухомлинъ. Военная исторія. Курсъ военныхъ училищъ. Ч. II. (Отечественная война 1812 года). Спб. 1912. Изд. Березовскаго, 3-е испр. Тип. Рус. скоропеч. (Екат. кан., 94). 8° (15×23). 195 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 20 л. 2.000 экз.

Франциškевичъ-Яновскій, И. И. Памятная книжка Олонецкой губерніи на 1912 годъ. Петрозаводскъ. 1912. Изд. Олонецк. Губ. Статист. Комитета. Тип. Губернская. 8° (17×24). X+136+2 нен.+44+88+XXXVI стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 25 л. 600 экз.

Фурсенко, В. В. Дѣло о Лестокѣ 1748 года. Спб. 1912. Тип. Сенатская. 8° (16×24). 64 стр. Вѣсъ 6 л. 100 экз.

Съ 15-го по 22-е мая 1912 г.

Антикварная книжная торговля В. Клочкова. Каталогъ № 524. Спб. 1912. Тип. Аригольда. 8° (17×24). 16 стр. Вѣсъ 2 л. 1.500 экз.

Васютинскій, А. М., Дживелеговъ, А. К. и Мельгуновъ, С. П. Французы въ Россіи. 1812 г. по воспоминаніямъ современниковъ-иностранцевъ. Нѣманъ, Смоленскъ, Бородино, Вступленіе въ Москву. Сборникъ. Историческая Коммиссія учебнаго отдѣла О. Р. Т. З. М. 1912. Изд. Книгоизд. Задруга (Б. Кисловка, д. Азанчевскаго). Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Воздвиженка, Крестовоздвижен. пер., с. д.). 8° (16×23). VIII+200 стр.+1 листъ портр. Ц. 1 р. Вѣсъ 21 л. 3.100 экз.

Гнѣвушевъ, А. М. Землевладѣніе и сельское хозяйство въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. Кіевъ. 1912. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Караваевская, 5). 8° (15×23). 47 стр. Вѣсъ 5 л. 110 экз.

Грабарь, Игорь. Исторія Русскаго искусства. Выпускъ 14. Спб. 1912. Изд. І. Кнебель. Тип. Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4° (24×31). 113—224 стр. Съ рис. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 18 л. 15.000 экз.

Довнаръ-Запольскій, М. В., проф. Обзоръ новѣйшей русской исторіи. Кіевъ. 1912. Тип. И. И. Чоколова (Б. Житомирская, 20). 8° (18×26). VII+427 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 2 ф. 3 л. 1.500 экз.

Донская церковная старина. Вып. III. Новочеркасскъ. 1912. Изд. Донск. церковно-историч. комит. Тип. Частная Донская. 8° (18×27). 4 нен.+315 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 ф. 850 экз.

Дѣевъ-Хомяковскій, гр. Вѣче и князь. Ихъ вліяніе на развитіе городовъ. М. 1912. Тип. Наше Слово (Тріумф. Садовая, 2). 16° (12×18). 8 стр. Вѣсъ 1 л. 500 экз.

Историческая выставка архитектуры 1911. Спб. 1912. Тип. т-ва А. Ф. Марксъ (Измайловскій пр., 29). 4° (26×31). 336+X стр. Съ рис. Вѣсъ 4 ф. 24 л. 2.200 экз.

Краткій историческій очеркъ 4-й и 5-й батарей 12-й артиллерійской бригады. 1812—1912 гг. Проскурозъ. 1912. Тип. Д. М. Левита (Александровская, соб. д.). 8° (17×25). 109+6 нен. стр. Съ портр. Вѣсъ 15 л. 600 экз.

Лукомскіе, В. К. и Г. К. Вишневецкій Замокъ. Его исторія и описаніе. Отд. отт. изъ журн. «Старые Годы» за мартъ 1912. Спб. 1912. Тип. «Сиріусъ». 8° (19×28). 40 стр. Съ рис. Вѣсъ 23 л. 200 экз.

Подвигъ святѣйшаго патріарха всероссійскаго Гермогена. Кіевъ. 1912. Тип. Русская печатня (Михайловскій пр., 20). 8° (15×22). 7 стр. Вѣсъ 1 л. 1.000 экз.

Словарь литературныхъ типовъ. Выпускъ 7 и 8-й. Пушкинъ. Редакція Н. Д. Носкова. При сотрудничествѣ С. И. Поварнина. Спб. 1912. Тип. Т-ва «Трудъ» (Кавалергардская, 40). 8° (17×26). 315 стр. Складъ: Спб., Тверская, 14. Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 6 л. 5.000 экз.

Соколовъ, Леонидъ. Поиски жизненнаго смысла въ романѣ «Братья Карамазовы (Оттискъ изъ журн. «Труды Кіевской Духовной академіи»). Кіевъ. 1912. Тип. акц. о-ва Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (16×24). 2 нен.+58 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 6 л. 170 экз.

Срезневскій, И. И. Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ. Т. III, вып. IV. Дополненіе. Спб. 1912. Изд. и тип. Академіи Наукъ. 8° (24×33). 271+13 стр. Вѣсъ 1 ф. 6 л. 863 экз.

Чижовъ, С. Монеты Московскаго государства (Оттискъ изъ «Русской Исторіи въ очеркахъ и статьяхъ подъ ред. проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго; т. III»). Кіевъ. 1912. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Караваевская, 5). 8° (17×24). 23 стр. Съ рис. Вѣсъ 5 л. 40 экз.

Съ 22-го по 29-е мая 1912 г.

Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи. Отдѣленіе III (1796—1869 г.г.). Т. 2. (1804—1808 г.г.). Съ предисловіемъ, введеніемъ и примѣчаніями проф. Ѳ. И. Титова. Кіевъ. 1912. Изд. Кіев. Дух. Академіи. Тип. И. И. Чоколова (Б. Житомирская, 20, соб. д.). 8° (18×26). CXXXIII+665 стр. Ц. 4 р. Вѣсъ 2 ф. 18 л. 500 экз.

Архивъ П. Н. Симанскаго. Вып. II. Письма Л. А. Симанскаго къ матери его и братьямъ по вступленіи его въ походъ въ бывшую съ французами войну 1812, 1813, 1814 и 1815 годовъ, съ пред. и примѣч. П. Н. Симанскаго. Спб. 1912. Изд. Архива П. Н. Симанскаго. Тип. Суворина (Эртелевъ, 13). 8° (20×26). 102 стр. Вѣсъ 20 л. 500 экз.

Богородицкій, Димитрій. Очеркъ торговли Нижняго-Новгорода за XVI и XVII в.в. (От. изъ «Университетскихъ Извѣстій» за 1912 г.). Кіевъ. 1912. Тип. акц. о-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (18×27). 23 стр. Вѣсъ 4 л. 150 экз.

Бородинъ, Д. Двѣнадцатый годъ. Пожаръ Москвы. Спб. 1912. Тип. И. Флейтмана (Казанская, 45). 8° (23×30). 39 стр. Съ 20 рис. Ц. 60 к. Вѣсъ 9 л. 2.000 экз.

Выставка «Ломоносовъ и Елизаветинское время». Отдѣлъ XV. Виды и планы городовъ. Спб. 1912. Изд. и тип. Импер. Акад. Наукъ. 8° (17×21). 45 стр. Вѣсъ 7 л. 1.000 экз.

Голицынъ, П. П., кн. Родословная книга дворянъ Новгородской губ. Новгородъ. 1910. Тип. Губернская. 8° (23×30). XLIII+360+54 стр. Ц. 3 р. Вѣсъ 4 ф. 12 л. 1.000 экз.

Дмитріевъ, М. Краткій очеркъ боевой службы Томскаго 39-го пѣхотнаго полка въ Отечественную войну 1812 года. Козловъ. 1912. Тип. Д. Калманокъ и бр. Г. и Л. Воллеръ. 16° (11×17). 40 стр. Вѣсъ 2 л. 1.000 экз.

Житковъ, К. Г. Свѣтлой памяти Григорія Ивановича Бутакова Адмирала Русскаго Флота (Къ 30-лѣтію со дня смерти). 1882 31 мая 1912. Спб. 1912. Тип. Морского Министерства (Главное Адмиралтейство). 8° (16×24). 95 стр. Складъ: у составителя—Царское Село, Малая ул., д. № 56. Вѣсъ 12 л. 200 экз.

Зарин̀ъ, А. Е. Царь Михаилъ Федоровичъ Романовъ. Смутное время, избраніе на царство и царствованіе. Историческій очеркъ. Спб. 1912. Изд. В. И. Губинскаго. Тип. Разсвѣтъ (Гороховая, 17). 8° (16×22). 45 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Вѣсъ 6 л. 4.000 экз.

Истрин̀ъ, В. М. Хроника Іоанна Маламы въ славянскомъ переводѣ. Книга шестая и седьмая. Сборникъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности Имп. Акад. Наукъ. Спб. 1912. Изд. и тип. Имп. Акад. Наукъ. 8° (17×25). 50 стр. Ц. 45 к. Вѣсъ 7 л. 313 экз.

Козловъ, П. К. Николай Михайловичъ Пржевальскій, первый изслѣдователь природы центральной Азіи. Спб. 1912. Тип. Н. Я. Стойковой (Знаменская, 27). 8° (17×25). 149 стр. Съ 3 рис. Вѣсъ 17 л. 300 экз.

Колесниковъ, В. А. Патріархъ Гермогенъ въ смутное время (Въ стихахъ). Ярославль. 1912. Изд. автора (Тропинообраз., соб. д.). Тип. А. К. Чарышникова. 16° (14×18). 13 стр. Ц. 3 к. Вѣсъ 1 л. 2.000 экз.

Колюбакинъ, Б. М. Труды Импер. рус. военно-истор. общества. Т. V. Война 1812 г. Бородинск. операція и Бородин. сраженіе. Кн. I (Дѣйствія съ 8 по 15 авг. 1812). Спб. 1912. Изд. Имп. рус. в.-истор. общества. Тип. Гр. Скачкова (Б. Посадская, 9). 4° (21×31). 315 стр. и схемъ 11. Вѣсъ 2 ф. 15 л. 1.000 экз.

Малиновскій, І. Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи пановъ-рады Великаго Княжества Польскаго. Добавленіе. Томскъ. 1912. Тип. Сибирск. Т-во Печ. дѣла (Уг. Дворянской и Ямск. пер., с. д.). 8° (18×27). 139+LXX стр. Вѣсъ 1 ф. 50 экз.

Орловъ, П. В. Пришлые рабочіе въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ. (От. изъ «Университетскихъ Извѣстій» за 1912 г.). Кіевъ. 1912. Тип. Акц. О-ва Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (17×25). 24 стр. Вѣсъ 4 л. 50 экз.

«Отечественная Война». Походъ Наполеона I въ Россію. 1812—1912. М. 1912. Тип. В. Копылова и М. Дмитріева. 8° (17×24). 7 стр. Вѣсъ 2 л. 6.000 экз.

Парійскій, С. М. Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. (Къ 300-лѣтію Нижегородскаго подвига 1611—1911). Н.-Новгородъ. 1912. Изд. Нижнегор. Губ. Уч. Арх. Комис., 2-е Тип. Нижегор. Печ. Дѣло. 16° (8×11). 29 стр. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Парійскій, С. М. Нижегородецъ Кузьма Мининъ Сухорукъ выборный всея земли и нижегородцы въ 1611 году. Н.-Новгородъ. 1912. Изд. 2-е, Нижегор. Губ. Уч. Арх. Комис. Тип. Нижегор. Печ. Дѣло. 16° (8×11). 32 стр. Вѣсъ 1 л. 10.000 экз.

Россійскій Царствующій Домъ Романовыхъ. 1613—1913. Спб. 1912. Тип. Фролова. 16° (19×10). 27 листовъ портр. Вѣсъ 10 л. 20.000 экз.

Сегюръ, де гр. Бородинское сраженіе и занятіе Москвы французами. Мемуары «Историческое знаніе». Выпускъ I. М. 1912. Изд. Московск. т-ва «Образованіе». Тип. Русскаго Тов-ва. 16° (10×15). 86 стр. Вѣсъ 3 л. 5.000 экз.

Сегюръ, де, гр. Бѣгство французовъ изъ Россіи. Мемуары «Историческое знаніе». Выпускъ III. М. 1912. Изд. Московск. Т-ва «Образованіе». Тип. Русскаго товарищества. 16° (10×15). 96 стр. Вѣсъ 3 л. 5.000 экз.

Сегюръ де, гр. Гибель французской арміи въ Россіи 1812 г. Мемуары. «Историческое значеніе». Выпускъ IV. М. 1912. Изд. Московск. Товар. «Образованіе». Тип. Русск. Товарищества. 16° (10×15). 128 стр. Вѣсъ 4 л. 5.000 экз.

Сегюръ, де, гр. «Пожаръ Москвы». 1812 г. Мемуары. «Историческое знаніе». Выпускъ II. М. 1912. Изд. Московск. т-ва «Образованіе». Тип. Русскаго Товарищества. 16° (10×15). 92 стр. Вѣсъ 3 л. 5.000 экз.

Состоящая подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Государя Императора покровительствомъ выставка «Ломоносовъ и Елизаветинское время". Отд. VIII—IX. Книги и рукописи. Спб. 1912. Изд. и тип. Академіи Наукъ (9-я л., 12). 8° (17×21). 168 стр. Вѣсъ 21 л. 1.000 экз.

Состоящая подъ Высочайшемъ Его Императорскаго Величества Государя Императора покровительствомъ выставка «Ломоносовъ и Елизаветинское время". Отдѣлъ X. Бытовой отдѣлъ. Спб. 1912. Изд. и тип. Академіи Наукъ (В. О., 9-я л., д. 12). 8° (17×21). 33 стр. Съ рис. Вѣсъ 6 л. 1.000 экз.

Состоящая подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Государя Императора покровительствомъ выставка «Ломоносовъ и Елизаветинское время». Отдѣлъ XI. Театръ. Музыка. Зрѣлища. Спб. 1912. Изд. и тип. Академіи Наукъ (В. О., 9-я л., 12). 8° (17×21). 29 стр. Вѣсъ 6 л. 1.000 экз.

Состоящая подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Государя Императора покровительствомъ выставка «Ломоносовъ и Елизаветинское время». Отд. XII. Военно-историческій. Спб. 1912. Изд. и тип. Академіи Наукъ (В. О., 9-я л., 12). 8° (17×21). 12 стр. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Состоящая подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Государя Императора покровительствомъ выставка «Ломоносовъ и Елизаветинское время». Отд. XIII. Военно-учебный. Спб. 1912. Изд. и тип. Академіи Наукъ. 8° (17×21). 35 стр. Вѣсъ 6 л. 1.000 экз.

Состоящая подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Государя Императора покровительствомъ выставка «Ломоносовъ и Елизаветинское время». Отд. XVII. Малороссія. Спб. 1912. Тип. Академіи Наукъ (В. О., 9-я л., 12). 8° (17×21). 77 стр. Вѣсъ 11 л. 1.000 экз.

Стеблевъ, А. П. Историческій обзоръ русской литературы XVIII и первой четверти XIX вѣка. Пушкинъ и его предшественники. Курсъ средней школы. М. 1912. Изд. и тип. В. М. Саблина (Петровка, д. Обидиной). 8° (16×23). 3 нен.+508+4 нен. стр. Съ рис. и портр. Складъ: Т-во Культура (Кузнецкій мостъ, 11). Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 13 л. 3.000 экз.

Тараныгинъ, Ѳ. А. Годъ русской славы (Незабвенный 1812 годъ). Редакція Ѳ. А. Витберга. Спб. 1912. Изд. 2-е. Тип. А. С. Суворина (Эртел. пер., 13). 8° (15×22). 228 стр. Съ рис. Вѣсъ 28 л. 15.000 экз.

Ученыя записки Императорскаго Московскаго университета. Отдѣлъ историко-филологическій. Вып. 42. М. 1912. Тип. Университетская. 8° (17×26). VIII+559 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 2 ф. 350 экз.

Шахъ-Пароніанцъ, Л. М. Учебные наброски на темы изъ курса исторіи Русской словесности. (Историко-литературныя характеристики). Спб. 1912. Изд. книжн. склада (Русская Филологія) (Мойка, 30, кв. 7). Тип. В. Д. Смирнова (Екатер. кан., 45). 8° (17×23) 113 стр. Ц. 80 к. Вѣсъ 14 л. 4.200 экз.

Съ 29-го мая по 5-е іюня 1912 г.

Арсеньева, С. Д. Разсказы изъ русской исторіи. Выпускъ X. Царствующій домъ Романовыхъ. Царь Освободитель. Спб. 1912. Изд. Училищ. Совѣта при Свят. Синодѣ. Тип. Синодальная. 8° (16×24). 1 нен.+215+1 нен. стр. Съ рис. Вѣсъ 24 л. 20.000 экз.

Березинъ, Николай Отечественная война 1812 года. Военный совѣтъ въ Филяхъ. М. 1912. Изд. и тип. книгоизд. Е. Коноваловой и К°. (Б. Андроньевская, соб. д.). 18° (11×18). 24 стр. Вѣсъ 1 л. 24.000 экз.

Березинъ, Николай. Отечественная война 1812 года. Императоръ Александръ I Благословенный. М. 1912. Изд. и тип. книгоизд. Коноваловой и К°. (Б. Андроньевск., с. д.). 18° (12×18). 24 стр. Вѣсъ 1 л. 24.000 экз.

Брагинъ, Андрей. Отечественная война 1812 года. Наполеонъ I Императоръ Франціи. М. 1912. Изд. и тип. книгоизд. Е. Коноваловой и К°. (Б. Андроньевская, соб. д.). 18° (11×18). 24 стр. Вѣсъ 1 л. 24.000 экз.

Глаголевъ, Іоаннъ, прот. Древнѣйшая святыня въ городѣ Овручѣ, Волынской губерніи. Житомиръ. 1912. Тип. Губернская. 8° (15×22). 37 стр. Съ рис. Вѣсъ 4 л. 2.010 экз.

Григорьевскій, М. Религіозный характеръ Императора Александра I въ его постепенномъ развитіи. (Къ столѣтію Отечественной войны). Глуховъ. 1912. Тип. А. И. Дворкина. 8° (15×22). 25 стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 4 л. 300 экз.

Добровольскій, Л. Городище у д. Почтовой Виты. Справка о прошломъ одной изъ кіевскихъ окрестностей. Кіевъ. 1912. Тип. Т. Г. Мейнандера (Пушкинская, 20). 8° (18×27). 42 стр.+2 листа съ чертеж. Вѣсъ 7 л. 100 экз.

Житковъ, К. Г. Свѣтлой памяти Великаго Князя Константина Николаевича Генералъ-Адмирала Русскаго Флота. (Біографическій очеркъ). Спб. 1912. Тип. Морского Министерства (Главное Адмиралтейство). 8° (16×24). 135 стр. и 2 порт. Складъ: у составителя—Царское Село, Малая улица, д. № 56. Вѣсъ 16 л. 400 экз.

Зубаревъ, К. М. Заслуги святѣйшаго патріарха Гермогена въ дѣлѣ защиты имъ православной церкви и отечества, его воспитаніе и подготовка къ самоотверженной дѣятельности и идущіе изъ дали вѣковъ завѣты питомцамъ духовной школы. Рѣчь, произнесенная въ Саратовской Духовной Семинаріи 18-го февраля 1911 г. на актѣ въ память 300-лѣтія со дня мученической кончины святѣйшаго патріарха Гермогена (Перепечатано изъ Саратовскаго Духовнаго Вѣстника, №№ 5—10, за 1912 г.). Саратовъ. 1912. Тип. Союза печ. дѣла. 8° (17×24). 27 стр. Вѣсъ 3 л. 120 экз.

Ивановъ, Н. Въ память столѣтія Отечественной войны 1812—1814 годовъ. Одесса. 1912. Изд. Одесск. Гор. Общ. Управл. Тип. О-ва Русская Рѣчь. 8° (18×27). 281+2 нен. стр. Съ рис. и порт.+1 карта. Вѣсъ 1 ф. 17 л. 18.000 экз.

Корольковъ, Н. Ѳ. Событія смутнаго времени на Руси. Воцареніе Дома Романовыхъ. Историческій очеркъ. Спб. 1912. Изд. постоян. Комис. Народн. Чтеній. Тип. И. В. Леонтьева (Басков. пер., 4). 8° (16×24). 167 стр. Съ рис. и картой. Ц. 50 к. Вѣсъ 19 л. 6.000 экз.

Крыловскій, А. С. Систематическій каталогъ книгъ библіотеки Кіевской Духовной Академіи. Исторія. Вып. 10—11. Т. IV. Русская Исторія: Источники-Лѣтописи и Сказанія, Акты, Грамоты, Реляціи, Документы, Указы, Манифесты и проч., Описи документовъ и дѣлъ, Письма, Записки, Хроники, Воспоминанія, Дневники, Альманахи, Сборники и т. п. Матеріалы иностранные, Сочиненія, относящіяся къ разработкѣ источниковъ Русской исторіи, Археологія и Исторія искусствъ. Исторія Русской Церкви. Исторія распространенія Русской церкви, отношенія ея къ другимъ церквамъ, епархіи, братства, приходы,-миссіи, ереси, расколы и т. п. Монастыри, скиты, пустыни, церкви, иконы, образа и проч. святыни. Исторія Русской іерархіи: Житія преподобныхъ, богоносныхъ и святыхъ, Исторія духовнаго просвѣщенія и училищъ. Исторія и Обличеніе Рускаго раскола и сектантства. Кіевъ. 1912. Тип. Акц. О-ва Петръ

Бѣрскій (Крещатикъ, 40). 8° (17×25). 527 стр. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 16 л. 400 экз.

Лобода, А. М., проф. Лекціи по исторіи Новой русской литературы. Ч. I. (XVIII вѣкъ). Кіевъ. 1912. Изд. студ. историко-фил. фак. Ун. св. Владиміра и В. ж. к. Тип. И. И. Чоколова (Б. Житомирская, 20). 8° (18×27). 218 стр. Складъ кн. маг. Оглоблина (Крещатикъ, 33). Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 28 л. 500 экз.

Лукомскій, Г. К. Батуринскій дворецъ, его исторія, разрушеніе и реставрація. Спб. 1912. Изд. комит. по рестав. Батурин. дворца. Тип. Сиріусъ (Рыночная, 10). 8° (14×20). 29 стр. Съ рис. Вѣсъ 7 л. 500 экз.

Назаровъ, Д. А. Отечественная война 1812 года. Очеркъ. Кіевъ. 1912. Изд. Кіев. учебн. окр. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Караваевская, 5). 8° (15×22). 48 стр. Съ рис. и порт. Ц. 8 к. Вѣсъ 5 л. 2.000 экз.

Народъ освободитель родины. 1812 годъ. Годъ отечественной славы. Спб. 1912. Тип. Штаба погран. стражи (у зд. Биржи). 8° (14×21). 50 стр. Вѣсъ 4 л. 3.000 экз.

Отечественная война и ея причины и слѣдствія. Иллюстрированный сборникъ. Историческая коммиссія учебнаго отдѣла О. Р. Т. З. М. 1912. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина, 2-е (Пятницкая, св. д.). 8° (17×26). 264 стр. Съ рис. и порт.+20 лист. рис. и порт. Ц. 1 р. Вѣсъ 1 ф. 11 л. 6.000 экз.

Отчетъ кіевскаго общества искусствъ и литературы за 1911—1912 годъ. Кіевъ. 1912. Тип. 1-й кіев. артели печ. дѣла (Трехсвятит., 5). 8° (22×29). 4 нен. стр. Вѣсъ 3 л. 50 экз.

Поповъ, В. И. 1812—1912 г. Справочный указатель къ «Войнѣ и миру» Л. Толстого. (Со вступительной статьей о методѣ изученія художественной литературы). Пособіе для гг. преподавателей и учащихся. Псковъ. 1912. Изд. автора (Псковъ, Губернск. мужск. гимн.). Тип. Губ. Правленія. 8° (15×23). 26 стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 3 л. 2.212 экз.

Русаковъ, Иванъ. Отечественная война 1812 года. Бородинскій бой 26-го августа 1812 года. М. 1912. Изд. и тип. Книгоизд. Е. Коноваловой и К°. (Б. Андроньевск., с. д.). 18° (12×18). 24 стр. Вѣсъ 1 л. 24.000 экз.

Русаковъ, Иванъ. Отечественная война 1812 года. Нашествіе французовъ (отъ Нѣмана до Поклонной горы) М. 1912. Изд. и тип. книгоизд. Е. Коноваловой и К° (Б. Андроньевская, соб. д.). 18° (11×18). 24 стр. Вѣсъ 1 л. 24.000 экз.

С. Л. М. Памяти М. Д. Скобелева. Спб. 1912. Тип. Штаба войскъ Гвардіи и Петер. в. Окр. 8° (16×25). 28 стр. Ц. 35 к. Вѣсъ 6 л. 2.000 экз.

Соловьевъ, Д. Декабристы. Историческая библіотека. № 21—22. М. 1912. Изд. к-ва Дѣло (Поварская, 10). Тип. М. В. Балдинъ и К°. 16° (10×15). 144 стр. Ц. 20 к. Вѣсъ 5 л. 10.000 экз.

Состоящая подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Государя Императора покровительствомъ выставка «Ломоносовъ и Елизаветинское время». Отдѣлъ IV. Русская гравюра. Спб. 1912. Изд. и тип. Имп. Академіи Наукъ (В. О., 9 л., 12). 8° (17×21). 19 стр. Вѣсъ 4 л. 2.000 экз.

Толстой, Н. Всероссійскій соборъ и церковная реформа. М. 1912. Тип. Моск. Изд. Копѣйка (Б. Дмитровка, 26). 8° (15×20). 320 стр. Ц. 8 р. Вѣсъ 21 л. 500 экз.

Толычева, Е. Мининъ и Пожарскій. Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова и подвигъ Ивана Сусанина. Разсказъ изъ русской исторіи.

Спб. Изд. Н. С. Аскарханова (Троиц., 6). 7-е. Тип. «Общ. Польза». (Б. Подъяческ., 39). 8° (14×22). 48 стр. съ 1 порт. и рис. Вѣсъ 5 л. 6.000 экз.

Хлопикъ, П. Вновь найденный универсалъ гетмана І. Мазепы. Нѣжинъ. 1912. Тип. насл. В. К. Меленевскаго. 8° (17×27). 11 стр. Вѣсъ 2 л. 100 экз.

Шпаковъ, А. Я., проф. Государство и Церковь въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ въ московскомъ государствѣ. Царствованіе Ѳеодора Ивановича. Учрежденіе Патріаршества въ Россіи. Приложенія. Часть первая. Съ указателемъ собственныхъ именъ. Одесса. 1912. Тип. Акц. Юж.-Русск. О-ва Печ. Дѣла (Пушкинская, 18). 8° (17×25). V+161+IX стр.+1 табл. Ц. 2 р. Вѣсъ 20 л. 800 экз.

Юшковъ, Владиміръ. Очеркъ изъ исторіи русскаго самосознанія XVIII-го вѣка. Общіе историческіе взгляды И. Н. Болтика. Кіевъ. 1912. Тип. Е. А. Синькевича (Б. Владимірская, 16). 8° (18×26). 48 стр. Вѣсъ 11 л. 1.100 экз.

Съ 5-го по 12-е іюня 1912 г.

Буличъ, Н. Н. Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX вѣка. Съ предисловіемъ Н. К. Кульмана. Томы I—II. Спб. 1912. Изд. 2-е. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5-я лин., д. 28). 8° (16×25). X+712 стр. Ц. 2 р. Вѣсъ 2 ф. 6 л. 2.000 экз.

Бытъ и нравы русской арміи послѣ 1812 года (по письмамъ генерала Фези). Перев. шт.-кап. В. Жилинскій. Спб. 1912. Изд. Березовскаго. Тип. Рус. скоропеч. (Екат. кан., 94). 8° (14×20). 208 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 20 к. Вѣсъ 21 л. 2.000 экз.

Военная галлерея 1812 года. 1812—1912. Издано по повелѣнію Государя Императора. Спб. 1912. Изд. Вел. Князя Николая Михаиловича. Тип. Экспед. заготовл. госуд. бумагъ. 4° (34×43). 294 стр. и 335 портр. Вѣсъ 20 ф. 8 л. 1.600 экз.

Ермоловъ, Александръ. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. 1777—1861. Біографическій очеркъ. Спб. 1912. Изд. Имп. Рус. воен. истор. Общества. Тип. А. С. Суворина (Эрт. пер., 13). 4° (21×27). 207 стр. съ рис. Вѣсъ 1 ф. 15 л. 1.000 экз.

Іустиновъ, М. А. Пѣвецъ старой правды И. А. Гончаровъ. (1812—1912 гг.). Золотоноша. 1912. Тип. В. В. Гольденберга. 8° (16×21). 44 стр. Вѣсъ 5 л. 200 экз.

Кульчицкій, Валентинъ. Столѣтіе отечественной войны 1812 года. Харьковъ. 1912. Тип. Р. Радомышельскаго (Кузнечная, 8). 16° (13×17). 42 стр. Съ рис. Ц. 100 экз. 10 р. Вѣсъ 3 л. 8.000 экз.

Майковъ, Б. А. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Подробный разборъ его главнѣйшихъ произведеній. Варшава. 1912. Изд. Тов. «Оросъ» (Новый Свѣтъ, 70). Тип. П. Ляскауэра (Новый Свѣтъ, 41). 8° (16×23). 264 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 26 л. 5.000 экз.

Нелидова, Е. Русь въ ея столицахъ. І. Старая Ладога. Спб. 1912. Тип. А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 8° (15×21). IV+118 стр. Съ рис. Ц. 30 к. Вѣсъ 10 л. 10.500 экз.

Нилъ Сорскій. Преданіе и уставъ со вступительной статьей М. С. Боровковой-Майковой. Памятники древней письменности и искусства. CLXXIX. Спб. 1912. Тип. М. А. Александрова (Надеждин., 43). 8° (18×27). XXXIX+91+XXX стр. Вѣсъ 31 л. 400 экз.

Пантелѣевскій, М. Н. Памяти И. С. Никитина (Актовая рѣчь, про-

изнесенная 27 ноября 1911 г., въ Коммерческомъ училищѣ д-ра Я. С. Шефтеля въ Переяславѣ). Переяславъ. 1912. Тип. Шефтеля и Цемахмана. 8° (17×22). 18 стр. Вѣсъ 2 л. 220 экз.

Пасынковъ, Н. В. Очерки по исторіи новой русской литературы. Грибоѣдовъ, Л., Пушкинъ, А., Лермонтовъ, М., Гоголь, Н. Вып. I. Плоцкъ. 1912. Изд. автора (Тюремная д. Мондржеевскаго) Тип. С. Детриха. 8° (15×21). 175+2 нен. стр. Ц. 80 к. Вѣсъ 14 л. 150 экз.

Прилуко-Прилуцкій, Н. Г. Корифеи русскаго слова. Сборникъ критическихъ и біографическихъ статей для средней школы и самообразованія. Вып. XIII. Островскій. Жизнь и творчество. Варшава. 1912. Изд. Т-ва Оросъ (Новый-Свѣтъ, 70). Тип. П. Ляскауэра (Новый-Свѣтъ, 41). 8° (16×23). 162+1 нен. стр. Ц. 75 к. Вѣсъ 17 л. 5.000 экз.

Соловьевъ, С. Современное положеніе русскаго языка и литературы во Франціи. Харьковъ. 1912. Тип. Печатное Дѣло (Конторская, Клещевск. пер., 3). 8° (17×25). 8 стр. Вѣсъ 2 л. 50 экз.

Состоящая подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Государя Императора покровительствомъ выставка «Ломоносовъ и Елизаветинское время». Отдѣлъ I Залъ Императрицы Елизаветы Петровны. Отдѣлъ II. Искусство. Спб. 1912. Изд. и тип. Академіи Наукъ, 2-е (В. О., 9-я л., 12). 8° (17×21). 24 стр. Вѣсъ 4 л. 1.000 экз.

Состоящая подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Государя Императора покровительствомъ выставка «Ломоносовъ и Елизаветинское время». Отдѣлъ III. Портреты дѣятелей. Спб. 1912. Изд. и тип. Академіи Наукъ, 2-е (В. О., 9-я л., 12). 8° (17×21). 28 стр. Вѣсъ 5 л. 1.000 экз.

Состоящая подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Государя Императора покровительствомъ выставка «Ломоносовъ и Елизаветинское время». Отдѣлъ XIV. Морской отдѣлъ. Спб. 1912. Тип. Императорской Академіи Наукъ (В. О., 9-я л., 12). 8° (17×21). 43 стр. Вѣсъ 5 л. 1.000 экз.

Троицкій, Д. И. Оборона Севастополя. Очеркъ. Спб. 1912. Изд. 3-е, Учил. Совѣта при Свят. Синодѣ. Тип. Арнгольда. (Лит. просп., 59). 8° (16×24). 104 стр. Съ рис. Ц. 35 к. Вѣсъ 12 л. 5.000 экз.

Фроммет'ъ, Борисъ. Очеркъ по исторіи студенчества въ Россіи. Съ предисловіемъ В. В. Водовозова. Спб. 1912. Изд. и тип. Т-ва М. О. Вольфъ (В. О., 16 линія, собств. д.). 8° (16×22). 134 стр. Вѣсъ 19 л. 2.000 экз.

Съ 12-го по 19-е іюня 1912 г.

А. П. Василій Осиповичъ Ключевскій. Очеркъ характеристики личности и міровоззрѣнія почившаго историка. М. 1912. Тип. П. П. Рябушинскаго (Путинковскій пер., с. д.). 8° (15×23). 24 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Актовыя Книги Полтавскаго городового уряда XVII-го вѣка. Выпускъ 1-й. Справы поточныя 1664—1671 годовъ. Редакція и примѣчанія В. Л. Модзалевскаго. Чернигов'ъ. 1912. Изд. Полтавской Губ. Ученой Архивн. Ком. Тип. Губ. Земства. 8° (18×27). 216+19+2 стр. Вѣсъ 24 л. 300 экз.

Алексѣевъ, В. Двѣнадцатый годъ. Дешевая библіотека для семьи и школы. М. 1912. Изд. ред. журн. Юная Россія (Б. Молчановка, 18). Тип. К. Л. Меньшова (Арбатъ, Никольскій пер., 21). 8° (15×21). 66 стр. Съ рис. Ц. 20 к. Вѣсъ 7 л. 3.600 экз.

Андріановъ, П. Великая Отечественная Война 1812—1912. Одесса.

1912. Изд. Военно-историч. альманаха Родина (ул. Полтавской Побѣды, 23). Тип. Акц. Южно-Русск. О-ва Печ. Дѣла (Пушкинская, 18). 8° (17×25). 63 стр. Съ рис. и порт. Вѣсъ 7 л. 2.000 экз.

Врангель, Н., баронъ. Портретистъ Михаилъ Шибановъ. (Перепечатано изъ журн. «Старые Годы» февраль, 1910). Рязань. 1912. Тип. Губернская. 8° (18×25). 7 стр. Вѣсъ 2 л. 90 экз.

Горный, Михаилъ. Походъ на афганцевъ и бой на Кушкѣ (1885 г.). Воспоминанія бывшаго рядового Андрея Баландина. М. 1912. Изд. Е. Коноваловой и К°. (Лубянско-Ильинскія торг. помѣщ., 6—8). Тип. П. В. Бѣльцова (Чистопрудный пр., 14). 18° (12×18). 108 стр. Вѣсъ 3 л. 12.000 экз.

Долгорукая, Наталія Борисовна., княгиня. Записки, оставшіяся по смерти. Спб. 1912. Изд. Н. М. Усова. Тип. Синодальная. 8° (14×20). 71 стр. Вѣсъ 13 л. 3.200 экз.

Елпатьевскій, К. В. Учебникъ русской исторіи. Спб. 1912. Изд. 13-е доп. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8° (16×25). VI+494 стр.+табл. Ц. 1 р. 40 к. Вѣсъ 1 ф. 13 л. 30.000 экз.

Елчаниновъ, А. Г., проф. Герои-офицеры въ войну 1812 года. М. 1912. Изд. Книгоизд. Сельскій Вѣстникъ. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (13×20). 32 стр. Складъ: Спб. Мойка, 32. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 20.000 экз.

Исторія сформированія и военныхъ дѣйствій въ войну 1904—1905 гг. 2-й батареи 5-й сибирской стрѣлковой артиллерійской бригады. Писана по запискамъ С. В. Жеденева, участника войны въ званіи фейерверкера изъ вольноопредѣляющихся. М. 1912. Тип. А. А. т-ва Левенсонъ (Трехпрудный пер., св. д.). f° (34×45). 32 нен. стр. Вѣсъ 20 л. 300 экз.

Канторовичъ, Я. А. Конвенція между Россіей и Франціей для защиты литературныхъ и художественныхъ произведеній. Изданіе неоффиціальное. Спб. 1912. Изд. Юрид. Книжн. склада «Право». Тип. Андерсона и Лойцянскаго. 8° (14×21). 69 стр. Ц. 50 к. Вѣсъ 6 л. 1.000 экз.

Карѣевъ, Н. И. Собраніе сочиненій. Томъ II. Философія исторіи въ русской литературѣ. Спб. 1912. Изд. кн-ства «Прометей» (Н. Н. Михайлова). (Спб., Поварской пер., д. 10). Тип. т-ва «Обществен. Польза» (Б. Подъяческая, 39). 8° (17×23). VII+236 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 25 л. 1.500 экз.

Коваленскій, М. Учебникъ русской исторіи для старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Ч. I. Курсъ V класса. М. 1912. Изд. и тип. В. М. Саблина (Петровка, д. Обидиной). 8° (16×24). 176 стр. Съ карт. и план. Ц. 60 к. Вѣсъ 20 л. 3.000 экз.

Костомаровъ, М. Сынъ Петра Великаго (Царевичъ Алексѣй). (Историческая библіотека, № 25). М. 1912. Изд. к-ва «Дѣло» (Поварская, 10). Тип. Я. М. Бѣлоусова (Газетный пер., 6). 32° (10×14). 96 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 10.000 экз.

Котенъ, П. Ив. Воспоминанія сержанта французской арміи о двѣнадцатомъ годѣ. Въ пересказѣ Е. Н. Тихомировой (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1912. Изд. ред. журн. Юная Россія (Б. Молчановка, 18). Тип. К. Л. Меньшова (Арбатъ, Никольскій пер., 21). 8° (15×20). 52 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Вѣсъ 5 л. 3.000 экз.

Кузнецовъ, Н. Д. Забытая сторона дѣла епископа Гермогена и вопроса о патріаршествѣ. Спб. 1912. Изд. 2-е, доп. Тип. Александро-Невскаго Об-ва трезвости. 8° (14×21). 55 стр. Ц. 35 к. Вѣсъ 5 л. 600 экз.

Кутеповъ, Николай. Императорская охота на Руси. Конецъ XVIII

вѣка и XIX вѣкъ. Томъ 4-й. Спб. 1912. Тип. Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ бумагъ. 4° (29×38). 289 стр. Съ 126 рис. Вѣсъ 14 ф. 16 л. 500 экз.

Петровское Изданіе «Русскія Усадьбы». Выпускъ 2. Спб. 1912. Тип. Голике и Вильборгъ. 8° (20×30). 139+13+4 нен. Съ рис. и 2 плана. Вѣсъ 2 ф. 6 л. 300 экз.

Путеводитель по состоящей подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Государя Императора покровительствомъ выставкѣ «Ломоносовъ и Елизаветинское время». Спб. 1912. Изд. и тип. Акад. Наукъ (В. О., 9 л., 12). 2-е. 8° (17×21). 32 стр. Вѣсъ 5 л. 500 экз.

Рубахинъ, В. Ф. Графы Апраксины и ихъ Петербургская вотчина Апраксинъ дворъ. Историческая монографія съ портретами и иллюстраціями. На правахъ рукописи. Спб. 1912. Тип. Голике и Вильборгъ. 8° (15×23). 89 стр. Съ рис. Вѣсъ 21 л. 200 экз.

Рѣчь Императрицы Екатерины Великой о старообрядчествѣ, сказанная на общей конференціи Синода и Сената 15-го сентября 1763 года. М. 1912. Изд. кн-ва Старообрядческаго братства Честнаго и Животворящаго Креста Господня въ Москвѣ (Б. Каменщики). Тип. П. П. Рябушинскаго (Страстн. бульв., с. д.). 8° (15×22). 30 стр. Ц. 15 к. Вѣсъ 4 л. 3.000 экз.

Состоящая подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Государя Императора покровительствомъ выставка «Ломоносовъ и Елизаветинское время». Отдѣлъ IV. Русская гравюра. Спб. 1912. Изд. и тип. 2-е Акад. Наукъ (В. О., 9 л., 12). 8° (17×21). 20 стр. Вѣсъ 4 л. 500 экз.

Старицкій Успенскій монастырь. Краткій очеркъ. Старица. 1912. Тип. И. П. Крылова. 8° (15×22). 16 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 л. 1.000 экз.

Чернопятовъ, В. И. Дворянское сословіе Тульской губерніи. Томъ VII (XVI). «Некрополь». М. 1912. Тип. А. П. Петцманъ (Мясницкій проѣздъ, 2). 8° (18×27). VII+204 стр. Вѣсъ 28 л. 950 экз.

Съ 19-го іюня по 2-е іюля 1912 г.

Анучинъ, Д. Географія XVIII-го вѣка и Ломоносовъ. М. 1912. Тип. Университетская. 8° (18×26). 30 стр. Вѣсъ 6 л. 105 экз.

Афанасьевъ, В. полк. Павловцы на Бородинскомъ полѣ 26-го августа 1812 года. М. 1912. Тип. А. Снегиревой (Остоженка, Савеловск. пер.). 8° (17×25). 56 стр. съ рис. Вѣсъ 11 л. 2.100 экз.

Бобринской, А. А., гр. Народныя русскія деревянныя издѣлія. Предметы домашняго, хозяйственнаго и отчасти церковнаго обихода. Выпуск X-й. М. 1912. Тип. А. А. Левенсонъ, фототипія П. П. Павлова. f° (31×42). 5+15 фототип. таблицъ (съ 131 по 145 вкл.). Вѣсъ 1 ф. 10 л. 500 экз.

Боринъ, Я. За родные очаги (Война 1812 года). Редакція В. И. Бичета. М. 1912. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова (Воздвиженка, 6). Тип. Печатное Дѣло (Газетный пер., 9). 8° (15×22). 160 стр. Съ рис. Ц. 50 к. Вѣсъ 14 л. 3.200 экз.

Брагинъ, Андрей. Отечественная война 1812 года Сожженіе Москвы. М. 1912. Изд. и тип. Е. Коноваловой и К° (Б. Андроніевская, с. д.). 18° (12×18). 24 стр. Вѣсъ 1 л. 24.000 экз.

Брандтъ, Р. Ѳ. Ломоносовъ, какъ филологъ и поэтъ М. 1912. Тип. Университетская. 8° (18×26). 24 стр. Вѣсъ 5 л. 105 экз.

Военскій, К. А. Годъ славы народной (Отечественная война 1812

года). М. 1912. Изд. Сельск. Вѣстника. Спб. (Мойка, 32). Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 8° (13×20). 64 стр. съ 37 снимками съ гравюръ и картинъ. Ц. 20 к. Вѣсъ 5 л. 20.000 экз.

Гнѣвушевъ, А. М. Новгородская выть въ земляхъ дворцовыхъ въ XVII в. (Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій за 1912 г.). Кіевъ. 1912. Тип. Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Меринговская, 6). 8° (18×25). 12 стр. Вѣсъ 1 л. 50 экз.

Григоровичъ. Участіе Кирасирскаго военнаго ордена полка въ войнахъ 1806—1807 гг. и Отечественной. Памятка для нижнихъ чиновъ. Спб. 1912. Тип. 1-я женск. (ул. Глинки, 6). 8° (16×24). 40 стр. Съ рис. и порт. Вѣсъ 10 л. 1.170 экз.

Добрынинъ, К. И. Памятный годъ (1812). М. 1912. Изд. В. С. Спиридонова (Моховая, д. Варваринск. Акц. Об-ва). Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовск., с. д.). 8° (17×25). 376+8 стр. съ рис. и порт. Ц. 2. Вѣсъ 26 л. 3.100 экз.

Дорманъ, М. А. Смоленскъ и Москва въ 1812 году. XII и XIII вып. юбилейныхъ изданій журнала «Вѣрность». (Безплатное приложеніе къ журналу «Вѣрность»). М. 1912. Изд. журн. «Вѣрность». (Ермолаевскій пер., д. кн. Ериstова). Тип. Русская Печатня (Садовая, 170). 16° (13×17). 48 стр. съ рис. Вѣсъ 2 л. 6.000 экз.

Дучинскій, Н. Двѣнадцатый годъ въ произведеніяхъ русскихъ писателей и поэтовъ и юбилейный праздникъ въ память 1812 года. М. 1912. Изд. Сельскаго Вѣстника. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (16×24). 96 стр. Адр. изд. (Мойка, 32). Спб. Ц. 25 к. Вѣсъ 11 л. 20.000 экз.

Дучинскій, Н. Двѣнадцатый годъ на Руси. М. 1912. Изд. Книгоизд. Сельск. Вѣст. (Спб. Мойка, 32) и Т-ва И. Д. Сытина. Тип. Т-ва Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (15×21). 94+1 нен. стр. съ рис. Ц. 25 к. Вѣсъ 8 л. 25.000 экз.

Елчаниновъ, А. Г. проф. Герои-полководцы 1812 года. М. 1912. Изд. К. А. Сельскаго Вѣстника (Спб., Мойка, 32). Т-ва И. Д. Сытина. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (13×20). 52 стр. съ рис. и портр. Ц. 10 к. Вѣсъ 4 л. 20.000 экз.

Загоровскій, Е. А. Взаимоотношенія Запорожья и Русской Правительственной Власти во времена Новой Сѣчи. Одесса. 1912. Тип. Е. Христогелосъ (Кондратенко, 8). 8° (19×28). 23 стр. Вѣсъ 4 л. 50 экз.

Заринъ, А. Е. Незабвенный годъ. Двѣнадцать разсказовъ о нашествіи Наполеона на Россію въ 1812 году. Спб. 1912. Изд. В. И. Губинскаго (Фонтанка, 61). Тип. П. Ѳ. Вощинской (Ярославская, 1—9) и Разсвѣтъ (Гороховая, 17). 8° (16×22). 206 стр.+17 нен. съ рис. и портр.+14 лист. рис.+4 портр. Ц. 75 к. Вѣсъ 27 л. 6.000 экз.

Историческое и археологическое описаніе церкви села Оковецъ, Осташковскаго уѣзда, Тверской губерніи, въ связи съ историческимъ обзоромъ о явленныхъ Оковецкихъ Иконахъ: Пресвятыя Богородицы Одигитріи и Животворящаго Креста Господня. Подъ ред. И. Токмакова. Тверь. 1912. Изд. церкви с. Оковецъ. 6-е. Тип. Н. М. Родіонова (Трехсвятская, д. Шиканова). 8° (15×22). 86 стр.+8 лист. рис. и портр. Вѣсъ 10 л. 3.000 экз.

Кременецкій, Н. Знаменитѣйшій день 1812 года. Бой при Малоярославцѣ. М. 1912. Изд. Т-ва И. Д. Сытина и Сельск. Вѣстника (Спб., Мойка, 32). Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (13×20). 30 стр. Съ рис. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 20.000 экз.

Къ тысячелѣтію договора Олега 911 г. Договоры русскихъ съ греками и предшествованіе заключенію ихъ походы русскихъ на Византію. Ч. II. Время Игоря и Святослава. Подъ ред. Н. Маркса. М. 1912. Изд. Московск. Археологич. Инст. Тип. Печатня. А. Снегиревой. 8° (12×27). 150+1 нен. стр. Вѣсъ 1 ф. 4 л. 600 экз.

Миловидовъ, кап. Бой при городѣ Малоярославцѣ 12 октября 1812 года. Очеркъ. М. 1912. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 16° (11×17). 36 стр. Съ рис. и портр. Вѣсъ 1 л. 12.000 экз.

Миловидовъ, Н. Памяти фельдмаршала свѣтлѣйшаго князя Михаила Илларіоновича Кутузова-Смоленскаго. М. 1912. Тип. штаба москов. воен. окр. (Остоженка, д. воен. вѣд.). 16° (11×18). 16 стр.+1 портр. Ц. 15 к. Вѣсъ 2 л. 4.000 экз.

Назаревскій, В. В. Святѣйшій патріархъ Гермогенъ. 300-лѣтіе со дня его кончины. 1612—1912. 17 февраля. М. 1912. Изд. А. Д. Ступина. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, соб. д.). 8° (16×22). 93+3 нен. стр. Съ рис. Ц. 35 к. Вѣсъ 15 л. 5.000 экз.

Неговоръ-Туръ, А. Ломоносовъ—предшественникъ Лавуазье. Ловичъ. 1912. Тип. К. Рыбацкаго. 16° (11×16). 11 стр. Съ портр. Вѣсъ 1 л. 200 экз.

Ниве, Петръ. Великая Отечественная война 1812—1912 г. М. 1912. Изд. книгоизд. Сельск. Вѣстн. (Спб., Мойка, 32) и т-ва И. Д. Сытина. Тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (17×25). 146+2 нен. стр. съ рис. и портр. Ц. 80 к. Вѣсъ 26 л. 3.000 экз.

Ниве, П. А. Отечественная война. 1812 г. 1912 г. Спб. 1912. Изд. В. К. Ильинчика. Тип. Морского Министр. (Гл. Адмир.). 8° (20×27). 481—640+3 нен. стр. Съ рис.+29 лист. рис. Вѣсъ 2 ф. 3 л. 5.000 экз.

Николай Михайловичъ, Великій Князь. Петербургскій некрополь. Томъ II (Д—Л). Спб. 1912. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8° (19×29). 726 стр. Вѣсъ 4 ф. 11 л. 1.200 экз.

Отечественная война и русское общество. Юбилейное изданіе. Томъ V. Историческая комиссія учебнаго отдѣла О. Р. Т. З. Ред. А. К. Дживилетова, С. П. Мильгунова, В. И. Пичета. М. 1912. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 4° (22×30). 236 стр. съ рис.+36 лист. рис. Вѣсъ 1 ф. 19 л. 3.000 экз.

Перетцъ, В. Н., проф. Изъ лекцій по методологіи исторіи и русской литературы. Исторія изученій. Методы. Источники. Кіевъ. 1912. Изд. студ. унив. св. Владиміра и слушат. В. Ж. К. Тип. Трудъ (Караваевская, 4). 8° (18×28). 491+111 стр. Складъ: кн. маг. Оглоблина (Крещатикъ, 33). Ц. 3 р. 70 к. Вѣсъ 3 ф. 5 л. 250 экз.

Прозрителевъ, Г. Александръ II въ Ставрополѣ на Кавказѣ. Ставрополь. 1912. Тип. Губернск. правл. 8° (18×26). 18 стр. Вѣсъ 2 л. 1.200 экз.

Прозрителевъ, Г. 1812—1912 г.г. Военное прошлое нашихъ калмыковъ и Ставропольскій калмыцкій полкъ въ войну 1812 года. Ставрополь. 1912. Тип. Губернск. правл. 8° (18×28). 8 стр. Вѣсъ 2 л. 665 экз.

Прозрителевъ, Г. Шейхъ-Мансуръ (Матеріалы для исторіи Кавказской войны). Ставрополь. 1912. Тип. Губернск. правл. 8° (18×27). 13 стр. Вѣсъ 2 л. 450 экз.

Пѣтуховъ, В. Бой подъ Вязьмой въ связи съ общимъ обзоромъ Отечественной войны 1812 года. Вязьма. 1912. Изд. автора. Тип. Фистель. 8° (15×23). 2 нен.+90 стр.+2 карты. Ц. 50 к. Вѣсъ 12 л. 500 экз.

Россія въ 1812—1912 г.г. Государи и выдающіеся дѣятели столѣтія. М. 1912. Тип. А. І. Теръ-Арутюнова (Тверская, 33). 8° (14×20). 47 стр. Съ рис. Ц. 10 к. Вѣсъ 5 л. 1.000 экз.

Садовниковъ, Александръ. Отечественная война 1812 года. Бѣгство Наполеона изъ Россіи. М. 1912. Изд. и тип. Е. Коноваловой и К° (Б. Андроніевская, с. д.). 18° (12×18). 24 стр. Вѣсъ 1 л. 24.000 экз.

Сакулинъ, П. Личность М. В. Ломоносова. Рѣчь. М. 1912. Тип. Университета. 8° (17×26). 34 стр. Вѣсъ 6 л. 104 экз.

Stead, W. T. Депутатъ отъ Россіи. (Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой). Пер. Е. С. Мосоловой. Томъ І. Спб. 1912. Тип. Н. Я. Стойковой (Знаменская, 27). 8° (16×24). V+312 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсъ 28 л. 1.000 экз.

1812 годъ въ письмахъ современниковъ. Подъ ред. А. Ф. Струве. Библіотека двѣнадцатаго года. Вып. 3. М. 1912. Изд. Книгоизд. Островъ. Тип. В. Л. Баньянинъ и К° (Зацѣпа, Б. Строгановскій, 5). 16° (12×16). 32 стр.+4 листа рис. Ц. 6 к. Вѣсъ 3 л. 20.000 экз.

Цвѣтковъ, С. Н. Вывозъ изъ Москвы государственныхъ сокровищъ въ 1812 году. М. 1912. Тип. А. И. Снегиревой (Остоженка, Савелов. пер.). 8° (15×23). 14 стр. Вѣсъ 2 л. 300 экз.

Съ 2-го по 9-е іюля 1912 г.

Валишевскій, К. Происхожденіе современной Россіи. Иванъ Грозный (1530—1584). Переводъ съ французскаго. М. 1912. Тип. Обществ. Польза (3-я Тверск.-Ямская, 34). 8° (16×24). 418+2 нен. стр. Съ портр. Скл.: кн. маг. Союзъ (Тверская, 26). Ц. 2 р. Вѣсъ 1 ф. 8 л. 5.000 экз.

Васютинскій, А. М. Живелеговъ, А. К. Мельгуновъ, С. П. Французы въ Россіи. 1812 годъ по воспоминаніямъ современниковъ-иностранцевъ. Ч. І. Пожаръ Москвы. Начало отступленія. На старую Смоленскую дорогу. М. 1912. Изд. Книгоизд. Задруга (Б. Кисловка, д. Азанчевскаго). Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Воздвиженка, Крестовоздвиженск. пер., с. д.). 8° (16×23). 228 стр. Съ портр. Ц. 1 р. Вѣсъ 24 л. 3.100 экз.

Грабарь, Игорь. Исторія русскаго искусства. Вып. 15. Спб. 1912. Изд. І. Кнебель (Москва). Тип. Р. Голике и Л. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4° (24×31). 225—336 стр. съ рис.+1 листъ рис. Вѣсъ 1 ф. 18 л. 15.000 экз.

Записки Восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго археологическаго общества. Томъ двадцатый. 1910. Основаны бар. Розеномъ. Вып. 4. Систематическій указатель статей, рецензій и докладовъ къ томамъ XI—XX Записокъ Восточн. отд. И. Р. Археол. о-ва. Алфавитный указатель именъ собственныхъ, личныхъ и географическихъ къ томамъ XI—XX Запис. Восточн. отд. И. Р. Арх. общества. Указатель цитованныхъ книгъ и рукописей къ томамъ XI—XX Записокъ Восточн. отд. И. Р. Арх. общества. Спб. 1912. Изд. и тип. Акад. Наукъ (В. О., 9 л., 12). 8° (20×28). 2 нен.+II+113—400 стр. Вѣсъ 2 ф. 500 экз.

Знаменитый шутъ Балакиревъ при Императорѣ Петрѣ Великомъ съ достовѣрными свѣдѣніями о характерѣ Петра Великаго, его привычкахъ и образѣ жизни, заимствованы отъ современниковъ Его Величества. Съ подлиннымъ портретомъ Балакирева. М. 1912. Изд. Е. Коноваловой и К° (Лубянка, Ильинскія торг. помѣщ., 6—8). Тип. П. В. Бѣльцова (Чистопрудн. пр., 14). 18° (12×17). 24 стр. Съ портр. Вѣсъ 1 л. 12.000 экз.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. 1912. Тома XVII книга 1-я. Спб. 1912. Изд. и тип. Акад. Наукъ (В. О., 9 л., 12). 8° (16×24). 362 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 11 л. 813 экз.

Каталогъ антикварнаго книжнаго магазина Ѳеодора Андреевича Семенова въ С.-Петербургѣ. № 99. Спб. 1912. Тип. Улей (Кирпичный, 3). 8° (16×22). 16 стр. Вѣсъ 1 л. 3.000 экз.

Каталогъ № 6-й антикварной книжной торговли А. М. Старицына въ Москвѣ. М. 1912. Тип. Бердоносова и Пригорина. 8° (17×25). 16 стр. Вѣсъ 2 л. 1.200 экз.

Левшинъ, А. 1812. Смоленская страда (Историческій очеркъ изъ временъ Отечественной войны). М. 1912. Изд. Юбил. журн. Вѣрность (Ермолаевскій пер., д. кн. Эристова). Тип. Русская Печатня (Тріумф.-Садовая, 170). 16° (12×17). 32 стр. Ц. 6 к. Вѣсъ 2 л. 8.000 экз.

Моранъ, П. Павелъ I до восшествія на престолъ (1754—1796 г.г.). Переводъ съ французскаго Н. П. Ширяевой. М. 1912. Изд. и тип. К. Ф. Некрасова (Ярославль). 8° (16×23). III+468+VIII+19 стр. Адр. изд. Тургеневск. пл., д. Об-ва Россія. Ц. 3 р. Вѣсъ 1 ф. 20 л. 1.800 экз.

Ниве, П. А. Отечественная война. Спб. 1912. Тип. Морского М-ства. 8° (20×27). 641—800+3 нен. стр.+31 лист. рис. Вѣсъ 2 ф. 5.000 экз.

Обозрѣніе преподаванія на историко-филологическомъ факультетѣ Императорскаго Московскаго университета въ 1912—13 акад. году. М. 1912. Тип. Университетская. 8° (18×26). 24 стр. Вѣсъ 4 л. 1.200 экз.

Орѣшниковъ, А. Монеты Херсонеса Таврическаго, царей Воспора Киммерійскаго и Полемона II Понтійскаго. Оттискъ изъ II тома «Нумизматическаго Сборника». М. 1912. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Возвиженка, Крестовоздвиж. пер., с. д.). 8° (19×28). 48 стр. Съ рис.+1 табл. Вѣсъ 14 л. 100 экз.

Съ 9-го по 16-е іюля 1912 г.

Акты, издаваемые Виленскою комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. XXXVI—Акты Минскаго городского Суда. 1582—1590 г.г. Вильна. 1912. Тип. Русскій починъ (Сиротская, 20). 4° (24×31). XVI+461 стр. Ц. 2 р. 50 к. Вѣсъ 2 ф. 28 л. 400 экз.

Андріановъ, П. М. Великая Отечественная война. (По поводу 100-лѣтняго юбилея). Спб. 1912. Изд. Имп. русск. военно-историч. об. Тип. Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 16° (14×19). 80 стр. Съ рис. Вѣсъ 8 л. 1.500.000 экз.

Бѣлинскій, В. Г. Статьи о русской литературѣ. Вступительная статья Иванова-Разумника «Бѣлинскій о русской литературѣ». Историко-литературная библіотека. Подъ ред., со статьями и примѣчаніями Иванова-Разумника. № 72. Спб. 1912. Изд. и тип. Кн. Скл. М. М. Стасюлевича (Вас. О., 5 л., 28). 16° (12×16) XXVII+293+2 нен. стр. Ц. 35 к. Вѣсъ 17 л. 5.000 экз.

Обозрѣніе преподаванія въ Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ (на осеннее и весеннее полугодія) на историко-филологическомъ факультетѣ въ 1912—1913 академическомъ году. Одесса. 1912. Тип. Экономическая (Жуковскаго, 43). 8° (16×25). 34 стр.+1 табл. Вѣсъ 6 л. 200 экз.

Одигитріевскій, М. М. В. Ломоносовъ, его жизнь, учено-литературная дѣятельность и значеніе ея для современниковъ и потомства. Юбилейная рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ Варшавской 5 мужск. гим-

назіи 8 ноября 1911 г., по поводу 200-лѣтія со дня рожденія поэта (1711—1911 г.). Варшава. 1912. Изд. автора. Тип. русск. общ. (пл. Св. Александра, 4). 8° (16×26). 16 стр. Вѣсъ 3 л. 1.000 экз.

Отечественная война 1812 года. Содержаніе: Столѣтіе. Императоры. Причины войны. Начало войны. Государь и народъ. Соединеніе армій. Смоленскъ. Кутузовъ. Бородино. Совѣтъ въ Филяхъ. Москва. Партизаны. Тарутино. Освобожденіе Москвы. Малоярославецъ. Неудачи и бѣдствія французовъ. Освобожденіе Россіи. Освобожденіе Европы. Заключеніе. В. А. Жуковскій: «Императору Александру» (Отрывокъ) и «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ» (отрывки). М. Ю. Лермонтовъ: «Два великана» и «Бородино». И. А. Крыловъ: «Ворона и курица» и «Волкъ на псарнѣ». А. С. Пушкинъ: «Къ жизни полководца» (отрывокъ), «Полководецъ» (отрывокъ) и «Наполеонъ» (отрывокъ). А. Н. Майковъ: «Сказаніе о 1812 годѣ». Одесса. 1912. Изд. и тип. бланкоизд. М. Шпенцера (ул. Новосельская, 66). 8° (15×22). 64 стр. Съ рис. Вѣсъ 8 л. 10.000 экз.

Павловъ. В. И. А. Д. Кантемиръ. Разборъ произведеній, характеристика дѣйствующихъ лицъ, содержаніе и подробный планъ. Содержаніе: 1) Первый русскій сатирикъ и современ. ему общество (Антіохъ Димитріевичъ Кантемиръ). 2) Французскій ложноклассицизмъ и его первые послѣдователи въ Россіи. Подробное изложеніе: I. Сатира первая: «Къ уму своему» («На хулящихъ ученіе»). Написана въ 1729 году. II. Сатира вторая: «Филаретъ и Евгеній». Одесса. 1912. Изд. и тип. книгоизд. М. С. Козмана (Госпитальный пер., 10). 8° (13×20). 31 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 3 л. 3.000 экз.

Павловъ, В. И. Петровская эпоха. Разборъ произведеній, характеристика дѣйствующихъ лицъ, содержаніе и подробный планъ. Содержаніе: 1) Общая характеристика Петровской эпохи. 2) Писатели Петровской эпохи до Ломоносова. 3) Значеніе Ломоносовъ въ исторіи русской литературы. Подробное изложеніе: I. „Книга о скудности и богатствѣ“ Посникова. II. „Слово о побѣдѣ подъ Полтавой» Стефана Яворскаго. III. «Изъ похвальнаго слова о флотѣ россійскомъ» Ѳеофана Прокоповича. IV. «Духовный Регламентъ» Ѳеофана Прокоповича. V. «Слово на погребеніе Петра Великаго» Ѳеофана Прокоповича. VI. «Духовное завѣщаніе» Татищева. VII. «На день восшествія на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны» ода Ломоносова. Одесса. 1912. Изд. и тип. Книгоизд. М. С. Козмана (Госпитальный пер., 10). 8° (14×20). 32+24 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 5 л. 3.000 экз.

Павловъ, В. И. А. С. Пушкинъ. Вып. I-й. Разборъ произведеній, характеристика дѣйствующихъ лицъ, содержаніе и подробный планъ. Содержаніе: 1) «Свободный романъ». 2) «Родоначальникъ лишнихъ людей». 3) «Герой 20-хъ годовъ». 4) «Татьяна Ларина». 5) Ольга Ларина». 6) «Въ безмятежныхъ небесахъ» (Владиміръ Ленскій). 7) «Въ средѣ крѣпостниковъ». Подробное изложеніе: I. «Евгеній Онѣгинъ». Одесса. 1912. Изд. и тип. Книгоизд. М. С. Козмана (Госпитальный пер., 10). (14×20). 42+12 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 4 л. 3.000 экз.

Павловъ, В. И. А. С. Пушкинъ. Выпускъ 2-й. Разборъ произведеній, характеристика дѣйствующихъ лицъ, содержаніе и подробный планъ. Содержаніе: 1) Рабъ страсти («Скупой рыцарь»). 2) Жертва преступной совѣсти (Душевная драма Бориса Годунова). 3) Лжедимитрій. 4) Русскій лѣтописецъ (Пименъ изъ драмы «Борисъ Годуновъ»). 5) Моцартъ и Сальери. Подробное изложеніе: I. Скупой рыцарь. II. Борисъ Годуновъ. III. Моцартъ и Сальери. Одесса. 1912. Изд. и тип. Книгоизд. М. С. Козмана (Госпитальный пер., 10) 8° (14×20). 32+16 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 4 л. 3.000 экз.

Павловъ, В. И. А. С. Пушкинъ. Вып. 3-й. Разборъ произведеній, характе-

ристика дѣйствующихъ лицъ, содержаніе и подробный планъ. Содержаніе: 1) Герои «Капитанской дочки». 2) Отецъ и сынъ Гриневы. 3) Савельичъ. 4) Характеристика Маріи Ивановны. 5) Герои повѣсти «Дубровскій». 6) Характеристика Алеко (Герой поэмы «Цыгане»). 7) Царь Петръ I и гетманъ Мазепа. Подробное изложеніе: I. Капитанская дочка. II. Повѣсть «Дубровскій». III. Цыгане. IV. Полтава. Одесса. 1912. Изд. и тип. Книгоизд. М. С. Козмана (Госпитальный пер., 10). 16° (14×20). 38+47 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 7 л. 3.000 экз.

Павловъ, В. И. А. С. Пушкинъ. Вып. 4-й. Разборъ произведеній, характеристика дѣйствующихъ лицъ, содержаніе и подробный планъ. Содержаніе: 1. Лирика Пушкина. 2. Два момента въ творчествѣ Пушкина (Байронизмъ и реализмъ). 3. В. взглядъ Пушкина на поэта и поэзію. 4. Личность Петра Великаго по произвед. Пушкина. 5. Герои «Кавказскаго плѣнника». 6. Идея повѣсти «Мѣдный всадникъ». 7. Русское об-во въ эпоху преобразованія Петра Великаго (повѣсть «Арапъ Петра Великаго»). Подробное изложеніе: I. «Кавказскій плѣнникъ». II. «Мѣдный всадникъ». III. «Арапъ Петра Великаго». IV. «Бахчисарайскій фонтанъ». Одесса. 1912. Изд. и тип. Книгоизд. М. С. Козмана (Госпитальный пер., 10). 8° (14×20). 46+19 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 4 л. 3.000 экз.

Рыбаковъ, І. И. Повторительный курсъ Русской Исторіи. Составленъ по учебнику проф. С. Ѳ. Платонова. Вып. I. Съ приложеніемъ хронологической таблицы и вопросовъ для повторенія. Одесса. 1912. Изд. и тип. кн-ва. М. С. Козмана (Гимназическ., 3). 16° (9×14). 382 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 9 л. 3.000 экз.

Рыстенко, А. В. Къ литературной исторіи апокрифа о «Восхожденіи Исаіи». Одесса. 1912. Тип. Экономическая (ул. Жуковскаго, 43). 8° (16×26). 20 стр. Вѣсъ 4 л. 100 экз.

Соловьевъ, И. В. Трудъ и любовь крестьянъ въ пѣсняхъ А. В. Кольцова. (Для учениковъ VII класса гимназіи). Пятигорскъ. 1912. Тип. т-ва Свой Трудъ. 16° (13×18). 18 стр. Складъ: кн. маг. Трудъ. Ц. 20 к. Вѣсъ 2 л. 300 экз.

Суздаль и его достопамятности. М. 1912. Изд. Владимирск. Губернск. Ученой Архивн. Комис. Тип. Печатникъ (Хапиловка, 54). 4° (25×32). 74 стр. Съ рис.+8 лист. рис. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 500 экз.

Ѳеодосіевъ, А. Г. Элементарный курсъ русской исторіи. Ейскъ. 1912. Изд. автора. Тип. Кубанская Рѣчь, Г. Л. Тохова. 8° (15×22). 87+III стр. Ц. 18. к. Вѣсъ 12 л. 2.000 экз.

Съ 16-го по 23-е іюля 1912 г.

Андріановъ, П. 1812 годъ. Отечественная война. (Въ 3-хъ чтеніяхъ). Одесса. 1912. Тип. штаба окр. (Пироговская, 6). 8° (16×23). 131 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 12 л. 500 экз.

Бѣлькевичъ, Л. Князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ. Спб. 1912. Тип. т-ва Н. Я. Стойковой (Знаменская, 27). 8° (16×24). 40 стр. Съ рис. Вѣсъ 6 л. 100 экз.

Вѣтринскій, Ч. И. А. Гончаровъ. Очеркъ жизни и дѣятельности. Съ приложеніемъ отрывковъ изъ произведеній Гончарова. Родные писатели № 3. Н.-Новгородъ. 1912. Изд. 6-е Нижегородскій Ежегодникъ. Тип. Нижегород. печати. дѣло. 8° (15×23). 31 стр. Вѣсъ 4 л. 10.000 экз.

Вѣтринскій, Ч. Отечественная война въ родной поэзіи. Сборникъ художественныхъ произведеній о войнѣ 1812 года. Н.-Новгородъ. 1912. Изд. Нижегор.

Ежегодн. Тип. Нижегород. печатн. дѣло. 8° (16×23). 42 стр.+4 портр. Вѣсъ 4 л. 10.000 экз.

Григоровичъ, А. Исторія 13-го Драгунскаго военнаго ордена, Генералъ-фельдмаршала Графа Миниха полка.—Томъ II—1809—1860 г.г. Спб. 1912. Тип. Т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4° (25×33). 2 нен.+228+IV стр.+10 лист. рис. и портр. Вѣсъ 3 ф. 15 л. 330 экз.

Заіончковскій, А. М. Лейбъ-Егеря въ Отечественную войну 1812 г. Спб. 1912. Тип. т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 8° (18×26). 91 стр. Съ рис. и портр. Вѣсъ 16 л. 2.000 экз.

Ивановъ, Д. Л. Штурмъ Дунайской крѣпости Никополя. Чтеніе для войскъ и народа. Читано въ С.-Петербургѣ, въ аудиторіи Соляного городка, въ Москвѣ въ народныхъ читальняхъ комиссіи по устройству народныхъ чтеній. (Солдатская библіотека № 27). Спб. 1912. Изд. 4-е, В. Березовскаго (Колокольная ул., 14). Тип. Э. Арнгольда (Литейный пр., 59). 16° (12×16). 30 стр. Съ рис. Ц. 10 к. Вѣсъ 2 л. 7.000 экз.

Ивановъ, Н. Столѣтіе Великой Борьбы 1812—1912 г. Одесса. 1912. Тип. О-ва Русская Рѣчь (Александр. пр., 11). 8° (18×27). 31 стр. Съ рис. Вѣсъ 7 л. 500 экз.

Исторія цивилизаціи въ Польшѣ. Картины и текстъ Яна Матейки. Предисловіе Владислава Ванке. Варшава. 1911. Изд. Общ. поощр. худож. въ Ц. П. Тип. К. Коваленскаго (Пенкная, 15). f° (39×52). 7+6 стр. Вѣсъ 23 л. 100 экз.

Карповъ, А. Б. Уральцы. Историческій Очеркъ. Часть 1-ая. Яицкое войско. Отъ образованія войска до переписи полковника Захарова (1550—1725 г.г.). Уральскъ. 1912. Тип. Войсковая. 8° (17 × 26). 2 + 904+2 + 96 + VI + 4 стр. +10 лист. рис. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсъ 2 ф. 20 л. 500 экз.

Катаевъ, М. М. Мѣстныя крестьянскія учрежденія 1861, 1874 и 1889 г.г. (Историческ. очеркъ ихъ образованія и нормъ дѣятельности). Ко дню пятидесятилѣтія годовщины освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости 19 февраля 1911 г. Часть III. Спб. 1912. Изд. Земскаго Отд. Мин. Внутр. Дѣлъ. Тип. Мин. Вн. Дѣлъ. 8° (17×24). 141 стр. Вѣсъ 14 л. 100 экз.

Клитинъ, В. Реформы Императора Александра I и Ф. Ф. Вигель, какъ представитель современнаго русскаго общества. Новочеркасскъ. Тип. Донской Печатникъ. 8° (16×23). 66 стр. Ц. 35 к. Вѣсъ 7 л. 200 экз.

Коссецкій, А. О. Царица Марія Имеретинская въ Воронежѣ. Харьковъ. 1912. Тип. Т-ва Печатня С. П. Яковлева. 16° (11×18). 4 стр. Вѣсъ 1 л. 100 экз.

Краткая исторія Государства Россійскаго. Юбилейное изданіе для народа по случаю исполняющагося 300-лѣтія воцаренія Дома Романовыхъ. 1613—1913 г.г. Иллюстрированное 66-ю портретами русскихъ Князей, Царей и Императоровъ. Одесса. 1912. Изд. и тип. Е. И. Фесенко (Ришельевская, 49). 8° (15×22). 168 стр. съ портр.+3 листа портр. Вѣсъ 22 л. 5.000 экз.

Краткій очеркъ Отечественной войны 1812 года. Спб. 1912. Изд. учил. сов. при Св. Синодѣ. Тип. синодальная. 8° (18×26). 36 стр.+1 рис. Складъ: (Кабинетская, 13) кн. скл. учил. сов. при Св. Синодѣ. Ц. 5 к. Вѣсъ 4 л. 45.000 экз.

(Продолженіе на обложкѣ).

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1913 г.

ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЯТЫЙ

ИЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и воспоминанія.

СТРАН.

I. Изъ жизни инженера путей сообщенія. Л. Н. Любимова . . . . . 13—34, 217—253, 450—465

II. На Босфорѣ. Г. И. Бобрикова. . 35—47, 195—210

III. Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи Е. А. Альбовскаго. . . . . 48—54, 292—296

IV. Люди и нравы за полъ-вѣка. Н. Морозова . . . . . 55—79, 254—291, 396—421

V. Лѣтопись и мысли стараго педагога. Н. Якубовича. . . . . 124—139, 341—352

VI. Изъ воспоминаній стараго врача А. А. Синицына. Сообщ. Н. Д. Романовъ. . . . . 140—146

VII. Годы моей службы въ Варшавскомъ учебномъ округѣ и эпизоды учебнаго быта. (Воспоминанія педагога). В. Смородинова . . . . . 157—187, 297—302, 466—491

VIII. Вновь на р. Шпрее. Г. И. Бобрикова. . 387—395

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы.—Матеріалы и замѣтки.

		стран.
I.	Статьи, подлежащія напечатанію въ этомъ году.	1
II.	Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. 1810 г. Сообщ. Н. А. Вилламовъ. . . . . 5—12,	211—216
III.	Изъ переписки оренбургскаго военнаго губернатора гр. В. А. Перовскаго о Владимірѣ Ивановичѣ Далѣ. П. И. Цыпляева.	80—94
IV.	Матеріалы для біографіи высокопреосвященнаго Гавріила, митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго. Сообщ. Н. А. Лашковъ.	95—102
V.	Къ исторіи кулачныхъ боевъ на Руси. В. Лебедева. . . . . 103—123,	323—340
VI.	„Варшавскій дневникъ“ при князѣ Н. Н. Голицынѣ. И. И. Соневицкаго.	147—156
VII.	Рескриптъ Николаю Ивановичу Салтыкову 24 августа 1788 года. Сообщ. В. П. Федоровъ.	188
VIII.	Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 3 по 10 января 1912 г. . . .	188—191
IX.	Московскій митрополитъ Геронтій. Ѳ. Ильинскаго	303—322
X.	Послѣднія минуты жизни генерала-отъ-кавалеріи Ѳедора Петровича Уварова, участника Отечественной войны 1812 г. Сообщ. В. П. Федоровъ	353—354
XI.	Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 10 января по 17 апрѣля 1912 г.	355—384
XII.	Генералъ Моро на службѣ въ русскихъ войскахъ. Ал. Попова.	421—449
XIII.	Дневникъ поѣздки по Россіи въ 1841 г. А. А. Голомбіевскаго.	492—528
XIV.	Сто лѣтъ назадъ. Письма И. П. Оденталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ С. О. Долгова. . . .	529—537

СТРАН.

XV. Памяти двухъ русскихъ женщинъ: М. И. Ефимовой и Е. Н. Вороновой. М. Безобразовой . . . . . 538—540
XVI. Письмо прусскаго принца Вильгельма, впослѣдствіи императора германскаго Вильгельма I, къ своему брату, принцу Карлу, изъ Россіи передъ русско-турецкою кампаніей 1828 г. А. Станиславскаго. . . . 541—548
XVII. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 17 апрѣля по 30 іюля 1912 г. 549—572

Приложенія.

I. Три рисунка: Крушеніе Императорскаго поѣзда 17-го октября 1888 г., близъ станціи Борки, и планъ (при VII-й книгѣ).
II. Портретъ Льва Николаевича Любимова (при VIII-й книгѣ).
III. Портретъ генерала Моро (при IX-й книгѣ).

Библіографическій листокъ.

1. Князь Ѳедоръ Долгорукой. Родословная книга владѣтельныхъ домовъ. Спб. 1913 г. (на оберткѣ іюльской книги).

2. Нила Сорскаго „Преданіе“ и „Уставъ“, со вступительн. статьей М. С. Боровковой-Майковой. (Памятники древней письменности и искусства, CLXXIX, изд. Имп. Общ. любит. древн. письменности). Спб. 1912 г. (тамъ же).

3. Дневникъ Вѣры Сер. Аксаковой. 1854—1855. Редакція и примѣч. кн. Н. В. Голицына и П. Е. Щеголева. Спб. 1913. Изд-во „Огни“ (тамъ же).

4. Матеріалы по исторіи русскаго масонства XVIII вѣка. Выпускъ I. Изданіе В. Ѳ. Саводника. Масонскіе труды И. В. Лопухина. М. 1913 г. (тамъ же).

5. Э. О. Лишина, рожд. баронесса Вельо. Воспоминанія. Вольскъ. 1913 г. (тамъ же).

6. П. Ф. Унтербергеръ. Приамурскій край. 1906—1910, Очеркъ (Записки Имп. Русс. Геогр. Общества по отдѣл. статистики, т. XIII). Спб. 1912 г. (тамъ же).

7. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 17 по 24 января 1912 г. (тамъ же).

8. То же,—съ 3-го по 17-е апрѣля 1912 г. (на оберткѣ августовской книги).

9. То же,—съ 17-го апрѣля по 30-е іюля 1912 г. (на оберткѣ сентябрьской книги).

Депозитный фонд
Московской обл. библиотеки